У 2005
314 КЗ

Илиас Есенберлин

ЗОЛОТАЯ ОРДА

بسم الله الرحمن الرحيم

ІЛИЯС
ЕСЕНБЕРЛИН

ИЛЬЯС ЕСЕНБЕРЛИН

ЗОЛОТАЯ ОРДА

ФОНД ИМЕНИ ИЛЬЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА
г. Алматы, 1999 год

ББК 84 Каз7 — 44
Е 82

Есенберлин И.
Е 82 Золотая Орда: Роман-трилогия.—Алматы: Фонд им. И. Есенберлина, 1999.—
448 с.

ISBN 9965-01-246-6

Е $\frac{4702250201—01}{00(05)—99}$ ББК 84Каз7 — 44

ISBN 9965-01-246-6

© Оформление «Фонд им. И. Есенберлина», 1999.

Предисловие

Дорогие друзья! Вы держите в руках знаменитую историческую трилогию Ильяса Есенберлина «Золотая Орда», рассказывающую о периоде весьма далеких лет, и тем не менее, имеющем исключительно важное значение для развития этногенеза казахского народа и становления его будущей государственности.

Хотя монгольское нашествие отрицательно сказалось на общественном развитии народа Казахстана, возникли различные процессы регресса, затормозилась городская культура, тем не менее в период Золотой Орды впервые стали возможны интеграционные процессы, получило широкое взаимодействие и взаимовлияние носителей Евразийской степной культуры. Население Казахстана получило большую возможность общения с мусульманским Востоком, Европой, Китаем, стимулировались международные торговые связи.

Огромное значение в период Золотой Орды имело привнесение монголами идеи центральной власти, впервые стало возможным объединение ранее разрозненных племен, было введено степное законодательство.

Ильяс Есенберлин — впервые в казахской литературе сумел систематизировать отдельные исторические материалы сложнейшего периода расцвета и падения Золотой Орды. С эпическим размахом, отобразить реальный динамизм исторических событий, создать неповторимые образы людей Великой степи той эпохи.

Дорогие друзья! Рекомендуем Вам прочитать эту прекрасную книгу, раскрывающую неизвестные страницы нашей с Вами истории.

Общественный фонд им. И. Есенберлина

Книга первая

Шестиглавый Айдахар

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Бату-хан поднял голову и посмотрел в небо. Удивительно чистое, чуть поблекшее от полуденного солнца, оно было безбрежным и бездонным, как море, которое он видел в далекой молодости. Тогда его не знающие страха тумены[1] остановили своих коней у города Тригестума...

Давно это было. Так давно, что казалось далеким, полузабытым сном. Жизнь быстротечна. Время пролетело, словно стрела, выпущенная из тугого монгольского лука.

Бату-хан сощурил раскосые глаза. В синем разливе неба рядом с солнцем крохотной темной точкой парил орел, высматривая добычу. От напряжения заслезились глаза, и хан опустил лицо. Нет. Море он никогда бы не смог полюбить так, как любил степь. Бескрайняя и прекрасная, лежала она у его ног, и великая тишина стояла над ней. Ласковым ветром, напоенным свежестью родников и терпким запахом полыни, дышала степь. У подножья кургана, то появляясь, то пропадая в высоких ковылях, гонялся за кузнечиками самый младший, пятилетний сын Бату-хана — Барак. В красном чапане из бухарского бархата и в такой же красной шапочке — борике, отороченном шкуркой выдры, он был похож издали на живую капельку крови.

Бату-хан тихо вздохнул. Разморенная полуденным зноем, лежала под голубой чашей неба степь. «Что видит орел со своей высоты? — подумал он.— Какую добычу высматривает?»

Тяжело, всем телом повернулся Бату-хан в сторону реки. Здесь, на берегу великого Итиля[2], находилась его ставка. Красивым был город Сарай-Бату[3].

Торжественно и празднично сияли под солнцем золоченые крыши дворца. Сарай был похож на город орусутов Харманкибе[4], только немного меньше. И построили его самые лучшие мастера, вывезенные из земли орусутов, а ханский дворец возвели ромеи. Из белого мрамора, привезенного из покоренных земель, из крепкого, словно камень, дуба и звонкой бронзовой сосны, сплавленных с верховьев Итиля, строил свою столицу великий Бату-хан.

Город, поставленный силой камчи и золота, рос на глазах. Он был радостью и гордостью Бату. Сын кочевого племени, привыкшего не созидать, но разрушать, он испытывал какое-то необъяснимое, волнующее чувство, глядя на то, что творили искусные руки мастеров. И это же чувство заставляло быть щедрым, делать все, чтобы его город становился с каждым днем прекраснее. Разве не он, великий Бату-хан, велел покрыть причудливо изогнутые крыши молелен монгольских шаманов

Айдахар — сказочный персонаж из казахского фольклора (прим. редакции).

[1] Тумен — войско в десять тысяч человек.

[2] Итиль — Волга.

[3] Сарай-Бату — первая столица Золотой Орды на левом берегу Итиля, примерно в 140 км севернее Ходжи-дархана (Астрахани). Ныне близ этих мест находится поселок Селитряный.

[4] Харманкибе — монгольского название города Киева.

чистым золотом? Что есть такого, что пожалел бы он для своей столицы? Золото покоренных народов? Кровь рабов? Все щедро, с избытком давала его рука.

Но каждый год, как только на крутых боках степных увалов появлялись первые серебряные жилы ручьев и сквозь бурый войлок прошлогодней травы пробивались острые как пики зеленые стебельки, Бату-хан покидал свой дворец. В бескрайней степи вырастал другой город — город из белых шатров. И до глубокой осени, до той поры, пока дикие гуси в итильских протоках не начинали откалывать красными клювами и глотать звонкие льдинки первых заберегов, ни одной ночи не проводил он в стенах дворца.

Людская молва назвала эту временную ставку великого хана Белой Ордой. И с той поры все земли, начиная от Кипчакской степи на север, на запад и на юг, до тех пределов, куда смогло ступить копыто монгольского коня, получили название ханства Золотой Орды.

В год мыши (1240), в год, когда Бату покорил и разрушил Харманкибе, начал строить он свою столицу — город Сарай...

Это было семнадцать лет назад... А сегодня, глядя на свою ставку, Бату-хан вдруг впервые не ощутил привычного волнения. Тускло, без радости смотрели на мир его глаза. Великий Бату-хан, одно имя которого наводило ужас на племена и народы и заставляло дрожать полмира, был болен. С той минуты, как он впервые сел на коня, Бату не знал ни одной болезни. Раны, полученные в походах, заживали быстро, словно у степного волка. А в этот год, в год змеи, когда ему исполнилось пятьдесят шесть лет, великие силы Неба отвернулись от него. В Хорватии Бату был тяжело ранен, и наследники уже косились друг на друга, готовые сцепиться в схватке за право стать ханом Золотой Орды.

Но он победил смерть. Так ему тогда казалось, пока не почувствовал, что судьбу нельзя обмануть. Неведомая болезнь поселилась в теле Бату-хана. Никто не мог назвать ее имени. В бессилии отступали перед болезнью самые известные в степи знахари — бахсы, беспомощными оказались табибы и лекари, приглашенные из Китая, Ирака, Ирана и Рума.

Еще в прошлом году, полный сил и здоровья, Бату легко останавливал и валил на землю молодого быка, а нынче тело его сохнет, мышцы сделались вялыми и нет прежней силы в руках. Кто бы еще недавно, глядя на грозного Бату-хана, мог сказать, что придет время и он будет в одиночестве сидеть на кургане — сутулый и постаревший, похожий на сабу — кожаный мешок, из которого выпит весь кумыс? Кто из великих знал такую страшную и непонятную болезнь?

Бату-хан угасал медленно, и, вместе с тем как истаивало его тело, все сумрачнее казался ему мир. Все, что было интересно другим, что приносило им радость, становилось безразличным и ненужным для него. Душа больше ничего не жаждала: ни побед, ни крови врагов, ни далеких походов.

Крупные капли пота выступили на бледном лбу хана. Он с трудом поднял руку и вытер его ладонью. И вдруг вспомнилось ему далекое, то, что было тридцать лет назад, когда знаменитый его отец Джучи-хан, властитель Дешт-и-Кипчака, Хорасана и Ибир-Сибира [1] оставил этот мир. Тогда... Тогда сильно и звонко стучало сердце и кровь, горячая и быстрая, струилась по жилам. Жизнь казалась большим праздником, и поднимались, отодвигались в бесконечность горизонты над землями, которые он мечтал бросить под копыта своего коня.

Умирая, отец оставил Бату только улус Дешт-и-Кипчак. Через два года его подняли на белой кошме и он стал ханом Орды.

Неужели минуло с той поры тридцать лет? Прошедшие годы показались Бату-хану короткими, как дни. Тогда каждая победа переполняла его торжеством, а каждая покоренная страна казалась высокой горой, на которую удалось подняться.

---

[1] Ибир-Сибир — Сибирь.

Он хотел и все делал для того, чтобы быть похожим на своего великого деда Чингиз-хана.

Бату-хан попытался разбудить в себе прежнюю ярость и не смог — душа молчала. Он вдруг с горечью подумал, что полмира, которые сегодня принадлежат ему, наверное, не стоят и медной монеты нищего дервиша, если нельзя откупиться от смерти или хотя бы отодвинуть ее срок. Звериный страх перед неизбежным охватил хана, и он закрыл глаза.

Где-то в небе, сильный и свободный, продолжал парить орел, и, по-прежнему беззаботный и счастливый, гонялся за кузнечиками маленький Барак. И тогда Бату-хан пересилил себя. Ему ли, великому, не знающему страха, бояться того, что предопределено Небом? Он посмотрел туда, где играл сын. Обескровленные губы хана тронула слабая улыбка, и в тусклых серых глазах зажглась искорка света. Барак — последняя радость Бату-хана. Четыре сына было у повелителя Белой Орды: Сартак, Токту-хан, Аюхан и Улакши. Трое стали воинами, и только Улакши еще не ходил в походы и не управлял ни одним улусом, но и он уже принимал участие в конских скачках и заглядывал к девушкам-рабыням.

Мать старшего сына — Сартака — была дочерью знатного ойротского бека. Остальные жены принадлежали к различным родам, в основном к общине кипчаков, и исповедовали ислам.

Он любил брать в жены девушек из покоренных племен и народов. Обновление постели, считал хан, заставляет играть кровь и возвращает молодость. И когда ему исполнилось пятьдесят лет и когда он уже все реже и реже стал переступать порог шатров, где жили его жены, случилось чудо. В последнем своем походе, в горной долине, он встретил девушку из племени хорватов. Она вышла из чащи нежданно-негаданно — стройная, с лукошком, полным грибов. Девушка оказалась так близко от хана, что в ее расширенных от страха, глубоких, как озера, глазах, он увидел себя точно в зеркале.

Бату и раньше видел девушек из этого племени, но, как и все остальные, они не будили в нем ничего, кроме желания обладать ими. Но в этой было что-то такое, чему и сейчас хан не мог найти объяснения.

Он велел схватить ее и увезти в ставку. После его воины отыскали родителей девушки, и хан разрешил оставить им жизнь, считая это платой за их дочь.

Непонятное творилось с повелителем Золотой Орды. Бату-хан, никогда и никого не любивший, почувствовал вдруг, что с ним что-то происходит. Незнакомое чувство властно влекло его к девушке, влекло, несмотря на то, что она отвечала ему ненавистью. Девушка пыталась бежать, приняла яд, но охрана, слуги, специально приставленные к ней женщины — сахи — не дали ей умереть. Бату-хан овладел ею силой.

Через девять месяцев и девять дней новая жена родила хану Барака. И с этого момента ей захотелось жить. Она больше не искала смерти. Но судьба распорядилась по-иному. Одна из младших жен, никогда не знавшая счастья материнства, подкупила повитуху, и та сделала так, что роженица умерла.

Велико было горе Бату-хана. В ярости он велел изрубить виновных и бросить их трупы в степи. Но Бату не был бы внуком Чингиз-хана, если бы позволил себе расслабиться. Он знал — нет в подлунном мире ничего более неверного, чем судьба. Она похожа на кучевые, вечно клубящиеся облака, и никогда не знаешь — осветит ли тебя солнце, или накроет их тень. Туманным, неясным было и будущее Барака. Никто не мог бы сказать, чья ненависть и чья милость падут на него. Жизнь в степи полна неожиданностей — зависти, коварства, предательства. Яд и нож решают здесь многое.

К юному хану были приставлены самые верные, самые преданные телохранители. Мальчик рос крепким, здоровым. Наступило время, когда он произнес первые слова, и с той поры Бату стал все чаще навещать его. Хан брал мальчика на колени, и лицо его, суровое, обожженное солнцем и исхлестанное ветрами дальних походов,

светлело. И это тоже было незнакомо ему. Всегда равнодушный к детям, всегда подозрительный и жестокий, занятый войнами и распрями, Бату преображался, когда видел Барака. Шли годы, и мальчик все больше становился похожим на мать. И в гневе он был таким же, как она,— упрямым, яростным. Бату прижимал сына к груди и, по монгольскому обычаю, лаская его, нюхал лоб. Острый детский запах непривычно волновал хана. И все чаще стала появляться пока еще смутная мысль, что Барак со временем мог бы стать наследником, повелителем созданной им Золотой Орды. Бату не мог объяснить, откуда идет эта уверенность, но в юном хане было что-то такое, что заставляло так думать. Особенно окрепла эта мысль, когда Бату-хан понял, что дни его сочтены. Но он знал, что мечте его не дано осуществиться. Слишком мал и уязвим Барак, чтобы устоять в этом жестоком и коварном мире, где в погоне за властью брат не задумываясь прольет кровь брата.

Хан подумал, что, быть может, сына следовало назвать Кипчаком или Орусутом — по имени тех народов, которые Батый покорил. Древний монгольский обычай повелевал давать новорожденному имя врага. Это была добрая примета, потому что мальчик к тем годам, которые отпускала ему судьба, получал годы, прожитые врагом, и жизнь его становилась долгой. Если бы пожить еще хоть немного, дать сыну возможность окрепнуть, расправить крылья, закалить его волю и научить быть беспощадным к врагам. Если бы...

Бату-хан снова поднял к небу лицо. Орел все так же парил в безоблачной синеве, но теперь он был ближе к земле, и уже были видны его огромные крылья, похожие на могучие руки с растопыренными пальцами. И вдруг страшная мысль поразила хана. Он понял, что высматривала кровожадная птица в густых ковылях. Глаза Бату-хана метнулись к подножью кургана, туда, где, беспечный и счастливый, играл его сын. С диким, хриплым криком вскочил он на ноги, но орел опередил его. Сложив крылья, птица камнем ринулась к земле, туда, где мелькал красный чапан Барака.

— Сюда! Сюда!..— рычал Бату-хан. Задыхаясь, спотыкаясь о камни, он бежал к Бараку, широко раскинув руки.

Черная птица тяжело оторвалась от земли, сжимая в когтях красный живой комочек, и пронзительный крик сына, полный боли, отчаяния и ужаса, ударил в уши Бату-хана. Он больше не мог бежать. Безумными глазами смотрел, как все выше и выше уходит в небо орел и как бьется в его железных когтях тельце сына, похожее с земли на маленькую капельку крови.

Бату-хан, железный Бату, с самого рождения не знавший жалости ко всему живущему на земле, тихо плакал. Он, привыкший посылать на смерть тысячи людей, получавший наслаждение оттого, что земля становилась красной от крови, понял, что смерть — это мука, смерть — ни с чем не сравнимая боль. Огонь пожарища, вопли побежденных, умирающих под не знающими пощады монгольскими мечами, картины, от которых могли бы подняться дыбом волосы, всегда доставляли ему радость. В этот миг они словно заново пронеслись перед его мысленным взором, и страшная дрожь сотрясла все его тело. Неужели смерть сына — это предначертание судьбы, рок, от которого не уйти и который все равно настигнет, кем бы ты ни был — простым воином или повелителем Золотой Орды? Достаточно было одного движения руки Бату, и рушились города и покорялись страны. Сегодня под рукой не оказалось простого лука и одной стрелы, чтобы спасти сына. Впервые за всю свою жизнь суровый Бату-хан ощутил любовь и нежность к живому существу, но судьба настигла его в образе черного орла и отняла радость. Рок неумолим, и нет такой силы, которая бы могла остановить его.

Бату представил, как терзают тело его сына кривые когти орла, и от бессильной ярости заскрипел зубами. Что мог сделать он, великий и могучий хан, против судьбы?

Перед глазами вдруг всплыла картина двадцатилетней давности. Его тумены, состоявшие из кэшиктэн [1], осадили небольшую крепость маленького горного племени. Мужчины погибли в неравной схватке, и крепость обороняли только женщины. Они умирали от ран, голода и жажды, но не открыли ворот. В горы пришла осень, и пора было уводить тумены в степь, а крепость оставалась неприступной. И тогда Бату-хан пошел на хитрость. Он велел сказать ее защитницам: «Сдавайтесь. Мы убьем вас, но не тронем ваших детей».

Их было всего сто, защитниц крепости,— израненные, полуживые, они были непобедимы, потому что силы им давала любовь к детям. Ради детей они поверили хану. Но Бату не сдержал слова. На глазах матерей его воины изрубили детей кривыми монгольскими саблями. Сердце Бату не дрогнуло в тот миг. Он равнодушно смотрел, как лилась кровь, слушал страшные крики, и зарево пожарища играло в его зрачках. Эта жестокость поразила даже монголов. Воины шептали: «Жив еще Чингиз-хан. Его дух переселился в Бату».

Да, Бату-хан всегда был жесток и беспощаден. Тогда сто женщин были бессильны перед Бату — судьбой, сегодня он, непобедимый владыка, оказался бессильным перед судьбой в образе орла.

Хан считал, что жизнь — это борьба, и потому справедливо, что побеждает в ней сильный. Вчера таким был он сам, а сегодня сила оказалась за черным орлом. Так было, так будет всегда. Иной не представлял Бату себе жизнь, и потому одной из первых была мысль о мести. С того момента, когда он увидел солнце и степь, хан знал — врага нельзя щадить. Порой ему казалось, что все это вошло в него с молоком матери, и потому Бату всегда и повсюду был безжалостным к тем, кто вставал на его пути или стремился посягнуть на его честь. Только кровь могла искупить кровь. Иные решения были ему неведомы. Только когда Бату собственными руками убьет черного орла и напьется его горячей крови, только тогда будет отомщен Барак. Хан был сыном степи и знал повадки орлов. Проклятая птица рано или поздно вернется туда, где однажды нашла добычу.

О страшной смерти Барака Бату-хан не сказал никому. Народ, привыкший к его величию, веривший, что хану помогает само Небо, не должен был знать, что с внуком Чингиз-хана может случиться то же, что и с обычным смертным. Да и враги обрадуются, разнесут по всей земле весть о его горе.

В ставке никто не решился спросить, куда исчез мальчик. Сотня личных телохранителей хана, видевшая все издали, в эту же ночь была отравлена колдовским настоем. Бату действовал по завету, оставленному Чингиз-ханом: «О ханской тайне не должна знать ни одна живая душа».

Как и прежде, ежедневно он занимался делами Орды: принимал послов, отдавал приказы. Казалось, близкая смерть не пугала его. Хотя каждый, кто имел глаза, видел, как все более немощным становится тело Бату-хана. Немигающие, похожие на дедовские раскосые глаза его, всегда грозные, сделались теперь мутными и тусклыми.

Лишь после полудня, покончив со всеми делами, Бату надевал красный чапан и шапку, отороченную выдрой,— такие же, как носил Барак,— и уезжал в степь к заветному кургану. Телохранители следовали за ним на почтительном расстоянии, боясь потревожить хана. Иссушенный болезнью, маленький и слабый, он медленно ехал по степи, и здесь, где никто не мог видеть его лица, к нему снова возвращались тяжелые и мрачные мысли. С каждым днем он все меньше боялся смерти и все дороже становился ему каждый прожитый миг. Месяц назад тибетский лекарь, присланный великим ханом Каракорума Менгу, чтобы лечить Бату, сказал: «Высокочтимый хан Золотой Орды, в подлунном мире нет такого лекарства, которое бы

[1] Кэшиктэн — гвардейцы (монг.).

могло вылечить вашу болезнь. Человек покидает этот мир, когда из двадцати частей воды, которая есть в его теле, остается лишь одна. С этим ничего не поделаешь. Кровь становится густой, и никакие радости мира уже не заставят ее бежать по жилам. Сколько вам осталось жить — я не знаю. Все в руках Неба».

Они сидели в шатре одни, а Бату-хан, прикрыв глаза тяжелыми веками, слушал тихие слова лекаря. И ничего, кроме горечи, не было в этот миг у него в душе. Он никому не рассказывал об этом разговоре, но помнил о нем постоянно.

Конь хорошо знал привычный путь. Он легко поднимал Бату-хана на вершину кургана. Хан отпускал коня, и тот уходил в степь, туда, где на расстоянии полета стрелы прятались в высоких травах телохранители. Один Бату знал, зачем он приезжает сюда каждый день. Хан ждал орла. Для этого он надевал красный чапан, для этого прятал под его полой острый меч. Бату верил, что птица ошибется и примет его иссушенное болезнью тело за тело ребенка.

Пристально оглядев небо, хан садился на камень и терпеливо начинал ждать. Болезнь отняла у него силы, но разум по-прежнему был светел. Близкий уход тревожил Бату-хана. Он не мечтал о чудесном исцелении, а думал о будущем созданной им Золотой Орды. Он должен был оставить потомкам заветы, которым бы они вняли,— и каждый бы помог им не уронить остов великого ханства. Предстояло научить их, несмотря ни на что, оставаться судьбой, карающим мечом для покоренных народов.

Потомки... Человек приходит в жизнь и уходит из нее. У потомков своя судьба, свой путь, и, быть может, о них не стоит тревожиться? Великий дед Чингиз-хан когда-то сказал ему: «Всю свою жизнь я мечтал лишь о двух вещах. Первой — чтобы росла бесконечно моя слава, и второй — чтобы слава не оставила моих потомков и они всегда правили бы другими народами».

Бату-хану вдруг вспомнился разговор деда с одним из его военоначальников — Боракулом.

— Что тебе дорого в этом мире? — спросил Чингиз-хан.

— Жизнь,— ответил Боракул.

— А чем ты сможешь доказать это?

— Благодаря великому из великих Чингиз-хану я стал сейчас одной из девяти главных опор, поддерживающих верхний круг остова Великой Орды,— заметил Боракул.— С плеча великого хана надел я горностаевую шубу, прошитую золотыми нитями, женился на тридцати девушках, превосходящих красотою друг друга, получил в управление улус и бесчисленные стада скота... Но я стал стар. Мне теперь ближе могила, чем почетное место. И если бы всевышний спросил меня: «Согласен ли ты, отказавшись от славы, достигнутого счастья, вернуться в пору молодости, когда был лишь простым пастухом? — я согласился бы, не раздумывая.

— Верно говоришь,— сказал Чингиз-хан.— Нет ничего на свете дороже жизни...

— А ты бы мог поступить так? — спросил его тогда Боракул.

Чингиз-хан надолго задумался, потом сказал:

— Нет. Я бы не смог. Тебе легко оставить славу, счастье, почет, потому что у тебя нет детей. У меня же четыре сына, и все они цари, каждый внук — хан, да и правнуки уже начали сами седлать коней... Благодаря им моя слава становится крылатой. Если бы всевышний вернул мне молодость, то кто знает, сумел бы я снова дать им то, что каждый из них имеет? Я ведь жил, боролся, проливал кровь непокорных не только ради себя. Нет. Я никогда не смогу решиться начать все сначала. Пусть лучше будут долгими и удачными дни моих потомков. Только тогда я буду много раз рождаться заново — в каждой их победе, в каждом шаге вперед. Дети — продолжение моей жизни. Если их слава сделается вечной, то и я не умру никогда. А разве это не самое большое желание для человека?

Так говорил великий и мудрый Чингиз-хан с Боракулом...

Тяжкая истома овладела всем телом Бату-хана, клонило в сон. Он втянул голову в плечи и, казалось, задремал. Но это только казалось. Не затем приходил на курган Бату...

Среди семнадцати сыновей Джучи самым могущественным был Бату-хан. По положению и славе стояли вслед за ним старший из братьев — Орду и младший — Берке. Остальные же управляли обычными аймаками — округами.

Еще в те времена, когда Бату поднял над землями Дешт-и-Кипчак знамя Золотой Орды, он помог старшему брату превратить обычный улус Ибир-Сибир в ханство. Оно получило имя Синей Орды. Другие сыновья Джучи тоже правили покоренными народами, владели бесчисленными стадами скота, но ни один из них не поднялся до звания хана. По могуществу и славе среди всех внуков Чингиз-хана с Бату могли сравниться только хан Северного Китая — Кубылай и хан Кавказа, Азербайджана, Рума, Ирана и Багдада — Кулагу. Но ни один из них не покорил столько народов, такого пространства, как Бату-хан. Их владения, по сравнению с владениями Золотой Орды, были похожи на шкуру овцы рядом со шкурой быка. В далеком Каракоруме, сменяя друг друга после Чингиз-хана, правили монгольским ханством Угедэй и Гуюк, а совсем недавно на белой кошме подняли Менгу. Бату-хан был равнодушен к родине предков. Он создал Золотую Орду сам, и все помыслы его были здесь.

В чем была причина удачи Бату-хана? Люди объясняли это тем, что с самой юности Бату свято чтил заветы предков. И если другие потомки Потрясателя вселенной часто предпочитали руководить набегами и походами из ставок, то Бату всегда шел впереди своих туменов. Управляя Золотой Ордой, он никогда не носил одежд из шелка, не украшал себя золотом — он жил так же просто, как и его великий дед. Летом на нем были чекмень из верблюжьей шерсти, на голове кипчакский борик, отороченный белкой, тело защищал нагрудник из шкуры жеребенка. С наступлением зимы Бату надевал темно-коричневый полушубок или волчью шубу и шапку — тымак из густого корсачьего меха.

И то, что хан вдруг начал носить нарядную одежду, поразило всех. Визири, нойоны, нукеры считали, что во всем виновата болезнь. Каждый догадывался — жить Бату-хану осталось немного, но никто не решался говорить об этом вслух, никто не решался спросить, что же будет дальше с каждым из них. А Бату-хану рано или поздно предстояло это сказать. Он помнил об этом и потому, отправляясь однажды на курган, взял с собой младшего сына — Улакши, рожденного от жены из рода тайжигут. Улакши, несмотря на молодость, был высокого роста, горбоносый, скуластый и походил скорее на иранца, чем на монгола.

Конечно, в эти тяжкие для него дни Бату следовало бы говорить со старшим сыном, потому что именно он, по законам Чингиз-хана, должен был унаследовать власть в Золотой Орде — он опора Бату-хана. Но Сартака не было в ставке. Из-за своей болезни хан отправил его вместо себя на великий курултай в Каракорум.

Улакши, как младшему, по обычаю, предстояло стать хранителем очага в доме Бату. Так предписывал Чингиз-хан. Но этот порядок соблюдался не всегда. Его потомки унаследовали от деда волчьи повадки, и потому чаще побеждал тот, кто сильнее, а не тот, кто имел право. Законный наследник порой становился добычей более хитрого, коварного и сильного.

Бату-хан все это хорошо знал, но до семи лет он воспитывался в Монгольской Орде деда и потому поступал так, как велел Чингиз-хан. Сартаку предстояла нелегкая борьба за власть, и Бату не без умысла послал его в Каракорум, надеясь, что он многому сможет там научиться из того, что потом пригодится, когда станет ханом Золотой Орды.

Улакши не Сартак, и все же он сейчас ближе всех для хана. Кто знает, продлятся ли дни Бату до той поры, когда вернется старший сын? Это известно одному Небу.

Они поднялись на курган, и Бату, сощурив свои раскосые глаза, долго в задумчивости смотрел в степь, потом сказал:

— С той поры, как наследник хана начинает сам садиться на коня, он уже не считается ребенком. Ты стал взрослым, сын, и потому нам надо поговорить с тобой,— Бату помолчал. Поймет ли его Улакши, сможет ли потом пересказать братьям то, о чем он сейчас услышит? — Я уже стар и болен. Пришла пора оглянуться на пройденное и подумать о том, что я успел сделать, а что — нет. И все ли вышло так, как было задумано, или ничего не получилось. Ты будущий хранитель очага. Иди садись рядом.

Улакши сел на каменную плиту у ног отца.

— Орел всегда охотится на то, что видел в детстве. Так было и со мной. Семь лет я прожил у деда Чингиз-хана. Однажды он посадил меня на луку своего седла и привез на место битвы. Вся степь, насколько хватал глаз, была устлана трупами врагов, павших под ударами дубин и сабель монгольских воинов. Чингиз-хан ничего не сказал. Он только посмотрел мне в глаза и увидел, что они блестят. А я мечтал стать таким же смелым и беспощадным, как наши багатуры, и научиться так же, как они, убивать врагов. Дед иногда давал мне советы. Три из них стали яркой звездой, которая освещала мой путь во тьме ночи, именуемой жизнью. Во время кровавых, сокрушительных походов советы Чингиз-хана грели мое сердце, давали уверенность и силу.

Однажды он сказал мне: «Если стаю собак возглавит тигр, то со временем собаки превратятся в стаю тигров. Если же во главе тигров окажется собака, то пройдет немного времени — и тигры превратятся в свору собак».

Я долго не придавал значения этим словам деда, пока под копытами монгольских коней не пала великая степь Дешт-и-Кипчак. Мы покорили ее народ, но я вдруг заметил, что с каждым годом мои воины все чаще стали брать себе в жены местных женщин и перенимать кипчакские обычаи.

Вот когда мне сделались понятны слова Чингиз-хана, и я захотел стать тигром, чтобы не превратиться в собаку. Нас, монголов, было мало, и, чтобы удержать в повиновении народ, я стал приближать к себе лучших из кипчаков. Им нельзя было отказать в смелости, но, для того чтобы побеждать, они должны были сделаться такими же жестокими, как мои монголы.

Недаром народ говорит, что, кроме перелома костей, все болезни заразны. Мне удалось сделать так, как я хотел. Теперь уже кипчаки помогали нам управлять их народом. Страх превратил кипчакских воинов в смельчаков, а тех, кто не хотел следовать по нашему пути, мы уничтожали. У меня появилось большое войско, устроенное по подобию войска Чингиз-хана, и с ним я смог пойти на булгар, карлуков, гузов, аланов и на другие народы...

— Но ведь собака, превращенная в тигра с помощью кнута, могла затаить злобу. Что помешает ей, почувствовав себя тигром, показать клыки?..— задумчиво сказал Улакши.

Бату чуть заметно улыбнулся. Ему нравилось, что сын думает над услышанным. Кто знает, может быть, Улакши повезет и он станет когда-нибудь неплохим ханом.

— Ты прав. Такое может случиться... Но чтобы все оставалось так, как ты хочешь, есть еще одно средство. Вспомни слова, сказанные Чингиз-ханом служившему ему с юности верой и правдой Джалме-нойону:

— При моем рождении и ты родился,
При моем возмужании и ты мужал.
Благородного рода, в колыбели собачьей,
Счастливый, превосходный мой Джалме!

Кроме этих слов, он подарил своему нойону право совершить девять проступков и не быть за них наказанным.

А что сказал мой дед Торган-Шире человеку, который спас его в молодости от врагов? Он сказал: «Пусть земля меркитов вдоль реки Селенги станет твоим кочевьем. Отныне она будет принадлежать твоим потомкам и потомкам твоих потомков». Чингиз-хан умел не только покорять, но и находить путь к сердцам преданных ему людей. Он был для них щедр на доброе слово и не скупился, награждая.

Я поступал так же. Лучшие воины получали от меня самые большие куски шелка, и в их ладони я сыпал больше золота. Род или племя, отличившиеся перед Ордой, получали лучшие выпасы для своего скота и лучшие места кочевок.— Бату-хан задумался.— Человек бессилен не только перед насилием. Он будет лизать тебе пятки, если ты сумеешь держать его благополучие в своих руках...

Бату-хан умолк, перевел дыхание, вытер испарину со лба. Ему трудно было говорить.

— В другой раз дед сказал мне: «Простой народ уважает и восхваляет того, кого он боится. Если хочешь, чтобы имя твое знал весь мир, не жалей никого: уничтожай, режь. Чем больше погибнет людей по твоей воле, тем большей будет твоя слава».

Улакши опустил голову. Бату усмехнулся:

— Зачем прячешь глаза? Или ты вспомнил о том, что ответил на эту мудрость деда Букенжи-кази?

Мальчик кивнул.

В Золотой Орде все знали эту историю. В год, когда тумены монголов впервые пришли в Хорасан, к ним в плен попал кази [1] Бахиддин Букенжи. Чингиз-хан, пораженный широтой его знаний, даровал ему жизнь и оставил подле себя. Он любил слушать рассказы кази об обычаях и нравах в различных странах. Однажды Потрясатель вселенной сказал своим друзьям: «Я вырезал много народов, поэтому и прославился на весь мир. Слава моя возрастет еще больше, если я не оставлю в живых никого».

Кази, услышав эти слова, попросил: «Великий хан, если вы подарите мне жизнь, я посмею возразить вам».

У Чингиз-хана было хорошее настроение, и он пообещал не казнить Букенжи.

«Великий хан! — сказал кази.— Если вы и ваше войско уничтожат все народы, то кто же будет прославлять ваше имя?»

Чингиз-хан уставился на Букенжи неподвижными холодными глазами и вдруг засмеялся: «Я завоевал пока только полмира, и еще остались те, кто будет меня славить».

— Дед мой был мудр,— сказал Бату.— Он всегда хорошо знал то, о чем говорил. К завоеванным им землям я присоединил новые, но и я не смог истребить все народы. И на вашу долю хватит дальних походов и кровавых битв.

— Отец, но и ты не всегда и не все делал так, как завещал Чингиз-хан.

— Да.— сказал Бату.— Не все. Я не дарил никому из друзей своих жен. В этом Бату-хан не смог стать таким, каким был его великий дед...

В свое время Потрясатель вселенной покорил два рода — меркит и найман. Предводители этих родов были обезглавлены. Печальной участи избежали только кереи. Их властитель Жаха-Гамбу отдал Чингиз-хану в жены свою красавицу дочь Ибахан-бегим. Табуны лошадей, караваны с дорогими шелками, золотой и серебряной посудой и двести рабов прибыли вместе с ней в ставку Чингиз-хана. Казалось бы, заключен прочный и долгий мир. Но Жаха-Гамбу нужна была только передышка, и прошло совсем немного времени, как он выступил против монголов. Преданный Чингиз-хану нойон Журшатай обманом завлек его в ловушку и отрубил изменнику голову. Он же помог разгромить кереев и в битве с ними спас великому Чингиз-хану жизнь, прикрыв его собственным телом.

Чингиз-хан остался доволен поступком Журшатая и подарил ему свою жену Ибахан-бегим. При этом он сказал: «Если напал враг — встреть его, вырыв яму. Если рядом с тобой друг — не пожалей для него куска мяса из своего тела».

---

[1] Кази — духовное лицо у мусульман, судья.

Именно об этом думали сейчас отец и сын.

Улакши упрямо тряхнул головой.

— Наш великий предок дарил жен не только тем, кому был обязан жизнью. Ведь Кактай-нойон не совершил того, что совершил Журшатай?

— Да. И такое случалось. Твой предок был властителем вселенной, и потому любой проступок украшал его. Я знаю об этом случае... Дело было так. Во время борьбы с родами керей и тайжигут Кактай-нойон перешел на сторону Чингиз-хана. Больше за ним не было никаких заслуг. Даже в битве с Ван-ханом, когда мой дед обратился к нему за советом, он промолчал, поглаживая гриву своего коня. Вот и все достоинства этого человека.

Но вскоре Чингиз-хану приснился страшный сон, будто тело его обвила огромная пятнистая змея. Змея сказала человеческим голосом: «Если не отдашь жену — проглочу».

Чингиз-хан верил шаманам и знахарям и умел толковать сны. Утром он увидел, что рядом с ним лежит прекрасная, как лебедь, Абике-бегим. Совсем недавно сделал он ее своей женой. Хан разбудил ее. «С тех пор как я взял тебя в жены, душа моя пребывала в покое и радости. Но ты не должна обижаться. Я увидел плохой сон и обязан тебя кому-нибудь отдать».

Абике-бегим знала — хан ничего не повторяет дважды. Опечаленная, она сказала: «Пусть будет так, как велишь ты. Пусть радость проведенных вместе дней останется с нами. Позволь мне взять с собой только золотую чашу, из которой я пью кумыс, и преданную мне служанку по имени Конатай».

Чингиз-хан согласился и позвал стражу.

«Кто сегодня несет караул?» — спросил он.

«Я»,— ответил Кактай-нойон.

«Свою жену, Абике-бегим, я дарю тебе».

Нойона слова эти бросили в дрожь.

«Не бойся,— властно сказал Чингиз-хан.— Я говорю всего один раз, и всегда правду».

Повинуясь властному взгляду хана, Абике-бегим перебросила косы на грудь. Так уж было заведено у монголов, что, когда женщина выходила замуж, она делила свои волосы на две равные части. Это означало, что отныне половина ее жизни принадлежит мужу. Если же женщина поступала так, как это сделала сейчас Абике-бегим, она навсегда расставалась со своим любимым.

— Наш бесстрашный предок боялся плохих снов... Странно... Ни разу не дрогнув, он завоевал полмира.

Бату-хан печально покачал головой:

— Как мало ты еще понимаешь, сын. Если у человека впереди большая цель, то в молодости он не думает о смерти. Когда же наконец исполняется его мечта, а у порога стоит старость — для человека становится бесценным каждый оставшийся день. Люди ценят только то, чего им не хватает.

Улакши вдруг понял, что могущественный, бесстрашный отец боится смерти. Очень боится. Он не нашелся что сказать ему в ответ, и над курганом повисла гнетущая, тяжелая тишина.

Нарушил молчание Бату-хан.

— Мы научились у деда покорять страны, а властвовать, управлять ими вы должны учиться у нас,— сказал он.— Только в этом случае потомки Чингиз-хана смогут держать разноязычные народы в крепкой узде и заставят упасть на колени весь мир.

— Значит, наш дед ни у кого не учился? — спросил Улакши.— Выходит, мы идем дорогой, проторенной им одним?

— Да. Этот путь проложен им,— твердо сказал Бату.— Разрушить и сровнять с землей города, вытоптать посевы и сады хотел он для того, чтобы превратить все земли

в огромное пастбище для монгольских коней. Это была его великая мечта. Ради нее Чингиз-хан не щадил никого, заливая мир кровью. Он презирал тех, кто жил в городах. Настоящие люди — только монголы. Им должен принадлежать весь мир, а они должны подчиняться только одному человеку. Ради этой цели Чингиз-хан железной рукой объединил все монгольские племена и был беспощаден ко всем, кто вставал на его пути. Это же он завещал и нам. Ты спрашиваешь, учился ли у кого-нибудь мой дед? Да. Он не стыдился это делать, если опыт других мог помочь в достижении цели.

— Кто был для него достойным учителем?

— Китайские мудрецы рассказывали ему, как вел свои войны Искандер Зулкарнайн [1], который, подобно Чингиз-хану, завоевал полмира. В армии Искандера не было, как у нас ахурука [2], но чтобы показать, что завоеванные земли принадлежат ему, он в каждой новой стране оставлял воинов, достигших сорока лет. Воины обзаводились семьями, строили дома и устанавливали порядки, предписанные Искандером. Наш дед перенял этот опыт. Покоряя города, он тоже оставлял там своих воинов, но, в отличие от Искандера, вместе с женами и детьми, которые следовали за войском в обозе. Утвердившись на новых землях, они диктовали покоренным народам монгольские законы и превращали пространство, завоеванное Чингиз-ханом, в земли монголов. И еще... Как и римские властители, он создал высший совет Орды и назвал его «Девять орликов» [3]. Если сам Чингиз-хан был золотым столбом, поддерживающим шатер Орды, то орлики — это девять серебряных опор, на которых покоился свод шатра. В совет входили достойнейшие из достойных. Мудрость их и доблесть были известны всем. Кроме специального дня, в который собирался совет, каждый из девяти орликов имел свой день и час для беседы с властителем вселенной. Чингиз-хан не ввел в совет ни одного родственника. Он считал, что представитель родной крови не может быть умнее его самого. Наш дед никогда не враждовал с тем, кто стоял ниже его по богатству и славе. Если такой человек мешал ему, он поручал кому-нибудь из нойонов умертвить непокорного, а чаще старался сделать его другом. «Если не совершишь насилие над менее знатным, чем ты, человеком, то он будет стремиться дружить с тобой, а не враждовать»,— говорил Чингиз-хан...

Бату вздрогнул. Зоркие глаза его различили в знойном степном мареве крохотную точку. Он не мог ошибиться. Это возвращался к кургану орел, которого он ждал столько дней. Сердце Бату-хана замерло, потом застучало сильно и быстро. Близился час мести...

— Улакши,— тихо сказал он,— что говорят в Орде о Бараке?

Сын выжидательно посмотрел на отца, но лицо Бату-хана не предвещало гнева.

— Люди говорят, что Барака утащил орел...— Улакши помедлил.— Люди говорят — с Бату-ханом не мог справиться весь мир, и только птица осмелилась принести ему горе...

Бату побледнел. Сердцем он чувствовал, что в Орде все равно знают правду о смерти сына, но верить в это не хотел. Выходит, напрасно велел он убить сто воинов, видевших, как орел утащил Барака, выходит, правильно говорят в народе, что правда — это кинжал и ее не спрячешь в мешке. Вдруг шевельнулась мысль, что смерть сына — это, быть может, возмездие за безвинно пролитую кровь. Мысль эта вспыхнула и тут же погасла, как искра, улетевшая во мрак ночи.

— Дальше...— сказал Бату-хан, чуть повернувшись в сторону Улакши.

— Люди говорят: смерть Барака — это месть Неба за то, что Бату-хан решил нарушить закон своего великого деда.

Бату долго молчал.

— Да, это так...— наконец сказал он.

---

[1] Искандер Зулкарнайн — Александр Македонский.

[2] Ахурук — специальный семейный караван, следующий за войском.

[3] Девять орликов — девять величин.

Глаза Улакши блеснули.

Хан словно не заметил этого.

— Моя вина не в том, что я пожелал жить до тех пор, пока не подрастет Барак и не заменит меня, хотя по праву ханом Золотой Орды должен быть Сартак... Я думал, что безразлично, который из сыновей займет мой трон, лишь бы росла слава Орды и подлунный мир по-прежнему трепетал перед грозным монгольским мечом... И здесь я не ошибся... Моя вина совершенно в ином...

— В чем? — нетерпеливо спросил Улакши.

Бату-хан сделал вид, что не обратил внимания на резкость сына. Времени на обиды и поучения не оставалось. «Будущее принадлежит ему,— подумал хан,— и сыну надо рассказать то, что пригодится завтра. Он не должен повторять ошибки тех, кому пришло время уйти».

— Моя вина в другом... Мы, потомки Чингиз-хана, должны думать о том, чтобы постоянно росло и крепло великое монгольское ханство, созданное нашим дедом. И если хотим, чтобы аруах — дух монголов и дух Чингиз-хана — всегда был с нами, мы не должны сажать на ханский трон сына, рожденного от дочери завоеванной страны.— Бату-хан помолчал.— Хан, вскормленный молоком женщины из побежденной страны, однажды может встать на сторону народа, покоренного его отцом. И если Небо когда-нибудь захочет разрушить Орду, то гибель ее начнется именно с этого... Я знаю это, я вижу это... Моя вина перед духом великого Чингиз-хана состоит в том, что я нарушил его завет и, поддавшись отцовской любви к Бараку, захотел вручить судьбу Золотой Орды сыну, рожденному от дочери врага. Но теперь грозная сила, по имени справедливость, приняв облик черного орла, исправила мою ошибку...

Улакши упрямо наклонил голову.

— Если великий хан считает смерть Барака справедливой, то почему...— он замолчал, боясь отцовского гнева, но все-таки пересилил свой страх и продолжал: — Почему тогда, надев яркие одежды, вы стараетесь привлечь внимание кровожадной птицы?

— Кто сказал, что я защитник справедливости? — Кожа на сморщенном лице Бату натянулась, подобие улыбки тронуло бледные губы.— Если ты хочешь диктовать миру свою волю, ты не должен вспоминать о справедливости. Это недостойно потомка Чингиз-хана. Если хочешь властвовать, то должен помнить, что есть на свете только одна настоящая сила и ее надо беречь в себе и не давать потухнуть, как костру, который согревает твое жилище. Имя этой силы — месть. Человек, не знающий чувства мести, похож на глину, которую легко мять. Ты не должен оставлять что-либо неотомщенным. И не важно, кто твой враг: человек ли, зверь ли, птица... Умение мстить — признак величия и силы...

Улакши облегченно вздохнул:

— Прости отец, если я возвысил голос...

— Мне сейчас все равно, как ты будешь говорить... Я взял тебя сегодня на этот курган для другого.

Улакши весь превратился во внимание.

— Скоро я умру,— безжалостно сказал Бату.— С того дня, как меня не станет, на трон Золотой Орды поднимется твой брат Сартак, тебе же предстоит стать хозяином ханского дома и хранить очаг всей Орды. Сартак сейчас далеко, и я хочу говорить с тобой...

Сын побледнел, отвел глаза в сторону.

— Не говори такое, великий хан...

— Не мучай себя напрасно...— устало сказал Бату-хан.— Всякому своя судьба, и счастье дороже и ближе отца. И тебе тоже... Я хочу дать тебе три наказа, потому что, кто знает, может быть, в один из дней ты тоже станешь хозяином Золотой Орды...

К лицу Улакши прилила кровь.

— Я слушаю, великий хан...

— Ты наверное, знаешь, что рассказал однажды Чингиз-хану острослов по имени Мангутау?

Улакши отрицательно покачал головой.

— Тогда слушай. В давние времена на свете жили два дракона. У одного из них была тысяча голов и один хвост, а у другого — одна голова и тысяча хвостов. Однажды разразилась страшная буря и раньше времени в степь пришла зима. Тысячеголовый дракон хотел забраться в укрытие, но головы заспорили, как следует поступить. Они так и не сумели прийти к согласию, и дракон погиб. Другой, у которого была одна голова, вовремя укрылся от непогоды и спасся, потому что тысяча хвостов подчинилась желанию одной головы. Простой народ подобен тысяче хвостов. И если у него будет одна голова — хан, то никто не сокрушит его и он добьется того, чего пожелает. Потомки же Чингиз-хана подобны тысячеголовому дракону. Если они не сумеют быть едины и затеют распри, то быстро найдут смерть от рук своих врагов. Мой первый тебе наказ: «Сумей сохранить единство всех монгольских родов и потомков великого Чингиз-хана. Только тогда вы будете сильны всегда».

Улакши вдруг быстро потянулся к лежащему рядом луку. Черный орел плавно снижался над курганом.

— Не трогай...— сказал Бату-хан.— Пусть поживет пока... Уж если он прилетел, то знает зачем...

Орел словно услышал слова хана и снова стал набирать высоту.

— Слушай мой второй наказ,— сказал Бату, продолжая следить глазами за птицей.— Дешт-и-Кипчак завоевал мой отец Джучи по велению Чингиз-хана. Дед отдал ему эти земли и разрешил вершить над ними свою власть. У народов Дешт-и-Кипчак есть пословица: «Умен не тот, кто добыл скот, а тот, кто вырастил его». Великое свое ханство Чингиз-хан создал, объединив сто монгольских родов и покорив сорок народов. Мы — его внуки и правнуки, отпрыски знаменитых четырех сыновей-джихангиров: Джучи, Джагатая, Угедэя и Тули,— раздвинули границы великого ханства Каракорум и приумножили славу. Много славных дел совершили мои родственники Менгу, Гуюк, Орду, Арык-Буги, Алгуй, Кайду. Я же перешагнул границы Дешт-и-Кипчак, распространил свою власть на земли орусутов, покорил Северный Кавказ и дошел до столицы мадьяров.

С горящими глазами слушал Улакши рассказ отца.

— Если бы не смерть Угедэя, вы бы пошли еще дальше — до земли немцев, франков...— горячо сказал он.— Как жалко, что вам пришлось повернуть своего коня...

Бату-хан тихо рассмеялся. Снова натянулась на лице дряблая кожа, остро проступили скулы.

— Значит, ты тоже видишь в этом причину моего возвращения? Если все связано со смертью великого хана Угедэя, то почему Кулагу, который в это время дошел до Багдада, не повернул назад свои тумены? Во главе небольшого войска он отправился в Каракорум, а главные силы оставил на месте, поручив их Кит-Буги-нойону. Я ведь тоже мог сделать так.— Бату помолчал. Воспоминания далекого прошлого нахлынули на него.— Нет. Я не мог пойти на такое,— задумчиво сказал он.— Смерть великого Угедэя была только поводом. И друзья, и враги до сегодняшнего дня не знают истинной причины. А она совсем в другом.

Улакши весь напрягся. Отец собирался открыть ему тайну, о которой не знает никто.

— Так в чем же причина?

Бату-хан словно не слышал его вопроса. Он продолжал думать и вспоминать то, что было известно ему одному.

— Многие считают, что я перешел Итиль, чтобы завоевать земли мадьяр. Нет, не там был предел моей мечты. Но прежде я хотел разбить мадьяр и превратить их привольные степи в место для отдыха моих туменов, а потом напасть на немцев, франков и другие народы, живущие дальше к западу. Мечты мои были дерзкими, а желания — сильными. Свои тумены я двинул по древнему пути кочевников-завоевателей, проложенному еще предводителем хунну Этилем[1]. Я знал, что земли, по которым мне предстояло пройти, населены многими народами, и потому, чтобы не получить коварный удар в спину, я послал в Польшу войско во главе с внуком Сибана Байдар-султаном, в Чехию — восемнадцатилетнего внука великого хана Угедэя Кайду-султана, в Болгарию — внука не менее великого моего отца Джучи Ногая. Каждому я дал по одному тумену. И на этот раз я сделал так же, как поступил, когда шел на орусутов,— впереди войска я отправил послов, которые должны были сказать народам этих земель: «Покоритесь великому Бату-хану по собственной воле». Я знал, что никто добровольно не подставит шею под монгольский меч, но не это главным было для меня. Помнишь, что сказал однажды наш великий дед Шиги Хутуч-нойону: «Будь оком, которое увидит весь мир. Будь ухом, что сможет услышать весь мир». Именно для этого нужны были послы. И они сделали то, что я ожидал. Скоро я знал все, что мне хотелось знать. Еще в год курицы (1237) хан кипчаков Котян, убежав от меня с сорока тысячами кибиток, попросил убежища у короля мадьяр Белы Четвертого. Вместе они смогли бы стать грозной силой. Но дух Чингиз-хана не оставил монголов. Послы сказали мне, что мадьярская знать, боясь усиления короля, поссорила его с Котяном. Судьба жестоко расправилась с беглецами — в одну ночь больше половины кипчаксих воинов было зарезано, хан Котян убит, а оставшиеся в живых, грабя и сжигая по пути мирные селения, ушли в Балканские горы. Бела Четвертый оказался плохим воином. Он видел не дальше, чем видит простой пастух. Ему казалось, что нет во всем мире такой силы, которая бы отважилась посягнуть на его земли, и потому он отказался от союза с орусутами. Когда мое стопятидесятитысячное войско под водительством Субедэя, Менгу, Гуюка, Орду, Кадана, Байдара, Бори, Пешек, Ногая, Бурундая и Кайду вошло в земли Харманкибе, черниговский князь Михаил послал к мадьярскому королю людей — он просил его выдать дочь за своего сына Ростислава. Породнившись, они бы смогли вместе выступить против нас. Но Бела Четвертый не дал согласия на этот союз. Так же поступил он и по отношению к князю Галицкому. Король мадьяр, видимо, считал, что у его дочери золотая голова, а зад отлит из серебра.— Бату-хан лукаво усмехнулся.— Но я во всем этом видел волю Неба. Что могло быть более благоприятным, чем отсутствие единства между мадьярами и орусутами? Сильными врагами могли оказаться немцы, но, как мне было известно от лазутчиков-купцов, они не верили, что копыто монгольского коня когда-нибудь ступит на их земли. Они рассчитывали, что мы не мусульмане, и потому даже надеялись использовать нас против арабов. В это время немцы стали готовиться к походу на северные княжества орусутов — на Новгород и Псков. Так начинался мой поход на мадьяр. Мы были верны заветам Чингиз-хана — не знали страха, не знали жалости. Приближенные короля не смогли стать его опорой, и потому, сколько бы ни собирал он войск, мои доблестные тумены обращали их в бегство и земля становилась красной от крови. Город за городом превращал я в развалины, черный дым пожарищ закрывал солнце. Еще до наступления середины лета мы овладели столицей мадьяр Эстергомом. Десять тысяч воинов и тридцать стенобитных машин сокрушили ее стены. И чем отважнее сражались мадьярские воины, тем яростнее был наш штурм — кровь ручьями стекала со стен города. В это время монгольские тумены под предводительством Байдара, Ногая и Кайду залили кровью Польшу. Успех сопутствовал и среднему сыну Угедэя — Кадану. Одно за другим он покорил южные государства. Под удара-

[1] Этил — Аттила, предводитель гуннов.

ми стенобитных машин дрожали и рушились крепости Словакии. Байдар и Кайду, покорив Польшу, пьяные от удачи и крови, двинули свои тумены к землям восточных чехов. И здесь судьба словно отвернула от них свое лицо — каждый монастырь, каждую церковь приходилось брать штурмом. Монгольские воины, чтобы знать, сколько пало врагов, отрезали правое ухо у каждого убитого. Они шли вперед, и их становилось все меньше. Узнав об этом, я приказал Байдару и Кайду остановиться. Не вступив в битву с сорокатысячным войском короля чехов Воцлава, они вернулись под мое знамя. Именно в это время гонец черную весть о смерти хана Угедэя в Каракоруме. На великий курултай, чтобы избрать ему достойного преемника, должны были прибыть все представители рода Чингиз-хана. Тогда-то я и отдал приказ своим туменам вернуться на берега Итиля.

— Если бы вы тогда доверили войско кому-нибудь из своих доблестных нойонов...— прошептал Улакши.

Бату-хан долго молчал, смотрел, как в высоком небе парил орел. Мысли его были далеко отсюда. Он словно заново переживал дни своей молодости, упоение битвами, и перед глазами вставали города, охваченные пламенем пожаров.

— Я не мог этого сделать,— твердо сказал хан.

— Но почему?..

— Бесчисленны были земли и страны, завоеванные нами, но голос рассудка заставил меня быть осторожным. Я видел, что земли эти принадлежат нам только до тех пор, пока мы не повернули коней обратно. Мы завоевали эти страны, но не покорили их. Короли и цари, уцелевшие в битвах, поклялись нам в верности, но народ не повиновался им, и потому они не могли говорить от его имени. Отправляясь в этот поход, я думал, что долины мадьярских рек станут пастбищами для монгольских коней. Здесь мы отдохнем, соберем силы, чтобы снова двинуться дальше, на запад. Но из этого ничего не вышло. На покоренных землях не было мира. Не проходило дня, чтобы отряды, укрывшиеся в лесах, не нападали на моих воинов. Кровь продолжала литься, и редели мои тумены. И еще была одна причина, о которой нельзя было забывать...

Бату-хан закрыл глаза ладонью, словно воскрешая в памяти давно забытые времена и события. Улакши, с трудом сдерживая нетерпение, ждал, когда отец снова начнет говорить.

— Причина была в орусутских землях... Прежде чем двинуться на них, я поступил так, как это делал мой великий дед,— отправил туда купцов и лазутчиков. Скоро я знал все, что хотел знать: и какое у орусутов войско, и как правят их князья, и каким был этот народ раньше.

Орусуты жили отдельными княжествами, но были единым народом, и никогда и никто не покорял их. Порой в битвах с другими народами они терпели поражение, но ни разу не потеряли свободу.

Я знал, что покорить их будет нелегко. И не ошибся. Три с половиной года потребовалось для этого. И всего год, чтобы бросить под копыта монгольских коней другие земли.

— И все-таки вы покорили их! — горячо сказал Улакши.

— Да. Они не смогли устоять против моих бесстрашных туменов, потому что каждый князь считал себя сильнее и умнее другого. Я не стану говорить о мелких княжествах, но если бы Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское были дружны, кто знает, чем закончился бы наш поход... Но мы потомки великого Чингиз-хана, и с нами монгольский бог войны Сульдэ... Предав огню города Галицко-Волынского княжества, мы вошли в землю поляков, мадьяр и угров. Что было дальше, я говорил уже тебе. Конечно, мы могли бы еще долго продержаться в их владениях, но я всегда помнил об орусутах, оставшихся за спиной. Потерпевший поражение мечтает о мести, и я ждал ее, ждал удара в спину, потому что видел, как умеют сражаться орусуты. Легко было править в Дешт-и-Кипчак и в Хорезме,

потому что местные жители, как и мы, были кочевниками. Здесь же, в землях мадьяр, поляков и болгар, все получалось по-иному. Увидев все это, я понял, что, если еще промедлю, народы покоренных стран объединяться и наши тумены не смогут одолеть их. За моею спиной была Золотая Орда, и силою, могуществом и славою ее нельзя было рисковать. Словно в подтверждение моих опасений началось восстание в Болгарии и Молдавии против Ногая. Когда умер Угедэй, я велел своему войску вернуться в Дешт-и-Кипчак.

— Получается, что монгольский меч, повергший в страх весь Востой, не испугал другие народы? — спросил Улакши.

Бату-хан с удивлением посмотрел на сына:

— Кто тебе сказал, что нас боялся весь Восток? Да, монгольский воин внушал ужас покоренным народам своей жестокостью, но проходило время — и появлялись те, кто предпочитал смерть рабству. Нам подчинились правители, князья, знать завоеванных государств. Они пытались заставить делать это же свой народ, но из рассказов старых воинов ты знаешь, как простые люди защищали свои города и селения. Так было повсюду: в Хорезме и на Руси, в Дешт-и-Кипчак и на Кавказе.— Бату посмотрел в глаза Улакши.— Наверное, ты слышал о кипчакском батыре Бошпане? Дерзость его не знала границ. Вместе со своими джигитами, ненавидящими нас, он нападал на монгольские отряды, угонял скот. Он поднял великую смуту в Орде. Тогда я приказал Менгу взять столько войска, сколько он сочтет нужным, и живым или мертвым доставить мне Бошпана. Двести парусников снарядил Менгу. Он прошел Итиль от устья до истоков, и наконец его воины захватили непокорного батыра. «Склони голову! Опустись на колени!» — приказал Менгу. «Я не верблюд, чтобы падать на колени, а голова моя не склоняется перед врагами»,— ответил Бошпан. Один из нойонов, разъяренный такой дерзостью, надвое разрубил батыра. Всех его джигитов закололи как овец. Бошпан убит, но я знаю: по-прежнему в душах многих тлеет искра бунта. А теперь опять об орусутах. Если им удастся объединиться, если они встанут в один ряд, тогда увидишь, что они могут! Сейчас их сила разобщена, но страха уже нет. Я помню Евпатия Коловрата из сожженной нами Рязани. Я видел его мертвым... В свое время он собрал вокруг себя тысячу семьсот ратников. Они пришли из разных княжеств с неутоленной жаждой мести и были похожи на барсов — смелых и быстрых. Тысячи моих воинов остались в заснеженных лесах орусутов. Монголы сложили о Евпатии Коловрате и его людях легенду. В ней говорилось, что орусуты имеют крылья, а каждый ратник может биться против сотни воинов. Так это было... Не верь, что, завоевав страну, ты победишь ее народ. Будь зорким. Совсем недавно черниговский князь Андрей, не желая отдавать лошадей для нашего войска, перегнал их в другое место. Вину его доказать не удалось, но я, чтобы никто из князей не осмелился поступать так, велел забить его до смерти палками. А галицкий князь Даниил Романович... За то, что бояре вздумали помогать монголам, разграбил их вотчины, отнял земли, а самих привязал к хвостам необъезженных коней... Покоренные земли кипят, как вода в казане... Бунт в Твери, недовольство среди булгар, кочующих по берегам Итиля под водительством Бояна и Жеку... Десять тысяч монгольских воинов сложили свои головы, приводя в покорность восставшую Бухару. Ты не помнишь, тебя в то время еще не было на свете... Но случилось такое, что мои воины вынуждены были отступить, не сумев подчинить себе кавказских лезгин и черкесов... В трудное время остаетесь вы, мои дети, править Золотой Ордой. Сильна Орда, велика, но неспокойно в ее владениях. Нужен ум зоркий, рука железная... Теперь скажи: разве я мог поступить иначе, оказавшись в кольце врагов? Только я да самые преданные нойоны понимали, что нам не удержать завоеванные земли. Враг был повсюду. Даже женщины становились воинами и шли на смерть без страха. Казалось бы, мадьяры разгромлены, сожжены их города и растоптаны нивы, но те, кому удалось спастись от монгольского меча — воины, ремесленники, хлебопашцы,— словно потеряли ра-

зум и перестали дорожить жизнью. Они появлялись из лесных дебрей как призраки, вершили месть и исчезали, не оставив следа. Много бед принес нам отряд, которым руководила девушка по имени Ланка. Монголы называли ее красавицей Куралай. Это было под городом Чернхазе. Самому лучшему совему нойону Субедэй-бахадуру поручил я борьбу с этим отрядом. Ты знал Субедэя — хитрого и умного, как лиса, и отважного и кровожадного, как тигр. Его тумены окружили воинов Ланки, и она, чтобы не попасть в наши руки, бросилась на монгольские копья. Субедэй-бахадур привез мне ее голову. Ланка, даже мертвая, действительно была прекрасна. Тогда я подумал, что такая женщина могла бы родить богатыря, не знающего страха, но война есть война, а враг — это враг... Верные люди доносили мне, что, оценив по достоинству силу Золотой Орды, покоренные государства и те, которых еще не достиг монгольский меч, начали вести переговоры о союзе для борьбы с нами. Теперь тебе понятно, почему я, воспользовавшись смертью Угедэя, повернул тумены?

— Да,— сказал Улакши.— Но вы забыли сказать о втором своем наказе...

— Нет,— возразил Бату-хан.— Тот, кому принаждлежит трон Золотой Орды, до самого последнего своего часа должен помнить все.

Улакши заметил: отец неотрывно следит за парящим орлом и в его глазах, уже подернутых тусклым туманом смерти, вспыхивают порой искорки восхищения царственным полетом птицы.

— Сейчас,— сказал Бату,— сейчас я скажу тебе свой второй наказ. Помнишь, я уже говорил о кипчакской пословице: «Умен не тот, кто добыл скот, а тот, кто его вырастил». Так вот, умен не тот, кто напал на врага и победил его, умен тот, кто добился у него послушания и ловко накинул узду покорности. Мой второй наказ: «Побежденный враг должен стать твоим народом. Сумей до конца сделать его своим».

Дерзость проснулась вдруг в Улакши, и ему захотелось спросить у отца, почему же он не сделал то, о чем говорил сейчас, но он догадался, что хан сказал еще не все. Бату понял, о чем думает сын:

— Ты хочешь спросить, почему я сам не поступил так? Я должен был сделать это и делал насколько умел. Завоевано столько народов и земель. Разве мог бы это совершить мой отец Джучи с теми четырьмя тысячами монгольских воинов, которые дал ему Чингиз-хан? В моих походах принимали участие воины из Каракорума, но только с ними я никогда бы не создал Золотую Орду. Всю жизнь я стремился силу захваченных народов превратить в свою силу. Это удалось мне в Мавераннахре[1] и Хорасане, в Хорезме и Дешт-и-Кипчак. Мужчины многих других, менее многочисленных народов тоже стали моими воинами. Сегодня вся Золотая Орда держится на них. Я дал им своих нойонов, и они стали похожи на монголов.

— А может быть, это мы становимся похожи на них? Ведь мы так далеко ушли от земли предков...

— Может быть...— задумчиво согласился Бату-хан.— Глубина затягивает... Их много... Но хозяевами Золотой Орды остаемся мы, монголы, и рука наша еще крепко держит повод. Пока так будет, добрыми поступками или страхом мы заставим следовать их туда, куда захотим. Для победы нужны сила и оружие, для управления — хитрость и умение. Ведь неспроста утверждают кипчаки: «Мягко будешь говорить — выманишь даже змею из норы. Станешь говорить грубо — даже мусульманин отречется от своей веры». Умей принуждение сгладить мягкостью, тогда завоеванная страна станет покорною, как становится взятая силою женщина твоею женою. Третий мой наказ вытекает из второго.

Улакши склонил голову.

— Я слушаю, великий хан...

— Прежде чем двинуться на орусутов, монголы пошли войной на Ибир-Сибир, Северный Китай, Среднюю Азию, кипчакские степи и Кавказ. Со дня своего сотво-

[1] Мавераннахр — междуречье Амударьи и Сырдарьи.

рения мир не знал такой жестокости, какую проявил к встречающимся на его пути народам великий Чингиз-хан. Его доблестные воины не жалели никого. Врагами считались все: женщины, старики, дети. Ни одно живое существо не знало пощады. Мой дед был жесток. Но если бы все происходило иначе, я не знаю, сумел бы он объединить бесчисленные монгольские племена, разбросанные на огромных пространствах степей и гор, искоренить вековую вражду между ними и превратить их в один народ — всесильный и свободный. Потомки никогда не забудут того, что совершил Чингиз-хан. И мы, его внуки, во всем хотели походить на нашего деда — мы разрушали, жгли, убивали. Волчонок не может не делать того, чему его научили в стае.

Бату-хан замолчал, устало прикрыл глаза. Ему трудно было говорить. Продавленная болезнью грудь судорожно вздрагивала от частого, неровного дыхания. Наконец, справившись со слабостью, он сказал:

— Прежде чем дать тебе очередной наказ, я долго говорю. Я начинаю издалека, потому что хочу, чтобы ты понял истоки моего опыта. Мудрые слова только тогда западают в сердце, когда они подтверждены примерами. Так слушай дальше. В год зайца (1219) отважные нойоны Чингиз-хана Джебе и Субедэй, утопив Азербайджан и Грузию в крови, осветив небо этих государств огнем пожарищ, через горные ущелья вышли в степи, лежащие у подножья Кавказских гор. Здесь путь монгольским туменам преградили племена аланов и кипчаков. Джебе и Субедэй пошли на хитрость. Они отправили к кипчакам послов и велели сказать: «Мы с вами братья по крови. И монголы, и вы — кочевники. Отступитесь от аланов, и мы вас не тронем». Кипчаки послушались и ушли, предав аланов. Наши тумены смели с лица земли войско аланов и, догнав кипчаков, устроили им кровавую резню. Путь в привольные степи Дешт-и-Кипчак был открыт. Это об этих землях сказал мой отец Джучи: «Воздух здесь источает аромат, вода сладка как мед, а сочные травы скрывают коня с головой». Преследуя разрозненные отряды кипчаков, на южных границах степи монголы впервые столкнулись с орусутами. В те времена орусуты и кипчаки находились в крепком союзе. Степняки не раз брали в жены орусутских девушек, а князья — дочерей кипчаков. Трепетавший от страха хан Котян послал к своему зятю галицкому князю Мстиславу Удалому верного человека со словами: «Сегодня монголы отняли у нас наши степи, а завтра возьмут ваши города». Котян просил у Мстислава помощи. В Харманкибе на военный совет собрались орусутские князья. Они не знали нас, не знали нашей силы. Князья услышали просьбу Котяна и порешили двинуться нам навстречу. Но раньше, чем они собрали войско, хитрому Субедэю уже были известны планы орусутов. И тогда он решил поступить так же, как поступил накануне первой битвы. Он послал к князьям гонца: «Мы собираемся биться не с вами, а с кипчаками. Они не раз устраивали набеги на ваши земли. Они наши и ваши враги. Не мешайте нам свершить над кипчаками месть». Но князья орусутов не попались на эту хитрость. Их дружины близ острова Кортук [1] переправились через Днепр и соединились с кипчаками. Первое сражение, казалось, было неудачным для монголов. Джебе и Субедэй отступили. Орусуты и кипчаки бросились в погоню, но не знающая усталости монгольская конница легко ушла от них. На восьмой день Джебе и Субедэй остановили свои тумены у реки Калки. Здесь и произошла битва, о которой рассказывают легенды. Воины великого Чингиз-хана победили, потому что знали — отступать некуда, позади разоренные земли с недружественными народами. Кроме того, нас было много и мы были едины. В орусутском же войске не утихали ссоры между князьями, а кипчакским воинам еще памятна была жестокая резня, которую устроили им монголы. Хан Котян с остатками войска бежал в земли мадьяр. Из дружин орусутов лишь один из десяти воинов вернулся в свое княжество. Только город Харманкибе потерял в этой битве десять тысяч муж-

[1] Остров Кортук — Хортица

чин. Опьяненные победой Джебе и Субедэй двинули свои тумены на итильских булгар. Но те не приняли открытого боя, предпочтя ему набеги и засады. Уставшее от бесконечных битв монгольское войско вынуждено было отступить, чтобы однажды вновь вернуться на берега Итиля. Хитрость умного и состоит в том, чтобы не идти по горячим красным углям, а ступить на них лишь в тот миг, когда спадет жар. Еще раньше Джучи овладел частью Мавераннахра и восточными землями кипчакской степи. Теперь вся Дешт-и-Кипчак принадлежала монголам. Девятихвостое белое знамя Чингиз-хана прочно утвердилось на ее западных границах. Джучи-хан был мудр. Он захотел сделать эти земли навсегда своими. Джучи поставил свою ставку на берегу реки Сарыкенгир и прекратил без нужды уничтожать кипчаков. И если другой сын Чингиз-хана — Джагатай безжалостно вырезал побежденные народы, то Джучи был подобен пиявке — не причиняя боли, он пил кровь покоренных. Кипчаки, видевшие как Джагатай сровнял с землею Отрар, Бухару, Самарканд, видевшие реки пролитой им крови, стали преклоняться перед своим властелином, считая его мудрым и справедливым. Обманутый хитростью народ потерял силы к сопротивлению. Он был похож на большую оглушенную рыбу, которая ударилась головой о камни. Кипчаки все больше привыкали к монголам. Когда Чингиз-хан узнал о том, что делает Джучи, он не понял сына. Его хитрость показалась Потрясателю вселенной слабостью. Привыкший править огнем и мечом, он счел дела Джучи отступлением от его заветов. Молва утверждает, что Чингиз-хан велел убить сына. Я до сих пор не знаю, правда ли это. Но это может быть правдой. Ради величия созданного им монгольского государства Чингиз-хан не знал жалости ни к кому. Джучи умер, но то, что он сделал, уже нельзя было изменить. Он оставил нам народ, еще недавно бывший врагом, а теперь многое перенявший от нас, монголов. После смерти отца Потрясатель вселенной разделил принадлежащие Джучи земли на две части. Половину Хорезма и всю Дешт-и-Кипчак он отдал мне, а огромный край Ибир-Сибир, покрытый густыми лесами, с многочисленными реками и озерами, стал принадлежать моему старшему брату Орду. С моею помощью брат через десять лет объявил ханской ставкой город Шанги-тара и организовал Синюю Орду, а я поднял непобедимое знамя Белой...

День умирал. Солнце клонилось к краю земли, и синяя дымка затягивала степные дали. Золотом и кровью играла поверхность великого Итиля, и жарко горели под закатным солнцем золотые крыши столицы Орды — Сарая.

— Наша Белая Орда превратилась в Золотую...— нарушил молчание Улакши.

Бату-хан кивнул:

— Да. Орусуты называют ее Золотой Ордой. Только народы Востока — кипчаки, булгары — все еще считают ее Белой. Мне самому нравится второе название... Когда я слышу его, мне кажется, что на мое государство падает отсвет священного девятихвостого белого сульде[1] великого Чингиз-хана. И это прекрасно... А там, где золото, там всегда рядом предательство и коварство. Так было всегда. Я порою боюсь называть свою Орду золотой, потому что мне чудится — это слово ведет за собой зло и вражду... И гибель...

Улакши знал — и монгольские нойоны, и простые воины верят в злых духов, верят в приметы и предчувствия, но это, казалось ему, никак не могло относиться к его отцу, великому Бату-хану, на лице которого никто и никогда не видел сомнений и страха. Оказывается, и он верит...

— В год лошади (1235),— начал снова говорить хан,— монголы подчинили себе весь Кавказ, разгромили итильских булгар, привели к покорности земли башкир, мордвин и завладели низовьями Днепра и Итиля. На великом курултае было решено двинуть монгольские тумены дальше, на запад, в земли орусутов. Лашкаркаши[2]

---

[1] Сульде — знамя (монг.).

[2] Лашкаркаши — предводитель похода.

назначен был я. По решению курултая каждая ветвь рода Чингиз-хана должна была выделить для участия в походе по одному сыну и по два воина от каждых десяти, имеющихся в подчинении. Сто сорок тысяч воинов собрались под моим знаменем. Из потомков Чингиз-хана вместе со своими туменами ко мне присоединились: Орду, Гуюк, Бори, Байдар, Кадан и Кайду. Ровно через год мы выступили в поход, а еще через год вошли в земли орусутов...

Бату-хан задумался. Видения прошлого проходили перед ним. Он забыл на миг, что рядом сидит сын и ждет продолжения.

— Это были счастливые дни,— сказал он вдруг хрипло.— Земля, где проходили мы, становилась соленой от слез побежденных, а ветер пах кровью. Начиная поход, я разделил свое войско. Одна его ветвь, переправившись через Итиль, двинулась к Суздалю, другая — потекла в сторону Рязани, третьей предстояло захватить Воронежское княжество.

За три года мы овладели южными и восточными землями орусутов. В развалинах лежали их самые большие города: Харманкибе, Рязань, Воронеж, Владимир, Суздаль, Чернигов... Непокоренными остались только Новгород и Псков. Леса и болота преградили нам путь и не дали возможности провезти туда стенобитные орудия. Я не отказался от захвата этих земель, но прежде решил дать отдых своим туменам, потому что победа нам досталась нелегко. Оставались невзятыми некоторые крепости. Не покорился нам и Смоленск. И мы поступили так, как учил нас в подобных случаях поступать Чингиз-хан. Мы обошли город стороной, зная, что наступит время и он, окруженный со всех сторон, все равно будет наш. В моем войске был раб старик ромей. Мне после рассказывали, что он тайно вел записи о походе. Так послушай же, что писал этот ромей: «Как могло выдержать сердце монгольских воинов, совершивших столько убийств? Путь войска был устлан трупами. Монголы сжигали храмы, уничтожали все живое...»

Бату-хан тихо рассмеялся. Лицо его сморщилось, глаза спрятались под тяжелыми веками:

— Как могло выдержать сердце монгольских воинов?.. А почему оно должно было не выдержать, если мы жаждали крови и знали, зачем идем в чужие земли? Путь, ведущий к победе, каким бы он жестоким ни был,— всегда правильный путь. Зачем нам чужие храмы? У нас есть свои боги, и они помогают нам побеждать. Зачем нам чужие города, где нет простора, а высокие стены не могут спасти их жителей от дерзких и сильных? Великий Чингиз-хан учил, что все народы должны жить так, как живут монголы, потому что нет лучших обычаев и нравов, чем у нас. Люди, как и звери, должны знать свободу, жить так, как велят Небо и земля, и подчиняться только одному человеку, который призван быть их властелином... Да. Так учил великий наш дед... И вот, когда мы закончили свой поход и, перед тем как вернуться на свою родину, собрались на большой праздник, между мной и Гуюком началась вражда. Отец его, Угедэй,— великий хан, но сам он чванлив и завистлив. Подвиги и слава всегда обходили его стороной, потому что он не отличался ни умом, ни смелостью. На празднике мне, как предводителю всего войска, первому предстояло поднять чашу с вином. И тогда-то, мучимые завистью, Гуюк и Бори стали говорить: «Разве может Бату раньше нас произносить слово и пить вино? Не пора ли его и всех его бородатых баб свалить на землю и как следует потоптать ногами? Пусть знают, что к чему!» На стороне этих двоих выступил и Аргусун — сын Елочидей-нойона, имевшего большие заслуги перед Чингиз-ханом. Видишь, сын, какими бывают потомки великого Чингиз-хана? На врага мы идем вместе, а когда приходит время делить славу и удачу, каждый думает лишь о себе и ради этого готов на все. Я поступил мудро и не сделал им ничего плохого. После их отцы, Угедэй и Джагатай, крепко наказали Гуюка и Бори. Свое получил и Аргусун. Но... Пусть глаза твои будут всегда зоркими... Это я тебе рассказал для будущего, а

сейчас хватит говорить, потому что кое-кто из них уже покинул этот мир. И хорошее, и плохое ушло с ними...

На этот раз Бату-хан замолчал надолго, и Улакши не решился нарушить тишину. Он видел, что лицо отца заострилось еще больше, чем всегда, а глаза неотрывно следили за парящим в вечернем небе орлом.

А грозному хану вдруг вспомнился старый мореплаватель, захваченный в Крыму, и его рассказ о далеких странах. Старик говорил, что если на корабле кто-то должен умереть, то акулы-людоеды чувствуют это и не отстают до тех пор, пока не дождутся своей жертвы. Пришла вдруг мысль, что черный орел не прилетал столько дней потому, что знал — время Бату еще не истекло. А сегодня... Не оттого ли он не улетает до самой ночи и не пытается напасть, что все-таки пришел тот последний час? Может быть, эта зловещая птица, отнявшая у него сына, чувствует приближение смерти...

Больно вздрогнуло сердце. Нет! Не должно так быть! Только ворон питается падалью, а это орел... Он берет свою добычу живой... Только б хватило сил, когда это произойдет...

Бату-хан глубоко вздохнул и посмотрел вокруг. Прекрасна была вечерняя земля, и даль, затянутая сизой мглой, казалась таинственной и звала к себе.

Хан подумал, что редко замечал красоту земли. Всегда и всюду его помыслами владела мечта о победе над врагами, о завоевании мира. Еще он боялся, чтобы чья-нибудь рука не протянулась к его трону...

Наконец Улакши не выдержал молчания:

— Отец, вы приумножили славу Чингиз-хана. Вы столько сделали хорошего...

Бату-хан вздрогнул и посмотрел на сына:

— Ты говоришь — хорошего? А хорошо ли я делал, убивая людей, сжигая города?.. Я, поднявший на дыбы своей жестокостью столько земель и народов...— Хан умолк. И вдруг в его глазах, тусклых, как осенняя вода, заметались отблески пламени.— Ты прав,— сказал Бату жестко.— То, что я совершил,— хорошее деяние. Оно угодно Небу. Оно угодно ханству, созданному великим дедом. Мои деяния прославили его и монголов во всей вселенной. А раз так — то это хорошо... Мне осталось сказать тебе совсем немного. Речь моя подходит к концу, так же, как и моя жизнь... Скоро твой брат Сартак сядет на трон Золотой Орды... По моей воле он стал анда[1] с новгородским князем Александром Невским. Сейчас это самый сильный князь орусутов. Он смел, отважен и умеет видеть то, что недоступно другим. К нему благоволит Небо, и его слушаются другие. Ты спросишь, зачем я сделал их побратимами? Я скажу. После похода на орусутов мы стали с Гуюком врагами, и когда он взошел на трон своего отца в Каракоруме, то захотел расправиться со мной. Под его рукой было более ста тысяч мужественных монгольских воинов. Тогда я понял, что, оказавшись меж двух огней, не должен озлоблять против себя орусутских князей. Покоренные силой, они только ждали момента, чтобы ударить на Золотую Орду. В то время когда Джебе и Субедэй пошли на орусутов, в таком же положении был и Александр Невский. С одной стороны грозили Новгороду и Пскову наши тумены, с другой — крестоносцы Ливонского ордена. Немцы покорили народы, живущие в лесах у Балтийского моря, и то же самое хотели сделать и с орусутами. Но случилось так, что Александр нанес им поражение на реке Неве, а наши тумены разбили польско-немецких ополченцев и немцев-рыцарей, нанятых польским князем у города Легнице. Еще через год немцы вновь двинулись на Новгород и Псков, и снова, в битве на Чудском озере, победа оказалась на стороне Александра. Битый не перестает драться. Крестоносцы стояли у границ орусутов, и князьям новгородским пришлось искать помощи. Из двух зол выбирают меньшее. Мы в эти годы уже прекратили походы на орусутские княжества и обложили их данью, немцы же

[1] Анда — побратим.

грозили сделать орусутов рабами. Отец Александра Невского князь Ярослав, отправился на переговоры в Каракорум к хану Гуюку в надежде получить помощь. Я уже говорил, что Гуюк не отличался дальновидностью. По доносу одного из бояр из свиты князя Туракина-хатун — вдова Угедэя велела отравить Ярослава. Вот тогда-то его два сына — Александр Невский и Андрей Ярославович — пришли в Орду. Мне выгоден был этот союз. Сартак стал андой Александра.

— Сартак принял христианство...— неодобрительно сказал Улакши.

— Что такое вера? Это оружие, помогающее управлять и держать народ в узде. Если видишь, что вера помогает тебе хранить и приумножать могущество ханства, прими ту, которая необходима. Наш великий дед был мудр. Он говорил: «Кто более велик — аллах или христианский бог, я не знаю. Но если они действительно велики, то пусть оба помогут мне». Я не против того, что Сартак стал христианином, а Берке принял мусульманство. Пусть будет так. Я боюсь другого. Слишком далеки друг от друга эти веры, и если сыновья станут слишком ревностными их последователями и забудут главное, ради чего они их приняли, может начаться между ними вражда. Это ослабит Орду...

— Отец, такое может случиться? — с тревогой спросил Улакши.

— Да. Но не должно. Религия обязана быть возле трона всего лишь визирем. Править Ордой станет Сартак. Так будет, если Небо сохранит жизнь Менгу, которого не без нашей помощи подняли на белой кошме в Каракоруме. Но одно дело сесть на трон, а другое — управлять государством. Дед наш Чингиз-хан, собираясь завоевать весь мир, верил трем вещам. Первое — одни сильные руки могут объединить сотни монгольских племен, а страны, в которые он двинет свои тумены, никогда не договорятся между собой. Второе — нет сильнее и отважнее воинов на всей земле, чем монголы, и ни один народ не сможет противостоять им. И третье — нет во всей вселенной правителя мудрее, чем он сам, а все другие лишь прах у его ног. Я не знаю, насколько верил сам Чингиз-хан в то, что сказал. Он часто был хитрым, как степной волк, и произносил слова для других, чтобы верили они. Но до сих пор и друзья и враги не могут до конца понять, как сумел немногочисленный народ — монголы — покорить всю Азию, Китай и сотни других народов. Одни объясняют это умением вести войны так, как этого еще не делал никто, другие — железным порядком, установленным в войске Чингиз-хана. Наверное, это правильно. Разве смогли бы иначе монголы одолеть мужественных орусутов и гуджиян, превосходящих их числом? Я долго думал над этим, и все-таки главная причина наших побед в том, что страны, на которые указал грозный меч великого Чингиз-хана, не были готовы к войне с нами. Мы были молоды, и Небо послало нам человека, который сумел собрать все монгольские племена в один кулак. Он указал цель и превратил жестокость в главное достоинство воина. А государства, на которые обратил свой взор Чингиз-хан, сложились давно, и в них было много людей, которые хотели власти, но не умели управлять. Их грызня сеяла междоусобицы и раздоры. И так уж повелось, что новое государство всегда напоминает молодого тигра — он любит задираться, старое же похоже на одряхлевшего льва и озабочено только одним — как спасти свою шкуру.

— Отец, не преувеличиваете ли вы отвагу орусутов и гуджиян?..

— Нет,— твердо сказал Бату-хан.— Жизнь научила меня уважать врага, если он действительно обладает мужеством. Я никогда не говорил этого громко, но помнил всегда. Если твой враг труслив, то велика ли цена твоей победы и приумножится ли твоя слава, оттого что ты уничтожаешь бегущих зайцев? Мы, монголы, были всегда наиболее жестоки в тех землях, чьи народы предпочитали смерть рабству. Ради своего величия и будущей безопасности мы не могли щадить их. Ты обязан, сын, знать прошлое и правду о всех наших завоеваниях. Чем выше дерево, тем глубже его корни. Вам предстоит заботиться о будущем величии Золотой Орды, а для этого вы должны постигнуть суть прошлого. Тот, кто замахнется на него плетью, получит

удар дубинкой от будущего. Помни это. Ради победы можно пойти на все. Пришло время дать тебе третий наказ. Слушай его и запоминай: «Прежде чем выступить в поход, узнай все о силе и мощи врага, над головой которого ты собрался занести меч. И если поймешь, что еще не наступило то время, когда ты сможешь осилить его, обмани, подружись с этим народом, но не забывай, что он враг».

— Значит...— Улакши в растерянности посмотрел на отца.— Значит, и князя Александра Невского вы по этой причине сделали побратимом Сартака?

Глаза Бату-хана сузились:

— Да. Мы пока не тронули ни Новгорода, ни Пскова... Время еще не пришло... Я знаю, что князь Александр наш враг. Но все средства хороши, когда тебе надо достичь своей цели. Не дай возможности объединиться твоим врагам, будь зорким. Когда я узнал, что Сартак решил сделаться побратимом Александра, я не стал противиться этому. Александр Невский князь сильный... Теперь он крепко связан с Ордой, и другие князья будут относиться к нему кто с подозрением, а кто с завистью. Единство долго не придет к ним.

— Но ведь князь Александр неглуп...

Бату сощурился. В глазах его блеснули холодные злые искры:

— А разве я тебе говорил другое? Великая нужда толкнула его на этот поступок. Князь хочет быть уверен, что кривая монгольская сабля не обрушится на земли Новгорода и Пскова, по крайней мере до тех пор, пока он не почувствует, что со стороны немецких рыцарей ему ничто не угрожает. Сартак, быть может, не понимает всего, но Александр смотрит дальше. Мы боимся друг друга, и потому дружба между Ордой и князем похожа на дружбу волка и рыси, спасающихся от пожара. Минует опасность, и неизвестно еще, кто первым вцепится в горло другому... Не может быть настоящей дружбы между победителем и побежденным. Орусуты ищут нашего покровительства только потому, что у них сейчас нет иного выхода. Правда, есть среди князей и такие, кто ради своей корысти готов на все... Я всегда презирал их, но в интересах Орды никогда не отталкивал... Пусть сеют смуту, пусть льют кровь, а кто из них победит — не важно. Я еще раз повторю тебе — будь зорок, когда смотришь в сторону орусутских земель, и помни, что твой боевой конь всегда должен быть оседлан. Там живут люди, которые никогда не станут друзьями тех, кто принес им огонь и меч.

Бату-хан замолчал, провел по лицу сложенными ладонями.

— Я дал тебе три совета. Первый берет начало от нашего великого предка Чингиз-хана. Вторым руководствовался твой дед Джучи. Третий принадлежит мне. Каждый из нас делал то, что повелевало делать время, и слава монголов не померкла, а достигла небес. Значит, мы поступили верно. Если мои наказы станут для вас правилом, то шатер Золотой Орды будет стоять вечно.

Бату-хан взглядом, полным надежды, посмотрел на сына и не увидел его глаз.

— Иди,— сказал он через некоторое время тихо.— Иди. Я сказал тебе все, что мог сказать...

Откуда было знать Бату, что нет ничего вечного под вечным небом? Он жил так, как жил его великий дед Чингиз-хан, и думать он умел только так же. Тень предка закрывала от него даль, и потому он был подобен всаднику, едущему по степи, укрытой сумерками угасающего дня, когда узнать и рассмотреть можно только то, что вблизи тебя.

Бату верил, что вечной будет степь и вечно останутся покоренными побежденные. Даже сделавшись ханом, он ненавидел и презирал все, что ненавидел и презирал простой кочевник, а потому и не мог рассмотреть того, что готовит Золотой Орде будущее. Зная, что ему скоро придется уйти из жизни, он верил, что завещает потомкам мудрость, а на самом деле оставлял им всего лишь хитрость степного разбойника. Бату верил, что так останется всегда — другие народы будут пахать

землю, сеять и растить хлеб, ткать шелка, добывать железо и золото, строить города, а его потомкам суждено приходить и с помощью кривой сабли собирать обильную жатву. Презирая покоренный народ, монгол не хотел знать, о чем он думает. Но кто мог научить Бату и открыть ему великую тайну человека, который в поте лица добывает хлеб свой? Откуда он мог знать, что, склоняясь над плугом и разминая в руках теплый пшеничный колос, люди думают не только о хлебе, но и о том, как они будут жить дальше? Строя города, крепко прирастая к земле, человек создает свой завтрашний день, думает о будущем своих детей, а значит — и о своем народе. И наступит такое время, когда конь кочевника остановится перед удивительной преградой, имя которой созидание и которую его хозяин ни понять, ни осмыслить уже не сможет, а оглянувшись в недоумении назад, увидит за своей спиной пустую, как и тысячу лет назад, бурую от ветров и солнца степь, с редкими ветхими юртами, которые все, вместе взятые, предки так и не смогли наполнить, как бездонную пропасть, богатствами, потому что все, что они приносили сюда, было чужим и пахло кровью. Гордясь своим детищем — Золотой Ордой, Бату даже в мыслях не мог допустить, что в самом ее рождении уже была заложена смерть.

Солнце коснулось края земли. Уже пора было Бату-хану вернуться в Орду, а черному орлу улететь в свое гнездо на ночлег. Но оба чего-то ждали. Освещенный закатным солнцем, весь в красной одежде, хан казался облитым кровью. Он сидел на вершине кургана, ссутулившись, втянув голову в плечи, и, казалось, дремал. Орел величественно парил в небе и с каждым кругом все ниже и ниже опускался к земле.

Бату не видел полета птицы, но тело его в предчувствии предстоящей схватки дрожало и сжималось в комок. Он был готов к своей последней битве, но вдруг чувство, похожее на страх, овладело им. Такого хан не знал никогда. Ему, не раз водившему свои тумены на врагов, не раз испытавшему ощущение близкой смерти, сделалось жутко. И только непреодолимое желание мести помогло хану овладеть собой. Он мысленно возблагодарил Небо за то, что умирать приходится не в постели, а с мечом в руке, как и подобает монгольскому воину.

Вдруг черная распростертая тень пронеслась над землей, и тугой порыв ветра ударил хану в лицо. Бату вскинул голову. Пепельное, обескровленное его лицо залила смертельная белизна. Он увидел пестрое брюхо орла, его поджатые, с отливающим сталью когтями лапы... и на одной из них золотую пластинку на шелковом шнурке. Бату-хан не мог ошибиться. Это был его орел, которого он когда-то приручил и еще два года назад охотился с ним на волков.

Безумными глазами следил хан за черной птицей, набирающей высоту для нового броска, а перед мысленным взором встала бескрайняя, укрытая первым снегом степь и далекие горы с темными провалами ущелий. Стремительно мчался конь, в лицо бил ледяной ветер, и на луке седла, в кожаном колпачке, закрывающем глаза, сидел этот самый орел.

Бату-хан вспомнил, как подняли загонщики матерого седого зверя, и он, сорвав колпачок с головы любимой ловчей птицы, подкинул ее в синее, как шелк, небо. Один из нукеров, сопровождавших хана где-то позади, ударил несколько раз в кожаный барабан — дауылпаз.

Потом был ветер в лицо и пьянящая, как вино, радость от бешеной скачки.

Орел взял волка, но когда Бату-хан, бросив коня, подбежал к поверженному зверю, чтоб вонзить кинжал в его сердце, было уже поздно. Птица уже разорвала грудь волка и вырвала сердце.

Бату был взбешен. Орел не смел опередить своего хозяина. Хан в ярости поднял плеть...

На всю жизнь запомнились ему холодные неподвижные глаза птицы, огромные, распростертые на белом снегу черные крылья и дымящаяся на морозе разорванная грудь зверя. Орел издал пронзительный клекот и взмыл в небо. Он больше не вернулся к своему хозяину.

«Нет страшнее врага, чем друг, который возненавидел тебя»,— прошептал Бату-хан. Еще он успел подумать, что не сможет сказать сыну то, чему научил его этот миг. «Будь другом — другу, врагом — врагу, не обижай друга, не дружи с врагом...» Орел, сложив крылья, камнем ринулся вниз.

Бату-хан успел взмахнуть мечом... Орел с отрубленным крылом рухнул на землю. Хан сделал к нему шаг, увидел безжалостные, налитые кровью глаза птицы и неукротимую ярость в них...

Бату поднял меч, чтобы вонзить его в грудь друга, ставшего ему врагом, чтобы в последний раз ощутить радость от свершившейся мести, но тело сделалось непослушным, и небо, залитое кровью заката, надвинулось на него. Неведомая сила безжалостно бросила великого Бату-хана на землю...

На следующее утро, на рассвете, не приходя в сознание, ушел из жизни грозный Бату-хан. Слезы печали и скорби туманили глаза отважным нойонам и простым воинам.

Потомки Чингиз-хана, какой бы веры они ни придерживались, свято соблюдали монгольские обычаи. Где бы ни умер хан, его обязаны были похоронить в земле предков. Но слишком длинен и долог был путь от Сарая до Каракорума, и потому, не решаясь нарушить обычай, близкие решили поступить так: было сделано два черных гроба, в один положили одежду и оружие хана, и двести воинов, одетые во все черное, на черных конях отправились в монгольские степи, увозя на родину предков дух великого покорителя народов. В другой гроб, украшенный золотом, положили тело Бату-хана, дорогое оружие, золотые чаши, из которых он пил вино и кумыс.

Чтобы никого не прельстил блеск золота, а враги не могли надругаться над ним, гроб с телом Бату глубокой ночью самые близкие люди унесли на высокий, поросший густым лесом берег Итиля. Здесь его предали земле. И опять же, соблюдая обычай монголов, над могилой Бату-хана не поставили надгробья. В рыхлую землю были посажены молодые деревца. Несколько лет заповедный лес охранял отряд отборных туленгитов, уничтожая все живое, что пыталось приблизиться или пролететь над ним. Так было до тех пор, пока не выросли на могиле Бату-хана деревья и никто уже не смог бы узнать, где лежит великий хан Золотой Орды.

Печальная весть о смерти отца догнала Сартака в пути. Будучи христианином, он велел воину-орусуту из отряда ночь и день читать молитвы по умершему, но коня своего вспять не повернул.

Великий хан монгольской степи Менгу, довольный тем, что Сартак, несмотря на смерть отца, прибыл в Каракорум на курултай, утвердил его ханом Золотой Орды.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Зиму года зайца (1255) — года, который принес ему звание хана Золотой Орды, Сартак провел во дворце Гулистан города Сарай Бату. В подвластных землях было спокойно, и, начиная с осени, новый хан, отложив все заботы, занялся религиозными делами и укреплением связей с орусутскими княжествами.

С тех пор как Сартак стал побратимом с новгородским князем Александром Невским и принял христианство, многое изменилось в нем. Бывая в Новгороде, он посещал церкви и соборы, внимательно присматривался к тому, как жили орусуты.

Христианская вера нравилась молодому хану своими пышными обрядами, торжественностью. Подвластный ему народ кипчаки — главная опора Золотой Орды — исповедовали ислам, но это не смущало Сартака. Он верил, что со временем удастся обратить кочевников в христианство. По его повелению пленный немецкий мастер Госсет в низовьях Итиля, у небольшого городка Сумеркент, построил церковь. Вопреки ожиданиям хана, кипчаки отнеслись к этому равнодушно и не спешили совершить обряд крещения. Только часть знати да некоторые члены ханского рода последовали примеру Сартака.

Молодого хана это озадачило, но не сильно огорчило. Он считал, что всему свое время. Сартак никого не стал принуждать. Православие нравилось ему, но назвать его последовательным христианином было нельзя. Выросший, как и все монголы, в седле, веривший с детства в шаманов и знахарей. Сартак не мог сразу принять душой множество непосильных для него условий и обязанностей, которые налагала вера. Так, будучи христианином, он в тридцать лет имел шесть жен. Две из них были из монгольских родов, три из кипчакских, одна — аланка. Все они рожали ему детей, но ни один из них не выжил. Старший сын Улакша в семилетнем возрасте, в том году, когда Сартак принял христианство, упал с коня и разбился. Остальные дети, дожив до одного-двух лет, умирали от неизвестной болезни.

Кипчаки шептались между собой о том, что, видимо, над их ханом тяготеет проклятие. Да и как может быть иначе, если две его жены буддистки, три — мусульманки, а сам он христианин. Как могут жить дети, если их родители поклоняются разным богам? Ведь давно известно, что если начнут тереться два верблюда, то между ними погибнет муха, а если за душу младенца ведут спор боги, то от проклятия одного из них обязательно умрет ребенок.

Эти слухи дошли до Сартака, и он решил взять седьмую жену — на этот раз христианку. Вот здесь-то, впервые, он и столкнулся с особенностями новой веры.

Однажды, когда хан гостил в Новгороде, на глаза ему попалась шестнадцатилетняя девушка Наташа из знатного орусутского рода. Сердце Сартака дрогнуло. Белолицая, стройная, с длинной русой косой, с ясным взглядом ласковых голубых глаз, она сразу же покорила хана. Ее родители хоть и без особой радости, но дали согласие. Да и кто мог отказать сыну великого Бату-хана?

И тут вмешалась церковь. По христианскому обычаю, Сартак и Наташа должны были обвенчаться. Новгородский митрополит Даниил сказал: «Сын великого Бату-

хана, нам по душе твое желание. Опора Золотой Орды, ты дорог нам, но дороже всего христианину его вера. По нашим законам, верящий в Христа может иметь только одну жену. И если мила тебе девушка Наталья и ты хочешь взять ее за себя, оставь своих прежних жен. Только тогда обвенчаю я вас».

Сартак упрашивал строптивого митрополита, угрожал, но тот был тверд. Хан накинул на плечи Даниила дорогую соболью шубу, подарил коня под серебряным седлом, осыпал золотыми монетами.

Митрополит принял подарки, сказав: «Пусть все, что ты дал, будет твоим пожертвованием на святую церковь, но меня проклянет бог, если я обвенчаю тебя до той поры, пока ты не оставишь своих прежних жен».

У молодого хана не хватило мужества поступить так, как того требовал митрополит. Хотя и всемогущ был Сартак, но, не желая разрушать единство Орды, опасаясь мести со стороны родственников своих жен, он решил выждать время.

Казалось бы, благоразумие победило, но страсть, проснувшаяся к орусутской девушке, жгла сердце.

Не зная, как быть, как поступить дальше, он однажды обратился к ромею Койаку, выполнявшему различные поручения в ставке.

— Скажи,— попросил Сартак,— разве святые, создавшие христианскую веру, всю свою жизнь проводили с одной женщиной?

Койак легко догадался, почему хан обратился к нему. Быстро погасив появившуюся на губах лукавую улыбку, он серьезно сказал:

— Да. Святые строго соблюдали закон. Кроме того, всем последователям христианской веры не разрешалось брать новую жену, пока жива первая или если он не был с ней разведен. Но те, кому божьей волей была дана царственная власть над людьми... Разве хан не слышал о споре, который состоялся между имамом Нуриддином Хорезми и православными священниками?

Сартак вопросительно посмотрел на ромея.

— Этот спор состоялся во дворце хана Гуюка в то время, когда он решил выступить против твоего отца великого Бату-хана.

— Я слушаю тебя, ромей.

Койак прикрыл глаза, словно вспоминая.

— Дело было так... Все знают, что Гуюк, так же как и вы, принял в свое время христианскую веру. Но он был горяч и не терпел рядом с собой тех, кто исповедовал ислам, а потому всячески преследовал иноверцев. И спор, о котором говорю я, был устроен для того, чтобы опозорить мусульман. Я не стану рассказывать обо всем — это было состязание в мудрости, острословии, знаниях. Спор был длинен и запутан, как след лисы. Так вот... Христиане спросили имама: «Что за человек был пророк Мухаммед? Расскажите о нем». Нуриддин Хорезми ответил: «Мухаммед — последний пророк, посланный на землю аллахом. Он вождь святых. Пророк Иса сказал: «Всевышний, не жалей добра для пророка, который придет после меня...» Тогда христиане спросили: «Только того, кто имеет непорочную душу и не обращает своего взора на женщин, можно считать святым... А у пророка Мухаммеда было девять жен... Как же можно причислять его к лику святых?» Имам не растерялся: «У пророка Давида было девяносто девять жен, у Соломона — триста да еще тысяча наложниц. Что вы ответите на это?» Христиане возразили: «Давид и Соломон не пророки — они цари». Спор затягивался, ему не было видно конца, как степной дороге в длинный летний день. И тогда православные священники пошли на хитрость. Они попросили хана Гуюка приказать мусульманам прочесть молитву — намаз с соблюдением всех канонов.

Имам Нуриддин Хорезми вместе с одним из ишанов, присутствующих при споре, начал читать намаз. Христиане всячески мешали им: щипали, били по голове, когда те склонялись к молитвенному коврику. Но творящие намаз были крепки в своей

вере, и слова пророка Мухаммеда о том, что ничто не должно помешать им завершить начатое, иначе можно попасть в ад, завершили молитву последней сурой. Вот так это было... На следующее утро хан Гуюк со стотысячным войском двинулся в кипчакские степи на своего отца... Через три дня, заболев неизвестной болезнью, которая вызвала кровавую рвоту, он умер. Мусульмане тогда сказали: «Хан Гуюк позволил издеваться над нашей верой. Пророк Мухаммед покарал его...» Конечно, не из-за спора умер хан...

Сартак пропустил последние слова мимо ушей. Хитрый ромей подсказал ему нужную мысль. Действительно, если у Давида было девяносто девять жен, а у Соломона — триста и тысяча наложниц, то почему ему, властителю Золотой Орды, не взять еще одну жену? Митрополит Даниил должен прислушаться к тому, что он услышал от ромея, и обвенчать его с орусутской девушкой. А если и на этот раз не согласится...

Глаза Сартака недобро сверкнули, рука потянулась к кинжалу.

— Иди,— сказал он Койаку,— пусть сотник Сырмак собирается в путь...

Но Сырмак вошел сам. Это был смуглый, широкоплечий и широкогрудый воин. Его борик, украшенный шкуркой степной лисицы — корсака, короткий чапан из серой верблюжьей шерсти, отделанный по воротнику мехом выдры, удобные сапоги с войлочными чулками без слов говорили, что он принадлежит к одному из кипчакских родов.

Вместе с Сырмаком был желтолицый сухощавый человек. И так же как по одежде сотника безошибочно можно было определить, что он кипчак, так по одежде незнакомца было ясно, что он с низовьев Итиля.

Сартак был настолько занят своими мыслями, что не обратил внимания на незнакомца.

— Седлай коней,— приказал он.— Поедем в Новгород. За орусутской девушкой Натальей.

Сотник выжидал.

— О мой повелитель...

Только сейчас хан увидел чужака:

— Я слушаю...

Сотник схватил приведенного за шиворот, и тот упал перед Сартаком на колени. Весь вид его выражал испуг и повиновение.

— Кто это?

— Человек, убежавший от Берке-хана.

Уходя из жизни, великий Бату, по обычаю, завещанному Чингиз-ханом, отдал многие свои земли в управление родственникам, ходившим с ним в походы. Они самостоятельно управляли своими улусами, но в то же время находились в подчинении у хана Золотой Орды. По сложившейся традиции их называли владельцами улусов, но, когда Кулагу завоевал Иран и Ирак, их стали звать эмирами. Только тюркские племена продолжали именовать их ханами.

Таким ханом был младший брат Бату — Берке. Ставка его находилась на возвышенности Актюбе, на берегу Итиля, недалеко от городка Сарыкум [1].

Суровые зимы заставили Берке возвести небольшой дворец. Его примеру последовала и знать — появились дома из дерева, кирпича и камня. На Актюбе возник городок, который стали называть, как и главную ставку Золотой Орды, Сараем.

У Берке было сильное войско, и после Бату-хана он всегда считался первым человеком в Орде.

— Ты почему сбежал? — спросил Сартак, и брови его сурово сошлись на переносице.— Кто ты такой и как тебя зовут?

[1] Сарыкум — селение, которое находилось вблизи нынешнего Волгограда. Сейчас это место называется Царевым городищем.

— Я Сары-Буги,— торопливо сказал воин.— Из монгольского рода баргут. Мой отец Есу-Буги был начальником телохранителей у бесстрашного Субедэй-бахадура. Я выполнял обязанности сульгиши[1] при хане Берке...

— Нам не нужен раб!..— нетерпеливо перебил Сартак.— Скажи: почему бежал?

Воин опустил голову.

— Берке-хан, сын великого Джучи и мой властитель... Я его раб. И я обязан ему повиноваться... Но он мусульманин, а я христианин... Видно, вера так повлияла на него, что с каждым днем он становится все более кровожадным и жестоким. С уст его не сходит имя аллаха, а с рук — кровь. Я не смог выдержать... Особенно то последнее, что он совершил...

— Что совершил он?

— Неделю назад, ссылаясь на волю пророка Мухаммеда, он взял четвертой женой орусутскую девушку из Новгорода...

У Сартака от недоброго предчувствия сжалось сердце.

— Как зовут эту девушку? — громко спросил он.

Воин наморщил лоб.

— На-та-ли-я...— трудно выговаривая чужое для него слово, сказал он.

Хан побледнел, а воин, не замечая состояния Сартака, продолжал:

— Ее привезли во дворец, Берке велел стегать ее прутьями и насильно заставил принять мусульманство. Девушка так кричала, так плакала... Я не смог выдержать насилий, которые творят мусульмане, и бежал к вам...

— Увести его! — крикнул Сартак сотнику.— Долой с моих глаз!..

С этого дня Сартак, и раньше недолюбливавший Берке, возненавидел его. Он стал искать пути отмщения мягкоязыкому и коварному брату отца.

Уже в седьмом-восьмом веках на юге Мавераннахра и в Дешт-и-Кипчак начали возникать очаги ислама. В таких городах Средней Азии, как Самарканд и Бухара, население исповедовало различные религии, и потому ислам не встретил здесь серьезного сопротивления. Незаметно мусульманство стало главенствующей верой, и начались жестокие гонения на всех иноверцев.

В тринадцатом веке, когда на земли Хорезма и Дешт-и-Кипчак пришли монголы, здесь уже прочно утвердился ислам. Продолжали еще существовать небольшие христианские общины, но дни их были сочтены.

Правда, монголы, следуя примеру Чингиз-хана, одинаково относились к представителям разных вер. По велению Потрясателя вселенной служители всех культов были освобождены от податей.

У самих же монголов, еще до того, как мир услышал имя грозного Чингиз-хана, христианство было распространено довольно широко. Его исповедовали целые монгольские роды. Многие потомки Чингиз-хана брали себе жен из этих родов, и дети их воспитывались по законам христианства. Вот почему получилось так, что в лице монголов христиане Хорезма и Дешт-и-Кипчак получили поддержку.

Во времена правления каракорумского хана Гуюка, рожденного от женщины из рода кереев и вместе с молоком матери впитавшего христианские заветы, обычная поддержка перешла в яростное и непримиримое гонение мусульман. Гуюк правил всего два года, но этого было достаточно, чтобы сложился крепкий союз христиан Средней Азии, Армении и Грузии.

Севший после него на ханский трон Менгу не отдавал предпочтения ни одной из религий. При нем мусульмане и буддисты почувствовали себя в большей безопасности. Не обратил Менгу никакого внимания и на то, что сын Бату-хана Сартак — христианин. Он без колебаний дал согласие на то, чтобы Сартак взошел на трон Золотой Орды.

Ослепленный ненавистью к Берке, молодой хан решил начать с ним борьбу. В Самарканде было много христиан, и он знал, что единоверцы поддержат его. Он

[1] Сульгиши — слуга, готовящий воду и полотенце для хана перед тем как тому совершить намаз.

послал туда своих людей, чтобы подготовить общее выступление против мусульман. Планы его были большими — Сартак мечтал Самарканд превратить со временем в свою главную ставку христианства.

Однако и мусульмане не сидели сложа руки. Ряды их медленно, но росли. На землях Хорезма и Мавераннахра набирала силу, ширилась религиозная борьба.

Но не только южные земли привлекали внимание молодого хана. Все чаще мысль его возвращалась к орусутским княжествам. Все чаще думал он о землях, лежащих к западу и северу от Орды...

Страшней моровой язвы было нашествие монголов на Русь. Народу погибло — не счесть, в развалинах лежали города, зарастали лебедой и полынью пашни, стон угоняемых в рабство стоял над землей.

Русские княжества не входили в состав Золотой Орды. Монголы обложили их тяжкой данью, а это было равносильно медленной, мучительной смерти, потому что платить было нечем — бесплодными сделались поля, монголы угнали скот, в битвах погибли мужчины-кормильцы.

Но не только печаль и отчаяние вызывали монгольские грабежи и насилие. Зрела ненависть, росло непокорство. На Руси понимали — нет иного выхода, чтобы сохранить жизнь и веру, кроме борьбы. Не только дань брала Золотая Орда, но не было года, чтобы не совершали ее отряды набегов на отдельные города и княжества.

Только начнут обстраиваться, входить в силу ремесленники и пахотные люди, как снова пылают избы, льется кровь и стон стоит над многострадальной землей. Один путь был, одна дорога — или победить, или умереть.

Не только монголы зарились на русскую землю. Ждали своего часа, удобного момента немцы и шведы. Лакомым куском были для них земли Пскова и Новгорода, потому что именно здесь проходили пути, связывающие Северную Европу с восточными странами.

Все тесней сжималось кольцо вокруг русских княжеств, не покоренных Ордой. Просить помощи у соседей было бессмысленно: разграбленные монголами, они сами оказались в безвыходном положении.

В такое время и сел на трон Золотой Орды хан Сартак. Воспользовавшись этим, князь Александр Невский снарядил к своему побратиму посольство. В Золотую Орду отправился боярин Данил. Задача у послов была нелегкая — получить от Сартака заверения, что Орда не двинет свои тумены на северные русские города. Это дало бы возможность, не оглядываясь на грозного соседа, сосредоточить все силы для борьбы с немцами. И еще наказывал князь Александр добиться хотя бы временного освобождения Новгорода и Пскова от дани, которую платили эти города Орде.

В середине зимы новгородское посольство с богатыми дарами двинулось в Золотую Орду. После многодневной выюги утонули по пояс в снегах леса. Низины, заваленные сугробами, превратились в равнины. Короткая оттепель сменилась трескучими морозами. Снежный наст промерз так, что разрушить его не мог ни человек, ни зверь. Тропы, проложенные гонцами между русскими городами и Ордой, покрылись ледяной коркой.

Тревожно и угрюмо смотрели послы на укутанную снежным саваном землю. Нелегкая выпала им задача — удастся ли добиться от хана согласия на то, что задумал князь Александр? Удастся ли вообще вернуться в родные края? Что из того, что князь побратим с ханом? Не раз уже такое было, что пропадали по пути русские послы, словно земля разверзалась под ними. Коварны татары, и никому не ведомо, что у них на уме.

Орда встретила послов с почестями. В степи, далеко от города, окружили орусутов туленгиты из личной охраны хана. Свирепые, в лисьих малахаях, надвинутых на самые глаза, они секли плетьми всякого, кто осмеливался близко подойти к посольскому каравану.

Сам хан Сартак вышел из дворца Гулистан, чтобы встретить знатного боярина. На голове его был пушистый тымак, из выдры, на плечи наброшена дорогая добро-

вая шуба. Хан встретил гостей безоружным, выказывая тем самым большое уважение и доверие. Только на широком золотом поясе висел небольшой кинжал с рукоятья из слоновой кости в золотых ножнах. С ним хан не расставался никогда.

Среди прибывших Сартак сразу же узнал княжеского родственника. Данил был высокий, крепкого сложения, с острым взглядом внимательных голубых глаз.

Не торопясь, хан начал спускаться по дворцовым ступеням навстречу всадникам. Увидев его, послы быстро спешились. Проворные воины-туленгиты молча подхватили поводья и увели коней к коновязи. Приблизившись к хану, орусутские послы, как того требовал обычай, низко поклонились.

С Данилом Сартак поздоровался по монгольскому обычаю, прижавшись грудью к груди гостя.

— С благополучным прибытием, боярин,— сказал хан.

— Спасибо на добром слове, великий хан Золотой Орды.— Данил поклонился.— Мы приехали издалека, чтобы передать тебе слово твоего побратима, князя Великого Новгорода Александра Ярославича.

Сартак улыбнулся.

— Я думаю, что слово князя не такое уж короткое, чтобы слушать его под открытым небом. Входи, будь гостем...

Хан взял Данила под руку и в сопровождении послов и телохранителей направился во дворец.

На миг Сартаку сделалось не по себе. Он почувствовал — чьи-то глаза, полные ненависти, смотрели ему в затылок. Хан резко обернулся. И сразу же встретился взглядом с этими глазами. В свите молодого боярина был человек, которого хан знал давно и хорошо. Ни с кем другим его спутать было нельзя. Время словно щадило этого человека — высокий, жилистый, с лицом, иссеченным глубокими морщинами, он запоминался с первого взгляда. Сартак не мог ошибиться. Это был Святослав. И невольно хан вдруг вспомнил давнее, затянутое дымкой времени. Именно там начиналось то, что через много лет свело этих двух людей. Те события, казалось бы, не имели никакого отношения к Святославу, и все-таки...

В тот год, когда орды Чингиз-хана вторглись в земли цветущего Хорезма, наибом — правителем города Отрара был Кадырхан Уланшик, двоюродный брат хорезмшаха Мухаммеда. Отрар представлял собой грозную, хорошо укрепленную крепость. В подчинении наиба было двадцать тысяч воинов.

И, как обычно делал Чингиз-хан, прежде чем двинуть свои тумены на сильного врага, он послал туда торговый караван. Более четырехсот переодетых воинов сопровождали мусульманских купцов-лазутчиков.

По базарам Отрара поползли слухи один страшнее другого. Заезжие купцы пугали людей неведомыми им монголами, говорили, что те ни к кому не знают пощады и уже идут на земли Хорезма, чтобы залить их кровью. «Нет силы, которая могла бы противостоять им»,— шептали воины и купцы.

Кадырхан-наиб быстро догадался, что прибывший в город караван не совсем обычный. По его приказу ночью воины вырезали всех лазутчиков. Бежать удалось только одному.

Узнав о случившемся, Чингиз-хан пришел в ярость и отправил гонца к хорезмшаху Мухаммеду с требованием «выслать в ставку закованного по рукам и ногам наиба Кадырхана».

Мухаммед не реши лся выдать родственника. В Хорезме, потрясаемом бесконечными раздорами, знать не поняла его поступка, да и сам Кадырхан, имеющий под своим началом сильное войско, просто так в руки бы не дался. Не годилось правителю наказывать подданого за верность.

Хорезмшах приказал умертвить монгольских послов. В ответ Чингиз-хан двинул свои тумены. Сыновьям Джагатаю и Угедэю он повелел разрушить город Отрар, старшему, Джучи,— овладеть городами, расположенными в низовьях Сейхуна.

Осенью того же года монголы остановились у стен Отрара. Наиб Кадырхан знал, что ни ему, ни жителям города пощады не будет, и потому принял решение сражаться до конца.

Шесть месяцев держался осажденный город, и кто знает, что было бы дальше, если бы не предательство. Однажды ночью кочевники под предводительством Караша-батыра, присланные хорезмшахом в помощь городу накануне осады, предчувствуя гибель, открыли крепостные ворота и ушли в степь.

Монголам удалось воспользоваться предательством. Теперь уже в городе, на узких улочках и базарных площадях, завязались кровавые схватки. Жители сражались отчаянно. Каждый дом, каждый двор превратился в крепость.

Неравными были силы. Все меньше становилось защитников города, а монгольским воинам, казалось, нет числа. Повинуясь железной дисциплине, они упорно шли вперед, пьяные от крови, с горящими от предвкушения богатой добычи глазами.

Те, кто мог держать оружие, укрылись во дворце наиба Кадырхана. Город пылал, подожженный со всех сторон. Черные клубы дыма застилали солнце, скручивались от нестерпимого жара, опадала листва с деревьев и высыхали арыки.

Когда кончились стрелы и затупились мечи, последние защитники Отрара продолжали сражаться на крыше дворца. Женщины-служанки подносили тяжелые необожженные кирпичи, и воины бросали их на головы врагов.

Наконец монголам удалось схватить обессиленного, умирающего от ран Кадырхана. Его волоком притащили к старшему сыну Угедэя — Гуюку.

— Ты оказался настоящим воином,— сказал тот.— Монголы умеют ценить отвагу. Перед смертью ты можешь попросить все, что пожелаешь.

— У меня одно желание,— ответил наиб.— Я хочу умереть, чтобы не видеть ваших свиных рыл.

Гуюк выхватил меч и отрубил Кадырхану голову.

По высочайшему повелению сыновей Чингиз-хана монгольские воины получили право грабить захваченный город в течение десяти дней. Все, что нельзя было унести, предавалось огню. Пылали в огромных кострах бесценные книги из знаменитой на весь Восток отрарской библиотеки, гибла, превращалась в пепел и золу мудрость столетий. Ветер и вода довершили разрушение, и некогда прекрасный, богатый и сильный город сровнялся с землей.

После взятия Отрара монгольское войско разделилось. Словно два черных крыла распростерлись над Хорезмом. Одно из них накрыло страшной тенью Самарканд и Бухару, другое — кипчакский город — Сыганак.

Смерть всему живому несли монгольские тумены, превращая в пустыню еще недавно цветущие оазисы. Рушились украшенные причудливыми узорами дворцы и храмы; чистые и светлые водоемы, когда-то утолявшие жажду тысяч людей, заваливались трупами. Дикая степь не знала пощады и была глуха к предсмертным крикам.

Семь дней и ночей сдерживал натиск врагов город-крепость Сыганак. Взбешенные упорным сопротивлением монголы вырезали всех его жителей.

Да, так было... Об этом рассказывали отец и старые воины, которым посчастливилось участвовать в тех походах и дожить до старости.

Сартак еще раз бросил взгляд на Святослава. Лицо воина было бесстрастным, только глаза, внимательные и холодные, недобро смотрели из-под густых бровей.

Кто мог предполагать, что там, на развалинах Хорезма, взойдет звезда человека по имени Кара-Буги, а потом, в орусутских землях, после встречи его со Святославом, закатится. Поистине все может быть в этом подлунном мире и всякое случается.

Именно там, в Хорезме, взошла звезда Кара-Буги... Тогда ему было всего восемнадцать лет. Невысокий, крепко сложенный, он вдруг сразу выделился среди других воинов. И не сказочной силой, не бесстрашием, а яростью и жестокостью. Он насиловал девушек на глазах у родителей и, если кто-нибудь пытался вступиться

или помешать, бросался на непокорного с яростью шакала. Особым, известным только монголам приемом Кара-Буги ломал ему шейные позвонки и, подставив ладони под хлещущую из горла жертвы кровь, пил ее.

Так уж случилось, что со временем он оказался в войске Бату-хана, ходил с ним на орусутсткие княжества, участвовал в битве с немцами. О его жестокости даже монгольские воины говорили вполголоса. Бату-хан заметил Кара-Буги и сделал его сотником.

Сартаку нравилась беззаветная преданность воина Золотой Орде. Кара-Буги стал тенью молодого хана, его правой рукой. И когда хан крестился, он вместе со своим хозяином принял христианство. Новая вера, однако, не изменила Кара-Буги. Он по-прежнему был жесток и кровожаден.

Но один поступок Кара-Буги заставил вздрогнуть даже видавших виды монгольских нойонов и воинов.

Это случилось весной, когда скот бесчисленных монгольских стад уже узнал вкус молодой травы, а над озерами и речными протоками затрубили в золотые и серебряные трубы прилетевшие из теплых стран гуси и лебеди. Орусуты, пережившие голодную зиму, начали сев. Небольшой отряд монгольских воинов возвращался в Орду после сбора весенних податей с орусутских деревень.

Впереди отряда на черном жеребце ехал Кара-Буги. Он был одет в доспехи из черного железа и такой же шлем. Погрузневший с годами Кара-Буги походил издали на темную глыбу. Позади отряда медленно ползли тяжелые двухколесные арбы, груженные тем, что удалось получить или отнять в орусутских деревнях. Это в основном была пушнина. Шкуры волков, зайцев, лисиц, бобров и белок были старательно связаны в тюки, укрыты от непогоды.

Дорога была знакомая, опасаться некого, и воины расслабились, поснимали тяжелые лисьи тымаки, подставили головы теплому весеннему солнцу.

Когда отряд обогнул озеро, чуть в стороне, на опушке леса, открылась небольшая деревня. Было видно, как по черным полям в длинных холщовых рубахах ходили за сохами орусутские мужики и бабы. Картина была привычной и знакомой.

Вдруг Кара-Буги остановил коня. Из зарослей густого камыша, окружающего озеро, выскочила стайка детей — мальчика и девочек лет семи — девяти. На них, как и на взрослых, были длинные белые рубахи. Веселый гомон нарушил тишину. Дети что-то несли в подолах — видимо, яйца птиц, собранные у озера.

Но вот кто-то из них заметил монгольский отряд, и отчаянный, пронзительный крик ударил в уши. Побросав свою добычу, дети побежали к деревне. Впереди всех бежала длинноногая худая девочка с густыми золотистыми волосами.

Кара-Буги тупо смотрел вслед детям, потом в глазах его зажглась искорка интереса. Он ударил пятками коня и, припав к луке седла, помчался за ними.

Девочка бежала из последних сил. Иногда она оборачивалась, и в ее огромных голубых глазах Кара-Буги видел только ужас. Он в бешенстве скалил зубы, пытаясь схватить девочку за волосы, но она увертывалась, и погоня начиналась снова.

Наконец силы оставили беглянку. Она упала один раз, второй. И когда Кара-Буги все-таки догнал ее, спрыгнул с коня и перевернул на спину, тело девочки затряслось в судорогах, она откинула голову и вдруг обмякла, вытянулась.

Когда крик детей услышали работавшие в поле мужики, они поняли — у озера случилась беда. Похватав то, что подвернулось под руку, люди бросились на помощь детям. Первым прибежал отец девочки — Святослав. Сердце-вещун словно придало ему силы. Но было поздно. Он увидел только спину Кара-Буги и все-таки узнал его. Очень хорошо знали в окрестных орусутских деревнях этого страшного черного человека.

Говорить было не о чем. В суровом молчании стояли над мертвым ребенком люди. Преступление требовало мести. Но разве плеть перешибет обух? Тяжелые ладони сжимались в кулаки, и глаза загорались ненавистью.

Святослав, сняв с себя рубаху, завернул в нее тело дочери, поднял на руки. Потом обвел собравшихся невидящим взглядом:

— Идите... Работайте... Я пойду к самому Бату-хану.

Никто не заступил ему дорогу, не посмел удерживать. И в напутствие ничего ему не сказали. Одна мысль была у всех, одно желание, но не наступило еще то время, когда суждено им сбыться.

Не знал Кара-Буги, когда творил свое черное дело, что три дня назад великий Бату-хан со своей свитой приехал на одно из ближних озер поохотиться на перелетных птиц.

Целый день шел воин к ставке хана. Огромное солнце, словно зная о его горе, остановилось у края земли и залило леса и долины тревожным красным светом. И шатры ханской ставки, когда увидел их наконец Святослав, были от этого света словно обрызганные кровью.

Воин остановился лишь на миг. «Чем умирать каждый день,— подумал с горечью он,— лучше пусть это случится сразу». Святослав нащупал нож, спрятанный в складках штанов, передвинул его поближе к бедру, чтобы при случае можно было быстро выхватить, и шагнул вперед.

Ханские нукеры, окружив Святослава плотным кольцом, привели его к Бату.

Хан, только что вернувшийся с охоты, стоял у своего шатра.

Без страха приблизился к нему Святослав, держа на вытянутых руках тело ребенка. Глядя на лицо хана сухими, полными отчаяния и горя глазами, он рассказал о случившемся. Лицо Бату-хана окаменело, и рука потянулась к кинжалу. Жестом он велел своим туленгитам разыскать и привести Кара-Буги.

Нукеры проворно поставили перед шатром походный трон хана. В ожидании, когда приведут Кара-Буги, Бату велел позвать тибетского ламу Сакия — врачевателя великого каракорумского хана Угедэя, гостившего в Золотой Орде. И когда глубокий старец приблизился к нему, попросил:

— Узнай и скажи нам, отчего умерла девочка, которую принес орусут.

Выражая повиновение, лама склонился в глубоком поклоне.

Четыре туленгита, подталкивая остриями копий, пригнали к шатру хана Кара-Буги. Монгольский воин смотрел исподлобья. Темное лицо его сделалось совсем черным, и только белые зубы щерились злобно и хищно.

— Скрутить ему руки,— приказал Бату.

Нукеры повалили Кара-Буги на землю, завернули ему руки за спину, крепко стянули их у запястий сыромятными ремнями.

Из шатра вышли лама Сакия и Святослав. Вокруг ханского трона собрался народ, и все затаив дыхание смотрели то на Бату, то на запрокинутое лицо девочки, которую держал орусут, ожидая дальнейших событий.

— Так отчего умерла девочка? — хмуря брови, сурово спросил хан.

— У нее разорвалось сердце, о великий хан.

Бату перевел взгляд на стоящего на коленях Кара-Буги. Получалось, что хан обидел своего воина напрасно. Стоило ли бесчестить и наказывать его, одного из самых преданных, за смерть какой-то орусутской девочки?

Бату снова повернулся в сторону ламы:

— Значит орусут лжет, утверждая, что над его дочерью совершено надругательство?

Немигающие глаза хана сузились, и взгляд стал похож на взгляд змеи. Люди замерли, опустили головы, и только Святослав все так же дерзко и смело смотрел на Бату.

— Нет. Он говорит правду,— уронил в тишине лама.— Насилие совершено над мертвым телом...

Тихий вздох, как порыв ветра, пронесся по толпе. По монгольским обычаям, то, что совершил Кара-Буги, считалось величайшим преступлением.

Даже Бату-хан, сам не знавший ни к кому пощады, устраивавший пиры на телах поверженных врагов и равнодушно слушавший, как трещат и ломаются их кости под тяжелыми досками, побледнел.

Взгляд его замер на Кара-Буги:

— Верно ли говорит великий лекарь Сакия?

— Да,— прохрипел Кара-Буги. Лицо его исказила гримаса страха.— Но я не мучил душу ребенка, о великий хан! Ведь мертвому телу все равно...

Сартак вспомнил, как чувство омерзения затопило тогда все его существо. Он вспомнил, как отец повернулся к своему брату Менгу и спросил:

— Какое наказание для этого человека ты считаешь уместным?

Менгу, известный своей жестокостью, помедлил с ответом, потом сказал:

— Это преступление, бросающее тень на монгольского воина. Но Кара-Буги многое сделал для завоевания орусутов, и потому наказание можно смягчить. Сто ударов лозой...

Бату-хан глянул на младшего брата Берке:

— Что скажешь ты?

— Согласно мусульманской вере, такой человек после своей смерти должен вечно гореть в огне, ибо он совершил насилие над мертвым телом ребенка. Такое преступление нельзя прощать. Назначьте ему тысячу ударов.

Бату обвел взглядом лица собравшихся. Нойоны и воины, стоящие вокруг его трона, привыкли к человеческим смертям, их не пугала кровь, и сердца не знали сочувствия к чужим страданиям. Но поступок Кара-Буги был за гранью дозволенного. И каждый, какой бы он веры ни предерживался, какому бы богу ни поклонялся, понимал, что это преступление. От этого лица людей были угрюмы.

— Что бы ты хотел? — спросил вдруг Бату у Святослава.

— Отдай его мне,— все так же не отрывая взгляда от лица хана, сказал орусут.

Бату задумался. Менгу прав. Из-за смерти ребенка побежденного народа стоит ли лишать жизни воина, который всю жизнь преданно и верно служил Орде?.. Да, он виновен в страшном поступке. Может быть сделать, как советует Берке,— назначить тысячу ударов, и пусть надеется на счастье? Если Небо хранит его — Кара-Буги выживет. Но сочтет ли такое решение справедливым толпа? По лицам видно — воины ждут смертного приговора. Наивен и глуп народ. Можно уничтожить миллионы безвинных людей, но стоит однажды поступить по справедливости — и все будет забыто, прощено. Его будут звать Саин-ханом — справедливым ханом. А разве не стоит жизнь одного сотника мнения стотысячного народа?

Бату выпрямился, поднял голову и в упор посмотрел на Святослава:

— Пусть будет по-твоему, орусут.

Толпа всколыхнулась.

— Слава! Бату-хан — справедливый хан!

— Саин-хан! — закричали люди.

Кара-Буги рванулся, пытаясь на коленях подползти к Бату-хану, но острые копья туленгитов уперлись в грудь. В страхе и ярости катался он у подножья трона, выкрикивая слова мольбы, но за ревом толпы, повторяющей хвалу мудрости хана, его воплей не было слышно.

Святослав положил тело девочки на землю и пошел к монголу. Стража расступилась перед ним, давая дорогу. Орусут схватил Кара-Буги за волосы, в руке сверкнуло тонкое лезвие ножа. Огромная черная голова монгола покатилась по земле...

Святослав спрятал нож, поднял тело дочери и, ни на кого не взглянув, пошел прочь. Толпа воинов почтительно расступилась.

Бату-хан повернулся к своему главному визирю Сауку — сыну младшего брата отца.

— Останови его! — властно приказал он.— Дай коня и выкуп за дочь.

Тулен-багадур, зять Бату, один из самых смелых военоначальников Золотой Орды, довольный решением хана, склонил голову в знак одобрения и негромко сказал:

— Саин-хан! Справедливый хан...

Его слова услышали, и толпа воинов вновь закричала:

— Бату-хан — Саин-хан!..

Твердый в своих решениях, не знавший жалости и сострадания Бату умел изображать из себя справедливого человека, чтобы поддержать уважение в войске. Не хотелось ему терять отважного Кара-Буги, но что поделаешь, видно, такова воля Неба.

— Хорошо помнит Сартак тот случай. И сейчас, глядя на Святослава, он подумал, что время не властно над этим человеком. Прошло пятнадцать лет, а он по-прежнему крепок и силен, только волосы и борода в густой седине. Значит, Святослав сейчас в дружине князя Александра, раз приехал с посольством. Все больше орусутов собирается под знамена непокоренного Новгорода.

Думая сейчас о Святославе, Сартак не знал, что в толпе, встречающей русское посольство, есть еще один человек, который так же, как и он, хорошо помнит те далекие события у озера. Это был младший брат черного Кара-Буги. Он выполнял при дворе Сартака обязанности бакаула — распорядителя еды и напитков. Он помнил все и тоже узнал Святослава, но ни один мускул не дрогнул на его скуластом бронзовом лице, только в глазах на миг вспыхнули и тотчас же погасли недобрые волчьи огоньки.

Когда вошли во дворец, Сартак сказал:

— Уважаемые послы, мы не станем сегодня говорить о деле. Вы гости хана великой Золотой Орды...

Орусуты поклонились, выражая тем самым согласие с волей хана.

Сартак повернул голову в сторону человека с суровым, мрачным лицом:

— Я думаю, мой главный визирь не против?

Тот кивнул. Это был знаменитый Саук, выполнявший обязанности визиря еще у Бату-хана. Ему давно перевалило за шестьдесят, и некогда гладкое, круглое лицо избороздили морщины. Он был самым старым из потомков великого Чингиз-хана и потому имел особое влияние на дела Золотой Орды. Во время похода монголов на орусутские земли отец Саука — Кулкан возглавлял отдельное войско. Его тумены овладели городом Коломной, но во время битвы он погиб от орусутской стрелы.

По обычаю чингизидов, если при осаде города погибал кто-нибудь из их рода, должна была свершиться страшная месть. И здесь они не отступили от своего правила. Все жители Коломны, от грудных детей до древних стариков, были вырезаны.

Желание продолжать мстить за отца руководило всю жизнь поступками Саука. И, с тех пор как он стал главным визирем Бату, Саук постоянно твердил хану о необходимости разговаривать с орусутами только языком кривых монгольских сабель. «Бахадуры, пока они в ссоре,— не объединятся. Разграбленное тобою государство никогда не станет тебе другом. Дружбу ищут до тех пор, пока чувствуют силу. Если не хочешь, чтобы они выступили против тебя,— увеличь еще больше свою мощь, будь жесток и безжалостен»,— не уставал повторять Саук.

Для орусутских гостей забили молодую кобылицу, принесли вино и кожаные мешки — сабы, полные свежего пенящегося кумыса. Известный кипчакский тайши — сказитель Сулунгут, подыгрывая себе на домбре, поведал собравшимся историю жизни великого Чингиз-хана.

Гортанным, хриплым голосом он пел о Торган Шире, который спас молодого Чингиз-хана, когда люди из рода тайжигут хотели убить его. И о том, как простой монгол Темуджин, сделавшийся великим Чингиз-ханом, подарил тому земли мерки-

тов, протянувшиеся от монгольских степей до реки Селенги, и дал звание дархана, разрешив носить кольчугу [1] и перья орла на головном уборе [2].

Велика была щедрость Потрясателя вселенной, и потому он даровал Торган Шире девять прощений за будущие проступки.

Сказитель бил по струнам домбры, и глаза его сверкали вдохновением и верой. Для орусутских послов рассказывал он жизнь Чингиз-хана, прадеда Сартака, рассказывал, как Потрясатель вселенной умел за добро платить добром.

О покорности и преданности великому Чингиз-хану всех племен и народов говорил сказитель, повествуя о клятве, которую дали нойоны Алтай, Кучир и Сечей-беки, когда тот взошел на золотой трон:

— Если на врага пойдем — приведем
Во дворец к тебе девушек самых красивых
И жен его приведем прелестных,
Аргамаков отборных, тонкошеих,
Самых быстрых в степи.
Если на охоту поедем, то, весь мир обойдя,
Для тебя мы добудем и к седлу приторочим
Зверей самых ярких, соболей со шкурами черными.
Если же нарушим мы клятву свою,
Нас, рабов своих неблагодарных,
Оставь у погасшего очага,
Разлучи с любимыми женами и детьми.

Закончив петь, сказитель обвел всех взглядом, полным торжества и достоинства. Своим видом он словно давал совет орусутским послам быть честными и преданными Сартак-хану, потомку великого Чингиза, так же как были преданы люди, жившие много десятилетий назад.

Это поняли все собравшиеся.

И если Саук мысленно одобрил слова, произнесенные сказителем, то Святослав помрачнел еще больше. Не по душе ему был этот прием, невыносимым казался сам воздух ханской ставки. Едва скрывая ненависть, смотрел Святослав на людей, одетых в шубы из волчьих и бобровых шкур, в лисьи малахаи, с лоснящимися от жира лицами. Чванливо, высокомерно вели себя монголы, одетые в дорогие меха, увешанные оружием, украшенные золотом. Все это было отобрано у тех, кто пух сейчас от голода в курных избах, стонал под непосильным ярмом на истерзанной русской земле.

Еда не лезла в горло Святославу, не пьянел он и от вина и кумыса.

Его состояние заметил не только Сартак, но и остроглазый Саук. «Насколько я ненавижу орусутов, настолько и они ненавидят нас,— подумал он вдруг с необъяснимой тревогой.— Придет, видимо, время, когда дороги наши пересекутся...»

Пир по случаю прибытия орусутов заканчивался. И снова взял в руки домбру кипчакский сказитель Сулунгут, чтобы пропеть то, что ответил Чингиз-хан на клятву преданных нойонов:

— Добычу, отнятую вами у врага,
Не несите мне, а себе возьмите.
Соболей и волков, добытых на охоте,
Не отдавайте мне. Себе берите.

Наступила полночь. Торгоуты — стражники, охранявшие днем, уступили место коптегулам — воинам, стерегущим покой ханской семьи ночью. И до первых лучей солнца ничто живое не смело приблизиться к дворцу. Сабля и стрела кэшиктэна —

[1] Воины Чингиз-хана не носили ни кольчуг, ни панцирей.

[2] Перья орла на головном уборе считались признаком власти.

гвардейца лишила бы жизни всякого, кто решился ослушаться воли повелителя Золотой Орды.

Прошло сорок лет, как ушел из жизни Чингиз-хан, а потомки по-прежнему свято следовали его наставлениям. Для охраны дворца и соблюдения порядка в Орде был создан специальный тумен кэшиктэнов — гвардейцев. Чингиз-хан учил: «Раньше в нашем подчинении было восемьсот коптегулов и семьсот торгоутов. Мы повелели образовать тумен кэшиктэнов. Стать гвардейцем может сын нойона и предводителя тысячи, сын сотника и десятника, и любой простой воин из народа. Для этого он должен хорошо знать военное дело и быть пригож лицом. Сын предводителя тысячи обязан привести с собою десять товарищей и младшего брата, сын сотника — пять товарищей и брата, сын десятника или простого человека — по три товарища и по брату. Каждый, желающий стать кэшиктэном, должен получить на прежней службе коня и оружие. Никто не смеет препятствовать воинам вступать в ряды кэшиктэнов».

Большие обязанности брал на себя каждый, кто становился гвардейцем Чингиз-хана, но и привилегии ему давались огромные. Потрясатель вселенной учил:

«Никто не имеет права сидеть выше кэшиктэна. Никто не имеет права, проходя мимо него, не назвать своего имени. В дом или шатер, охраняемый кэшиктэном, никто не смеет входить без его разрешения. Проходя мимо, запрещается разговаривать с ним о чем бы то ни было. Запрещается спрашивать гвардейца о количестве людей в том месте, где он несет охрану. Человек, расхаживающий без разрешения кэшиктэна, может быть задержан им и даже убит при неповиновении. Простые нойоны и тысячники обязаны сидеть на почтительном расстоянии от рядового гвардейца».

Опорой Орды Чингиз-хана было всегда войско, а лучшими в нем, самыми преданными были кэшиктэны. Они служили хану надежной дубинкой в борьбе с внешними и внутренними врагами.

«Мои потомки, которые после меня займут трон, и потомки их потомков, если хотят воздвигнуть мне золотой памятник, пусть берегут как собственные глаза кэшиктэнов, ибо всегда больше собственной жизни берегли они меня»,— говорил Чингиз-хан.

Когда Бату стал ханом Золотой Орды, он поступил так, как завещал великий дед. Преданные гвардейцы окружили его трон. Только назывались они не кэшиктэнами, а туленгитами.

Орусутских послов, уставших от долгой дороги и от устроенного в их честь Сартаком пира, отвели в покои. У двери в комнату, где предстояло спать Данилу, встал туленгит с обнаженной саблей. Боярин разделся, собираясь было лечь в постель, расстеленную на громадной шкуре тигра, как открылась дверь и с факелом в руке вошел советник Сартака ромей Койак. Отблески пламени заметались по коврам, которыми были увешаны стены комнаты, и их причудливые узоры заиграли таинственным светом, то наливаясь красками, то тускнея.

Ромей молча поклонился.

Данил выжидающе смотрел на вошедшего, ждал, что скажет Койак.

— Сейчас по велению великого хана для вас приведут девушку.

Боярин удивленно поднял голову.

— Девушку?

— По древнему монгольскому обычаю, если прибыл уважаемый гость, всегда поступают так...

— Но ведь христианская вера запрещает это. Разве великий хан Сартак не христианин?

Тонкие губы ромея тронула чуть заметная улыбка, но он тотчас же спрятал лицо в тень.

— Нет,— сказал он.— Хан — монгол...

Откуда было знать боярину, что Сартак, приняв христианскую веру, по-прежнему придерживался монгольских обычаев? Всякое было намешано в новом хане Золотой Орды. В нем сочетались и глубокая преданность языческим заветам Чингиз-хана, и хорошее знание правил и догм христианства. В своих делах и поступках он не всегда руководствовался ими...

Данил хотел подробнее расспросить Койака о хане, но ромей уже исчез, и тихонько стукнула закрывшаяся за ним дверь.

Вскоре туленгит огромного роста втолкнул в комнату девочку лет двенадцати-тринадцати — нежную, как шелк, и красивую, как цветок.

Согласно порядку, установленному еще Чингиз-ханом, дворцовая стража несла не только военную службу. В обязанность туленгитов входило проведение различных празднеств в Орде и даже снабжение продовольствием ханской ставки. Судьба мужчин и женщин, состоящих при дворце, кроме ханских родственников, находилась в их руках. Вот поэтому-то, получив от Сартака приказ, начальник стражи по своему усмотрению распорядился единственной дочерью вдовы, которая работала на ханской кухне.

Втолкнув девочку, туленгит, прижав руку к груди, молча поклонился боярину и исчез за дверью.

Девочка была удивительно красивой. Тонкая, как весенняя травинка, белолицая, с огромными, как у верблюжонка, глазами, с косами, черными словно ночь. Глаза, полные слез, со страхом смотрели на боярина.

Данил тихо подошел к ней и опустил руку на спину. Худенькое тельце девочки задрожало. Она закрыла лицо руками и громко заплакала.

Ласково подталкивая девочку, боярин подвел ее к двери.

— Не бойся. Я не трону тебя,— с трудом подбирая кипчакские слова, сказал он.

Но девочка, видимо, не услышала его. Она по-прежнему продолжала рыдать.

Данил открыл дверь и сказал туленгиту:

— Пусть идет к себе. Мне не нужна женщина.

И на следующий день хан Сартак не стал вести переговоры. Ему хотелось показать орусутским послам своего быстрого иноходца, свору гончих и похвастаться меткими воинами-стрелками. Поэтому он затеял охоту.

Орусутов подняли на рассвете. Зима в этом году выдалась суровая, снежная, и, казалось, со всей кипчакской степи собрались к ханским табунам волчьи стаи.

Специально выделенные для охраны табунов воины ничего не могли поделать с хищникам. Снег проваливался под копытами коней, и волки успевали уйти от погони. Только стремительные и легкие гончие да искусные стрелки могли помочь справиться с серыми разбойниками.

Поздно вечером вернулись в Орду усталые охотники. Удача сопутствовала им — добыча была большой. Договорившись с ханом, что переговоры начнутся утром, орусутские послы разошлись по отведенным для них покоям.

Едва Данил лег в постель, как вчерашний туленгит вновь привел в его комнату девочку с глазами верблюжонка.

Она не плакала, как вчера, только тревожно и боязливо оглядывалась на дверь. Боярин понял — девочка хочет что-то сказать. Он жестами позвал ее к себе.

Преодолевая страх перед орусутом, девочка на цыпочках приблизилась к нему, наклонилась к самому его лицу и горячо зашептала:

— Не пей рашия — вино, которое подадут тебе завтра.

Данил понял только «рашия — вино». Он знал — так называется вино, которое обычно пьют монгольские ханы. Сердце вдруг подсказало — девочка предостерегает его. Боярин похолодел от недоброго предчувствия.

— Что ты сказала? Повтори...

Девочка удивилась, что орусут не понимает ее языка. Глаза ее потемнели от отчаяния, но вдруг в них сверкнула искорка, и она вновь зашептала, сопровождая слова жестами:

— Завтра тебя угостят вином — рашия,— девочка ткнула в грудь боярина пальцем.— А ты не пей.— Она замотала головой и показала, как отталкивает руками чашу.— Если выпьешь...— девочка поднесла сложенные ладони ко рту, словно собиралась пить напиток.— Умрешь! Погибнешь...— девочка изобразила умирающего человека.

Данил понял.

— Вино-рашия...— повторил он, пристально вглядываясь в взволнованное лицо девочки.

— Да! Да!

Боярин благодарно улыбнулся.

— Спасибо...— и погладил ее по голове.— А теперь иди...— Данил показал рукой на дверь.

Девочка проворно и неслышно бросилась к выходу.

В судьбах людей и даже целых народов заметное место всегда отводилось вину. История знает примеры, когда государство из-за того, что его подданные слишком любили вино, превращалось в прах и навсегда исчезало с лица земли. Могущественные страны, завоевывая земли более слабых соседей, вместе с насилием, творимым оружием, кроме обычной жестокости, несли вино. Захватчики, не добившись желаемого оружием, подчиняли себе людей религией, обычаями и опять же вином. Страшным бедствием для народов, у которых еще не сложилась государственность, было вино. Это хорошо понимал Чингиз-хан. Он знал: чтобы победить врага, мало иметь железную дисциплину. Помимо этого должна быть другая сила, которая бы подогревала, туманила ум и чувства воинов его многонациональной Орды. Поэтому Потрясатель вселенной разрешал грабить, насиловать женщин и пьянствовать. Он и сам любил вино и, употребляя его, часто не знал меры. Однажды, когда многодневная пьяная оргия в ставке едва не кончилась гибелью хана, его советник Шиги Хутуг с горечью сказал:

— О великий хан, я не знал раньше, что есть на свете сила, которая стоит выше тебя...

Чингиз-хан, уязвленный словами советника, снял с головы борик, положил его на трон и низко склонился перед ним.

— Выше меня только моя шапка,— сказал он высокомерно.

— Нет,— возразил Шиги Хутуг,— выше тебя вино.

Может быть, этот разговор, а быть может, и дальнейшие события вдруг изменили образ жизни Чингиз-хана. Он стал воздержан к вину и жестоко карал тех, кто поступал иначе.

После победы Угедэя и Джагатая над хорезмшахом Мухаммедом их войско едва не погибло. Захватив столицу Хорезма и отыскав дворцовые винные подвалы, монгольские воины ударились в пьянство. Сыновья Чингиз-хана, их нойоны, рядовые воины пили неделю, две, пили до потери сознания. Одуревших от вина монголов целыми сотнями вырезали уцелевшие жители Хорезма.

Узнав об этом, Чингиз-хан впал в ярость. Он отправил в Хорезм специальный отряд, который с помощью китайского порошка, состоящего из измельченной серы и хлопка [1], взорвал винные подвалы шаха.

Так было спасено монгольское войско.

Историки утверждают, что Чингиз-хан разгневался на своих сыновей за то, что они присвоили себе всю добычу. Но дело, видимо, не только в этом. Потрясателя вселенной напугало то, что дети его, предавшись пьянству, не смогли догнать и полностью уничтожить разгромленное войско хорезмшаха. Именно после этого события он велел записать свои слова:

---

[1] Китайский порох.

«Пьяный человек глух и слеп, в нем нет ума и понятия. Его знания и талант ничего не стоят. Он ничего не добьется, кроме позора. Правитель, склонный к пьянству, не способен на великие деяния. Предводитель войска, отуманенный вином, не может вести воинов. Пьяный нойон не поймет, куда послал стрелу и попал ли в цель.

Если невозможно не пить, то самое большое надо ублажать себя три раза в месяц. Хорошо пить один раз. Еще лучше не пить совсем. Но трудно встретить непьющих...»

Потомки Потрясателя вселенной старались по мере сил выпонять его наказ, но не запрещали пить народам завоеванных и зависимых государств. Наоборот, чтобы ослабить их ум и чувства, всячески поощряли употребление вина.

Во времена хана Гуюка был такой эпизод. Хан спросил имама Нуриддина Хорезми:

— Вино помогает отдохнуть уставшему, уменьшает горе несчастного, поднимает настроение и дух. Оно готовится из чистых зерен проса и пшеницы, сладких виноградных ягод. И если пророк Мухаммед действительно любит людей и думает о том, чтобы они были счастливыми, то почему он запрещает пить своим последователям?

И Нуриддин Хорезми ответил:

— Давным-давно один из последователей пророка-сахиба, устав от долгого пути, решил остановиться на отдых у одинокой женщины. Молодая вдова не пустила его в дом. Она сказала: «Если хочешь заночевать у меня, то выполни одно из трех условий. Или переспи со мной, или убей моего пятилетнего сына, или выпей чашу виноградного вина».

Последователь пророка подумал: «Пересплю с женщиной — впаду в грех, убью безвинного ребенка — совершу преступление. Выпью-ка чашу вина, и будет мне от этого услада в жизни и радость».

Он пообещал женщине выполнить последнее ее условие. Женщина пустила его в дом. Но когда последователь пророка выпил вино и опьянел, он залез в постель женщины и убил ее ребенка. Что не сделает пьяный?

С той поры Мухаммед, любя людей, запретил мусульманам пить вино.

Вот так это было.

Утром следующего дня в Орде начались переговоры с орусутскими послами. Учитывая тяжелое положение Новгородского княжества, хан Сартак согласился в течение двух лет не брать с орусутов шулен [1], яман [2] и ундан [3], а также сбор с урожая — авариз. От податей освобождались также другие князья, поддерживающие Александра Невского.

О том, окажет ли Золотая Орда помощь князю, если немцы пойдут на Новгород, Сартак ничего определенного не сказал.

На то были свои причины. Неодобрительно смотрели на его отношения с орусутами старейшины Чингизова рода. Приходилось остерегаться и Ногая, и Саука, и Бахадура, и Менгу, и Темира. Те считали, что Орда не должна оказывать помощь тем, кто еще вчера был ее врагом.

С окончательным решением о помощи орусутам можно было не спешить. Если же немецкие рыцари двинутся на Новгород, тогда проще будет убедить несогласных в необходимости объединения с орусутскими князьями. Покорив новгородцев, немцы могут оказаться лицом к лицу с Золотой Ордой, а враг это сильный и его интересы, без всякого сомнения, столкнутся с интересами монголов. Этот довод хан Сартак решил приберечь на будущее, на случай борьбы со своими противниками.

[1] Шулен — подать с поголовья скота.

[2] Яман — подать с воды, которая взималась согласно количеству людей и скота.

[3] Ундан — подать на содержание ямщиков.

Ему приходилось думать о завтрашнем дне Орды. Ханство по-прежнему казалось сильным и крепким, но уже отошли от него Кавказ и Азербайджан, и правил этими землями другой отпрыск Чингиз-хана — Кулагу. Сартак знал — много есть желающих прибрать к рукам Крым и Хорасан. Что будет, как сложатся дела через пять, десять, двадцать лет? Золотая Орда не должна отказываться от союза с орусутскими северными княжествами. Может случиться так, что для борьбы с внутренними врагами потребуется их помощь.

На переговорах с орусутами Сартак заметил, что не только Саук и Бахадур против его союза с Новгородом. Не по душе это и Святославу, но старый воин делал все, чтобы не выдать себя. Его нетрудно было понять. Мог ли человек, видевший, какое страшное разорение принесли монголы его земле, искать с ними союза? Только великая нужда толкала орусутов на это — у границ стояли немецкие рыцари и выбирать приходилось из двух зол.

От верных людей хан Сартак знал, что в Новгороде Святослав пользуется большим уважением у простого люда и имеет влияние на князя Александра.

Сартака это тревожило.

Великий Чингиз-хан учил: «Если у тебя есть подозрение, что завтра твой враг станет другом, а друг — врагом, то откажись от них, пока друг является другом, а враг — врагом».

Мудрая мысль. Но прадед был единым правителем всех покоренных земель, и ему не приходилось бояться близких, которые сегодня готовы в любой момент перерезать горло или насыпать в чашу яда.

После переговоров в честь отъезжающих послов был устроен пир. В комнатах дворца поставили низкие круговые столы, уставили их всем тем, чем могла похвалиться Золотая Орда. На деревянных блюдах дымились горы мяса, пенились в ковшах кумыс и торосун — монгольское вино, в серебряных чашах подали вино и рашию.

На почетном месте, по правую руку от хана, сидел его главный советник Саук, слева — боярин Данил.

По традиции, установленной еще Чингиз-ханом, дворцовый бакаул приблизился к Сартаку и попробовал кусочек мяса с поданного тому блюда, затем отпил из его чаши глоток вина. Хан должен был быть уверен, что его еда и питье не отравлены.

Сартак первым поднял золотую чашу и выпил ее до дна. То же самое сделала и его свита. Только орусутские послы, не пригубив своих чаш, поставили их на стол.

Хан удивился. Еще вчера орусуты с удовольствие пили вино, пили много и не пьянели, а сегодня... Чего-то остерегаются? Или не пьют оттого, что бакаул попробовал вино только из его чаши? Но точно так же было и в прежние дни... Значит, есть какая-то причина. Плохо, когда не доверяют хозяину гости.

— Что случилось? — нахмурившись, спросил Сартак.— Почему гости не захотели отведать нашего вина?

Хан смотрел на боярина Данила. Тот не успел ответить. Святослав медленно поднял свою чашу и осторожно, чтобы не расплескать вино, поставил ее перед Сауком.

Визирь, по обычаю монгольских воинов предпочитавший пить бузу торосун, понял, чего хочет орусутский воин. Он неторопливо взял чашу.

У Сартака мелькнула мысль, что орусут рассчитал верно. Если вино отравлено, то это вполне мог сделать Саук. Визирь не скрывал неприязни к новгородцам.

Но Саук, не дрогнув лицом, поднял чашу.

— С юности я приучен к монгольскому напитку — торосуну, а к кипчакскому вину никогда не лежала душа,— сказал он.— Но если так хочет гость...— визирь поднес чашу к губам.

Хан вдруг быстро протянул руку.

— Подождите... Мы знаем, что вы не пьете рашию...— Глаза Сартака заметались по лицам собравшихся. Нет, видимо, Саук ни в чем не виноват, коль так смело взял чашу... Можно было бы приказать вообще убрать со стола вино, но если оно даже не отравлено, то это даст повод новгородцам думать, что они не ошиблись в своих подозрениях и в вине был яд. А самое главное — подозрение в коварстве падет на самого хана.

Если бы Сартак видел в этот миг лицо своего бакаула, то все бы понял. Белее снега тот замер за его спиной.

Глаза хана остановились на туленгите, стоящем на страже у входа. Он поманил его рукой.

— Подойди сюда. Выпей.— Сартак указал глазами на чашу.

Оробевший воин, счастливый тем, что принимает милость из ханских рук, осторожно, двумя руками, взял чашу и приник к ней.

Никто в Орде не смел нарушить приказ хана, но туленгит вдруг перестал пить. Лицо его сделалось растерянным.

— Великий хан,— сказал он.— Разрешите не пить дальше, ведь я мусульманин и...— туленгит не закончил фразу. Лицо его перекосила гримаса боли, чаша выпала из задрожавших рук, и он, неловко завалившись на бок, рухнул на пол.

Звенящая тишина повисла в ханских покоях. Сотни глаз смотрели сейчас на Сартака, ожидая, как он поступит и что скажет. Ноздри хана подрагивали, глаза сузились, рука, чтобы скрыть дрожь, потянулась к кинжалу.

Сартак не проронил ни слова. Резко поднявшись из-за стола, он вышел из зала. Хану было теперь ясно, что кто-то хочет поссорить его с новгородцами. Видимо, не один он помнил, как много лет назад Турокин-хатун — мать хана Гуюка — отравила в Каракоруме отца Александра князя Ярослава. Именно тогда отшатнулись от Гуюка и Александр, и его брат Андрей и пришли к Бату-хану.

Кто-то обо всем этом помнил и хотел повторить то, что однажды уже было. Но кто?

По приказу хана была проверена вся дворцовая стража, все, кто так или иначе мог иметь доступ к сосудам с вином. Поиски были напрасными. Молчали, страшась за свои жизни, девочка Кундуз и ее мать, видевшая, как дворцовый бакаул влил в вино сок ядовитого цветка — кучелябы.

Два вопроса мучили Сартака — кто отравил вино и кто предупредил об этом орусутов? Выходит, нет единства в Орде, и даже во дворце есть такие, кто может в любой момент пожелать его смерти. «Неужели в случившемся замешан Саук? Он не любит орусутов, но едва ли хочет мне зла? Если бы он знал, что вино отравлено, Саук не решился бы его пить. Визирь хитер как лиса и потому нашел бы уловку, придумал повод, чтобы отказаться от роковой чаши...»

Молодой туленгит, отведавший вина, пролежал день и ночь без сознания. Дворцовый лекарь, вливавший ему в рот настои трав и молоко, сказал: «Его счастье, что он выпил так мало. Конец его был близок». Значит, где-то есть злобный и коварный враг. А здесь, в Орде, затаился и ждет своего часа человек, который в нужный момент исполнит его волю. У того, кто садится на трон Золотой Орды, всегда были враги. Сильна, богата Орда, и для завистника это лакомый кусок.

Сартак долго думал и решил, что единственный, кто мог бы надеяться занять его место,— это хан Берке. Возможно, ниточка заговора тянется к нему. Но в Орде как будто нет его людей, разве что бакаул, который когда-то бежал от него, но он ненавидит Берке, да и за годы, что живет при дворе, много раз имел возможность отравить хана.

Настораживало то, что Берке тоже давно поддерживал хорошие отношения с князем Александром. Ему выгодна была ссора Орды с орусутами.

С наступлением весны хан Сартак вместе со своими приближенными покинул город Сарай и откочевал на джайлау. А когда подсохла земля и реки вернулись в

берега, Сартак отправился в Каракорум, чтобы приветствовать великого хана Менгу и посоветоваться с ним о делах Золотой Орды.

Как было заведено исстари, проезжая через улусы, которыми управляли потомки великого Чингиз-хана, посещал их ставки. Не захотел он увидеть только Берке. В душе хана неприязнь сменилась ненавистью к брату отца, а подозрения превратились в уверенность.

Узнав, что Сартак миновал его владения, разгневанный Берке с сотней нукеров догнал караван хана Золотой Орды у переправы через Яик.

— Из потомков Джучи в Орде я самый страший! — сказал он, едва скрывая ярость.— Почему же ты позоришь меня перед другими, почему не заехал ко мне, чтобы посоветоваться про то, о чем будешь говорить с великим ханом Менгу в Каракоруме?

Сартак в упор посмотрел на Берке.

— Действительно, вы старший среди потомков Джучи... Но вы мусльманин, а я христианин... Было бы великим грехом смотреть в лицо такого мусульманина, как вы...

— Вот как! — Берке передернулся от ненависти.— Тогда прощай!

Он поднял к небу указательный палец, и на нем ярко блеснул перстень с крупным бриллиантом. Бакаул Сартака в страхе закрыл глаза ладонью.

— Прощай! — с угрозой повторил Берке и вскочил на иноходца, которого подвел к нему нукер.

Сартак не ответил. Он долго смотрел вслед Берке, пока его отряд не исчез в дрожащем степном мареве.

В этот же день караван хана и сопровождающая его тысяча отважных туленгитов переправились через Яик, и Сартак повернул своего коня в иртышские степи.

Через два дня они достигли берегов Иргиза и решили остановиться на дневку. Сартаку сделалось плохо, начался кровавый понос. Хан пожалел, что не взял с собой лекаря. С каждым часом ему становилось все хуже и хуже. Спустя двое суток, не приходя в сознание, хан Золотой Орды христианин Сартак скончался.

Хан Берке, вернувшийся после встречи с Сартаком в свою ставку, был мрачнее тучи. Сойдя с коня и бросив повод нукеру, он вошел в свой шатер, расстегнул украшенный золотом и дорогими камнями пояс, накинул его на шею в знак печали и заголосил:

— Уа! Аллах! Если вера пророка Мухаммеда справедлива, то пусть твой гнев и твоя месть падут на голову неверного Сартака, порочащего ее!..

Хан выкрикивал проклятия долго и громко, так, чтобы люди, бывшие вблизи ставки, могли его слышать.

Аллах как будто не спешил исполнять его желание. Прошел день, второй, третий... И вот на рассвете через ставку пронесся на коне гонец, держа в руке черное знамя. Он кричал:

— Люди! Скончался хан Золотой Орды Сартак! Горе нам!..

Мусульмане, слышавшие причитания Берке, говорили между собой:

— Наш шах истинный приверженец веры. Аллах услышал его и покарал Сартака. Свершилось возмездие!

Берке отныне был твердо уверен, что пришло его время сесть на трон Золотой Орды, но великий хан Каракорума Менгу вновь обошел его и сделал ханом младшего сына Бату — Улакши.

Не прошло и полгода, как на одном из пиров юный хан скончался, выпив отравленное вино.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Бывший бакаул хана Сартака Сары-Буги стоял на обрывистом берегу Итиля. Глубоко внизу, величественная и спокойная, катила, свивала в тугие жгуты свои волны река. Под синим небом, насколько хватал глаз, лежала степь в ярких цветах. От прохладного ветра клонились к земле высокие ковыли. Стремительные, как черные молнии, ласточки то взмывали в бездонную синь неба, то падали к самой воде. Сары-Буги неотрывно смотрел на волны великого Итиля. Душа его ликовала, но, глядя на неподвижную фигуру монгола, никто бы не угадал, какая буря чувств бушует сейчас в нем.

Неделю назад самые знатные и уважаемые люди подняли Берке на белой кошме — он стал ханом Золотой Орды. Исполнилась его давняя, заветная мечта.

Новый хан сразу же послал к Сары-Буги своего человека. Туленгит, который пришел к бакаулу, почтительно прошептал:

«Великий хан сказал, что когда-то его брат Бату в пылу ярости велел казнить бахадура Кара-Буги — храброго и верного воина Золотой Орды. Настало время успокоить его дух, и пусть для этого наша милость обратится на младшего брата погибшего, на единственного брата — Сары-Буги. Я думаю,— глаза туленгита горели завистью,— хан сделает тебя управителем аймака или назначит начальником тысячи».

Тонкие губы Сары-Буги от воспоминаний растянулись в улыбке, раскосые глаза превратились в крошечные щелки, зубы хищно ощерились, и он негромко, хрипло рассмеялся.

...Бату отдал Кара-Буги на растерзание орусуту... Нет, Сары-Буги ничего не забыл — он не старая баба, выжившая из ума. Ведь это Берке предложил наказать брата тысячью ударами и говорил, что за его проступок Кара-Буги, как мусульманин, будет вечно гореть в аду. А разве тысяча ударов — это не ад? Нет, совсем не жалость проявил Берке... А как, с каким презрением смотрел тогда на брата Сартак? Разве все это можно забыть?

Больше десяти лет пришлось ждать своего часа, прежде чем наступил миг мести... Нет, не ради заслуг Кара-Буги призывает его хан. Давно забыты подвиги брата при взятии Отрара и Харманкибе... Потомки Чингиз-хана крепко помнят только плохое. Не прошлое заставляет их быть добрыми... Все слова о подвигах Кара-Буги это для туленгита, чтобы он разнес славу о доброте хана среди людей. За сегодняшние заслуги должен вознаградить Берке-хан своего верного раба. Получив Золотую Орду, земли которой не обойти и за шесть месяцев, неужели хан не сделает его управителем улуса, равного шестидневному переходу? Сделает. Потому что Сары-Буги знает великую ханскую тайну...

Лицо бывшего бакаула вдруг побледнело, улыбка исчезла с губ, а душа наполнилась страхом. Сары-Буги услышал, как дрожит земля, как над степью катится зловещий гул. Он резко повернул голову. Гул ширился, рос, и привычное ухо монгола уловило топот копыт. Глаза Сары-Буги расширились от ужаса. Из-за крутой излучины Итиля несся прямо на него бесчисленный табун лошадей.

Бывший бакаул бросился к низине, где паслись стреноженные кони и стояла его юрта. Там были его жена и два малолетних сына. Но путь оказался отрезанным. И с той стороны, вздымая до неба пыль, сотрясая воздух тревожным ржанием, катилась живая лавина. Сары-Буги успел заметить, как мчится впереди табуна темно-чубарый жеребец Берке, никогда не знавший ни узды, ни волосяного аркана и легко справлявшийся с любым волком...

Спасая уже себя одного, Сары-Буги снова побежал к обрыву, но бешено мчавшиеся кони были близко и спасения не было. Монгол упал на колени, закрыл лицо ладонями...

Широкогрудый, длинногривый жеребец Берке ударил его железными копытами. Тело Сары-Буги покатилось под ноги табуна...

На том месте, где еще недавно стоял монгол, словно две реки встретились два полудиких табуна лошадей, принадлежавших хану Берке. И не было им числа. Сшибая грудью, кусая друг друга, яростно ржали жеребцы. Всхрапывали кобылицы, жалобные голоса потерявшихся жеребят летели над степью.

Потом оба табуна успокоились и бесконечным потоком медленно потекли на запад. Движение их было долгим. Только перед заходом солнца встретились табунщики. Они спешились, поздоровались, обнялись.

Земля, где промчались табуны, превратилась в пыль, и ничто не напоминало, что еще недавно здесь стояла юрта и жили люди.

Только главный ханский табунщик Салимгирей заметил то, на что другие не обратили внимания. В тот миг, когда лошади, подобно живой лавине, вырвались из-за излучины Итиля, ему показалось, что на высоком речном обрыве промелькнула крошечная фигурка человека.

Он никому не стал рассказывать об этом, но утром поехал на обрыв. Салимгерея не подвели его острые орлиные глаза. На том месте, где вчера ему померещился человек, на разбитой в прах земле табунщик увидел небольшой кинжал. Спрыгнув с коня, он поднял его. Ничего не смогли сделать копыта диких лошадей с прекрасной дамасской сталью и с рукоятью, усыпанной мелкими алмазами.

Салимгерей вдруг начал догадываться, почему Берке-хан велел прогнать по самому берегу Итиля свои не знавшие счета косяки.

Любуясь яркой игрой камней, украшающих рукоять кинжала, он невесело подумал: «Видно, боялся тебя Берке-хан, если решил растоптать твоего хозяина своими табунами. Хитер хан, коварен, жесток, если задумал для неугодного ему человека такую смерть. Недаром говорят — хан всегда умнее сорока мудрецов».

Через несколько дней Салимгерей преподнес кинжал Берке-хану. «Вещь дорогая, достойная только ханов,— сказал он.— Я нашел его на берегу Итиля, там, где прошли табуны...»

Хан, сощурив раскосые глаза, пристально посмотрел на табунщика. Он узнал свой кинжал, который много лет назад вложил в руки Сары-Буги и объяснил, зачем он может понадобиться. Значит, бакаула больше нет. Ушла вместе с ним и тайна Берке. Навсегда. Для всех. Велик аллах! На все его воля!

Хан поблагодарил табунщика за дорогой подарок, а потом позвал визиря и велел ему назначить Салимгерея сотником.

Сделавшись ханом Золотой Орды, Берке не стал переезжать в город Сарай, во дворец Бату-хана. Ставка его по-прежнему оставалась на земле принадлежавшего ему аймака, в небольшом городке Актюбе, что находился в девяти фарсахах[1] от Сарыкума. Но, подражая основателю Золотой Орды, хан велел называть свою ставку тоже Сараем, хотя официальной столицей Орды оставался по-прежнему Сарай-Бату. Одним из первых его деяний после вступления на престол был приказ воздвигнуть мечеть с золочеными минаретами.

[1] Фарсах — мера длины, равная шести километрам.

Как и Бату, Берке не выделялся крупным телосложением — он был среднего роста, сухощав и подвижен.

Подобно большинству потомков Чингиз-хана, он унаследовал от деда злобу, зависть, жестокость и смелость в решениях. И так же как его великий предок, умел скрывать свои чувства и замыслы. В отличие от своего брата Бату, Берке никогда не мстил в открытую, предпочитая вершить дела чужими руками, оставаясь в тени.

По его наущению Менгу в год, когда стал повелителем великого монгольского ханства в Каракоруме, в одну ночь приказал вырезать семьдесят пять человек из монгольской знати вместе со старшим сыном Джагатая — Бори. Никто не знал, какую роль в этом сыграл Берке, опасавшийся растущего влияния потомков Угедэя и Джагатая.

Берке считал, что действовать открыто еще не пришло время. Да и зачем? Недаром говорят, что если аллах захочет услышать, то услышит даже шепот.

Далеко шли коварные замыслы Берке. Он только выжидал удобного случая, чтобы уничтожить всех потомков Угедэя и Джагатая, навсегда отрубить эти две громадные ветви на древе Чингизова рода.

Но все замыслы в свое время перепутал Бату-хан. Отправляясь в поход на орусутские и другие лежащие к западу земли, он взял с собою молодого Алгуя, рожденного от среднего сына Джагатая — Байдара и восемнадцатилетнего Кайду, рожденного от сына Угедэя — Хаши.

Особенно ненавидел и боялся Берке отважного и дерзкого Алгуя, в котором угадывал в будущем своего главного соперника. Он жаждал его смерти, но страх стать врагом Бату-хана заставлял откладывать исполнение задуманного.

Берке всегда пользовался уважением великого хана Менгу. Однажды по его просьбе хан даже открытие курултая велел начать с мусульманской молитвы. Это был знак большого доверия по отношению к родственнику, потому что сам Менгу не придерживался никакой веры, поклоняясь только тому, чему поклонялся его предок Чингиз-хан.

Осторожность Берке, его хитрость позволяли ему всегда быть одним из первых среди потомков Потрясателя вселенной. Он неплохо показал себя при взятии Хорезма и подчинении кипчакских степей, в походах на орусутов. Он никогда не бросался в битву во главе своих туменов, но и не оставался позади. Никто не видел на его лице страха. Правда, он не был известен среди монголов своими подвигами так, как был известен Ногай, но порученным ему войском всегда руководил разумно.

И вот теперь, когда Берке перевалило за пятьдесят, он наконец сел на трон Золотой Орды. Осуществилось давнее, заветное. Казалось, что все было продумано много раз, и все-таки... С чего следовало начать? Давно известно — одно дело сесть на трон, а другое — править.

Сидеть на троне Золотой Орды равносильно тому, что сидеть на спине дракона. Чуть оказался неловок, неосмотрителен — и он сбросит на землю, а хищная пасть тут же проглотит недавнего своего повелителя.

От одного корня были рождены Бату и Берке, но тем не менее они мало походили друг на друга. Если первый был подобен орлу, то второй больше напоминал ястреба. И полетом они отличались, и добычу могли взять каждый только свою. Бату умел покорять другие народы, Берке же мечтал только о том, чтобы удержать их в повиновении. Он словно чувствовал, что стоит ему лишь развести в стороны руки, чтобы схватить, добавить что-нибудь к владениям Золотой Орды, как посыплется, начнет разваливаться то, что пока еще он крепко держит.

Внешне казалось, что все осталось точно так же, как было при Бату-хане,— на землях Орды царил мир, а народ был покорен. Но так только казалось. То в одном месте, то в другом появлялись люди, выступавшие против порядков, установленных монгольскими ханами. И странное дело, они не оставались одинокими — отряды их сразу же росли в числе, набирали силу и мощь. Выходит, что покорность народа

была обманчива. Берке хорошо понимал, как страшны для Орды подобные выступления. Однажды увиденное запоминается людям лучше, чем сто раз услышанное, поэтому с бунтовщиками он был намеренно жесток и ни один из них не мог рассчитывать на милость и пощаду хана.

Над Золотой Ордой — сильной и могучей — словно была разлита вечная тревога и ожидание близкой беды или грозы. Мало кто мог в то время почувствовать это, но каждому было видно, как беднеет с каждым годом кочевник, переставший ходить в походы и набивать переметные сумы чужим добром; каждый мог видеть как после страшного опустошения вновь поднимаются и становятся многолюдными города орусутов. Ни дань с покоренных земель, ни налоги с проходящих через Орду купеческих караванов не могли укрепить созданное Бату государство, потому что все шло лишь в казну хана и тратилось на то, чтобы сильным оставалось войско. Даже ислам со всеми своими догмами и учением о рабской покорности своим повелителям не мог сплотить нищий народ, привыкший только брать, но ничего не давать другим.

И не от благородства, но по доброй воле ограничивался Берке только данью с орусутских земель. Ему, кочевнику, непонятным и загадочным казался народ, который после того как у него отняли все, не погиб, не превратился в бродягу, а с невиданным упорством продолжал возводить города и пахать землю. Таинственной и хмурой казалась земля орусутов, пределы которой терялись где-то далеко на севере за черными лесами и непроходимыми болотами, где вязли монгольские кони. Чутье кочевника подсказывало Берке, что от непонятного следует держаться подальше — достаточно лишь совершать набеги, чтобы враг никогда не стал сильным, и ссорить между собой князей, а там все в воле Великого Неба.

После смерти Бату-хана, почувствовав слабость его преемников, зашевелились головы, потянули в сторону наследников Угедэя и Джагатая — Хорезм, Хорасан. А Азербайджан прибрал незаметно Кулагу.

Страшно становилось Берке-хану, когда он думал, что от могучей Золотой Орды могут остаться только жалкие лоскутки ее прежнего величия. Усидеть на драконе можно было только при том условии, если на каждую из голов удастся накинуть новую, взамен истлевшей, узду, а поводья взять в железные руки. А руки тех, кто потянулся к землям Орды, следовало отсечь. Это сделать не просто, но иного выхода не было. Не затем он столько лет вел борьбу за трон, чтобы, получив его, оказаться ханом без власти.

Так думал Берке, стоя на склоне холма и наблюдая, как возводится новая мечеть, которая своим великолепием и красотой должна покорять мусульман и гостей его новой столицы.

Строил ее известный мастер — ромей Коломон. Давно, еще когда доблестное войско Кулагу вступило на земли армян, попал он в плен. Берке выпросил его у родственника. Уже тогда мечтал он возвести удивительную мечеть, но Коломон не подчинился приказу. «Я христианин,— сказал он,— и не годится мне строить дом для чужого бога».

Упрям был мастер, несколько раз пытался бежать, и потому Берке велел заковать его в цепи. Только теперь, когда он стал ханом Золотой Орды, Берке вспомнил и велел привести к нему Коломона.

— Если построишь мечеть, равной которой нет во всем мусульманском мире, я дам тебе волю,— сказал хан мастеру.

— Хан говорит правду? — спросил Коломон.

— Да. Хан не повторяет дважды и не берет свои слова обратно.

Ромей, стосковавшийся по свободе, задумался.

— Хорошо,— наконец сказал он.— Я люблю свою веру, но волю еще больше...

Этот разговор Берке вспомнил, увидев сейчас Коломона. Ромей, обнаженный по пояс, мускулистый, бронзовый от загара, выставив вперед рыжую бороду, рассматри-

вал чертеж, нарисованный на черной доске. Вокруг, подобно муравьям, копошились рабы, подтаскивая кирпичи и доски.

Коломон чуть повернулся, и хан увидел цепи на ногах и руках мастера. Губы Берке тронула недобрая усмешка. Что ж, пришлось поступить так, иначе проклятый гяур может вновь попытаться убежать. Ему всего сорок лет, он еще полон сил, и никто не знает, что у него на уме.

Берке стоял неподвижно, глядя на то, что делалось внизу. Лицо его было бесстрастным. Так же неподвижно и молча, не смея нарушить размышления хана, стояла за его спиной свита.

А новому хану было о чем подумать. Он знал, что строительство мечети не сохранит ему Золотую Орду, и все-таки считал, что поступает правильно. Мечеть — символ власти, а это по душе народу.

Скрытным человеком был Берке. О его планах и думах не знали даже самые близкие люди. Страшным было то, что задумал он, и поэтому никому не мог доверить хан свою тайну.

Золотая Орда — великан. Третью часть всего царства, созданного Чингиз-ханом, занимает она, а по-прежнему, как и при нем, зависит от Каракорума и каждый свой шаг обязана согласовывать с сидящим там ханом.

В свое время Потрясатель вселенной хорошо продумал внутреннее устройство монгольского царства. Он разделил его на улусы и отдал каждый из них в управление одному из своих четырех сыновей. Дальше каждый улус делился на аймаки, которыми владели сыновья его сыновей. По строжайшему завету великого кагана, аймаки должны были подчиняться улусам, а все вместе — великому хану в Каракоруме.

Давно ушел из жизни грозный Чингиз-хан, а его потомки свято выполняли установленный им порядок. Ежегодно улусы отправляли в Каракорум всю дань, собранную ими с покоренных народов, все, что удавалось захватить в походах. Только великий хан Каракорума вправе был делить добычу и решать, кому что причитается. Заручившись поддержкой курултая, он мог вообще забрать все и отдать кому-нибудь одному для подготовки нового похода.

Велик и могуществен был тот, кого поднимали на белой кошме в Каракоруме.

Третий сын Чингиза — Угедэй, став ханом, не смог совершить того, что сделал его отец. Но он сумел сохранить монгольское царство и, послав в походы отважных волчат — Бату, Гуюка, Бори, Кубылая, Кулагу, Байдара, Менгу, Кайду и Ногая,— раздвинул границы.

Когда же на трон Каракорума сел Гуюк, счастье словно отвернулось от монголов. На смену славным битвам на чужих землях пришли внутренние распри, вражда и коварство.

Ныне монгольским великим ханом считается Менгу, но он не обладает железной волей своего предка. Оттого два его брата, два волчонка младшего сына Чингиз-хана — Тули, Кубылай и Кулагу, уже показывают зубы. Первый покорил Северный Китай, второй — Иран, и не сегодня, так завтра станет Кулагу ильханом всего Ирана, а придет время, Кубылай сам себя объявит императором Китая...

Близок час, когда должно распасться великое Чингизово царство. Так не пришло ли время и Золотой Орде стать самостоятельной? До каких пор богатства, идущие из ее земель, будут питать Каракорум? Если и дальше поступать так, то сможет ли Орда оставаться всегда сильной и могущественной?

Змея, которая не растет, не станет драконом; трон, подножье которого не укреплено золотом, рано или поздно покачнется, и им овладеет всякий, кто этого захочет.

О самостоятельности подвластной отныне ему Орды думал Берке-хан, и это была его самая тайная и самая жгучая мысль. Никому не смел он о ней рассказать, потому что знал крутой нрав Менгу.

Предстояло ждать, когда кто-нибудь из потомков Чингиз-хана отважится на это первый, а уж затем...

Зрачки раскосых глаз Берке вдруг расширились, потемнели, а желтое скуластое лицо налилось кровью. Он обернулся к свите:

— Привести сюда раба Коломона.

Один из нукеров торопливо бросился вниз по склону холма.

Ромей, подгоняемый нукером, начал неторопливо взбираться на холм. Медлительность мастера бесила хана, но внешне он сохранял спокойствие.

Коломон держался независимо. Не доходя шагов двадцать до хана, он вдруг остановился, поднял лицо.

— Берке-хан,— сказал он,— цепи мои слишком тяжелы, чтобы мне быть проворным и быстрым. Пройдет много времени, прежде чем я успею приблизиться к месту, где стоишь ты, и упаду к твоим ногам. Считай, что я уже сделал это. Я слушаю...

Непокорный ромей никогда не называл хана «великим». За это его неоднократно секли плетьми, бросали в глубокую яму — зиндан, но ничто не могло сломить мастера.

Берке молчал, темными от ярости глазами смотрел на Коломона. Ромей сказал:

— Самоубийство у христиан считается страшным грехом. Если меня поразит твой меч, я буду считать себя счастливым человеком, потому что смерть — лучший способ перестать быть рабом...

Хан не ответил на его слова, не принял дерзкого вызова. Он спросил:

— Я велел тебе выложить основание мечети из камня — почему ты ослушался меня и делаешь его из кирпича? Мечеть может развалиться...

В голубых глазах ромея мелькнули смешинки.

— Все во власти аллаха. Зачем он станет разрушать то, что воздвигнуто в его честь?..

Берке заговорил вдруг тихо, и это было признаком того, что его душит ярость.

— Мечеть, построенная ханом Золотой Орды, должна стоять вечно...

Коломон покачал головой, делая вид, что не замечает гнева Берке.

— Храмы и мечети стоят долго не потому, что их возводят по велению правителей, а потому, что строят их люди знающие. Обожженый кирпич, положенный на растворе ганча, крепче камня...

— Значит, ты не хочешь исполнить мой приказ?..— вкрадчиво спросил хан.

— Даже глупый исполняет умный приказ, но слова глупого человека сбивают с толку самого умного,— с вызовом сказал мастер.

— Выходит ты умнее меня?

Если бы Коломон стоял рядом, ему наверняка не сносить головы, за свою дерзость. Попятились в страхе от хана нукеры, советники, нойоны. Они знали своего повелителя, знали то, что охваченный тихой яростью, он может ударить мечом любого, кто окажется рядом.

Хан успокоился так же быстро и неожиданно, как и впал в ярость.

Коломон улыбнулся.

— Почему ты смеешься, ромей? — спросил Берке.

— Услышав ваши проклятия, я вспомнил притчу, которую рассказывают на моей родине...

— Ну что ж, расскажи ее нам,— милостиво разрешил хан.

Ромей сощурил голубые глаза:

— Однажды козел, взобравшись на высокий обрыв, начал ругать волка. Не было таких слов, которых бы он не сказал ему. Но прошло время, и козел успокоился. Тогда заговорил волк: «Ты потому такой смелый козел, что я не могу добраться до тебя, но все еще может перемениться...»

Берке с трудом подавил снова вспыхнувшую в нем ярость.

— Пойди к ромею,— сказал он жестко одному из нукеров,— и отруби ему голову...

И вдруг хан увидел, как побелело лицо мастера и в глазах вспыхнул страх.

Берке рассмеялся:

— Готов ли ты к смерти, ромей?

— Я готов к ней с того дня, хан, как попал в плен. Смерть — избавление от мучений, которые выпали на мою долю... Но кто достроит твою мечеть?

Берке задумался. К нему наклонился Саук:

— Великий хан, сохрани дерзкому гяуру жизнь. Мечеть стоит этого. Ее величие донесет твое имя до потомков...

Хан поднял руку, останавливая нукера, уже занесшего над головой Коломона кривую саблю.

— В твоих глазах, ромей, я впервые увидел страх. И это хорошо... Я дарю тебе жизнь. Всыпать ему сто плетей.

Берке отвернулся и пошел прочь. Он не видел, как посветлело лицо мастера и вздох облегчения вырвался из его груди. Хан шел и думал, что ромей, наверное, потерял разум. Ведь смерть действительно была бы для него избавлением от рабства. Он христианин, так почему же последние его слова были о мечети? Мне она нужна, чтобы укрепить дух мусульман, прославить свое имя. Ромей же прекрасно знает, что я не прощу его дерзости и как только мечеть будет закончена, его все равно ждет смерть. Хан не понял мастера. Откуда было знать ему, взращенному в дикой степи, где даже воздух был напоен запахом крови и жаждой разрушения, что есть на свете другие люди, душа которых может расцвести чудесным цветком, даже если тело стонет от боли. Ему незнакомо было состояние упоения, когда у человека появляется большая цель и он получает возможность творить, созидать...

Низко кланяясь хану, торопливо приблизился Салимгирей.

— Великий хан,— сказал он шепотом, не поднимая на Берке глаза,— Баракши-хатун с десятью нукерами-женщинами перешла Кумбель.

Хан вскинул голову. Он все еще был во власти дум о ромее. И хотя Берке без труда понял, куда направилась Баракши-хатун, он с надеждой спросил:

— Возможно, она выехала на прогулку?

Салимгирей склонился еще ниже.

— Мои люди думали так же, пока ее отряд не начал спускаться с перевала. Женщины вооружены и, наверное, держат путь в Иран, к хану Кулагу.

Баракши-хатун была вдовою Бату, матерью последних ханов Золотой Орды — Сартака и Улакши, татаркой из рода алшин и исповедовала христианство. Тихая, почти незаметная для других, но яростная вражда шла между нею и Берке. Разделяла их вера, но еще больше — борьба за власть.

После смерти Сартака по воле монгольского великого хана в Каракоруме ханом Золотой Орды стал Улакши. Ему не было еще и семнадцати лет, а поэтому, учитывая светлый ум и умение смотреть вперед, регентшей назначили Баракши-хатун.

Но когда молодой хан неожиданно умер и Берке наконец добился того, что его подняли на белой кошме, Баракши-хатун поняла — дела ее плохи. Отлично зная характер Берке, ханша ждала смерти в любую минуту, понимая, что пощады ей не будет. Монголы не прощали обид, не терпели соперников. Не однажды пожалела она, что не уговорила в свое время Бату-хана умертвить Берке. Желание отомстить за сыновей, вернуть власть над Золотой Ордой требовало действия.

Баракши-хатун послала в Иран, к хану Кулагу, верного человека. Тот, движимый ненавистью к Берке и угадывая в нем соперника и врага, согласился принять под свою защиту старую хатун.

И вот теперь Баракши-хатун бежала. Берке не был бы самим собой, если бы не предвидел такого исхода, и поэтому за ханшей велась постоянная слежка. Сообщение Салимгирея не было для него неожиданным.

— Хорошо...— сказал хан, и кожа на его лице натянулась.— Решила искать помощи у единоверца Кулагу...— Он резко повернулся к Салимгирею: — Возьми свою сотню и догони ее. Я хочу видеть ее голову...

Саук вздрогнул:

— Она вдова Саин-хана, справедливого Бату... Она твоя родственница. Как ты можешь убить ее? Пусть уходит... Какой вред может причинить тебе женщина?..

Берке не удостоил старого советника даже взглядом:

— Если я пожалею ее сегодня, то завтра она, соединившись с Кулагу, не пожалеет меня... Скачите и сделайте то, что я сказал!..

Саук промолчал. Слишком хорошо знал он хана, помнил его коварство, когда по подсказке Берке Менгу вырезал в Каракоруме почти сотню потомков Угедэя и Джагатая. Каменное сердце было у нового хана Золотой Орды, и Баракши-хатун ничего не значила для него.

Берке вдруг нарушил тягостную тишину:

— Пусть народ знает меня не только как доброго хана, строящего мечети... Пусть знает, что я строг и ради справедливости велел отрезать голову жене родного брата — великого Бату... Мы должны помнить завет Чингиз-хана: «Народ уважает своего правителя только тогда, когда боится его...»

На следующую ночь широколицый, безбровый монгол, низко склонившись перед ханом, протянул ему шелковый платок, в котором была завернута голова Баракши-хатун...

Берке, глянув на лицо мертвой, медленно пребирая четки, как истинный мусульманин, прочитал молитву и велел похоронить голову со всеми почестями, какие полагались, когда умирал кто-нибудь из ханских родственников. Еще одного врага настигла месть...

Наступило время думать о другом, иные заботы нахлынули на хана. Покачнувшуюся Золотую Орду надо было укрепить, сделать могучей и грозной, такой, какой она была при великом Бату. Берке завидовал славе брата, завидовал и пытался понять, как удавалось тому совершать все, что бы он ни задумал.

Завоевывая Мавераннахр, Чингиз-хан не встретил серьезного сопротивления. Пали один за другим Самарканд и Бухара, многие крепости открывали свои ворота, даже не пытаясь бороться с монголами. Повозиться пришлось с Отраром и Сыганаком, но только город Ходжент, словно доблестный воин, грудью встал на пути дикой орды.

Когда тумены монголов достигли верховьев реки Сейхун и осадили Ходжент, эмир города Темир Мелик не открыл крепостные ворота. Это был человек богатырского сложения, со смуглым красивым лицом, дерзкий и смелый. В крепости было мало воинов, конница кочевников, присланная хорезмшахом, изменила, еще утром оставила город, но эмир верил в бесстрашие и преданность своих людей. Вместе с воинами он постоянно находился на городских стенах — стрелял из лука, метал в нападающих камни.

После нескольких попыток овладеть городом монголы прекратили штурм, дожидаясь подхода свежих сил. Это о Темир Мелике напишет черз годы иранский историк Джувейни: «Темир Мелик был истинным героем. И если бы богатырь Рустем, герой поэмы «Шахнаме», жил в эту пору, то он годился бы ему в конюхи».

Силы монголов и защитников города были неравными. И когда наступил роковой час, Темир Мелик с оставшимися в живых воинами укрылся в каменной цитадели — Хазаре. Дворец стоял на небольшом острове посредине Сейхуна. Сюда не долетали вражеские стрелы и камни с китайских метательных машин.

Обозленные неудачей, упорством ходжентцев, монголы пригнали пятьдесят тысяч пленников из Отрара, Бухары, Самарканда и велели им строить мост к острову.

Камни для насыпного моста брали в трех фарсахах от реки. Нескончаемая вереница измученных, голодных и оборванных людей день и ночь двигались от горы к берегу.

Но Темир Мелик не дал монголам довести до конца задуманное. Каждую ночь двенадцать лодок доставляли его воинов к переправе, и те разрушали уже построенное. Зажигательные стрелы монголов ничего не могли поделать с лодками, укрытыми кошмами, обмазанными сырой глиной.

На острове начался голод, и тогда Темир Мелик посадил своих воинов в лодки и решил плыть вниз по Сейхуну.

Страшным было это плаванье. По обе стороны реки их преследовали конные монгольские отряды и осыпали лодки градом стрел в тех местах, где русло реки становилось узким.

Все меньше воинов оставалось у Темир Мелика, а у крепости Джент их ждало новое испытание. По приказу Джучи монголы надули воловьи шкуры, скрепили их стволами деревьев и перегородили Сейхун крепким плавучим мостом.

Высадившись на берег, Темир Мелик с небольшим отрядом ушел в пески Кызылкумы. Но погоня продолжалась. Враги настигли израненного, истекающего кровью батыра. Их было трое, он остался один. Лежа под кустом саксаула, уже не в силах передвигаться, Темир Мелик крикнул монголам:

— Вас трое, а у меня три стрелы! Если хотите жить — поворачивайте обратно!

Пораженные его мужеством, думая, что он все равно обречен на смерть, воины, посовещавшись, ушли.

Но Темир Мелик не погиб. Ему удалось добраться до Хорезма. По повелению Мухаммеда он возглавил войско, обороняющее Ургенч. И здесь о его мужестве рассказывали легенды.

Когда стало ясно, что Хорезм обречен, Темир Мелик вместе с сыном шаха, бесстрашным Джалал ад-дином, в сопровождении трехсот воинов ушел в Хорасан.

Так это было в те далекие годы. Ходжент, разрушенный, залитый кровью побежденных, Джучи подарил пятнадцатилетнему Берке. Вместе с братом Беркежаром он воспитывался у одной из жен Джучи — Ханикей-бегим-бекринки, принявшей мусульманство. Здесь, постоянно окруженные учеными улемами, они стали ревностными последователями ислама.

Шло время. Беркежар сделался правителем Сузака, а Берке, по совету отца оставив Ходжент своей мачехе Ханикей-бегим, ушел с ним в кипчакские степи.

И вот теперь, когда Берке стал великим ханом Золотой Орды, мысли его все чаще возвращались к Ходженту, Бухаре и Самарканду.

У Берке, мечтающего сделать Золотую Орду вновь сильной и великой, объединить все земли и народы под знаменем ислама, были свои планы. Он верил, что только ислам поможет ему свести счеты со своими противниками, такими, как Кулагу.

Задуманное нельзя было откладывать. Но с чего начать? Основное войско Орды состояло из кипчаков, татар, булгар, гузов, аланов и из других кочевых племен, завоеванных монголами. Эти кочевые народы трудно было причислить к истинным мусульманам. Они не имели ни мечетей, ни медресе. Среди них мало было людей, которые бы, как требовал того ислам, пять раз в сутки читали намаз. Трудно, почти невозможно из таких людей сделать защитников веры.

Нет. Начинать надо было с городов Мавераннахра. Здесь большинство городских жителей были настоящими мусульманами. Здесь строились мечети и медресе, а улемы, мюриды, имамы крепко держали народ в руках.

Берке хотел прославить свое имя и показать миру, что среди потомков Чингизхана только он один надежда и опора ислама. Хан надеялся привлечь на свою сторону духовенство, призвать его в Дешт-и-Кипчак, чтобы оно служило в построенных им мечетях по городам Золотой Орды и учило кочевников законам ислама.

Для того, чтобы скрыть до поры до времени свои истинные замыслы, хан Берке объявил, что отправляется в Бухару познакомиться с великими богословами этого города и оказать им свое ханское покровительство.

Была и еще одна причина для поездки, но о ней хан пока молчал.

После покорения Мавераннахра Чингиз-хан разделил между своими сыновьями и внуками захваченных в плен ремесленников. Получил свою долю и Джучи.

В Бухаре жило около пяти тысяч золотых дел мастеров, кузнецов, строителей домов и мечетей, которые принадлежали Орде. Были такие люди в Ходженте и Бенакенте. Все, что они производили, вся плата за их работу должна была поступать в казну Орды. Но в последние годы золотой поток обмелел, и Берке подозревал, что тут не обошлось без вмешательства потомков Джагатая и Угедэя, которые утаивают часть того, что по праву должно принадлежать ему. Подобное прощать было нельзя.

Весной следующего года в сопровождении десятитысячного войска хан Берке прибыл в Бухару.

С подобающим хану почетом у западных ворот его встретил Мусабек — даргуши города, похожий обликом на перса. Ревели сырнаи и карнаи. Непривычные к этим звукам, храпели, вставали на дыбы кипчакские кони.

После того как были произнесены слова приветствия, Мусабек еще раз низко поклонился Берке:

— Великий хан, разрешите отвести вас и ваших доблестных воинов в ставку, которую мы устроили вне стен города...

Берке нахмурился:

— Разве в городских дворцах нам нет места?

Даргуши замялся:

— В городе есть дворцы, но, великий хан...

— Говори! — властно приказал Берке.

Мусабек поднял голову и посмотрел в лицо хана своими пронзительными темными глазами.

— В городе неспокойно... Узнав о вашем прибытии, горожане со вчерашнего дня забурлили, точно вода в казане. Особенно ремесленники и мастеровые, которые принадлежат Золотой Орде.

— Чем недовольны они?

— Люди говорят, что все заработанное уходит в Золотую Орду... Нечем кормить жен и детей... Они говорят: «Пусть хан или пожалеет нас, или прикажет вырезать».

Лицо Берке перекосилось от ярости.

— Истосковались по резне!..— зло прошептал он.— Они хотят напугать меня. И ты советуешь мне остановиться за городом?..

— Зачем дразнить собак?..

— Нет! — сказал Берке.— Я не поверну своего коня! Я научу их встречать своего повелителя! — И, повернувшись к Салимгирею, приказал: — Веди караван!

В горле хана клокотал, бился гнев.

Медленно втягивался в городские ворота караван. Воины в сверкающих кольчугах, на темно-рыжих конях, окружавшие хана, взяли на изготовку длинные копья.

Густые сумерки окутывали город. От журчавших арыков тянуло влажной прохладой, и в темных садах пели соловья. На черном бархате неба вспыхнули большие мохнатые звезды.

Впереди процессии ехали даргуши Мусабек и сотник Салимгирей.

Жуткая, непривычная тишина окружила всадников. Берке сделалось не по себе. Он, степняк, всегда ненавидевший тесноту городов и знавший их только в моменты яростных битв, поежился. Может быть, следовало послушаться даргуши и отложить вступление в город до завтрашнего дня?

Улица, ведущая к городской площади, вдруг сделала поворот, и Берке от неожиданности даже вздрогнул, натянул повод коня. Улица была полна народу. Люди стояли молча, и тысячи чадных факелов пылали над их головами. Отблески пламени метались по лицам, по одежде, и оттого казалось, что толпа колышется тяжело и грозно. Непривычной и жуткой была для хана эта картина.

Телохранители сомкнулись вокруг Берке, выхватили из ножен кривые сабли и подняли их над головами. Алые отблески пламени заиграли на лезвиях.

Толпа молчала, и отступать было некуда. Только выдержка могла спасти в этот миг золотоордынцев, потому что на узких улочках города они не смогли бы развернуться для битвы. Оставалось двигаться в неизвестное, и, пересилив себя, Берке дернул повод, послал коня вперед.

Молча расступилась толпа, пропуская хана. Тревожно храпели кони, косили влажными большими глазами на людей, кровавые всполохи тысяч огней играли в их зрачках.

Уже не тревога, а ужас овладел всем существом Берке. Он понял: стоит кому-нибудь в толпе бросить клич, и живая река раздавит и его самого, и нукеров с обнаженными саблями. Боя не будет. Все кончится в один миг.

Но люди безмолствовали. Караван вышел на главную площадь, и, когда казалось, что все уже позади, из боковой улицы хлынула новая огненная река и преградила путь.

Салимгирей и Мусабек остановили коней, тревожно оглядываясь на хана.

Вдруг из толпы выступил высокий худой человек в белой одежде, с голубой чалмой на голове.

Берке, задыхаясь от пережитого страха и ярости, двинул на него своего коня.

— Что тебе нужно? Кто посмел заступить путь хану Золотой Орды? — спросил он с угрозой.

— Великий хан! — Человек в белых одеждах без страха смотрел ему в лицо.— У народа есть к тебе три просьбы...

— Говори...

— Ханы не боги, чтобы всю жизнь держать человека в рабстве. Даже убийцу приговаривают к определенному сроку или снимают с него голову... Всему есть предел... Многие ремесленники, плененные монголами и отданные дому Джучидов, уже состарились и не могут делать то, что делали прежде. Первая просьба — дай им волю. Они родились свободными, так пусть же и умрут не рабами.

Берке уже овладел собой. Просьба была пустячная. Действительно, какой прок от стариков...

— Хорошо,— сказал он.— Я дам им волю...

— Вторая просьба народа...— человек на миг умолк.— Здесь почти пять тысяч кузнецов, чеканщиков, кожевников, принадлежащих Золотой Орде. Многие из них были молоды, когда твой дед Чингиз-хан сделал их рабами. Они давно обзавелись семьями, но от того, что твои люди забирают весь их заработок, они живут в вечной нищете — не наедаются досыта и не могут купить одежды. Великий хан, народ просит, чтобы ты приказал брать только третью часть их заработка...

Глаза Берке сузились:

— А что требуют ремесленники, принадлежащие другим ханам?

— Того же...

Берке посмотрел на толпу. Многие горожане были вооружены дубинками.

— Вот так требуют — с палками в руках?

Человек в голубой чалме не отвел взгляда:

— Когда речь идет о жизни, можно взять в руки не только палку...

Хан снова посмотрел на толпу. Отсветы пламени играли на суровых бронзовых лицах людей, в их глазах. «Такие могут все»,— подумал Берке, и снова страх стиснул его сердце.

Немало видел Берке за свою жизнь восстаний против Золотой Орды, сам принимал участие в их подавлении, но вот так, лицом к лицу с народной ненавистью, оказался впервые. Было желание — отказать в просьбе, но не настолько еще прочно он чувствовал себя на троне Золотой Орды, чтобы действовать дерзко. Надо было выиграть время, прийти в себя, а потом...

— Третья просьба народа... Пусть дети твоих рабов, так же как и дети свободных мусульман, получат право посещать медресе и учиться грамоте.

Всего ожидал Берке, но не этого. У монголов не было письменности. Но когда великий Чингиз-хан создал свое непобедимое государство, он велел записывать монгольские слова буквами уйгурского алфавита. Так писалась и «Золотая книга» — история жизни и подвигов Потрясателя вселенной, предназначенная для его потомков. Учиться письменности могли только чингизиды и родовая монгольская знать. А здесь, в Бухаре, сумасшедшая толпа, чернь хотела уравняться с белой костью.

— Не бывать этому! — жестко сказал хан.

Ему показалось, что толпа вдруг надвинулась на него. Тревожно заржали кони.

— Мы подумаем...— вдруг произнес Берке.— Завтра ты должен прийти во дворец, и мы продиктуем наше решение,— сказал он человеку в голубой чалме и ударил камчой коня.

Конь взвился на дыбы и, послушный воле всадника ринулся на толпу...

Утром следующего дня человек в голубой чалме отправился во дворец. Люди останавливали его на улицах, уговаривали не идти в одиночку, не верить степному волку. В ответ он говорил:

— Все может случиться. Все в руках аллаха... Но пойду ли я один или нас будет десятеро, ничего не изменится, если хан задумал недоброе. С ним десять тысяч воинов, и ничто не заставит его изменить решение. Зачем лишние жертвы? Мне выпало исполнить свой долг, и я исполню его...

Человек в голубой чалме хорошо знал жизнь. Трудно увлечь за собой забитый, несчастный народ. Он подобен великому океану, но чтобы раскачать его, нужен ветер. Приезд хана Золотой Орды, казалось бы, всколыхнул народ. Но хан, даже и ненавистный, пообещал выполнить просьбы, и вера в непогрешимость его успокоила людей, казалось, их душевная боль утихла.

И все-таки впервые народ Бухары проявил неповиновение. Все видели вчера страх в глазах Берке и знали, что хан навсегда запомнит эту ночь, суровые лица людей и грозный отблеск пламени в их глазах.

Сорок лет топтали эти земли монгольские кони и народ склонял голову перед плетью завоевателя. События ночи показали: пусть пока несмело, но уже твердо зная, чего они хотят, люди будут и дальше отстаивать свои права. Велика сила Золотой Орды, но и она не сможет одолеть народ, соединенный одной мыслью. Нужно только время.

Без страха шел человек в голубой чалме во дворец, где остановился хан. Он знал: после вчерашнего ему не удастся ни спрятаться, ни бежать из города. Всю ночь вокруг его дома дежурили люди даргуши, следили за каждым шагом. Но то, что должно свершиться, все равно произойдет...

Человека в голубой чалме во дворце ждали. Туленгиты молча обыскали его и провели в зал, где сидел Берке.

Хан долго и пристально смотрел на вошедшего. Вдруг он спросил:

— Ты христианин?

Человек отметил про себя, что Берке выглядит совсем иначе, чем выглядел вчера. В глазах нет страха, лицо властное, жесткое, голос уверенный. Чему было удивляться? Сегодня сила была на его стороне. Прибывшие с ханом из Золотой Орды воины окружили дворец, по улицам ездили конные отряды Мусабека и загоняли людей во дворы.

— Нет. Я человек.

— А может быть, ты мусульманин?

— Нет.

— Хорошо. Раз ты не христианин и не мусульманин, то будь человеком,— с усмешкой сказал Берке, медленно перебирая жемчужные четки. Пережитое вчера, видимо, не совсем изгладилось из памяти и жгло, требовало выхода.— Ты вчера сказал: «Ханы не боги...» Если ты упомянул о боге, значит, веришь в него?

— Да, верю...— сказал человек в голубой чалме.— Имя моему богу — правда.

Лицо Берке задрожало от беззвучного смеха.

— А может, ты скажешь, где находится твой бог?

— Сливки растворены в молоке... Так и правда. Она везде: на небе, на земле, во мне и в нем...— человек указал на туленгита, стоящего за спиной хана.

— А во мне она есть? Как ты думаешь? — Хан с издевкой посмотрел на человека в голубой чалме.

— Не знаю...

— Зато я знаю... Моя правда — в моей силе, в моей вере... А на свете нет бога, кроме аллаха, и пророк Мухаммед его посланник. Я же последователь пророка и защитник его дела...

Человек в чалме негромко рассмеялся. Под черными красивыми усами влажно блеснули белые, ровные, как жемчуг, зубы.

— Если великий хан говорит правду,— сказал он,— то ему следовало бы предпочесть Иисуса или Моисея. Они сильнее Мухаммеда.

Жемчужины на четках Берке замелькали быстрее.

— Кто сказал тебе это, гяур? Нет святого сильнее Мухаммеда. Он посланец бога на земле. Моисей тоже пророк, он он младший брат Мухаммеда. Там, где ступал Моисей, обнажалось дно моря. Иисус мог воскресить мертвого, а на том месте, где Мухаммед молился аллаху, горы превращались в камни, а камни — в прах. Это происходило потому, что аллах хотел видеть лицо своего святого сына. Он самый сильный пророк. Никто не смеет быть сильнее его...

Человек покачал головой:

— Все может быть в этом мире... Будь Иисус сильным, его бы не распяли на кресте.

— Ты носишь чалму,— многозначительно сказал хан,— но ты, наверное, не читал Коран и не беседовал с учеными улемами. Я знаю, что Иисус тоже сын божий, и я знаю, что не его, а совсем другого прибили гвоздями к кресту.

— Неужели? — Человек чуть заметно улыбнулся.

Берке не заметил усмешки. Он любил поучать, любил показать свою приверженность исламу и свои знания.

— Послушай меня, гяур,— сказал хан.— За чудеса, которые совершал Иисус, неверные приравняли его к богу. Сторонники Моисея — джуиты, сгорая от зависти, охотились за ним. Однажды, скрываясь от врагов, Иисус спрятался в одном доме. Почувствовав приближение джуитов, святой взлетел на небо. Врагам удалось схватить человека, похожего на него. Этого-то человека они побили камнями и распяли на кресте.

Человек в чалме, пряча в глазах усмешку, сказал:

— Выходит, что Иисус вместо себя позволил растерзать ни в чем не виновного... Конечно, если ты подобен богу, то можешь совершать все, что задумаешь... Наверное, потому Иисус пил вино?

— Нет. Он выпил вино случайно,— довольный произведенным на собеседника впечатлением, с достоинством сказал Берке. Руки его неторопливо перебирали четки.— По дороге в Иерусалим святой Иисус захотел пить. Он зашел в виноградник и стал искать там воду. Наконец он увидел глиняный кувшин. В нем была жидкость, похожая на воду, и Иисус стал пить ее. Жидкость оказалась горьковатой и кислой на вкус. Тогда Иисус спросил у кувшина, отчего это. И кувшин ответил, что кто-то украл иголку и продал ее за медную монету. Та монета попала в руки хозяина виноградника, и он отдал ее торговцу, покупая кувшин. Из-за этого вода в кувшине

горчит. Вот видишь, гяур, небольшой грех, связанный с кражей иголки, превратил воду в коварное вино. Пророк Мухаммед был мудрее Иисуса, и потому он оставил нам заветы: не творить друг другу зла, не пить вина, а богатые должны всегда жалеть и помогать бедным. Так гласит пятая сура священного Корана...

Человек в чалме низко склонил голову.

— Теперь мне понятно, о великий хан, почему вы вчера согласились с требованиями народа. Вы во всем следуете пророку Мухаммеду...

Четки в руках хана замерли. Он словно вновь вернулся на землю. В раскосых узких глазах полыхнуло пламя ярости.

— Нет! — крикнул он.— Вчера я ничего и никому не обещал!

— Но слова ваши, великий хан, слышали люди...

— Какие люди? Толпа! Они не люди, а мои рабы! Ты знаешь, гяур, в Коране сказано, что обещание, вырванное принуждением или угрозой, не имеет силы!

Лицо человека в чалме покрылось мертвенной бледностью. Спокойно и негромко он сказал:

— Значит, вчера вам было страшно? Значит, есть сила, которая может заставить трепетать даже хана Золотой Орды...

Берке злобно рассмеялся:

— Трепетать будут от моего имени!.. Во веки веков!..

Хан схватил серебряный колокольчик и торопливо затряс им. Распахнулась дверь, на пороге появился личный телохранитель Берке, начальник сотни туленгитов Салимгирей.

Хан ткнул пальцем в сторону человека в чалме.

— Я приговариваю его к смерти за то, что он устроил в священной Бухаре смуту и призывал чернь не повиноваться мне! Пусть кровь этого гяура не осквернит стены дворца! Отведи его за город и отруби голову! Да станет его тело пищей для шакалов!

Берке впился взглядом в человека в голубой чалме, но лицо того было спокойно.

Хан вдруг вспомнил, что во время разговора тот несколько раз вытаскивал чакчу, искусно сделанную из рога оленя.

— Для того чтобы я не забыл о беседе с этим человеком, принесешь мне его чакчу...

Салимгирей молча поклонился, выхватил из ножен саблю и, подгоняя ею человека в чалме, погнал его к выходу.

Берке прикрыл глаза и долго сидел неподвижно. Медленно возвращалось к нему спокойствие — перестали дрожать пальцы, утих гнев.

Хан хлопнул в ладоши. На пороге появился визирь:

— Пусть войдут мусульмане, приехавшие из Самарканда...

Пятясь, визирь исчез за дверью. Через некоторое время в зал вошли люди в белых чалмах. Низко кланяясь, они приблизились к возвышению, на котором сидел хан, и опустились на пол, подобрав под себя по-восточному ноги. Один из них, тучный с красным лицом, красивым бархатным голосом начал читать молитву. Когда он закончил, каждый провел сложенными ладонями по лицу. И Берке, как истинный мусульманин, повторил их жест.

— Аминь!

Немного выждав, тот, что читал молитву, сказал печальным голосом:

— Высокочтимый хан Золотой Орды, вы за прошлый год потеряли сразу двух близких вам людей: хана Сартака и хана Улакши. Пусть будет земля им пухом... Примите наши соболезнования...

— Спасибо вам, почтенные люди. Все совершается по воле всемогущего аллаха... Нам ли роптать на несчастья? — Он помолчал.— Вы пришли ко мне с делом?

Слово взял черный человек, похожий на выросшее в песках корявое дерево — саксаул.

— Великоуважаемый Берке-хан,— начал он негромким, скрипучим голосом.— Пришли мы к вам с сердцами, полными печали. Ваши сторонники мусульмане терпят в Самарканде от неверных страшные насилия. Какие только унижения не выпали на нашу долю!.. Недавно они предали огню юношу, принявшего нашу веру. Даргуши города поддерживает христиан и отнял у нас все права. Зная вас как справедливого хана и истинного мусульманина, мы пришли к вам просить защиты... Спасите нас от неверных.

Берке нахмурился:

— Разве у вас недостаточно сил, чтобы справляться с неверными? Или в Самарканде мусульмане разучились защищать свою веру?

— Нас много...— уловив тайный смысл в речи хана, сказал самаркандец.— Но как посмотрит на это Золотая Орда? До сих пор никто и никогда не сказал нам слова одобрения и не пытался помочь...

Он говорил правду, и Берке об этом знал.

Христианство утвердилось в Самарканде задолго до того, как пришли сюда монголы. Ему покровительствовали потомки саманидов и караханидов. Кроме того, падение Хорезма, где мусульмане всегда находили поддержку, привело к тому, что ислам начал терять своих приверженцев. Пришедшие же монголы не отдавали предпочтения ни одной из религий.

Все это было на пользу христианам, и их община окрепла. Сильный любит припоминать обиды и мстить поверженному врагу. Заручившись поддержкой потомков Чингиз-хана, многие из которых приняли в свое время христианство, церковь устроила гонение на мусульман.

Видя, что хан молчит, самаркандец снова начал говорить:

— Юноша христианин отказался от своей веры и пришел в мечеть... С его согласия было совершено обрезание, и он поклялся на Коране быть верным последователем пророка Мухаммеда... Христиане пожаловались даргуши города, что мы насильно совершили все это. Даргуши приказал юноше вернуться в прежнюю веру, но тот отказался, потому что аллах осветил его душу светом истины... Тогда христиане поймали его и сожгли на костре...

Хан поморщился. Его не интересовали такие мелочи.

— Какого слова вы ждете? — нетерпеливо спросил он.— Какой помощи?

— Христиан много...— уклончиво сказал самаркандец.

Берке задумался.

— Во имя аллаха да простится все... С вами будут мои воины, переодетые в одежды простых людей...

— Да поможет тебе аллах, о великий хан... Это лучше всего сделать в воскресенье, когда неверные соберутся в своих церквах...

— Аминь! — сказал хан.

Как эхо повторили за ним самаркандцы:

— Аминь!..

В этот же день Берке принял во дворце всех знатных людей города, ученых улемов, мюридов и кари бухарских мечетей. Раздав им щедрые подарки, привезенные из Золотой Орды, хан посчитал день законченным и удалился на покой.

В час, когда на землю опустилась ночь, Салимгирей, взяв с собой несколько туленгитов, погнал человека в голубой чалме за город, чтобы совершить то, что повелел хан.

Узкие, погруженные в кромешную тьму улочки города казались загадочными и таинственными. Степнякам, непривычным к тесноте, было страшно. Но Салимгирей шел уверенно, словно чутьем угадывая путь в лабиринте тупиков и улиц, похожих на лисьи норы. Вскоре воины оказались возле городских ворот.

Салимгирей остановился, задумался, потом повернулся к туленгитам:

— Ладно. Дальше со мной вы можете не ходить. Я сам разделаюсь с гяуром. Возвращайтесь назад.

Из-за высокой городской стены показался узкий серп месяца, глинобитные дома, облитые его мутным таинственным светом, стали похожими на надгробья. В узких улочках тьма сделалась еще гуще.

Околдованные призрачным лунным светом, туленгиты стояли в нерешительности. Им страшно было возвращаться одним, еще страшнее казалось выйти за городские ворота, где в зарослях, по склонам глухих оврагов рыдали, хрипло взлаивали шакалы.

— Мы согласны вернуться... Но как мы отыщем дорогу?..— сказал один из туленгитов.

Салимгирей ободряюще засмеялся:

— Смотрите хорошенько... Вон виднеется минарет мечети. Если вы пойдете по этой улице, то выйдете прямо к ней. Там есть наши воины. Они укажут вам путь к дворцу.

Стражники, знавшие в лицо личного телохранителя хана, открыли ему узкую калитку и выпустили из города.

Когда Салимгирей и человек в голубой чалме отошли достаточно далеко от городских стен и их уже никто не мог услышать, они, словно сговорившись, остановились

— Зачем надо было идти так далеко, Салимгирей? — с горечью сказал человек в голубой чалме.— Разве не проще было зарезать меня где-нибудь на темной улице?

— Ты известный ученый, Тамдам. И хан об этом знает. Если бы мы убили тебя где-нибудь в городе, об этом завтра же заговорил бы весь народ. Хан хочет, чтобы о том, где и как ты умер, не узнал никто.

— Хан мудр...— невесело усмехнулся Тамдам.— Кто мог знать, что вот так, однажды, встретятся два волчонка, два ученика Мухаммеда Тараби[1]? И один перережет другому горло...

Салимгирей не ответил. Друзья долго стояли молча, смотрели, как растекался, плыл над возделанными полями, над глубокими оврагами дрожащий лунный свет.

— Где ты был все это время? — спросил Салимгирей.

— Сначала бежал в Багдад, но и туда пришли монголы. Жажда мести не давала мне жить спокойно, и я вернулся сюда, в Бухару...

— Ты не терял время даром... Люди говорят, что постиг мудрость многих книг, наизусть знаешь Коран и ведомы тебе все законы шариата...

— Это так...

— Я же бежал в кипчакские степи. Кто мог узнать меня там? Разве что перелетные птицы. Я был табунщиком и пас лошадей многие годы. Сегодня я юзбаши сотни туленгитов, охраняющих самого хана...

— Ты добился многого...— с издевкой сказал Тамдам.— Сколько крови братьев пролил ты, чтобы заслужить такую честь?

Салимгирей вскинул голову:

— Зачем ты говоришь это? Руки мои чисты. Еще не пришло время обагрить их кровью. И чья это будет кровь — ты знаешь.

Друзья долго молчали. Салимгирей вдруг протянул к Тамдаму руку:

— Я дальше не пойду. Возьми это, пригодится. Дорога твоя нелегкая и дальняя.— Под лунным светом тускло сверкнуло золото.

Тамдам помедлил, потом взял монеты:

— Спасибо...

---

[1] Мухаммед Тараби — руководитель восстания в Самарканде в год собаки, то есть в 1238 году. При подавлении восстания монголы потеряли десять тысяч воинов.

— Подожди,— сказал Салимгирей и приблизил свое лицо к лицу друга, пытаясь увидеть его глаза.— Не подумай, что я стал волком... Я помню, сколько крови кипчаков и уйгуров пролили ханы... Разве можно забыть нашего учителя и то, что он завещал нам?.. Ну, прощай!

— Подожди...— Тамдам положил руку на плечо Салимгирея.— Вот тебе чакча. Отнеси ее хану, а то он не поверит в мою смерть. Очень давно мне сделал ее пленный старик кипчак в Багдаде. Очень давно... Он так тосковал о родине...

Друзья обнялись, и вскоре фигура Тамдама, одетая во все белое, растаяла в призрачном лунном свете.

У плохой вести крылья птицы. О том, что мусульмане вырезали в Самарканде всех христиан, скоро стало известно в больших и малых городах. Разное говорили люди. Самые яростные приверженцы ислама радовались; те же, кому вера в аллаха не затмила разум, скорбели о погибших, потому что и христиане, и мусульмане были народом одной крови. Халиф Мысыра, увидя в Берке истинного последователя пророка Мухаммеда, отправил к нему своего посла с дорогими подарками.

Хан Берке затаился. Вслух он не хвалил самаркандских мусульман, но и не сказал слов осуждения. Хан ждал, как будут развиваться события дальше.

Пробыв еще неделю в Бухаре, он решил возвращаться в Золотую Орду. Поездка не принесла ему удовлетворения. На душе было неспокойно. Все, что он узнал здесь, не радовало. Великая империя Чингиз-хана пошатнулась. Злоба и соперничество правили делами и поступками потомков Потрясателя вселенной. В Мавераннахре, Хорасане и Восточном Туркестане набирали силу сторонники отделения от Каракорума улуса Джагатая. А это значило, что пройдет какое-то время, и они выступят против потомков Туле.

После того как Менгу стал великим ханом монголов в Каракоруме, усилилась вражда между чингизидами. Особенно острой была она среди детей и внуков Джагатая и Угедэя. По завещанию Чингиз-хана, если кто-либо из его отпрысков совершал неправое дело или преступление, судить его должны были все чингизиды. Однако завет Потрясателя вселенной был забыт. Судил тот, на чьей стороне была сила. Так потомки Угедэя умертвили младшую дочь Чингиз-хана Алтан-бегим, а вместо Ширамуна, который должен был после смерти отца стать великим ханом монголов в Каракоруме, они же подняли на белой кошме Гуюка. Когда после его смерти Бату-хан помог Менгу сделаться монгольским великим ханом, против него поднялся сын Джагатая Есу Монке. Однако внук Джагатая — Кара-Кулагу, рожденный от его сына Мутигена, принял сторону Менгу. Нового хана поддержали и внуки Угедэя, рожденные от сыновей Кадана и Кутана.

В год свиньи (1252), когда потомки Чингиз-хана съехались на суд нойонов, Менгу жестоко расправился со своими врагами. Пощадил он только Ширамуна, но и тому не поверил до конца. Через три года Ширамуна по его приказу утопили в реке. Менгу без всякого суда казнил мать Ширамуна — Баракши-хатун и вдову хана Гуюка — Огиль-Гаймаш. Улус, принадлежащий Джагатаю, он отдал Кара-Кулагу, и тот, чтобы избавиться от жены Есу Монке, управлявшей до этого улусом, велел ее растоптать табуном коней.

Сразу же после смерти великого Чингиз-хана началась резня между его потомками. Ханы и правители быстро сменяли друг друга. Кинжал и яд сделались главным оружием в борьбе за власть. Но род Чингиз-хана был многочисленным, и потому вражда не прекращалась десятилетиями — всегда было кого травить и резать.

Хуже всего приходилось покоренным народам. Это их посылали друг на друга чингизиды, пытаясь утвердить себя в том или ином улусе.

Едва хан Берке вернулся в Орду, как черный всадник принес из Каракорума весть о том, что монгольский великий хан Менгу в год овцы (1259) навеки закрыл

глаза. Сорок тысяч человек съехались на его похороны, две тысячи белых юрт выросло в монгольской степи. Похороны были совершены по всем правилам, завещанным Чингиз-ханом. Менгу предали земле тайно, уничтожив всех причастных к погребению. Над могилой промчались тысячные табуны лошадей, чтобы навсегда скрыть то место, где погребен был хан.

Если смерть Угедэя явилась началом вражды между чингизидами, то уход из жизни Менгу послужил сигналом к разделу империи, созданной Чингиз-ханом.

В год обезьяны (1260) случилось небывалое. Впервые появилось два великих хана. Ими стали сыновья Тули: Кубылай — в Китае и Арик-Буги — в Каракоруме.

В одном котле тесно двум бараньим головам. Жестокая вражда началась между новыми ханами. На курултае, где их выбирали, не присутствовали два самых влиятельных представителя рода Чингиз-хана — Кулагу и Берке. На это были свои причины.

Средний сын Туле — Кулагу, выполняя волю Менгу, покорил за эти годы Иран и Ирак, а Менгу объявил его ильханом всех завоеванных им земель. Кулагу был христианином и потому должен был оказать поддержку Арик-Буги, но обстоятельства сложились так, что Каракоруму на его помощь рассчитывать не приходилось. Мамлюки Бейбарса нанесли поражение его войску и начали поход на Сирию. В это время царь Грузии Большой Давид поднял восстание против ильхана.

Кулагу жестоко расправился с грузинами.

Но не было спокойствия в его землях. Следовало думать и искать себе верного союзника, на которого бы можно было опереться в трудную пору. Не грузины пугали ильхана. Набирали силу мамлюки Египта. Их предводитель Бейбарс успешно сражался с крестоносцами и не хотел уступать Сирию, которую стремился подчинить себе Кулагу.

Все чаще смотрел с надеждой на улус Джагатая ильхан. Золотая Орда, в свою очередь, опасаясь усиления Кулагу, стремилась укрепить свои связи с Бейбарсом. Берке не хотел терять Азербайджан, но выступать против Кулагу открыто он еще не решался. Тот, видимо, тоже знал, на что идет, потому что не побоялся отравить несколько родственников Берке, находящихся в Ираке.

Одна мысль владела Берке — вернуть прежнюю силу и величие Золотой Орде. И, выжидая удобного случая, чтобы расправиться со своими внешними врагами, он решил пока заняться внутренними делами.

Столица Золотой Орды, по замыслам Берке, должна была потрясать своей красотой и друзей и врагов, свидетельствовать о мощи и богатстве.

Берке был рассержен тем, как работает ромей. Строительство началось давно, сразу же, как только хан стал полновластным хозяином Орды, а мечеть была готова лишь наполовину. Похоже, Коломон нарочно не спешил. Следовало бы наказать его, но когда Берке осмотрел то, что уже было сделано, он остался доволен. Мечеть поражала красотой. Мастер умело использовал мрамор, стеклоподобные синие камни с армянских гор, самаркандскую голубую краску — лазурь, резьбу по белому ганчу. Стены мечети игрой узоров и красок напоминали фарсидский ковер.

Хан с нетерпением ожидал завершения строительства мечети. Она поможет ему объединить всех мусульман, утвердит за ним славу защитника ислама. Берке уже мысленно видел, как будут гореть на солнце золотые минареты, внушая людям веру в величие Орды, владеющей половиной мира.

Как заставить непокорного ромея поторопиться? Быть может, утихла его тоска по родине, а скорее всего, он догадывается, что и после завершения работ Берке не отпустит, не даст ему воли.

Коломон же действительно не спешил со строительством, хотя это было и странно. Какой мастер не мечтает увидеть осуществленной свою мечту? Коломон не

был исключением. Но были причины, заставляющие его поступать иначе. Откуда мог знать хан Золотой Орды мысли простого ромея, пленника, раба...

Выехав из дворца, Берке направил коня к небольшому степному озеру, окруженному зеленой стеной камыша. Там жили его лебеди.

Каждое утро приезжал сюда хан, чтобы полюбоваться прекрасными птицами. Легко проливающий кровь и человека, и зверя, Берке боготворил своих лебедей. Созерцание их вселяло в него уверенность и покой.

Лебеди были ручные. С наступлением холодов их держали в специальном теплом помещении, а когда приходила весна — выпускали на это озеро. Никто не смел выстрелить или напугать птиц. За этим следили специально приставленные люди. Жестокая кара ждала ослушника.

Однажды поздней осенью дежуривший у озера мальчик ушел домой. Кто мог знать, что ночью пойдет снег и ударит мороз?

Лебеди не умели летать. И когда утром, по своему обыкновению, хан приехал на озеро, он увидел вмерзших в лед, полуживых птиц. Ярости Берке не было предела. По его приказу два нукера разделись догола и, ломая своими телами лед, вынесли лебедей на берег. Завернув их в одежду, нукеры принесли птиц в ханскую ставку. В тепле птицы ожили, хан накормил их из собственных рук. Этой же ночью приставленный к лебедям мальчик умер от побоев.

В Орде знали, что Берке любит птиц, но никто и предположить не мог, что хан боготворит лебедей. Им принадлежала его душа.

Берке было одиннадцать лет, когда его дед Чингиз-хан, покорив один из китайских городов, подарил внуку этих прирученных лебедей. Птицы были почти птенцами. Чингиз-хан сказал Берке: «Лебеди — священные птицы. Пусть они всегда будут с тобой. Никому не позволяй их обижать».

В словах деда была какая-то тайна, и Берке, покоренный ею, свято выполнял его завет. Когда же приходилось отправляться в походы, к лебедям приставлялся самый надежный человек. Хан, никогда и никому не плативший за службу, щедро одаривал человека-хранителя...

Давно нет в живых Чингиз-хана, давно оставил этот мир отец — Джучи. Да и он сам прожил уже шестьдесят лет, а время словно не властно над птицами — они по-прежнему красивы, по-прежнему несутся над озером их клики, похожие на звуки серебряных труб. И с каждым годом все сильнее привязывается к лебедям хан. Его всегда удивлял такой долгий век птиц.

Однажды хан позвал к себе кусбеги, известного в Орде ловца птиц, и спросил:

— Скажи мне, сколько лет живут лебеди?

— Сто семьдесят — сто восемьдесят,— ответил старик.

— А беркут?

— У него век короткий, как и у человека, семьдесят — восемьдесят лет.

Берке с недоверием смотрел на кусбеги:

— Почему же сильный беркут живет меньше, чем слабые лебеди?

Старик усмехнулся:

— Беркут жесток и кровожаден. Его жертва — слабый. А лебеди питаются лепестками цветов, травами и белыми корешками, что достают со дна чистых водоемов...

Ответ кусбеги не понравился хану:

— Быть может, ты скажешь нам тогда, отчего умирают лебеди?

Старик посмотрел на Берке выцветшими от долгих лет жизни глазами.

— От стрелы человека, от зубов зверя, от хищной птицы или от горя...

— Какое может быть горе у птицы?

Кусбеги покачал головой:

— Разве великий хан не знает, что лебедь не может жить без пары? Народ сложил даже об этом песню. Послушай, о великий хан...

Старик запел хриплым, надтреснутым голосом:

— Лебедь долго может жить на озере,
Коль с парой обитает в радости.
Несчастный, постареет и умрет он,
Коль рано потеряет друга.

Прошло почти пятьдесят лет, как дед подарил Берке этих птиц. В последние годы стало казаться, что он наконец постиг тайну, которую не открыл Чингиз-хан. Лебеди были не просто подарком. Две белые птицы стали судьбой Берке. И, пока они живы, хану нечего бояться.

Что бы ни случилось, все минет, любые невзгоды обойдут стороной. И чем больше думал об этом Берке, тем больше верил в чудодейственную связь между его жизнью и жизнью птиц.

Любуясь лебедями, хан забывал о битвах, о врагах, о мести... Кто знает, быть может, они напоминали ему далекую пору детства, когда душа его была светла и чиста, а разум не пьянел от пролитой крови. А быть может, вечная молодость птиц давала утешение, обманывала его близкую старость, обещая долгие годы жизни и исполнение всех желаний, какими бы недостижимыми они ни казались. Кто знает?..

Не спеша, опустив повод коня, ехал сегодня к озеру Берке. Позади, не отставая ни на шаг, следовали верные нукеры. И вдруг хан увидел всадника. Он всмотрелся и не поверил своим глазам. Навстречу на прекрасном иноходце ехала юная девушка в атласной шапочке — борике, отороченной соболем, в камзоле из красного бархата.

Девушка не узнала хана. Она, видимо, спешила и даже не посмотрела на встречных всадников. Хан успел увидеть ее юное чистое лицо, большие и темные, как у верблюжонка, глаза. Алые губы девушки улыбались — она, наверное, думала о чем-то очень хорошем.

Берке уже редко волновали женщины, но красота юной наездницы заставила сердце хана забиться горячо и сильно.

— Чья это дочь? — сердясь неизвестно на кого, спросил хан.

Один из нукеров, приблизившись к Берке, почтительно сказал:

— Это дочь женщины, которая прислуживала на кухне во дворце хана Сартака. Ее зовут Кундуз.

— Дочь прислуги? — Хан нахмурился еще больше.— Тогда кто дал ей иноходца и такую одежду?

— Это произошло совсем недавно, о великий хан. Это сделал хан Ногай. Мать Кундуз дальняя родственница одной из его жен.

Берке недобро усмехнулся. Дальние родственники ханских жен начали вести себя так, словно они происходят от белой кости.

— Как позволяет мать молодой девушке разгуливать где ей вздумается? Она не замужем?

— Нет, великий хан. Но она сосватана.

— Кто станет ее мужем?

— Она сосватана за Данила — боярина великого князя Александра Невского.

Хан нахмурился и пристально посмотрел в лицо нукера:

— Ты ничего не путаешь?

— Нет.— Нукер перегнулся в седле, понизил голос: — Я служил во дворце хана Сартака. В год, когда его подняли на белой кошме, в Орду приезжал Данил...

— Я это знаю...— нетерпеливо перебил Берке.

— Эту девушку по приказу хана я отводил ночью к молодому боярину. Тогда ей было тринадцать лет. Наверное, она понравилась Данилу... Уезжая, он попросил хана Сартака отдать Кундуз ему в жены...

Откуда было знать нукеру, что все произошло по-другому. Данил решил отплатить девочке добром за то, что она спасла ему жизнь. Не открыв истинную причину

хану Сартаку, Данил попросил, чтобы тот, как только Кундуз подрастет, прислал ее погостить в Новгород. Хан, думая, что девочка понравилась боярину, дал согласие. И поэтому после отъезда Данила, кто бы ни сватал Кундуз, Сартак всем отказывал.

Могущество Орды после смерти Бату-хана покачнулось, и каждый из потомков Джучи, предвидя в скором времени междоусобную борьбу, старался заручиться поддержкой сильного союзника. Таким был Великий Новгород.

Из-за этого вспомнил Ногай о дальнем родстве жены с матерью девочки, из-за этого слал ей подарки. Кундуз могла стать новгородской боярыней и оказаться полезной.

Слушай нукера, Берке думал о своем. И ему для осуществления задуманного мог пригодиться союз с Новгородом. Поэтому не стоило из-за девушки-кипчачки, пусть даже и очень красивой, портить отношения с князем Александром.

— Вот почему она ведет себя так...— с усмешкой сказал Берке.— Но если она будет носиться словно красная лисица, на нее наверняка найдется ловчий кречет...— Хан обернулся к нукеру.— Смотри, чтобы не заклевали ее завистливые вороны. Беречь ее надо, как собственный зрачок. Орда должна держать свое слово, даже если оно дано орусутскому князю...

— Если еще не поздно...— робко сказал нукер.

Хан резко вздернул голову:

— Продолжай...

— Люди говорят, что каждое утро она ездит к ромею Коломону, который строит мечеть...

— Зачем?

— Не знаю...

Берке больше не спросил ни о чем. Ему ли, великому хану, задавать вопросы простому нукеру? Во дворце есть люди, которые сегодня же расскажут ему все о Кундуз и Коломоне, расскажут о том, что было, и даже о том, что будет. На миг перед глазами встало счастливое лицо девушки.

На этот раз Берке подъехал к строящейся мечети со стороны Итиля. Сотни рабов копошились на берегу, месили глину, тесали камни. Хан остановил коня, пораженный увиденным. Стена мечети сверкала радугой красок. Цветные узоры сплетались в удивительный орнамент, приковывали взор. Что-то удивительно светлое, праздничное было в творении мастера Коломона. Хан пытался мучительно вспомнить, где он видел подобное, и не мог. Потом вдруг вспомнился весенний луг на берегу голубого Керулена, на родине предков, который он видел в далеком детстве. Тогда так же сверкала земля радугой красок, а здесь эту радугу создал человек. И это было удивительно...

«О великий аллах, дай силы мастеру завершить это чудо в срок! — подумал Берке.— Во всей вселенной не будет мечети, равной по красоте этой!»

— Берке-хан! Нравится вам настенная роспись?

Хан вздрогнул и обернулся на голос. Совсем рядом стоял ромей Коломон и смотрел на него. Волосы и борода отросли так сильно, что почти закрывали лицо мастера. Он был худ, темен от постоянного пребывания на солнце, и только голубые глаза, ясные и чистые, излучали яркий пугающий свет.

Берке не смог скрыть своих чувств и поэтому сказал:

— Нравится...

— Если нравится, значит, хорошо...

В голосе ромея хану послышалась насмешка.

Берке, недовольный тем, что не сумел скрыть своих чувств, нахмурился и сухо спросил:

— Когда закончишь работу?

— Осенью...— спокойно сказал Коломон.

— Хорошо...

Берке тронул повод коня, но, проехав несколько шагов, не удержался, чтобы еще раз не взглянуть на мечеть.

То, что он увидел, лишило хана дара речи. Он только заметил, как лицо Коломона медленно заливала смертельная бледность.

Берке торопливо слез с коня, сделал несколько шагов к мечети, потом вернулся на прежнее место. И, словно не веря своим глазам, провел ладонью по лицу. Нет. Глаза не обманывали его. Видение не исчезло.

На стене сквозь вязь узоров он рассмотрел фигуру девушки верхом на иноходце. Хан не мог ошибиться. Это была Кундуз. Он всмотрелся в ее лицо — та же улыбка, то же счастье в глазах, даже одежда и конь были те же, что он увидел сегодня, когда встретил девушку на пути к озеру.

Вновь и вновь Берке уходил и возвращался на заколдованное место. Изображение Кундуз то исчезало, то появлялось. Только что была девушка на иноходце, и вот уже просто яркое сияние красок.

Губы хана беззвучно шевелились. Ему много приходилось слышать о чудесах. Знал он о замечательной иранской мечети с семью куполами. Там, если стать точно под центральным куполом и произнести слово, во всех остальных эхо повторит его, но стоит сойти с места, и гробовое молчание будет тебе ответом, если ты даже начнешь кричать.

Много тайн и чудес на свете, но о таком, которое он увидел сегодня, ему еще не доводилось слышать.

Мастер надеялся, что секрет его будет раскрыт не скоро. Иначе он не решился бы на подобную дерзость. Видимо, само провидение захотело, чтобы хан оказался сегодня здесь. Тайный трепет охватил Берке. «На все воля аллаха...» — суеверно подумал он.

Коломон стоял неподвижно, и только глаза его с потемневшими огромными зрачками неотрывно следили за каждым движением хана. Берке, не проронив ни слова, медленно подошел к коню и тяжело взобрался в седло...

...Нет на свете чувства сильнее, чем любовь. Ради нее трус может стать героем, а человек, не знающий грамоты, сложить прекрасные стихи.

Коломон увидел впервые Кундуз, когда весеннее солнце оплавляло землю и небо, а душистые травы Дешт-и-Кипчак уже поднялись до колен и ветер из степи нес их пьянящий, волнующий аромат.

Два верховых туленгита гнали по улицам Сарая Коломона. Мастер, как и обычно, весь день провел на строительстве мечети и теперь возвращался в свою темницу.

Ромей устал и, несмотря на покрикивание туленгитов, шел медленно. Ему были безразличны красоты весенней ночи: и радостное перемигивание звезд во влажном темном небе, и призрачное сияние луны, бросающее густые тени на пыльные узкие улочки. Коломон был весь во власти своих дум. Он медленно перебирал все, что было сделано за день, думал о строящейся мечети. Негромко и тоскливо позвякивали цепи на ногах мастера.

Ромей не заметил, откуда вдруг появились две женщины. Они шли навстречу ему, и он, занятый своими мыслями, равнодушно скользнул по их лицам глазами. К звону его цепей вдруг прибавился мелодичный звон серебряных монет, вплетенных в девичьи косы.

— Здравствуйте, агай.

Коломон удивленно поднял голову. Голос был глубоким, ласковым. Ромей всмотрелся в прохожих. Лунный свет был ярким и чистым, и он без труда увидел лица женщин. Одно было уже немолодое, со следами былой красоты, другое — наверняка ему принадлежал голос — юное и прекрасное. Глаза мастера не могли ошибиться.

Девушка была высокой, стройной, большеглазой. В две тяжелые косы, длинные, почти до земли, заброшенные за спину, были вплетены нитки серебряных монет, которые при каждом ее шаге мелодично звенели.

— Здравствуйте...— растерянно сказал ромей.

Женщины прошли, а он все смотрел им вслед, пока один из туленгитов не хлестнул его камчой:

— Пошли, пошли...

Коломон двинулся вперед, а перед глазами неотступно стояло лицо девушки, залитое мерцающим лунным светом, ее шапочка — борик с султаном из птичьих перьев, ее тяжелые косы... Ромею показалось, что он увидел во взгляде, брошенном на него девушкой, восхищение...

С этой ночи покой ушел от Коломона, пропал интерес к работе, поблекли и казались дешевой подделкой родившиеся бессонными ночами в его голове орнаменты. Он мог подолгу смотреть на то, что уже было сделано, и огонь неудовлетворенности сжигал его душу. Мастеру казалось, что краски сделались тусклыми, что из его творения ушла жизнь. Так продолжалось долго, работа на строительстве мечети начала замирать, и все чаще Коломона охватывало отчаяние.

Лето подходило к концу. Холодные ветры прилетали на берега Итиля из темных лесов орусутской земли. Вода в реке сделалась густой, и омуты под обрывами уже больше не просматривались до дна. Печальным и хмурым, как близкая осень, был мастер Коломон.

Однажды, как обычно, с первыми лучами солнца ромей пришел к мечети. То, что он увидел, показалось ему сном. На коне темно-серой масти, в седле, отделанном серебром, сидела девушка, которую он встретил той удивительно лунной весенней ночью.

Коломон не отрываясь смотрел на нее. Опершись рукоятью камчи из красной таволги на луку седла, она откинула голову в соболином борике и зачарованно рассматривала узоры на стене мечети. Девушка была так увлечена, что даже не услышала звона цепей на ногах ромея. А он был поражен ее красотой и остановился, не решаясь сделать шага, чтобы не потревожить, не спугнуть ее.

Вдруг озарение, стремительное, как полет стрижа, пронеслось в мозгу Коломона. Теперь он знал, чего ему не хватало и что надо делать. От дерзкой мысли зашлось сердце, но потушить ее, забыть уже не было сил. Мастер знал, на что он решался, знал, чем это может кончиться для него, пленника могущественного Берке-хана, и все-таки...

— Здравствуй, сестричка...— тихо сказал он.

— Здравствуйте...

Кундуз вздрогнула и обернулась. Лицо ее залила краска смущения. Она узнала Коломона.

— Кто сделал это чудо? — спросила девушка.

— Я...

Коломон пристально, не отрываясь смотрел в лицо Кундуз, словно навсегда пытался запомнить ее.

— Когда закончите всю мечеть?

Ромей вдруг засмеялся, и на заросшем густой бородой лице сверкнули ровные белые зубы.

— Когда прикажешь ты...

Кундуз недоверчиво смотрела на мастера.

— Так не бывает,— вдруг резко, решительно тряхнула головой, отчего монеты, вплетенные в черные как ночь косы, зазвенели, точно серебряные колокольчики.— Сделай это сегодня, прямо сейчас!..

— Ты права. Так не бывает...— грустно сказал Коломон, и тотчас же в глазах его вспыхнули сумасшедшие, дерзкие огоньки.— Но если ты действительно хочешь, чтобы я быстро завершил работу, приезжай сюда каждый день в это же время.

Кундуз независимо пожала плечами:

— Зачем?

— Я не могу пока сказать... Но ведь ты хочешь скорее увидеть мечеть построенной?

Лицо Кундуз было спокойным, и Коломону вдруг показалось, что сейчас она хлестнет иноходца камчой и ускачет с берега Итиля, навсегда уйдет из его жизни.

— Приезжай! — страстно попросил ромей.— Это очень нужно! Приезжай, когда весь Сарай еще спит и только рабы принимаются за свой тяжкий труд!..

Слова мастера таили загадку, но было в них и что-то такое, что заставило девушку поверить ему. Она увидела толстые, тяжелые цепи на его ногах, увидела горящие синие, словно весеннее небо, глаза и сказала:

— Хорошо. Я выполню вашу просьбу...

С этого дня мастер-ромей словно умылся живой водой. Вдохновение охватило его, и глубокая, тихая радость засветилась в глазах. Кундуз приезжала теперь ежедневно.

Сердце неподвластно приказу, и с каждой встречей девушку все сильнее тянуло к Коломону. Она еще не знала, что такое любовь, и поэтому не противилась появившемуся в ней чувству.

Но однажды Кундуз поняла, что полюбила, и ей сделалось страшно. Показалось, что конь несет ее по самому краю пропасти, а сил усидеть в седле, удержаться — нет.

Коломон замечательный человек, великий мастер, но у него другой бог, другая вера. Разве отдадут ее за него? И еще он раб, а это, по законам Орды, не человек. Жизнь раба дешевле жизни скотины. Ни один мусульманин не скажет ей слова одобрения, не согласится мать. Что может быть страшнее, чем нарушить закон предков?

Кундуз боялась думать обо всем этом, гнала от себя мысли о ромее, но они приходили незваными и не давали покоя, мешали жить, как прежде, беззаботно.

Девушка вдруг стала догадываться, что ее частые встречи с Коломоном опасны для них обоих. Если кто-то узнает об их чуствах, может случиться беда.

Но сердце не хотело знать обычаев предков и звало ее днем и ночью на берег Итиля. Кундуз уже и дня не могла прожить без того, чтобы не увидеть чудесных орнаментов, созданных руками любимого.

Любовь и красота всегда побеждали разум. Она клялась себе не ехать больше к мастеру, но едва занимался рассвет, Кундуз торопливо седлала коня. Она боялась признаться, что уже не может представить себе жизнь без Коломона, этого сильного, порывистого в движениях, доброго человека.

Так было и в тот день, когда она приехала к мечети раньше обычного. Солнце еще не взошло, и на берегу никого не было, кроме рабов и стерегущих их туленгитов.

Кундуз легко соскочила с седла, привязала иноходца к тонкому дереву и радостно улыбнулась Коломону.

Мастер бережно взял ее за руку и повел к мечети. Роспись одной из стен уже была почти завершена, и строительные леса были убраны. Кундуз видела; ромей чем-то сильно взволнован. Он отпустил ее руку, быстрый и стремительный, прошел возле стены, потом отошел от нее на такое расстояние, чтобы можно было одним взглядом охватить ее всю.

— Иди сюда! — позвал он Кундуз.

Кундуз послушно подошла и встала с ним рядом.

Первые лучи солнца ударились в стену, и сказочной красоты заиграли на ней краски. Десятки раз уже видела она эту картину и в недоумении повернулась к Коломону, не понимая, что он от нее хочет и зачем привел сюда.

— Смотри же!..— нетерпеливо рошептал ромей.— Смотри! Сейчас совершиться чудо!..

Кундуз смотрела. И вдруг солнце словно сдвинуло свои лучи — потускнели, выцвели краски, и сквозь таинственные узоры орнамента она увидела такое, отчего у нее закружилась голова и возглас удивления вырвался из груди.

Кундуз увидела себя верхом на иноходце. Картина занимала всю огромную стену, и девушка не могла ошибиться. Впервые она видела себя со стороны: счастливое лицо, гордо поднятая голова с тяжелыми жгутами кос и иноходец, совсем как живой, казалось, готов был ступить с картины на землю.

Кундуз невольно сделала шаг вперед, чтобы потрогать увиденное руками, но чудесная картина тут же исчезла, и ничего не было на стене, кроме яркого сияния красок. В растерянности она отступила назад и тотчас же снова увидела картину.

Девушка повернула свое лицо к Коломону. Восхищение и мольба были в ее взгляде.

— Что это? — едва слышно спросила она.

Ромей положил ей руку на плечо:

— Тише, девочка! Тише! Держи себя в руках. Об этом, кроме тебя, никто не должен даже догадываться...— речь Коломона была тороплива и сбивчива.— Я мечтал сделать такое чудо всю жизнь... Я берег это для будущего... Но появилась ты... Теперь понятно, для чего я просил тебя приезжать сюда каждое утро? Эту картину можно видеть только с этого места и только тогда, когда восходит солнце... Стоит солнцу изменить свое положение в небе, и никто, даже с этого места, не сможет увидеть то, что увидела ты!.. Лишь великое и доброе солнце, дающее людям тепло и свет, открывает своими лучами невидимые краски, заставляет их явиться миру.

Кундуз все еще не могла прийти в себя:

— Как же ты сумел сделать такое?

— Нет предела для человеческого разума. Я сделал совсем немного — открыл одну из тайн ученого, который жил во времена Искандера Двурогого...— Коломон вдруг перестал говорить. Прямо к ним шел один из туленгитов, стерегущих рабов.— Я обо всем расскажу тебе после.— Ромей своими пронзительными глазами посмотрел в глаза девушки:

— Кундуз! Я хочу видеть тебя! Сегодня, как только зажгутся первые звезды, приходи к озеру! У меня есть несколько золотых монет, и я куплю эту ночь у стражника!.. Я буду ждать!..

— Хорошо. Я приду,— тихо, но твердо сказала девушка.

Вернувшись во дворец, Берке не велел никого к себе пускать и долго сидел в одиночестве. Мысли о том, что он увидел, не давали ему покоя. Потрясение прошло, и все можно было обдумать не торопясь.

Надо было что-то предпринять. Но что? Коварный ромей, зная, что мусульманская религия запрещает изображать людей, животных и птиц, все-таки обманул его. Если кто-то догадается о том, что видел сегодня он, мусульмане отвернутся от хана, который позволил гяуру совершить такое святотатство.

Мечеть прекрасна. Подобных орнаментов и красок ни разу не видел Берке, хотя за долгую жизнь он побывал в землях разных народов. Закралась вдруг мысль: быть может, никто и никогда не узнает, что под орнаментом скрыто изображение человека, может, не стоит разрушать то, что создал мастер-ромей? Или приказать построить что-нибудь на том месте, с которого открывается тайна?

Но сейчас же на смену сомнениям пришла подозрительность. А что, если это не единственный секрет мастера? Кто знает, что у гяура может быть на уме?

Кровь отлила от лица хана, когда он подумал об этом. Нет! Выход был один — уничтожить всю роспись, которую сделал на этой стене ромей, и заставить его подчиниться ханской воле.

Перед глазами вдруг поразительно четко и ясно появилось изображение красавицы верхом на иноходце. Трудно было поднять на такое руку. Но зачем, почему решился на этот безумный поступок мастер? Туленгит намекнул сегодня хану кое о чем, но он только показал голову змеи, спрятав ее тело в воде. Так в чем же все-таки дело?

Берке думал о ромее, а перед глазами стоял образ девушки. Давно не охватывало его сердце волнение и не просыпалось желание обладать юным телом. Можно было бы приказать нукерам отыскать ее и привести сейчас же во дворец, но что-то удерживало хана от этого...

Так как же поступить с мастером? Раб осмелился полюбить свободную девушку, юную, прекрасную, как утренняя звезда Шолпан...

Хан схватил серебряный колокольчик и затряс им.

В комнату торопливо вошел сотник Салимгирей.

— Приведи сюда мастера-ромея.

— Слушаюсь и повинуюсь, великий хан.

Через некоторое время воины с обнаженными саблями приволокли во дворец Коломона и втолкнули его в комнату к хану.

— Оставьте нас двоих! — приказал Берке.

Воины удалились. Хан долго и пристально рассматривал мастера, словно пытаясь прочесть его мысли. Лицо ромея было неподвижным и бледным. Крупные капли пота блестели на его высоком лбу.

Недобрая улыбка тронула губы Берке.

— Рассказывай,— велел он.

— О чем, Берке-хан?

— Начнем хотя бы с того, когда ты закончишь строительство мечети?

— Я уже говорил... Осенью.

— Хорошо. А теперь скажи мне, зачем ты нарисовал на стене эту девушку?

Коломон резко вскинул голову.

— Я люблю ее!

— Ну, а она тебя?

— И она любит...

Лицо хана передернулось, но он справился с охватившим его гневом и по-прежнему спокойным голосом сказал:

— Разве тебе неизвестно, что она сосватана?

— Я знаю об этом. Но разве это имеет какое-то значение, если люди любят друг друга?

Дерзость ромея, его упрямые и смелые ответы бесили Берке:

— У вас разная вера. Девушка мусульманка...

Мастер не спрятал глаз:

— Самая великая религия, которой поклоняются люди всей земли,— это любовь...

Лицо хана побледнело и заострилось. Он чувствовал, как охватывает его, подступает к горлу знакомое состояние дикой ярости. Стоит только расслабиться, и оно захлестнет его, закроет глаза пеленой кровавого тумана, и тогда...

— Ты знаешь... что наша религия... запрещает рисовать людей...— Берке с трудом выталкивал слова из сведенного судорогой горла.

— Я люблю ее... И у меня не было иного способа выразить это. Она не понимала и боялась моих слов, потому что слова могут лгать.

— Дальше...

— Дальше? Когда она увидела свое изображение — оно сказало ей обо всем. Кундуз хорошо знает, чем это грозит мне. И если я не побоялся, значит, слова мои не лживы. Я совершил, согласно высшей религии, страшный грех. Девушка узнала, что я люблю ее больше, чем свою жизнь. И она согласилась...

В уголках губ хана появилась пена, а узкие глаза превратились в крохотные щелки.

— Согласилась?

— Да. Она согласилась навсегда стать моей,— Коломон вдруг опустился на колени.— Великий хан, в своей жизни я ни разу и никого ни о чем не просил... Ради своей любви я сам встал на колени... Я прошу одного... Мне не нужна свобода... Пусть я навсегда останусь рабом, я построю для вас тысячу прекрасных мечетей, только разрешите Кундуз стать моей женой...

Рука Берке скользнула к лежащему рядом кинжалу.

— А девушка согласится стать женой раба?

— Да, великий хан, она тоже просит вас об этом...

— Значит, мечеть закончишь, как обещал?

— Я сдержу свое слово, великий хан.

Лицо Берке посветлело. Он позвонил в серебряный колокольчик, и в дверях тотчас появился Салимгирей.

— Мы договорились с мастером Коломоном...— Губы хана вдруг растянулись в улыбке, но глаза не смеялись — они были по-прежнему недобрыми и холодными.— Я решил соединить его с девушкой, о которой он говорит, если, конечно, он сдержит свое слово и завершит строительство мечети нынешней осенью. Не так ли, мастер-ромей?

— Да,— Коломон всем телом подался вперед.

— Теперь слушайте мое повеление,— от лица Берке вдруг снова отхлынула кровь,— за рисунок, который он сделал на стене мечети, наказать его ста ударами. За желание взять в жены мусульманку повелеваю оскопить его. Все это надлежит сделать в присутствии девушки и всех рабов. Затем, согласно уговору, соединить ромея с девушкой.

Коломон зашатался. Он знал обычаи того страшного мира, в котором жил,— хан Золотой Орды никогда не меняет своего решения.

— Лучше вели зарубить меня на этом месте! Зачем мне жизнь?..— хрипло попросил ромей.

— Нет,— властно сказал Берке.— Мне еще нужна твоя жизнь. Ты должен достроить мечеть...

Страшная была ночь. Почти десять тысяч рабов велел согнать хан Берке на майданхану — главную площадь города. Рабов плотным кольцом окружили конные туленгиты с обнаженными саблями в руках. Коломон, закованный в цепи, стоял на высоком помосте в окружении стражи и был виден всем. По углам помоста пылали огромные, в рост человека, багровые костры, и их пламя тревожными отсветами играло в расширенных зрачках рабов, на узких клинках сабель туленгитов.

Ночь словно придвинулась к главной площади города, и небо, черное и тяжелое, опустилось к самой земле и готово было рухнуть на головы собравшихся здесь людей.

Два стражника привели Кундуз и втащили ее на помост. Тихий ропот, похожий на стон, пронесся над площадью. Девушка была прекрасна. Бледное лицо, закрытые глаза, похожие на черную волну волосы, разметавшиеся по плечам...

— Слушайте! Слушайте! Об этом должны знать все! — закричал ханский глашатай, огромный, словно отлитый из бронзы, монгол.— По повелению хана Золотой Орды, великочтимого Берке раб-ромей за то, что испоганил стену мечети — обители аллаха, наказывается ста ударами.

Палач — высокий худой человек в лисьем малахае, надвинутом на самые глаза,— поднял руку.

Туленгиты, охраняющие Коломона, свалили мастера на помост...

— Раз, два, три...

Над площадью, над головами застывших в молчании людей засвистела, рассекая воздух, лоза. Тишину нарушал только ровный и бесстрастный голос глашатая, считавшего удары:

— Четыре, пять, шесть...

Багровое пламя костров шевелилось над помостом, выхватывая из мрака суровые лица рабов, гневно сведенные брови. В тревожно шевелящихся отсветах кровь раба Коломона казалась черной.

— Пятьдесят... шестьдесят один...— считал глашатай.

И вдруг пронзительный женский крик взметнулся над площадью. Это был голос Кундуз:

— Люди! Родные! Спасите его! Ведь это великий мастер Коломон!

Толпа качнулась к помосту, но тут же отхлынула и снова замерла в тяжелом молчании.

— Девяносто, девяносто один...— падали на головы рабов бесстрастные слова.

Туленгиты, подхватив под руки ромея, поставили его на помост. Кожа на спине мастера висела клочьями. Он истекал кровью.

— Слушайте, слушайте! — вновь закричал глашатай.— По велению хана Золотой Орды великого Берке за то, что неверный ромей захотел взять в жены мусульманку, девушку-кипчачку Кундуз, его надлежит оскопить! Пусть исполнится мудрое решение хана!

На помост поднялся мулла в белой чалме. В руках его сверкнул нож.

— Сорвите одежду с раба, положите его на спину и крепко держите,— приказал он туленгитам.

Кундуз зашаталась, уронила на грудь голову.

— Поднимите голову этой потаскухе! — крикнул палач державшим девушку туленгитам.— Пусть она увидит, как ее будущий муж станет евнухом!

И вдруг властный, сильный голос упал в гнетущую тишину:

— Люди! Разве можно терпеть такое насилие?! Или вы забыли, что вы люди?

Головы всех повернулись на голос. Высокий человек, одетый во все черное, стоял чуть поодаль от помоста. Лицо его было до самых глаз закрыто платком. И никто не смог в этот миг даже подумать, что это был сотник личной охраны Берке-хана Салимгирей.

Толпа заволновалась, растревоженно загудела:

— Освободить ромея!

— Лучше умереть, чем так жить!

Так в год курицы (1261) в столице Золотой Орды — Сарай Берке началось восстание рабов. Три дня лилась кровь и пылали дома. Хан Берке, укрывшись в своем дворце, вызвал из степи на подмогу тумены лашкаркаши Ногая.

Рабы упорно сопротивлялись. Они знали — пощады не будет, а потому каждый из них стоил в этом сражении десяти воинов. Каждый дом, каждый глинобитный дувал превратился в маленькую крепость. Обезумевшие, в большинстве своем безоружные люди в ярости бросались на всадников с крыш домов.

Теснимые воинами Ногая, рабы укрылись в недостроенной мечети на берегу Итиля. Стрел уже не было, и они разбирали стены, чтобы отбиться камнями и кирпичами.

На третью ночь, понимая, что им не совладать с ханским войском, рабы целыми отрядами прорывались в степь, уходили вплавь через Итиль.

Страшной была ханская месть. Всех, кто остался в живых, Берке велел вывести за город, и воины рубили пленников саблями, топтали конями...

Хан торжествовал победу, но страх, поселившийся в его душе, не проходил. Впервые не где-то в далеком Самарканде или Бухаре подняла голову чернь, а здесь, в сердце Золотой Орды, непоколебимо стоявшей с тех времен, когда создал ее великий Бату-хан. Происходило непонятное, и Берке не знал, что ему следует предпринять дальше.

Когда свершилась расправа над рабами, хан послал нукеров на озеро узнать, целы ли его лебеди, велел отыскать мастера-ромея и девушку Кундуз.

Лебеди не пострадали во время смуты, но ни ромея, ни девушки не было ни среди живых, ни среди мертвых.

...Скрываясь днем в лесных чащах, Коломон и Кундуз с небольшим отрядом беглых рабов шли по ночам в сторону реки Тан [1].

[1] Тан — река Дон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

IV

Ногаю, единственному сыну Татара, рожденного от младшего сына Джучи — Буала, во времена, когда Бату-хан двинулся на Европу, исполнилось двадцать лет. Был он смел и горяч. Ни его дед Буал, ни отец Татар не прославили себя в походах, не добились звания хана. По заведенному Чингиз-ханом порядку, они принимали участие во всех делах Орды, но после походов непременно возвращались в свой улус, чтобы предаться усладам мирной жизни.

Последним улусом Татара после возвращения его из Восточной Европы стала крымская земля. Ставку же свою он устроил в городе Кафа.

Под началом Ногая во время походов на орусутов и угров были тумены, состоящие из монголов-хадаркинцев и мангитских всадников.

И те, и другие славились как отличные воины, замечательные стрелки из луков. Хадаркинцы, кроме того, отличались неукоснительным выполнением заветов Чингиз-хана и свято придерживались введенной им железной дисциплины. Недаром глава их рода Мунир Куран был в свое время эмиром и командовал правым крылом Чингизова войска.

Тумены Ногая не знали поражений. По этой причине Бату-хан сделал его наибом[1] в завоеванных им Болгарии и Молдавии. Но, после того как основное войско монголов вернулось на берега Итиля, Ногай, оставшийся всего с двумя туменами, не смог долго удерживать в повиновении покоренные народы. Обстоятельства сложились так, что он вынужден был через два года привести свое поредевшее войско в улус отца, в Крым. Татар уже умер, и улус по праву принадлежал Ногаю.

Но великий Бату-хан рассудил иначе. Он повелел Ногаю прибыть в Сарай и сделал его лашкаркаши всего золотоордынского войска.

Ногая повиновался приказу, но природная осторожность, умение предугадывать будущее заставили его оставить в отцовском улусе большую часть преданных ему воинов-хадаркинцев. Он оставил им все, что награбили они в походах, и кроме того наградил каждого из своей казны.

Пользу от своего поступка Ногай ощутил много лет спустя, когда решил вступить в борьбу с ханом Золотой Орды — Токтаем. Монгольские воины не забыли его доброты. Все, как один, они пришли под его знамя и стали верной и надежной опорой. Уже тогда хадаркинцы и мангуты, населявшие Крым, назывались ногайцами. И не того, кто сидел на троне Золотой Орды, величали они ханом, а своего повелителя Ногая.

После смерти Бату менялись в Орде ханы, а Ногай по-прежнему оставался лашкаркаши всего войска, потому что не было ему равных в смелости и прозорливости. Простые воины ценили его за щедрость и справедливость и готовы были идти за ним в огонь и воду.

[1] Наиб — наместник.

Сила всегда на стороне того, в чьих руках многочисленное и преданное войско. Берке не был похож на великого Бату-хана. Тот сумел создать могучую Золотую Орду. Берке же старался хотя бы сохранить ее в целости, не дать другим отпрыскам Чингиз-хана растащить земли, завоеванные братом. Огромное тщеславие, тайные, далеко идущие замыслы заставляли его думать о близкой вражде с ильханом Кулагу, с потомками Джагатая, с Кубылаем и Арик-Буги.

Не понимая, что ему не дано совершить то, что сделал Бату-хан, Берке помышлял об огромном государстве, в которое бы вновь, как при великом Чингиз-хане, вошли все земли, принадлежавшие когда-то единовластно его деду. И править всей этой империей должен был не Каракорум, а Золотая Орда.

Подолгу обдумывая в одиночестве свои замыслы, Берке вдруг начал опасаться Ногая. Что из того, что ни дед его, ни отец не являлись ханами? Ханство — удел старших сыновей Джучи. Таков закон чингизидов. Но кто сейчас придерживается порядков, установленных Потрясателем вселенной? Свои законы диктует каждый, на чьей стороне сила. Тому пример Кубылай. Не он ли, опираясь на свое войско, первым из многочисленных потомков Чингиз-хана отделился от Каракорума и дерзнул создать свое ханство? При великом деде за такой поступок его бы ожидала жестокая смерть, а сейчас? Некому стало карать отступников.

Кто может поручиться за то, что Ногай, посчитав себя потомком Чингиз-хана, достойным стать властителем Золотой Орды, не посягнет однажды на трон? Именно в его руках войско, и оно предано ему.

Нет. От Ногая следовало отделаться. И чем скорее это свершится, тем лучше. Берке понимал, что одинаково трудно и опасно отнять у него сейчас должность лашкаркаши или отравить. Слишком влиятелен Ногай, и поэтому было страшно решиться на открытую вражду с ним.

А что, если послать его в поход на ханство Кулагу, чтобы вернуть Орде Азербайджан и Ширван? Война есть война. И случится может всякое. Если победа будет за Ногаем, то Золотая Орда станет сильнее, и тогда не поздно подумать, как отделаться от соперников. Если же Ногай потерпит поражение — появится повод лишить его звания лашкаркаши.

Берке страстно мечтал о победе над сильным и жестоким Кулагу и в то же время ненавидел Ногая.

Чтобы глаза не могли оклеветать друг друга, бог создал между ними нос. Между братьями Кубылаем и Арик-Буги аллах забыл поставить преграду, и поэтому со временем между сыновьями Туле появилась огромная яма. Имя ей было — зависть. Другие потомки Чингиз-хана, тоже мечтающие о власти и славе, о троне деда, ссылаясь на то, что Кубылай первым нарушил закон предков и без решения курултая назвался ханом, усердно углубляли эту яму, превращая ее в пропасть.

Все смешалось под вечным небом. Потомки Потрясателя вселенной, позабыв о единой крови, текущей в их жилах, сделались врагами.

На сторону Кубылая встали: сын Угедэя — Кадан, сын Темугэ-очигана, младшего брата Чингиз-хана,— Тогушар. Под их рукой оказалось закаленное в многочисленных сражениях, приученное к повиновению, храброе войско, под ударами которого пал когда-то Северный Китай.

Но и у Арик-Буги были надежные и грозные союзники — отпрыски знаменитого Байдара, сына Джагатая,— Алгуй. Он участвовал во взятии Харманкибе и в покорении польских земель. На стороне Арик-Буги оказался внук Угедэя — Кайду. Это был отважный воин, участник многих походов. В это время он владел Мекринским аймаком в Восточном Тянь-Шане.

Силы, казалось, были равны. Но так только казалось.

Арик-Буги, сидевший на троне в Каракоруме, хорошо понимал, что Золотая Орда, подчиняющаяся номинально ему, была ненадежным союзником. Хан Берке давно мечтал отделиться и только ждал благоприятных для него обстоятельств.

Войска старшего сына Туле — Кубылая и самого младшего — Арик-Буги сошлись на берегах реки Онгин. Небо отвернуло свое лицо от младшего из братьев — тумены его были разбиты, а сам Арик-Буги бежал на Енисей к киргизским племенам.

Захватив Каракорум и оставив там небольшой войско, окрыленный победой Кубылай вернулся к себе в Китай, в главную свою ставку город Шанду. Вскоре сюда прибыл с повинной доверенный человек Арик-Буги. Кубылай, зная горячий нрав брата, его склонность прислушиваться к нашептыванию и сплетням, простил Арик-Буги.

Но другие потомки Чингиз-хана, ненавидящие удачливого Кубылая и сделавшие своим знаменем в борьбе с ним Арик-Буги, собрали войско и, напав на Каракорум, овладели им.

Арик-Буги, забыв о том, что еще недавно просил пощады, двинул свои тумены на юг, к владениям старшего брата, надеясь на этот раз одержать победу. Знаменитая конница Кубылая, состоящая из отборных воинов — кэшиктэнэ, остановила их на краю пустыни Гоби и вновь наголову разбила войско Арик-Буги.

Кубылай мог бы навсегда избавиться от монгольского великого хана в Каракоруме, но он не разрешил своей коннице преследовать бегущие тумены брата, поскольку не хотел, чтобы кровь монголов окропила ту землю, где когда-то великий Чингиз-хан поднял свое знамя и где родилось могущество монголов. Вместо этого Кубылай запретил посылать в Каракорум продовольствие. И там, где еще недавно наступали ногами на хлеб и масло, начался голод.

Накануне этих событий в ставку Арик-Буги прибыла Эргене-бегим — вдова Кара-Кулагу, правительница бывшего Джагатаева улуса. Не ради праздного любопытства проделала она долгий и трудный путь от Каракорума. Эргене-бегим искала союза с Арик-Буги. Она прекрасно понимала, что пожар междоусобицы с каждым годом будет разгораться все сильнее и не останется ни одного Чингизова потомка, которого бы он не коснулся. Любой ценой хотела она сохранить за собой улус. А на него уже жадно поглядывали два кровожадных соперника — Берке и Кулагу,— ожидали счастливого для себя часа. Нужен был надежный, сильный союзник, а вокруг в ближайших землях сидели или недруги, или такие, кто сам, замирая сердцем, ждал решения своей участи от более сильного соседа.

Стараясь заручиться поддержкой Каракорума, Эргене-бегим пообещала Арик-Буги, что, если Берке и Кулагу решат двинуть свои тумены на помощь Кубылаю, она пошлет своего сына Алгуя с войском в Восточный Туркестан, и тот преградит им путь.

Но Кулагу, похоже, пока не собирался ввязываться в борьбу между братьями. Зная, что рано или поздно это придется сделать, он спешно укреплял свое ильханство. Опыт подсказывал, что совсем скоро главным его врагом сделается Золотая Орда, и потому он стремился всеми силами поссорить Берке и Алгуя.

Но, пока вдова Кара-Кулагу вела переговоры в Каракоруме, Алгуй, не дожидаясь, как развернутся дальнейшие события, повел свои тумены в Кашгарию, где у него было много надежных и верных людей, усилил здесь свое войско и объявил себя ханом Восточного Туркестана.

Действовал новый хан стремительно и энергично. По его приказу двоюродный брат Никпей-Оглан с отрядом в пять тысяч воинов вторгся в пределя междуречья рек Сейхуна и Джейхуна. Почти без боя сдались ему главные города Мавераннахра — Бухара и Самарканд.

Алгуй, давно недолюбливавший Берке, по совету Кулагу приказал вырезать всех, кто имел какое-то отношение к Золотой Орде. Те же, кому удалось спастись, побросав свое имущество и скот, в страхе бежали из Мавераннахра. Это вынудило Берке искать союзника в лице Арик-Буги.

Недолгим и непрочным виделся всякому, кто имел глаза, союз между Берке и Арик-Буги. Великие пространства разделяли их, да и нетрудно было угадать, что Золотая Орда только ждет подходящего случая, чтобы навсегда отделиться от Каракорума.

Алгуй, чувствуя за собой силу, отважился пойти дальше и своими действиями заявить, что он больше не собирается поддерживать Каракорум. Покорив Мавераннахр, новый хан велел казнить эмиров захваченных городов, отнял у сборщиков податей казну, которая обычно отправлялась Арик-Буги. Не боясь мести за содеянное, Алгуй, заручившись словом Кулагу, что тот не будет мешать, двинул свои тумены к Хорезму и в Афганистан.

Все эти события произошли настолько быстро, что Золотая Орда не успела прийти в себя, растерялась от ошеломляющих, дерзких действий еще недавно незаметного среди других чингизидов Алгуя.

Хан Берке был взбешен. Он понимал, что это еще не конец Золотой Орды, но развязка была где-то не за горами. Близок был час, когда огромная бычья шкура, какой он представлял себе земли Орды, изорванная, обкромсанная по краям другими чингизидами, могла превратиться в шкуру овцы. Если все ее владения ограничатся только степью Дешт-и-Кипчак, закат неминуем. Безбрежна степь, но земли ее родят только травы, и неоткуда будет брать хлеб, золото, шелка. А уйдет богатство — не станет и силы.

Нужны новые союзники, а ими могли стать только орусуты. Они были пока покорны, но кто мог знать, о чем думает, что замышляет никогда не понятный до конца кочевнику оседлый лесной народ?

Хан чувствовал, как неумолимо надвигалась старость, как все чаще и чаще не соответствовали друг другу желания и возможности. Уже не было времени, чтобы задумывать что-то на далекое будущее. И оставить Золотую Орду, власти над которой он жаждал много лет, не на кого. У Берке не было детей.

Через несколько дней Берке собрал ханский совет. На границах Орды становилось все неспокойнее, а тревожные вести, которые приносили гонцы, порой противоречили друг другу и оттого пугали еще больше.

Берке во всем подражал своему великому деду и совет собирал обычно лишь для того, чтобы объявить заранее принятое им решение. Этого же правила придерживался всегда и Бату.

Ханский совет собрался в новом дворце.

На помосте, застеленном ярко-красным персидским ковром, на золотом троне сидел Берке. Одежда из желтого китайского шелка, расшитая золотыми узорами, еще больше подчеркивала желтизну лица хана. Он напоминал Будду, отлитого из чистого золота и поставленного на самое почетное место в пагоде.

В зале стояла почтительная тишина. Ближе к трону сидели чингизиды: сын Шейбани — Бархудур, лашкаркаши Ногай, сын Кулки — Саук, внук младшего брата Чингиз-хана Хасара — Жонгатбай. Дальше располагались нойоны, эмиры и другая знать, которую соблаговолил пригласить на совет хан.

Берке обвел собравшихся долгим изучающим взглядом.

— По воле аллаха я, властитель Золотой Орды Берке-хан, открываю совет. Аминь.— Он провел сложенными ладонями по лицу.

Собравшиеся замерли в ожидании. Хан сказал:

— Сегодня у Золотой Орды много важных и неотложных дел. На юге Кулагу-хан отравил потомков Джучи — Беркенжара и Болгутай огланов и, вырезав их людей, завладел всем Ираном и Азербайджаном.

Не лучше дела на Востоке. С тех пор как Арик-Буги и Кубылай затеяли войну, не в нашу пользу сложились обстоятельства в Мавераннахре, Хорасане и Хорезме. Алгуй — отпрыск знаменитого Байдара, который раньше не выказывал непочтительности к Орде, изгнал из Джагатайского улуса Эргене-хатун и объявил себя ханом.

Он захватил Мавераннахр и Хорасан, а сейчас его тумены готовы бросить к ногам Алгуя Хорезм. Он посмел вырезать наших наибов и сборщиков налогов в Бухаре и Самарканде.— Берке замолчал, колючими зрачками из-под опухших век оглядел собравшихся.— Что скажете вы, лучшие из лучших, бесстрашные из бесстрашных, сносить ли могучей Золотой Орде эти обиды или обнажить против непокорных меч? А может быть, кто-то из вас укажет иной путь, чтобы наказать врагов?

Никто не успел ответить хану. Распахнулась дверь, и в зал вошел Салимгирей. Нарушать ход совета считалось страшным преступлением. Решиться на это мог только начальник личной охраны, если хану угрожала опасность или если прискакал гонец с особо важной вестью.

Все ждали, что скажет сотник.

— Говори,— брови Берке сошлись на переносице, а глаза впились в лицо Салимгирея.

Тот поклонился:

— Плохие вести, великий хан...

— Я приказываю — говори! — повторил Берке.— Здесь собрались те, кто может знать все.

— Великий монгольский хан в Каракоруме Арик-Буги послал в землю орусутов свой отряд под предводительством Шелкене-баскака, не сообщив об этом ничего в нашу ставку. Воины стали требовать у орусутов ту дань, которую они обычно присылают в Орду. Орусуты выказали непокорность и окружили отряд Шелкене-баскака. Гонец сказал, что отряду грозит гибель.

— Значит, жив еще старый волк Шелкене? — взволнованно спросил Бархудур.

— Выходит, что да,— сказал Салимгирей,— если тянет из орусутов жилы.

Бархудур хотел одернуть сотника. Его ли дело вмешиваться, когда говорит чингизид, но Берке вдруг властно поднял руку.

— Никаких податей для Каракорума,— жестко сказал хан.— Пусть гонец передаст орусутам, что они могут полностью вырезать отряд. Живым мне нужен только Шелкене-баскак. Проследи, сотник, за этим сам. Шелкене-баскак много сделал для величия трона, и я хочу, чтобы он вернулся в монгольские степи живым.

Члены совета молчали. Приказ Берке означал полный разрыв с Каракорумом. Все ждали этого давно — ссора была неминуема, и все-таки происшедшее для многих показалось неожиданным.

Бархудур, пользуясь правом самого старшего из потомков Джучи, сказал:

— Великий хан, принимая это решение, вы тем самым нарушаете главный завет Чингиз-хана...

— Я знаю и помню об этом,— сухо сказал Берке.

— Надо ли поступать так?

— Да. Это нужно для благополучия Золотой Орды.

Взгляд Берке упал на двадцатилетнего Улкетай-нойона. Он был внуком эмира Джалаиров атабека Кадана, который в свое время воспитывал сына Чингиз-хана — Угедэя. Его отец Алжетай верой и правдой служил Угедэю и за свою честность и прямоту был пожалован званием эмира. В тот год, когда курултай поднял на белой кошме великим монгольским ханом в Каракоруме сына Тули храброго Менгу, Алжетай не боясь мести, сказал чингизидам: «Каждый из вас давал в свое время клятву, что сделает ханом, согласно заветам великого Чингиз-хана, любое живое существо из потомства Угедэя. Известно, что даже корова не посмеет есть траву, куда ступит это существо, а собака не решится нюхать его след. Вы же сегодня нарушили клятву».

Ответил ему Кубылай: «Да, мы давали клятву... Но ведь первыми дедовские законы нарушили потомки Угедэя. Чингиз-хан говорил: «Если кто-то из моих потомков совершит преступление или перестанет уважать законы, то такого человека могут судить только мои потомки, собравшись вместе». Род Угедэя же, никого не

спросив, умертвил внука Джагатая — Алталу-оглана. Если тебе мало, то я скажу еще... Разве не сам Угедэй, умирая, попросил сделать его преемником младшего сына Шарамуна? И здесь его потомки нарушили закон, подняв на белой кошме ханом Гуюка».

Это была истинная правда, и Алжетаю пришлось замолчать.

Так это было тогда. И, глядя сейчас на Улкетая, Берке подумал, что чингизиды уже давно не придерживаются порядков, установленных их великим дедом, а когда нужно, толкуют их так, как это выгодно им. Что ж, свой улус, свое ханство, свои интересы ближе.

Ни раскаяния, ни угрызений совести не испытывал Берке, решившись на разрыв с Каракорумом. Наоборот, приняв и объявив это решение, он почувствовал облегчение. Больше не было тайных мук, неуверенности. Отныне Золотая Орда все решения будет принимать сама, без оглядки и выпрашивания позволения у монгольского великого хана. И больше не надо отсылать в центральную ставку часть добычи и дани, собранной с подвластных народов.

Уверенный в правильности принятого им решения, Берке обратился к членам совета:

— Скажите мне, кто сейчас великий хан монголов — Кубылай или Арик-Буги? Они сами не могут ответить на этот вопрос. Так, может быть, нам пришла поры посылать дань обоим? Нет. Золотая Орда отныне ни с кем не будет делиться своею добычей. Нам предстоит поднять меч на Кулагу и Алгуя и поэтому самим понадобятся скот и хлеб, который мы получаем из покоренных земель, чтобы кормить наших воинов. Нам нужно золото и деньги, чтобы снаряжать тумены и награждать храбрых и доблестных.

Большинство членов совета согласно закивали, заговорили, одобряя мудрость хана. И только Бархудур и Саук не проронили ни слова. Они были самые старые здесь и еще хорошо помнили блеск и величие империи, созданной Потрясателем вселенной, помнили время, когда между чингизидами царил мир и объединяла одна цель. Старые воины понимали, что теперь, когда Золотая Орда отделилась от монгольского великого ханства в Каракоруме, зашатался остов монгольского государства и белое девятихвостое знамя Чингиз-хана уже никогда не соберет вокруг себя сильное и единое войско. Предчувствие близкой беды носилось в воздухе. Золотая Орда, главная опора Каракорума, отвернулась от него в самое трудное время. Но, видимо, так было предначертано судьбой, потому что на все, что происходит на земле, есть воля аллаха.

Совет в этот день продолжался долго. Было решено направить против Кулагу двадцать тысяч воинов под предводительством Ногая, а десятитысячное войско на Алгуя поведет сам Берке. В аулы и кочевья Дешт-и-Кипчак помчались гонцы объявлять народу ханское решение, звать кипчаков, мангутов, булгар и джигитов других племен, покоренных Золотой Ордой, в поход.

Вечером того же дня во дворец прибежал нукер и, упав ниц у ног Берке, закричал:

— О великий хан! Я принес вам плохую весть!..

— Когда здесь кто-нибудь явится с хорошей вестью? — зло бросил хан, и лицо его залила матовая бледность, недоброе предчувствие сжало сердце.— Говори. Что случилось?

— Убит один из ваших лебедей!

Суеверный Берке вздрогнул и отшатнулся словно от удара.

— Искать! Искать виновного! Я предам его самой страшной смерти, какая только есть на земле!

Но поиски были напрасными.

Со смертью лебедя поселилась в душе Берке смутная, щемящая тревога. Она была похожа на предчувствие, мешала жить, думать, действовать. Это был знак

судьбы, но какой, о чем он предупреждал? А может быть, это само Небо говорило хану о том, что, раз погиб один из священных лебедей, значит, и один из походов, задуманных Берке, будет неудачным? Тогда следовало искать выход.

И хан нашел его. Вместо себя предводителем войска, идущего против Алгуя, он назначил молодого нойона Улкетая.

Мудрый Бархудур попытался осторожно предупредить хана:

— Улкетай слишком молод. Ему всего двадцать лет... По плечу ли будет такое дело?

Берке возразил:

— А сколько было нам с тобой, когда отцы отдавали под наше начало тумены? Улкетай молод, но у него много силы и большое желание отличиться в битве. Я верю в него...

Подготовка к походам шла в Орде по издревле заведенным порядкам, поэтому каждый знал, что ему делать, и выполнял порученное рьяно, без проволочек и задержек.

Берке по-прежнему каждое утро приезжал на камышовое озеро и подолгу слушал тоскливые крики одинокого лебедя.

Ощущение надвигавшейся беды не проходило. Люди внимательно следили за каждым шагом своего хана и не понимали его. Как и все чингизиды, он ни к кому не знал сострадания, но почему же тогда хан так переживает и тоскует о погибшем лебеде? Неужели годы смягчили сердце Берке?

Нет. Сердце хана по-прежнему оставалось таким, каким и было, и никто не догадывался, что из всех чингизидов именно Берке больше всех жаждет насилия. Просто у него не было тех воинских способностей, которыми обладал его брат Бату, иначе он давно бы уже превратил землю в пустыню и заставил бы течь по ней реки крови.

Через неделю после того, как Ногай и Улкетай выступили со своими туменами в поход, рыжий нукер, замещавший сотника Салимгирея на время его поездки в орусутские земли, принес хану недобрую весть.

— Великий хан! — сказал он.— Гонец из Мавераннахра сообщил, что, как только Алгуй и Кулагу узнали о начатом против них походе, они приказали выгнать за городские стены Бухары всех ремесленников, принадлежавших Золотой Орде, и вырезали их вместе с женами и детьми.

Весть действительно была плохой, но глаза Берке мстительно блеснули. Он вспомнил свою поездку в Бухару, вспомнил ночь, неспокойный и тревожный свет факелов над головами тысяч людей, которые осмелились предъявить свои требования ему, великому хану Золотой Орды. Вспомнился страх, который охватил тогда его в узких, как глиняные ущелья, улицах... Возмездие настигло бунтовщиков. Жаль только, что не сам он устроил эту резню.

Видя, что хан молчит, рыжий нукер подумал, что до него не дошла важность всего случившегося, и сказал:

— Они, наверное, сделали это для того, чтобы Золотой Орде не с кого было брать подати?

— Да, это так,— равнодушно согласился Берке.— Все равно ремесленники были под властью Алгуя. Пользы от них Орда в последнее время не видела... Скоро у нас будет много новых рабов. Совсем скоро...

А Салимгирей в это время, загоняя коней, все дальше уходил от пределов Золотой Орды. Он выполнил поручение хана — не дал орусутам убить Шелкене-баскака. Но спас он его не для того, чтобы разрешить ему жить на земле. Уже немолодой, но по-прежнему сильный и широкоплечий, с густыми хмурыми бровями баскак, как и раньше, оставался грозою покоренных народов. Даже среди монголов он выделялся своею жестокостью. Там, где появлялись сборщики податей баскака Шелкене, пылали избы, кричали женщины и дети, все живое и непокорное превра-

щалось в прах. Салимгирей считал, что такой человек не должен жить. Но надо было выиграть время.

Когда наконец миновали земли орусутов, где можно было встретиться со шныряющими повсюду отрядами монголов, Салимгирей послал одного из своих воинов в Сарай, чтобы тот сказал Берке о выполненном поручении.

Этой же ночью сотник увел Шелкене в лесную чащу и зарубил его саблей. На рассвете отряд Салимгирея, состоящий из преданных ему людей, повернул своих коней в сторону Кавказских гор. Сотник знал, что Берке, обманутый его вестью о возвращении, не скоро догадается, что произошло, и, пока пошлет погоню, отряд успеет уйти далеко.

На побег Салмигирей решился не сразу. Но обстоятельства складывались так, что оставаться дальше в Орде было рискованно. Люди хана упорно искали человека в черном, который поднял рабов на бунт. Еще никто не догадывался, что это был Салимгирей, но петля с каждым днем затягивалась все туже, и ему, сотнику личной охраны хана, это было видно лучше, чем другим.

Из Самарканда доходили слухи, что там появилась община, которая выступает против мулл, ишанов и ханов, обманывающих и грабящих народ, а руководит недовольными человек по имени Тамдам. Салимгирею не надо было объяснять, кто это такой.

Об одном жалел сотник, что не осуществил свой давний замысел — не убил хана Берке. Но, видимо, на все воля аллаха.

Салимгирей еще не знал, что Берке ждет его не только потому, что он должен привезти Шелкене-баскака. Круг замкнулся. Люди хана уже указали на сотника и нашли тех, кто мог подтвердить его причастность к бунту рабов и побегу Коломона и Кундуз.

В землях, лежащих к востоку от Золотой Орды, бушевал пожар.

Потерпев поражение от Кубылая и понимая, что ему никогда не одолеть брата, монгольский великий хан в Каракоруме Арик-Буги двинул свои тумены на другого ослушника — Алгуя. Главенствовали над войском Кара-Буги-нойон и сын покойного хана Менгу — Асутай.

Алгуй, предупрежденный заранее лазутчиками, неожиданно напал на Кара-Буги у озера Сум. В бою сам нойон погиб, а войско его было рассеяно по степи.

Довольный легкой победой, забыв об осторожности, Алгуй велел разбить свои походные шатры для долгого отдыха на берегу мутной и быстрой реки Или.

За беспечность Алгуй был жестоко наказан. Второе крыло каракорумского войска под предводительством Асутая, совершив стремительный ночной переход, словно горный поток обрушилось на лагерь Алгуя. Хану едва удалось спастись. С небольшим отрядом он бежал в Восточный Туркестан.

Окрыленный первым успехом в долгой борьбе со своими противниками, Арик-Буги сам, с новым войском, глубокой осенью прибыл в Илийскую котловину, чтобы, перезимовав здесь, довершить разгром Алгуя и вернуть в подчинение Каракоруму утерянные владения.

Арик-Буги был горяч, и оттого решения его не всегда были обдуманными. Здесь, на берегу своенравной Или, стал вершить он суд над теми, кто уцелел из войска Кара-Буги. Без жалости лишил он многих нойонов жизни, обвинив их во всех неудачах.

Видя такую жестокость монгольского великого хана, эмиры кочевых племен, примкнувшие к нему в начале похода, с наступлением зимы под разными предлогами начали покидать его.

Зима в тот год выдалась суровая. Глубокие снега укрыли илийскую пустыню, и даже монгольские лошади, привыкшие добывать свой корм в любых условиях, начали тощать. Оттепель сменилась жестокими морозами и ураганными ветрами. Положение в войске Арик-Буги с каждым днем становилось все более тяжелым. У

местного населения было отобрано все, что могло пригодиться монголам, но и это не спасло. К весне в его войске почти не осталось коней. Монгол без коня уже не воин, а легкая добыча всякого, кто пожелает взять ее.

Никогда еще с тех пор, как великий Чингиз-хан собрал под свое девятихвостое белое знамя всех монголов, никогда войско монголов не оказывалось в таком плачевном, безвыходном положении. Арик-Буги вынужден был просить пощады у Кубылая и сдался на милость победителя.

Во второй раз Кубылай явил брату милость. Он даровал жизнь Арик-Буги и сыну покойного монгольского великого хана Менгу — Асутаю, остальных же нойонов, предводительствовавших в войске, велел зарезать.

Алгуй, бежавший в Восточный Туркестан, собрал новое войско, взял в жены изгнанную им же из Джагатаева улуса вдову Кара-Кулагу — Эргене-хатун, выразил покорность хану Кубылаю и таким образом признал над собой его власть.

В то время, когда счастье и удача улыбались новому правителю Джагатаева улуса, войско Улкетая, перезимовав в степях Дешт-и-Кипчак, выступило с низовьев Итиля в сторону городов Сыганак, Отрар и Сузак.

Навстречу ему, чувствуя надежную поддержку своего покровителя Кубылая, двинул тумены Алгуй...

Черная весть достигла ушей хана Берке утром, когда он, совершив омовение, закончил читать молитву. Израненный, черный от усталости гонец сообщил ему, что войско Золотой Орды после трех дней сражения разбито, а храбрый Улкетай погиб на поле битвы. В отместку за дерзость Алгуй сжег и разрушил принадлежащий Золотой Орде город Отрар.

Поражение Улкетая было тяжелым ударом по честолюбивым замыслам Берке. Все начиналось не так, как он задумал. Нужна была хотя бы маленькая победа, чтобы воодушевить воинов, подготовить их к предстоящим трудным сражениям.

А может быть, этого захотело само Небо? Ведь не просто так погиб его любимый лебедь. Не было ли это знаком свыше?

Берке знал: за первой черной вестью чередой, словно верблюды в караване, пойдут другие. Он не ошибся.

Скоро стало известно, что Алгуй захватил Семиречье, Восточный Туркестан, Мавераннахр, половину Хорезма и Северный Афганистан.

После добровольной сдачи Арик-Буги и Асутая, после признания своей зависимости от Кубылая все земли империи Чингиз-хана, кроме Золотой Орды и ильханства Кулагу, стали принадлежать ему. Отныне настоящим великим ханом монголов сделался Кубылай.

Тяжелые думы не давали покоя Берке. Количество врагов уменьшилось, но те, что остались, приобрели большую силу и могущество. На востоке — Кубылай. На юге — Кулагу. У них много внешних врагов, но и Золотая Орда для каждого желанная добыча. Правда, она уже не такая, как была при Бату, нет того величия — соседи успели поживиться лакомыми кусками, отгрызли самые богатые и многолюдные земли, и тем не менее... Берке был уверен, что еще сможет собрать сильное войско. Рот, привыкший сытно есть, и рука, привыкшая щедро брать, не смирятся с потерями.

Другое тревожило Берке. Доходят слухи, что Кубылай собирается объявить себя императором Китая. Кто помешает после этого ему, великому хану монголов в Китае, заявить, что он отныне подобен самому Чингиз-хану и, следовательно, все земли, куда ступало копыто монгольского коня, подвластны ему? Что делать, если действительно такое произойдет?

И Кулагу сильный и хитрый волк. Безжалостно и решительно расправился он с восставшими грузинами. А если еще одержит верх над мамлюками Египта, которы-

ми предводительствует Бейбарс, то весь мир окажется поделенным между Кубылаем и Кулагу. И тогда наступит черед Золотой Орды.

Только теперь, когда над Ордой сгустились тучи, Берке впервые понял, как трудно быть ханом. Тщеславный, мечтающий только о славе, он со страхом подумал о том, что скажут будущие поколения, если он уронит знамя Золотой Орды, что скажут чингизиды — потомки Потрясателя вселенной.

Тот, кто выбрал дубинку не по силам, обязательно уронит ее на свою голову. Не случится ли с ним такое? Не напрасно ли он вскарабкался на золотой трон?

Изощренный за долгие годы ум искал выхода, пытался открыть хоть какую-то лазейку, но все было безрезультатно.

В последнее время Берке чаще обычного стал бывать у заповедного озера. Здесь его ничто не отвлекало от дум, никто не смел нарушить его покой и одиночество. Хан не любил людей и потому никогда не искал дружбы и ни с кем не советовался. Он знал: в степи нельзя никому верить до конца. Если ты достиг богатства и славы — будь осторожным, потому что вокруг только завистники и враги, прикидывающиеся друзьями.

Однажды, придя, как обычно, к озеру, хан был поражен. На зеркальной глади плавал не один лебедь, а три. Откуда они взялись, Берке не мог понять. Неужели это вернулись, не оставили в беде одинокую птицу прошлогодние птенцы? А если это так, то неужели среди чингизидов, родных по крови людей, не найдется таких, которые бы в это трудное время поддержали его? Нет, надо искать себе надежного союзника. Пусть сыновей хана Тули трое, но потомков Чингиз-хана много, и найдутся такие, кому дела братьев придутся не по душе, как это случилось с ним, с Берке.

Сразу же вспомнился внук Угедэя — Кайду. Что из того, что он не из рода Джучи? Вместе с Бату-ханом, тогда еще юноша, он ходил в походы на орусутов. Он был смелым и умным воином. В последние годы он владел землями, лежащими между Китаем и Уйгурстаном. Кайду старался не вмешиваться в междоусобицу чингизидов, но пристально следил за всеми событиями, потому что рядом с его улусом находился Джагатаев и усиление Алгуя так же грозило ему неприятностями. Опорой войска Кайду были бекрины и кочевавшие на подвластных ему землях кипчакские роды — уйсыны, дулаты, албаны, сыбаны.

Едва ли Кайду захочет подчиниться Алгую, а это должно было неминуемо произойти, если тот почувствует, что ему нет достойных соперников.

Надо было немедленно послать к Кайду надежного человека и постараться склонить его на свою сторону.

Берке всегда верит в приметы. И эти три лебедя... Быть может, сама судьба подсказывает выход? Нужен крепкий союз. Он сам, Кайду... А кто третий?

О третьем Берке думал давно, еще до того, как сел на трон Золотой Орды. Мечтая сделаться знаменем ислама, он внимательно следил за тем, что происходило в Египте. Мамлюки могли стать его опорой. Они мусульмане и находятся в постоянной вражде с Кулагу, который поддерживает христиан.

Если удастся укрепить союз с Бейбарсом, то ни Кулагу, ни Алгуй не смогут устоять против Золотой Орды и мамлюков.

День, когда Берке увидел на озере трех лебедей, стал для него радостным. Едва он вернулся во дворец, как прибыли послы от Кайду. Возглавляла их восемнадцатилетняя дочь правителя улуса Кутлун-Шага. О бесстрашии и воинских подвигах ее ходили легенды. С тех пор как научилась она сидеть на коне и владеть луком, Кутлун-Шага постоянно сопровождала отца во всех походах. Она была красива, и монголы дали ей имя Ангриам — Светлая, как луна.

Кутлун-Шага была не замужем, и злые языки утверждали, что Кайду любит ее не только как дочь.

После пира, когда хан и Кутлун-Шага остались одни, она рассказала о цели своего приезда. Кайду просил помощи для борьбы с Алгуем.

Утром Берке призвал к себе жаурыншы[1] и попросил погадать на Кайду. Тот сказал, что выступление Кайду против Алгуя будет счастливым.

Через неделю Кутлун-Шга покинула ставку Берке, получив право собрать тумен воинов на землях Золотой Орды, граничащих с Джагатаевым улусом. Во главе войска и каравана, груженного дорогими подарками, Айгирим отправилась в улус своего отца.

Не прошло еще и недели, как уехала Кутлун-Шага, а в ставку Берке прибыли послы из Египта.

В переговорах была достигнута договоренность, что Бейбарс не только выступит против Кулагу, но и объявит газават — священную войну всего мусульманского мира против неверных. Белым знаменем этой войны на землях Дешт-и-Кипчак станет ревностный защитник ислама Берке-хан.

Все складывалось как нельзя лучше. К Берке снова вернулась уверенность в своих силах, и положение Золотой Орды уже не казалось ему таким тяжелым и безвыходным. Пришло время подумать о врагах не только внешних, но и внутренних. Хан велел объявить, что если кто-нибудь принесет ему голову Салимгирея, Коломона и Кундуз, то будет щедро награжден.

А в это время беглецы уходили все дальше и дальше от владений Золотой Орды. Отряд их рос с каждым днем — беглые рабы разных народностей вливались в него.

Из владений Алгуя приходили печальные вести. Новый хан, узнав о посольстве мамлюков в Золотую Орду, жестоко расправлялся с мусульманами. Давно уже никто из чингизидов не устраивал такого кровопролития — вырезались не только взрослые мужчины, но и женщины, и грудные младенцы.

В это время умерла жена Алгуя Эргене-хатун, и он заявил, что в ее смерти повинны мусульмане.

Вести были печальными, но Берке они радовали. Чем больше Алгуй творил зла, тем больше мусульман искало защиты у Золотой Орды, видя в хане свою единственную надежду и опору.

Но напрасно верил в свое могущество Алгуй. Даже сильный ветер меняет направление, если путь ему преградит буря. Бурей этой стал Кайду, спокойно выжидавший своего часа в горах Тарбагатая. Он понимал: чтобы не потерять принадлежащий ему улус, пора действовать.

Кайду был храбрым и дальновидным воином. Совместные походы с Бату не прошли для него даром, он многому научился и перенял от великого хана. Кроме того, долгая служба в Каракоруме при хане Менгу научила его разбираться в событиях, разгадывать интриги чингизидов. Кайду хорошо понимал, что пройдет совсем немного времени и, если ничего не предпринимать, жадные руки Алгуя или Кубылая обязательно протянутся к его улусу.

На принадлежащих Кайду землях в давние годы осело много воинов и нойонов, помнящих золотую пору Чингиз-хана, славные походы его сына Угедэя, разумное правление хана Менгу, когда монголы еще были едины и потомки Потрясателя вселенной не отважились вступать друг с другом в междоусобную борьбу. Им было больно смотреть, как клонилось к закату могущество Монгольского великого ханства, а монгольские роды, когда-то объединенные железной дисциплиной, принимали сторону то одного, то другого чингизида.

И когда Кайду, готовясь к борьбе с Алгуем, обратился к ним за помощью, под его знамя собрались все, кто еще мог держать оружие, а кто не мог — прислали своих детей и внуков. В войско пришли бекрины, уйгуры, кипчаки. За короткое время он собрал силы, способные противостоять и Алгую, и Кубылаю. Войско, в котором оказалось много старых воинов, свято соблюдало заветы Чингиз-хана и готово было идти до конца за своим предводителем.

---

[1] Жаурыншы — предсказатель, читающий судьбу на лопатке барана.

А Кайду умел умно и толково распоряжаться туменами. Невысокий, широколицый и скуластый, все еще крепкий, несмотря на возраст, он, казалось, ничего не взял от матери, сохранив облик типичного монгола. Кайду не носил ни бороды, ни усов. На крепком бронзовом подбородке росло всего девять волосинок, и он любил постоянно поглаживать их.

Отец его Каши умер от вина, сделавшись пьяницей. Сам же Кайду не пил даже кумыса. Это было редкостью в роду Угедэя, где пили все сыновья и внуки. Характером он походил на Чингиз-хана. У него была всегда ясная голова, и любое дело Кайду взвешивал долго и хладнокровно, не доверяясь душевным порывам.

Так же, как и его прадед, он разделил войско на лагеря и во главе каждого поставил одного из своих сыновей. Чужим Кайду не доверял. Лагерь, преграждающий путь Кубылаю, возглавлял второй сын — Орус, на границах с Золотой Ордой стоял третий сын — Байкагар, четвертый сын, Сарбан, должен был противостоять Кулагу. Сам Кайду вместе со своим первенцем Шапаром и младшей дочерью Кутлун-Шага начал готовиться к встрече с войском Алгуя.

Добрые вести, словно ветер, разгоняли мрачные тучи с южных и восточных горизонтов Золотой Орды. Берке-хан, благодаря аллаха за оказанную ему милость, велел принести большую жертву — было зарезано много различного скота и устроен небывалый для ставки Орды той [1].

Жизнь похожа на небо. Она то голубая и светлая, но вдруг набегут тучи и скроют от глаз солнце, и сразу ветер сделается холодным, а по горизонту заплещутся молнии и долетят глухие раскаты грома.

Едва отшумела радость в Орде по случаю победы Кайду и удач Ногая, как всадник на взмыленном коне принес грозную весть о том, что взбунтовались орусутские города: Ростов, Ярославль, Суздаль и Великий Устюг. Ни Каракоруму, ни Золотой Орде, ни хану Кубылаю из Ханбалыка [2] не хотели платить их жители дань.

Гонец сказал: «Пожар может распространиться по всей земле орусутов».

Пожалуй, он прав. Не впервой встречался Берке с непокорностью орусутов и всегда старался надолго сломить их волю. Но такого еще не было, чтобы поднялись сразу четыре города. Здесь действительно может начаться большой пожар, и справиться с ним будет трудно.

Кто в Орде всей душой ненавидит орусутов? Кого послать в их земли с карающим монгольским мечом? Беркенжара? Но он болен, и это дело ему сейчас не по плечу. А может быть, сделать так, как поступал Бату,— поссорить князей? Сколько раз уже было, когда самолюбивые князья легко попадались в расставленный капкан.

При всех ханах больше всего боялась Золотая Орда объединения орусутов. С каждым годом все чаще появлялись люди, мечтающие собрать вместе разрозненные земли и освободиться от ненавистного ига. Простой народ отказывался повиноваться тем князьям, что готовы были служить Орде.

Тяжелой, невыносимой была жизнь орусутов. После опустошительных набегов приходили баскаки. В Орде на эту должность назначались самые жестокие, безжалостные воины. Кроме подушного налога, зависимые княжества должны были отдавать десятую часть урожая и половину добытой пушнины. Если же кто-то не мог дать требуемое, то сборщик дани сам вносил в казну Орды что полагалось, с тем, чтобы должник в будущем году возвратил ему с процентами. Если должник не рассчитывался и в этот раз в срок, то его ждало рабство. Иногда сбор податей осуществлялся через доверенных лиц из местного населения. Таких людей орусуты называли бесерменами, кипчаки же дали им прозвище кырманы [3].

---

[1] Той — празник, пир.

[2] Ханбалык — город Пекин. По-монгольски — город Хоиов.

[3] Кырманы — название не совсем понятное. Оно может происходить от кипчакского слова «кыру» — резать (имеется в виду жестокость сборщиков), или же оттого, что десятина бралась прямо на току («кырман» — ток).

Во времена правления монгольского великого хана Менгу для упорядочения сбора налогов и податей в орусутские земли был послан человек по имения Пысык Берке. Хитрый и злобный, он служил когда-то у китайца Елюй Чуцая, главного советника Угедэя.

Пысык Берке решил провести перепись населения и скота всех орусутских княжеств. Того же он потребовал от свободного Новгорода. Новгородцы, осовбожденные от налогов и податей во время правления хана Сартака, воспротивились. Но обстоятельства складывались не в их пользу. У границ по-прежнему стояли немецкие рыцари, и ссориться с Каракорумом и Золотой Ордой было опасно. Под давлением бояр Новгород принял решение провести у себя перепись.

Орусутские города бурлили недовольством. Баскак Китак, устроив свою ставку в Ярославле, при помощи бывшего монаха Изосима, принявшего мусульманство, все туже затягивал петлю податей и налогов на горле орусутов. Потянулись вереницы рабов на невольничьи рынки Бухары, Самарканда и Стамбула.

И вот теперь города восстали. Долго думал Берке, кого послать на усмирение. Выбор пал на Саука. Хан знал о его ненависти к орусутам и потому был уверен, что старый советник сделает все как надо.

Пятитысячный отряд подошел к стенам Ростова Великого на рассвете. Это был на его пути первый город, где предстояло показать орусутам грозную силу монгольского меча.

Приказав разбить походные шатры, Саук немного вздремнул, а когда вышел снова из своего белого шатра, солнце уже вовсю играло на церковных куполах города.

В этот миг Саук совсем не был похож на семидесятилетнего старика. Движения его сделались быстрыми, глаза смотрели ясно и молодо. Наконец-то наступил тот день, когда он мог сполна отомстить орусутам.

— Позвать сюда Каблан-нойона! — приказал Саук.

Проворный нукер, сунув в ножны кривую саблю, побежал выполнять приказ.

Саук в задумчивости смотрел на лежащий перед ним город. Долго же пришлось ждать этого дня. Еще вчера не было в Орде более тихого и незаметного человека, чем он. Многим казалось, что и звание ханского советника Саук получил совершенно случайно. Давая совет хану, он никогда не повышал голоса и, если Берке не соглашался или выражал недовольство, сейчас же умолкал. Люди порой считали, что Сауку совершенно безразлично, какое решение примет хан, но это было далеко не так.

Просто он хорошо научился скрывать свои мысли, а в душе всю жизнь тлел, не затухая, крохотный огонек надежды.

Саук принадлежал к потомкам Чингиз-хана, а кто из них не мечтал о власти, не мечтал повелевать народами, завоевывать новые земли и постоянно купаться в лучах удачи и славы?

Уже в семнадцать лет понял Саук, что цель почти недостижима. Отец его, Кулкан, погиб при взятии орусутского города Коломны. Мать, Кулан-хатун, была младшей женой Чингиз-хана. Она не помнила ни своего рода, ни племени. Было ясно — никто из чингизидов, происходящих от старших жен, не уступит ему дорогу; кроме того, в Орде не было и родственников по линии матери, на которых можно было опереться в будущей борьбе за трон. Если бы был жив отец...

Очень скоро Саук понял, что у него нет и особых способностей, которые бы помогли ему выделиться среди других чингизидов. Но тайная мечта все равно не покидала его и жгла сердце. И снова думал он об отце и верил, что, если бы орусуты не отняли у него жизнь, все сложилось бы по-другому. Отец был бесстрашным воином. В такие минуты Саук яростно ненавидел орусутов и считал их единственными виновниками крушения всех его планов и надежд.

С годами в душе появилось новое чувство — желание мстить за отца и за себя. Ради этого он пользовался каждым случаем, чтобы принять участие в походах на земли орусутов. Но где возьмешь способности полководца, если не было их с рождения? Трижды Саук возглавлял отряды воинов, и ни разу не зажглась над его головой звезда удачи. Трижды только быстрый конь спасал его из петли смерти.

Бату и другие чингизиды, видя неспособность Саука к войнам и набегам, учитывая его замкнутость и неразговорчивость, решили оставить его в ставке Орды советником.

Это было еще одно поражение, крушение последних надежд на могущество и славу. Злоба, отчаяние захлестнули Саука. Все кипело в нем и бурлило, в каждом слове и поступке других чингизидов чудилась насмешка, но он, умея владеть собой, сделал вид, что вполне доволен новым назначением. Только к орусутам он не мог скрыть своей ненависти и потому при каждом удобном случае советовал ханам уничтожать их.

И сейчас, глядя на непокорный орусутский город, Саук вдруг отчетливо вспомнил приезд новгородских послов в Орду, к хану Сартаку. Проклятые гяуры убили отца, они же преследовали и его самого. Ведь именно тогда он едва не выпил предложенную рыжебородым Святославом чашу отравленного вина. Если бы Саук знал, что вино отравлено, он бы никогда не прикоснулся к нему. Но во всем был виноват орусут, его глаза. С какой ненавистью смотрел старый воин на монголов! В его поступке был вызов, и, загоревшись ответной ненавистью, Саук превозмог страх, который никогда не покидал его, и взял чашу.

Сегодня все по-другому. Страха нет. За его спиной готовые подчиниться любому его жесту, каждому слову пять тысяч отважных воинов с глазами, горящими от скорой битвы и предстоящей добычи. Пусть на старости лет, но пришло время, когда в его власти совершить кровавую тризну по погибшему в орусутских землях отцу. Он растопчет непокорные города, превратит их в прах, и они уже больше никогда не смогут подняться из пепла, чтобы перечить Золотой Орде.

Саук вдруг подумал, что было бы хорошо, если бы когда-нибудь в его руки попал рыжебородый орусут Святослав. Он заставил бы его сказать, почему тот так ненавидит монголов. Он припомнил бы ему ту чашу с отравленным вином...

Запыхавшись от быстрого бега, гремя кривой саблей, к шатру приблизился большой и тучный Каблан-нойон.

Саук сказал:

— Отправляя нас в поход, великий Берке-хан велел нам, прежде чем разрушить город, спросить у орусутов, чего они хотят. Возьми сотню воинов и отправляйся к ним. Если сочтешь, что желания их не совпадают с нашими, зови орусутов, чтобы они вышли сражаться с нами за крепостные стены. Не согласятся — пригрози, что сожжем город, а самих предадим страшной смерти.

— Слушаюсь и повинуюсь...

Каблан-нойон заторопился к своим воинам.

Вернулся он только в полдень.

— Я исполнил то, что повелели вы...

— Говори. Я слушаю.

— Завтра в это время орусуты выйдут из города.

На миг Сауку сделалось страшно. Где-то в душе он хотел и боялся этого сражения, потому что живы были в памяти горькие уроки, полученные им в молодости.

— Они не пожелали выказать нам свою покорность?

— Нет.— Каблан-нойон наклонил свою большую и тяжелую голову.— Я не смог узнать, где находится князь. Приближенные же к нему люди схвачены и посажены в яму. Бунтует чернь. Руководят всем поп по имени Ростислав, а советником у него старик Святослав из Новгорода. Говорят, что они братья. Восставшие заковали Китака в цепи, Изосима, принявшего нашу веру, казнили. Горожане сказали: «Если

вам нужен Китак, то возьмите его, но ни податей, ни налогов мы давать вам больше не станем».

— Что говорили еще?

— Требовали, чтобы мы никогда не присылали к ним бесерменов.

— И что ты сказал им?

— Я ответил, что этому не бывать. Велел освободить Китака, прекратить бунт... Если же они не сделают этого, то мы предадим их смерти.

— Что ответили они тебе?

— Чем так жить — лучше умереть.— Каблан-нойон помолчал.— Я думаю, что они не остановятся ни перед чем...

— Врагов много?

— Нет. Только горожане и те, кто пришел из ближних деревень. Вооружены чем попало...

— Что ты предложишь? Как нам следует поступить?

— Зачем откладывать то, что мы можем сделать сейчас? Надо начать штурм города. Иначе кто знает — не идет ли им помощь от других городов? Сегодняшние орусуты — не вчерашние. Я видел это. Тот, кто разделся, не испугается и обязательно войдет в воду. У орусутов нет страха, и потому не стоит тянуть время.

— Пусть будет так,— важно согласился Саук.— Ты угадал мои мысли.

Гортанные крики пронеслись над лагерем монголов. Забегали, засуетились люди. Тревожно и пронзительно ржали кони.

— Вперед! — приказал Саук.— Да поможет нам дух — аруах великого Чингиз-хана!

Штурм был яростным и недолгим. Когда огненно-красная луна поднялась над черными орусутскими лесами, город пылал, словно огромный костер. Но и в ночи, посветлевшей от багрового пламени, до самого рассвета звенело железо об железо, тонко взвизгивали стрелы, ржали кони и яростные голоса сражающихся уносились к далеким звездам.

Жители города, видя, что им не устоять против монголов, убили Китака и других заложников. Она дрались до конца, без страха за свою жизнь, ибо знали, что смерть теперь для них единственная возможность перестать быть рабами.

На рассвете всех, кого удалось схватить, монголы согнали на главную площадь города. Вокруг на месте изб дымились черные груды бревен и смрадный дым пожарища поднимался к белесому утреннему небу.

Израненные, окровавленные люди стояли, тесно прижавшись друг к другу, и ничего, кроме дикой, нечеловеческой усталости, не увидел на их лицах Саук.

Он сидел на коне и пытался разглядеть у орусутов хотя бы какое-то проявление страха, но его не было, и это бесило монгола.

Взгляд Саука остановился на лицах двух высоких рыжебородых стариков. Непокрытые седые головы, кряжистые, сильные фигуры, позы, в которых они стояли, говорили, что это не рядовые горожане.

Саук всмотрелся. Один из стариков показался ему знакомым, и, тронув повод коны, он подъехал к нему. Концом камчи приподнял подбородок пленника.

Нет, ошибиться Саук не мог. Это был Святослав, о котором он вспомнил накануне битвы. Улыбка тронула его бледные старческие губы:

— Видишь, орусут, мы снова встретились...

Все в кровоподтеках, опухшее лицо старого воина не дрогнуло.

— Вижу. Значит, судьба...

Саук не выдержал ненавидящего, тяжелого взгляда Святослава и отвел глаза.

— Сейчас ты будешь смотреть на дело рук своих. Ты возмутил орусутов. Они заплатят за это жизнью. Так будет всегда и со всеми, кто посмеет выступить против монголов.

Святослав ничего не ответил. Саук резко повернул коня и отъехал на прежнее место, чтобы вершить месть.

Дюжие воины выволакивали из толпы пленников — первого, кто попадал под руку. Казнь назначал сам Саук.

— Зарубить,— бросал он.

Сидящий на коне палач — уже немолодой, но могучего сложения монгол — выхватывал из ножен кривую саблю и, привстав на стременах, с оттяжкой рассекал пленника от плеча до пояса.

Каблан-нойон после каждого ловкого удара щурил глаза и довольно цокал языком, выражая тем самым свое одобрение.

Иногда, для разнообразия, Саук приказывал:

— Убить по-монгольски.

В этом случае роль палачей выполняли другие воины. Они хватали приговоренного, валили ничком на землю и загибали ему пятки к затылку. Короткий вскрик, хруст переломленного позвоночника — и безжизненное тело волокли в сторону.

— Зарубить...

— Убить по-монгольски...

Короткие, спокойные приказы Саука падали на обреченных людей.

Саук ликовал. Вот она, достойная месть за отца, за собственную неудавшуюся жизнь. Проклятые орусуты! Раньше он только видел, как вершили казнь монгольские ханы, сегодня он делал это сам. Пусть трепещут! Пусть те, кого он нарочно оставит в живых, расскажут другим о его мести и передадут потомкам имя «Саук». Орусуты должны смириться, должны навсегда запомнить, что само Небо готовило им судьбу быть рабами, что за любое непокорство будут расплачиваться они жизнью. Велика сила монголов, а сердца их из камня —они не знают ни сострадания, ни пощады.

Росла гора трупов. Над площадью плыли смрадный запах пожарища и запах горячей человеческой крови.

Когда очередь дошла до стариков братьев, Каблан-нойон, склонившись к Сауку, сказал:

— Это зачинщики бунта. Ростислав и Святослав...

— Знаю.— Саук помедлил.— Сколько погибло наших воинов при взятии города?

— Две тысячи...

Саук поморщился:

— Кто из этих стариков младше?

— Ростислав... Ему шестьдесят семь лет...

— Поставьте их рядом.

Воины исполнили приказ Саука. Тот долго всматривался в лица братьев.

— Ты очень любишь своего младшего брата? — спросил он вдруг Святослава.

— Да...

— Хорошо...

Саук задумался. Ему вспомнился случай, который произошел двенадцать лет назад в Бишбалыке.

Уйгурский эмир Баурчин, христианин по своей вере, повинуясь приказу одной из жен Угедэя — Огул-Гаймыш, должен был устроить в землях, населенных уйгурами, большую резню мусульман. Главе последователей пророка Мухаммеда — Сейфутдину стало об этом известно. Но что он мог поделать? Только чудо могло спасти мусульман. И по воле аллаха оно свершилось.

Баурчин решил съездить в Каракорум, чтобы еще раз услышать подтверждение приказа от самой Огул-Гаймыш, но в это время великим ханом был объявлен Менгу. Сейфутдин, зная веротерпимость нового монгольского владыки, опередил эмира и упросил хана заступиться за мусульман.

Едва Баурчин прибыл в Каракорум, как был схвачен и брошен в зиндан. Эмир долго не сознавался в задуманном, пока во всем не призналась Огул-Гаймыш. Участь его была решена.

Хан Менгу сам вынес смертный приговор Баурчину. Он велел казнить его в Бишбалыке, которым тот еще недавно управлял, на глазах у всего народа.

О-о-о! Саук до сих пор не может забыть то, что он тогда видел. Только монгол, храбрый и беспощадный воин, может придумать такое.

Баурчина, красивого, стройного, смуглолицего, привели на место казни закованным в цепи. Глашатай прокричал народу волю хана Менгу:

— Уйгурского эмира Баурчина за преступный умысел вырезать в Бишбалыке преданных душой и телом великому хану Менгу мусульман — казнить. Сделать это, зарезав ножом, должен самый близкий ему человек. Свершивший казнь да займет его место.

Два воина поставили Баурчина на возвышение, на котором должна была произойти казнь. И сейчас же из толпы вышел молодой черноусый воин, лицом очень похожий на эмира. Это был его родной младший брат Уркенжем. Глашатай, прокричавший слова хана, подал ему нож. Палачи свалили Баурчина на помост, связали ему руки и ноги.

Уркенжем, словно собираясь резать барана, опустился на одно колено рядом с братом и выжидательно посмотрел на глашатая. Тот кивнул. Не спеша, спокойно наклонившись к лицу Баурчина, Уркенжем полоснул его по горлу большим ножом. Потом он поднялся на ноги, весь обрызганный кровью, и невидящими, остановившимися глазами снова посмотрел на глашатая. Тот, взяв из рук слуг красный чапан, символизирующий власть эмира, накинул его на плечи убийцы, а на голову надел борик, отороченный мехом куницы.

Привыкшие к жестокости монголов, люди видели подобное впервые. Толпа потрясенно молчала, и только несколько неуверенных, робких голосов попытались выкрикнуть: «Пусть растет твоя слава, эмир!»

Новый эмир сделал палачам знак, чтобы они убрали тело брата, и, сев на черного иноходца, вся сбруя которого была украшена серебром, поехал во главе своих нукеров в город.

Да, подобное нельзя забыть. Саук словно бы заново пережил в эти мгновения когда-то виденное.

— Мы знакомы с тобой,— сказал он Святославу.— Помнишь, как мы сидели за одним дастарханом, когда еще был жив хан Сартак? В память об этом я хочу подарить тебе жизнь. Но вина твоя тяжела, и не наказать тебя нельзя.— Саук помедлил, впился взглядом в лицо Святослава.— Ты должен задушить собственными руками младшего брата. Он все равно будет убит. Если сделаешь, как я тебе сказал, слово мое крепкое, ты останешься жить...

Старый воин опустил голову и долго молчал. Мутная слеза скатилась по его обветренному, иссеченному годами лицу.

— Пусть будет так,— тихо сказал он.— Прикажи своим воинам развязать мне руки.

Душа Саука ликовала. Такого еще не видели и не знали орусуты. Пусть запомнят этот день навсегда. Да разве может быть в подлунном мире по-иному? Кто решится отдать свою жизнь ради другого, да еще обреченного? Страх за себя дороже родной крови. Этому закону следовали даже чингизиды, люди, отмеченные перстом самого бога.

Страшную месть придумал Саук для Святослава. Никогда люди не простят ему убийства брата, и все отпущенные ему Небом годы будет бродить этот когда-то сильный воин изгоем среди своего народа.

Страшнее смерти может быть только позор. Его не смоешь ничем: ни поступками, ни словами. Так пусть же, выполнив условие, Святослав живет, но отныне ясный

день станет для него темной ночью и каждый шорох будет гнать его, точно дикого зверя, в лесные чащи, подальше от людей, дорог и троп. Живой мертвец начнет бродить по орусутской земле, вселяя ужас в каждого, кто осмелится хотя бы только подумать о непокорности.

Глаза Саука горели мстительным огнем.

— Развяжите его! — велел он нукерам.

Те поспешно исполнили приказ.

Все так же, не поднимая головы, старый воин стоял перед Сауком, медленно растирая посиневшие от волосяного аркана руки.

— Ну, что же ты! — нетерпеливо сказал тот.

Святослав резко вскинул голову. На миг глаза двух стариков — орусута и монгола — встретились. И вдруг Святослав метнулся вперед. Мелькнул в воздухе, словно крыло птицы, красный чапан падающего с коня Саука.

Все произошло так быстро, что ни один воин не успел ни двинуться с места, ни выхватить саблю. Когда же они бросились и оторвали, наконец, орусута от Саука, все было кончено. Свершилось страшное. Монгол неподвижно лежал на сырой, истерзанной копытами коней земле с раздавленным, измятым кадыком.

— С дороги! Прочь с дороги! — закричал Каблан-нойон, надвигаясь грудью своего огромного жеребца на Святослава.

Заслоняя в страхе лица руками, отпрянули в сторону нукеры. Яростно взвизгнула, остро блеснула в лучах утреннего солнца кривая монгольская сабля...

Великий хан Золотой Орды Берке ликовал. Тумены Ногая, легко преодолевая сопротивление врага, все больше продвигались в глубь Азербайджана. За несколько недель расправился с орусутами Каблан-нойон — сжег непокорные города, залил их землю кровью. С верховьев реки Или в ставку приехала желанная Кутлун-Шага.

Кому же радоваться, если не хану, когда храбрые воины прославляют его имя новыми победами?

Хан не должен знать плохого настроения, потому что все радости волею неба принадлежат ему одному. Пусть льется кровь, пусть плачут на пепелищах рабы! Что из того? Сердце настоящего монгола должно ликовать при виде крови и слез!

И совсем не важны потери. Пусть погибли многие из тех, кто добыл для него победу! К чему думать, что где-то есть на свете люди, оплакивающие павших? Вместо них придут другие — молодые и сильные, и они будут служить хану преданно и верно, и станут повиноваться любому его желанию и приказу.

«Погибших забудут, зато победы останутся в веках» — так говорил великий Чингиз-хан, не знавший страха и сомнений. Будь иначе, монголы никогда не стали бы самым сильным народом.

Берке жаждал новых побед, и поэтому приезд Кутлун-Шаги и радовал его, и огорчал. Вспыхнувшее с новой силой чувство к молодой женщине постоянно боролось в нем с желанием немедленно отправить ее в улус отца с новым войском, чтобы помочь тому в борьбе с Алгуем.

Но осмотрительность на этот раз словно покинула Кутлун-Шагу. К тому времени, когда она прибыла в верховья Или с войском, которое дал ей хан Берке, было поздно. Многое изменилось здесь, пока она предавалась любовным утехам.

Потерпевший в свое время поражение от Кайду, тщеславный и горячий Алгуй не мог с этим смириться. Он собрал новое войско и под предводительством эмира Бухары и Самарканда Мусабека двинул его на своего врага.

И снова битва произошла на берегах желтой реки Или. На слабо всхолмленной, рыжей от яростного солнца равнине встретились соперники. Местность как будто благоприятствовала действию кипчакской конницы Кайду, но, поредевшая в последних сражениях, та уже не представляла прежней грозной силы, а Кутлун-Шага все не возвращалась с подмогой от хана Берке.

Отступать было поздно. И, уповая на волю аллаха, Кайду двинул свои тумены навстречу войску Алгуя...

Битва была недолгой, но жаркой. Кайду с остатками разгромленного войска пришлось спасаться бегством.

И здесь в спор потомков Чингиз-хана вмешался случай. В один из жарких дней скоропостижно от разрыва сердца скончался Алгуй.

Жестокая борьба за власть в Джагатаевом улусе вспыхнула с новой силой. Недавним победителям было теперь не до Кайду. Собрав войско и безжалостно расправившись с родственниками, объявил себя новым ханом сын покойной Эргене-хатун —Мубарекшах.

А в это время, получив долгожданную помощь от Берке, Кайду укрепил войско и занялся окончательным покорением Семиречья.

Караван жизни, не зная остановок, шел вперед. И новые тропы, новые направления выбирал себе непонятный и загадочный для людей караванбаши по имени Судьба.

В год свиньи, в год распрей и вражды между потомками сыновей Чингиз-хана, был убит Есен-Тюбе, рожденный от Мутигена — сына Джагатая. Дети же его — Барак, Момун, Басар — воспитывались все это время в Китае, у Кубылай-хана. Самым умным и дерзким среди них был Барак.

Великий хан Кубылай, недовольный тем, что Мубарекшах самовольно, без его согласия, завладел троном Алгуя, повелел Бараку отправиться в Джагатаев улус и управлять им совместно с самозваным ханом. Когда же посланец Кубылая прибыл в ставку Мубарекшаха и увидел, что новый хан утвердился здесь прочно и никакого разговора о совместном правлении быть не может, он поступил мудро — скрыл истинную причину своего приезда и, не давая воли чувствам, смиренно попросил у Мубарекшаха в управление бывший аймак своего отца, раскинувшийся на берегу Сейхуна.

Новый властитель Джагатаева улуса милостиво выполнил просьбу родственника. Барак же, прибыв в аймак, подобно мудрому Кайду, стал усиленно собирать вокруг себя верных людей, родных и близких.

Незаметно, исподволь копил он силы, переманивая на свою сторону влиятельных нойонов. И когда Мубарекшах, обеспокоенный действиями Барака, выступил против него, тот встретил хана близ Ходжента и в упорном сражении одержал верх. Сам Мубарекшах был пленен. Пробыв ханом меньше года, он потерял власть и вынужден был уступить трон Бараку.

Все богатства, вся власть в улусе принадлежали теперь Бараку. Как и другие чингизиды, он не собирался делить ее ни с кем. И потому уже без страха и должного уважения смотрел в сторону своего недавнего покровителя.

Кубылай, внимательно следивший за тем, что делает Барак, решил одернуть зарвавшегося родственника, напомнить, кому тот обязан своим неожиданным и быстрым взлетом.

Великому хану Северного Китая, куда входила и часть Монголии, для исполнения его заветной мечты необходимо было держать в повиновении земли, входящие в Джагатаев улус. Кубылай надеялся со временем повторить великого Чингиз-хана — собрать все земли, покоренные монголами, под одну сильную и крепкую руку. Поэтому-то он и отправил на Барака шеститысячный отряд отборных монгольских воинов.

Однако новый хан не испугался угрозы и двинулся навстречу с тридцатитысячным войском. Посланный Кубылаем отряд не принял вызова и отступил в свои владения. Кубылай решил отложить месть. События в Китае заставили его на время отвлечься от того, что происходило на западных границах. А Барак, счастливый от своего успеха, разрушил город Хотан и повернул свои тумены в Мавераннахр.

Безмятежной, состоящей из одних удач и радостей виделась ему жизнь. Самой большой и сильной из ближайших соседей была Золотая Орда, но хан Берке, казалось, сидел в своих владениях тихо и не собирался угрожать Джагатаеву улусу. Ни Кубылай, ни Кулагу, занятые своими делами, больше не предпринимали попыток вмешаться в дела Барака. Но спокойствие было только внешним.

Пока в улусе шла борьба за власть, Кайду овладел всем Семиречьем и дошел до берегов реки Талас, вплотную приблизившись к подвластным Бараку землям. Это была уже угроза. Окрыленный легкими победами, новый хан двинулся навстречу туменам Кайду.

В середине месяца желтоксана [1] их войска сошлись на берегу Таласа. Сам Кайду был болен, и сражением руководил один из его сыновей. Удача отвернула от него свое лицо. Потеряв большое количество воинов, ему пришлось отступить. Но и Барак не смог продолжить преследование разбитого врага. Задули вдруг свирепые студеные ветры, ударили морозы, и его тумены, привыкшие к благодатным теплым зимам Мавераннахра и Хорезма, вынуждены были покинуть Семиречье.

Барак возвращался в свой улус в полной уверенности, что летом он снова встретится с Кайду и навсегда разделается с опасным соседом. Но планам его не дано было осуществиться. Золотая Орда, обеспокоенная тем, что Барак становится с каждым днем все сильнее и могущественнее, послала в помощь Кайду пятидесятитысячное войско. Привыкшие к суровым условиям, на выносливых степных конях, кипчаки и аланы, составляющие основные силы войска, двинулись в земли Джагатаева улуса. Вел их опытный военачальник, брат хана Золотой Орды — Беркенжар.

Ногай почти завершил покорение Азербайджана. Орусутские города, укрытые снегом, затаились в своих лесах и, казалось, навсегда отказались от мысли выражать непокорность Орде. И все-таки Берке не удалось вкусить пьянящую радость победы.

В то время, когда его тумены готовились к битве с Бараком, умерла средняя жена хана, и он взял молодую жену Акжамал — красавицу с большими и прекрасными, как у верблюжонка, глазами. Она была дочерью бая из рода аргын, которому принадлежали несметные табуны лошадей, бродившие по просторам кипчакских степей. Берке жил в ожидании добрых вестей.

Но беда уже кружила над его головой, и хан Золотой Орды не знал, что она совсем близко.

Коломону было всего десять лет, когда он впервые услышал о монголах. Жил он тогда в стране армян, где его отец, знаменитый ромейский мастер, строил один из монастырей.

Страшные слухи забродили над городами и селами. На базарах, открыв от удивления рты и выпучив глаза, слушали люди рассказы о диких всадниках, мчащихся на короткогривых конях с той стороны, откуда восходит солнце.

Слухи были быстрыми и неясными, словно принесенные порывами ветра. Люди удивлялись им, но никто не верил, что страшные воины когда-нибудь придут в их земли, рассеченные глубокими ущельями и долинами.

Отец Коломона по-прежнему строил монастырь, и мальчик целыми днями был рядом с ним. Его завораживала удивительная игра красок, которыми расписывал стены отец, и он мог подолгу смотреть, как ловко и сноровисто работают каменотесы. Отец учил сына гармонии линий и открывал мальчику все, что тот хотел знать.

Но однажды таинственные монголы появились в предгорьях Кавказа. И слухи перестали быть слухами, а сделались страшной правдой.

Ведомые Субедэем и Джебе-нойоном, монгольские тумены через Хорезм вышли в Северный Иран. Один за другим запылали города Хар, Кум, Зенджан, Казвин.

[1] Желтоксан — месяц декабрь.

Напуганные жестокостью завоевателей, жители Хамадана откупились от монголов огромной данью.

Перезимовав близ города Рея, где было достаточно корма для конницы, монголы с наступлением весны вторглись в Азербайджан. Здесь они не встретили серьезного сопротивления и повернули своих коней в Грузию. Грузины и армяне выставили против пришельцев объединенное двадцатитысячное войско. Руководили им царь Грузии Лаша и атабек Иване.

Близ города Ани произошла жестокая битва. И здесь монголы прибегли к своему излюбленному коварному приему. Джебе с пятитысячным отрядом укрылся в засаде, а главный удар принял на себя Субедэй. Исход битвы, казалось, был решен — монголы обратились в бегство. И только когда нарушились боевые порядки грузин и армян, всадники Субедэя вновь повернулись к ним лицом, а в тыл ударил отряд Джебе.

Понеся большие потери, Лаша и Иване вынуждены были отступить. Но ни грузины, ни армяне не были сломлены.

Бог войны Сульдэ еще не отвернулся от монголов, но уже где-то близко бродила беда. И тогда мудрый Субедэй, словно предчувствуя ее, велел повернуть свое войско, отягощенное богатой добычей, на север.

Разрушив Шемаху, монгольские тумены остановились у города Дербента. Неприступная, построенная на горе крепость преграждала им путь в кипчакские степи. Воздвигнутый еще в пятом веке, во время царствования Сасанидов, Дербент принадлежал теперь Ширван-шахам. Крепость была хорошо укреплена, и ее недаром называли «Железными воротами». Мимо нее ни на юг, ни на север не мог пройти ни один человек.

Теснимые с тыла отрядом грузин и армян, монголы оказались в ловушке.

И тогда они отправили своего посла к правителям Дербента. О дружбе и мире просили Субедэй и Джебе, богатую плату предлагали за право пройти через железные ворота.

Дербентцы заколебались. Десять самых знатных людей отправились к монголам, чтобы начать переговоры. По приказу Субедэя они были схвачены, и один из них на глазах у остальных был зарублен.

Оставшимся в живых приказали показать обходной путь. В противном случае их всех ждала смерть.

По горным кручам, по едва заметным тропам, избежав полного поражения, монгольские тумены вышли на земли Северного Кавказа. Длинным и кровавым был путь войска Субедэя и Джебе, прежде чем они вернулись в родные монгольские степи, на берега Онона и Керулена...

Нашествие не коснулось юного Коломона. Их семья укрылась за мощными стенами города Ани, который не удалось взять монголам. Но прошло совсем немного лет, и он снова стал свидетелем страшных событий, снова лилась кровь и черным от дыма пожарищ становилось солнце.

Коломону в это время было уже восемнадцать лет. На этот раз беда не обошла его. Отца схватили хорезмийцы, угнали в рабство, мать умерла.

Коломон остался один, но он уже познал тайны мастерства и умел строить. Так же, как и отец, он возводил монастыри и церкви.

Неспокойно было на границах земель грузин и армян. Короткие передышки сменялись жаркими схватками, и все сильнее чувствовалось приближение большой грозы. Люди жили в постоянном страхе, тень близкой беды уже раскинула свои черные крылья над горами Кавказа.

Вскоре после возвращения из кипчакских степей Субедэя и Джебе в возрасте семидесяти двух лет скончался великий Чингиз-хан. Чувствуя, что дни его сочтены, за год до смерти Потрясатель вселенной высказал свою волю, чтобы наследником его стал третий сын — Угедэй.

В год лошади (1235) новый монгольский хан собрал на великий курултай всех потомков Чингиз-хана.

Было решено продолжить дело Потрясателя вселенной и двинуть бесстрашные монгольские тумены на орусутские земли и Восточную Европу. Главные силы вел Бату-хан. Другая ветвь монгольского войска, под предводительством Журмагуна, должна была вновь покорить Кавказ.

Решением курултая Бату был утвержден в звании лашкаркаши — главного над всем войском. Журмагун же стал лашкаркаши-тама. Ему предстояло после завершения похода навсегда остаться в покоренных землях. Поэтому идущие с ним воины брали с собой семьи. Громадный обоз из арб и навьюченных верблюдов двигался за войском Журмагуна.

Под его началом было сорок тысяч всадников — четыре тумена. Вместе с Журмагуном отправилась в поход и младшая жена Чингиз-хана — Алтынай-бегим.

Великий хан Угедэй напутствовал лашкаркаши-таму: «Ты посылай нам всегда чистое желтое золото, шелк, расшитый золотыми узорами, лунный жемчуг и красные кораллы, длинношеих коней, бурых наров, густошерстых хачидетских верблюдов и грузоносных ослов, а также лууситских ишаков, способных везти легкую поклажу».

На следующий год, в год обезьяны, Журмагун в сопровождении большого каравана, с женщинами и детьми, добрался до Кавказа.

Близ Атрпатакана он разгромил войско Джалал ад-дина. Предводитель хорезмийцев был убит.

Шесть долгих лет потребовалось Журмагуну, чтобы окончательно покорить Кавказ. Отчаянно сопротивлялись новому нашествию грузины, армяне, азербайджанцы, аланы, осетины, черкесы. Каждый город становился крепостью и подолгу не покорялся монголам.

После одного из таких сражений круто изменилась жизнь Коломона. Ему было двадцать три года, когда волосяной аркан завоевателя вырвал его из седла.

По закону, установленному еще Чингиз-ханом, все пленники были разделены между его потомками. Коломон достался Менгу-Темиру, и дорога его пролегла в Золотую Орду. Северный Кавказ, согласно завещанию Потрясателя вселенной, отныне принадлежал Золотой Орде.

Монголы повернули своих коней в Малую Азию. В одном из сражений Журмагун был ранен, потерял слух и вскоре умер. Новым лашкаркаши-тамой по велению Каракорума стал Байжу. В решительности и жестокости он не уступал своему предшественнику. Покорные его воле тумены двинулись на сельджуков Румского султаната.

Эмир Кей Хосров II, совместно с царем киликийских армян, собрал огромное двухсоттысячное наемное войско, состоящее из греков, арабов, франков, армян и курдов. Противники встретились между городами Карин и Ерзнка. Тридцать тысяч монгольских всадников совершили, казалось, невероятное: войско эмира было разбито и Румский султанат перестал существовать. Его столица — цветущий город Ксерия, стоящий на древнем караванном пути, был разграблен и разрушен.

Царь Киликии Гетум I, видевший все своими глазами и желая спасти свой народ, добровольно покорился монголам, дал большой выкуп и обязался по первому требованию Байжу, помогать ему войском.

В год свиньи (1256) правителем Кавказа и Ирана, третьего по величине улуса Чингизова царства, был назначен третий сын Тули — Кулагу.

Вскоре пришла печальная весть — в далеких монгольских степях умер хан Менгу. Заветы, оставленные Чингиз-ханом, повелевали Кулагу немедленно отправиться в Каракорум, чтобы принять участие в похоронах. Он так и поступил. Во главе же войска на время своего отсутствия поставил Кит-Буги-нойона.

Мамлюк Кутуз, возглавлявший египетское войско, счел для себя этот момент благоприятным и в урочище Айн Жумит разгромил войско Кит-Буги.

Ему не удалось до конца вкусить радость победы. После возвращения в Египет он был зарезан бывшим рабом кипчаком Бейбарсом, который провозгласил себя султаном.

С новым султаном искал дружбы хан Золотой Орды — Берке. Бейбарс был мусульманином, жестоко расправлялся с иноверцами, а кроме того, и это было главное, являлся врагом Кулагу.

Жестоким было правление Кулагу. Он вел бесконечные войны, и вся их тяжесть легла на плечи покоренных народов. Непосильная дань, участие в его походах вызывали постоянное недовольство и частые выступления против монголов. Ему постоянно приходилось посылать отряды на непокорных. На границах нового улуса было неспокойно — Бейбарс выжидал удобного момента для нападения.

Именно в это время Берке, объявив всем, что по завещанию Чингиз-хана Кавказ должен принадлежать Золотой Орде, повелел Ногаю с двадцатитысячным войском вступить на земли Азербайджана.

Хан Северного Китая Кубылай, понимая, что брату придется туго, отправил в помощь Кулагу тридцатитысячное войско.

Откуда обо всем этом было знать Коломону, Кундуз и Салимгирею? Кони несли их в сторону Азербайджана, и они были твердо уверены, что все дальше и дальше уходят от ненавистной им Золотой Орды. Казалось, что совсем скоро начнутся земли, где не сможет достать их рука Берке-хана. Откуда им было знать...

Ильхан Кулагу, владевший Кавказом, Ираном, Ираком и Сирией, видел много прекрасных городов, но ни разу в нем не проснулось желание поселиться хотя бы в одном из них. Он был монголом во всем. Зимой он со всеми приближенными откочевывал в степь, летом же поднимался в цветущие горные долины и, выбрав понравившееся ему место на берегу какой-нибудь реки, приказывал ставить юрты своей главной ставки.

Среди всех потомков Чингиз-хана он один неукоснительно во всем следовал заветам деда. И никто из потомков Кулагу, владевших Ираном, не смел нарушить монгольских обычаев. Даже имя «хатун» имели право носить только старшие жены правителей, и власть наследовали дети, рожденные от них. Начиная от Чингиз-хана все его потомство брало первых жен только из родов татар, конурат, найман, керей и ойрат. Дети, рожденные от этих браков отличались живостью ума, смелостью. От жены Чингиз-хана из рода конурат родились: Джучи, Джагатай, Угедэй, Тули. Кровь этих родов текла и в жилах Орду, Бату-хана, Менгу, Кулагу, Кубылая, Арик-Буги, Менгу-Темира.

Сестра найманского нойона Бука-Темира — Эргене-хатун была самой любимой невесткой Джагатая. После смерти своего мужа Кара-Кулагу она долго правила улусом.

В начале лета года мыши (1264) Кулагу повелел поставить шатры Орды неподалеку от города Тебриза, где было множество чистых и студеных родников.

Трудное время наступило для ильхана. С двух сторон, словно две сильные руки, тянулись к его горлу Бейбарс и хан Берке. И тот и другой жили одной мечтой — как можно скорее разделаться с Кулагу. Тревожно было и в подвластных землях. Росло недовольство народа, и все чаще зарево бунтов металось по стенам ханской юрты.

Кулагу был не из трусливого десятка. Всю жизнь он боролся за власть. Он узнал, что никто и ничто не сможет серьезно покачнуть ханство, пока у него в руках крепкая дубина — сильное и преданное войско. Этой дубиной только надо уметь владеть. Последние события показали, что ильхан еще не забыл, как ею надо пользоваться.

Ильхану нездоровилось. Болезнь поселилась в его теле больше года назад, но он старался не поддаваться ей и не ложился в постель, не отстранялся от дел.

Ранней весной Кулагу побывал в войске, которое готовилось встретить Ногая, идущего со стороны Северного Кавказа. Здесь в основном находились воины, которых прислал ему Кубылай. Свое войско он отдал под предводительство малдшего брата Тогуз-хатун. Они противостояли Бейбарсу.

Лашкаркаши войска Золотой Орды Ногай пришел на земли Азербайджана не тем путем, которым в свое время Субедэй и Джебе. Северным берегом Хозарского моря Ногай провел свои быстрые тумены к Дербенту.

Кулагу не ожидал, что лашкаркаши Золотой Орды решится на подобное. Ведь когда-то Железные ворота едва не стали местом гибели монгольского войска, теснимого грузинским царем.

Но Ногай поступил именно так. Во время зимних холодов по льду реки Дербент он провел своих воинов через Ширванское ущелье и разгромил первые, пока незначительные отряды ильхана.

Действия Ногая насторожили Кулагу — так мог поступить только опытный и решительный воин, и потому он двинул навстречу ему большое войско.

Но Ногай, овладев Дербентом, не спешил вступать в сражение. Трудно было угадать, что сдерживает его. Ильхан решил, что лашкаркаши ждет подкрепления из Золотой Орды, и допустил новую ошибку. Часть воинов — грузин и армян, привыкших и умеющих сражаться в горах,— он отправил в помощь сыну. И тогда Ногай, словно нарочно ожидавший этого момента, двинул свои тумены навстречу войску Кулагу. Воины его за время долгого сидения в Дербенте были обучены ведению пешего боя и штурму городских стен, потому-то Ногай легко сломил сопротивление встречных небольших крепостей.

Горько сознавать ильхану, что он ошибся, считая, что без дополнительного войска Ногай не решится идти вперед. Поспешно двинулся он сам навстречу врагу, но было поздно. Стремительные тумены лашкаркаши уже вышли на предгорные равнины Ширвана, а это означало, что конница Ногая получила вновь преимущество перед войском Кулагу, состоящим в основном из пеших воинов.

Несмотря на свой большой опыт, Кулагу проиграл первую битву, и только своевременно подошедшее на помощь войско спасло его от полного поражения.

Усталый и злой вернулся в свою ставку ильхан. Впервые он потерпел такое поражение, и впервые пришли горькие мысли, что у него далеко не прежнее по силе войско. Раньше оно состояло из кочевых народов: монголов, кипчаков, туркменов-сельджуков и других племен с берегов Джейхуна. На них можно было положиться. Покоренные же местные народы никогда не смогут стать надежной опорой власти.

Кулагу почувствовал, как все больше тревога за день завтрашний охватывает его. Он мысленно пребирал всех нойонов. Среди них не нашлось ни одного, равного по таланту Субедэю или Джебе, у которых он когда-то сам учился завоевывать земли и народы.

Есть Сариджа, Буралги, Заган... Но им далеко до нойонов, которые были у Чингиз-хана или Угедэя. Те могли разрушать горы и превращать камни в пыль. Умер Журмагун, и больше нет Байжу.

Нойон Байжу... Его убил его собственный язык. Когда-то он водил тумены на Багдад, затем заставил трепетать весь Иран. Сделал он это руками грузин и армян, но всю славу, весь успех захотел взять себе.

Это задевало честь Кулагу и всех чингизидов.

Ильхан пытался одернуть нойона, но все было впустую. А потом до Кулагу дошли слова Байжу о том, что если тот захочет, то все войско пойдет за ним и ничего не останется от Орды ильхана. Терпению пришел конец. Кулагу велел убить нойона.

Только сейчас вдруг закралась запоздалая мысль, что, возможно, Байжу и не говорил этого. Быть может, завистники оболгали его? Но тогда не было времени раздумывать, потому что воины действительно любили Байжу, он был лашкаркашитамой и щедростью умел завоевать сердца подчиненных ему нойонов. Кара свершилась.

Как был нужен Байжу сейчас, в это суровое время, когда Ногай мог в любой день оказаться под стенами Шемахи, а это бы означало, что большая часть Кавказа отныне в его руках, и удастся ли ее когда-нибудь вернуть — никто бы не взялся предсказать.

В походах и битвах поредело пришедшее с ним когда-то с берегов Керулена сорокатысячное войско. Многие монголы взяли себе в жены местных женщин и стали жить так, как было принято здесь.

Хан Кубылай дал в помощь три тумена, но много ли в них настоящих монголов? Да и тех, что были, пришлось разделить, послав кого против Ногая, а кого против Бейбарса.

Болезнь все чаще давала о себе знать, и Кулагу уже подумывал, кого вместо себя можно поставить во главе войска, сдерживающего Ногая.

Долгими бессонными ночами он перебирал в памяти своих нойонов, мысленно взвешивал и сравнивал достоинства каждого. Предводитель должен был быть опытным, хитрым, умеющим действовать быстро и уверенно, как бы ни сложились обстоятельства. Очень бы пригодился сейчас Байжу...

Кулагу вдруг вспомнил о его сыне, темнике Адаке. Закрались сомнения: а не сжигает ли того жажда мести за казненного отца, не ждет ли он мгновения, когда можно будет сполна отплатить ильхану? И сразу же Кулагу успокоил себя, потому что знал — быстрое возвышение, великая милость гасит любой пожар в душе человека, мечтающего о почете и славе. Потомки Чингиз-хана умели находить в людях самые уязвимые места, умели вчерашних врагов превращать в самых преданных и верных.

В шатер вошла любимая жена Кулагу — Тогуз-хатун. Ильхан невольно залюбовался ее плавной походкой, смуглым свежим лицом. Когда его отец Тулли взял Тогуз-хатун младшей женой, ей было всего тринадцать лет. С тех пор минуло тридцать лет, но Тогуз-хатун не утратила своей красоты и обаяния.

Подойдя к ильхану, она опустилась на колени у его ног и с тревогой заглянула в лицо:

— Великий хан, вам плохо?

Кулагу устало провел рукой по лицу. Последнее время болезнь действительно все чаще напоминала ему о себе. По утрам кружилась голова и противная слабость охватывала все тело. Он ласково посмотрел на Тогуз-хатун и невесело усмехнулся:

— Наверное, ко мне уже никогда не вернутся силы...

Тогуз-хатун, не отрываясь, встревоженно смотрела на ильхана.

— Если бы я смогла взять твою болезнь, я, не раздумывая, сделала бы это...

Кулагу верил этой женщине. Она никогда не лгала ему. Все трудности и невзгоды они всегда делили на двоих.

— Тебе не надо болеть...— тихо сказал ильхан.— Расскажи лучше, что нового слышно в Орде?

— Время пока еще милостиво к нам,— сказала Тогуз-хатун.— Все остается по-прежнему. Отряд твоих воинов задержал в горах кипчаков, бежавших из Золотой Орды. Говорят, что среди них есть ромей, известный мастер. Он умеет строить дворцы и храмы. А его жена...

— Кто сказал? Он сам?

— Нет. Нашлись люди, которые его знают.

— Почему они бежали от хана Берке?

— Ромея легко понять — он тоскует по родной земле, женщину — тоже. Любовь может увести на край света. У кипчаков же спроси сам...

— Хорошо. Я выйду к ним.

Тогуз-хатун лукаво улыбнулась

— Великий хан стареет... Он ничего не спросил о женщине...

— Минули те времена,— нахмурясь, сказал Кулагу.

Ильхан всегда был сдержан и краток в разговоре, но сегодня, всматриваясь в его лицо, Тогуз-хатун увидела глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки и поняла, что Кулагу действительно сильно болен и земные радости едва ли интересуют его. Она от всего сердца пожалела своего повелителя.

Кулагу накинул на плечи чапан и вышел из шатра.

Пленники стояли тесной кучкой, и, когда нога ильхана ступила на разостланный у входа яркий ковер, нукеры, охранявшие их, ударами сабельных ножен заставили пленников упасть на колени. И хотя Кулагу не спросил ничего у Тогуз-хатун о женщине, он первой, словно белого лебедя в стае серых гусей, увидел именно ее. Взгляд ильхана равнодушно скользнул по лицам остальных и сразу же выделил ромея. Ромей отличался широкими мускулистыми плечами, тонким лицом, хотя одет он был, как и все пленники, в кипчакские одежды.

На Кулагу вдруг накатила ярость. Всю жизнь он ненавидел людей, убегающих от своих ханов. Таким ни в чем и никогда нельзя было верить. Они предали своего прежнего хозяина, значит, с такой же легкостью отступятся и от нового. Беглецы, по мнению ильхана, не должны были ходить по земле. И неважно, что толкнуло их уйти от своего хана: тяжелая ли доля, тоска по родной земле или еще что-то.

Кулагу ненавидел Берке, и все-таки тот был ханом. А что может быть недостойнее и страшнее измены своему повелителю? Кто может быть уверен, что беглец завтра не затаит злобу на того, кто дал ему убежище и защиту, и не воткнет кинжал в его грудь? Пленники обязаны умереть. Все до одного. Так завещал Чингиз-хан.

Чем сильнее терзала Кулагу болезнь, тем угрюмее и нетерпимее к окружающим делался он. Теперь он чаще, чем обычно, приказывал убивать. Казалось, что, убивая других, ильхан продляет собственные дни. Не было еще ни одного чингизида, который бы, зная о своей скорой смерти, хотел сделать любому остающемуся на земле добро или просил бы прощения у того бога, в которого верил при жизни. И с ильханом случилось такое. Убивая других, он словно стремился их жизнями откупиться от стоящей у изголовья собственной смерти.

Кулагу снова посмотрел на женщину. Ее черные, удивительно длинные косы упали на истоптанную землю и были похожи на две шелковые блестящие ленты. Таких кос ильхану не приходилось видеть даже у длинношеих персиянок, славящихся красотой.

Впервые за долгие дни болезни вдруг шевельнулась сладострастная мысль: «Накрутить бы эти косы на руку!..»

От неожиданности Кулагу даже зажмурился. Что-то дрогнуло в его душе, и он, так и не отдав приказа, как поступить с пленниками дальше, повернулся и зашагал в сторону шатров, где он обычно решал дела подвластной ему Орды.

Нукер, стоящий у входа, распахнул перед ильханом резные, отделанные слоновой костью двери. Кулагу быстро прошел через три соединенные между собой шатра и сел на устланное коврами возвышение.

Но, взглянув на своего визиря Ель-Ельтебира, велел:

— Пусть позовут Адак-нойона.

Нукер, стоящий у перехода из третьего шатра во второй, прокричал:

— Впустить Адак-нойона!

Голоса стражи передавали друг другу повеление ильхана:

— Пусть входит Адак-нойон...

Адак был настоящим монголом — невысокий, почти с квадратными плечами, с редкой, только начавшей пробиваться бородкой на плоском неподвижном лице. В войске Кулагу он возглавлял тысячу.

Вызов к ильхану напугал его.

Ведь прошло всего три года, как Кулагу велел казнить отца — Байжу. Правда, за собой молодой нойон никакой вины не чувствовал. Он служил честно и верно, как это подобает монголу, как учил его отец. И совсем недавно в одной из битв, когда дрогнули и готовы были обратиться в бегство воины, он сумел увлечь их за собой, вернуть им надежду на победу. После этого случая ильхан, видевший все своими глазами, подарил нойону кинжал с золотой рукоятью.

И все же трудно было угадать, о чем думает Кулагу. Ведь совсем недавно он был в дружбе с его отцом, но это не помешало ему приказать казнить его. Душа ильхана что лисья нора. В ней много извилин, и никто не может сказать куда повернет его мысль.

Стремительно подойдя к возвышению, на котором сидел Кулагу. Адак упал на одно колено и, приложив руку к груди, наклонил голову:

— Великий хан, я прибыл по вашему приказу...

Кулагу молчал, рассматривая молодого нойона. Голова того была по-прежнему склонена, и открывалась загорелая короткая шея, словно нарочно подставленная для того, чтобы на нее удобно было опустить саблю.

В выжидательной позе застыли по сторонам от Кулагу визирь Ель-Ельтебир и писец с открытой толстой книгой в руках.

Наконец ильхан нарушил тишину:

— Адак-нойон, нет ли у тебя обиды на нас?

— Нет, великий хан...

Кулагу в задумчивости покачал головой:

— Так и должно быть. На этой земле всегда есть много людей, которые не умеют носить свою голову на плечах. Кому они тогда нужны? Одним из них оказался твой отец — Байжу...

Адак молчал, не понимая, куда клонит ильхан. А тот, вздохнув, продолжал:

— Ты, кажется, не такой, как твой отец. В последней битве ты показал свое бесстрашие и то, что принадлежишь нам душой и телом. За подобную преданность...

Кулагу вдруг замолчал. Ступни его ног начали пылать огнем, словно он поставил их в жаровню, на раскаленные угли. Это надвигался очередной приступ болезни. Она всегда приходила так. Ильхан знал — к полудню жар поднимется от ног, охватить все тело, помутнеет сознание и разум. Он с трудом овладел собой. Время для дел еще было, и потому Кулагу продолжил свою речь:

— За подобную преданность я решил назначить тебя главным над туменом. Отныне ты отвечаешь за десять тысяч храбрых воинов.— Ильхан поочередно повернул голову к визирю и писцу.— Повелеваю записать это.

Глаза Адак-нойона засияли. Он выхватил из ножен саблю и, не вставая с колен, поцеловал клинок:

— Какими словами мне благодарить вас, о великий хан! Клянусь всегда честно и преданно служить вам!..

Кулагу внимательно посмотрел на молодого нойона. Нет, он не ошибся. Этот будет действительно служить преданно. Что значит для настоящего монгола смерть отца, если под твое начало дается тумен? Ведь это совсем иная жизнь, чем прежде. Это почет и слава, это сладкое, ни с чем не сравнимое чувство власти над людьми.

Щеки Адак-нойона пылали от счастья.

Кулагу поднял руку.

— Хорошо,— сказал он.— Теперь, эмир Адак-нойон, слушай наш второй приказ. Ты возьмешь тумен, состоящий из монгольских и кипчакских воинов, и выступишь навстречу Ногаю. Объединив все наши отряды, ты дождешься его близ Шемахи и заставишь бежать с поля битвы.

Адак смело посмотрел в глаза ильхана:

— Я выполню ваш приказ, но у меня есть одна просьба.

— Говори.

— Разрешите мне вместо кипчаков взять воинов из местных народностей.

Ильхан нахмурился:

— Почему?

— Кипчаки — мусульмане. Я видел их при взятии Багдада и в битвах с Бейбарсом. Они теряют мужество и сражаются без должного усердия. Войско Ногая почти все состоит из мусульман...

— Я понял тебя,— сказал Кулагу.— Пусть будет по-твоему. А теперь иди. Да не покинет тебя бог войны Сульдэ.

Адак в сопровождении нукеров ушел из шатра, а Кулагу еще долго сидел в задумчивости, прислушиваясь к тому, как медленно и неумолимо поднимался по ногам от горящих ступней жар все выше и выше.

Время уходило. И не так уж много его осталось до той поры, когда жар охватит все тело и начнет мутиться разум. Ильхан посмотрел в сторону Ель-Ельтебира.

— Приведите сюда беглецов.

Шатер был просторным, и пленников, запыленных, в изорванных одеждах, со связанными волосяными арканами руками, поставили у входа. Со всех сторон их окружили молчаливые суровые нукеры с обнаженными саблями.

Свободными были руки только у Кундуз. Она вошла в шатер, поддерживая ими свои сказочные косы. И сам ильхан, и собравшиеся здесь нойоны не могли оторвать глаз от девушки.

За время скитаний Кундуз исхудала, потемнела лицом, но даже это не могло скрыть ее удивительную природную красоту.

Из бокового, закрытого шелковой занавеской входа неслышно вышла Тогуз-хатун и остановилась в стороне. Ее внимательные глаза изучали лицо то Кулагу, то лицо молодой женщины. На миг в них мелькнула искорка ревности, но тотчас погасла. Мягкая улыбка тронула ее полные, красивые губы.

— Великий хан,— сказала почтительно Тогуз-хатун,— я хотела бы поговорить с этой беглянкой, прежде чем вы решите ее судьбу. Если будет на то ваша воля, я уведу девушку пока к себе...

Кулагу усмехнулся. Тогуз-хатун что-то задумала, и отказывать ей не было причины.

— Пусть будет так, как этого хочешь ты...

— Пойдем,— сказала Тогуз-хатун и взяла Кундуз за руку.

Девушка не сдвинулась с места, в отчаянии глядя на Коломона.

Тот чуть заметно кивнул.

— Иди за мной,— властно приказала Тогуз-хатун, и нетерпение послышалось в ее голосе.

— Иди,— прошептал Салимгирей.— Случится то, что должно случиться...

С самого начала, когда кончилась их свободная жизнь и они, напоровшись на засаду, оказались в руках монголов, беглецы договорились во всем слушаться Салимгирея.

Придерживая руками тяжелые косы, Кундуз покорно пошла за Тогуз-хатун.

В шатре стояла пугающая тишина, и свет, падающий через отверстие в куполообразной крыше, сделался вдруг тяжелым и тусклым.

Ильхан в упор посмотрел на Салимгирея, угадывая в нем главного.

— Рассказывай. Кто ты? Откуда?

Салимгирей почтительно опустил голову.

— Я был сотником в Золотой Орде,— сказал он тихо.— Я из рода кереев. Узнав, что глава нашего рода Саиджа служит вам, о великий хан, я захотел стать его воином.

Кулагу, словно одобряя услышанное, закивал головой.

— А этот человек,— Салимгирей кивнул на Коломона,— ромей. Он непревзойденный мастер, строитель. Когда Журмагун-нойон захватил город Гянджу, он попал в неволю, затем был отдан Менгу-Темиру и как раб отправлен в земли Золотой Орды. Какой раб не мечтает стать свободным? Поэтому он и бежал. Люди говорят, что церковь, которую он строил в Гяндже, все еще не завершена...

Ильхан оживился:

— Это правда. Я видел эту церковь.

В глазах Кулагу вдруг мелькнул огонек. Он вспомнил о том, о чем еще недавно думал,— объединить вокруг себя христиан, сделать их главной опорой трона.

Ильхан прищурился и испытующе посмотрел на Коломона:

— Ты мог бы ее достроить?

— Да, великий хан.

— Я дарю тебе жизнь. За это ты выполнишь свое обещание.

Помолчав некоторое время, словно забыв о ромее, Кулагу вновь нахмурился и спросил:

— Почему бежали остальные?

— Они жители гор и в свое время тоже оказались в неволе,— сказал Салимгирей.

Ильхан всмотрелся в лица пленников. И, хотя все они были одеты в кипчакские одежды, он легко узнал среди них грузин и армян.

— Но я вижу здесь и кипчаков...

— С нами пятеро воинов из Золотой Орды. Они не захотели больше служить хану Берке.

Кулагу брезгливо поморщился.

— Значит, им стало тяжело? А убегая к ильхану Кулагу, они считали, что будут растить здесь брюхо и валяться на мягких коврах с белотелыми женщинами?

Салимгирей не успел ни ответить, ни возразить. Кулагу резко вскинул голову.

— Да услышат все мое решение. Ты,— он посмотрел на Салимгирея,— спешил к Саидже, чтобы стать его воином. Пусть исполнится твое желание.— Кулагу перевел взгляд на Коломона.— Ты завершишь строительство церкви. В Гяндже много христиан. Пусть это будет нашим подарком им. Грузин и армян возьмешь с собой. Научишь их обращаться с глиной и камнем.

Ильхан замолчал, прислушиваясь, как жар все выше поднимается по телу. Он дошел уже до поясницы, и скоро должно было начать жечь в желудке.

— Кипчаков убить! — резко сказал он.— Пусть это станет примером для всех. Неблагодарные по отношению к своему хану рано или поздно предадут и того, кто их приютил.

— Великий хан! — крикнул Салимгирей.— Они хорошие воины. Пошлите их со мной, и они станут первыми в битве и прославят ваше имя.

— Не убивайте их! — добавил Коломон.— Пошлите вместе со мной строить церковь!

Не то усмешка, не то гримаса боли исказила лицо Кулагу. Затапливающий больное тело жар вызвал в нем чувство бешенства. Ему, ильхану, которому подвластны сотни тысяч людей, предстоит умереть, а ради чего останутся на земле эти пятеро кипчаков? Пусть умрут раньше! Если бы можно было отвести собственную смерть ценой чужих жизней, Кулагу, не задумываясь, уничтожил бы всех до единого из живущих на земле.

И вдруг тишину нарушил мягкий вкрадчивый голос:

— Разве ильхан когда-нибудь говорит дважды?

Это уронил слова визирь Ель-Ельтебир. И всем стало ясно, что участь кипчаков решена.

А Кулагу вдруг спросил:

— Кто эта девушка, которая была с вами?

Коломон сделал шаг вперед, и тотчас в руках стражи блеснули клинки. Ромей невольно попятился.

— Она кипчачка. Моя жена.

— Хорошо.— Ильхан о чем-то сосредоточенно думал.

— Девушка останется в ставке. Ты увидишь ее только после того, как закончишь строить церковь.

— Но почему, великий хан?

— Ты сумел убежать от Берке. Что помешает тебе убежать от меня, если она будет с тобой рядом?

Коломон опустил голову. Ханы не говрят дважды...

В шатре Тогуз-хатун рабыни и служанки окружили Кундуз. Ханша велела принести ей еду, но девушка ни к чему не притронулась.

Тогуз-хатун пристально рассматривала ее.

— Ты покинула родные степи и бежала в чужие земли с мастером-ромеем... Почему? — спросила она.

Кундуз вскинула глаза. В них стояли слезы — словно плавились светлые льдинки.

— Он любит меня! И я люблю его!

Тогуз-хатун понимающе улыбнулась:

— Как ему не любить... Девушку, у которой такие волосы, полюбит любой мужчина. Все они падки до необычного... Я знаю это...

Ханша вдруг протянула руку, и рабыня, угадав ее желание, вложила в ладонь Тогуз-хатун нож.

Дважды блеснуло широкое лезвие, и тяжелые черные косы упали на пол, застланный ярким, как весенний луг, ковром.

Кундуз, рабыни, служанки пораженно молчали.

Неслышно ступая, подошла старая рабыня, подняла косы и понесла из шатра. Морщинистые руки ее гладили шелк волос, словно они были живыми.

— Зачем? — давясь слезами, тихо спросила Кундуз.— Зачем вы это сделали?

На губах Тогуз-хатун застыла злая улыбка.

При жизни Чингиз-хана все его войско было разделено на два крыла — правое и левое. К правому относились воины, живущие в западных землях, к левому — воины из восточных аймаков.

Согласно этому правилу, было устроено и войско Золотой Орды. Чингизиды со своими воинами на правом берегу Итиля входили в правое крыло, все левобережье и земли вплоть до Маверанахра составляли левое крыло. Главой первого считался Ногай, вторым руководили младший брат Берке — Беркенжар и сын Туки — Менгу-Темир.

В захвате новых земель обычно участвовало только то крыло, к которому они находились ближе, и лишь в очень больших походах оба крыла выступали совместно. После смерти Бату-хана Орда ни разу не решалась на большой поход на запад, и поэтому, когда было решено вернуть Кавказ, против Кулагу выступило правое крыло под предводительством Ногая.

Не было в это время в Золотой Орде более умного нойона, чем Ногай. По законам, установленным Чингиз-ханом, он не имел права на наследование ханской власти, но влияние его среди чингизидов было велико.

После смерти сыновей Бату, когда решалось, кому быть отныне повелителем Золотой Орды, Ногай принял сторону Берке, и это определило исход спора.

Нойон знал, что Берке не обладает многими качествами, которые необходимы хану, но другие претенденты имели еще меньше достоинств. Это и определило его выбор.

Сразу же, как только Берке, вопреки воле Каракорума, стал ханом, состоялся разговор, о котором одинаково не могли потом забыть ни Ногай, ни новый хан.

Оба они думали о будущем Золотой Орды, но мысли их были разными.

Они сидели в юрте одни, пили кумыс и вели разговор.

— Как ты думаешь поступить с орусутами? — спросил Ногай.— Будем по-прежнему натравливать друг на друга их князей и собирать с народа лисьи и заячьи шкуры? Или у тебя другие мысли?

Берке молчал, любуясь тем, как играли золотые пылинки в солнечных лучиках, падающих в отверстие свода юрты.

— Смотри,— с чуть заметной угрозой в голосе сказал нойон,— орусуты не кочевые народы вроде кипчаков. И обычаи, и то, как они живут,— все другое. Орусуты многолюдны, они привыкли жить на одном месте, и их будет трудно долго удерживать в повиновении. Если у них появится человек, который сумеет объединить княжества, то первой их добычей может стать Золотая Орда.

— У тебя есть что сказать?

— Ты хан, и я хотел бы услышать твое слово...

— Я не думал об этом. Скажи первым...

— Хорошо.— Ногай сощурил глаза, задумался.— Подобно Кубылаю, вступившему в Китай, ты должен войти в земли орусутов и править ими.

— Хочешь, чтоб я ушел к ним и потерял Золотую Орду? — подозрительно спросил Берке.— Хочешь, чтобы со мной произошло то же, что с Кубылаем? У него сегодня есть Китай, но уже нет Великого Монгольского ханства... И кроме того, узнав о наших замыслах, орусуты не захотят этого.

— Орда никогда не боялась посылать своих воинов в битвы...— горячо сказал Ногай.— Можно ведь поступить и иначе. Надо разделить орусутские земли на аймаки, и править ими станут монгольские нойоны. Пусть вместе с ними по орусутским землям кочуют наши воины с семьями.

— Это трудно сделать... Небольшие отряды легко уничтожить...

— Да, будет кровь. Но монголы умеют подчинять и властвовать. Ты пошлешь новых воинов. Девятихвостое белое знамя нашего великого предка Чингиз-хана принесло монголам славу и счастье,— жестко сказал Ногай.— И потому каждый из них будет считать себя счастливым, если умрет под этим знаменем.

Берке с трудом сдерживал охватившую его ярость:

— Так думаешь ты! Но ты забыл, что в свое время не побоялся сказать в глаза самому Чингиз-хану Аргусун-хуурчи.

Кто из потомков Потрясателя вселенной не знал об этом случае? Знал об этом и Ногай.

В одном из походов на восток Чингиз-хан, завоевав земли корейцев и взяв себе для наслаждений дочь покоренного правителя — девушку удивительной красоты, совсем забыл о монгольских кочевьях. И тогда к нему из родных степей примчался певец Аргусун.

— Здоровы ли мои жены, сыновья и весь народ мой? — спросил Чингиз-хан у гонца.

И Аргусун-хуурчи ответил ему песней:

— Жены твои и сыновья твои здоровы!
Но не знаешь ты, как живет весь народ твой!
Жены и сыновья твои здоровы!
Но не знаешь ты, о чем думает народ твой!
Ест он кожу и кору голодным ртом своим!
Но не знаешь ты, как жив народ твой!
Пьет он воду и снег, как случится, жаждущим ртом своим!
Твоих монголов обычаев и жизни не знаешь ты!

По глазам Ногая Берке понял, что тот вспомнил слова Аргусуна, и потому с особым наслаждением и злорадством сказал:

— То, что дал великий предок нам — его потомкам, он не дал всем монголам. Ты совсем не знаешь жизни и не можешь знать, захотят ли монголы вновь умирать.

Сказанное ханом было великой обидой, и лицо Ногая сделалось белым.

— Смотри, хан! — уже не сдерживая себя, гневно сказал нойон.— Если ты не сделаешь этого, завтра может быть поздно. Они придут сюда, чтобы властвовать над нами.

Берке верил и не верил Ногаю. И от этого накапливалось против него раздражение и думалось, что Ногай говорит так потому, что все монголы мечтают о битвах.

— То, что ты предлагаешь, сделать невозможно.

— А как же, по-твоему, следует поступить?

— Я не умнее Бату,— уклончиво сказал Берке,— я буду идти путем, который проложил он. Если бы я даже пошел в земли орусутов, едва ли это усилило бы Орду...

Ногай с недоверием и удивлением смотрел на хана. Он не привык видеть Берке подавленным или нерешительным.

— Я не понимаю тебя, хан...

В глазах Берке вспыхнули злые огоньки, и расширились, сделались темными зрачки:

— Посмотри вокруг! Разве ты не видишь, что монгольская сабля уже давно не сверкает так ослепительно, как это было при Бату! Многое переменилось с тех пор, как ушел он из жизни. Покоренные народы по-прежнему боятся нашего сильного войска, но уже не боятся нас, монголов. При Чингиз-хане и Бату монгол был страшен и непонятен, теперь же и орусуты, и другие народы знают о нас все: и как мы живем, и как умеем сражаться. А когда враг понятен, он уже не может напугать, подавить волю. Его боятся только до тех пор, пока он сильнее. Не оттого ли восстали орусутские города: Ростов Великий, Суздаль и Тверь, Ярославль и Устюг? Давно ли Угедэй и Джагатай стерли с лица земли Бухару, но и здесь своем недавно чернь не побоялась поднять голову. Если бы ты видел это сам так близко, как видел я... Ночь... Суровые лица, непокорные глаза и кровавый свет факелов...— Берке помолчал, словно заново переживая то, о чем рассказывал.— А бунт грузинов против Кулагу под предводительством князей Большого и Маленького Давидов в Тбхисе?.. А недавние события в нашей ставке? Я приказывал вырезать непокорных как баранов, без жалости!..

— Ты правильно делал,— сказал Ногай.— Самый лучший враг — это мертвый враг.

— Я тоже так считаю. Но почему тогда одно волнение следует за другим? Почему их становится все больше и больше? Ты слышал о моем бывшем сотнике Салимгирее... Казалось бы, ужас должен владеть им, потому что он своими глазами видел, как я приказал уничтожить десять тысяч непокорных рабов. Однако верные люди доносят мне, что Салимгирей собирает вокруг себя врагов Орды...

— Вели поймать его!.. И пусть все увидят, как покатится под ноги твоего коня его голова! Только страх способен удерживать людей в повиновении.

— Я так и поступлю...— задумчиво сказал Берке.— Но как суметь страхом остановить время?

Ногай хотел понять, о чем говорит хан. Он пристально смотрел ему в лицо, но лицо Берке оставалось непроницаемым.

— Не слишком ли ты много думаешь, вместо того чтобы заботиться о величии Золотой Орды? — нетерпеливо сказал он.

Берке покачал головой:

— Все мысли наши от бога... Время... Оно кажется мне порой похожим на безбрежное бушующее море. А море может разбить самую крепкую скалу и обру-

шить самый высокий берег... Я многого не могу понять... и еще меньше объяснить... Бесстрашные тумены Чингиз-хана покорили бесчисленное множество народов кривой монгольской саблей, острой стрелой, тяжелым соилом и жалящей камчой. Мы берем у побежденных все, что нам надо, и правим ими, не слезая с седла... Но, вместо того чтобы слабеть и умирать, они упорно вновь строят то, что мы разрушаем, пасут скот и пашут землю, добывают железо и куют из него мечи. Скажи, мой доблестный нойон, ведь покоренные не стали слабее, чем они были в дни нашей с тобой молодости, когда под предводительством Бату мы топтали их копытами наших коней? Разве это не так? Все чаще бунтует чернь, а разве непокорство не есть проявление силы? Порой мне кажется, что придет такое время, когда и орусуты, и булгары, и жители Мавераннахра откажутся давать нам то, что мы привыкли у них брать. Сможет ли тогда Золотая Орда снова растоптать их, будет ли всегда у нее та сила, которая есть сегодня?

— Тебя для того и подняли на белой кошме, чтобы ты заботился о силе Орды,— раздраженно сказал Ногай. Ему были не по душе рассуждения Хана.— Во все времена рядом с человеком живут несправедливость и насилие. Они вечны. Будь мудрым, будь хитрым, и они не дадут упасть шатру Золотой Орды.

— Даже булатный меч тупится, если им постоянно бить о камень...

Ногай едва сдерживал ярость. Он и так уже позволил себе слишком многое в разговоре с ханом. Другой бы уже поплатился головой за свою дерзость, но Берке всегда позволял Ногаю больше, чем остальным, и разговор их происходил без посторонних. У Ногая были причины для ярости. Впервые он вдруг увидел, что в хане словно сидят два совершенно разных человека. Один правит Ордой так, как привыкли править монголы: он безжалостен, кровожаден, никто не смеет рассчитывать на его пощаду; другой, открывшийся вдруг перед Ногаем, нерешителен, напуган и ведет речи, недостойные чингизида.

— Разве можно править Великой Ордой, не веря в ее могущество! — гневно крикнул Ногай.— Если бы ханом был я!.. Я показал бы всему миру, что нужно Золотой Орде, чтобы она стояла вечно!

Берке вкрадчиво засмеялся. Глаза его вновь сделались пристальными и холодными, а лицо отвердело. Нет, не напрасно не доверял он последнее время Ногаю. «Если бы ханом был я...» Не слишком ли о многом мечтает нойон? Пусть сказано это в пылу спора, и все-таки... Он знал, так думает не один нойон. О власти мечтают все чингизиды...

Берке подозревал Ногая в тайных замыслах, но ни он, ни нойон не знали еще в это время, не могли даже предположить, что пройдут годы и борьба среди потомков Потрясателя вселенной за право стать ханом унесет множество жизней, зальет степи Дешт-и-Кипчак кровью и явится одной из многих причин, из-за которых навсегда рухнет шатер Золотой Орды, погребая под своими обломками всех тех, кто верил в ее непоколебимость и вечность.

— Ты сказал, Ногай, что если бы ханом был ты...— медленно и жестко уронил Берке.— И при мне она будет стоять. Нет такой силы, которая бы заставила меня свернуть с пути моего деда Чингиз-хана. Я пролью столько крови, сколько потребуется, чтобы имя монгола по-прежнему наводило ужас на покоренные народы.

В это день Берке и Ногай расстались недовольные друг другом.

Хан затаил на нойона злобу, а Ногай понял, что Берке из тех ханов, которые довольствуются тем, что никогда не решатся на дерзкий поступок. По мнению нойона, следовало искать среди чингизидов человека, достойного быть ханом Золотой Орды.

Свое назначение предводителем войска, выступающим против Кулагу, Ногай встретил с радостью. Пора было показать соседям, что Золотая Орда сильна по-прежнему и может постоять за земли, которые принадлежат ей. Кроме того, у него подспудно зрела мысль — собрать вокруг себя чингизидов, на которых было бы

можно опереться, если бы пришлось вступить в борьбу с Берке. Сам Ногай претендовать на ханство не мог. Но почему не сделать ханом того, кто станет во всем слушаться тебя и постоянно обращаться за советом? Особенно большие надежды он возлагал на Тудай-Менгу и Тули Бука — на внука и правнука Бату-хана. Горячий, порой безалаберный, Тудай-Менгу обожал Ногая и поэтому легко поддался ему. Во всем повиновался нойону и выдержанный, более умный Тули Бука...

В тот день, когда решилась участь беглецов, ильхан Кулагу заболел. Как обычно, когда с ним случался приступ, помутился разум и он лежал в своем шатер. Кроме лекарей и нукеров, обрегающих жизнь ильхана, никто не смел войти или даже приблизиться к нему.

Вся жизнь в Орде на время, пока к Кулагу вернутся силы, подчинялась Ель-Ельтебиру. Выполняя приказ ильхана, он сразу же в сопровождении стражи велел отправить Коломона с товарищами в Гяндж. Кипчаки, приговоренные к смерти, были связаны по рукам и ногам и брошены в черную юрту. Им предстояло дожидаться, пока поправится ильхан. Приговаривая их к смерти, он не сказал, как они должны быть убиты. Способу, которым должен быть казнен человек, монголы придавали большое значение, и назвать его должен был ильхан.

Визиря заинтересовал Салимгирей. Ель-Ельтебир почувствовал, что это не простой человек — в нем что-то настораживало и в то же время привлекало, и потому, обдумывая, как с ним поступить, он велел пока Салимгирею оставаться в Орде.

Салимгирей знал, что Кундуз находится в ауле ханши, и знал, что проникнуть ему туда не удастся. Аул из нескольких десятков юрт стоял рядом со ставкой, на берегу небольшого синего озера, и, по существующим порядкам, тщательно охранялся личными нукерами ильхана. Всякого, кто попытался бы приблизиться к нему, ждала верная смерть. Да и в самом ауле постоянно шныряли морщинистолицые злобные евнухи.

Но Салимгирею нужна была не жена ильхана, а простая рабыня, кипчачка Кундуз. И он решил попытать счастья — пробрался к озеру и затаился в камышах в надежде на удачу. Он видел, что рабыни ходили сюда довольно часто за водой.

Томительно тянулось время. Солнце уже перекатилось на вторую половину неба и перестало быть горячим, а никто не шел к озеру.

Потеряв всякую надежду, Салимгирей решил выбраться из своего убежища и вернуться в Орду. Вполне могло быть, что его ищут, долгое отсутствие вызовет подозрения.

Но именно в это время он увидел, как по тропинке к воде спускается старая женщина с кувшином. Стараясь не напугать, Салимгирей тихо окликнул ее:

— Ала... Мать... Не бойся меня... Выслушай всего несколько слов...

Рабыня от неожиданности остановилось. Лицо ее было испуганным и растерянным.

— Мать, помоги мне увидеться с сестренкой, сказать ей слова прощания! Сегодня Тогуз-хатун взяла себе новую рабыню. Ты ее видела! Девушка-кипчачка с длинными косами!..— взволнованно и сбивчиво говорил Салимгирей.

Губы женщины дрогнули:

— Я знаю ее, но не знаю чем могу помочь тебе...

— Приведи ее сюда!.. Я скажу ей всего несколько слов!..

Рабыня покачала головой:

— Разве ты не знаешь, что ждет меня, если я это сделаю?

— Знаю, мать... Но я очень прошу тебя! Разве ты никогда не имела ни сестры, ни брата? Разве ты знала мало горя, чтобы не понять горе другого? Ведь может случиться, что я больше никогда не увижу ее...

Женщина долго молчала, лицо ее было печальным. И все-таки страх, привычка быть покорной удерживали ее от решения.

Наконец она неуверенно сказала:

— Я попробую... Все в руках аллаха...

Набрав воды, женщина медленно побрела в сторону аула.

Старая рабыня пересилила страх и привела Кундуз.

Девушка бросилась к камышам, где затаился Салимгирей, но он властным голосом остановил ее:

— Иди к воде. Делай вид, что полощешь кувшин, и не смотри в мою сторону...

Кундуз повиновалась

— Теперь слушай. Ильхан поставил условие, что не вернет тебя Коломону до тех пор, пока он не закончит постройку церкви в Гяндже. Коломон обещал сделать все быстро. Я же постараюсь освободить приговоренных к смерти кипчаков, и мы уйдем в горы. Видимо, так предопределено судьбою, что нет нам места на земле для человеческой жизни. Плохо всюду — и в Золотой Орде, и в ильханстве Кулагу...— с горечью говорил Салимгирей.— Бить ли камнем сову, или сову бить о камень — все одно. Погибнет сова. Так и нам не уберечь свои жизни, если покоримся. Как Тараби или Бошман, соберу я вольных людей вокруг себя и стану мстить ханам.

— А как же я? — с болью спросила Кундуз.— Почему ты бросаешь меня здесь одну?

— Пока не освободится Коломон, тебе надо оставаться в Орде. Быть может, ильхан сдержит слово, и вы сможете жить как люди... Моя же дорога неведома и полна опасностей. Кто знает, что может на ней случится? Оставайся здесь. Мы не бросим тебя. Если все получится так, как я задумал, то далеко мы не уйдем. Дело здесь у меня есть...

У Салимгирея здесь действительно было дело. В ханском шатре, когда допрашивал их Кулагу, увидел он одного человека. Очень знакомым показался Салимгирею этот человек. В памяти всплыло вдруг давнее, но не забытое, словно зарница неблизкой молнии высветила кусок его жизни.

Тогда Салимгирею было тринадцать лет... Один из отрядов Чингиз-хана преследовал его род. Спасаясь от монголов, род ушел в горы Восточного Туркестана, но и здесь не было спасения от черной тучи. Монголы отобрали скот, юрты, вырезали много людей. И самого Салимгирея ждала бы печальная участь, но ему удалось бежать.

Он помнил как, задыхаясь, бежал к спасительному лесу на склоне горы, а за ним слышался тяжелый топот коня. В ужасе Салимгирей оглядывался и видел большого черного всадника с поднятой над головой кривой саблей. Это гнался за ним предводитель монгольского отряда Тайбулы.

Только густой лес заслонил его от неминуемой смерти... Но лицо монгола не могли заслонить даже время и то тяжкое, что выпало в жизни на долю Салимгирея.

В шатре Кулагу он узнал Тайбулы, и голос крови требовал теперь отмщения.

Где бы Салимгирей ни был, в каких сражениях ни участвовал, всегда глаза его искали врага. И вот теперь, кажется, цель близка.

Прогнав не к месту нахлынувшие воспоминания, Салимгирей только сейчас заметил, что у Кундуз больше нет ее прекрасных кос.

— Ты зачем отрезала волосы?

— Это не я... Это она...— Из глаз девушки закапали крупные слезы.

— Кто?

— Тогуз-хатун... Она сказала, что девушки с длинными волосами нравятся мужчинам...

Салимгирей выругался.

— Придет время, и я брошу эту потаскушку поперек седла! — гневно сказал он.— Не печалься. Голова цела, а волосы еще вырастут.

Размазывая слезы по лицу, Кундуз попыталась улыбнуться:

— Правда?

— Конечно. На вашем с Коломоном праздничном тое у тебя снова будут чудесные волосы.

— Когда он будет, этот той?

— Будет. И волосы вырастут быстро, и Коломон скоро закончит церковь...

— Пусть бог услышит ваши слова...

— Прощай, Кундуз...

На юге день умирает быстро. Едва солнце коснулось края земли, на мир пала тьма и крупные, как яблоки, звезды замерцали в бездонной глуби неба.

Салимгирей долго лежал в зарослях чия, прислушиваясь, как затихала жизнь в Орде. Один за другим потухали костры у юрт, на которых готовился ужин, стал слышен лай собак, да изредка из степи доносились гортанные крики воинов, стерегущих косяки лошадей. Теплый ветер налетал порывами. Верхушки чия сухо и таинственно шептали.

Салимгирей был терпелив. Черная юрта, где находились пленные кипчаки, стояла у самого края Орды, и даже во тьме, подсвеченной мерцающим жидким светом звезд, он хорошо видел ее купол. Истерзанная за день копытами коней, засыпала земля. Когда сделалось совсем тихо, Салимгирей начал переползать от куста к кусту. Припадая ухом к земле, он слышал, как ходил вокруг юрты воин, охраняющий пленников.

«Кто он, этот человек? — подумал Салимгирей.— Быть может, единственный сын у матери? Но таков закон войны. Если я не убью его, погибнут пять моих товарищей. Этот воин, повинуясь приказу своего ильхана, считает незнакомых ему людей врагами. Для меня же враг он, и именно потому, что привык не думать, а повиноваться».

Длинной была дорога в ильханство Кулагу. О многом успел передумать Салимгирей, греясь у потаенных костров, разведенных где-нибудь на дне глубокого оврага. Правильно ли он поступил, подняв рабов в Сарай-Берке? Не слишком ли большая плата за спасение Коломона — гибель десяти тысяч рабов?

Салимгирей вдруг понял — дело было совсем не в Коломоне. Случай с ромеем лишь повод. Когда Махмуд Тараби позвал в Бухаре людей за собой, его вела вера в то, что сломленным чужеземными завоевателями людям надо напомнить, что они не рабы, что есть на земле такое понятие, как свобода. Человек, забывший об этом, становится рабом; человек, помнящий об этом, даже в рабстве остается человеком.

Перед глазами Салимгирея вдруг встала та страшная ночь в Сарай-Берке. Он увидел пожилого раба, с которого только что сбили оковы. Тот стоял на гребне глиняного забора — дувала, высоко подняв руки, и морщинистое лицо его, освещенное дрожащим светом факелов, было прекрасным. Человек кричал:

— Люди! Видите, я свободен! Чем сто лет жить в цепях, лучше одну ночь побыть человеком!

Салимгирею часто снилась та ночь. Он видел улицы, заваленные телами убитых, слышал предсмертные крики и звон сабель.

И тогда появлялось счастливое лицо незнакомого ему раба...

Далекий топот коня насторожил Салимгирея. Черная юрта была уже рядом, и он вжался в землю, боясь пошевелиться.

Подъехавший всадник окликнул караульного:

— Эй, ты не заснул здесь?

— Нет.

— Смотри. Не вздумай заснуть. Если что-то случится с пленниками, по земле покатится твоя голова...

— Знаю...— воин тяжело вздохнул.—Что с ними будет? Руки и ноги их связаны...

— Ночь темная...— сказал всадник.— Как только взойдет луна, я пришлю тебе замену.

— Кто они, эти люди? — спросил воин.

— Кипчаки. Они предали своего хана, а наш ильхан одной с ним крови... Потомки великого Чингиз-хана не прощают измены даже тогда, когда ненавидят друг друга.

— Да, вина их страшная. Прощения им не будет...

— Смотрите в оба. В Орде много кипчаков, и кто знает, нет ли среди них родственников пленников. Всякое может быть.

Всадник повернул коня и медленно поехал прочь. Вскоре топот копыт затих.

Салимгирей медленно вытащил нож и, неслышно оторвав свое тело от земли, метнулся к юрте.

Через несколько минут шесть человек, похожие в звездном свете на тени, растаяли в темноте. Все так же налетал порывами ветер, и тонкие стебли чия телись друг о друга, их шорох заглушал осторожные шаги беглецов.

Прошло совсем немного дней, и среди народов, населявших ильханство Кулагу, пополз слух о том, что в горах появились вольные люди, которые нападают на монгольские отряды. Они не трогают, не обижают простой народ, зато ханские сборщики налогов не знают от них пощады.

Когда весть достигла ушей Кундуз, радости девушки не было предела. Значит, Салимгирей жив и добился того, что задумал, а это обещало скорое избавление от тяжкой участи рабыни.

Только ильхана Кулагу никак не тронуло сообщение о вольных людях. Ему ли, великому и могучему, было бояться появления какой-то бродячей ватаги? Он просто повелел своему визирю отправить отряд на поимку непокорных и сразу же забыл о случившемся.

Своей привычной жизнью жила Орда. Незнающему человеку могло показаться, что множество юрт, разбросанных в степи, поставлено как попало и кому где вздумалось. Но тот, кто следовал порядкам, установленным великим Чингиз-ханом, знал, что когда Орда меняла место, бросая вытоптанный до черной пыли кусок степи, она ставила свой новый войлочный город в строго определенном порядке.

Скрипели вереницы тяжелых двухколесных арб, шли бесконечные караваны крикливых и злобных верблюдов с громоздкими вьюками. Меж тугих, упругих горбов сидели женщины и дети.

Проходило совсем немного времени, и из этого, казалось бы, беспорядочного движения и суеты вдруг появлялся первый ряд юрт. Они были самые большие и белые и предназначались для ильхана: юрта-дворец, юрта для приема послов, юрты, где днем обитали визири. За ханским рядом стоял ряд, где жили визири, потом шел ряд, предназначенный для ханских жен. Дальше находились жилища нукеров, нойонов, воинов. В десять рядов выстраивала Орда свой город.

И если хан был христианином, то находилось место юрте-церкви и юртам, где жили попы. Если же повелитель Орды исповедовал ислам, воздвигались юрты-мечети...

В одном Кулагу отступил от степных правил — он отделил своих жен от Орды и разрешил им устраивать свой отдельный аул.

Так было и в этом году. Жены ильхана выбрали себе место неподалеку от главной ставки, в широкой части небольшой зеленой долины, у озера.

Самой большой и самой красивой юртой была юрта старшей жены Тогуз-хатун. Она была подобна белой горе, и украшал ее чудесный орнамент из красного бархата. На расстоянии брошенного камня от нее, украшенная орнаментом из синего бархата, находилась юрта второй жены, еще дальше — в зеленых узорах юрта третьей жены...

В отличие от кипчакских аулов, в которых юрты ставились там, где этого хотели хозяева, монголы выстраивали их в одну линию с запада на восток.

В женском ауле не часто встретишь мужчину. Только изредка пробежит из юрты в юрту евнух, отдавая на ходу приказания писклявым голосом какой-нибудь из рабынь. Даже в те вечера, когда здесь появлялся сам ильхан в сопровождении охраны, в ауле царил полный порядок. Пока Кулагу предавался утехам с одной из жен, нукеры находились под присмотром евнухов и не имели права ни на шаг отходить от того места, которое было отведено им. Только безумец осмелился бы проникнуть в женский аул.

Ничто не нарушало его покой и в эти дни. По-прежнему перед заходом солнца, поднимая облако золотой от вечерних лучей пыли, проносился на водопой к озеру большой табун лошадей. В вечерней тишине было слышно, как жадно, отфыркиваясь, пили воду животные, как заливисто и ясростно ржал жеребец, наводя порядок в табуне.

Кундуз с тревогой прислушивалась к этим звукам, и сердце сжимала тоска по Коломону, по воле, которую она так неожиданно потеряла. Приближалась осень. И хотя давно должна была наступить прохлада, дни были по-прежнему жаркими, а прилетавший из степи ветер нес зной и запахи нетоптанных трав.

Кундуз нездоровилось. Она лежала в юрте для рабынь исхудавшая, тихая, равнодушная к тому, что делалось вокруг. Вязкая дрема туманила сознание. Если бы она знала, что происходит в этот миг в юрте Тогуз-хатун, она бы нашла в себе силы подняться и подобно птице полететь туда.

А Тогуз-хатун в это время сидела в окружении остальных жен ильхана. Ярко пылала в светильниках черная вода земли, и оплывший от жира евнух, полуприкрыв глаза и раскачиваясь всем телом, рассказывал тонким голосом старинную легенду «Сал-Сал»:

— И выехало тогда чудище верхом на слоне,
А ноги его волочились по земле...

Вдруг дверь тихо распахнулась, и воины с обнаженными саблями ворвались в юрту.

Кто-то из женщин слабо вскрикнул.

— Тихо! Пусть каждый останется на своем месте,— властно приказал черноусый воин.

Тогуз-хатун упала на ковер ничком, прижимая к груди атласную подушку. Воин шагнул к ней.

— Где девушка-кипчачка, которой ты отрезала косы?

Ханша то ли от испуга, то ли из-за упрямства молчала.

— Я последний раз спрашиваю тебя!

Тонко свистнула за войлочной стеной юрты стрела и, пробив ее упала у ног воина. На улице послышались крики, звон сабель.

Он наклонился и рванул Тогуз-хатун за руку:

— Поднимайся. Ты поедешь с нами.

Ханша стояла перед ним бледная, полураздетая.

— Оденься! — крикнул воин, тревожно прислушиваясь к звукам на улице.

Тогуз-хатун вдруг засмеялась. Она поняла, что стража уже обнаружила чужаков и близко освобождение.

— А я-то думала, что велят раздеться до конца...

— Придет время, и, быть может, ты услышишь и эти слова. А сейчас пошли...— Воин грубо схватил ее за плечо и приставил к горлу лезвие ножа.— Ну же!

Тогуз-хатун поняла, что отчаяние может толкнуть воина на все, а помощь была еще далека.

— Я отдам тебе девушку-кипчачку,— хрипло сказала она, косясь на острое лезвие.

— Поздно. Ты поедешь с нами...

Тогуз-хатун вдруг покорилась. Желание выжить любой ценой овладело ею.

Два воина подхватили ханшу под руки и потащили к выходу.

Черноусый обернулся к другим женщинам:

— Ваша очередь наступит в следующий раз... Мы сейчас уйдем, но если кто-нибудь из вас закричит, он больше никогда не увидит солнца!

Повизгивая, катался в страхе по полу похожий на кусок теста евнух.

Воины исчезли. Громкий топот копыт растаял в степи, и только гортанные крики погони да звон железа, когда схватывались в коротком поединке преследуемый и преследователь, эхом долетали из тьмы ночи.

Воины Салимгирея уходили в горы, в темные ущелья, где можно было укрыться от погони. Дерзкое, небывалое дело совершили они.

Долго обдумывал Салимгирей, как выручить Кундуз. Решение пришло неожиданно.

Ханские лошади, которых обычно гоняли на водопой к озеру, днем паслись в предгорьях, и воины Салимгирея, выждав удобный момент, связали табунщиков и, переодевшись в их одежды, сами погнали лошадей на вечерний водопой.

Когда животные утолили жажду, не стоило большого труда направить их не привычным путем, а повернуть на аул ханских жен. Обеспокоенная стража бросилась навстречу, чтобы в наступившей темноте полудикий табун не повалил юрты и не растоптал их обитателей. Этим и воспользовался Салимгирей.

Кундуз выручить не удалось. Воины его были обнаружены, и пришлось быстро уходить. Вот тогда-то, не видя иного выхода, Салимгирей и решил взять заложницей любимую жену ильхана — Тогуз-хатун.

Еще никогда не случалось в Орде такого. Примчавшийся в женский аул отряд нукеров ничего не мог поделать. Ночь укрыла дерзких воинов Салимгирея, и ветер унес пыль, поднятую копытами их коней. Головы виновных и невиновных приказывал рубить взбешенный хан.

Через неделю в Орду прискакал израненный монгольский воин. Стража сразу же привела его к Кулагу. Валяясь у ног ильхана, вымаливая себе жизнь, воин рассказал, что в горах на их отряд напали разбойники. Только его пощадили они, велев передать ильхану, что в условленном месте вернут ему Тогуз-хатун в обмен на девушку-кипчачку по имени Кундуз.

Гнев душил Кулагу, но выбора не было. Он смирил себя. Очень не хватало ему Тогуз-хатун, да и не мог позволить ильхан, чтобы подвластные ему народы заговорили о его бессилии и слабости. Придет время, и он жестоко покарает тех, кто посмел унизить его достоинство. Сейчас же предстояло согласиться на требование разбойников.

По приказу ильхана четверо нукеров повезли Кундуз в условленное место.

Прежде чем отпустить Тогуз-хатун, Салимгирей сказал:

— Ты свободна, потому что не виновата перед нами, но скажи ильхану, что придет такое время, когда он будет держать ответ. Пролитую кровь можно искупить только кровью...

Ханша стояла перед ним красивая, чуть располневшая. Алые, сочные губы ее тронула улыбка.

— Я передам это ильхану... Но не слишком ли рано отпускаешь ты меня?

Салимгирей презрительно отвернулся.

— Напрасно торопишься. Твои воины могут обидеться. Им будет скучно...

Салимгирей посмотрел на стоящих вокруг воинов. Один из них вдруг покраснел, опустил глаза, другой задвигал черными усами и оскалил крупные зубы в улыбке.

— Уезжай!

— Ну что ж... Твоя воля... Здесь ильхан ты...

Тогуз-хатун подошла к коню и легко, почти не касаясь стремени, взлетела в седло.

Кони двух женщин встретились на тропе, и каждая посмотрела в глаза другой. Тогуз-хатун — дерзко и весело, Кундуз — устало и печально.

Салимгирей сам принял повод коня Кундуз и помог сойти ей с седла.

Девушка ткнулась ему лицом в грудь, и плечи ее задрожали.

— Не плачь,— тихо сказал воин.— Не надо плакать. Все будет хорошо... Мы скоро вернемся в кипчакские степи.

Кундуз отстранилась от Салимгирея и со страхом и надеждой заглянула ему в глаза:

— А как же Коломон?

— Не плачь, девочка...— повторил Салимгирей.— Все будет хорошо...

Откуда было знать Кундуз то, что знал Салимгирей. Любовь и дело, которому без остатка отдает себя человек, помогают ему обрести крылья. И крылья эти надежно служат человеку, какая бы беда ни приключилась с ним.

Долгие годы рабства не сломили Коломона. Раньше жить ему помогало дело, сейчас же, когда пришла любовь, мир был полон удивительных красок, и казалось, что время бесконечно, что все можно начинать сначала.

Словно ножом по горячему, живому сердцу полоснули слова Кулагу, сказанные о Кундуз: «Ты увидишь ее только после того, как закончишь строить церковь».

Что мог поделать вчерашний раб, если этого захотел ильхан? Неповиновение означало смерть. Но теперь у Коломона была любовь, и ради нее стоило жить. Оставалось работать, верить и ждать.

И чем бы ни был занят, какое бы дело ни делал Коломон с той поры, как ханские нукеры привезли его в Гянджу, перед глазами неотступно стояла Кундуз. Он видел ее лицо в предрассветных туманах, наползающих из горных ущелий, она приходила к нему в снах.

Ромей работал самозабвенно, каждый потерянный впустую миг казался ему вечностью. Только скорейшее завершение работы могло приблизить заветную встречу.

Чуткое сердце предостерегало Коломона: «Не верь ильхану»,— но слабым огоньком, путеводной звездой мерцала надежда.

Ему нравилось строить церкви. В отличие от мусульманской мечети, где украшать стены разрешалось только орнаментом, в церкви было дозволено многое.

Коломон всегда любил рисовать человеческие лица. Даже лики святых, рожденные его кистью, порой удивительно напоминали реальных людей, когда-то встреченных и запомнившихся ему на дорогах жизни.

И снова, как в Сарай-Берке, захватила Коломона мысль — нарисовать Кундуз. Ромей не был сумасшедшим и все-таки не мог справиться с тем искушением, которое вдруг овладело им.

Он знал, что совершит святотатство, если поселит под сводами христианского храма девушку-мусульманку. Кара будет жестокой. Ильхан обязательно приедет посмотреть церковь, а ведь он наверняка помнит Кундуз, и тогда...

Коломон уже начал оформлять алтарь. Он быстро и привычно писал святых, и только место, где должна была быть изображена Матерь Божья, все еще оставалось пустым.

Разум предостерегал ромея, рисовал ему картины страшной кары, а рука, сжимающая кисть, тянулась к подготовленной стене, повинуясь только сердцу.

С каждым днем приближалось время окончания работ и час, когда надо было принять окончательное решение. И однажды сердце заглушило разум. Кисть коснулась загрунтованной стены...

На освящение церкви прибыл сам ильхан. Он был хмур и рассеян — болезнь все больше давала о себе знать, и Кулагу чувствовал, что конец его приближается. Бегло осмотрев то, что сделал ромей, он велел наградить его горстью золотых монет.

Уже сидя на коне, готовясь тронуть повод, он вдруг, словно вспомнив что-то, обернулся к Коломону:

— Ты ни о чем не хочешь спросить меня, ромей? Я помню и сдержу свое слово...— Кулагу криво усмехнулся.— Твоя жена жива и здорова, но ты пока не увидишь ее. Скоро мои доблестные тумены войдут в Мекку. После того как ты построишь в этом гнезде ислама христианскую церковь, ничто не будет больше мешать тебе воссоединиться со своей возлюбленной.

Ильхан отвернулся и тронул коня. Коломон с криком бросился за ним, но нукеры, сопровождающие Кулагу, швырнули ромея в дорожную пыль.

Вера, которой все это время жил Коломон, рухнула, и на ее место пришло отчаяние. Жить не хотелось. То, о чем сказал ильхан, не оставляло надежды. И только товарищи, с которыми он бежал из Золотой Орды, не дали ему в те дни умереть.

Коломон не знал, что делать дальше, как поступить.

Но не прошло и недели после отъезда Кулагу, как стремительные тумены Ногая, подобно урагану, ударились о стены Гянджа и, сокрушив их, ворвались в город. Битва была кровопролитной, но недолгой. Горожане дрались отчаянно, но врагов было много. Лавина всадников в одежде, покрытой серой степной пылью, растеклась по улочкам города, убивая, грабя, насилуя.

Вместе с рабами и горожанами Коломон укрылся в только что построенной им церкви.

Похудевший, с глубоко провалившимися глазами, ромей сражался яростно. Отчаяние руководило его поступками. Выпуская очередную стрелу во врагов, окруживших церковь, Коломон не думал, что защищает обитель бога, которому он поклонялся всю жизнь. Сейчас ромей защищал себя и Кундуз, которая, как и в дни выпавшего на их долю счастья, была с ним. Преданно, чисто и светло она смотрела на него с алтаря.

Стрела с черным оперением вошла Коломону в грудь. Он не почувствовал боли, только вдруг закружился над ним гулкий свод храма, и он, лежа на каменных плитах пола, увидел грозные глаза бога, и легкие белокрылые ангелы заметались словно испуганные ласточки под синим куполом.

От стены вдруг отделилась Кундуз, подошла к Коломону, опустилась на колени и закрыла ему глаза ладонями.

А в дубовую, окованную железом дверь церкви мерно и гулко били монгольские тараны. Пронзительно и страшно ржали кони...

Беркенжар, прибывший с пятидесятитысячным войском Золотой Орды на помощь Кайду, тяжело заболел.

Законы Чингиз-хана предусматривали подобное. Чтобы не терять драгоценное время, представители туменов, собравшись вместе, должны были вручить себя воле судьбы и тянуть жребий. Тот, кто окажется самым счастливым, становится лашкаркаши всего войска.

Но на этот раз прибегать к жребию не пришлось. Кочевавший в низовьях Сейхуна Менгу-Темир, услышав о болезни Беркенжара, прибыл в распоряжение войска с отрядом в тысячу всадников и принял войско из рук больного брата хана Золотой Орды.

Битва произошла близ города Сайрама, и Барак, разгромленный совместными силами Менгу-Темира и Кайду, бежал в глубь Мавераннахра.

Но победители не стали его преследовать. Дойдя до Отрара, они остановились и решили дать отдых войску.

Обосновавшись в Ходженте, Барак стал лихорадочно собирать новой войско. Нужно было оружие, а его не было. И тогда, по совету мусульманского духовенства, пригрозив резней, Барак потребовал от ремесленников Бухары и Самарканда, чтобы они сделали для него все необходимое.

Уставшие от поборов и грабежей, не видя иного выхода, ремесленники согласились.

Во дворах и на улицах городов запылали кузнечные горны. Днем и ночью не прекращались работы, звенели о наковальни молоты и шипело, поднимая клубы пара над сосудами с водой, красное железо, превращаясь в сталь.

И снова, как в прежние годы, вдруг появилось на устах горожан имя Тамдама. Неспокойно сделалось в Бухаре и Самарканде. Шепот порою бывает страшнее крика.

Кайду, остановив свои тумены близ Отрара, упорно тянул время, не спешил вступать в земли Мавераннахра. Нойоны торопили его, говорили, что сейчас, когда Барак потерял войско, самый удобный момент, чтобы навсегда покончить с ним.

Кайду отмалчивался. Когда об этом же стал твердить ему и Менгу-Темир, он сказал:

— Что делать нам дальше, пусть скажет повелитель Золотой Орды — Берке-хан.

Кайду словно угадал мысли Берке. Тот и хотел присоединить к себе Мавераннахр, и боялся.

До сих пор войны, которые он вел, не мог осудить ни один чингизид. Берке выполнял только волю Потрясателя вселенной — возвращал себе земли, которые принадлежали улусу Джучи согласно его завещанию. Посягнуть же на Мавераннахр значило поднять руку на Джагатаев улус. Это грозило хану многими бедами.

Северный Кавказ, Ширван, земли вплоть до Отрара возвращены им и снова принадлежат Золотой Орде.

Берке понимал, что ему никогда не совершить того, что сумел сделать Бату-хан. Но ведь не уронить величия Золотой Орды тоже не просто. И это удалось. Вновь сделались земли, принадлежащие Орде, необъятными, и было отчего радостно биться сердцу хана.

Тихо было и в орусутских городах. Там все еще не могли прийти в себя от монгольской жестокости. Что ж, если орусуты посмеют все же поднять голову, то кони у Орды по-прежнему быстры, а воины не разучились владеть саблей и тугим луком.

Хана радовала тишина, но где-то глубоко в душе постоянно жила необъяснимая тревога. Его мучила загадочность поступка Бату-хана. Он искал и не находил ответа, почему этот мудрый и опытный воин не решился остаться навсегда в землях Харманкибе. Там высокие травы и чистые воды, и всего бы хватило и монгольским коням, и храбрым воинам. Но Бату-хан не воткнул в этих землях девятихвостое белое знамя Чигиз-хана, а вернулся в кипчакские степи. Почему?

Монгольские тумены победили, и не было силы, способной в то время противостоять им. А если Бату боялся за будущее своей Орды, если он видел то, чего не дано было видеть никому?

Когда Берке думал об этом, ему становилось не по себе. Жгучая тайна виделась хану в поступке Бату.

Ногай говорит, что надо войти в землю орусутов, сделать ее своей, а орусутов превратить в монголов. Сказать это легко. Но разве Ногай умнее Бату? Нет. Берке был уверен, что он умнее Ногая хотя бы уже потому, что следует во всем пути, указанному Бату-ханом, и не сворачивает в сторону.

Бату учил властвовать орусутами со стороны, и властвовать безжалостно. Так и следует поступать.

Верные люди, прибывающие в Орду с купеческими караванами, сообщают, что немецкие рыцари вновь собираются в поход на Новгород и Псков, чтобы подчинить себе западные и северные земли орусутов. Неужели об этом ничего не знают князья? А если знают, то почему молчат? Неужели они так уверены в себе и совсем не боятся своих давних врагов?

Хану казалась подозрительной эта тишина. Ну, а если орусуты все-таки обратятся за помощью, то как поступить в этом случае?

Здесь Берке не сомневался. Князьям надо было помочь, потому что какой же охотник уступает другому красную лисицу, кто добровольно откажется от своего данника?..

Ногай угрюмо, исподлобья смотрел на лазутчика. Одетый в лохмотья дервиша, с измазанным пеплом лицом, худой и черный, стоял тот перед ним, почтительно склонившись, и говорил:

— Беглецы прячутся в горах. Каждый из них меткий стрелок, а все храбры, как снежные барсы. Они не трогают бедняков и выслеживают лишь сборщиков податей... Я не знаю им числа, но, судя по следам, оставленным копытами коней, беглецов много.

— Иди. Я прикажу наградить тебя,— сказал Ногай.

Когда лазутчик ушел, он долго сидел в одиночестве, думая, как теперь поступить.

Ногай, победивший хитрого и смелого Кулагу, не испытывал страха перед разбойниками. И все же надо было принимать какие-то меры. Не впервые за свою долгую жизнь воина он встречался с подобным. Ничто не могло поколебать порядка, установленного монголами на завоеванных землях, но когда появлялись непокорные, они были похожи на занозу в руке, держащей саблю. От них надо было избавляться, чтобы не чувствовать постоянного раздражения и зуда.

Из прошлых походов Ногай знал, что кара для таких должна быть страшной, чтобы ужас поселился в душах тех, кто увидит ее. Поэтому он решил послать на поимку непокорных пятьсот воинов.

Не знал Ногай, что Салимгирей лишь ненадолго остановился в покоренных землях. беглецы уходили в сторону кипчакских степей.

Храбрый воин осуществил то, что задумал. Человек, увиденный им в шатре Кулагу, действительно оказался Тайбулы. Это он вырезал в свое время род Салимгирея. Долго искал тот встречи с ненавистным нойоном и наконец настиг его на берегу реки, где нойон поставил свои юрты, собираясь развлечься охотой.

Взяв с собой только сорок самых смелых и преданных воинов, Салимгирей ночью напал на лагерь Тайбулы.

Недолгой была сеча. Не ожидавшие нападения воины нойона выскакивали полураздетыми из юрт, и здесь их встречали сабли и стрелы.

Салимгирей увидел того, кого искал. Тайбулы, облитый тусклым светом луны, стоял у своей юрты, что-то кричал, размахивая саблей.

На всем скаку налетел на нойона Салимгирей и с размаху опустил на его голову шокпар — короткую дубинку с утолщением на конце.

Он не слышал звука удара, но, обернувшись, увидел, как большое тело Тайбулы мягко оседает на землю.

Месть свершилась, и Салимгирей закричал своим воинам, чтобы они отходили. Больше здесь нечего было делать.

Прежде чем воины нойона отыскали и оседлали коней, всадники Салимгирея были уже далеко.

Через несколько дней отряд перевалил горные хребты и вышел во владения Золотой Орды, где стояли тумены Ногая.

Как река собирает ручьи, так и отряд Салимгирея с каждым днем становился все больше и больше, пополняясь скрывающимися в горах осетинами и черкесами.

Воины, потерявшие родину, люди, которых повсюду ждала смерть или рабство, при встрече с монгольскими отрядами дрались отчаянно. Беглецы превратились в грозную силу, и там, где они появлялись, местные жители делились с ними хлебом и мясом, указывали потаенные тропы.

Кундуз, узнав о смерти Коломона, осталась в отряде. Трудно было теперь узнать в ней прежнюю нежную и трепетную девушку. Одетая в мужскую одежду, она не хуже любого воина держалась в седле, метко стреляла из лука и участвовала во всех схватках с монголами.

У Кундуз больше не было того, кого она любила, и поэтому родным домом стал для нее отряд Салимгирея.

С каждым днем каменело ее сердце, и она все больше жаждала мести. Во всех несчастьях, выпавших на ее долю, отнявших у нее любимого, Кундуз винила хана Берке.

Только с Салимгиреем была она откровенна, только он, видевший ее недолгое счастье, мог понять Кундуз. И Салимгирей утешал ее как умел.

Не знал он, что беда уже идет по следам. Воины, посланные Ногаем, упорно искали беглецов, и уклониться от встречи с ними было нельзя. По храбрости и умению противники не уступали друг другу, но преследователей было больше, и сила ломала силу.

Несколько раз отряду удавалось вырваться из кольца. Но с каждым разом все меньше и меньше воинов оставалось у Салимгирея. Никто из них не надеялся на пощаду и потому предпочитал лучше умереть, чем отдать себя в руки преследователей.

Однажды, когда казалось, что наконец-то все позади, отряд попал в засаду. Плечом к плечу отбивались Салимгирей и Кундуз от наседающих врагов, но вдруг конь девушки встал на дыбы. Последнее, что успел увидеть Салимгирей, это стрелу, торчащую из горла коня, и черные змеи волосяных арканов, опутавших Кундуз. Пробиться он к ней на помощь не сумел.

Велико было удивление монголов, когда оказалось, что схваченный ими воин — женщина.

Тудай-Менгу, предводитель отряда, вглядываясь в лицо Кундуз, пораженный ее красотой, цокал языком и повторял:

— И такая красавица могла умереть! Пай-пай! Девушка-батыр! Я возьму ее себе пятой женой. Она родит мне сыновей — бесстрашных воинов...

Но Ногай, узнав об удивительной пленнице, отобрал ее у Тудай-Менгу.

— Я отправлю ее хану Берке,— сказал он.— Все, что имеет цену, принадлежит нашему повелителю. Такая красота стоит тысячи золотых монет.

— Отдай девушку мне,— упрашивал Тудай-Менгу,— я и сам заплачу кому угодно эту тысячу!

Но Ногай был непреклонен.

Берке узнал Кундуз. И снова, как тогда, когда он впервые увидел ее на рассвете, верхом на прекрасном иноходце, в душе его проснулось желание.

Глядя на девушку маслено поблескивающими глазами, хан сказал:

— Аллах велик! Где бы ты ни была, куда бы ни старалась скрыться, он вернул тебя мне. Так будет во веки веков...

Кундуз молчала. Если бы Берке знал, сколько скопилось в душе девушки ненависти к нему, он приказал бы ее немедленно казнить.

Хан велел позвать младшую жену Акжамал, дочь бая из рода аргын, и приказал ей:

— Возьми пленницу к себе, и пусть она станет тебе сестрой. За время скитаний она огрубела. Научи ее тому, что должна знать женщина...

«Придет время,— думал Берке,— и я сделаю ее своей женой. Что из того, что она не захочет этого? Великий Чингиз-хан учил: «Если враг твой лишился сил, не убивай его, а лучше надругайся над ним». Тому, кому повинуется Золотая Орда,

подчинится любая женщина. Пусть перебесится, привыкнет к мысли, что для нее нет иного выхода. Ведь и с Акжамал было подобное. Теперь же она покорна...» При мысли об Акжамал сердце хана охватила сладкая истома.

Хороша младшая жена. Лицо ее румяно, а тело белое и гибкое, как тростинка. Она тоже не хотела становиться его женой.

Самой младшей была она в семье аргынского бая, владельца несметных косяков лошадей. Избалованной, веселой была Акжамал... Но пришло время...

Девичья доля подобна доле жеребенка. Жеребенку, когда он становится стригунком, одевают недоуздок. Девочке, когда она повзрослеет, приходится надеть кимешек — белый головной убор. И с этого времени словно ветер уносит прочь все шалости, все легкомыслие.

В шестнадцать лет пришлось Акжамал надеть кимешек и стать женой Берке-хана.

Что проку, что она сопротивлялась и плакала. Отец ее, боясь гнева Берке, связал дочь арканом и отправил Акжамал тому, кто ее пожелал.

Хорошо помнил Берке, как впервые увидел Акжамал. Он гостил тогда у своего брата Орду — повелителя Голубой Орды. Возвращаясь с охоты, они заехали в богатый аул аргынов, чтобы утолить жажду — напится кумыса. Здесь и попала ему на глаза девушка.

— Отдай ее мне,— попросил Берке брата.

Орду сказал баю:

— Ты слышал просьбу хана Золотой Орды? Сделай так, как этого хочет он. А если не отдашь дочь...

Последнее он мог не говорить. Кто бы посмел перечить воле и желаниям двух ханов?

Так Акжамал стала четвертой женой Берке.

Шло время, а она не могла полюбить хана. Тело ее принадлежало ему, но душа оставалась непокорной и свободной.

Берке это чувствовал, и порой раздражение охватывало его, но он не мог не любоваться печальной красотой Акжамал.

Поручая Кундуз молодой жене, Берке не рассчитывал на то, что Акжамал станет от этого веселее. Другое задумал хан.

Он помнил, как в свое время, когда он привез ее, остальные жены, жившие до этого в дружбе и мире, вдруг начали ссориться друг с другом и ревновать его к Акжамал. Теперь же Берке хотел, чтобы она воспылала ревностью к сопернице. Ведь Акжамал — женщина, и не может ее сердце остаться равнодушным и спокойным, если ее место займет другая. А станет ревновать — не заметит, как потянется к хану, ища его любви и расположения.

Шли дни, а надежды Берке не оправдывались. Младший визирь, каждое утро доносящий хану о том, что делается в его женских юртах, рассказывал, что Акжамал и Кундуз не только не ссорятся, но, наоборот, подружились.

Хан знал, что визирь его не обманывает, и в то же время не хотел верить ему. Не могло быть такого, чтобы одна красивая женщина не ревновала другую. Наверное, Акжамал только делает вид, что ей все равно — станет ли Кундуз очередной женой хана или нет.

Однажды, как обычно в сопровождении нукеров, хан приехал к камышовому озеру. Лето в тот год выдалось дождливое, зато осень пришла тихая и теплая, вся в пестрых одеждах. Золотом и багрянцем засияли дальние леса, и даже степь не казалась сухой и бурой, а была похожа на мягкий пестрый ковер. Тонкие серебряные паутинки медленно плыли в золотистом свете утра.

По глади озера плавал одинокий лебедь. Иногда он вытягивал красивую тонкую шею к выцветшему за лето бездонному небу, и тоскливый крик летел над водой, над таинственно шуршащими пушистыми метелками камышей.

Улетели в теплые края птицы, которые летом появлялись на озере рядом с одиноким лебедем. Они были дикими и свободными и имели сильные крылья.

Берке больше не пугало одиночество священной для него птицы. Дела в Орде шли хорошо, и свершилось то, что он задумал. Все чингизиды, все жадно и завистливо смотрящие в его сторону почувствовали, что Золотая Орда по-прежнему сильна и сумеет покарать каждого, кто посмел поднять на нее меч.

Странно, но печальный клик лебедя будил в душе Берке не грусть, а чувство удовлетворения и тихой радости.

Хан насторожился. Откуда-то из-за камышей донеслись до него негромкие голоса людей.

Берке приподнялся на стременах, стараясь разглядеть тех, кто находился за стеной негустого камыша. Это были Акжамал и Кундуз.

Женщины шли прямо к нему, а поодаль, отстав от них, на почтительном расстоянии брели девушки-служанки. Замыкали шествие нукеры из охраны ханских жен.

Голова Акжамал была низко опущена, зато лицо Кундуз хан видел хорошо. Нежный румянец освещал ее щеки, она что-то оживленно говорила спутнице. Он невольно залюбовался стройной фигурой молодой женщины.

«Чему она радуется? — вдруг раздраженно подумал Берке.— Сейчас скажу ей, что пришло время, когда она должна стать моей женой, и посмотрю, что отразится на ее лице».

Хан чуть тронул повод своего коня и преградил путь идущим. От неожиданности женщины взрогнули и остановились.

Берке негромко и злорадно рассмеялся. Не отрывая цепкого, холодного взгляда от лица Кундуз, он сказал:

— Я хочу, чтобы завтра ты стала моей женой.

В больших и прекрасных глазах Кундуз блеснули огоньки не то радости, не то гордости. Она опустила голову.

— Я повинуюсь твоей воле, о великий хан...

Берке еще раз окинул ее тонкую, гибкую фигурку взглядом. Кундуз была желанна ему.

— Возвращайтесь в юрты,— важно сказал хан.— И пусть те, кому это положено, сделают все приготовления...

Сердце Берке вздрагивало от радости и гордости. Непокорная кипчачка принадлежала ему отныне душой и телом.

Маленький, сухонький муфтий Шарафутдин в огромной белой чалме сидел на почетном месте, у ног Берке.

— Пришло время спросить согласие молодой,— подобострастно сказал он.

Два воина-кипчака, низко согнувшись, подбежали к Кундуз.

Она сидела в правой половине юрты в окружении молодых женщин, и на голову ее был накинут белый шелковый платок, расшитый жемчугами.

Нараспев в один голос воины произнесли положенные по обряду слова:

— Свидетельствуем, свидетельствуем.
Мы стоим того.
На заре будущего
Хан ожидает желанного...

Один из воинов протянул Кундуз серебряную чашу, и, когда она приняла ее, воины снова в один голос спросили:

— Луноликая Кундуз, ты согласна стать женой повелителя Золотой Орды хана Берке?

Кундуз прикоснулась к чаше губами и молча кивнула.

Берке, не отрывая колючего, горящего взгляда, следил за женщиной. Ему все больше нравилась ее покорность.

Воины попятились и стали на то место, где им полагалось стоять.

Муфтий Шарафутдин неторопливо зашелестел страницами Корана; отыскав подходящую к данному событию семнадцатую суру, протяжно, с завыванием прочел ее. Потом он закрыл Коран, оглядел всех собравшихся и, сложив ладони, провел ими по желтому морщинистому лицу.

И все, кто принимал участие в торжественном событии, повторили жест муфтия.

Настало время праздничного тоя. До поздней ночи горели костры, в котлах варились горы ароматной баранины, а белый кумыс, пахнущий увядающими осенними травами, пенился в чашх.

Не было на тое только Акжамал. И Берке, оглядывая гостей, с мстительным удовольствием подумал, что он все-таки был прав, когда решил, что сердце ее будет страдать и разрываться от ревности к сопернице.

После полуночи жены и нукеры проводили хана до юрты, которая отныне была поставлена для Кундуз в одном ряду с юртами остальных жен Берке. Белоснежная юрта была украшена китайскими разноцветными шелками и яркими, как весенний луг, иранскими коврами.

Хан вошел в жилище своей новой жены. Кундуз поднялась навстречу Берке, приветствуя его низким поклоном.

Слышно было, как за дверями юрты стали два нукера с обнаженными саблями, чтобы до самого рассвета беречь жизнь великого хана Золотой Орды и его новой жены, красавицы кипчачки.

Кундуз почтительно сняла с плеч Берке парчовый чапан, борик, отороченный мехом черного соболя, и повесила их у входа. Молча, не проронив ни слова, всем своим видом выражая покорность, стянула с ног хана сапоги.

Тот радуясь и в то же время недоверчиво следил за женщиной.

Неслышно ступая, Кундуз постелила на почетном месте белоснежную пуховую постель, приняла из рук Берке пояс, потушила в плошках огонь.

— Я сделала все, о великий хан. Ложитесь.

Голос Кундуз вздрагивал и ломался.

Необъяснимая тревога, страх вдруг охватили хана. Он услышал, как распахнулись створки двери, хотел закричать, позвать стражу, но чьи-то руки схватили его сзади и шершавая тяжелая ладонь зажала рот.

В тусклом свете, проникающем через отверстие в куполе юрты, он увидел, как блеснул приставленный к его горлу кинжал. Обезумев от страха, Берке рванулся всем телом, но его сбили с ног и повалили на ковер.

Борьба шла в тишине. Слышалось только прерывистое дыхание людей. И скоро Берке уже не мог пошевелиться под тяжестью навалившихся на него тел. В рот ему втолкнули кляп и крепко завязали платком.

— Начинайте,— негромко сказал женский голос.— Скоро рассвет...

Берке с ужасом узнал голос Акжамал.

Хан услышал, как чьи-то руки ловко развязали завязки на его штанах, а насмешливый голос прошептал:

— В таком деле нельзя торопиться. А вдруг отрежу что-нибудь лишнее...

Берке сделалось мучительно больно. Он рванулся что было сил, но невидимые в темноте люди держали его крепко. Безумные глаза хана видели только бледное от лунного света лицо человека, который склонился над ним.

Наконец человек хриплым шепотом попросил:

— Дайте жженую кошму. Надо присыпать, чтобы остановилась кровь.

Он поднялся на ноги.

— Все. У меня легкая рука. Заживет быстро. На почетном месте можно сидеть и с одним... А второе бросьте собакам.

— Хорошо, если собаки станут есть...— засмеялся кто-то, невидимый в темноте, протягивая человеку кусок белой ткани.

— А теперь свяжите его,— приказала Акжамал.

Берке вдруг увидел склоненное над ним женское лицо и с трудом узнал Кундуз.

— Тебе сейчас вынут изо рта кляп. Но если посмеешь закричать, мы зарежем тебя. Свершилась справедливая кара. Не ты ли в свое время велел оскопить юношу, который любил Акжамал, не это ли ты хотел сделать с ромеем Коломоном? Мы не стали тебя убивать, чтобы ты получше понял, что такое боль. Слушай меня внимательно... Мы никому не скажем о том, что сделали с тобой,— в голосе Кундуз послышалась насмешка.— Если народ узнает, что на троне Золотой Орды сидит не жеребец, а мерин, он ведь может от тебя отвернуться...

Кто-то развязал платок и вытащил изо рта хана кляп. Мягкий ворс ковра заглушал шаги, и Берке, все тело которого корчилось от боли, не сразу понял, что он остался один в юрте.

Когда это наконец дошло до него, он закричал пронзительно и страшно.

Ответом ему была тишина.

Воины Салимгирея, свершив свою страшную месть, торопливо нахлестывая коней, уходили подальше от ставки. Вместе с ними были Кундуз и Акжамал. Давно бы могла убежать из Орды Кундуз, но горячее сердце требовало отмщения, и она пересилила в себе желание уйти сразу же в отряд Салимгирея, скрывающийся в лесах на берегах Итиля.

Для большинства воинов Орды Берке был правителем, наделенным властью от бога, и посягнуть на его жизнь считалось страшным преступлением. Но отомстить ему было можно.

Кундуз быстро подружилась с Акжамал и узнала от служанок-рабынь о ее горе. И однажды, когда та поведала о том, как Берке поступил с юношей, который приехал вслед за ней в Орду, родился план мести.

Нет на земле человека, который бы не ослеп от блеска золота. Не зря говорится, что и святой свернет со своего праведного пути, увидев его.

Акжамал удалось подкупить воинов, который должны были охранять юрту Кундуз в ее первую брачную ночь. Остальное было делом людей Салимгирея.

И вот теперь они возвращались в отряд. Вместе с ними уходили и воины, которые отвернули свое лицо от Берке-хана. Были и такие, кто упрятав полученное от Акжамал золото, оседлав заранее приготовленных коней, уходили в эту ночь все дальше от ставки Золотой Орды в сторону Хорасана, Харманкибе, Ирбита, надеясь найти там вольную и спокойную жизнь.

Тяжкой была жизнь монгольских воинов в улусах, и, быть может, поэтому на землях, покоренных Чингиз-ханом, всегда было много измен, смут и предательств. Скупы были на добрые дела ханы, нойоны и беки.

В беспрестанных походах и набегах смерть неотступно витала над головами воинов. Впереди ждали вражеские стрелы и копья, позади, если отступишь,— казнь от руки личных телохранителей нойона. Вся добыча, захваченная в походе, рано или поздно переходила в их же руки. Даже если в сражении ты проявил смелость и бесстрашие, не всегда оружие убитого тобой врага и его конь будут принадлежать тебе. Это должен решать только нойон или хан.

Тяжкой была и доля семей воинов, остававшихся в родных улусах. Скот и богатство в руках сильных. Разве может прокормить семью, измученную поборами в пользу хана, один верблюд, кобыла и десяток овец?

Сколько раз случалось такое, когда, вернувшись из похода, монгольский воин не находил семьи. За неуплату податей люди хана продавали ее в рабство или отбирали детей. Монгольский воин нес другим народам рабство и сам был рабом.

Поэтому, порой не выдержав тягот жизни, многие изменяли своим ханам, предавали за золото или просто уходили в бега, собирались в шайки и грабили правых и виноватых.

В отличие от этих бродячих шаек, в отряд Салимгирея приходили мстители, те, кто хорошо понимал, откуда идут беды. Здесь были люди, ненавидящие ханов и мечтающие о вольной жизни.

Почти тысячу человек насчитывал отряд, но что он мог поделать с Золотой Ордой — маленькое облако на великом небосводе? Далеко еще было то время, когда тучи закроют все небо и в землю, залитую кровью и слезами, вопьются огненные стрелы молний. Но Салимгирей продолжал бороться...

ГЛАВА ПЯТАЯ

V

Так уж повелось с тех времен, как люди степей стали себя помнить: все ссоры и распри между родами и племенами происходили у них из-за пастбищ. Там, где привольно было стадам, счастливым чувствовал себя хозяин — кочевник.

И Чингиз-хан, двинувший из степей Монголии свои тумены, мечтал превратить всю вселенную в огромное пастбище. Для этого он разрушал города и истреблял народы, умеющие возделывать землю, украшать ее садами и растить хлеб.

Покорив новые пространства, он делил их на аймаки и улусы и раздавал своим детям, внукам и преданным нойонам.

От этого каждый раз возникали распри и грызня. При Чингиз-хане, однако, никто не смел громко выразить недовольство или возвысить голос. По-иному все стало с тех пор, как грозный властелин ушел из жизни. По его заветам раздавать улусы и аймаки мог только хан, и отныне что кому достанется из чингизидов зависело от того, кто сядет на монгольский трон. Вот почему яростной и жестокой сделалась борьба между многочисленными группами чингизидов за «своего хана».

Великую власть получал каждый вместе с аймаком и улусом. Все живое обязано было повиноваться ему, а города и селения платить дань.

Получить в управление аймак мог любой нойон, показавший доблесть в битвах и замеченный ханом, но улус мог принадлежать только человеку из рода Чингиз-хана, и не имело знчения, к какой ветви рода он относится.

То же самое стали делать после смерти Чингиз-хана и в Каракоруме, когда предстояло выбрать нового хана. На трон как будто имели одинаковое право и дети покойного, и любой из его рода. Но побеждал сильный, тот, у кого оказывалось больше сторонников среди эмиров и нойонов, за кем было больше воинов.

Постоянное соперничество не давало возможности окрепнуть одной ветви чингизидов, и в то же время заставляло нового хана прислушиваться к мнению своего окружения, делало его зависимым от эмиров и нойонов, от тех, кто управлял улусами. Казалось, что в государстве, созданном Потрясателем вселенной, все чингизиды имеют равные права и заботятся о его благополучии сообща. Но так только казалось.

То же самое стало происходить и в улусах. С каждым годом они все меньше чувствовали свою зависимость от Каракорума и все реже оглядывались на великого монгольского хана, решая свои дела. Золотая Орда не была исключением.

И если на трон умершего хана собирался сесть один из сыновей, то в борьбу вступали его братья и даже дети братьев.

После смерти Бату-хана и его сыновей Сартака и Улакши мать последнего, Баракши-хатун решила сделать ханом своего внука Тудай-Менгу, рожденного от сына Бату — Тукана.

Но по-другому думали нойоны — владельцы аймаков, входящих в Золотую Орду, и мусульманские купцы, которые к этому времени имели огромное влияние в государстве. Они поддержали брата Бату-хана — Берке.

Недолгой, но яростной была борьба. Баракши-хатун обратилась за помощью к Кулагу, но он был далеко, и даже слово великого монгольского хана Менгу не услышал в Золотой Орде тот, кто не хотел его слышать.

Потомство Джучи, собравшись на курултай, подняло на белой кошме Берке.

Новый хан поступил так же, как поступали все чингизиды. Покатились головы недавних противников, в том числе и Баракши-хатун, и многих из тех, кто ей помогал.

Хорошо помнил те дни Берке. Долго шел он к своей цели — терпеливый и злобный, как степной волк, затаившийся в ожидании желанной добычи.

И как ни завидовал он брату, но поступил так же, как поступил в свое время Бату. Как истинный кочевник, он не захотел сделать своей ставкой ни один из прежних городов, находящихся на землях Золотой Орды, потому что там было сильно влияние эмиров и даргуши, поддерживающих немусульманские традиции. Не захотел он жить и в Сарай-Бату, где все напоминало об удачливом брате. Главную ставку Берке-хан перенес в принадлежащий ему аймак, в низовья Итиля.

Здесь, на перекрестке караванных троп, ведущих в орусутские земли, на Кавказ и в Иран, в Западную Европу и Каракорум, решил он строить свой город — Сарай-Берке.

Щедрые земли лежали вокруг. Высокие травы поднимались здесь каждую весну, и светлые озера в тростниковых ожерельях отражали синеву неба. Просторно здесь было и людям, и несметным табунам ханского скота.

Удачливо складывалось правление Берке-хана. Умерли быстрой смертью, уступив ему дорогу, Сартак и Улакши. Сколько земель вернул Золотой Орде, укрепив ее силу и мощь. В новых и старых городах строились мастерские — карханы, где ремесленники выделывали прекрасные ткани, дорогие ковры, посуду и ковали оружие. Все больше купцов приходило в Золотую Орду. И вот теперь случилось такое...

При одной мысли о той страшной ночи хан скрипел от ярости зубами.

Берке любил берега могучего Итиля. Даже в те времена, когда его аймак еще находился в степях Северного Кавказа, он на лето откочевывал сюда. А вот теперь Берке едва дождался весны.

Странное беспокойство поселилось в душе хана. Он подолгу не мог оставаться на одном месте, и яркая степь казалась ему тусклой и серой, словно над ней постоянно висели низкие тучи и шли бесконечные обложные дожди.

Караван его, состоящий из двухсот туркменских верблюдов-наров и множества скрипучих тяжелых арб, бестолково бродил по степи, постоянно меняя место.

Из орусутских земель доходили тревожные вести — неспокойно было в Новгороде и Пскове. Снова зашевелился Ливонский орден, готовясь к нашествию на данников Золотой Орды.

Берке понимал всю важность происходящего, но владевшее им равнодушие мешало действовать.

Только однажды в тусклых его глазах вспыхнул свет жизни, когда он узнал от надежного человека о существовании отряда Салимгирея.

Лазутчик — немолодой кипчак, с лицом, избитым крупными оспинами,— стараясь не глядеть в глаза хана, негромко говорил:

— В отряде тысяча воинов. Главный над ними, о великий хан, твой бывший сотник Салимгирей. Я узнал его. Среди беглецов, о великий хан, твои жены Акжамал и Кундуз...

— Иди...— приказал Берке. Сердце его бешено стучало в груди, и он никак не мог успокоить его.

Теперь хан знал, кто совершил над ним насилие, а это уже было полдела. Что значил для Орды отряд в тысячу воинов? Стоило только захотеть — и прах непокорных ветер разнесет по степи.

Берке уже готов был отдать приказ, чтобы на поиски отряда выступил тумен, но страх перед тем, что беглецы, прежде чем умереть, откроют народу то, о чем до сих пор никто не знал, удержал его.

И Акжамал, и Кундуз, и все, кто был причастен к событиям той ночи, крепко держали свое слово, и до сих пор ни одна душа не знала, что хан оскоплен. Если бы это было не так, слухи все равно достигли бы ушей Берке, а людская молва разнесла бы эту весть подобно ветру по всем улусам, принадлежащим чингизидам.

Значит, надо было не спешить. Все, кто знает об оскоплении, должны умереть быстро, не успев раскрыть рта. Настоящий монгол умеет быть терпеливым и ждать своего часа.

Близость отряда Салимгирея могла вызвать волнение среди рабов, и поэтому первое, что велел сделать хан,— это усилить их охрану.

Немало было подневольных людей в Золотой Орде. Монголы, захватывая новые земли, не только продавали пленников в чужие края, но и многих оставляли в пределах Орды. Рабы были нужны, чтобы строить, пасти скот, выполнять различные хозяйственные работы.

Во времена Бату-хана и в первые годы правления Берке рабов обычно содержали вместе, в специальных глинобитных крепостях — хизарах. Специальная стража отводила их утром на работу, а с наступлением ночи запирала в их жилищах.

Но после бунта, когда, для того чтобы установить в Орде прежнее спокойствие, пришлось умертвить десять тысяч рабов, Берке изменил существующие порядки.

Хан стал бояться рабов, собранных вместе. Поэтому всех, кто уцелел после смуты, он велел разделить между нойонами и близкими к нему людьми, а хизары разрушить. Теперь рабы жили каждый у своего владельца. Здесь они спали, выделывали кожи, валяли обувь, катали кошмы для юрт.

Известие о появлении отряда Салимгирея близ ставки Орды дошло и до рабов. Многие помнили прошлый бунт и готовы были присоединиться к отряду, попытаться выбраться на волю.

Обо всем этом Берке знал от своих людей. Чутье подсказывало ему, что рано или поздно Салимгирей попытается освободить рабов, чтобы пополнить отряд новыми людьми. Оставалось узнать, как он собирается это сделать. Рабы были хорошей приманкой. И если бы все удалось так, как задумал хан, с непокорными можно было покончить одним ударом. Навсегда вместе с ними ушла бы в могилу страшная для Берке тайна. Ни один человек из отряда не должен остаться в живых. Ни один...

Мысли о пережитом позоре не оставляли хана ни днем ни ночью. Часто перед рассветом он просыпался от собственного крика, весь в липком поту, и потом долго не мог уснуть, вглядывась во тьму широко открытыми, безумными глазами.

В ту ночь, когда воины Салимгирея, надругавшись над ним, исчезли из юрты, никто так и не услышал его криков, не пришел на помощь. Только под утро Берке удалось избавиться от волосяных арканов, которыми были связаны его руки и ноги.

Когда же пришли люди, Берке, никому и ничего не объясняя, велел позвать лекаря. Ни один из приближенных не осмелился спросить хана, куда исчезли Кундуз, Акжамал, воины, охранявшие юрту.

Лекарь-араб, осмотрев Берке и стараясь не встречаться глазами с ханом, сказал:

— То, что сделано, сделано искусным человеком... Только лекарю или мулле под силу такое... Я боюсь даже думать...

Берке поманил к себе лекаря, а когда тот приблизился к хану, схватил его за горло и сказал злым, свистящим шепотом:

— А ты и не думай! Старайся не думать! Ни одна живая душа не должна знать о случившемся. Если же язык твой предаст тебя, то я придумаю для тебя такую смерть, от которой содрогнется даже небо! Ты понял меня?

Побелевшие губы лекаря что-то шептали.

— Если же ты поможешь мне снова стать здоровым, то щедрости моей не будет предела...— вкрадчиво добавил Берке.

Несколько дней лекарь не отходил от хана, поил его целебными отварами из трав и кореньев, менял повязки.

Однажды, когда Берке стало лучше и он мог сидеть, хан позвал к себе араба.

— Ты никому не говорил о моей беде? — спросил он.

— Нет, великий хан. Я могу поклясться на Коране...

— Не надо...— сказал Берке.— Я верю тебе... А что говорят там? — хан кивнул в сторону двери.

— Никто даже не догадывается. Считают, что у вас обычная болезнь...

— Это хорошо,— задумчиво уронил Берке.— Что ж, я обещал тебя щедро наградить... Я сдержу свое слово...

Хан протянул руку к ковровой сумке, расшитой яркими узорами, и достал из нее горсть золотых монет.

— Возьми...Рука хана щедра...

Берке высыпал монеты горкой у своих ног.

Глаза лекаря расширились, и он поспешно наклонился над золотом, подставив хану худую согнутую спину.

В руке Берке блеснул нож, и жало его легко вошло в незащищенную спину араба, под выпирающую, похожую на сломанное крыло лопатку...

Через несколько дней Берке-хан снова вершил делами Орды. Все, казалось, осталось по-прежнему, и никто не заметил в нем каких-нибудь перемен.

Только сам Берке знал, что все перевернулось в его душе. Он вдруг понял — земные радости больше недоступны ему. Уже не взволнуется сердце при виде красивой женщины и не заструится по жилам остывшая кровь. Навсегда умерла последняя надежда на то, что какая-нибудь из жен все-таки родит ему наследника. Смысл жизни теперь заключался в одном — как можно дольше пробыть ханом, властвовать над людьми и упиваться властью. Мысль эта укрепляла душу Берке-хана и помогала внешне оставаться прежним.

Лишь иногда, помимо его воли, живая, прежняя жизнь вторгалась в придуманный им для себя мир, и покой покидал хана, а душа начинала метаться и гореть огнем.

По-прежнему, чтобы никто не заподозрил, что он скопец, Берке иногда посещал своих жен.

Однажды он заночевал у одной из них. Женщина была еще молода, крепка телом, ласки ее когда-то нравились хану и будили в нем желание.

Но теперь даже воспоминание об этом вызывало раздражение и отвращение.

— Я устал,— сказал Берке.— И потому не хочу тебя.

Женщина промолчала. Слово повелителя — закон. Она только подумала, что он уже говорил ей это и в следующий раз, наверное, повторит то же самое.

Перед рассветом хан проснулся. Постель рядом была пуста, и рука его вместо теплого живого тела коснулась настывшей ткани.

Он неслышно поднялся и, тихо ступая, вышел из юрты. Полная луна заливала степь колдовским мерцающим светом, и было видно далеко окрест. От Итиля прилетал порывами мягкий и теплый ветер.

Берке вдруг услышал торопливый неясный шепот, потом тихие приглушенные стоны. Стремительно и бесшумно метнулся он за юрту и остановился пораженный.

Между двумя верблюдами, прямо на земле, лежала его жена. Хан не видел лица женщины, только белые, облитые лунным светом бедра ее шевелились и покачивались перед его глазами. Над ней, взгромоздившись, словно молодой верблюд-бура, склонился нукер, которому положено было охранять покой хана.

Берке безумными, расширенными глазами смотрел на происходящее, потом взгляд его остановился на прислоненном к юрте копье воина. Он медленно взял его, высоко подняв над головой, метнул сильно и точно туда, куда хотел.

От жизни невозможно было спрятаться. Каждый день напоминала она хану о себе, и тогда он с особым рвением начинал заниматься делами Орды.

Берке сидел на троне внешне спокойный, а в душе его бушевала ярость, близкая к безумию, и решения хан принимал быстрые и жестокие. В такие дни бывало много обреченных на смерть.

Власть... Слава... Они помогали Берке цепляться за жизнь, но снова и снова вставала в памяти страшная ночь, и истомленное сердце жаждало отмщения. Не было еще в подлунном мире ни одного чингизида, который бы до самого смертного часа не думал о мести врагу. И хану каждую ночь стала сниться месть...

Великие изменения принесли монголы в кипчакскую степь, ломая и круша привычный, сложившийся веками уклад. До их прихода ни кочевые пути, ни летние пастбища, ни места зимовок не могли принадлежать одной семье или аулу. Каждый род кочевал там, где хотел. Никто не смел заступить путь каравану. Степь была велика и беспредельна. С появлением монголов в степи вдруг сделалось тесно. Завоеватели разделили ее на аймаки. Отныне некогда свободные роды вынуждены были подчиниться своим новым властителям, поскольку и душой и телом со всей семьей и скотом они теперь принадлежали им. Правитель аймака устанавливал пути кочевок, указывал урочища для зимовок и летнего выпаса. Согласно его приказу каждый род обязан был выделять для ханского войска определенное количество воинов.

Лучшие земли правители взяли себе и раздарили своим приближенным. Границы улусов, согласно монгольским законам, соблюдались строго, и, если какой-нибудь род пытался оставить все по-прежнему, выказывал неповиновение, его ждала суровая кара.

Шли годы, но вместо тишины и покорности, которые должны были, по мнению монгольских владык, установиться в Дешт-и-Кипчак, степь продолжала волноваться, как и тогда, когда копыто монгольского коня только ступило на эту землю.

Доведенные поборами до нищеты, люди бежали от своих правителей в надежде найти такую землю, где бы их не достала кривая сабля и петля волосяного аркана. Но монголы были повсюду, и тогда беглецы стали собираться в отряды, подобные отряду Салимгирея. Вместе можно было хотя бы защитить свою жизнь. Ненависть к тем, кто грабил, насиловал, убивал, объединяла людей.

Решив расправиться с отрядом Салимгирея, Берке раньше обычного вернулся с летовки в главную свою ставку — Сарай.

Здесь его и застала весть, которая и обрадовала, и опечалила его.

Умер ильхан Кулагу. У Золотой Орды на одного врага стало меньше. Это был умный и всегда опасный враг. Казалось бы, надо радоваться, но Берке вдруг охватила глухая, щемящая тоска. Он понял, что всему рано или поздно наступает конец. И наступит такой час, когда и его смерть обрадует кого-то. А ведь у них с Кулагу было много общего. Каждый, переступая через трупы, через кровь, жил только для того, чтобы сделать свои улусы могущественными, покорить как можно больше народов. Конец же печален, как и у всякого живущего на земле. Венец всего — клочок степи, где тело твое и мозг превратятся в прах, и вместе с тобой уйдут навсегда честолюбивые помыслы.

Кулагу хотя бы оставил свое продолжение на земле. Кому отдаст свой трон он, Берке? Кто придет после него и в какую сторону повернет он могучего коня Золотой Орды?

Неодолимая сила все чаще влекла теперь хана на берег камышового озера.

Лето уже перешло на вторую половину, и перезревшие травы кланялись вольному степному ветру, а он, теплый и пьянящий, гнал зеленые волны к затянутому сиреневой дымкой краю земли.

Как никогда раньше, хотелось Берке жить. Обычно он не думал об этом. Просто жил и был уверен, что годы, отпущенные ему судьбой, прервутся не скоро.

В этом году молодые лебеди не прилетели к старой и одинокой птице. Хан вдруг почувствовал, что, в сущности, и он одинок на этой земле. Другие родились, чтобы продолжить свой род, он же, выходит, родился для того, чтобы какой-то время отсидеть на золотом троне Орды и уйти в небытие, не оставив даже следа.

Владеть троном — счастье, так почему же мечется душа, тоскуя о том, что доступно самому обычному воину, о сыне, которому, уходя, можно было бы оставить свое слово и свои надежды?

Берке, не отрываясь смотрел на озеро. Тихие волны набегали на берег, ворошили камыши, раскачивали их длинные и гибкие стебли.

Рассекая белой выпуклой грудью гребни волн, прямо к хану плыла одинокая птица.

Сколько помнил Берке, лебеди никогда не приближались к нему. Он с интересом ждал, что будет дальше.

А птица действительно не думала бояться его. Она подплыла к берегу и, вытянув белоснежную шею, положила голову на влажный песок.

Хан шагнул к птице, протянул руку и замер, пораженный. Глаза лебедя были совсем как у человека, и Берке увидел в них тоску и боль.

Птица вдруг сильно ударила крыльями по воде, и пронзительный хриплый крик вырвался из ее серебряного горла.

Хан отшатнулся. Неподвижное тело лебедя лежало у его ног.

Он закрыл лицо ладонями и торопливо, сбиваясь и путая слова, начал читать молитву...

В этот день Берке дольше обычного пробыл на озере. Смерть последней из священных птиц, подаренных ему Чингиз-ханом, потрясла его.

«Неужели это конец? — думал он в отчаянии.— Неужели это знак Неба, предупреждение, что скоро оборвется нить жизни?»

Потом на смену отчаянию вдруг пришла злоба. Хан не хотел покоряться судьбе. Пусть дни сочтены, но он пока еще хан Золотой Орды, и если нет для него иной радости, то пусть она до конца будет самой большой.

Есть еще власть и право повелевать десятками тысяч людей, еще где-то бродят неотмщенными враги, радуясь солнцу и синему небу.

Все в руках аллаха, но, пока он жив, Орда будет жить его словом и свершится то, что пожелает хан.

Злоба и страх, что подобно червю точили Берке изнутри, сушили тело. Желтая кожа на острых скулах натянулась пуще прежнего, а в глазах хана появился мерцающий лихорадочный блеск.

Пусть, когда душа его покинет тело, никто не вспомнит о нем, но сейчас он должен рассчитаться с Салимгиреем, Акжамал и Кундуз. Страшной смерти предаст он их, велев с живых содрать кожу.

Однажды Берке приказал позвать в свой шатер Тудай-Менгу.

Невысокий, широкогрудый нойон почтительно стоял перед ханом. Глядя на него, Берке вдруг подумал, что он не похож ни на своего деда Бату, ни на отца Тукана. Смелый воин, Тудай-Менгу в то же время бывает вспыльчивым, не сдержанным на язык, а порой и просто болтливым.

После традиционного приветствия хан сказал:

— В лесах выше по Итилю собралось слишком много беглых рабов. Предводительствует ими наш бывший сотник Салимгирей. С ними девушка Кундуз, которую ты захватил в горах Кавказа...

Тудай-Менгу расплылся в улыбке:

— Я хорошо знаю их обоих. Но кто может покляться, что Кундуз девушка...

Берке недовольно нахмурился:

— Я не об этом хочу говорить с тобой...

Нойон, не замечая раздражения хана, засмеялся, сощурив раскосые глаза.

— Конечно, она не девушка, но все равно настоящая пери... Услада для глаз... Эх, зачем я послушался нойона Ногая...

— Слушай меня...— сурово перебил Берке.— Рабы становятся слишком опасными для Золотой Орды. Ты возьмешь войско и выступишь против них. Лазутчики укажут тебе дорогу в их логово. Ты сделаешь так, чтобы ни один из рабов не ушел живым...

— А как быть с Кундуз?

— Убей,— жестоко сказал хан.— Среди непокорных и моя младшая жена Акжамал. Убей и ее.

Тудай-Менгу огорченно поцокал языком:

— Зачем убивать двух красавиц? Если они не нужны тебе, о великий хан, отдай их мне...

— Убей,— повторил Берке.— Если тебе нужны женщины, можешь забрать всех моих жен...

Тудай-Менгу отрицательно покачал головой.

— Зачем мне старухи? Разве у меня не хватает бабушек?

Никому другому Берке не позволил бы вести в его присутствии такие разговоры. Но он хорошо знал нойона и знал, что все это пустые слова. Никто лучше Тудай-Менгу не выполнит то, что хочет хан. Справиться с рабами будет нелегко. Они знают, что случится с ними, если кто-нибудь из них попадет в руки нойона живым.

— Не увлекайся красавицами,— повторил Берке.

Тудай-Менгу вдруг посерьезнел:

— Я не сумасшедший, чтобы из-за женщины терять голову. Я привяжу каждую из них к хвосту коня....

Не сумасшедший... Среди чингизидов именно таким считали Тудай-Менгу. Никто не умел так изощренно и жестоко расправляться с побежденными, как он, никто не проливал столько крови, как этот человек.

Войско Тудай-Менгу должно было выступить против отряда Салимгирея с заходом солнца следующего дня, но уже к вечеру нынешнего верные люди предупредили рабов о готовящемся нападении.

Салимгирей принял решение не уклоняться от встречи с нойоном. Он хорошо знал, как поступают монголы со времен великого Чингиз-хана. Если даже попытаться уйти, скрыться, то Тудай-Менгу не повернет назад, а будет идти по следам хоть до края земли.

Наступившая ночь сломала все, что задумал Берке. Из Новгорода неожиданно прибыло посольство во главе с боярином Данилом. Послы приехали по спешному делу, и потому хан принял их сразу.

Снова собирались тучи над Новгородом и Псковом, снова готовились немецкие рыцари испытать удачу.

«Если Золотая Орда помнит свои обещания, данные ханом Сартаком,— сказал Данил,— то пусть поможет нам войском.»

Берке был готов к приезду орусутов. Давно и много думал он, что предпримет, если немцы двинутся на Новгород и Псков. Уступить им — значило потерять орусутские земли, платящие богатую дань. Не настолько слаба Орда, чтобы позволить кому-то отнять у нее жирный кусок.

Хан вызвал Тудай-Менгу.

— Я изменил свое решение,— сказал он.— С рабами расправится другой. Твой же путь лежит в орусутские земли...

Нойон обрадовался:

— Приказывай, о великий хан. Пусть рабами займется другой. А то, чего доброго, красавицы закроют мои глаза туманом и сердце сделается мягким...

Не слушая болтовню Тудай-Менгу, Берке продолжал:

— Ты пойдешь в земли Новгорода и Пскова и поможешь орусутам разгромить железную конницу немцев...

Видя, что хан не расположен к шуткам, нойон спросил:

— Когда прикажешь выступать?

— На рассвете.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Еще не успела утренняя звезда Шолпан погаснуть в сером небе, а войско Тудай-Менгу, поднятое по тревоге, уже уходило в сторону орусутских земель.

Салимгирей был озадачен поведением нойона. Он ожидал нападения и готовился к битве, а монголы все дальше уходили от берегов Итиля.

Опасаясь ловушки, он отправил небольшой отряд во главе с Кундуз вслед за Тудай-Менгу. Надо было узнать замыслы нойона.

В полдень в лагерь Салимгирея прискакал воин. Кундуз сообщала, что войско Тудай-Менгу остановилось на отдых на берегу озера, окруженного сосновым бором. Кони врагов напоены и угнаны пастись на противоположный берег. Это значило, что нойон решил оставаться на озере до утра следующего дня.

Салимгирей сам не искал сражения — слишком неравными были силы, но заманчивая мысль напасть на врагов ночью, когда войско будет отдыхать, не давала покоя. Он приказал своему отряду небольшими группами перебраться в бор, поближе к лагерю монголов.

Воины укрылись в густой чаще, чтобы выставленные нойоном дозоры не смогли догадаться об их близком присутствии. Люди в последний раз перед битвой проверяли оружие, подтягивали подпруги у лошадей.

Салимгирей пробрался на опушку бора разведать подходы к монгольскому лагерю.

Бывший сотник, он сразу понял, что битва будет нелегкой — под началом Тудай-Менгу было не менее десяти тысяч воинов. Целый тумен закаленных, опытных всадников противостоял его тысяче, в которой были вчерашние рабы, совсем недавно еще не державшие в своей руке саблю.

Что из того, что на лагерь нойона можно напасть неожиданно? Ярость и ненависть плохо вооруженных не может все равно одолеть такую силу. Монголов не разбить, пока они вместе.

Но что же все-таки задумал Тудай-Менгу? Почему он ведет себя так странно и, вместо того чтобы искать отряд, готовится к какому-то далекому переходу в сторону орусутских земель?

Эта мысль не давала Салимгирею покоя. Он видел, что тумен выступил без обычных для похода повозок, без каравана, нагруженного разборными юртами, а каждый воин имел по две запасных лошади. Такое в монгольском войске бывало только тогда, когда необходимо было двигаться быстро и... далеко.

Салимгирей вдруг услышал за спиной тихий шорох и, вздрогнув, обернулся. Низко пригнувшись, прячась в густом кустарнике, к нему пробиралась Кундуз.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

— Из Сарай-Берке прискакал наш человек. Он говорит, что хан изменил свой замысел. По просьбе орусутов Тудай-Менгу идет в Новгород, чтобы помочь им победить врага, который собирается напасть на их земли.

Салимгирей облегченно вздохнул.

— Смотри,— сказал он, указывая на монгольский лагерь.— Нам не справиться с ними, даже если мы нападем неожиданно. Их слишком много...

Кундуз, сощурившись, смотрела на низкий песчаный берег озера, где дымились сотни костров и сновали люди.

— Жалко,— сказала она.— Если бы они разбились хотя бы на два лагеря. Я привязала бы Тудай-Менгу к хвосту его коня...— Глаза Кундуз мстительно блеснули.— Сколько принес он горя людям... Теперь придется ждать другого случая...

Они долго молчали. Солнце садилось за зубчатую стену леса, и длинные тени упали от бронзовых сосен на землю. В бору сделалось тихо и пасмурно. От монгольских костров поднимался синий дым, и ветер гнал его над озером седыми космами в сторону орусутских княжеств.

— Я знаю, что надо делать,— вдруг сказала Кундуз.— Пусть нам не повезло здесь, но мы живы и должны действовать.— Она положила руку на плечо Салимгирея.— Пойдем отсюда, и я расскажу то, что придумала...

На рассвете войско Тудай-Менгу, никем не потревоженное, выступило в поход. Движение его было стремительным, как полет стрелы, выпущенный из тугого лука. Меняя коней, останавливаясь лишь для короткого сна и чтобы животные могли подкормиться, днем и ночью шли монголы к северным орусутским землям.

Совсем другим был занят Салимгирей. Той же ночью его отряд вернулся на прежнюю свою стоянку, и Кундуз рассказала о том, что задумала. Замысел был прост и надежен, и Салимгирей, одобрив его, приступил к исполнению.

Через несколько дней он послал к Берке своего воина, велев сказать хану: «У нас большое войско. Если ты не освободишь всех рабов, то мы пойдем на тебя и разрушим твой город».

Момент для таких дерзких требований был выбран удачно.

В то время, когда Ногай был лашкаркаши Золотой Орды, близ главной ставки всегда находилось тридцатитысячное войско. И Берке, зная коварный и решительный нрав нойона, постоянно опасался, как бы однажды тот не задумал отнять у него трон. Поэтому после возвращения Ногая из похода на Кулагу он освободил его от должности лашкаркаши, дал ему новый большой улус в западных землях Орды и отправил его туда.

Говоря, что время наступило мирное, Берке не назначил нового предводителя и повелел не держать близ ставки постоянного войска. Отныне город охраняло войско, состоящее из воинов, присылаемых поочередно улусами всего на три месяца. Оно не превышало одного тумена.

Сейчас, когда орусутам потребовалась помощь, этот-то тумен и увел Тудай-Менгу.

Берке уже послал своего гонца к нойону Ток-Буги с приказом срочно привести для охраны ставки новое войско, но его пока не было, и в Сарай-Берке, кроме личных нукеров, не оставалось воинов. Этим и решил воспользоваться по совету Кундуз Салимгирей.

Узнав о требовании Салимгирея, заволновались рабы. И хан Берке, помня прежнее их выступление, кипя от ярости, вынужден был согласиться и отпустить рабов.

Отряд пополнился новыми воинами. Салимгирей повел своих людей вверх по Итилю, и скоро след его затерялся в просторах кипчакской степи.

А потом пришла серая, холодная осень с пронзительными колючими ветрами. Однажды выпал снег и больше уже не таял. Отряд Салимгирея встретился с другим таким же отрядом, который возглавлял вольный батыр Жаган. Зимовать решили в среднем течении Итиля, где были хорошие пастбища для лошадей и можно было дождаться весны, кормясь охотой.

В начале зимы Салимгирей и Акжамал стали мужем и женой...

Укрытая белым саваном, насквозь продуваемая ветрами, лежала в великой дреме кипчакская степь.

А в это время в теплом, не знающем долгой зимы Мавераннахре креп, набирал силы Барак-хан.

Ремесленники Ходжента, Бухары, Самарканда готовили для его войска оружие. Напуганные усилением Золотой Орды, боясь новых набегов диких кочевников, люди делали все, чтобы Барак смог вооружить новые тумены. Свой правитель казался милосерднее чужого.

Барак, испытывая крепость войска, посылал свои отряды в сторону Отрара, но вступить в большое сражение с туменами Кайду не решался.

Для этого у него были все основания. В среднем течении Сейхуна, затаившись, словно большой дракон, стояла пятидесятитысячная конница Золотой Орды под предводительством Менгу-Темира.

Больше чем Кайду боялся Барак этого войска, потому что не знал, что задумали в Золотой Орде.

Все переменчиво под луной, и осторожность еще никому не мешала.

Неожиданно от Кайду явились послы во главе с нойоном Кипчаком, рожденным от Кудана, сына Угедэя. Они сказали:

— Мы все потомки Чингиз-хана, и недостойно нам грызться меж собой. Кипчакских степей и просторов Мавераннахра хватит всем. Не будем же рвать эти земли на куски.

Барак, скрывая охватившую его радость, согласился. Было решено не нападать друг на друга, а на будущий год собрать курултай всех потомков Чингиз-хана и решить споры миром.

Берке узнал об этом сговоре в середине зимы. Союз потомков Джагатая и Угедэя не обещал Золотой Орде ничего хорошего.

Собрав во дворце нойонов, разгневанный хан говорил:

— Чем занят Менгу-Темир? Для чего я дал ему пять туменов? Он должен был натравить друг на друга волчат Угедэя и Джагатая и, ослабив их, одним ударом покорить Мавераннахр. Он же, презренный трус, подобно кошке дремлет в тепле!

Берке решил срочно отправить в ставку Менгу-Темира отряд, который бы напомнил нойону, для чего он послан на берега Сейхуна, и передал ему гневные слова хана Золотой Орды.

Зима в том году была необычная. Почти не прекращались свирепые бураны, когда земля сливалась с небом и даже привычные монгольские кони не могли идти против ветра, а падали под его напором на колени.

И весна пришла, ранняя, дружная. Солнце за несколько дней расплавило горы снега, наметенные ветрами в Дешт-и-Кипчак со всего света. Земля, затопленная вешними водами, превратилась в море. Разлились, вышли из берегов степные реки Яик, Иргиз, Тургай.

Когда же воды скатились с крутых боков земли и реки почти вернулись в свои ложа, вдруг зарядили обложные дожди и все вокруг превратилось в сплошное болото, в котором тонули лошади.

С трудом добрались посланцы Берке до ставки Менгу-Темира. Велико было их разочарование, когда они узнали, что союз между потомками Джагатая и Угедэя окреп и в скором времени расстроить его не удастся. Неведомо им было, что Менгу-Темир не по оплошности сидел все это время в своей ставке спокойно и не предпринимал никаких действий. На это у нойона были свои причины, и цели он выбрал далекие.

Раздосадованный бездействием Менгу-Темира, хан Берке всю зиму провел в бейспокойстве.

Он с трудом дождался времени, когда подсохла земля и берега Итиля сделались нежно-зелеными от первых шелковистых травинок. С каждым днем все больше расцветала напоенная живой водой весны степь. Небо над нею было высоким и

бездонным. На озерах и речных протоках становилось темно от бесчисленных стай птиц, а в тальниковых зарослях по берегам Итиля в молодой листве страстно пели потерявшие разум от любви соловьи.

В один из таких дней Берке велел позвать в свой шатер вернувшегося из орусутских земель Тудай-Менгу и сына Менгу-Темира — Токтая. Когда нойоны явились, хан невольно залюбовался ими. Оба были молоды, стройны, быстры в движениях. И одеты были просто, как повелось у монгольских воинов со времен Чингиз-хана. На каждом был простой чекмень, перетянутый поясом, на котором висела сабля, на ногах мягкие монгольские сапоги, на голове борик, отороченный желтым лисьим мехом.

Берке знал, что больше всего на свете эти два нойона любили оружие и коней. Ножны и рукояти сабель и кинжалов у них были украшены золотом и серебром, сверкали драгоценными камнями. Коней же, черных и горячих, украшали седла, уздечки, стремена и подпруги, отделанные белым чистым серебром.

Молодые нойоны любили пошуметь, поспорить, и среди чингизидов их считали задирами.

После взаимных приветствий хан предложил Тудай-Менгу и Токтаю сесть.

Нойоны опустились на разостланный у подножья трона пушистый персидский ковер, подобрав по-восточному под себя ноги, и приготовились слушать.

— Сколько у вас сейчас воинов?

— Согласно приказу, каждый из нас привел по пять тысяч,— ответил Токтай, настороженно вглядываясь в лицо хана.

— Хорошо. Пусть они будут готовы выступить в поход в любой день и час. Я сам поведу их...

Тудай-Менгу подался вперед всем телом:

— Далек ли будет наш путь?

Берке нахмурился. Он не любил, когда его перебивали.

— Нет. Всего два дня потребуется, чтобы увидеть лицо врага. Как нам стало известно, отряд беглых рабов находится сейчас на правом берегу Итиля, в Черном лесу. Мы окружим его и подожжем бор...

Тудай-Менгу весело рассмеялся:

— Выходит, нам придется поджарить живьем и двух красавиц!..

Токтай никак не отозвался на слова нойона. Лицо его было серьезно:

— К чему напрасно жечь лес? Рабов не более двух тысяч, и наши храбрые воины легко справятся с ними.

Берке отрицательно покачал головой:

— Наши воины привыкли сражаться на конях, лес не место, где они смогут показать свою удаль. Среди же рабов много орусутов, булгар. Они привыкли к лесу, умеют биться в пешем строю и при нужде проскользнут мимо любого заслона. Мы поступим так, как сказал я. Огонь поможет нам сделать то, что не смогут сделать воины.

— Пусть будет так,— согласились нойоны.

— Идите готовьтесь к походу. И пусть уже сегодня в сторону Черного бора отправятся арбы с тридцатью бурдюками, наполненными горючей китайской смесью.

Тудай-Менгу и Токтай поклонились хану.

Черный лес тянулся широкой лентой по высокому итильскому берегу. Могучие дубы, красивые стройные сосны, белоснежные березы переплели здесь свои ветви, образовав непроходимую чащу.

Отряд Салимгирея, укрывшись в темной глубине леса, совершал отсюда набеги на монгольские отряды и проходящие мимо караваны, везущие дань, собранную с орусутских и булгарских земель.

Воины прорубили в чаще узкую тропу, по которой могли проехать только два всадника, и по ней выходили на степные просторы, по этой же тропе возвращались в свой лагерь.

Салимгирей не собирался долго задерживаться здесь. Место хотя было и удобное, но легко уязвимое из-за того, что полоса леса была нешироко. Он ждал только той поры, когда совсем обсохнет степь, а реки войдут в берега.

Молодой батыр, предводитель отряда вольных кипчаков Жаган, с которым они подружились зимой, звал Салимгирея в глубь степи, на берега Яика, подальше от ханской ставки. Там кочевали близкие ему по крови кипчакские роды, и можно было рассчитывать, что они не выдадут беглецов.

Салимгирей знал, что отныне ни ему, ни его людям никогда не узнать спокойной жизни. Рано или поздно хану донесут, где они скрываются, и беспощадная длинная рука Орды вновь протянется к ним.

И все-таки уставшим от постоянных стычек и преследования людям требовался хотя бы недолгий отдых. Жила и тайная мысль: быть может, отряд удастся пополнить новыми воинами и сделать его еще более грозной силой.

Нойоны Берке умели удачно выбирать время.

Ведомые лазутчиками, десять тысяч монгольских воинов прибыли к Черному лесу за полночь. Кольцо вокруг беглецов сомкнулось.

Умеющие пользоваться горючей смесью китайцы, находящиеся на службе у хана Берке, определили направление ветра и быстро сделали свое дело, вылив содержимое бурдюков в нужных местах.

Тысячи огненных змей вдруг заскользили по лесу, высветили чащу. Красные смерчи взметнулись к вершинам кудрявых сосен.

Деревья, напоенные живыми весенними соками, не хотели умирать, но огонь был сильнее. Закрутил, загудел ветер, и в небо поднялись хлопья пепла, похожие на вспугнутых черных ворон. Словно факелы, брошенные сильной рукой, летели горящие ветви.

Отблески пламени первыми увидели воины, стоящие в дозоре. Они бросились к лагерю. Огненные вал катился за ними следом, с тревожным криком носились над вершинами деревьев птицы, потерявшие свои гнезда.

Огненная подкова приближалась к лагерю. Только там, где вплотную подступал невидимый во тьме Итиль, было тихо. Часть воинов по приказу Салимгирея собрав женщин и детей, ушла к реке. Пока оставшиеся воины отыскали на лесных полянах стреноженных лошадей и оседлали их, едкий дым уже накрыл лагерь. Свободен был один путь — к Итилю. Тишина в той стороне настораживала и пугала, но выбора не было, и Салимгирей приказал отходить к реке. Обжигающий ветер сушил лица, дым разъедал глаза, а высокие языки пламени лизали черное небо. Звезды погасли.

— В воду! — кричал Салимгирей.— Все в воду! Кто уцелеет — встретимся на другом берегу!

Берег был обрывистый, и кони, с горящими от отблесков пламени глазами, с громким ржанием падали в воду. За ними, побросав оружие, срывая с себя одежду, прыгали люди. Только Салимгирей с тридцатью воинами остался на берегу, прикрывая отход отряда.

Люди, уцепившись кто за гривы, кто за хвосты коней, боролись с течением. Белые пенные буруны вскипали вокруг высоко поднятых, вытянутых в сторону противоположного берега конских голов. Над Итилем было светло как днем, и только далекий спасительный берег был погружен во мрак.

Берке умел мстить. По его приказу еще засветло тысяча воинов под предводительством Тудай-Менгу переправилась через Итиль и затаилась напротив Черного леса в высоких зарослях тальника.

«Ни один раб не должен уйти в степь»,— коротко сказал нойону хан. Он был уверен, что Тудай-Менгу сделает все, чтобы так оно и было.

Едва ноги беглецов коснулись дна и они, еще не веря в свое спасение, стали выходить на берег, на головы им обрушились удары тяжелых дубин — шокпаров. Пронзая упавшие тела копьями, монгольские воины сбрасывали мертвых в воду.

В окружении нукеров Берке стоял на высоком берегу Итиля. И когда запылал лес, подожженный его воинами, глазам хана открылось потрясающее зрелище.

Он видел, как метались по берегу обезумевшие люди, как падали с обрыва с пронзительным ржанием кони и как воды Итиля становились красными от крови и отблесков пламени.

Лицо хана было неподвижно и розово от близкого огня. Душа его ликовала. Наконец свершилось то, о чем он так долго и мучительно мечтал в бессоные ночи.

Враги его повержены. А какая радость может быть больше той радости, когда тот, кому ты хотел отомстить, растоптан?

На глазах Берке умирали свидетели и виновники его позора.

Крепко вцепившись в подвешенные к поясу витые сайгачьи рога, не отрываясь, стараясь ничего не пропустить и навсегда запомнить этот миг, хан смотрел на пожар.

Ему вдруг вспомнилось давнее, забытое. Тогда Берке было чуть больше двадцати лет и он вот так же стоял на берегу большой реки и смотрел, как мечутся в дыму и огне люди. Только тогда горел не лес, а прекрасный орусутский город Харманкибе.

С тех пор отблеск пламени всегда вставал перед глазами Берке и будил в душе чувство радости и величия.

Хан вдруг подумал, что, быть может, этот огонь последний в его жизни и больше никогда не замрет сердце от счастья близкой победы.

Неподвижное лицо его дрогнуло. В левом ухе качнулась золотая серьга с восьмигранным бриллиантом, рассыпая колючие искры, в подобии улыбки сощурился беззубый рот, и ссутулились под парчовым чапаном покатые плечи — за спиной Берке уже стояла смерть. Но хан не видел себя со стороны и не знал об этом.

До самого рассвета, до того времени, когда перестали плясать огненные языки над тем местом, где еще недавно был Черный лес, Берке не уходил с высокого берега.

Смыл с прибрежных песков кровь, унес тела погибших великий Итиль, и на душе Берке, словно придавленной серым рассветом, сделалось тяжело. Если бы можно было устроить так, чтобы всегда пылал огонь, горел весь мир и кричали люди! Но не дано это даже великому хану — властелину великой Золотой Орды.

Оставшиеся с Салимгиреем воины, чтобы не задохнуться от едкого дыма, завязали лица мокрыми платками и, ведя коней в поводу, стали пробираться по узкой кромке берега, стремясь выйти из леса в открытую степь. Черная тень обрыва и облака густого дыма надежно укрывали беглецов. И когда они наконец решили, что опасность миновала, и по каменистой осыпи вскарабкались на обрыв. Салимгирей вздрогнул от неожиданности — прямо перед собой на расстоянии полета стрелы у края леса он увидел небольшой отряд всадников. В предрассветных сумерках Салимгирей легко узнал среди них Берке-хана. Не более десятка нукеров из личной охраны было с ним.

Решение пришло сразу. Сама судьба свела его с кровавым ханом, и упустить такую добычу, было нельзя. Салимгирей знал: нукеры, охраняющие хана, искусные воины, но перевес в людях был на его стороне.

— На коней! — крикнул он.— Отомстим за смерть наших товарищей!

Земля вздрогнула от гула копыт, и хриплые вопли нападающих слились в один яростный вой.

Салимгирей ожидал сопротивления, но хан Берке, что-то крикнув своей охране, хлестнул камчою коня и, припав к гриве, помчался в степь. Откуда было знать

преследователям, что хан решил не рисковать, а заманить их туда, где после битвы в Черном лесу был назначен сбор монгольского войска.

Лошади воинов Салимгирея не были так утомлены, как лошади золотоордынцев, совершивших накануне долгий ночной переход, и потому они легко догоняли ханских нукеров и ударами тяжелых дубинок вышибали их из седел. Только конь Берке, знаменитый на всю кипчакскую степь Актангер, стремительно уносил своего хозяина от опасности. Упорно преследовали хана Салимгирей и башкирский батыр Галимзян. У батыра был удивительный конь — таких в народе зовут ушкур. В короткой скачке он мог догнать даже птицу, но долгий путь ему был не под силу. И потому, заставив своего коня совершить все, на что он способен, Галимзян почти сумел догнать Берке. Бросив повод, он выхватил из садака лук.

— Не стреляй! — закричал Салимгирей.— Надо попробовать взять его живым.

Башкир замешкался, и время было упущено, а конь его бежал все тише и тише. Вскоре Салимгирей обогнал батыра. Теперь только он продолжал погоню. Желание взять хана во что бы то ни стало живым придавало силы, и казалось, конь, прекрасный туркменский аргамак, чувствовал нетерпение и азарт хозяина. Почти не касаясь земли, он летел по степи.

Медленно, но неуклонно сокращалось расстояние между беглецом и преследователем. Ветер погони вышибал из глаз слезы. Салимгирей привстал на стременах, чтобы набросить на шею хану петлю волосяного аркана, но в это время Берке обернулся и, изогнувшись в седле, словно молодой воин, выстрелил из лука. Каленая стрела, пробивающая даже кольчугу, глубоко вошла Салимгирею в грудь, отбросила его тело назад. Он запрокинул голову, ловя перекошенным от боли ртом холодный ветер, и последнее, что увидели его широко открытые глаза, была алая полоска утренней зари, прочертившая небо там, откуда должно было взойти солнце.

И сидя на торжественном тое, устроенном по случаю победы, Берке продолжал думать о бренности жизни.

У него было все: и слава, и золото, и власть над людьми, но хан в это утро особенно остро почувствовал, что все это обманчиво и преходяще. То, чем он гордился, в чем видел смысл своего существования на земле, уходило, меркло, и душа, уставшая от прошедших через нее годов, становилась глуха к радостям и горестям мира. Оставалось жить по привычке, поступать по привычке и делать привычное.

Неужели все, что было с ним, бессмысленно, а мир пуст и безжалостен?

Внутреннее смятение, охватившее его в ночь расправы над непокорными рабами, больше не оставляло Берке. Шел год зайца (1255)...

Гонцы из Ирана приносили тревожные вести. Кулагу умер, но его наследники не хотели мириться со своими потерями на Кавказе. И тогда Берке, призвав к себе Ногая, вновь повелел ему двинуться с туменами в Муганскую степь, чтобы напомнить врагам о силе и величии Золотой Орды. Однако ильхан Абак не испугался и выслал навстречу большое войско.

Битва произошла на берегу Куры, и Небо в этот раз не было милостиво к Ногаю. Он потерпел сокрушительное поражение, был ранен в голову и ослеп на один глаз.

Остатки золотоордынского войска поспешно отступили в Ширван.

Известие о гибели туменов Ногая потрясло Берке. Во главе трехсоттысячного войска он двинулся на помощь своему нойону. Но и это не заставило ильхана Абака подумать о примирении. Им словно руководило провидение. Битвы на этот раз не произошло. В пути великий хан Золотой Орды умер от разрыва сердца.

Тело Берке воины привезли в ставку. Впервые монгольского хана хоронили не так, как было принято в степях Керулена и Онона на его далекой родине. Берке, покровитель мусульман и сам принявший веру пророка Мухаммеда, был похоронен к западу от города Сарая, на равнине. Над его могилой не прогоняли несметные

косяки лошадей, а, согласно мусульманским законам, воздвигли мазар из черного камня и на такой же черной плите выбили золотом его имя и полагающуюся при погребении суру из Корана.

Временным правителем Золотой Орды сделался немощный и больной младший брат Берке — Беркенжар.

Великий траур был объявлен на всех землях, подвластных Орде.

Весной следующего года на курултай в Сарай-Берке съехались потомки Джучи. После долгих споров на белой кошме новым ханом Золотой Орды был поднят Менгу-Темир.

И на этот раз счастье обошло нойона Ногая. Внуки и правнуки великого Чингиз-хана, убоявшись его энергии, властности и крутого нрава, предпочли ради своего спокойствия более мягкого и сговорчивого Менгу-Темира.

Новые времена надвигались на Золотую Орду, и будущее ее окутывал мрак.

Хан Берке не повторил деяний Бату — он не подчинил Орде новые земли, но все годы своего правления умело охранял то, что досталось ему в наследство.

Истинный монгол, он во всем придерживался Великой Яссы Чингиз-хана, и никто из потомков Джучи не посмел при его жизни посягнуть на его золотой трон.

Как и его дед, Берке сам решал все тяжбы, возникающие между нойонами и эмирами. Никто не смел обойти его и добиваться своей цели через близких хану людей. Ищущего окольные пути ждала смерть.

Чингиз-хан завещал: «Предводителями туменов, тысяч и сотен могут быть только те, кто во всем подчиняется хану. В начале и конце года каждый из них обязан доложить о всех своих действиях. Те же, кто осмелится поступать самовольно, или предастся отдыху, или станет укрывать свои действия, спрятавшись, подобно камню в воде или стреле, выпущенной в густые камыши, должны исчезнуть. Такие предводители не могут стоять во главе войска».

И от этого его завета не отступил Берке-хан. И все подчинялись ему, и оттого войско Золотой Орды, как и во времена Бату, отличалось железной дисциплиной. Даже Ногай, своенравный и горячий, не признающий над собой ничьей власти, не смел перечить Берке.

Не отличаясь воинскими доблестями, Берке сумел умножить не только силу Золотой Орды, но и ее богатства. Он покровительствовал торговле, ремеслу и сделал так, что ни один человек, живущий на подвластных ему землях, не мог уклониться или спрятаться от податей.

Ушел из жизни коварный, хитрый и дальновидный Берке. И не было такого провидца, который бы осмелился предсказать будущее Золотой Орды и будущее ее нового хана...

Курултай, на котором Кайду и Барак пришли к согласию, состоялся в год свиньи (1269).

На берег Таласа, чтобы принять участие в этом торжественном событии, приехали не только потомки Джагатая и Угедэя, но и сын Джучи — Беркенжар, который должен был передать собравшимся чингизидам слова хана Золотой Орды — Менгу-Темира.

Семь дней длился праздничный той. На восьмой день, собравшись в юрте Кайду, потомки Чингиз-хана стали говорить о том, ради чего они сюда съехались.

И в этот раз, как и в прежние годы, когда между ними ненадолго устанавливался мир, вели речь чингизиды о том, что пора забыть ссоры и властвовать над покоренными землями вместе, любя и во всем помогая друг другу.

«Когда шестеро в ссоре, каждый потеряет то, что имеет. Когда они дружны — нет силы, способной сломить их»,— сказал Кайду.

Все собравшиеся согласились с ним.

На этом курултае не поднимали хана на белой кошме, но решения его от этого не стали менее значительными. Никто, не воспротивился тому, чтобы отныне всей Сердней Азией управлял Кайду. Властителю Джагатаева улуса — было отдано две трети Мавераннахра. Третьей его частью, по общему согласию, должны были совместно управлять Менгу-Темир и Кайду.

Золотая Орда вернула некогда принадлежавшие ей города: Алмалык, Токмак, Мерке, Кулан, Акыртобе, Тараз, Саудкент, Кумкент, Шолак, Курган.

Так земли, когда-то поделенные Чингиз-ханом между его старшими сыновьями, вернулись во владение их потомков.

На курултае также было решено вновь поделить рабов-ремесленников, живущих в Бухаре и Самарканде, и каждый должен был поставить над ними своих людей для сбора податей.

Непривычно мирно закончился курултай. Все съезжавшиеся сюда клялись в верности друг другу и решили стать анда — побратимами, смешав свою кровь. Потомки Чингиз-хана пили вино из одной чаши и ели мясо с одного блюда.

Только теперь многим стала понятна мудрость Менгу-Темира, когда два года назад, имея под своим началом пятидесятитысячную кипчакскую конницу, он не двинул ее на Мавераннахр. Сегодня он, не проливая крови и не рискуя потерять по воле случая милость Неба, приобрел все, что хотел.

Не очень доверяя Кайду и Бараку, хан Золотой Орды, чтобы на всякий случай оградить свои интересы в Бухаре и Самарканде, велел одному из своих туменов расположиться поближе к этим городам, у границ Джагатаева улуса.

На этом же курултае Барак осторожно заговорил о том, что хотел бы присоединить к своему улусу земли Хорасана и Афганистана; у большинства чингизидов эта просьба возражений не вызвала — новые битвы должны были начаться далеко от их владений, а значит, и причин для волнений не было.

Горячо поддержал Барака Кайду. Он надеялся, что тот ослабит свое войско в борьбе с наследниками Кулагу, которым принадлежали эти земли. Сильный сосед, даже если он и побратим, всегда опасен.

На следующий год Барак, ободренный поддержкой, двинул свои тумены в Хорасан. Но посланные ему в помощь Кайду кипчакские воины накануне битвы покинули его лагерь.

Ильхан Абак нанес Бараку поражение, и тот едва сумел уйти с пятью тысячами воинов под защиту стен Бухары.

Отступление Барака было столь беспорядочным и поспешным, что, уходя от погони, он упал с лошади, повредил позвоночник, и у него отнялись ноги.

Почувствовав, что дела Барака плохи и что он еще не успел собрать новое войско, зашевелились молчавшие до поры потомки Джагатая. Положение Барака было тяжелым. В отчаянии он снова обратился к своему побратиму Кайду.

Тот вновь выразил готовность помочь и двинулся с двадцатитысячным войском к среднему течению Сейхуна. Но движение его было неспешным, словно воины его оседлали не коней, а медлительных волов. Кайду выжидал. Ему было все равно, кто победит. Под его началом было свежее, привычное к битвам войско.

Случилось невероятное. Барак, лишенный возможности ходить, с только что набранным, необученным войском одержал победу.

Теперь Кайду ему не был нужен, и он попросил его повернуть свои тумены вспять.

Однако не за тем шел Кайду и не о возвращении были его помыслы. Настало время действовать. Близкой была пожива, а какой чингизид откажется от нее, если для этого даже потребуется лишиться близкого по крови человека.

Повод для гнева легко найти.

Кайду обвинил Барака в том, что тот мешал его людям собирать налог с принадлежащих ему по решению курултая бухарских ремесленников.

Тумены Кайду в эту же ночь окружили уставшее после битвы войско Барака. Не дожив до рассвета, Барак умер.

Разное говорили люди. Одни — что сердце эмира разорвалось, не выдержав предательства, другие — что его отравил посланный Кайду человек.

Кто мог назвать истинную причину? Одно знали люди — чингизиды всегда умирают быстро и неожиданно. К этому все давно привыкли...

Что бы ни говорили люди, а Кайду повелел похоронить Барака пышно, так, как этого заслуживал всякий, принадлежащий к роду великого Чингиз-хана. Совершив то, что полагалось по монгольским обычаям, дальше Кайду поступил по-своему.

Все потомки Джагатая, явившиеся с повинной и жалобами на притеснения со стороны покойного, получили долю от его имущества. Жена Мубарек-шаха на глазах Кайду вырвала из ушей жены Барака золотые серьги, но он не пожелал пресечь надругательства над женщиной, которая еще недавно делила ложе с его побратимом. Прошел всего год, как грудь Кайду касалась груди Барака и в золотой чаше смешалась их кровь в знак вечности...

Присоединив к своим туменам войско Барака, Кайду приобрел великую силу. Не избранный еще ханом, он стал могучим и грозным. Отныне принадлежащие ему земли простирались от Китайского ханства Кубылая на востоке до границ с Золотой Ордой на севере и западе и до ильханства Кулагу на юге.

С равнодушным презрением смотрел теперь Кайду в сторону Золотой Орды, которая не раз в трудную минуту помогала ему.

После поминок Берке, когда хан Менгу-Темир показал свою справедливость, положение его среди главной опоры — кипчаков — укрепилось. Правда, хан знал, что оно недорого стоит. Кипчаки являлись основной силой, но не следовало забывать, что это все-таки покоренный монголами народ и надо всегда быть готовым к любым неожиданностям. Менгу-Темир хорошо помнил совет Ногая, который в свое время давал хану Берке: войти в орусутские земли и превратить орусутов в монголов. Неужели умный Ногай не понимает, что покоренные народы — огромное озеро, а монголы горсть соли? Стоит разжать кулак — и соль растворится без следа.

Хан с усмешкой подумал, что если бы он последовал советам Ногая и осел со своим войском в орусутских землях, то кто знает, не оказался бы он уже через год крещеным и не пришлось бы ему и его воинам надеть орусутские одежды?

Больше чем усиление Кайду, Менгу-Темира беспокоили дела, происходящие в землях, лежащих к западу от Золотой Орды. Если здесь, в степи, кипчаки начинают поднимать голову и осознавать себя единым народом, то что должно происходить в орусутских землях, где знали и умели больше, чем просто пасти скот?

Минуло почти сорок лет, как промчалась через орусутские земли монгольская конница, топча поля и предавая города огню. По-прежнему не могут орусутские княжества объединиться, по-прежнему ссорятся князья, и в этом счастье монголов. В последнее время заговорили о княжествах Тверском и Московском. Но и здесь не ищут объединения, а продолжают вести давние тяжбы и споры.

На Москве сидит сын князя Александра Невского — Даниил. Кто знает, что замышляет он? Не станет ли Даниил именем отца своего собирать вокруг себя орусутов? Другие княжества словно спрятали Москву, заслонили своими землями от Золотой Орды, и Москва крепнет с каждым годом; растет ее казна оттого, что многие торговые пути пролегли через этот город.

Если Москва объединится с Тверским княжеством, то не потянутся ли к ним другие, не придется ли тогда Золотой Орде забыть о Кайду и вновь направить на орусутов свои тумены? Все это тревожило Менгу-Темира. Времена изменились, и борьба с ними на этот раз может оказаться более тяжелой, чем при Бату-хане.

Но жаждущие богатства и славы были не только среди чингизидов. Орусутские князья по-прежнему не мирились друг с другом, а в глазах их часто вспыхивал

огонь алчности и зависти. Пока не исчезнет это в орусутских землях, ничто не грозит Золотой Орде. Просто там надо иметь свои глаза и уши и не упустить момент, когда придет пора вмешаться.

Джучи, Бату, Берке... Каждый хан считал себя умнее и дальновиднее своего предшественника. Каждый искал свой путь, но так и не смог свернуть с глубокой колеи, проложенной ордой Чингиз-хана. Очень скоро понял Менгу-Темир, что эта дорога единственно верная и для него. Властвовать над покоренными народами и держать их в крепкой узде можно только так, как учил великий предок. Для этого необходимы были сильное войско и золото.

Собираясь завоевать полмира, Чингиз-хан брал у покоренных народов все, что нужно было для его туменов. У тангутов государства Си Ся он отнял железо и повелел сделать из него сабли для своих воинов, у китайцев забрал порох, стенобитные и метательные машины. Так его войско стало самым сильным.

У Золотой Орды силы тоже немалые. Но, чтобы войско повиновалось хану, он должен быть богатым, щедрым и одаривать каждого, кто проявил смелость в битве или достоин этого за верную службу.

Чингиз-хан все брал в сражениях, грабя цветущие, давно не знавшие разорительных набегов города. Но еще мудрый советник хана Угедэя — Елюй Чуцай говорил: «Землею, которую завоевал верхом на коне, невозможно править, оставаясь в седле». Нельзя было без вреда для самой Золотой Орды бесконечно грабить много раз ограбленных.

Менгу-Темир считал, что настало время заняться внутренними делами Орды.

Он увеличил налоги, взимаемые с покоренных народов, с ремесленников и тоговцев. Отныне каждый платил за то, что жил, платил с поголовья скота и с засеянного поля, платил за убитую дичь и пойманную рыбу, за срубленное дерево и выкованную подкову.

Но слишком неудобно получать налоги натурой. Нужны были деньги. Деньги всех государств и земель, куда ступило копыто монгольского коня, ходили в Золотой Орде, но цену они имели разную, и люди брали их потому, что были они из золота и серебра.

Менгу-Темир знал, что только то государство является государством, которое имеет собственные деньги. И потому он решил продолжить дело, начатое еще ханом Берке.

Первые золотые монеты Орды были отчеканены в Булгаре. Берке исповедовал ислам и потому повелел изобразить на них профиль халифа Ан Насиритдина Аллаха, умершего за тридцать пять лет до его правления и в свое время сумевшего возродить величие Багдадского халифата. Расплачиваясь с купцами деньгами с изображением Ан Насиритдина, Берке считал, что тем самым он возвеличивает мусульманскую веру.

Все изменилось, когда в год лошади (1258) Кулагу во главе своих туменов подошел к стенам Багдада.

Китайские осадные машины сделали свое дело. Через проломы в стене воины Кулагу, словно муравьи, рассыпались по улицам города. Началась резня и грабеж.

Жители Багдада не собирались сдаваться. И тогда халиф Мустасим, еще вчера отказавшийся открыть перед монголами ворота города, первый запросил пощады.

— Я пощажу тебя, если ты сумеешь уговорить жителей прекратить сопротивление,— сказал ильхан.

Мустасим повиновался. Он обратился к правоверным мусульманам со словами:

— Такова воля аллаха. Прекратите сопротивление, и монголы не тронут вас...

Жители Багдада поверили своему халифу. Когда же они оказались безоружными, монголы поступили с ними так, как привыкли поступать с покоренными народами. За городом, в открытой степи, была устроена резня, в которой никто не знал пощады.

Земля еще не успела впитать кровь убитых, а Кулагу сказал Мустасиму:

— Мы гости твоего рода. Покажи же, чем ты богат.

И халиф, трясясь от страха, привел монголов к дверям, окованным черным железом. Воины Кулагу взломали их и вынесли из кладовых огромное количество одежд, расшитых золотом, сундуки, наполненные динарами, жемчугом и драгоценными камнями.

Всю добычу воины сложили у ног ильхана, но он даже не взглянул на нее. Брови Кулагу были сурово сдвинуты. Он сказал Мустасиму:

— А теперь покажи нам золото халифата.

— Я клянусь...

— Не клянись! — гневно крикнул Кулагу.— Я спрашиваю, где лежит золото, которое багдадские халифы собирали веками?

Один из нойонов приставил к горлу Мустасима лезвие сабли.

— Ну!.. Говори! Не то мои воины отыщут его сами. У них собачий нюх на золото. Если они сделают это без тебя, то тебе нечем будет заплатить за свою жизнь.

Лицо халифа было белее его чалмы.

— Там...— сказал он, указывая дрожащим пальцем в сторону небольшого водоема, голубевшего у стен дворца.

Монгольские воины, взяв кожаные бурдюки, окружили хауз и начали вычерпывать воду. Когда обнажилось дно, выстланное белым песком, самые нетерпеливые принялись копать. И скоро у ног Кулагу выросла гора из золотых слитков, а воины доставали со дна водоема все новые и новые.

Лицо ильхана было каменно-спокойным, и только в узких раскосых глазах его играл жаркий красноватый отблеск золота.

Узнав о падении Багдадского халифата, великий монгольский хан Менгу повелел Берке расплавить оставшиеся монеты с изображением Ан Насиритдина. Отныне Золотая Орда могла чеканить свои деньги только с его разрешения.

Выразив внешне покорность, Берке поручил преданным ему мусульманам продолжать чеканить монеты с профилем халифа Ан Насиритдина. Делалось это в глубокой тайне в Алмалыке, Ходженте и Отраре. Только теперь они были из серебра и меди.

Давно уже Золотая Орда отделилась от Каракорума, и, решив начать чеканить свои деньги, Менгу-Темир еще раз хотел подчеркнуть этим, что он управляет независимым государством.

Больше не было Великого Монгольского ханства. Умер последний его правитель Арик-Буги. В год овцы (1271) Кубылай провозгласил себя китайским императором, перенес столицу в Ханбалык и назвал новое государство Юань.

Кулагу образовал свое ильханство. Средней Азией правил Кайду. Менгу-Темиру принадлежала Золотая Орда.

Долго решал золотоордынский хан, какими должны быть его деньги, чье лицо оттиснуть на новых динарах. Может быть Бату-хана — создателя Орды — или Берке, укрепившего ее могущество?

Нет. Золото Орды должно освящать имя ее правителя, и потому пусть каждый видит на динарах лицо великого хана Менгу-Темира.

Настроение Менгу-Темира было пасмурным. Только что из его юрты ушел первый визирь Катай, и слова, сказанные им, замутили светлый родник ханского добродушия.

Неприятную весть принес визирь. До Менгу-Темира и раньше доходили слухи, но он не хотел им верить. Катай сказал, что младшая жена хана — Улжатай изменяет ему с Абашем — одним из его сыновей, рожденным от другой жены — Кубун-хатун.

Для монгольских ханов никогда не было противоестественным, если сын брал в жены одну из бывших жен своего отца. Бывало, что и отец брал себе в жены, после смерти сына, невестку, но измена всегда вызывала осуждение.

Менгу-Темир был немолод, и все равно то, что сказал ему визирь, вызвало у него гнев.

Привыкший владеть собой, хан внешне сохранил спокойствие, но брови его сошлись на переносице и в глазах появился недобрый блеск.

Он на миг представил Улжатай и своего сына Абаша. Черная злоба затмила ему разум. Нет, такого он не мог позволить!

Менгу-Темир попытался прогнать видение, но оно стояло перед глазами: белое тело красавицы жены, распростертое на земле, и короткорукий, широкогрудый Абаш...

Хан хлопнул в ладоши. В дверном проеме появился нукер.

— Пусть придет ко мне музалим.

Нукер исчез, и сейчас же на его месте появился смуглолицый воин, выполнявший при ставке обязанности музалима — человека для особых ханских поручений.

Руки Менгу-Темира вздрагивали.

— Подойди ближе,— велел он воину.

Тот, неслышно ступая по мягкому ковру, приблизился к хану и склонился в поклоне, ожидая приказа.

— Абаш-оглан не должен увидеть завтрашнего рассвета,— тихо, но властно, не отрывая взгляда от лица музалима, сказал Менгу-Темир.— Ты меня понял?

— Слушаюсь и повинуюсь, великий хан...

Лицо воина было бесстрастным.

— Иди.

Тот попятился от Менгу-Темира.

Никогда ни один из ханов не объяснял исполнителю его воли причин, побудивших отдать тот или иной приказ. Никто не должен был знать сокровенных дум повелителя. Ханская тайна — это обнаженный меч, висящий над головой музалима. Стоит тому уронить где-нибудь лишнее слово, и этот меч настигнет его, даже если он попытается укрыться за тридевять земель.

Менгу-Темира не интересовало, как будет выполнен его приказ. Музалим решит и сделает все так, как найдет нужным. Но ханскую волю он исполнит, что бы ни произошло.

Проворная рука нукера откинула ковер, закрывающий вход, и в юрту вошла Улжатай. Менгу-Темир вздрогнул. Младшая жена словно подслушала его слова, словно угадала то, что здесь только что произошло. В юрте было светло от падающего через верхнее отверстие света, и хан хорошо видел жещину.

Стройная, с тонкими чертами лица, с высокой грудью, она стояла перед Менгу-Темиром и улыбалась.

Дочь ойротского эмира Бука-Темира, рожденная младшей дочерью Чингиз-хана — Чичиган, она всегда вела себя так, как хотела, и позволяла себе многое из того, что не смели позволить другие жены хана.

Двух сыновей и двух дочерей подарила она Менгу-Темиру, и хан очень любил Улжатай.

Вот и сейчас, глядя на нее, Менгу-Темир почувствовал, как сильно забилось сердце. Мелькнула злая мысль: «Пусть умрет Абаш. Кроме него есть еще девять сыновей, и всегда будет, кому оставить трон».

Лицо Улжатай сделалось вдруг сердитым и капризным:

— Великий хан, неужели ты считаешь, что стал старым, а я могу поменять золото на медь?

— О чем ты? — хрипло спросил Менгу-Темир.

— Я о твоем визире Катае. Этот человек уже давно не ходит, как все люди, а ползет, извиваясь, словно червь...

— Что он сделал тебе?

— Он хочет посеять между нами вражду... Его душа полна черных замыслов...

Хан недоверчиво усмехнулся. Откуда ему было знать то, что знала Улжатай?

Визирь, оберегая самолюбие хана, сказал только о том, что жена изменяет, но не стал рассказывать, что на рассвете этого дня застал Улжатай и Абаша, когда они занимались любовью.

Не знал Менгу-Темир, что весь сегодняшний день жена его провела в тревоге. Она надеялась, что Абашу удастся убрать визиря прежде, чем тот донесет хану, но когда увидела, что Катай вышел из юрты Менгу-Темира, а после него туда вошел воин-музалим, надежды на счастливый исход не осталось. Надо было действовать. Поэтому она и пришла к хану.

Глаза Улжатай сделались властными и требовательными.

— Я ни о чем не хотела тебе говорить, чтобы не замутить источник нашей с тобой радости... Скажи мне, разве я когда-нибудь или в чем-нибудь обманывала тебя?

Менгу-Темир выжидательно молчал.

Улжатай вдруг невесело улыбнулась:

— Наверное, правильно говорят кипчаки, что нет мужчины, который бы не смотрел похотливо на красивую женщину и не пил бы кумыс...

Хан насторожился. Неужели и Катай относится к тем, кто не может пройти мимо красивой женщины? Он уже стар. Ему ли думать об этом? А если он по злобе оговорил Улжатай и Абаша?

— С тех пор как я стала твоей женой, я не смела даже подумать о том, чтобы бросить тень на твое имя... Я еще раз хочу спросить, о великий хан, было ли такое, чтобы я сказала неправду?

Менгу-Темир подумал, что женщина права. Он ни в чем не мог ее упрекнуть. И все-таки он снова не ответил на вопрос Улжатай, а продолжал рассматривать ее лицо сузившимися глазами.

— Тогда знай. Вчера твой визирь, этот червь, сказал мне, чтобы я пригрела его и разделила с ним постель. А если я откажусь или скажу тебе о его домогательстве, то...— Улжатай вдруг улыбнулась, приоткрылись алые полные губы, влажно блеснули белые, жемчужные зубы.— Я не испугалась. Я знала, что ничто не может замутить твою веру в меня. И угрозам визиря я не поверила. Никто не смеет сказать плохо о жене хана, даже если она в чем-то и виновата. Тайна хана и тайна ханум священны. Разве не достоин жалости и снисхождения тот, кто бросает тень на Золотую Орду?

Улжатай на миг замолчала, потом вдруг вскинула голову, и лицо ее осветила юная счастливая улыбка.

— Я рассказала тебе об этом, о великий хан, чтобы ты еще раз убедился, что у меня нет от тебя тайн. Забудем об этом разговоре...— Она приблизилась к Менгу-Темиру, и он почувствовал на лице ее горячее дыхание и услышал шепот: — Я соскучилась по тебе!.. Ты так давно не приходил!.. Не забывай меня, мой повелитель!..

Не дожидаясь ответа, Улжатай метнулась к выходу и исчезла так же быстро, как и появилась в юрте.

Когда настала ночь, Менгу-Темир отправился в юрту младшей жены.

Она была горяча, руки ее нежны, а тело казалось упругим и шелковистым, словно итильская волна.

Хан подумал, что и он истосковался по любимой младшей жене.

Тайна ханум — ханская тайна. А тайна хана — тайна Золотой Орды...

На рассвете, когда усталый от любви и ласк Менгу-Темир заснул, вместо Абаша в своей юрте был удавлен визирь Катай.

С этого дня больше никто из приближенных не имел плохих мыслей об Улжатай и ничьи глаза не видели, а уши не слышали ничего такого, что бы нужно было сообщать хану. Прежний мир и порядок воцарились в ставке Золотой Орды.

Улжатай не упускала теперь возможности лишний раз увидеть Менгу-Темира, и хан, незаметно следя за ней глазами, каждый раз, замирая сердцем, думал о том, какая она красивая, и желание обладать ею, чувствовать ее тело просыпалось в нем, туманило голову.

Видно, не знал мудрый Катай, что сильнее любой мудрости на свете — женские чары.

Однажды Улжатай пришла к хану, когда он был один. Так бывало редко, и Менгу-Темир понял, что младшая жена ему что-то хочет сказать.

Белые тонкие руки Улжатай протянули хану чашу с кумысом.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — спросил Менгу-Темир.

— Да,— женщина улыбнулась.— Приехали сваты из отцовского аула. Они просят, чтобы наша дочь Курт-Фуджи стала младшей женой моего брата Таутая.

Менгу-Темир прищурился. Таутай, самый старший из братьев Улжатай, стал после смерти своего отца Бука-Темира эмиром ойратского рода.

Поглаживая жидкую, уже тронутую сединой бороду, хан сказал:

— Это хорошо, когда приезжают сваты. Коль будет овца без кошкара, корова без быка, кобыла без жеребца, а верблюдица без буры, то откуда возьмутся ягненок и теленок, жеребенок и верблюжонок? Если монгольская девушка не выйдет замуж, то откуда возьмутся новые воины? Хорошие мысли бродят в голове Таутай-эмира. Но только из него не получится ни кошкара, ни быка, ни жеребца, ни буры. Слишком он стар, чтобы от него мог родиться монгол. И поэтому я не отдам ему в жены Курт-Фуджи. Она станет женой султана Корман Союрготмыша.

— Говорят, что султан болен,— осторожно возразила Улжатай.

— Пусть. Я найду Курт-Фуджи другого мужа.— Менгу-Темир вдруг засмеялся.— А как ты посмотришь на то, если я отдам ее какому-нибудь орусутскому князю, а у орусутов возьму жен для моих сыновей?

Улжатай с удивлением смотрела на Менгу-Темира. Трудно было понять: шутил хан или высказал нечаянно какую-то свою затаенную мысль.

Не знал тогда Менгу-Темир, что судьба по-своему распорядится жизнью его дочери. Она не станет женою орусутского князя, а будет отдана султану Корман Союрготмышу. Через год султан умрет, и Курт-Фуджи возьмет в жены Сабылмыш — сын одного из братьев Улжатай. Через три года смерть настигнет и его. И тогда совершится то, что было предначертано Небом,— дочь хана Золотой Орды станет женой шестидесятилетнего Таутая, сватам которого отказал в свое время Менгу-Темир.

Курт-Фуджи родит старику трех мальчиков, трех монголов. Правда, людская молва станет утверждать, что Таутаю помогли стать отцом молодые воины из его аула.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

VI

Время и смерть не щадили простых воинов, но и потомки великого Чингиз-хана были подвластны бегу времени, и смерть забирала их так же, как когда-то взяла к себе Потрясателя вселенной. Могучим и ветвистым было древо рода Чингиз-хана — сотни его правнуков и праправнуков правили покоренными землями и народами.

К тому времени, когда ханом Золотой Орды сделался Менгу-Темир, единственным правнуком Джучи, оставшимся в живых, был Ногай.

Начиная с великого похода в год мыши (1240) на Западную Европу под предводительством Бату Ногай участвовал вовсех войнах, и ни разу его тумены не знали поражения.

Во всем и всегда он придерживался заветов Чингиз-хана, и это помогало ему, подобно деду, держать в повиновении разноязыкое войско и превращать его в непобедимую силу.

Ногай сохранил все так, как было при Потрясателе вселенной. Десятник подчинялся начальнику сотни, сотник — главе тысячи, тот, в свою очередь,— главе тумена. Над туменами стояли три нойона, а над ними лашкаркаши — главный предводитель крыла.

Чингиз-хан учил: «Если во время сражения хотя бы один из десятка побежит с поля битвы, то все, кто входит в эту десятку, должны быть казнены. Если же вся сотня проявит храбрость, а подчиненная его главе десятка будет уличена в трусости, то следует казнить всю сотню.

Если один из десяти будет окружен врагами, а остальные девять не попытаются выручить его и не придут на помощь, все они достойны смерти. Если же подобное произойдет с десяткой, а остальные девяносто воинов не сделают все, чтобы спасти десятку от беды, все они должны быть преданы смерти».

Так завещал в своей Яссе Чингиз-хан.

Еще более жестокими были его законы по отношению к тем, кому под начало отдавал он воинов. Если простой воин отвечал головой за свою трусость или за то, что не пришел на помощь товарищу, то те, кто стоял над десятками, сотнями, тысячами, за неумение распорядиться и показать пример должны были быть казнены вместе со своими семьями.

Везде и всюду единственным наказанием была смерть. Воины Чингиз-хана были рождены для того, чтобы убивать других. Если же они не делали этого или делали плохо, то умирали сами.

Завершив поход в орусутские земли и в Западную Европу, многие монголы осели в низовьях рек Северного Кавказа, Итиля и Тана.

Свое войско глава улуса всегда набирал среди тех, кто жил на подвластных ему землях. Ногаю повезло — в его улусе было много монголов. Они помнили времена Чингиз-хана и учили своих детей и внуков тому, к чему привыкли сами, что казалось им естественным и необходимым.

Во время крымского похода погиб родной брат одной из жен Ногая — сын эмира хадаркинского рода Макур Курана. Ногай присоединил его войско к своему. Хадаркинцы были настоящими монголами, отличались храбростью и умением повиноваться.

Имея сильное войско, Ногай чувствовал себя независимым и умел дать понять это другим чингизидам. Три его сына управляли сплоченными железной дисциплиной туменами и были готовы выполнить любой приказ отца.

Ногай никогда не называл себя ханом, но все вопросы, касающиеся управления принадлежащего ему улуса, решал сам, не прося ни совета, ни помощи в Золотой Орде.

Особенно независимо повел он себя при Менгу-Темире. Новый хан никак не выказал своего недовольства, а скорее наоборот, сделал вид, что ничего не происходит, поскольку улус Ногая по-прежнему считался частью Золотой Орды.

Другим был занят в это время Менгу-Темир. По его приказу в одном дневном переходе от устья Яика вверх по течению строился новый город Сарайчик. Здесь, в самом сердце Орды, вдали от границ, где постоянно вспыхивали междоусобицы, хан решил наладить чеканку своих денег.

И еще была причина, по которой Менгу-Темир не хотел ссориться с Ногаем. В Мавераннахре и Хорасане набрал силы Кайду и уже позволил себе забирать часть причитающихся Золотой Орде денег, получаемых от принадлежащих ей ремесленников — рабов.

Случись это при Бату или даже при Берке-хане, Золотая Орда, не стерпев подобной обиды, двинула бы свои тумены на того, кто осмелился поступать подобным образом. Но Менгу-Темир боялся Кайду. Опасение быть разбитым и потерять даже то, что имела Орда, останавливало хана.

Предательски умертвив Барака, Кайду укрепил союз со своим бывшим врагом — ильханом Ирана Абаком и создал на подвластных ему землях новое сильное ханство. Желая еще больше оградить себя от неожиданностей с юга, он пообещал отдать в жены свою знаменитую дочь Кутлун-Шаги за внука Абака — Газана.

Менгу-Темир понимал, что если он двинет свои тумены на Кайду, то не останется в стороне и Абак. Ильхан непременно воспользуется этим и через Азербайджан и Кавказ ударит Золотой Орде в спину.

Опасаясь Кайду, Менгу-Темир тем не менее пристально и с тревогой следил за Ногаем.

Не проходило ни одной зимы, чтобы Ногай не устраивал больших облавных охот, в которых участвовало все его войско. Длились они по три-четыре месяца и охватывали большие пространства.

Со времен Чингиз-хана такие охоты означали подготовку к походу, к предстоящим битвам. На охоте проверялась выносливость воинов, их способность терпеливо переносить лишения: спать на земле в дождь и снег, долгое время обходиться без еды, быть зоркими и внимательными, во всем подчиняться своим начальникам.

Иногда Менгу-Темиру начинало казаться, что Ногай задумал отделиться от Золотой Орды и объявить себя самостоятельным ханом. Но ведь Ногай всегда был суровым и последовательным сторонником заветов Чингиз-хана, и едва ли он посягнет на единство.

Если это так, то чего же хочет Ногай? Неужели он наметил себе цель выше, неужели пожелал сам сделаться ханом Золотой Орды?

От этих мыслей Менгу-Темир мрачнел и подолгу не находил себе места.

Да, никто из чингизидов еще не бежал от звания хана и не отказывался от трона, если для этого появлялась хотя бы небольшая возможность. Но Менгу-Темир ошибался, думая, что и Ногай преследует эту же цель.

Ногай был не только мудрым и удачливым предводителем войска, он еще и умел смотреть далеко вперед. Ногай хорошо понимал, что убрать с трона Менгу-Темира будет нелегко. Слишком многие стояли за его спиной и, бесспорно, оказали бы ему

поддержку. Поднять руку на хана, избранного курултаем, значит нарушить святая святых Яссы Чингиз-хана. Не только враги, но и друзья поднимутся на того, кто решится задумать подобное.

Нет, не ханское звание прельщало Ногая. Он хотел всегда оставаться сильным, чтобы не только правое крыло прислушивалось к сказанному им слову, но и вся Золотая Орда. И кто бы ни сидел на троне, принимая решение, должен был вспомнить о нем и у первого спросить совета или согласия. На это, как считал Ногай, у него было полное право. Кто больше, чем он, сделал для возвеличивания Золотой Орды, для умножения ее богатств? Кроме того, он самый старший из Джучиева потомства, а значит, каждое его слово — это золотое слово.

Разве может кто-либо из потомков Чингиз-хана сесть на трон Орды без его согласия и благословения? По мнению Ногая, такое не должно было произойти.

Но Ногай знал, что одних пожеланий слишком мало, чтобы повелевать ханами. Только сильное войско и поддержка большинства из потомков Джучи даст ему возможность, не будучи ханом, править Золотой Ордой.

Для этого он постоянно заботился о войске и привлекал на свою сторону тех, кто мог бы оказаться ему полезен. Ногай не стеснялся в средствах. Одних обманывал, другим льстил, третьих пугал, четвертых подкупал своей щедростью.

Потомки Джучи часто бывали гостями его улуса.

В год коровы (1277) Ногай пригласил к себе Тудай-Менгу, с которым ходил в поход против ильхана Кулагу в земли Азербайджана.

Не близок был путь в его улус. Надо было переправиться через великие реки Тан и Узи, прежде чем выйти к благодатной долине реки Кехреб, что несла свои воды через земли молдаван, на которых находилась ставка Ногая. Но разве имеет значение, короток или длинен путь, для монгольского воина, родившегося в седле?

Лето в тот год выдалось знойное, дожди почти не выпадали, и потому травы на землях, через которые проходил караван Тудай-Менгу, пожелтели раньше срока.

Долина Кехреба встретила гостей прохладой и зелеными лугами. Вокруг стояли невысокие горы, покрытые лесами, и весенние воды во время разлива Узи успевали так напоить землю, что ей не страшно было самое жаркое солнце.

Благодатные земли принадлежали Ногаю, земли, не знающие зимы. Лишь в декабре здесь ненадолго выпадал снег и сразу же плавился от дыхания теплых ветров. Хорошо и привольно было здесь и людям, и скоту.

Ногай, получив в управление улус, как истинный кочевник не стал строить города. И зимой, и летом монголы жили в юртах, поставленных в том строгом порядке, какой определял обычай предков.

За два дня до того, как Тудай-Менгу должен был прибыть в ставку, Ногай выслал навстречу дорогому гостю, внуку великого Бату-хана, отряд во главе со своей младшей женой кипчачкой Гибадат-бегим. Отряд состоял из девушек и юношей на быстроногих, богато украшенных скакунах.

Тудай-Менгу поразил Ногая. Не таким привык он видеть этого горячего, всегда веселого воина, быстрого на острое слово и готового поддержать любую шутку.

Сейчас перед ним был совсем другой человек. Пожалуй, внешне он ничем не отличался от того, каким знал его Ногай, но в беспокойно бегающих глазах Тудай-Менгу появился нездоровый, тусклый свет, щеки запали, а руки беспрестанно двигались, словно что-то искали.

Ногай догадался — с Тудай-Менгу что-то случилось, но расспрашивать не стал, а велел проводить гостей в поставленные для них юрты на отдых.

Тудай-Менгу производил впечатление потерявшего разум человека. И только Кебек-тайши, сопровождавший его, открыл Ногаю страшную тайну.

Средней женой Тудай-Менгу была дочь алшин-татарского эмира Туре Кутлука, родственница старшей жены Бату-хана, знаменитой Баракши-хатун.

В свое время умная и хитрая Баракши-хатун, чтобы еще больше укрепить родственные связи с потомками Чингиз-хана, выдала ее за пятнадцатилетнего Тудай-Менгу.

Много лет подряд дочь Туре Кутлука рожала мертвых детей. Вспыльчивый, горячий в своих поступках, Тудай-Менгу грозился отправить ее к родителям, и когда он почти решился исполнить свою угрозу, она родила ему сына, похожего на него как две капли воды.

Желая, чтобы счастье не обошло его наследника, Тудай-Менгу назвал сына именем деда — Бату.

Мальчик рос веселым и здоровым. Небо наградило его смелостью и решительностью. В стрельбе из лука и в играх с саблями он легко побеждал своих сверстников и всегда и во всем был первым.

Радости Тудай-Менгу не было предела. Мечтая о том, что сын когда-нибудь повторить подвиги и дела своего прадеда, он с семилетнего возраста стал брать Бату во все походы, куда бы ни приходилось ему отправляться. И на этот раз, собираясь в улус Ногая, он взял сына с собой.

Несчастье случилось после того, как караван Тудай-Менгу переправился на плотах через многоводный Узи и устроил дневку.

— Отец,— сказал Бату,— говорят, что здесь водятся кабаны. Я никогда не видел их и хотел бы посмотреть.

— Стоит ли моему сыну делать это? — возразил Тудай-Менгу.— Ты еще мал, чтобы участвовать в охоте на этого зверя, а встречаться с ним на тропе просто так опасно. Кабан силен и легко впадает в ярость.

— Я хочу, я ничего не боюсь...— сердито хмурясь, упрямо сказал Бату.

За мальчика вступился его атабек — наставник Айджу, высокий смуглый воин — сын тангутского эмира Лу-Шидургу:

— Пусть посмотрит. Мы будем рядом с ним. Будущий воин не должен знать страха.

Тудай-Менгу долго колебался. Предчувствие беды удерживало его. Он уже ругал себя за то, что сказал сыну об опасности встречи с кабанами. Надо было придумать другую причину для отказа. Теперь же мальчик, приученный к мысли что монгол никогда не должен знать страха, все равно настоит на своем.

— Хорошо,— недовольно сказал Тудай-Менгу.— Иди.— И, обращаясь к Айджу, добавил: — Смотрите за Бату. Постарайтесь, чтобы выгнанные вами звери прошли стороной.

Атабек склонился в поклоне.

Юный Бату и сопровождающие его воины ушли к реке, туда, где поднималась темная стена густых камышей.

Прошло совсем немного времени, и вдруг дикий, необъяснимый страх охватил Тудай-Менгу. Он вскочил на коня и погнал его в ту сторону, куда ушел его сын.

Удивительная тишина стояла над безбрежными зарослями камыша. Зеленые тонкие стрекозы вились над его пушистыми метелками, и негромко тренькала какая-то птица. Не было слышно ни Бату, ни голосов ушедших с ним воинов.

Тудай-Менгу привстал не стременах, пытаясь угадать по движению камыша, где находятся ушедшие, но вдруг крик, пронзительный и отчаянный, ударил ему в уши. Он изо всех сил хлестнул камчой коня...

То, что увидел Тудай-Менгу, когда конь, раздвигая могучей грудью камыши, вынес его на небольшую поляну, леденило кровь. На истоптанной, изрытой кабаньими копытами земле лежал со вспоротым животом Бату, и над ним в угрожающей позе, со вздыбленной щетиной на загривке и с желтыми клыками, нацеленными на мальчика, стоял огромный секач.

Услышав треск ломаемых камышей, кабан резко крутнулся на месте и, наклонив тяжелую голову, бросился на всадника.

Тудай-Менгу оказался проворнее. Перегнувшись в седле, он, тяжело охнув, ударил секача саблей. Голова зверя откатилась в сторону, а могучая туша, семеня короткими ногами, еще пробежала несколько шагов и тяжело рухнула в зарослях.

Обезумев от ярости и горя, кусая в кровь губы, Тудай-Менгу продолжал кромсать саблей поверженного великана.

Он не слышал, как подбежали воины, которые должны были охранять Бату, не слышал их сбивчивых оправданий в том, что мальчик убежал от них, чтобы проверить свою храбрость.

Когда же сердце не выдержало и Тудай-Менгу стал задыхаться, он повернул свое белое, перекошенно болью и отчаянием лицо к воинам.

Атабек Айджу, увидев глаза своего повелителя, отбросил саблю в сторону и закрыл лицо ладонями.

Тудай-Менгу не стал ни о чем расспрашивать воинов. Он зарубил их здесь же, над телом сына, и ни один из них не подумал защищаться, ни один не закричал и не попросил пощады.

И никто из каравана Тудай-Менгу не посчитал их смерть несправедливой. Что из того, что мальчик убежал от них, затеяв игру, а они пошли в другую сторон, разыскивая его?

Пусть в смерти Бату виноват случай — не наткнись он на дремавшего секача, не испугай его, и зверь никогда бы не напал первым. Что из того, что тот, кто должен утонуть, сам бежит к воде? Воин, охраняющий потомка великого Чингиз-хана, обязан, если это нужно, поднять свою саблю даже против всесильного Неба.

С этого дня разум Тудай-Менгу словно погрузился в глубокий и темный колодец. Он ни с кем не разговаривал, одиноко сидел в юрте, и глаза его то затягивала мутная дремотная пелена, то они вдруг светлели, становились холодными и ясными.

На третий день юного Бату похоронили на высоком речном берегу, и караван вновь тронулся в путь, в улус Ногая.

Утром, на второй день после приезда Тудай-Менгу, Ногай, узнавший все о постигшем его несчастье, разделил с ним его печаль, сказал слова утешения.

Нойон кивнул в ответ, но душа его оставалась немой и не согрелась от услышанного. Только через неделю пришел он в себя. Но это уже был другой человек. Умер прежний — веселый и жизнерадостный — Тудай-Менгу, и родился новый — хмурый и равнодушный к миру и его радостям.

Он больше слушал Ногая, чем говорил, со всем соглашался и вскоре засобирался в обратный путь.

Щедро одарив Тудай-Менгу подарками, Ногай, чтобы хоть как-то утешить его, предложил: «Возьми любую девушку, которая тебе понравится в моем улусе».

Но Тудай-Менгу покачал головой: «Я сделаю это в следующий раз».

Ногай опечалился. Дела Тудай-Менгу были плохи. Отказываясь, он поступил так, как не поступил бы ни один монгол.

Вскоре после отъезда Тудай-Менгу к Ногаю из Золотой Орды прискакал со словами приказа сын хана — Токтай.

Великий хан хотел, чтобы Ногай был готов выступить в поход на Кайду.

Ногай с почетом встретил Токтая, щедро одарил его и прибывших с ним людей.

Почтительно выслушав гонца, он сказал:

— Передай великому хану, что я всегда готов повиноваться его слову. Но еще со времен Бату право ходить в походы на Мавераннахр и Хорасан было оставлено эмирам и нойонам тех улусов, которые ближе всего находятся к этим землям. У меня же есть другие замыслы. Если великий хан Менгу-Темир решит выступить со своими туменами против Кайду, то в дело непременно вмешается ильхан Абак. Ведь Кайду обещал выдать за его внука Газана свою дочь Кутлун-Шагу. Вот тогда я стану необходим Золотой Орде. Как только наступит зима и замерзнут реки, я со

своими туменами привычным мне путем, через Дербент и Ширван, выступлю против Абака и нанесу ему удар в спину. Если Небо поможет мне и мои воины одержат победу, разве это не охладит горячую голову Кайду и не заставит его искать мира с Ордой?

Токтая слова нойона убедили, и он согласился с мудрым Ногаем. На второй день Токтай отправился в Дешт-и-Кипчак, чтобы передать отцу все, что он услышал.

— Я не стану женой Газана,— сказал Кутлун-Шага. Губы ее тронула улыбка, а глаза смотрели на отца бесстрашно и весело.

— Почему ты так решила, моя Ангиар? — растерянно спросил Кайду. Он редко называл дочь по имени, данному ей при рождении, потому что считал, что ей больше подходит другое: Ангиар — Дар Неба.

— Газан младше меня. Да и не хочу я жить в чужой стороне. Ты же знаешь, что я привыкла быть свободной...

Кайду осуждающе покачал головой.

— К чему мне ехать в Иран, если ты, сделавшись властителем, подарил мне замечательный улус? Река Чу поит его земли. Здесь привольно скоту, а подвластные мне кипчаки выращивают сады и сеют хлеб.

— Я подарил тебе богатый улус...— согласился Кайду.— Но надо думать о дне завтрашнем. Твой брат Урус, чей тумен стоит у Тарбагатайских гор, на берегу светлого Зайсана, сообщает нам, что все чаще воины Кубылая приходят из Китая, чтобы отнимать у подвластных нам родов скот. Это делается неспроста. Кубылай готовится к войне, и выстоять против него будет нелегко. Я ведь тоже приехал к тебе не в гости, а для того, чтобы взять из твоего улуса часть войска и отдать его Урусу...

— Почему ты боишься, отец?! — глаза Кутлун-Шаги блеснули.— Разве мало мы победили врагов? И если кто-то осмелится напасть на твои владения, мы снова победим!

Кайду ничего не ответил дочери, долго молчал, потом сказал:

— Не так и далек Иран... Ты ведь знаешь, что земля, на которой родился я, во много раз дальше. Даже быстрому соколу потребуется много дней, чтобы долететь до берегов голубого Керулена... Но ведь я не побоялся уйти в чужие края и сделать их своими. Кроме того, Газан является внуком ильхана Абака, и, когда тот умрет, его место займет отец Газана — Аргун. Как скоро это произойдет — зависит от случая...

— А кто мой отец?! — вызывающе засмеялась Кутлун-Шага.— Разве не он правит всем Мавераннахром, землями Семиречья, Хорасаном и Восточным Туркестаном?!

Кайду упорно повторил:

— Именно поэтому ты должна стать женою Газана.

— Именно поэтому я не стану ею,— возразила Кутлун-Шага.— И еще я хотела тебе сказать...

Кайду вскинул голову и в упор посмотрел на дочь. Она не опустила глаз.

— Я беременна...

Эта новость была для Кайду ударом. Гнев охватил его:

— От кого?

— От эмира Абдекула...

Хан заскрипел зубами. Абдекул — уйгур, недавно прибывший из Северного Китая. Он был сыном уйгурского идикута, владел грамотой, умел разговаривать с чужестранцами, и за это Кайду приблизил его к себе.

Так вот чем отплатил хану этот человек! Шесть месяцев назад сам Кайду послал его к Кутлун-Шаге, чтобы он провел перепись людей в ее улусе и упорядочил сбор налогов.

Не знал, не ведал Кайду, чем обернется для него поездка красивого и статного уйгура.

— Годы уходят, отец...— с грустью сказала Кутлун-Шага.— До каких пор лежать мне в постели и не знать счастья материнства? Так уж случилось... Говорят, что Газан принял мусульманскую веру, а по ее законам я совершила грех: не сделавшись женой, я зачала ребенка...

Кайду опустил голову и после долгого раздумья сказал:

— А ты думаешь, что твой поступок украсит мою Орду?!

— Отдай меня Абдекулу,— решительно сказала Кутлун-Шага.— И тогда никто не посмеет злословить.

Кайду знал, что если он даже согласится с тем, о чем его просит дочь, сплетен и злословия не избежать. Любой удивится тому, что сильный и могучий Кайду отдал свою единственную дочь за сына безвестного идикута. Нет. Достойным мужем для Кутлун-Шаги мог быть только Газан. Род, из которого происходит он, правит ныне Ираном, Азербайджаном, Ираком и Румом. И быть может, очень скоро сам Газан станет ильханом.

Кутлун-Шаги назвала Абдекула эмиром. Стоит лишь Кайду пошевелить пальцем, и от него не останется даже праха.

Тяжкие думы овладели Кайду. Предстояло держать ответ перед Абаком. Как сказать ему, что дочь прижила ребенка от пришельца из Китая? В подобных случаях потомки Чингиз-хана обычно не мучились в поисках решения. Кутлун-Шага должны была умереть. А мертвых не отдают в жены, и Абаку ничего не надо объяснять. Имя хана, его род не узнает позора. Смерть всегда помогала чингизидам решать самые трудные дела. И сейчас выход был один.

Мысль о возможной смерти дочери заставила содрогнуться Кайду.

Нет! Это не должно произойти. Недаром среди всех потомков Джагатая и Угедэя он считается самым умным и хитрым. Время поможет ему, подскажет, как следует поступить, а пока...

— Хорошо,— сказал Кайду.— Я сделаю так, как хочешь ты...

Кутлун-Шага обняла отца:

— Я знала, что ты скажешь мне эти слова.

— Разве я мог поступить иначе, моя Ангиар, мой Дар Неба? — со вздохом ответил он.

— Не надо печали, отец,— лицо Кутлун-Шаги светилось радостью.— Я приготовила тебе чудесный подарок.

Кайду выжидательно посмотрел на дочь.

— Ты помнишь, как Берке-хан приказал убить десять тысяч рабов, когда они выразили непокорность?

— Да.

— И знаешь, что причиной смуты был мастер-строитель из Рума?

Кайду кивнул.

— Вместе с ромеем из Сарай-Берке бежала тогда кипчакская девушка по имени Кундуз.

Кайду наморщил лоб.

— И об этом слышал. Говорят, она была красавица?

— Да. Она хороша лицом и телом. Но самое красивое у нее — это волосы. Я никогда не видела таких... Сейчас ты увидишь это сам.

Кутлун-Шага хлопнула в ладоши. В юрту вошла служанка.

— Приведи длинноволосую женщину и ее сына.

Та молча поклонилась и, пятясь, вышла.

Кутлун-Шага повернулась к отцу:

— У женщин и цветов время отнимает красоту. Молодость Кудуз прошла, но волосы остались прежними. Наверное, из-за них мужчины всегда любили ее. Ревнуя

кипчачку к Кулагу, Тогуз-хатун отрезала ей косы, но они выросли вновь. И с Берке-ханом, наверное, произошло то же, когда она попала к нему. Но он не смог насладиться ее прелестями. В первую же ночь кипчачку выкрали беглые рабы. Помнишь, Берке велел сжечь Черный лес на берегу Итиля, где скрывался отряд беглецов? Кундуз была там, но ей удалось спастись вместе с сыном.

— Но как она попала к тебе?

— Мои воины нашли ее в караване, который шел из Золотой Орды в Алмалык. Про остальное спроси у нее сам. Я берегла ее для тебя...

Кутлун-Шага говорила все верно, но только не знала она, что семилетний Акберген не был сыном Кундуз. Мальчик был рожден Акжамал и Салимгиреем, но они в ту страшную ночь пожара на берегу Итиля приняли смерть от воинов Тудай-Менгу.

И не в Алмалык пробиралась Кундуз, а в Бухару. После того как не стало Коломона, мир словно лишился красок. Женщины, которым удалось спастись вместе с ней, вскоре разбрелись по необъятной Дешт-и-Кипчак искать свою судьбу. Кундуз же осталась жить в маленьком бедняцком ауле на берегу Жаика. Она называла Акбергена своим сыном, ходила в рваной одежде, помогала людям ухаживать за скотом, доила кобыл. Ее считали полоумной, не прогоняли, давали еду.

Но так долго продолжаться не могло. Узнавший свободу не променяет ее никогда на такую жизнь. Долгими зимними ночами, лежа в дырявой бедняцкой юрте, приютившей ее, Кундуз вспоминала прошлую жизнь, думала о будущем. Надо было, чтобы подрос, окреп, научился сидеть в седле Акберген. Да и уходить в эти годы было некуда.

В степи было спокойно. Лишь иногда доходили слухи, что где-то появился отряд разбойников-барымтачей. Они грабили всех подряд, угоняли скот и у богатых, и у бедняков. Таких Кундуз презирала.

Жадно прислушивалась она к новостям, которые порой приносили останавливающиеся на отдых в ауле дервиши.

Шли мимо караваны из далеких земель, но везде было тихо. Дрались между собой только ханы, делили, отнимали друг у друга земли. Акберген подрос и уже помогал Кундуз — пас весною ягнят.

Но однажды она услышала то, что так долго ждала. Шепотом, боясь доносов, караванщики рассказали, что в Бухаре вновь неспокойно. Появился улем Тамдам и зовет народ прогнать монголов.

Хорошо знала это имя Кундуз. Она помнила, как по ночам, подбросив в костер сучьев, рассказывал Салимгирей о бесстрашном Махмуде Тараби, о своем товарище Тамдаме, поднимавших ремесленников Бухары против монгольских владык и баскаков. Знала она и о том, как спас Салимгирей Тамдама.

Больше не было сил оставаться в ауле. И Кундуз упросила одного из караванбаши, направляющегося в Бухару, взять ее с собой.

Путь был не близкий. Начинался он в Дешт-и-Кипчак, шел через Монгольские горы, огибал Арал, и дальше тропа вела к Бухаре. Миновать долину Чу караван не мог.

Еще недавно эти земли принадлежали Золотой Орде, но сегодня ими правил Кайду. Он знал, что Менгу-Темир не смирится с потерей и рано или поздно придет сюда с войском. Опасаясь лазутчиков, Кайду велел проверять все проходящие караваны.

Караванбаши было известно, что в Бухаре неспокойно, и он решил схитрить и сказал, что идет в Алмалык.

Кутлун-Шага никогда не видела Кундуз и все же легко догадалась, кто она такая. Снова, в который раз были виноваты косы. Кундуз постоянно отрезала их, но волосы росли быстро и были, как прежде, прекрасными и густыми. Чтобы косы не мешали в пути, она обернула их вокруг талии.

Кутлун-Шага была не только воином, но и женщиной, и потому глаза ее сразу же остановились на Кундуз.

Если человек имеет что-то особое — доблесть или богатство, ум или необычайной красоты волосы,— слух об этом быстро расходится по всей степи среди кочевников.

Сидя на черном иноходце, разглядывая тех, кто толпился перед ней в ожидании решения своей участи, Кутлун-Шага внимательно рассматривала Кундуз. Лицо женщины хранило следы былой красоты, а главное — косы... Они-то и подсказали правительнице улуса, кто эта женщина...

— Развяжи косы...— властно сказала она.

Кундуз молчала.

Тогда Кутлун-Шага приказала одному из нукеров:

— Сделай это ты.

Невысокий кривоногий нукер скатился с седла и подбежал к женщине.

Едва он протянул к ней руки, как стоящий рядом Акберген кинулся на монгола. Тот легко отбросил его в сторону. Мальчик упал, но тут же вскочил на ноги. Рукояткой камчи нукер наотмашь ударил его несколько раз по голове и лицу. Кровь залила глаза Акбергена.

Метнулась к нему Кундуз, опустилась на колени, закрыла телом. А потом, глядя снизу вверх на сидящую на коне Кутлун-Шагу, крикнула:

— Останови своего пса! Я сама сделаю то, что ты хочешь!

Рывком Кундуз развязала тугие жгуты кос, и они, подобно двум черным змеям, упали на пыльную землю.

— Значит, это ты и есть та Кундуз?

— Да. Но в чем виноваты я и мой сын? Почему ты велишь поступать со мной как с рабыней? Или все оттого, что у меня длинные косы?

Кутлун-Шага усмехнулась. Она знала все, что рассказывала степная молва.

— Если бы ты была виновата только в этом...— И обращаясь к нукерам, велела: — Женщину с ребенком заберите в Орду и поручите надежным людям...— Кутлун-Шага недобрым взглядом посмотрела на караванбаши.— Кто вы такие и куда держите пусть?

— Я купец,— вкрадчиво сказал тот.— У меня есть разрешение заниматься торговлей. Об этом знает отец ваш Кайду...

— Чем подтвердишь свои слова?

Караванбаши торопливо полез за пазуху и достал шелковый платок. Руки его дрожали от волнения, и он, с трудом развязав тугой узел, достал серебряную пластинку — пайцзу.

— Эту пайцзу мне дал в свое время великий хан Угедэй...— заглядывая в глаза Кутлун-Шаге, сказал он.

Пайцзы появились еще при Чингиз-хане. Они были золотыми, серебряными, медными, чугунными, деревянными. И изображения на них были разные: оскаленная голова тигра, спокойно сидящий тигр, летящий сокол... Каждая пайцза давала своему владельцу определенные привилегии: или беспрепятственный проход через все земли, принадлежащие монголам, или право не платить налог от проданных товаров, или право первым получать сменных лошадей на ямах, через которые спешили гонцы...

Разное было значение у пайцз, и каждый монгол обязан был их знать.

— Я знаю,— снова сказал караванбаши,— моя пайцза не золотая, а всего лишь серебряная, и я готов уплатить за товары, которые везу через ваш улус.

Выражение лица Кутулн-Шаги стало не таким грозным.

— Хорошо,— сказала она.— Мои нукеры осмотрят твои товары и возьмут то, что положено взять... И тогда ты сможешь продолжить свой путь.

Кутлун-Шага круто повернула своего иноходца и поскакала в ставку. Поднимая облако пыли, последовали за ней охранявшие ее нукеры.

Через некоторое время два воина погнали по степи Кундуз и Акбергена. Солнце уже садилось за край земли, но они не спешили — ставка правительницы улуса была рядом, за близкими невысокими курганами.

Кундуз знала обычаи и законы степи, и потому ей нетрудно было предсказать свою судьбу. Ничего хорошего не предвещал новый день и встреча с Кутлун-Шагой. Можно было надеяться на чудо, но в чудеса Кундуз давно не верила. Слишком много было в ее жизни горя и слез, и слишком короткой оказывалась радость: Кутлун-Шага многое знает и обмануть ее не удастся.

Кундуз вдруг почувствовала, что устала жить. Ей было безразлично, как распорядится ее судьбой дочь Кайду. И только то, что рядом был Акберген, мальчик, которого она давно уже приняла сердцем и считала своим сыном, заставляло лихорадочно искать выход.

Унижаться, молить о пощаде бесполезно. Кундуз знала: сердце отпрысков Чингиз-хана каменеет при виде унижения, а глаза жаждут увидеть еще больше. И она решила, что уж если нет никакой надежды помочь себе и Акбергену, то хотя бы умереть надо достойно.

Утром хмурые, молчаливые нукеры повели Кундуз и Акбергена к белому двенадцатикрылому шатру. Сердце Кундуз билось так сильно, что потемнело в глазах и, когда ее втолкнули в прохладный полумрак шатра, она долго ничего не могла рассмотреть.

Наконец глаза ее снова начали видеть.

Кутлун-Шага полулежала на почетном месте — торе, застланном белым войлоком, опершись на большую пуховую подушку.

— Сядь.

Кто-то сзади дернул Кундуз за руку, и она опустилась на разостланный у входа, сплетенный из тростника коврик.

Равнодушный взгляд ее скользнул по богатому убранству шатра, по огромным, красочно расписанным орнаментом сундукам, стоящим у стен, со стопками разноцветных подушек на них. В шатре было много женщин и девушек.

Не отводя глаз от лица Кундуз, Кутлун-Шага приказала:

— Дайте им кумыса. Наверное, после вчерашнего жирного куырдака они страдают от жажды,— в голосе дочери Кайду послышалась насмешка.

Пожилая, с усталым лицом женщина, взболтав в сабе кумыс, налила деревянным черпаком две большие чаши — тостаганы и протянула их Кундуз и Акбергену.

— Спасибо, апа,— тихо сказала Кундуз. Она отпила из чаши глоток и поставила ее перед собой.

— Вижу, что жажда тебя не мучит,— Кутлун-Шага резко приподнялась и села по-мужски, поджав под себя ноги.— Теперь скажи мне, почему ты убежала от Берке-хана и не захотела стать его женой? Разве это не великая честь для любой девушки?

Кундуз вскинула голову:

— Мое сердце любило другого человека. Берке-хан разлучил меня с ним. Разве после этого я смогла бы быть его женой?

— Но ведь он хан Золотой Орды.

— Сердцу не прикажешь,— упрямо сказала Кундуз.

— Такое сердце надо вырвать и выбросить.

Кундуз усмехнулась. Надо было бы промолчать, но в душе закипал гнев, и она не смогла справиться с ним.:

— Да, я не любила хана. Но есть женщины, которые любили его. Их сердца не стали бы есть даже собаки.

Красивое лицо Кутлун-Шаги побледнело, хищно затрепетали ноздри.

— Может быть, ты скажешь мне, кто эти женщины?

— Дочь великого Кайду должна об этом знать лучше меня...

— За такие слова тебе следовало бы выколоть глаза!

Кундуз тихо засмеялась:

— Лучше прикажите отрезать мне косы, как это сделала Тогуз-хатун...

Глаза Кутлун-Шаги сузились, и в них блеснул мстительный огонек.

— Нет. Я не стану портить твои красивые волосы. Завтра приедет мой отец, и я подарю тебя ему. Если же я отрежу твои косы...

— Он все равно возьмет меня,— перебила Кундуз.— Нет такого монгола, который бы отказался даже от старухи...

— Укороти язык! — крикнула вдруг Кутлун-Шага.— Иначе я прикажу пролить твою кровь! Если бы встретилась ты мне в степи!..

— Я готова,— дерзко сказала Кундуз.— Пусть дадут мне коня и оружие.

Нукеры, женщины, девушки — все, кто был в шатре, затаили дыхание. Неслыханную дерзость позволила себе женщина-кипчачка — она вызвала ханскую дочь на поединок. Чем ответит дочь бесстрашного Кайду — сама воин, не знающий страха?

Кутлун-Шага прикрыла глаза и вдруг тихо спросила:

— Это твой ребенок?

Сердце Кундуз сжалось от недоброго предчувствия, от близкой беды.

— Да.

— У тебя же нет мужа? От кого же ты успела его родить?

— Я говорила... У меня был человек, которого я любила...

Кутлун-Шага вдруг быстро открыла глаза, на щеках ее выступили красные пятна, заметные даже сквозь бронзовый загар.

— Значит, сын тебе дорог как зеница ока... Или ты сейчас же упадешь мне в ноги и станешь просить прощения за свою дерзость, или я прикажу моим нукерам зарезать его у тебя на глазах!

Кто-то тихо охнул, и в шатре наступила звенящая тишина. Кутлун-Шага ждала ответа.

С поразительной ясностью Кундуз вдруг поняла, что дочь Кайду выполнит свою угрозу. Сама она не боялась смерти, но Акберген должен был жить. Тяжкая доля выпала ему с самого первого дня рождения, но у Кундуз было сердце женщины, и она хотела и верила, что когда-нибудь к мальчику придет счастье.

— Ты слишком долго думаешь! — шепотом сказала Кутлун-Шага. Она подалась всем телом вперед, похожая на змею, готовую к нападению.

Кундуз тихо, в голос, заплакала. Она прижала тело мальчика к своему и вдруг поняла, что не сможет его защитить ничем, кроме унижения.

— Пусть бог заставит тебя однажды заплакать так, как плачу я...— сквозь рыдания сказала Кундуз.

— Кутлун-Шага вскочила с тора.

— В ноги! В ноги! — задыхаясь от ярости, закричала она, подбежав к Кундуз.

— Целуй же сапоги великой Кутлун-Шаги...— шептала едва слышно пожилая женщина, наливавшая им кумыс.— Целуй!.. И она простит тебя, твой сын будет жить!..

— Не надо, мама, не надо! — крикнул вдруг Акберген.— Пусть лучше я умру!..

Шепот, похожий на порыв ветра, пронесся среди тех, кто был в шатре.

Кутлун-Шага словно пришла в себя, пелена ярости упала с глаз, и она с интересом и удивлением посмотрела на мальчика:

— Так вот ты какой... волчонок!

Кайду и Кутлун-Шага ждали, когда нукеры приведут Кундуз и Акбергена.

— Я отдаю ее тебе, отец,— сказала Кутлун-Шага.— Мальчишку же я оставлю себе...

— Ты у меня мудрая, дочь,— улыбнулся Кайду.— Из такого волчонка может вырасти хороший воин, если приучить его брать мясо из рук...

Занавес, закрывающий вход в шатер, отодвинулся, и вбежавший в него нукер упал на колени, пополз к почетному месту, где сидели отец и дочь.

— Беда!.. Пленники исчезли! Нукер, который их охранял, лежит в юрте с перерезанным горлом!

Глаза Кутлун-Шаги расширились.

— В погоню! Догнать беглецов! Живые или мертвые они должны быть у моих ног.

Через два дня отряды, посланные в степь, во все четыре стороны света, вернулись ни с чем.

Кундуз и Акберген исчезли, словно маленькие камешки, брошенные в глубокий, черный колодец.

В год овцы (1271), когда умер Барак, города Мавераннахра переживали трудное время. Разоренные бесконечными войнами между ханами, измученные поборами и постоянным страхом быть убитыми, потерять семью, лишиться крова, жители больших и малых городов роптали.

Когда до ремесленников Бухары и Самарканда дошла весть, что Барак умер и отныне все его земли перешли во владение Кайду, они, ожидая новой резни, начали укреплять свои города и готовиться к отпору.

Но Кайду явил великую милость. Он не стал проливать кровь своих новых подданных, и это вселило в людей надежду. Вспыхнувшая было искра отчаяния, которая могла бы воспламенить человеческую ярость, вдруг потухла. На смену безысходности пришла пусть небольшая и робкая, но надежда.

Именно в этот момент в Бухаре вновь появился Тамдам. Он и его последователи говорили людям, что надежды их напрасны, что не бывает добрых владык, что все останется по-прежнему: и грабежи, и поборы, и кровь.

Шло время, и все оказалось так, как предсказывал улем Тамдам. Все больше появлялось его сторонников в Бухаре, Самарканде, Ходженте и в других городах. Снова забродил Мавераннахр, вновь поползли слухи по пыльным базарным площадям, будоража людей.

С большим трудом добрались Кундуз и Акберген до Бухары. Долгим, полным опасностей был этот путь. И только здесь, среди друзей Тамдама, почувствовала наконец-то Кундуз себя счастливой.

Захватив долину реки Чу, принадлежащую Золотой Орде, Кайду ждал, чем ответит Менгу-Темир. Но хан молчал и не делал никаких попыток вернуть утраченные земли.

Ободренный этим ильхан Абак сделал попытку выйти к Северному Кавказу и отобрать его у Золотой Орды. Здесь произошло несколько небольших сражений, не принесших успеха ни одной из сторон.

Только внешним было спокойствие Менгу-Темира. Еще сильнее окреп за это время Ногай, и именно это тревожило хана Золотой Орды. Ни у кого не спрашивая позволения, Ногай все чаще вел самостоятельные переговоры с пограничными ему государствами и народами.

Больше чем Кайду и Абака, боялся Менгу-Темир усиления влияния Ногая на другие улусы.

Тревожно было и в орусутских землях. Приходилось часто посылать туда отряды для усмирения непокорных то в одном, то в другом месте.

По-прежнему ссорились князья и, желая унизить друг друга, искали помощи у Золотой Орды, просили войска, чтобы свести счеты за давние и новые обиды.

Менгу-Темир не отказывал просящим. И когда княживший в Новгороде Василий Ярославич задумал идти на Литву, дал ему два тумена войска под предводительством нойонов Турайтемира и Алтына.

Тяжко пришлось не только Литве, но и орусутским землям, через которые шли монголы. Снова черные тучи дыма поднялись над городами и погостами, снова крик и плач стояли над вытоптанными полями.

В год змеи (1281) у Менгу-Темир опухло горло. Поначалу он не придал этому значения. Но скоро всем стало ясно, что за ханом Золотой Орды пришла смерть. И случилось то, что должно было случиться. Осенью, когда над Дешт-и-Кипчак опустилось тяжелое, похожее на серую кошму небо и начались нескончаемые обложные дожди, его не стало.

Стараниями Ногая новым ханом Золотой Орды был объявлен Тудай-Менгу. Никто не посмел перечить старому нойону, единственному оставшемуся в живых правнуку Джучи, за спиной которого было сильное войско.

Начиная с Бату-хана и до смерти Менгу-Темира почти сорок лет стояла непоколебимо Золотая Орда, и ни разу не содрогнулась она от внутренней междоусобицы, никто в открытую не желал поднять руку на хана или выразить ему непокорность.

Не знал, не ведал мудрый Ногай, повелев поднять на белой кошме Тудай-Менгу, что отныне иная судьба предопределена Золотой Орде. До последнего ее дня, сколько будет стоять она, не утихнет борьба между потомками великого Чингиз-хана за ее золотой трон. И главным их оружием станут безжалостная резня, тайные убийства и яд...

Тудай-Менгу сел на трон Золотой Орды в год лошади (1282). Семь дней длился праздничный той. Рекой лился кумыс, и каждый, кто присутствовал на тое, ел мяса столько, сколько мог съесть.

Подобно птицам носились над степью родовые кличи монголов и кипчаков, бешеную дробь выбивали копыта скакунов, участвовавших в байге...

На восьмой день чингизиды, эмиры и нойоны собрались в шатре, чтобы услышать первое слово нового хана.

Коротким и невнятным было оно, и каждый мог истолковать его так, как хотел.

Хмурясь, глядя исподлобья на собравшихся, Тудай-Менгу сказал:

— Вы хорошо сделали, что подняли меня на белой кошме. Слишком много развелось кабанов, но теперь им не будет пощады.

Больше ничего не открыл собравшимся великий хан, и все разъехались по своим улусам и аймакам, решив, что под «кабанами» Тудай-Менгу имеет в виду врагов Золотой Орды и что правление его будет твердым и тот, кто посягнет на ее интересы, будет растоптан.

Через полгода хан принял мусульманство и разослал гонцов во все концы Орды с приказом, чтобы в ставку к нему собрались эмиры, нойоны и потомки рода Чингиз-хана.

Не приехал только Ногай.

— Станем ли ждать его? — спросил кто-то из нойонов.

Тудай-Менгу был хмур, лицо его осунулось, глаза лихорадочно блестели.

— А разве он еще жив? — губы хана растянулись в подобии улыбки, обнажив крупные желтые зубы.

Едва ли простил бы ему подобные слова старый Ногай, если бы приехал по зову Тудай-Менгу.

— Слушайте меня,— приказал он.— Я собрал вас для того, чтобы сказать о том, что приближается долгожданное время. Весной следующего года, ко времени, когда свиньи, живущие в камышах, принесут потомство, каждый из вас должен прибыть в мою ставку с пятитысячным войском.

— Скажи, великий хан, что ты задумал? Против кого предстоит нам обнажить свои мечи?

Тудай-Менгу с подозрением посмотрел на спрашивающего.

— Об этом знаю только я,— лицо его окаменело, и никто не решился повторить вопроса.

Гадали, спорили между собой те, кому предстояло весной исполнить ханский приказ. Что задумал Тудай-Менгу? Может быть, опять в поход в орусутские земли?

Предполагать такое мог всякий, потому что в орусутских княжествах происходило удивительное.

Накануне смерти Менгу-Темира переяславльский князь Дмитрий Александрович, выпросив у Золотой Орды войско, вместе со своею дружиной разорил городецкого князя Андрея Александровича.

Князь Андрей, явившись к новому хану, пожаловался Тудай-Менгу на своего обидчика и, получив от него несколько тысяч монгольских воинов, в свою очередь пожег города и погосты князя Дмитрия.

Весть о том, что хан оскорбил его, быстро дошла до Ногая. Простить подобное старый чингизид не мог и потому сразу же отправился в ставку Золотой Орды.

Хитер был Ногай и не хотел, чтобы кто-то увидел, что в душе его бушует ярость. Потому, сохраняя бесстрастное выражение лица, он спросил Тудай-Менгу:

— Зачем ты назначил на весну сбор войска?

— Буду убивать кабанов,— растягивая лицо в улыбке и бессмысленно глядя перед собой, сказал хан.— Они нечистые твари. Пророк Мухаммед запретил есть их мясо. Чтобы убивать их, я стал мусульманином...

Пораженный услышанным, Ногай молчал, а Тудай-Менгу продолжал объяснять:

— Я говорю о мерзких тварях, которые живут в камышах Итиля, Тана и Узи...— Он приблизил свое лицо к лицу Ногая и спросил заговорщицки: — Как ты думаешь, хватит у Золотой Орды войска, чтобы перебить их всех до единого?

Бесстрашный Ногай, не раз смотревший смерти в лицо, медленно пятился из шатра Тудай-Менгу.

— Бату-у-у! Бату-у-у! — вдруг застонал хан, и лицо его исказила гримаса боли.— Проклятые кабаны!.. Они убили моего сына!.. О Бату!..

Великий хан Золотой Орды Тудай-Менгу потерял разум. Это было теперь ясно всем. И сразу же кончился мир среди потомков великого Чингиз-хана.

Ногай захотел сделть ханом среднего сына Менгу-Темира — Токтая, но другие чингизиды воспротивились желанию нойона и приняли сторону сына Тудай-Менгу — Тули-Буги.

Зная, что в открытой борьбе добиться своего будет трудно, Ногай сделал вид, что подчинился воле большинства. Ему было все равно, кто станет ханом, но новый хан должен всегда помнить, кому он обязан своим возвышением, и быть послушным. Именно таким виделся Ногаю Токтай.

Нет, Ногай не смирился с поражением. Он просто решил дождаться удобного случая, а средства, которыми он добьется своего, не имели значения. Нужна будет кровь — она прольется.

Став ханом, Тули-Буги, не забыл, что Ногай ему враг. Тихая, невидимая постороннему глазу борьба началась между ними. Нужен был только случай, чтобы тайное стало явным. И он нашелся.

Еще в те времена, когда Тудай-Менгу был в здравом уме, по просьбе Ногая он назначил в орусутский город Курск баскаком монгола Ахмета.

Страшнее волка был этот человек. Ни жалости, ни сострадания не знало его сердце. Он собрал вокруг себя беглых татей из разных княжеств, барымтачей-кипчаков, убежавших из Золотой Орды. Им он поручал собирать подати и налоги. И

они служили Ахмету преданно. Не было от этого отряда пощады ни простому смерду, ни боярину, ни княжескому дружиннику.

Курский князь Олег и липецкий Святослав били челом хану Золотой Орды Тули-Буги и просили защитить их от Ахметкиного насилия.

В другое бы время хан не стал слушать князей и велел прогнать их, но баскак был человеком Ногая, и появилась возможность показать правнуку Джучи, кто настоящий хозяин Орды.

Тули-Буги дал князьям войско и разрешил перебить воров, собравшихся вокруг Ахмета.

Дважды князья громили баскака, и тот вынужден был убежать в улус Ногая.

Повод для открытой вражды был дан. Пять тысяч воинов под предводительством своих сыновей Кете и Жокте послал Ногай на непокорных князей.

Не вступив в битву, Олег бежал в Орду к Тули-Буги, а Святослав укрылся в воронежских лесах.

Двадцать дней грабили курскую землю отряды Ногая и многих людей лишили жизни, а многих увели в полон. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Небо было милостиво к Ногаю. За два года он уничтожил всех своих противников. Не стало братьев Токтая: Алгуя, Мулакая, Тогарши, Кадана, Кудыкана. Только Алгуй и хан Тули-Буги нашли свою смерть в битве. Остальные же умерли по-разному: кто случайно упал с коня на охоте, кто, выпив кумыса, отошел в иной мир от болей в желудке, а кто был зарезан в собственной постели.

Под радостные крики на белой кошме был поднят ханом Золотой Орды Токтай.

Кайду видел, как приходят в упадок некогда богатые и цветущие города Мавераннахра. Пустели мастерские, ремесленники уходили бродить по свету в поисках места, где бы можно было хоть как-то прокормиться, зарастали бурьяном поля, высыхали арыки. Пустела земля.

Не человеческие жизни и судьбы волновали Кайду, а то, что все меньше поступало в его казну доходов. Времена Чингиз-хана прошли, и по-иному надо было управлять покоренными народами. Нищее государство — нищий хан. Кто станет бояться его, кто будет повиноваться его слову?

Чтобы хоть как-то поправить положение, после долгих раздумий и сомнений Кайду назначил эмиром Мавераннахра сына убитого им Барака — Тубу.

Хан не ошибся. Тубу оказался удачливым военоначальником. И мудрым правителем. Он прогнал со службы мздоимцев, упорядочил налоги, поощрял ремесленников и торговцев, запретил грабить дехкан.

Не прошло и десяти лет, как дела в Мавераннахре пошли на лад, увеличились ханские доходы.

Тубу занимался не только реформами, но и вел постоянные войны с Китаем и Синей Ордой.

Синяя Орда считалась самостоятельной, но на самом деле зависела от Золотой Орды. Управлял ею Баян, отцом которого был Токай-Темир — средний сын Джучи. Правление его было спокойным, пока ханом не захотел стать троюродный брат Куйрчук. С помощью Кайду и Тубу он разбил войско Баяна и заставил того бедать в кипчакские степи.

Свергнутый хан обратился за помощью в Золотую Орду. Токтай был занят собственными делами, но все-таки дал ему войско.

Теперь наступила очередь бежать Куйрчуку. Он укрылся в Орде Кайду. На требование Токтая выдать самозванца хан Кайду ответил отказом.

Баян-хан начал искать себе надежного союзника. В год лошади, после смерти Кубылая, он отправил к новому императору Китая Темиру послов с предложением дружбы. Но только через шесть лет Темир смог послать ему большое войско. В год

коровы (1301) произошло большое сражение, в котором Кайду был убит, а Тубу тяжело ранен.

Большие перемены произошли и в ильханстве Кулагу. Умер Абак, и на трон взошел его внук Газан.

Тревожно начинался для империи Чингиз-хана четырнадцатый век. Ушли из жизни самые доблестные из его потомков: Бату, Менгу, Кубылай, Кулагу, Орду, Кайду. Раскололось государство, созданное Потрясателем вселенной, на четыре громадные глыбы: Золотую Орду, Китайскую империю, ильханство Кулагу и Среднюю Азию. Последним из живущих на земле его потомков, помнящих великого Чингиз-хана, оставался семидесятивосьмилетний Ногай.

Токтай предал Ногая. Укрепившись в Золотой Орде, он отказался повиноваться старшему чингизиду, который возвел его на трон.

И тогда, впервые за свою долгую жизнь, Ногай захотел сам стать ханом. Теперь, когда он оставался единственным из прямых потомков Чингиз-хана, Ногай имел на это право.

Старый чингизид торопился. Слишком мало осталось у него времени, чтобы поступать так, как он привык,— выжидать и исподволь убирать врагов.

Словно прорвалась копившаяся в нем десятилетиями ярость. Ногай стал готовить свои тумены к открытой войне. Первое, что он сделал,— это разграбил Крым, которым в это время управлял брат Токтая — Ток-Буги.

Но и Токтай понимал, что схватка будет решающей и проигравший не сможет рассчитывать на пощаду.

Первое сражение произошло в год мыши (1300) на берегу Тана. Ногай разбил своего врага, и это окрылило его. Он знал — это еще не окончательная победа, но первый шаг к трону Золотой Орды был сделан.

Только через год, на исходе лета, когда в степях пожухла трава и птицы готовились к отлету в земли, где царствует вечное лето, встретились они вновь на берегах Тана.

В час, когда в той стороне, где лежала земля их предков, взошло кроваво-красное солнце, сошлись в последней битве тумены Ногая и Токтая. Даже великому Чингиз-хану не довелось видеть такого сражения, такого количества воинов. От края до края степь была покрыта всадниками. Ржали обезумевшие кони, звенели сабли, высекая искры, и вороны, предвестники беды, ослепшие от пыли, поднявшейся до самого неба, падали на землю в лужи крови. Стонов и криков раненых не было слышно. Семь дней длилось сражение.

По утверждению мусульманской летописи, в этом сражении со стороны Токтая участвовали шестьсот тысяч воинов. Сторонников Ногая было триста пятьдесят тысяч.

Токтай, вернувшийся в Орду, словно стремясь скорее забыть кровавые картины недавней битвы, устроил большой той.

И случилось все так, как должно было случиться: первым пришел самый быстрый скакун, самый сильный борец победил всех своих соперников, а самый меткий острием стрелы оборвал нить, к которой была привязана на вершине столба серебряная пластинка.

Когда, казалось бы, закончились все состязания, наступило время самого главного, ради которого тысячи людей с горящими от возбуждения глазами собрались на ближайших холмах.

С незапамятных времен, с времен, когда кипчаки еще не знали о существовании монголов и не молились аллаху, обращая свои лица в сторону священного камня Каабы, а каждый род имел своих богов и поклонялся только им, существовал обычай устраивать соревнования между самыми красивыми девушками Дешт-и-Кипчак.

Не всякая красавица могла принять участие в них. Совет старейших каждого рода отбирал самых ловких и самых смелых. В день, когда назначался праздничный той, со всей степи, из самых отдаленных ее уголков, съезжались люди, чтобы увидеть это зрелище.

В большой круг, образованный собравшимися, одна за другой выходили раздетые донага девушки. Три задания предстояло им выполнить, и за это они получали право просить у народа и хана исполнения трех своих желаний. По степным обычаям, какими бы трудными эти желания ни были, правитель обязан был их выполнить.

Когда закончились все приготовления и собравшиеся со всей Дешт-и-Кипчак люди замерли на склонах холмов в ожидании зрелища, из своего шатра вышел хан Токтай и величественно сел на походный трон, украшенный слоновой костью, золотом и другими камнями. У подножья трона, на возвышении, сели три главных судьи: девяностолетний тубе-бий — старший судья, семидесятилетний субе-бий — средний судья и сорокалетний бала-бий — младший судья.

Хан махнул рукой, разрешая начать состязание.

Из специально поставленной юрты одна за другой стали выходить на круг обнаженные девушки. Длинноногие, стройные, белотелые, с тяжелыми черными косами, они были одна краше другой. Собравшиеся, покоренные их красотой, словно лишились дара речи. Сделалось так тихо, что стало слышно, как в высоком небе поет жаворонок.

Все девушки действительно были прекрасны, но и среди роз бывает такая, которая не знает себе равных. Так случилось и здесь. Невольно взоры людей остановились на одной из красавиц. И если бы не длинные, ниспадающие почти до земли черные косы, девушку можно было бы принять за белую чайку. Она шла по кругу, и обнаженное ее тело, казалось, излучало неземной свет, звало к наслаждению. И только в бездонных, больших глазах девушки тихим светом мерцала печаль, и, чтобы скрыть ее, она часто опускала длинные черные ресницы.

Нелегкие задания придумали на этот раз судьи. Девушкам предстояло зубами отвязать привязанного к вбитому в землю колу тонким волосяным арканом скакуна, попасть из лука в подброшенную к небу тюбетейку с вложенным в нее камнем, а затем как можно больше, не держась руками, усидеть на спине неоседланного скакуна, которого гонял на длинном аркане по кругу джигит.

Победительницей становилась та из девушек, которая справится со всеми заданиями.

С первого мгновения симпатии всех собравшихся оказались на стороне девушки, похожей на чайку. Степь ревела тысячами голосов, радуясь каждому ее успеху. Сам хан Токтай не мог оторвать от красавицы взгляда. Подавшись всем телом вперед, он горящими глазами следил за ней.

Никто в эту минуту не знал и не думал, кто она — эта девушка, из какого рода и как ее зовут. Красота обнаженного тела отняла у людей разум. Стон стоял над степью.

А девушку, похожую на чайку, звали Инкар-Айым, и была она младшей дочерью Ногая. После победы Токтая попала она в полон к одному из кипчакских родов и жила там на положении рабыни.

Одна из всех справилась со всеми тремя заданиями Инкар-Айым, и, когда главный распорядитель праздника подвел ее к хану, тот нетерпеливо спросил:

— Скажи, красавица, какие три твои желания должен я исполнить?

Девушка вскинула голову и без страха посмотрела на Токтая. Столпившиеся вокруг люди замерли, ожидая, что скажет она.

— Первое мое желание...— губы Инкар-Айым тронула лукавая улыбка,— пусть хан Токтай возьмет меня в жены.

Вздох удивления пронесся над степью.

Хан облизнул пересохшие от волнения губы и, скрывая охватившее его ликование, сказал;

— Пусть будет так. Я не могу нарушить святую традицию предков. Каково же будет твое второе желание?

— Скажи мне, светлейшие хан, может ли человек лечь в постель своей жены, если руки его обагрены кровью ее отца?

— Нет,— твердо сказал хан.

— Тогда пусть хан — победитель, мой муж,— подарит мне жизнь моего отца... Ногая, если, конечно, его еще не настигла вражеская стрела.

Молчал народ, ожидая, что скажет хан. Токтай обвел собравшихся глазами.

— Пусть будет так,— громко сказал он.— Теперь скажи мне твое третье желание.

— У меня больше нет желаний! — сказала Инкар-Айым.

В этот же день хан выполнил первое желание красавицы — она стала его женой. Второму же желанию Инкар-Айым не суждено было осуществиться. Судьба Ногая шла своею тропой.

Через годы, после смерти Токтая, Инкар-Айым, согласно степным обычаям, стала женой его младшего брата Тогырылши. От него она родила, вскормила своей грудью знаменитого золотоордынского хана Узбека.

Впервые за долгую жизнь Небо отвернулось от Ногая, и бог войны Сульдэ не захотел помочь ему. С семнадцатью воинами бежал он в земли башкир.

Если отворачивается счастье, то оно отворачивается много раз подряд. На второй день, когда отряд Ногая переправился через Итиль, на него случайно наткнулась орусутская дружина, принимавшая участие в сражении на стороне Золотой Орды и теперь возвращавшаяся в свои земли.

Короткой была сеча. Покатилась под копыта коней седая голова доблестного Ногая — последнего настоящего монгола, пришедшего в эти земли по велению самого Чингиз-хана.

Ничто теперь не мешало Токтаю править Золотой Ордой. И, как подобает могучему и мудрому хану, он по своему усмотрению разделил все земли на улусы и раздал их тем, кто помог ему победить.

Через одиннадцать лет, когда в год свиньи (1312) хан Токтай ушел из жизни, над Золотой Ордой стояло золотое солнце, обещая ей долгое могущество и славу. Но уже за плоским степным горизонтом собирались черные тучи и неслышные стрелы молний вонзались в них, обещая грозу и бурю.

Книга вторая

Шесть голов Айдахара

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Огромная туча, похожая на черного дракона с распростертыми в полнеба крыльями, стремительно поднималась над горизонтом. Остановилось солнце, охваченное ужасом, умолкли птицы, поникли, повяли цветы и травы, и тугой порыв ветра со зловещим шорохом прокатился по степи от края до края.

По озеру, сделавшемуся похожим на тусклый слиток серебра, побежала мелкая рябь. Туча-дракон ударилась грудью о золотой диск солнца и заворочалась, заклубилась сизым дымным туманом. В глубоких степных балках протяжно, со всхлипами завыли волки.

От поверхности озера поднялся к небу гудящий, раскачивающийся смерч, раздвинулась тусклая вода, и Узбек-хан вдруг увидел себя и услышал свой голос.

Держа перед лицом раскрытые ладони, он негромко читал молитву. Рядом с ним, по правую руку, на почетном месте — торе сидел новый хан Золотой Орды, сын недавно умершего Токтая — Елбасмыш, дальше — эмир Кутлук Темир, а чуть ниже его — главный визирь хана Кадак.

Великое горе привело Узбека и его родственника Кутлук Темира в Орду из далекого Ургенча. В год свиньи (1311) ушел из жизни хан Токтай, и, по древнему обычаю, должны были они приехать хоть на край земли, чтобы сказать близким покойного слова утешения.

И когда Узбек произнес последнее слово молитвы и все должны были сказать «аминь», Кутлук Темир вдруг сделал резкое движение. Послышался пронзительный короткий свист, словно через прохладный полумрак юрты пронесся стремительный стриж, и голова визиря Кадака упала на красный персидский ковер.

Узбек увидел ее совсем рядом — расширенные слезящиеся глаза визиря и щевелящиеся старческие губы, словно пытающиеся что-то сказать. Рука Узбека метнулась к левому бедру, к кривой кипчакской сабле. Елбасмыш отшатнулся от него, но было поздно. Сверкнуло тонкое стальное лезвие, и голова хана покатилась по ковру.

Узбек вскочил на ноги и, не владея собой, оскалив зубы, нанес еще несколько ударов по обезглавленному, корчащемуся телу Елбасмыша. Безумными глазами обвел он юрту. Белый войлок ее стен был забрызган кровью. Узбек посмотрел на Кутлук Темира. Эмир очень спокойно вытер саблю голубым шелковым платком и вложил ее в ножны.

Узбеку показалось: чьи-то липкие сильные ладони вдруг сжали ему горло, и он рванулся всем телом, пытаясь освободиться от них. Рот его открылся в крике, но из горла вырвался только страшный, сдавленный хрип.

От этого хрипа хан и проснулся. Глаза его лихорадочно шарили вокруг, пытаясь увидеть врага. Тело тряслось, а рука искала кинжал, спрятанный под ковром у изголовья. Но в юрте никого не было. В тонких, как стрелы, лучиках солнца, падающих сквозь отверстие в своде юрты, клубились золотистые пылин-

ки, и слышно было, как за тонкими стенами перемещались туленгиты, охраняющие покой великого хана Золотой Орды.

Узбек вытер выступивший на лбу пот, шепотом прочитал молитву и провел по лицу сложенными ладонями.

Проклятый сон. Больше десяти лет прошло с того страшного дня. Сколько же еще нужно времени, чтобы забылись те давние события? Бураны заметали Дешт-и-Кипчак, яростное солнце сжигало в ней траву дотла, а память по-прежнему хранит все четко и ясно, словно над нею не властно время, словно все это произошло вчера.

Зачем тогда кромсал он саблей обезглавленное тело? Ведь Елбасмыш был мертв. Тем более что врагами они никогда не были. Если бы не ханский трон! Если бы!..Что делить двоюродным братьям, которые знали и любили друг друга с детства? Но пришла пора, и встал между ними трон Золотой Орды. А оба они были чингизидами, и самой судьбой им предначерталось провести свою жизнь в войнах и распрях, в подозрительности и вражде.

Ни разу за все время, что прошло с тех пор, как он коварно убил Елбасмыша, Узбек не пожалел о случившемся. Он хотел этого и знал, что делал. Его беспокоило другое. Он не мог объяснить, откуда у него тогда появился страх и почему он поднял руку на мертвого хана.

Узбек хотел прогнать воспоминания, но возбужденный недавним сном мозг не подчинялся его воле. Словно ковыльные волны под ветром, потекло время вспять, и перед глазами встало давнее, навсегда врезавшееся в память. Это было детство, когда небо, земля и люди казались большими...

Однажды ранней весной аулы среднего сына Менгу-Темира — Токтая и самого младшего — Тогырылши, выбирая место для летовки, встретились на берегу могучего Итиля. Тогда Токтай еще не был ханом, и никто не знал, что предначертано ему судьбой, и оттого между братьями и принадлежащими им аулами царил мир и солнце светило для них одинаково ласково. Узбек и Елбасмыш были ровесниками — им исполнилось по шесть лет. Целые дни проводили они вместе: устраивали скачки на стригунках, ловили силками птиц. Они мечтали быть воинами, такими же смелыми и беспощадными, каким был их великий предок Чингиз-хан, поэтому все, что попадалось в их силки, они предавали смерти. И каждый стремился показать другому свое бесстрашие. Однажды их добычей стал обыкновенный воробей. Узбек подбежал к нему первым и, испустив торжествующий вопль, оторвал птице голову, потом подбросил окровавленный комочек перьев вверх.

Случилось чудо — безголовый воробей вдруг быстро-быстро замахал крыльями и полетел над степью. Изумленные, они смотрели ему вслед, пока воробей не исчез в зарослях чия. Узбек и Елбасмыш долго искали птицу, но так и не нашли ее.

Увиденное потрясло обоих. Что-то загадочное было в случившемся. Куда делась птица? Почему, если ей было предначертано умереть, она продолжала жить, даже когда ее лишили головы?

Через охвативший юного Узбека страх просочилась вдруг тогда еще непонятная до конца мысль, что врага надо добивать и не верить в его смерть до тех пор, пока тело его не изрублено на куски. Наверное, именно это далекое и почти забытое, сидящее где-то глубоко в мозгу воспоминание заставило Узбека продолжать рубить бездыханного Елбасмыша.

Узбек-хан верил в судьбу и потому не мучился сомнениями. Если бы Небу было угодно, то сабля выпала бы из его рук, когда он поднял ее на двоюродного брата, и Елбасмыш продолжал бы счастливо править Ордой. Все в руках аллаха. Только его волей определяются пути каждого из живущих на земле. Зачем тревожить свою совесть и искать оправдания, если все было заранее предначертано?

Успокоение снизошло на Узбек-хана. Судьба! Кто смеет ей противиться? Разве не ею было уготовано воину Карабаю то, что с ним случилось?

Давно это произошло. Узбек уже стал юношей и, как положено чингизиду, принимал участие в походах и сражениях. Бесстрашные тумены Ногая осадили одну из кавказских крепостей. Защищали ее воины ильхана Газана. Крепость стояла на крутом склоне горы, и войскам Золотой Орды пришлось нелегко. Из-за высоких стен в нападающих летели огромные камни, которые бросали защитники с помощью китайских метательных машин.

Воины отыскали на склоне горы пещеру, и Узбек вместе с сопровождающими его туленгитами укрылся в ней, чтобы немного передохнуть. Пещера была просторной, высокой, и отверстие в своде делало ее похожей на юрту. Туленгиты развели костер, чтобы сварить мясо, Узбек прилег на разостланной у стены кошме. Сюда, под землю, звуки сражения долетали слабо. Слышен был лишь слитный гул голосов многотысячного войска, штурмующего крепость, да изредка вздрагивала земля, когда рядом с пещерой падал большой камень.

Вдруг что-то круглое и черное влетело в отверстие в своде пещеры, ударилось об пол и, покатившись по нему, выкатилось наружу. Узбек привстал и увидел, что это человеческая голова. Один из туленгитов вышел из пещеры, чтобы рассмотреть ее поближе. Вскоре он вернулся.

— Это голова чернобородого Карабая,— сказал туленгит.— Видно, камень, брошенный китайской машиной, перебил ему шею, и голова через отверстие упала к нам...

— Я знаю Карабая,— сказал Узбек.— Это был смелый воин. Мир его душе.

Туленгиты согласно закивали. Многие из них тоже знали погибшего воина.

Свод пещеры задрожал, на сидящих посыпались мелкие камешки. Узбек поднялся с пола, собираясь выйти из пещеры, чтобы узнать, что происходит у стен крепости. Ему оставалось сделать один шаг, и тут огромный камень упал у входа в пещеру точно на то место, где лежала голова несчастного Карабая.

Удивление, страх отразились на лицах туленгитов. Такого им не доводилось видеть. Дважды смерть нашла одного и того же человека. «Только судьба могла так распорядиться»,— с суеверным страхом подумал Узбек. Не был ли он сам орудием судьбы, когда задумал убить Елбасмыша? И коль получилось так, как он захотел, не само ли Небо покровительствовало ему? Да, только судьба выбирает, кому сидеть на троне Золотой Орды. Все, все предопределено!

Мысли Узбек-хана вернулись к тем дням, когда он решился на убийство двоюродного брата.

Елбасмыша сделал ханом визирь Кадак. Оставалось справить поминки по Токтаю, и можно было собирать курултай, который бы подтвердил, что все совершено согласно Яссе великого Чингиз-хана. А что значит курултай для человека, который уже сидит на золотом троне? Кто посмеет возразить? И друзья, и враги будут дружно бросать в небо борики и кричать славу новому хану, потому что каждый, кто решится поступить иначе, не доживет даже до рождения нового месяца. Руки хана длинны, и у него всегда найдутся те, кто рад будет выполнить его волю. Непокорного или просто недовольного удавят, или он упадет на охоте с коня, и его найдут в степи со сломанным позвоночником. Так решают чингизиды свои споры.

И Узбек не выказал тогда недовольства. Глубоко упрятав зависть к двоюродному брату, он вместе с преданным ему Кутлук Темиром и с большим отрядом воинов приехал в Орду, чтобы выразить соболезнование новому хану. Так принято в степи, и только в одном поступил по-иному Узбек — он не повел отряд в Орду, а велел ему до поры укрыться в оврагах близ ставки. А когда совершилось то, ради чего приехали Узбек и Кутлук Темир, когда головы Елбасмыша и Кадака упали к их ногам, вот тогда-то преданные воины окружили Орду. Через

три недели все эмиры, беки и нойоны выразили покорность новому хану и подняли его на белой кошме, как велел обычай.

И потекло время, как воды великого Итиля, то бурно и стремительно, то величаво и спокойно.

Через семь лет, после того как Узбек сел на трон Золотой Орды, в год лошади (1318), он совершил свой первый поход в Иран. Не спеша, тщательно готовился хан к нему. И оттого движение его туменов было похоже на стремительный, все сметающий на своем пути бурный поток. Каждый всадник имел по два заводных коня. Воины, закаленные на долгих облавных охотах, не знали усталости. Они пересаживались с одной лошади на другую, покрывали за день огромные расстояния. Многие носили кольчуги и железные шлемы, а кони беков, эмиров и нойонов были украшены серебром.

И впереди этого войска, под белым знаменем Золотой Орды, ехал он, Узбек-хан. Легко и радостно он чувствовал себя, сидя на гнедом густогривом иноходце. Кровь кипела в молодом стройном теле, и горбоносое сухое лицо было красивым и строгим.

Стремительно было движение туменов Узбека. Вскоре далеко позади остались желтые просторы Дешт-и-Кипчак, и, миновав широкий и тихий Тан, они вышли к Дербенту.

Железные Ворота гостеприимно распахнулись перед ханом. Местная мусульманская знать не оказала сопротивления единоверцу. Узбек-хана ждали, и потому появление золотоордынского войска явилось полной неожиданностью для эмира Тарамтаза, поставленного ильханом защищать рубежи государства.

Словно бешеный поток хлынули тумены Узбека через Железные Ворота на равнину Ширвана, сметая на своем пути немногочисленные отряды врага. Небо покровительствовало хану в первом походе, и удача его не оставляла. Через несколько дней белое знамя Орды уже развевалось на берегу Куры, и воины, довольные легкой победой и богатой добычей, ставили свои походные шатры в зеленой и прохладной долине.

Как и Берке, Узбек-хан был ревностным мусульманином. Узнав, что неподалеку от привала его туменов находится ханака — обитель дервишей из могущественного мусульманского ордена суфийцев, хан отправил к ним близких людей во главе с братом Кутлук Темира — Сарай Кутлуком. Дервиши встретили посланцев хана с большим почетом. Шейх ханаки вознес аллаху молитву, прося долгой жизни опоре ислама великому Узбек-хану и побед над неверными его доблестному войску.

И только после обильного угощения, когда гости собирались в обратный путь, словно невзначай шейх пожаловался Сарай Кутлуку на обиды, нанесенные воинами Орды ордену. Слова его были пристойны, лицо излучало доброту, но в глазах, глубоко спрятанных под кустистыми бровями, вспыхивали жесткие, недобрые огоньки. Тихим голосом, склонившись в полупоклоне, шейх говорил:

— Доблестные воины великого Узбек-хана захватили много наших людей, угнали тридцать тысяч баранов. Нашлись такие, кто, забыв заповеди пророка Мухаммеда, прельстился имуществом, принадлежащим мечети и слугам аллаха. Пусть великий хан проявит справедливость и поможет нам вернуть то, что отняли у нас его воины. Аллах вознаградит его и продлит ему счастливые дни царствования.

— Я передам твои слова моему повелителю, о мудрый шейх...— сказал Сарай Кутлук.

И он передал их Узбек-хану. Хан Золотой Орды впал в ярость. Ему, хорошо знающему, сколько войн пришлось вести Орде за земли Азербайджана, нужна была здесь надежная опора, а кто мог ею стать, как не секта дервишей, которая оплела своей паутиной города и селения этого края? Община поистине стала

всемогущей. К тихим, вкрадчивым словам, идущим из ханаки, прислушивались с почтением и страхом и простой дехканин, и знатный купец.

Узбек-хан велел вернуть общине скот и в знак признания и искупления вины послал шейху слиток серебра величиною с конскую голову. Были найдены и воины, осмелившиеся войти в мечеть и в дома служителей аллаха с корыстными мыслями. Одному из них отрубили голову и, продев сквозь уши волосяной аркан, повесили на шею другому. Туленгиты из личной охраны хана провели его между шатрами, и всякий из многотысячного войска мог видеть, что будет с каждым из них, если он поступит так же, как поступили эти двое.

Не довольствуясь этим, Узбек-хан послал гонцов с приказом к предводителям правого и левого крыла войска. В приказе говорилось: «Тот, кто будет красть или насильно забирать скот и вещи, принадлежащие мусульманской общине дервишей, будет пойман и отдан для наказания мюридам шейха. Никто не смеет творить насилие над жителями ханаки или над теми, кто нашел там убежище. Если же знающий о преступлении, совершенном кем-либо из воинов, не донесет об этом, а станет укрывать виновного, то он также будет предан смерти как соучастник преступления».

Тяжким выдался для Ирана год лошади. Страшные грозы бушевали над ним, а с неба низвергались потоки воды, и реки выходили из берегов, смывая и разрушая жилища. Двинулись в поход и крестоносцы. Эмир Чопанбек из рода сулудзу, неся большие потери в людях, с трудом сдерживал их войско. Неспокойно стало и на других границах.

Обстановка для Узбек-хана сложилась благоприятной. Но, окрыленный первыми успехами, он потерял осторожность, забыл, что перед ним сильный и опытный враг, умеющий даже в трудную минуту собрать силы и оказать сопротивление. Хан не задумался, почему приходилось отважному Ногаю неоднократно возвращаться в эти земли, чтобы удержать, сохранить их за Золотой Ордой.

Беспечно, в веселии и развлечениях проводило время на берегу Куры войско хана, пока не стало известно, что навстречу ему движется внук Газана — Абусеит с десятью туменами. Еще более встревожило сообщение, что в тылу Узбек-хана, на пройденных и покоренных землях, неведомо откуда появились сильные отряды противника. Опасаясь окружения, хан, даже не попытавшись собрать свои силы в один кулак, велел отступать.

Бросая награбленное, оставляя гурты захваченного скота, тумены Узбек-хана поспешно отходили к Дербенту. И отход этот скорее походил на паническое бегство, а бегущего бьет каждый, у кого хватает смелости и решительности.

Тяжело переживал Узбек-хан свое неожиданное поражение. Черный от злости и от степной пыли, возвращаясь в родные степи Дешт-и-Кипчак, он шептал: «Придет еще мое время! Я отомщу за позор! Мое время придет!»

«Смута спит; да проклянет аллах того, кто ее разбудит!» — говорится в одном из преданий о пророке Мухаммеде. Спала смута в Золотой Орде в последние годы правления Токтай-хана, и пришедший ему на смену Узбек-хан до последних своих дней не давал ей проснуться. Соколиным оком следил он за многочисленными чингизидами, безжалостной рукой вырывал с корнем каждый росток непокорности. Ни до Узбек-хана, ни после не знала Золотая Орда такого расцвета и могущества, такого единения. Необъятны были ее земли. Принадлежала Орде Юго-Восточная Европа от Днепра на восток вместе с Крымом и Булгаром, Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал, Северный Кавказ до Дербента, северный Хорезм, земли в нижнем течении Сейхуна и степи, лежавшие на север от нее и Аральского моря до рек Ишима и Сарысу.

Как и прежде, начиная с самого возникновения Золотой Орды, на окраинах ее не прекращались войны за пограничные земли, за пастбища и водопои, но в

самой Орде царили мир и покой. Купцы, проезжавшие через владения Узбек-хана, говорили: «В этих землях стоит такая тишина, что жаворонки вьют свои гнезда на спинах овец».

Золотая Орда имела сильное войско, и потому подвластные ей народы не решались даже мысленно воспротивиться любому приказу хана, исправно платили подати. На бесконечных дорогах Орды установилась тишина — исчезли шайки барымтачей, еще недавно безнаказанно грабивших купеческие караваны и случайных путников. Во времена Узбек-хана караван, вышедший из Ургенча, за три месяца мог дойти до Крыма. Купцы отваживались отправляться в долгий путь без охраны, и повсюду, если в казну Орды вносилась плата, на ямах им давали ночлег и еду.

Но не только военная мощь обеспечивала спокойствие Орде. В городах развивалось ремесло, дехкане без страха выходили на свои поля, и никто в эти годы не разрушал их арыки, по которым струилась живительная влага. И не потому, что при Узбек-хане поборы с ремесленников и дехкан стали меньшими. Они по-прежнему оставались высоки, по-прежнему в казну хана уходила большая часть заработанного в мастерских или выращенного на полях, но совсем иной стала жизнь, когда человек чувствовал, что над его головой не висит меч жадного до добычи и оттого не знающего пощады воина. Ушел страх за свою жизнь, и люди почувствовали себя счастливыми, довольствуясь малым.

Но главное богатство Орде давала торговля. Пришел на землю мир, и потянулись в города купцы с востока и запада. Великий Шелковый путь пролегал через просторы Дешт-и-Кипчак. Он-то и манил к себе купцов со всех сторон света.

Еще при хане Токтае, отдавшем Крым в управление своему родственнику эмиру Янже, города Кафа и Судак сделались крупными торговыми центрами. Ловкие генуэзские купцы умели жить в мире с правителями Золотой Орды. В Кафу и Судак приходили караваны с шелками из Китая, с драгоценными камнями, жемчугом и кораллами из Индии, орусутские купцы везли сюда шкурки соболя, бобра, куницы и белки, мед и воск, кочевники доставляли к черноморским пристаням шкуры и шерсть. Все это пользовалось спросом в средиземноморских странах. В ответ они присылали ткани, фарфор, выделанные кожи, посуду из стекла, дорогие украшения из золота и серебра.

Трудно переоценить значение Великого Шелкового пути для Золотой Орды и для стран, которые он связывал между собой. По нему шли не только товары, за которые люди платили звонкой монетой, по нему пришла на запад арабская алгебра и труды Абдимансура аль-Фараби — великого ученого, жившего в девятом веке в городе Отраре и написавшего «Комментарии к логике Аристотеля», врачебные каноны Ибн-Сины из Бухары, знания, добытые великими учеными и мыслителями Востока Аль Бируни, Ар Рази, Али ибн Аббасом. Восток же узнал философские и научные трактаты Демокрита, Платона, Аристотеля, Птолемея, Архимеда и Эвклида.

Не только купцы шли Великим Шелковым путем. Вместе с ними отправлялись в долгий и опасный путь люди, которые хотели видеть величие и необъятность мира своими глазами. Они разносили правдивые сведения о других странах и народах, собирали по крупицам знания, рассеянные по всему свету.

Семнадцать лет прослужил у хана Хубилая венецианец Марко Поло, и благодаря ему на карте, вычерченной в год овцы (1247) М. Санудо, появились Грузия, Китай, Дербент. По его же сведениям, в год барса (1254) на карту, составленную П. Медичи, были нанесены остров Суматра и Бенгалия. Книга великого венецианца, написанная им о своем путешествии по Шелковому пути, помогла Христофору Колумбу через двести лет в его плаванье, приведшем к открытию Америки.

Великий Шелковый путь начинался от плодородных равнин Китая. Одна его ветвь уходила по берегу Южно-Китайского моря на Цюаньчжоу, потом морем до Сабы. Отсюда через Андоманское море и Бенгальский залив на Малаймур и Куилон, затем Аравийским морем до иранского города Ормуза.

Другая ветвь, начавшись от Ханбалыка, через горы и пустыни улуса великого монгольского хана и Дешт-и-Кипчак вела к приморским городам Ирана. Подобно большой реке, что, выйдя на безбрежные равнины, разделяется на протоки, имел этот путь одно начало — город Ханбалык и четыре ответвления. Первый вел из улуса великого монгольского хана через Кашгар и Керман в Ормуз, второй шел на Кабул, Султанию, Тебриз. Но самое большое значение для Золотой Орды имели две последние караванные тропы. Начинаясь, как и все остальные, от Ханбалыка, одна из них, миновав города Алмалык, Ургенч, Сарай-Берке, заканчивалась в Азак-Тана, другая через Хорезм и безводное плато Устюрт, выводила к иранским городам, стоящим на берегу Хазарского моря.

До Узбек-хана мало кто из купцов отваживался пользоваться этими тропами. Безводье, отсутствие мира на землях, через которые приходилось идти, заставляло караванбаши выбирать иные пути.

Но чем спокойнее становилось в Золотой Орде, тем оживленнее делались эти дороги Шелкового пути. Казалось, этому благоденствию никогда не наступит конец, и вечно будут идти своей мерной, неторопливой поступью бесконечные вереницы верблюдов по просторам Азии, и гортанные крики погонщиков, смешиваясь с тонкой степной пылью, будут глохнуть, теряться в дрожащем знойном мареве.

Но всему приходит конец. В год коня (1354) Османская Турция захватила пролив Дарданеллы и тем самым закрыла единственные ворота, ведущие в Средиземноморье.

Минуло еще несколько десятилетий, и Хромой Тимур, разгромив тумены золотоордынского хана Тохтамыша, обрубил вторую ветвь Шелкового пути. Великое дерево засохло. Еще совсем недавно шли здесь караваны и звенели человеческие голоса, а теперь окрест лежали заброшенные поля, разрушенные селения. В золе и пепле медленно умирала могущественная и богатая столица Золотой Орды — город Сарай-Берке. И ее не пощадил Хромой Тимур.

Морские державы той эпохи — Испания и Португалия — начали искать иные пути к богатствам Индии и Китая. Они нашли их, и постепенно забылось былое величие Шелкового пути. Лишь летописи и легенды донесли до нас рассказы о той поре — удивительные и противоречивые, полные глубокой правды и красочного вымысла.

Но до гибели Шелкового пути с времен Узбек-хана оставалось долгих двести лет, и ни один провидец не смог бы тогда предсказать его печальную участь. А пока по нему шли и шли бесконечной чередой караваны и баснословно богатые купцы зарывали на его обочинах клады, чтобы скрыть свои истинные доходы от золотоордынских сборщиков пошлины.

Богатели купцы, богатела и Орда. Особой благосклонностью Узбек-хана пользовались купцы-мусульмане. И дело было даже не в том золоте, которое поступало от них в казну. Другое заставляло его всячески поощрять купцов и приближать наиболее знатных к себе. Они превратились в глаза и уши хана. Кто, как не вечные странники, лучше других осведомлен, что творится в том или ином государстве, улусе, городе? И купцы не жалели денег и подарков, когда надо было развязать чей-нибудь язык, так как знали: Узбек-хан щедро платит за каждую важную новость.

В мирное время купцы-мусульмане были лазутчиками хана; когда же появлялась необходимость, они снабжали его войско оружием и верховыми лошадьми. Им принадлежало право доставлять на строительство дворцов и мечетей

поделочные камни, еду и одежду для рабов, через них доставались самые дорогие ковры, золотые и серебряные украшения из разных концов света, индийский чай и китайский шелк.

...Отбросив в сторону кинжал, Узбек-хан поднялся с постели и, бесшумно ступая по ковру, прошелся по юрте.

Сон не забывался. Он уже не пугал, но хану было не по себе. Неужели настолько несправедлив мир, что не дано человеку до конца почувствовать себя счастливым?

Хан вдруг понял, что совсем не случайно вспомнилось ему далекое. Все двенадцать лет он думал, как вновь помчатся его тумены по просторам Ширвана, как в смятении и страхе побегут перед кипчакской конницей враги.

Он чингизид, а они не прощают позора. Разве можно забыть унижение, как вслед за его отступающим в беспорядке войском хлынули на земли северного Кавказа, принадлежащие Орде, тумены Чопанбека. Эмир грабил селения, убивал людей, угонял скот, а Узбек-хан, не сопротивляясь, бежал без боя в глубь кипчакских степей.

Давно обрела силы Золотая Орда, способные отомстить за прошлую обиду, но что-то мешало Узбек-хану привести мстительный замысел в исполнение. Сначала под предводительством кипчака Акберена возникла смута в Мавераннахре, и хан, почувствовав, что она может перекинуться на его земли, отложил поход. Затем неспокойно стало в орусутских княжествах. Так и проходили год за годом.

Великий Чингиз-хан учил не прощать обид. Пора подумать, как выполнить его завет. Узбек-хан мудр. Время научило его, что рассчитывать на успех, имея только сильное войско, нельзя. К походу следовало хорошо подготовиться, все узнать о враге и, выждав удобный момент, нанести удар, сильный и беспощадный.

Хан набросил на плечи теплый халат и неторопливо вышел из юрты. Утро только начиналось. Солнце поднялось над невысокой грядой островерхих белых гор. Глубокие тени лежали в их морщинах, и потому освещенные пики и выступы скал казались белее.

Налетел небольшой порыв ветра, и ноздри хана затрепетали, уловив запах мокрых водорослей и соли,— совсем близко, за невысокими холмами, лежало Черное море. По телу Узбек-хана пробежала волна зябкой дрожи, и он плотнее запахнул на обнаженной груди халат.

Прошло семь дней, как приехал он в Крым, чтобы посмотреть на строительство его нового дворца и мечети. Хан был доволен и выбранным местом, и как распоряжались работами два брата Сауыт и Дауыт — мусульманские купцы, которым он поручил это важное дело. Место братья выбрали удачное. Узбеку оно понравилось. Рядом море — стоило только закрыть глаза и прислушаться, и можно услышать его могучее дыхание и плеск волн, накатывающихся на шуршащую прибрежную гальку. На юге темно-синей глыбой высилась гора Карадаг, а если обратить взор на восток, то увидишь большой торговый город Кафу.

Хану пора возвращаться в Сарай-Берке, но он медлил с отъездом. Со дня на день должен прибыть караван купцов-братьев, везущий шелк из Ханбалыка. Вместе с товаром, под видом купца, должен отправиться за море его доверенный человек. Ему предстояло добраться до Египта и от имени хана вступить в переговоры с мамлюками.

Большие надежды возлагал Узбек-хан на свое тайное посольство. Не столько о торговых делах должен вести речь доверенный человек, сколько о единении мусульман Золотой Орды и Египта. Как и Берке, Узбек мечтал сделаться знаменем ислама в Дешт-и-Кипчак и подвластных ему землях. Без поддержки могучего мусульманского государства, каким в это время был Египет, сделать это будет не легко.

Союз с мамлюками дал бы хану уверенность, что если Иран осмелится двинуть свои тумены на Золотую Орду, то получит удар в спину. Объединенная единой религией, подвластная ему Золотая Орда стала бы еще сильнее.

Пожалуй, из всех ханов, которые были до него, лишь Узбек понимал, что сбор податей с купцов, ведущих свои караваны через его земли,— дело не совсем надежное. В любое время Иран мог прервать, закрыть одно из ответвлений Великого Шелкового пути и лишить казну Орды большей части получаемого ею золота. Чтобы этого не произошло, хан хотел завладеть иранскими приморскими землями и городами. Тогда ничто не грозило бы благополучию Золотой Орды, а трон хана никогда бы не покачнулся. Поэтому и нужна победоносная война с Ираном, а кто, как не мамлюки, люто враждующие с потомками ильхана Кулагу, могли стать верными союзниками?

Для хана-кочевника мечта об овладении морскими путями была дерзкой. Но Узбек верил в успех. Если удастся заключить союз с мамлюками Египта, то не окажется силы, способной противостоять этому союзу. Золотая Орда и Египет приведут в трепет народы и государства подлунного мира. Узбек понимал, что минули времена, когда все можно было решить только войском и жестокостью. В исламе, который широко распространялся в его владениях, видел хан огромную силу, способную объединить и заставить народы повиноваться. И потому он не следовал примеру великого Чингиз-хана, который одинаково относился ко всем религиям. В молодые годы после недолгих раздумий он принял мусульманство, а когда родились сыновья Таныбек и Джанибек, велел совершить и над ними обряд обрезания. Узбек отдал сыновей в медресе, где седобородые улемы учили их арабскому языку и заставляли читать Коран.

Выбрав путь, Узбек-хан заставил последовать своему примеру эмиров, нойонов, беков и даже нукеров. Тот, кто нарушал законы, установленные пророком Мухаммедом, считался неверным и должен был умереть. Только тот, кто пять раз в день творил намаз и соблюдал пост, мог рассчитывать на милость хана.

Имамы, муфтии, кари, мюриды, купцы, видя в Узбек-хане ревностного мусульманина, начали повсюду прославлять его деяния, называть достойным продолжателем дела пророка Мухаммеда.

Широкое распространение ислама в степи еще больше сблизило монголов и кипчаков. Рушились освященные веками устоявшиеся обычаи и законы, по которым жила монгольская знать. И порой чтобы сохранить голову при хане-мусульманине, приходилось отказываться от заветов, оставленных великим Чингиз-ханом.

Вместе с исламом пришла в Дешт-и-Кипчак новая культура, стало сказываться сильное влияние арабов и персов.

В безбрежной степи, где кипчаки знали только то, что оставили им предки — саки, сарматы, где на курганах в бессонном карауле стояли каменные идолы — обатас, а люди украшали свою одежду узорами, напоминающими завитки рогов горных баранов — архаров, вместе с Кораном, четками и чалмой появились буйные в своем красочном многоцветье арабские и иранские ковры, дорогое оружие. Вместе с арабской письменностью пришли в Дешт-и-Кипчак книги, легенды и сказания — «Тысяча и одна ночь», «Четыре дервиша», «Заркум», «Сал-сал».

Медленно, но уверенно входили в жизнь кипчаков и мусульманские обряды, связанные с женитьбой и похоронами, с соблюдением постов и обрезанием мальчиков. В золотоордынских городах строили мечети с диковинными голубыми куполами и высокими минаретами, со стенами, украшенными причудливой арабской вязью. Для детей степняков и монгольской знати открывались медресе.

В «Пояснении к Корану», написанном последователем пророка Мухаммеда халифом Османом, сказано: «Насколько бы ни был сильным правитель народа,

но если он сам плохо выполняет заповеди Корана, он не сможет заставить подвластный ему народ следовать путем пророка Мухаммеда».

Узбек-хан стал самым ревностным мусульманином в Золотой Орде. Он все делал по установлениям пророка. Хан построил гарем, где находились четыре его жены и множество аманат-кум — наложниц. Пять раз в день, согласно заповеди Мухаммеда, совершал намаз, и если наступало время молитвы, хан приказывал своим воинам даже прекращать битву.

Весь март месяц, когда наступал праздник науруз, Узбек, как и положено правоверному мусульманину, соблюдал пост. Поев на рассвете, он не брал в рот даже макового зернышка до того часа, пока не уходило за край земли солнце и в небе не вспыхивала первая робкая звездочка, а муэдзин с высокого минарета не прокричит трижды голосом печальным и тягучим: «Аллах акбар!» — «Аллах велик!».

Как мог не повиноваться народ такому хану? Чье слово, как не его, было самым справедливым и самым бесценным?..

Чуткий слух Узбек-хана уловил дальний цокот копыт. Кто-то ехал по каменистой дороге, ведущей к его ставке. Хан прищурил раскосые глаза и стал ждать. Вскоре из-за поворота показался всадник в белой одежде и с белой чалмой на голове. И сейчас же выступили из укрытия, загородили копьями дорогу два рослых туленгита.

Узбек-хан не слышал, что говорил всадник, но туленгиты расступились, давая ему дорогу.

Хан всмотрелся. Теперь он его узнал. К юрте подъезжал имам из ставки покойного султана Жадигера.

Не доезжая до Узбека на расстояние брошенного копья, имам спешился и, согнув широкую спину в поклоне, стал приближаться к хану.

— Я приветствую тебя, о великий, пресветлый хан! — имам приложил руку к груди. Умный глаза его смотрели на Узбека снизу вверх, пытаясь угадать настроение.

— Будь гостем,— улыбнувшись одними губами, сказал хан.— Видно, важное дело привело тебя ко мне, если ты появился здесь, едва лишь солнце начало свой путь по небу.

— Ты ясновидец, о великий хан...

— Время совершать первый намаз. Сделаем то, чему учит нас пророк Мухаммед, и я выслушаю тебя.

Слуги принесли хану шелковый коврик, имам достал свой из переметной сумки...

Они сидели в юрте вдвоем. Слуги успели убрать постель, и имам неторопливо, перебирая четки, рассказывал хану то, ради чего он приехал к нему, опоре ислама. Дело действительно важное, ибо касалось чингизидов.

Когда средний сын Ток-Буги — султан Жадигер взял себе в младшие жены Ажар, ей было пятнадцать лет. В девочке, чистой и нежной, еще не проснулась женщина. Просто и доверчиво смотрела она на мир. Но не для того султаны берут себе в жены девочек, чтобы любоваться их красотой.

Широкогрудый, толстый Жадигер в первую же ночь бросил ее на ковер, и мял, и ломал ее хрупкое тело до самого рассвета, предаваясь любви. Дикий страх поселился в душе девочки после той ночи. Целый месяц пролежала она в горячке, исхудала, и близкие уже готовились к ее смерти. Но молодость помогла ей выжить.

Ажар больше не довелось узнать своего мужа. В холодный осенний день, охотясь на волка, Жадигер упал с лошади и сломал позвоночник. Покорная судьбе, Ажар не знала — радоваться ей или печалиться.

Прошел поминальный год, минула зима, наступило время, когда земля начинает щедро поить своими живительными соками степные травы, и Ажар расцвела словно цветок, поднявший свою головку над жухлыми прошлогодними травами. В глазах ее не стало прежней покорности, появилось тихое, мерцающее сияние, словно в зрачки заглянула луна. Совсем еще недавно тонкая как тростинка, Ажар округлилась телом, и стало видно, что она женщина.

Первым заметил ее зрелую красоту старший брат покойного Жадигера — Адилькерей. Ему под шестьдесят, и, казалось, чувства старого воина давно подернулись пеплом времени, а душа уподобилась угасающему костру, но случилось то, что случается, когда старик забывает о безвозвратно ушедших годах. Словно легкий ветер весны коснулся его впалых щек и иссеченного морщинами лба. Адилькерею захотелось вновь стать молодым.

И тогда он пошел к имаму и возжелал жену младшего брата. Законы шариата были на его стороне. По положению амангерства мусульманин имел право взять себе в жены вдову покойного брата.

Адилькерей был щедр. Прежде чем начать разговор, с имамом он одарил его соболиной шубой и горстью золотых монет. Имам с достоинством принял подношение, но важно перелистал страницы Корана.

— Да,— вымолвил он наконец.— По законам шариата ты имеешь право жениться на невестке. Я готов соединить вас... Но необходимо и ее согласие... В «Объяснении к Корану» Османа сказано, что вдова решает сама, кого из родственников мужа выбрать... И если Ажар не пожелает кого-нибудь из других братьев мужа, она твоя.

— Она не должна желать другого,— сердито сказал Адилькерей.— Я в роду старший, и потому решаю я.

— Справедливые слова,— согласился имам.— Но у султана Жадигера еще пятеро братьев... Они младшие... Я думаю, они не станут на пути твоего желания.

Недобрая улыбка тронула губы Адилькерея:

— Пусть только посмеют!..

— Все это так...— неопределенно заметил имам.— Могущество твое известно, рука твоя сильна... И все же, для того чтобы не нарушить заповеди пророка, сделать по его законам, надо спросить вдову...

— А если она не согласится? — упрямо спросил Адилькерей.

— А почему бы ей не согласиться? — вопросом на вопрос ответил имам.

Адилькерей подумал, покрутил головой, неохотно согласился;

— Пусть позовут ее...

Человек, посланный имамом, не смог отыскать Ажар. Раздосадованный, вернулся к себе Адилькерей. Охваченное пожаром желания сердце его стучало сильно и не хотело мириться ни с какой отсрочкой. Откуда было знать ему, сколько бед навлек он на свою седую голову, решив овладеть Ажар.

А в это время молодая женщина сидела далеко от дворца, в цветущем саду, и рядом с ней был младший сын Жадигера — Ерке Кулан. Красив и строен джигит, а глаза его сияли счастливым светом любви и молодости.

Немало дней прошло с той поры, как встретились губы Ажар и Ерке Кулана и близость соединила их. Безлунная ночь укрыла влюбленных, а ветер раскачивал кроны деревьев, чтобы даже птицы не услышали их горячего шепота и прерывистого дыхания.

В страсти своей забыли влюбленные обо всем. Она о том, что целует сына человека, который был ее мужем, он — что ласкает жену своего отца. Всесильна любовь, но меньше всего умеет она хранить свои тайны, и в этом слабость ее и беззащитность.

В тот день, когда вернулся Адилькерей от имама, тайна Ажар и Ерке Кулана стала ему известна. Вздрагивая от ярости, он приказал своим нукерам отыс-

кать влюбленных. Нукеры умели исполнять поручения своего повелителя. Вскоре Ажар и Ерке Кулан, связанные волосяными арканами, были брошены к ногам султана.

Адилькерей послал за имамом. А когда тот пришел, сказал:

— Эти люди обвиняются в прелюбодеянии! Они пойманы на месте преступления! Я хочу их смерти, потому что они нарушили законы шариата! Разреши казнить, ибо за совершенное недостойны они жить! Я велю привязать отступников к хвосту коня!..

Имам прикрыл глаза, пряча страх и растерянность. Медленно текли сквозь его сухие пальцы бусинки четок.

Он наклонился к султану.

— Ерке Кулан чингизид,— негромко сказал он.— Явится ли мое слово справедливым... и одобрит ли его Узбек-хан — опора и надежда ислама? Великий хан Золотой Орды скоро будет в Крыму... Я знаю, сердце ваше полно гнева, но не подождать ли нам? Судьбу чингизида подобает решать чингизидам...

Адилькерей пристально посмотрел на имама. Глаза того были бесстрастны, и, как ни сильна жажда мести, султан подумал, что, пожалуй, следует прислушаться к его совету. Мысли хана всегда темны и непонятны для окружающих. Не лучше ли подождать, пока он не выскажет их вслух...

С трудом сдерживая злобу, сквозь стинутые зубы султан повелел:

— Бросьте преступников в зиндан, а мы решим, как поступить с ними.

Молчаливые, с каменными лицами нукеры ударами ножен заставили подняться Ажар и Ерке Кулана и поволокли их из дворца.

Мудрый, повидавший на своем веку многое, имам знал, что с чингизидами надо быть осторожным. В них текла кровь жестокого и коварного язычника Чингиз-хана. Что из того, что словно крепким арканом по рукам и ногам повязал их нынче ислам? Ажар и Ерке Кулан совершили преступление. По мусульманским законам связь сына с мачехой считается непростительным грехом и должна караться смертью, но давно ли минуло то время, когда это было обычным для монгольской знати? Именно поэтому важно знать, что думает о происшедшем сам Узбек-хан.

Имам был стар. Всю жизнь он свято выполнял заветы пророка Мухаммеда и не знал к отступникам пощады. Но теперь какое-то тайное предчувствие заставило его быть осторожным. Прибытие могущественного Узбек-хана в Крым не могло быть случайным. Не только для того, чтобы посмотреть, как идет строительство его нового дворца, проделал долгий путь хан. Будет ли уместным устраивать на его глазах казнь чингизида? Не попытаться ли погасить пожар, прежде чем он успеет опалить чьи-то крылья?

Мучимый сомнениями, имам отправил своего человека к Ажар. Он велел сказать молодой женщине, разумеется, так, чтобы не слышали чужие уши: «Если хочешь остаться в живых, согласись быть женой Адилькерея. Я же придумаю способ, чтобы прикрыть ваш грех с Ерке Куланом, и сумею убедить султана сменить гнев на милость».

Неутешительный ответ для имама принес посланец. Ажар сказала: «Сильна моя любовь к Ерке Кулану, и я не смогу оставить его даже ради жизни. Груз несчастья взяли мы на свои плечи, и пусть свершится предначертанная нам судьба».

Вот почему и отправился имам к хану через несколько дней после прибытия того в Крым. Вот почему сидел он сейчас перед Узбек-ханом.

Закончив свой рассказ, имам поднял взгляд на хана. Лицо того было сумрачно и не предвещало ничего хорошего. Старик подумал, что он все-таки поступил правильно, не осмелившись сам вынести приговор влюбленным. Ханы

как орлы. Они видят то, что для других скрыто за краем земли, и потому решение их всегда мудро.

Узбек-хан поднялся с ковра и стал расхаживать по шатру. Потом он остановился перед имамом, и тот торопливо склонился перед ханом.

— Ты можешь идти, достойнейший имам. Ты сделал правильно, что пришел к нам. Мы пришлем к тебе человека, который скажет наше решение и укажет, как следует поступать с отступниками.

Старик, пятясь, вышел из шатра.

Узбек-хан долго смотрел в одну точку, но думал он совсем не о рассказанном имамом. Мысли хана были далеки. Он сразу мог дать совет имаму, но отсрочил его. Конечно, и Ажар и Ерке Кулан достойны смерти. Что из того, если юноша чингизид. Он, Узбек-хан, опора ислама в Золотой Орде, не должен знать снисхождения ни к кому. Если бы заповеди пророка нарушил его сын, он поступил бы так, как того требуют законы ислама. Завтра Узбек передаст свое решение имаму, а пока пусть народ с трепетом ждет его слова. Чем дольше продлится ожидание, тем значительней покажутся народу слова хана.

Узбек хлопнул в ладоши. В шатер неслышно скользнул туленгит и остановился в ожидании приказа.

— Что слышно с пути? Далеко ли караван?

— Гонца не было, мой повелитель...

Хан махнул рукой, и туленгит исчез. Узбек опоясал себя поясом с висящими на нем саблей и кинжалом и вышел из шатра.

Солнце поднялось высоко. Невидимое отсюда море рокотало за холмами тяжело и грозно.

Узбек-хан постоял, дожидаясь, когда глаза его после полумрака шатра привыкнут к ослепительному свету, и медленно пошел в сторону моря. Едва поднялся на увал, как увидел его совсем рядом — огромное, без берегов, в серебряной, сверкающей чешуе. Море мерно катило зеленовато-синие волны на песчаный берег.

Хан глубоко вдохнул прохладный солоноватый ветер и присел на серую глыбу известняка. Прищурившись, Узбек различил вдали белые точки — это носились над морем, то взмывая в голубую синь неба, то падая к сверкающей, в искрах света воде, чайки. Узбек-хан следил за их полетом, а мысли его вновь вернулись к тому, о чем он думал на рассвете, проснувшись от страшного сна.

Золотая Орда. Ради нее все поступки, все дела, все помыслы. Казалось бы, о чем беспокоиться: он, Узбек-хан, добился, что нет государства ее сильнее и могущественнее. Никто не смеет обнажить против Орды меча, страшась грозного ее гнева. Стоять ей нерушимо, вечно.

Узбек-хан невесело усмехнулся. Нет на земле ничего вечного — он это знал хорошо. Даже золотое солнце всходит в определенное время и, пройдя начертанный ему создателем путь, гаснет за краем земли, отпылав напоследок зловещим красным светом. И нет такой силы, которая заставила остановиться светило в зените хотя бы на один миг. То же происходит и с государствами. Узбек-хан вспомнил персидского царя Дария, Искандера Двурогого, своего предка Чингиз-хана. Они были великими полководцами, создавшими великие государства. Но настал срок, и, достигнув зенита славы, блеснув яркой звездой, государства каждого из них стремительно покатились вниз, рассыпались на мелкие осколки, похоронив под тяжестью междоусобиц былое величие. Придет пора, и эта участь постигнет Золотую Орду.

Узбек-хан знал, что так оно и будет, потому страшился будущего. Грех роптать на всевышнего, но слишком уж короткий определил он человеку век. Кажется, только вчера поднял хан свой меч на Елбасмыша и сел на трон Золотой Орды, а конечная, главная цель по-прежнему далека, как и в первый день, ког-

да его назвали ханом. Сильно его государство, преданные воины охраняют границы, а удовлетворения нет, потому что не осуществилось главное. И когда оно осуществится, сам Узбек-хан не может с уверенностью сказать.

Решаясь на убийство двоюродного брата, Узбек мечтал, став ханом, раздвинуть границы Золотой Орды от кипчакских степей до Багдада и Шама, присоединить богатые города Мавераннахра. А единственное, что ему удалось, так не дать объединиться врагам Орды. В Сердней Азии добрый десяток правителей, и она не обладает той силой, какую представляла при Кайду. В Мавераннахре сидит хан Кебек, в Хорезме — Кутлук Темир, Хорасаном правят потомки Джагатая. И Афганистан, и Кавказ, и Иран, и Ирак, и Сирия живут своей жизнью — почти не подчиняясь тем, кому должны подчиняться.

Глаза Узбек-хан сделались прозрачными и холодными. Не отрываясь, смотрел он на бушующее море. Ему подумалось, что жизнь схожа с морем. И в ней много таинственного и непонятного, а жизнь каждого человека подобна волне, стремящейся к берегу, где ее ждет конец. На смену одной волне придет другая. И так будет до бесконечности.

Обширна площадь перед новой мечетью, но и она не вмещала всех желающих. Люди стояли тесно, дышали друг другу в затылки, во все глаза глядели на высокий деревянный помост с повисшими над ним двумя ременными петлями виселицы. Вислоусый палач с жирным лицом и тусклыми глазами медленно расхаживал по помосту, трогал сильной волосатой рукой, проверял на прочность ремни.

Ждал палач, ждали зрители. Тихий гул стоял над площадью. Люди старались разговаривать вполголоса, но их так много, что, казалось, шквальный ветер порывами проносился над их головами.

Великое событие совершалось в Крыму. Выносился приговор младшей жене покойного султана Жадигера — Ажар и его младшему сыну Ерке Кулану. Эти двое посмели нарушить законы шариата, переступить через заповеди, оставленные мусульманам для праведной жизни пророком Мухаммедом. Все знают, что за этот тяжкий грех виновных ждет смерть, но ведь последнее слово скажет великий хан Золотой Орды Узбек. Это ли не событие для правоверных мусульман? Это ли не праздник для душ, жаждущих справедливости?

Напротив помоста, где должна свершиться казнь, построен другой. На нем установлен походный трон, на котором сидит сам Узбек-хан, справа от него — советники и знатные воины, слева, во главе с имамом Крыма,— мусульманское духовенство: ишаны, муллы, мюриды.

Туленгиты привели Ажар и Ерке Кулана и бросили их на колени перед помостом, где сидел хан. Руки у молодых людей скручены за спиной волосяными арканами.

С жадным любопытством всматривался в их лица Узбек-хан. И Ажар, и Ерке Кулан знали свою участь, но странно: он не видел в их глазах страха. Даже в этот предсмертный час лица их были прекрасны, а сами они спокойны. Какая сила поддерживала их, что давало им возможность накануне смерти остаться гордыми? Неужели любовь всесильна?!

Откуда-то издалека донесся негромкий голос имама:

— Все готово, высокочтимый хан...

Продолжая думать о своем, Узбек рассеянно кивнул. Ему вдруг вспомнились строки, вычитанные в старой арабской книге: «Радость, пережитая человеком, молодит его, а душевные страдания старят и сокращают жизнь». Казалось бы, к нему, к Узбеку, никогда не должна прийти старость, потому что с самой юности он знал только радость и исполнение всех своих желаний. Он обладал самыми красивыми девушками и женщинами, легко расправлялся с теми, кого ненави-

дел, любил охоту с соколом на лисиц, гордый и счастливый, много раз ехал впереди своих доблестных туменов. Что нужно человеку для полного счастья, для вечной молодости? В двадцать лет Узбек сел на трон Золотой Орды... Почему же пришла старость, а она пришла, если постоянно одолевают мысли о смысле жизни.

Узбек-хан вдруг почувствовал, что одряхлело у него не тело, а душа. Быть может, испытанные им радости не были настоящими? Что же тогда настоящее и истинное, если не слава, не почет, не золотой трон, не обладание женщинами, не власть?

Снова издалека до хана донесся голос имама:

— Я сказал все... Ажар и Ерке Кулан совершили страшное преступление, и по законам, установленным пророком Мухаммедом, они будут казнены. Так как Ерке Кулан является чингизидом, его кровь не должна пролиться, потому и он, и Ажар будут повешены. Этот приговор, вынесенный по всем законам мусульманской религии, мы просим утвердить вас, высокочтимый тахсир хан...

Еще находясь во власти своих размышлений, Узбек-хан посмотрел на имама. Глаза того остро поблескивали, выжидательно следили за ханом.

«Приговор справедлив,— подумал Узбек.— Закон ни к кому не должен знать снисхождения, только тогда народ будет един, а ислам — вечен».

Узбек поднял руку, чтобы сказать слово, которого ждала, затаив дыхание, вся площадь, но в это время раздался яростный и хриплый голос султана Адилькерея:

— Я не согласен с приговором... Ажар сучка... Но на моей стороне право амангерства. Мой брат платил за нее калым... Пусть повесят Ерке Кулана, сбившего женщину с праведного пути, а жена брата, по законам шариата, должна принадлежать мне...

Узбек-хан усмехнулся и пристально посмотрел на Адилькерея.

«Странно устроена жизнь,— подумал хан.— Человек требует смерти сыну родного брата, лишь бы завладеть его женой. Что руководит сейчас султаном больше — похоть или желание мести? Быть может, оставляя ее жить, султан задумал мучить и унижать женщину до конца дней? И такое бывает».

Узбек опять посмотрел на Ажар и Ерке Кулана. Выслушав приговор, они по-прежнему оставались спокойными. Хану стало любопытно, как отнесется молодая женщина к тому, если он отменит казнь и подарит ей жизнь, но одной, без Ерке Кулана.

— Ты слышала, женщина, что сказал брат твоего покойного мужа? Если ты согласишься стать женой султана Адилькерея, то умрет только Ерке Кулан...

Женщина отрицательно покачала головой:

— Что из того, что нас не соединил мулла? Мы давно стали мужем и женой. Я поклялась, что никогда не покину Ерке Кулана.— Лицо Ажар дрогнуло. Она прикрыла глаза веками.— У нас есть одна просьба, великий хан... Если уж нам не суждено было жить вместе на земле, пусть после того, как будет исполнен приговор, нас похоронят в одной могиле...

По площади пронесся тихий гул. Никто не ожидал такого ответа, такой просьбы.

— Я против!..— снова прохрипел Адилькерей.— Я должен владеть этой женщиной! Если она не согласна по доброй воле, то я укрощу ее силой, как я делаю это с необъезженными кобылицами!

Что-то заставило Узбек-хана продолжить затеянную им же самим игру, и он сказал:

— А что же делать с сыном твоего брата? Быть может, и ему следует подарить жизнь?

— Нет! — закричал султан, и к лицу его прилила темная кровь.— Он нарушил законы шариата. Он обязан умереть. И смерть он должен принять из моих рук, потому что он опозорил меня, втоптал в грязь честь своего отца!..

Узбек-хану захотелось спросить Адилькерея еще раз, действительно ли тот сможет собственными руками убить сына своего брата, но вдруг страшное воспоминание встало перед глазами, и готовые уже вырваться слова застряли в горле. Хан понял, что султан сделает то, о чем говорит. Ведь смог же он сам убить Елбасмыша — своего двоюродного брата.

Стараясь скрыть охватившее его замешательство, хан повернул голову к имаму, и тот понял, что Узбек ждет ответа.

— Просьба султана Адилькерея согласуется с законами шариата...

Люди на площади безмолствовали, затаив дыхание. Ждали, что же наконец решит хан.

Узбек прикрыл глаза и мысленно повторил про себя: «Надо быть твердым! До конца твердым!» Но ведь в конце концов и такая смерть отвечает требованиям шариата, и он не нарушит устои ислама, согласившись на просьбу султана. Народ должен видеть, что рука хана тяжела и он не знает пощады к отступникам от веры, но народ должен чаще видеть и мудрость своего повелителя. Не все ли равно, как умрет преступник. Но зато пройдут годы, и мудрость Узбек-хана прославится в легендах и сказаниях.

Решение пришло само по себе:

— Приговор высокого суда должен быть приведен в исполнение... Это так... Но надо учесть и просьбу султана Адилькерея.— Узбек-хан замолчал. Лицо его было величественным и спокойным.— Пусть Ерке Кулан примет смерть от его руки. Трижды проскачет виновный на коне перед султаном, и трижды тот имеет право выстрелить в него из лука. Если стрела Адилькерея поразит Ерке Кулана, то по праву амангерства он возьмет Ажар себе. И женщине не придется нарушать клятву: увидев смерть любимого, она поймет, что такова воля аллаха. Если же стрелы султана не причинят вреда Ерке Кулану, то...— Узбек на миг замолчал, и люди в мертвой тишине услышали, как тяжело и грозно ворочается за холмами море.

И вдруг кто-то не выдержал, крикнул:

— Что же будет тогда?!

Народ зашумел, голоса заспорили:

— Ему не суждено остаться в живых!

— Адилькерей прекрасный стрелок. За сто шагов он попадает в глаз бегущему сайгаку!

— Первая же стрела пронзит сердце Ерке Кулана!

И снова чей-то голос перекрыл остальные:

— Так что же с Ерке Куланом тогда будет, великий хан?!

Толпа затихла и, казалось, подалась, придвинулась к помосту хана.

— Тогда? — переспросил Узбек.— Все в руках аллаха. Если он захочет, чтобы грешник остался в живых, никто не посмеет причинить вреда тому, кому покровительствует сам аллах. Тогда Ерке Кулан и Ажар станут мужем и женой.

Возглас удивления пронесся над площадью:

— О мудрый хан!..

— О справедливый хан!

— Да продлит аллах твои годы!..

Узбек повернулся к Адилькерею:

— Ты согласен, султан?

Лицо того стало бледным, скулы выперли и заострились.

— Да, решение твое, хан, справедливо и угодно аллаху...

— Хочешь ли ты, Ерке Кулан, что-нибудь сказать?

Ерке Кулан, не отрываясь, смотрел в глаза любимой, потом повернул лицо к Узбеку:

— У меня есть одна просьба, о великий хан! Пусть Ажар поставят на моем пути. Вверяя свою жизнь в руки аллаха, я хочу видеть ее перед собой...

— Пусть будет по-твоему...— милостиво согласился хан.

Не ожидая приказа, зрители сдвинулись в сторону, освободили часть площади. Кто-то из молодых воинов торопливо подвел к Ерке Кулану своего коня.

— Возьми его,— сказал джигит.— Быть может, он принесет тебе счастье. Мой конь быстр как птица, и кто знает, может, он обгонит твою судьбу. Если посчастливится — считай коня своим...

Два туленгита отвели Ажар в конец площади, Ерке Кулану развязали руки. Кто-то из телохранителей султана подал Адилькерею тугой монгольский лук.

Узбек-хан поднял руку:

— Я сказал не все. Виновный проскачет перед стрелком на расстоянии ста шагов.

Лицо Адилькерея передернулось.

— Я убью щенка, если он будет скакать даже на расстоянии вдвое большем...

— Начинайте...— велел хан.

Легко вскочив на подаренного ему белого скакуна, Ерке Кулан медленно поехал с площади, и люди молча провожали его взглядами.

Отъехав на значительное расстояние, Ерке Кулан остановил коня и стал ждать сигнала. Наконец распорядитель подкинул свой борик.

Чуть помедлив, Ерке Кулан ударил коня пятками, и тот стремительно сорвался с места. Конь был замечательный. Он был похож на белого ястреба, молнией несущегося над самой землей.

Сощурив раскосые глаза, сведя к переносице мохнатые брови, Адилькерей ждал. И когда всадник поравнялся с тем местом, где стоял султан, тонко свистнув, сорвалась с тетивы стрела с железным восьмигранным наконечником.

Вздох, похожий на удар волны о берег, пронесся над площадью:

— Попа-а-а-ал!

Но всадник продолжал скакать, и люди тогда рассмотрели, что стрела расщепила переднюю луку седла, а джигит невредим.

Поравнявшись со своей любимой, Ерке Кулан нагнулся и поцеловал Ажар.

Не стало на площади тишины. Зрители бушевали. К небу неслись возбужденные крики спорящих, и птицы в страхе облетали площадь стороной.

И снова подбросил вверх свой борик распорядитель, и опять понес стремительный конь Ерке Кулана навстречу его судьбе.

Взвизгнула вторая стрела, и белые щепки от разбитой задней луки седла брызнули во все стороны.

Люди кричали, не слушая друг друга. Кто видел в происходящем руку провидения, кто утверждал, что Адилькерей делает это нарочно, чтобы показать, какой он меткий стрелок, и от третьей стрелы Ерке Кулану не уйти.

Султан молчал. Его лицо злобно побледнело и покрылось крупными каплями пота. Для третьего выстрела он выбрал стрелу с голубиным оперением и, нахмурив брови, стал ждать.

Зрелище захватило Узбек-Хана. Вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники походного трона, он всем телом подался вперед, ожидая кровавой развязки. Бешеный топот копыт обрушился на площадь, и в этот миг отчаянный, полный нестерпимой боли и горя крик ударил в уши людей. Никто не слышал, как пролетела пущенная дрогнувшей рукой султана стрела. Крик словно разбудил людей, и слезы сострадания выступили на многих глазах.

И вдруг наступила тишина. Люди не верили своим глазам — исчез джигит, исчезла молодая женщина со связанными руками. Белой птицей несся по степи белый конь. Бросив поперек седла Ажар, Ерке Кулан мчался прочь от ханской ставки. И вскоре знойное дрожащее марево скрыло беглецов.

Бледный, ни на кого не глядя, Узбек-хан поднялся с трона и, проведя ладонями по лицу, тихо сказал:

— Аллах акбар! Аллах велик!

— Коня! Скорее коня! В погоню за беглецами! — кричал в ярости Адилькерей.

— Остановись, султан! — властно приказал Узбек.— Неужели ты, безумец, станешь спорить с волей аллах? Тем, к кому он милостив, я дарю жизнь...

Площадь ревела от восторга. От топота и криков облако пыли поднялось к небу, и оно из голубого превратилось в мутное и тусклое.

Узбек-хан велел разогнать народ, а сам ушел в свой шатер.

На рассвете следующего дня в его ставку прибыл караван, с нетерпением ожидаемый ханом.

Значительное место в жизни Золотой Орды занимал Хорезм. Особенно сильным было его влияние в период правления Узбек-хана. Как иссушенная солнцем земля, впитывала, перенимала Орда все лучшее, что было у покоренных ею народов. В древние обычаи степняков с каждым годом входили новые, непривычные для них традиции. Изумленному взору кочевника открывались в городах сказочно украшенные дворцы, мечети с голубыми куполами.

Из разных государств шли в Орду купцы и ремесленники, но, пожалуй, больше она была связана с Крымом и Хорезмом. В Крыму смешались культура Рума и Ирака, Египта и Шама. Хорезм как в тигле сплавил культуры Китая и Индии, Ирана и Мавераннахра. К тому же он находился ближе к Орде, а значит, и общение кочевников с Хорезмом стало более частым и тесным.

Правда, возводили Сарай-Бату и Сарай-Берке мастера, доставленные из Рума, с Кавказа, из Египта и Руси, но руководили строительством хорезмийцы из города Ургенча.

Став ханом, Узбек сделал своею столицей Сарай-Берке, назвав его Сарай-ад джадид (Новый Сарай). Подражая предшественникам и желая еще больше прославить свое имя, Узбек-хан велел построить новый дворец, мечети и медресе. Он хотел, чтобы его столица походила на Ургенч. Краски и не знающие себе равных по красоте изразцы для отделки зданий везли из Медины и городов Хорезма.

В Сарай-Берке появились рабаты, караван-сараи, ханаки для приезжих мастеров и купцов. Купцы вели свои торговые дела, ремесленники имели возможность заниматься тем, что каждый умел и на что был способен. И уже не привозные, а собственные изделия преобладали на ордынских базарах. Учитывая вкусы кочевников, ремесленники изготавливали для них керамическую посуду, золотые и серебряные украшения, оловянные зеркала и медные кувшины.

Но не только ремесленников и купцов собирал в Орде Узбек-хан. Приехали сюда из Хорезма ученые люди и те, кто обладал знаниями и умением управлять государством. Узбек-хан верил им и назначал правителями золотоордынских городов. Так, городом Азак-Тана[1] правил эмир Мухаммед ходжа Аль-Хорезми, выходец из Ургенча. Золотоордынские беки, эмиры и нойоны становились частыми гостями в медресе и ханаках у правоверных мусульман, выходцев из Хорезма. В беседах с образованными людьми узнавали они многое из того, что

[1] Азак-Тана — город Азов.

удивляло их и заставляло по-иному видеть мир. Нередко гостем хорезмийцев бывал и сам Узбек-хан. Особенно любил он посещать ученого шейха Номодана.

Немалую роль в сближении Золотой Орды и Хорезма сыграл наместник Узбек-хана в Ургенче эмир Кутлук Темир. Решительный и смелый, он не только помог Узбеку в свое время стать ханом, но когда началась грызня других потомков Чингиз-хана за трон, он без всякой жалости расправился с двенадцатью эмирами и султанами. Кутлук Темир постоянно подогревал религиозные чувства Узбека и сам, будучи неграмотным, ревностно заботился о том, чтобы в ханскую ставку отправлялись новые книги, написанные учеными людьми Ургенча или привезенные из чужих земель. Самое лучшее слал эмир в Золотую Орду. Узбек-хан, подозрительный к другим, искренне любил Кутлук Темира и всегда рад был встречам с ним.

В прошлом году эмир заболел и не смог, как обычно, побывать в Орде. Кроме того, до Узбека дошли слухи, что во владениях Кутлук Темира неспокойно. Хан не придал слухам значения, так как хорошо знал эмира и был уверен, что если что-то и произойдет, Кутлук Темир найдет способ, чтобы расправиться с непокорными и установить в землях Хорезма тишину и порядок. И все-таки необъяснимое беспокойство не покидало Узбека. Хан не любил писем. А прибывающий сегодня караванбаши был из тех немногих, кому Узбек доверял. Его слово имело равную цену с золотом.

Была и еще одна причина, заставлявшая хана с нетерпением ожидать караван. Ее он прятал глубоко в сердце, но, помимо его воли, мысль всплывала в памяти, и тогда портилось настроение, накатывалось раздражение. Это случилось вскоре после того, как он стал ханом. Узбек ненадолго приехал в Хорезм. И однажды, возвращаясь с охоты с берегов Джейхуна, остановился на ночлег в ауле рода тама.

Хан был молод, горяч и не хотел сдерживать своих желаний. Ночью он пробрался в юрту к понравившейся ему дочери аульного аксакала и, переборов ее сопротивление, овладел девушкой. Юный хан остался доволен проведенной ночью и, уходя на рассвете, пообещал в скором времени прислать сватов и сделать девушку младшей женой.

Время было беспокойное. Хан еще нетвердо сидел на троне, а Золотая Орда содрогалась от интриг и стычек между чингизидами. Приходилось больше думать о сохранении головы и трона, чем о любовных утехах. В походах и сражениях забыл Узбек о данном им обещании.

Не забыла только она. Вскоре ему стало известно, что девушка беременна. Терпеливо, боясь побеспокоить хана, ждала она сватов, веря, что он все-таки пришлет за нею своих людей.

Но время шло, и о том, что девушка беременна, стало известно всему аулу. Гневу родственников не было предела — велик был позор. В ярости отец был готов убить дочь, но потом, когда гнев утих, он велел отправить дочь в аул ее матери.

Прошел положенный срок, и на свет появился мальчик. Тело его было крепким, а голос громким и требовательным. Родственники, узнав, что ребенок рожден от хана, не посмели его убить. Они поставили для молодой женщины отдельную юрту и зажгли для нее отдельный очаг. Женщина была красивой, и, несмотря на то, что родила ребенка без мужа, многие хотели взять ее в жены, но она не пожелала никого видеть рядом с собой.

Обо всем этом Узбек узнал через три года. Сожаление о невыполненном им обещании растревожило сердце. Но не мог могущественный хан взять в жены женщину, которая родила ребенка, не имея мужа. Что из того, что Узбек знал, чей он? Людям прошлого не объяснишь. Имя хана должно всегда оставаться в

чистоте, и подданные должны произносить его с тайным трепетом, а не с ехидной улыбкой.

Узбек рассказал о случившемся Кутлук Темиру и повелел ему позаботиться о женщине и ребенке. Эмир сделал так, что хан смог тайно увидеть своего сына. Мальчик удивительно походил на Узбека, и тот, растроганный, велел сообщить его матери, что, как только ребенок подрастет, его заберут во дворец и воспитают из него знатного человека и отважного воина.

С горькой усмешкой отнеслась женщина к словам хана, но в народе говорят, что обещание — это уже половина дела. Оставалось надеяться и ждать, что, быть может, на этот раз хан исполнит то, о чем говорит.

Благодаря заботам Кутлук Темира мать и сын ни в чем не знали нужды. Мальчик рос здоровым и крепким, и настало то время, когда люди стали называть подростка джигитом.

Нынешней осенью Узбек собирался забрать его в Орду, но из Хорезма пришло печальное известие, что мальчик неожиданно умер. Кутлук Темир сообщил, что в его кончине виновата болезнь. И впервые хан не поверил в правдивость слов своего эмира. Он не мог объяснить, откуда взялись сомнения. Ему показалось, что за случившимся кроется какая-то тайна.

Узбек никогда не брал этого мальчика на руки — сын был слишком далеко от него, но голос крови властно требовал узнать истину. Ведь с той поры, когда хан увидел, что мальчик внешне похож на него, он мечтал, что сын со временем и в остальном будет подобен отцу.

Неизвестность не давала покоя, и Узбек тайно послал в Хорезм к купцу Жакупу верного человека. Вот в чем была еще одна причина, заставлявшая хана с нетерпением ожидать прихода каравана.

Миновав Кафу, караван из трехсот верблюдов, груженных китайским шелком, индийским чаем, хорезмской сушеной сливой и янтарным кишмишом, двинулся в сторону Судака, где его ждали купеческие суда, готовые поднять паруса и выйти в море с привезенными товарами.

Велев каравану двигаться обычным путем, Жакуп в сопровождении четырех воинов повернул своего коня в сторону Старого Крыма, к ставке хана Узбека.

Здесь его ждали и встретили с подобающим почетом.

Выполнив все, что положено по обычаям степи, отведав ханского угощения, Жакуп, не дожидаясь расспросов, сам начал рассказывать о том, что интересовало Узбека.

Не напрасно доверял ему хан. Зоркие, умные глаза купца увидели многое из того, что было сокрыто от взора тех, кому полагалось видеть, а уши слышали не только то, о чем говорят громко.

Неторопливо и обстоятельно рассказал он Узбеку о том, что неспокойно в Хорезме. На базарах ремесленники, дехкане и торговцы все чаще говорят о Кутлук Темире без должного почтения. А совсем недавно взбунтовались рабы, доведенные людьми эмира до отчаяния. В Ургенче произошло настоящее сражение, и Кутлук Темир с большим трудом справился со восставшими. Руководил рабами улем по имени Акберен.

Хан нетерпеливо перебил Жакупа:

— Его поймали?

— Нет. Такие люди неуловимы. Рабы помогли ему скрыться.

Узбек досадливо поморщился.

— Кутлук Темир болен...— осторожно сказал купец.— Если бы не болезнь, быть может, все сложилось бы по-другому...

— Я знаю, что он болен,— резко бросил хан.

— Эмир болен,— поспешно сказал Жакуп.— Но он готовит войско для вашего похода в Иран...

— Когда он собирается выступить?

— Кутлук Темир ждет вашего слова...

— Хорошо. Но сам он не примет в походе участия?

— Разве пристало нездоровому возглавлять тумены? — Жакуп говорил мягко, стараясь не сердить хана.— В Хорезме неспокойно. Народ хмур, как море перед бурей. В такое время эмиру нельзя быть вдалеке от подвластных ему земель...

Узбек долго молчал. Лицо его стало угрюмым. Наконец он сказал:

— Ты должен сказать мне правду, от чего умер мой сын.

Купец опустил глаза.

— Почему ты молчишь?

— Мне нечего сказать... Я ничего не знаю... Но смерть мальчика необычна. Народ сочинил жоктау — песню-плач. Просто так это не делается. Поют только об очень уважаемых людях или когда человек умирает не так, как ему положено умереть,— от болезни или меча...

Хан подался вперед:

— Спой мне ее!..

Жакуп не осмелился посмотреть Узбеку в лицо.

— Я помню только начало...— осторожно сказал он.— Ее знает один из моих погонщиков...

— Я хочу слышать хотя бы начало,— требовательно сказал хан.

Лоб купца покрылся испариной, а лицо залила бледность.

— Хорошо...— помедлив, сказал он.— Песня начинается разговором матери с сыном...

— Пой! — жестко приказал Узбек.

Вздрагивающим от волнения тихим голосом Жакуп запел:

Мать

Скажи, мой жеребеночек, как быть?
Как нарушу я судьбы приказ?
Бог единственного сына хочет взять
И хочет, чтоб служил ты только ему.

Сын

Разве бог не забирал многих?
Достаточно ведь ему для службы их.
В иной идти не хочется мне мир,
Оставив близких и друзей своих.

Мать

Не обижайся, дорогой ты мой.
Среди людей тебя лишь выбрал бог.
Красавицу из рая даст тебе он,
Когда безгрешным ты к нему явишься.

Сын

Безгрешному и на земле чудесно.
Душа не может миром насладиться.
Пускай красива райская девчонка,
Со сверстницей моей ей не сравниться.

Мать

Велик всевышний, мудр и справедлив,
Он не обидит сына моего.

Иди и не гневи его.
Он двери в рай откроет для тебя.

Сын

Как я пойду туда, милая мать,
Все близкие ведь остаются здесь...
Ну, для чего мне нужен чей-то рай,
Коль я с тобою разлучусь навек?

Мать

Мой дорогой, что делать мне, как быть,
Коль в небесах звезда моя потухла?
С тобою лучше вместе я пойду,
Чтоб ты не знал, родимый, одиночества!

Сын

Не говори так, дорогая мать.
Останься здесь, придумав что-нибудь...
Быть может, явит мне всевышний доброту,
И на земле с тобой останусь я...

Жакуп замолчал, покорно склонив перед ханом голову. Не могло такого быть, чтобы хитрый купец не знал песню-плач до конца. Страх перед Узбеком заставлял его притворяться.

Хан, казалось, не заметил, что Жакуп закончил песню. Лицо его нахмурилось. Теперь он точно знал, что в смерти сына скрыта какая-то тайна. Странная песня, непонятная... Почему сын должен отправиться в рай и почему он не хочет? Что заставляет его отказаться от того, что уготовлено аллахом правоверному мусульманину? Почему он предпочитает променять рай на грешную жизнь на земле? Узбек задавал себе вопросы и не находил ответа. Неспроста сложена эта песня...

— Кто сочинил ее? — с подозрением глядя на купца, спросил хан.

— Песню поет народ...— уклончиво сказал Жакуп.

— Народ? — глаза Узбека зло блеснули.— Разве достойный народ, который верит в аллаха и следует путем пророка Мухаммеда, станет петь ее? Это песня черни, и у нее есть сочинитель... Должен быть...

Хан ждал ответа и смотрел в упор на купца. Лицо того залилось смертельной бледностью.

— Никто не знает всего до конца, великий хан... Ходит слух, что песню сложил улем Акберен, тот, что возглавил восстание рабов в Ургенче...

Ладони Узбека сжались в кулаки.

— Поймать! Во что бы то ни стало поймать! И отрубить голову!..

— Он достоин смерти...— согласился Жакуп.— Осмелившийся взбунтовать рабов...

— Достаточно того, что он сложил такую песню... Уже за это он должен стать пищей шакалов!.. Люди, которые поют его песню, могут подумать, что слова пророка Мухаммеда лживы! Мусульманин должен верить, что после кончины его ждет или рай, или ад. О рае он должен мечтать, а жизнь на земле считать лишь дорогой к нему. Это одна из опор, на которой держится ислам, и никому не позволено копать у ее подножья яму!

— Мудры твои слова, великий хан...— поспешно согласился Жакуп.— Куда денется от твоей мести этот несчастный... У Кутлук Темира длинные руки...— И чтобы как-то уйти от неприятного и опасного разговора, купец добавил: — Не угодно ли взглянуть на подарки, которые я привез в ставку?

— Нет! — резко сказал Узбек. Мысли его были заняты другим.— Завтра я отправляюсь в Орду. Пора готовиться к войне с Ираном, с красноголовыми...

Обрадованный, что хан переменил тему разговора, Жакуп осторожно заметил:

— Было бы хорошо, если бы прибрежные города Ирана стали принадлежать Золотой Орде. Когда-то я слышал поговорку: «Чем будет сыт другой, лучше пусть ест Кандыбай». Так и для нас, купцов. Зачем отдавать наше золото Ирану, если оно может стать твоим, великий хан? Мы никогда не чувствуем себя спокойными, покидая с караванами твои владения. Даже большая плата за провоз товаров не спасает от насилия.

Узбек улыбнулся одними губами. Глаза его оставались холодными.

— Искандер Двурогий говорил: «Там, где не пройдет все войско, проберутся мои ослы, груженные золотом».

— Слишком дорого приходится платить... Мусульманские купцы желают тебе, великий хан, удачи в задуманном деле...

— Хорошо,— сказал Узбек.— Готов ли твой человек для дальней дороги и верен ли он?

— Да, таксир...

— Пусть войдет для разговора, и я дам ему письмо к египетским мамлюкам.

Жакуп низко поклонился хану и, пятясь, вышел из шатра.

В год свиньи (1335), когда свирепые январские морозы сковали озера и реки, осуществился замысел Узбек-хана: его тумены подошли к Дербенту.

Каждый воин имел по две заводные лошади и готов был к стремительному походу. Не желая тратить время на взятие крепости, хан приказал воинам обернуть копыта коней кусками войлока, и тумены, его благополучно прошли по льду замерзшей реки.

Зима года свиньи выдалась необычайно суровой. Отряды иранцев, которые должны были охранять Железные Ворота, не оказали серьезного сопротивления привыкшим к стуже воинам из Дешт-и-Кипчак.

Небо покровительствовало Узбеку. Накануне его похода ушел из жизни ильхан Ирана Абусеит. И, как повелось еще со времени Чингиз-хана, сразу же начались междоусобицы и распри между наследниками. И это тоже помогло хану осуществить задуманное.

Не спеша, не встречая серьезного сопротивления, Узбек вел свои тумены в глубь Ширвана. Остановился он на берегу Куры. На правом берегу реки его ждало иранское войско под предводительством лашкаркаши Арпакауна.

Весна пришла в эти благодатные земли, и думать о переправе, пока не спадет высокая вода в Куре, не приходилось. Оставалось терпеливо ждать.

Мутный бешеный поток с грохотом перекатывал по дну камни величиной с человеческую голову, и воины с обеих сторон забавлялись тем, что грозили друг другу дубинами-шокпарами да изредка пускали одинокие стрелы. До главной битвы было еще далеко, а по земле шла весна...

Позиция для золотоордынского войска оказалась не очень удобной. Узбек вскоре это понял. Кипчакской коннице требовался простор, а здесь он отсутствовал. Каждый день ожидания увеличивал силы иранцев — к ним прибывали подкрепления. С тыла, назойливые как мухи, тревожили иранские отряды, спускавшиеся с гор.

Узбек задумался. Если бы не весенний разлив Куры, он давно овладел бы Арраном и, конечно, не позволил врагу собрать силы для решающего сражения. Теперь обстановка складывалась не в его пользу. Но в события вмешалась судьба. Из Хорезма пришла печальная весть о смерти Кутлук Темира. Предлог для отступления был удачный.

Показав приближенным, что смерть эмира повергла его в глубокое горе, Узбек велел своим туменам возвращаться в Дешт-и-Кипчак. Боязнь оказаться окруженным и разбитым, как во время первого похода в Иран, заставила хана торо-

питься. И еще была причина для отступления — Узбек боялся, как бы после Кутлук Темира не нашелся в Хорезме человек, который бы захотел отделить эти благодатные земли от Золотой Орды. В дни смут обязательно появляется эмир, который приобретает силу и власть над другими. И убрать такого человека с дороги бывает нелегко.

Давно хорезмская знать косится на Орду. Лишь жестокий и сильный Кутлук Темир умел управлять недовольными и держал их в жесткой узде повиновения.

Под луной ничто не вечно. Кто знает: позарившись на Иран, не потеряет ли Орда Хорезм?

Узбек понимал, что на Хорезме держится благополучие Золотой Орды, а поэтому стоит ли в такой час гоняться по степи за куланом и не лучше ли иметь жеребенка на привязи?..

В середине лета тумены Узбека беспрепятственно прошли Дербент и повернули в родные степи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

II

Во все годы своего правления пристально, с затаенной тревогой следил Узбек за течением событий в орусутских землях. Не было единства между орусутскими князьями, и все же что-то настораживало хана, заставляло быть подозрительным.

В год, когда Узбек сел на трон, великим князем владимирским был тверской князь Александр Михайлович. Недобрыми глазами смотрел он в сторону Золотой Орды и выжидал удобного случая выйти из-под руки золотоордынских ханов. В год барса (1327), когда Узбек собрался в свой очередной поход на Иран, восстала Тверь. Поход пришлось отложить.

В это тревожное для Орды время принял ее сторону московский князь Иван Данилович, прозванный впоследствии Иваном Калитой. Вместе с туменами хана двинулись на Тверь и московские полки. В благодарность Узбек через год после восстания пожаловал Ивана званием великого владимирского князя и доверил сбор податей со всех орусутских земель. С этого времени между Ордой и Русью установились внешне добрые и мирные отношения.

Никто, пожалуй, лучше князя Ивана Даниловича не понимал, что не пришло еще время сбросить ненавистное ярмо. Прежде надо сделать Русь сильной, богатой, собрать все силы под одной рукой. Пользуясь доверием Узбек-хана, князь Иван принялся укреплять Московское княжество, где лаской, а чаще силой принуждая князей-соседей к покорности. Без жалости и сострадания собирали его люди подати с крестьян, потому что и ордынского хана надо было улестить, и про свою казну не забыть.

Набирала силу Москва, и другие князья, видя ее могущество, смиряли гордость и искали покровительства и дружбы у богатого соседа.

Как ни тяжелы были княжеские поборы, но реже ходили золотоордынцы на русские земли войною, не пылали города, не лилась кровь. Относительное спокойствие установилось на Руси. Низко держал голову перед Ордой хитрый Иван Калита, но твердо вел свою линию.

Тишина на Руси давала возможность Узбеку пристальней наблюдать за делами в джагатаевском улусе. После смерти Кайду в один год рассыпалось, словно ком пересохшей земли, все то, что собирал он долгие годы. Мавераннахр, Семиречье, Восточный Туркестан... Каждый теперь имел своего правителя и никому не хотел подчиняться.

В год зайца (1303) ханом Джагатаева улуса с помощью Тубы сделался старший сын Кайду — Шапар. Но через четыре года ханом объявил себя его сын Кунжек. Недолгим было и его правление. Через два года он умер так же внезапно, как умирало большинство чингизидов. Быстро закатилась и звезда Толуя — внука Бори, умерщвленного когда-то Менгу-ханом. Его убил сын Тубы — Кебек.

Воспользовавшись междоусобицей, свергнутый в свое время Шапар решил вновь сделаться ханом. Он собрал войско и двинулся на Кебека. Сражение произошло на берегу реки Или и закончилось полным поражением Шапара.

Разоренные бесконечными войнами, пришли в упадок Мавераннахр и Восточный Туркестан. Народ роптал. По дорогам бродили разбойники, грабя местных жителей и отбирая у них последнее достояние, которое не забрали враждующие между собой чингизиды.

И тогда Кебек, не решаясь стать ханом, собирает чингизидов на курултай. Съехались потомки Джагатая и Угедэя. Ханом провозгласили старшего сына Тубы — Есен Буги. Отныне земли, принадлежащие Кайду, вновь перешли в руки потомков Джагатая.

Есен Буги оказался человеком с твердой рукой. Он сумел заставить остальных чингизидов подчиниться себе. Да и не время было для ссор. Все чаще совершали набеги на восточные земли улуса китайцы.

Есен Буги нуждался в союзниках для борьбы с Юаньским царством, и он послал своего человека к Узбек-хану, только что севшему на трон Золотой Орды. Однако Узбек не спешил с ответом. Его не интересовала война с далекими от его границ китайцами. Только спустя несколько лет он согласился на совместный с Есен Буги поход против Ирана. Однако поход из-за предательства нойона Ясуара окончился неудачей. Непрочный союз между Золотой Орды и улусом Джагатая распался.

В год лошади (1318) Есен Буги ушел из жизни. Его место занял второй сын Тубы — Кебек. Первое, что он сделал, перенес свою ставку из предгорий Тянь-Шаня в Мавераннахр. Он велел построить город Карши и отсюда начал править подвластными ему землями.

Оставаясь по образу жизни и по вере монголом, новый хан тем не менее не притеснял мусульман. Религии его не интересовали.

Совсем по-иному относился к ним Узбек-хан. В год курицы (1321) он получил новое мусульманское имя Султан-Мухаммед-Узбек. И, желая еще больше его прославить угодными богу делами, он по просьбе шейха великого Зенги-ата решил обратить в мусульманство те народы, которые до сих пор не считали для себя единственно верным путь, указанный пророком Мухаммедом. Таких еще много оставалось в Мавераннахре. Именно поэтому, собрав большое войско, Узбек, заранее предупредив хана Кебека, зачем он идет в Мавераннахр, выступил в поход.

Кебеку пришлось уступить Узбеку. Не хватало сил противостоять могучей Золотой Орде.

Иранцы, сталкиваясь на полях сражений с золотоордынскими воинами, называли их по имени хана Узбека — узбекианами. Постепенно и его воины привыкли к этому прозвищу. Задуманное ханом Узбеком легко исполнялось — за ним стояло войско, и потому новообращенных в Мавераннахре стали называть тоже узбекианами, а позже — просто узбеками.

Один из братьев Кебека, исповедующий буддизм, не простил ему легкой уступки Узбеку и задушил хана в постели. Место Кебека на троне занял Ельшигитай. Это было время, когда усилилась связь Востока с Западом. Издавна по караванным тропам Шелкового пути вместе с купцами шли и католические миссионеры. Благодаря им и доходили до Европы, не тронутой монгольскими нашествиями, сведения о далеких и загадочных восточных странах и их свирепых правителях.

Еще во времена правления Кебека венецианский посол в Табризе Марко да Молин в письме к дожу сообщал, что караванные пути, проходящие через Иран, становятся опасными, а мусульмане все нетерпимее относятся к купцам-иноверцам. Папская курия, обеспокоенная таким положением дел, решила усилить свое

влияние в Золотой Орде и Джагатаевом улусе. Для этого намечалось создать новые епархии в Иранском царстве, Внутреннем Индостане, в Мавераннахре, в Хорасане и Туркестане. На Восток хлынул поток миссионеров.

Зная, что новый хан Мавераннахра Ельшигитай не привержен мусульманской вере, а больше тяготеет к христианам, папа Иоанн XXII назначил епископом Семисканта (Самарканда) уже неоднократно бывавшего на Востоке Томазо Мангазоло.

В это время Семиречье и Восточный Туркестан, где правил Дурра Темир, хотя и подчинялись Мавераннахру, на самом деле уже вышли из-под его контроля. Границы Джагатаева улуса сократились. Томазо Мангазоло быстро нашел путь к сердцу Ельшигитая. Христианская община в Мавераннахре вновь получила привилегии и начала завоевывать новых сторонников.

Шейх Золотой Орды Сеид-ата, узнав об отступниках, потребовал, чтобы Узбек наказал Ельшигитая. Однако Ельшигитай покинул бренный мир раньше, чем его настигла карающая рука хана Золотой Орды.

Пришедший на смену Тармаршин — буддист, недавно задушивший родного брата Кебека за его уступчивость мусульманину Узбеку, попросив у всевышнего прощения за свои грехи, принял мусульманство. Мечеть простила ему убийство брата и нарекла его новым именем — Алладин. Все возвращалось на круги своя.

Алладин жаждал славы. Он словно забыл, что в его улус входят Семиречье и Восточный Туркестан, и за все годы правления ни разу не побывал в этих землях. Зато, рассчитывая прославиться как военоначальник, совершил поход в Индостан.

Тщеславный, готовый на все ради того, чтобы о нем говорили, Алладин дальше и дальше отходил от обычаев монголов, от заветов великого Чингиз-хана. Воспользовавшись недовольством народа и знати, сын Дурра Темира — Бозан поднял против Алладина восстание. Тот бежал в город Газан, но по пути был схвачен балхинским эмиром Джанги, который поспешил его выдать Бозану. Предводитель восставших недолго думал, как поступить с пленником. Он собственноручно отрубил ему голову и объявил себя ханом Джагатаева улуса.

Бозан исповедовал ислам, но это не помешало ему жестоко разделаться со всеми своими противниками — близкими ему по крови чингизидами. Новый хан правил недолго. В год собаки (1334) он утонул в водах Или, и на трон сел внук Тубы — Женкиши. Оберегая свою жизнь, он решил быть подальше от своих родственников и перевел ставку в Алмалык. Хан боялся и ненавидел мусульман, и потому двери его дворца в Алмалыке широко открылись перед христианскими миссионерами. Спустя много лет Базиньянский епископ Джованни Мариньолли запишет в своей хронике: «Затем мы приехали в центр империи Алмалык. Купили участок, выкопали колодец, построили костел. Несмотря на то, что за год до этих событий здесь во имя Иисуса Христа приняли мученическую смерть епископ и шесть его сподвижников, мы открыто, не боясь никого, отслужили по ним мессу».

Вольготно чувствовали себя под покровительством Женкиши в Алмалыке католики, но не дремали и мусульманские шейхи. Борьба шла открытая и яростная. Взаимные расправы, тайные убийства стали обычным делом. В Алмалыке, по дороге в Китай, останавливался архиепископ Николай. А папские эмиссары Франциско Раймонду Руф и Лаврентий, излечив Женкиши от долго мучившей его болезни, уговорили хана окрестить его маленького сына и после совершения обряда дали ему имя Иоанн.

Сильна была религиозная рознь в Алмалыке, но еще более жестокой и кровопролитной оказалась борьба за власть. Потомки Джагатая и Угедэя словно обезумели. Они убивали друг друга, вели бесконечные войны. Мавераннахр, Семиречье, Восточный Туркестан оказались разоренными. Приходило в упадок

ремесло, зарастали травой поля. Люди никогда не знали, кто у них хан и какой придерживаться веры, чтобы не потерять голову и не лишиться хозяйства.

В одной из стычек нашел свой конец Женкиши, и ханский трон захватил правнук Угедэя — Али-Султан, но вскоре его убил внук Кенжека — Мухаммед-Болта, а того, в свою очередь,— сын Ясуфа — Казан...

На долгие годы растянулась жестокая борьба между чингизидами за трон Джагатаева улуса. И не знал никто, не ведал, что уже лежал в колыбели тот, кто своею железной рукой властно пригнет к земле головы непокорных и заставит с трепетом произносить его имя — Тимур.

Пройдет еще немало времени, прежде чем Хромой Тимур утопит землю в крови, а пока ее в изобилии проливали потомки Чингиз-хана, выслеживали и уничтожали друг друга султаны и беки, и жестокие схватки под знаменами разных религий вспыхивали подобно молниям на многострадальной земле Джагатаева улуса...

Повсюду, где правила кривая монгольская сабля, роптал народ. Подолгу копил он ярость и внешне казался покорным, но наступало такое время, когда народ становился подобен дикому, необъезженному тулпару, вдруг вставал на дыбы, и его ненависть обрушивалась на тех, кто стоял на его пути. Он переставал повиноваться хану, не слушал льстивых слов судей — биев. Народ требовал справедливости и отмщенья за пережитые унижения, за вечный страх потерять голову.

По-разному укрощали правители взбунтовавшийся народ. Если на их стороне было войско, то устраивалась всеобщая резня; если хан чувствовал, что сил у него маловато, он не скупился на обещания и посулы.

В год свиньи (1335) в Хорезме восстали рабы и ремесленники. По сравнению с Мавераннахром жизнь здесь была более сносной. Кутлук Темир правил рукой жестокой, но не допускал междоусобиц среди чингизидов. И тем не менее изнутри ханство клокотало яростью. Как и везде, где правили чингизиды, солнце и луна светили только тем, кто был богат и знатен, для простых же ремесленников и дехкан жизнь еле теплилась.

Хорезм издавна славился торговлей рабами. На базарных площадях Ургенча можно было купить невольников из всех земель, куда ступало копыто монгольского коня. Здесь продавали рыжебородых орусутов и чернобородых кипчаков, дехкан Мавераннахра в пестрых тюбетейках, туркменских аламанов в высоких лохматых шапках... Отсюда, из Ургенча, живой товар перепродавался в Китай и Египет, в Индию и Рум.

В год свиньи на базарах Хорезма появилось особенно много невольников. Из-за смутного времени не приехали за живым товаром купцы из Египта, Ирана и Рума. Торговцы из Китая и Индии отобрали лишь молодых мужчин и красивых девушек. Тех же, на кого не нашелся покупатель, хозяева держали впроголодь. Вчерашние ремесленники, дехкане, воины десятками, сотнями умирали от голода и болезней. Число не проданных в этот год невольников на базарах Хорезма достигло почти десяти тысяч. Некоторые из них настолько обессилели, что не могли подняться с земли.

Именно в это время на невольничьем рынке Ургенча появился смуглолицый, в полосатом халате и голубой чалме человек, похожий на иранца. Трудно было узнать в нем кипчака Акберена. Никто не знал ни его прошлого, ни настоящего. Он мальчишкой покинул эти края в смутное и жестокое время. Детская память хранила дымы пожарищ, тела убитых на улицах восставшей Бухары. Тогда погибла и его приемная мать Кундуз. Другу отца, предводителю рабов Тамдаму, удалось бежать от ханской мести и спасти мальчика. После долгих скитаний они очутились в Багдаде.

Нелегкой оказалась жизнь на чужбине. Тамдаму удалось стать учителем в одном из мусульманских медресе. Выдав мальчика за своего сына, он обучил его грамоте.

Акберен оказался смышленым учеником — науки давались ему легко. Прошли годы, и он поднялся до звания улема — ученого-богослова. Умирая глубоким старцем, Тамдам рассказал юноше о событиях многолетней давности в землях Золотой Орды и причину их бегства на чужбину.

— Когда я умру,— сказал Тамдам,— ты должен вернуться на родную землю. Так уж устроено и предопределено в этой жизни: человек не может не вернуться на то место, где он впервые увидел свет. Ты старательно учился и прочитал много умных книг, и потому твое место не в Багдаде, а на родной земле Дешт-и-Кипчак. Обещай мне, что выполнишь мою просьбу.

Акберен сдержал слово. Через три года после смерти учителя он оказался во владениях Золотой Орды.

Молодой улем ходил по городам Хорезма, и душа его наполнялась смятением, а лицо мрачнело. Бесправие и произвол видел он вокруг. Как и в годы его детства, народ был нищ и не знал справедливости.

Особенно поразил Акберена невольничий рынок в Ургенче. Он увидел мертвых рабов под стенами глинобитных дувалов, увидел, что те, кого смерть пока пощадила, похожи уже не на людей, а на их тени. Но разве была у него возможность хоть чем-то помочь им? Сам нищий, носящий свое имущество с собой, Акберен не мог ни накормить людей, ни дать им одежду вместо рубищ. И тогда, объятый негодованием, он отправился в летнюю ставку Кутлук Темира — правителя Хорезма.

Эмир, как и другие потомки Чингиз-хана, с наступлением лета покидал дворец и переселялся в юрту. Место для его ставки выбиралось красивое, с богатым разнотравьем, с чистой горной рекой или светлыми родниками. Делалось так, как повелось издревле у монголов.

Никогда бы безродному улему не удалось увидеть Кутлук Темира, если бы он не обронил словно невзначай загадочные слова начальнику стражи: «Я из Багдада... Мне есть что сказать пресветлому правителю Хорезма...»

Эмир находился в плохом настроении. Прошлую ночь ныла печень и мешала сну. Не помогли унять нудную боль даже горячие хлебные лепешки табанан, которые лекарь прикладывал к вздувшемуся правому боку. Утром эмир выпил крепкого отвара дубовой коры, но от нее во рту только усилилась горечь.

В другое время Кутлук Темир не стал бы никого принимать, но сейчас, мучаясь от приступов то утихающей, то усиливающейся ноющей боли в боку и услышав от начальника стражи, что неизвестный прибыл из Багдада, решил, что, быть может, разговор поможет забыть хоть ненадолго о недуге.

Стражник откинул цветную занавеску, закрывающую вход в юрту, и пропустил улема.

Акберен, переступив порог, склонился в низком поклоне. А когда поднял лицо, увидел двух воинов, стоящих по правую и левую сторону от него, с обнаженными саблями. Затем глаза его, еще не привыкшие к полумраку, увидели толстый деревянный столб, поддерживающий свод огромной юрты. Столб обвивали тускло мерцающие серебряные змеи. И только после этого улем рассмотрел самого эмира.

Кутлук Темир возлежал на почетном месте — торе, устланном огненно-красным ковром, опершись локтем на белоснежные подушки. Лицо его, с длинными вислыми усами, было желтым и неприветливым.

Сердце Акберена, как он ни старался сохранить спокойствие, застучало сильно и часто. Улем справился с волнением и теперь уже без волнения оглядел юрту.

Кроме эмира здесь были его младшая жена Сакип-Жамал и незнакомый Акберену, даже по слухам, человек.

Мужчина мусульманин. Это улем определил сразу. Как и полагалось по этикету, он сидел немного ниже Кутлук Темира на атласной подушке, и в руках его были четки из крупного черного жемчуга удивительной красоты.

Бесспорно было одно: даже если этот человек не из знатного рода, то он очень богат и умен. Акберен уловил на своем лице его внимательный изучающий взгляд.

— Ассалам агалейкум...— произнес улем.

— Агалейкум ассалам...— ответил на приветствие мужчина.

Эмир промолчал.

В юрте наступила тишина. И никто бы не предсказал, что она предвещает — милость эмира или его гнев.

Слышно только, как Сакип-Жамал, сидящая от Кутлук Темира по левую сторону, тихо помешивает кумыс серебряным черпаком в большой деревянной чаше.

Без труда по лицу и одежде Акберен узнал в ней кипчачку. На молодой женщине красный камзол с нашитыми блестками, белое длинное платье с двойными оборками понизу. Голову прикрывал женский головной убор — саукеле, такой же красный, как и камзол, украшенный жемчугами и кораллами. На ногах ичиги из красной кожи с голубым орнаментом. Руки унизаны золотыми и серебряными кольцами с тускло посверкивающими в полумраке юрты драгоценными камнями.

Но особенно поразило Акберена лицо Сакип-Жамал. Оно было удивительно чистым, свежим и, как показалось улему, похожим на только что распустившийся степной цветок.

Собрав в кулак свою волю, готовясь начать разговор с эмиром, Акберен чувствовал на себе короткие, быстрые взгляды женщины.

— Ну, говори, кто ты и откуда? — прервал затянувшееся молчание Кутлук Темир. Глаза его холодно и изучающе всматривались в лицо улема, а рука, словно сама по себе, поглаживала правый бок, пытаясь унять боль.— Какая буря загнала тебя в наши края из Багдада?

— Я не перекати-поле, гонимое ветром...— губы Акберена тронула едва заметная улыбка.— Кипчакская степь моя родная земля. Здесь я родился. В детстве купцы увезли меня в Багдад, и только теперь я вернулся... Зовут меня Акберен.

Сакип-Жамал резко вскинула голову и пристально посмотрела в лицо джигита.

Еще в Ираке и Сирии слышал Акберен, что эмира называют опорой Золотой Орды. Сейчас, глядя на его могучую фигуру, неподвижное желтушное лицо, улем подумал, что Кутлук Темир еще и божье наказание для своих подданных. От него не дождешься ни добра, ни справедливости. Мелькнула мысль, что даже его младшей жене живется, наверное, несладко, хотя ее пальцы и унизаны золотыми кольцами.

Лицо эмира исказила гримаса боли, и он стал торопливо поглаживать вздрагивающей рукой правый бок. Спустя некоторое время лицо его прояснилось.

— Кипчаки тебе родственники... Выходит, что тогда я твой нагаши — дядя. Во мне ведь тоже есть кровь кипчаков. Возможно, и этот купец Жакуп твой ближайший родственник? — Кутлук Темир указал рукой на незнакомого мужчину.

Акберен отрицательно покачал головой и смиренно сказал:

— О купце я ничего сказать не могу... А о вас... Простой кипчак никогда не был родственником потомков ханов...

— Вот как ты умеешь разговаривать!..— эмир нахмурился.— Придет время, и мы разберемся, кто родня, а кто чужой... А теперь говори, по какому делу пришел.

Сакип-Жамал протянула Кутлук Темиру серебряную пиалу с пенящимся кумысом. Эмир неторопливо отпил глоток.

— Два дела привели меня к вам...— Акберен помолчал, собираясь с духом.— Если вы разрешите, я хотел бы в Ургенче или в другом городе открыть медресе, чтобы обучать кипчакских детей грамоте и слову божьему...

— Говори дальше...

— Второе...— голос Акберена зазвучал глухо. Он едва справлялся с охватившим его волнением.— Вчера я был на невольничьем рынке в Ургенче. Сердце мое наполнилось болью...

— И что же ты там увидел такого, что так взволновало тебя, почтенный улем? — в голосе Кутлук Темира звучала насмешка, а глаза стали недобрыми, холодными.

Акберен сделал вид, что не заметил насмешки в словах эмира.

— На рынке собралось почти десять тысяч невольников... Поскольку купцы из многих государств в последнее время боятся отправляться в долгий и опасный путь, цена на рабов упала. Те, кому они принадлежат, начали говорить, что невольники не стоят сейчас даже того, что съедают... Их не кормят и не дают им одежды... Многих уже взял к себе аллах, другие живут в ожидании скорого смертного часа. Но ведь и невольники люди...

— Так чего же ты хочешь от меня?! — резко спросил Кутлук Темир.— Быть может, мне приказать воинам перебить всех рабов?!

— Зачем их убивать...— печально возразил Акберен.— Они скоро умрут сами... В вашей власти даровать им свободу... Вчерашние рабы станут обрабатывать землю и ковать железо... Среди них есть хорошие воины, и они могли бы служить Золотой Орде...

— По тому, как ты говоришь о рабах, похоже, что и ты происходишь из их племени. Зачем же тогда надел голубую чалму улема? Быть может, твое место среди них?

Боль не оставляла тела Кутлук Темира, и необъяснимое раздражение и злость туманили ему голову.

— Я пришел к вам как к повелителю народа Хорезма...— ровным, спокойным голосом сказал Акберен. Он уже понял, что пришел в юрту эмира напрасно, но отступать было поздно.— Пророк Мухаммед учил нас жалости к ближнему. Если невольникам нельзя дать свободу, то прикажите тем, кому они принадлежат, проявить милость к несчастным и давать им каждый день еду и хоть какую-нибудь одежду. Не то...

— Что ты хотел сказать?! — глаза Кутлук Темира блеснули.

— Я хотел сказать, что несчастные иначе умрут...

— Мне кажется, что ты хотел сказать что-то другое...— эмир погрозил Акберену пальцем.— Но поскольку ты приехал издалека, я на первый раз прощаю твои неразумные речи. Будет лучше, если наши пути больше никогда не пересекутся... Как поступать с рабами, знают те, кому они принадлежат...

Акберен понял, что пора уходить. То, на что он надеялся, никогда не сбудется. Волк не знает жалости к овце, и ее боль ему недоступна. Он поднялся на ноги и склонился в низком поклоне.

— Подожди.— Кутлук Темир остановил улема.— Почему ты уходишь, не узнав, что я отвечу на твою первую просьбу?

Акберен выжидающе молчал.

— Так вот, слушай мое слово. Человеку, который думает о благополучии рабов, нельзя доверять детей. Кипчакские дети должны расти жестокими и без-

жалостными, как волки. Только тогда из них получатся настоящие воины, способные высоко поднять славу Золотой Орды. Знания делают души людей мягкими. Сейчас и всегда счастье сопутствует тем, кто подобно волку, не знает жалости к другим. Те же, кто осмеливается поднимать голос за рабов, слабые люди. И если я разрешу тебе открыть медресе, то чему хорошему сможешь ты научить детей? Тебе все понятно, улем?

Лицо Акберена залила смертельная бледность. Низко поклонившись, он вышел из юрты эмира.

Зная крутой нрав Кутлук Темира, ни Сакип-Жамал, ни Жакуп не проронили ни слова.

Не разбирая дороги, брел по пыльной степи Акберен. Далеко позади остались ставка эмира и молчаливые нукеры с длинными копьями, стерегущие его жизнь и покой. Высоко в небе, будто роняя серебряные зерна на сухую землю, пел жаворонок. Но улем не слышал птичьи трели. Ярость, чувство бессилия душили его, а глаза застилала кровавая пелена.

Акберен, отправляясь к Кутлук Темиру, сердцем чувствовал, что напрасно теряет время, но где-то в глубине души тлела слабой искрой надежда, и хотелось верить в чудо. Ханы не факиры — они не совершают чудес. Разве не этому учил его Тамдам в долгих беседах? Разве не говорил мудрый старик, что счастье человека только в его руках?

Постепенно он успокоился и словно прозрел — перед ним растилался мир, полный чудесных красок и райских звуков. Акберен понял, что без борьбы ничего не добьешься и ему остается только победить или погибнуть. Третьего не дано. Но чтобы победить сильного, надо собрать слабых и сделать их несокрушимыми. Сколько их бродит по землям Золотой Орды! Начинать надо с невольников. Не может такого быть, чтобы их не поддержали ремесленники Ургенча. Народ стонет от несправедливости и поборов эмира. Если сольются эти две силы, они могут смело подняться против Кутлук Темира, и, быть может, если поможет аллах, победа окажется на их стороне. Отсюда, из городов Хорезма, пожар охватит великую степь Дешт-и-Кипчак, Мавераннахр. Суметь бы разжечь этот пожар. Как ни сильна Золотая Орда, но и она не сможет противостоять народу, если его охватит гнев. Народ устал и настрадался, сейчас подобен сухому камышу. Нужны лишь искры и ветер, тогда костер вспыхнет.

Акберен вдруг вспомнил младшую жену эмира Сакип-Жамал. Что-то знакомое почудилось ему в этой молодой красивой женщине. Улем был твердо уверен, что никогда не встречал ее. Тогда что же заставляет его думать о ней, почему, когда он назвал свое имя, она так стремительно вскинула голову и во взгляде ее мелькнула растерянность? Быть может, эта женщина ему когда-то приснилась, потому что в действительности он ее не видел. Двенадцатилетним увез его Тамдам в Багдад. А может, память забыла встречу, а сердце помнит? Тогда где же он ее встречал?

Перед Акбереном встали глаза Сакип-Жамал — большие, чистые, нежные. Он готов был покляться, что ему знакомы эти глаза. А может, такими он запомнил глаза своей приемной матери Кундуз? Нет. Здесь была какая-то тайна.

Акберену почудилось, что стоит он посреди бескрайней степи, солнце над которой еще не взошло, а молочно-белый туман плывет над низинами и где-то тревожно кричат журавли.

Сакип-Жамал... Как же он забыл это имя?! Туман начал редеть, и Акберен отчетливо вспомнил то, что было с ним двадцать лет назад. Ему словно открылось прошлое...

Маленькая смуглая девочка с тонкими коротенькими косичками... Акберен хорошо знал ее. Тогда, после гибели Кундуз, после подавления восстания рабов,

Тамдам, скрываясь от мести хана Берке, задумал уйти в Ирак. Путь был неблизкий и в одном из аулов, что расположился в нижнем течении Сейхуна, они остановились на ночевку.

Печально встретил их кипчакский аул. Горе пришло в него. Семилетнюю дочь старейшины укусила змея, и глаза девочки уже начала закрывать пелена смерти. Узнав о беде, Тамдам, взяв с собою Акберена, направился в юрту старейшины аула. Он, как всякий человек, которому часто приходилось скитаться по свету, умел и знал многое. Знал он, какими травами лечить человека, укушенного серой песчаной змеей.

Три дня не отходил Тамдам от девочки, и, наконец, на четвертый день она открыла глаза и снова увидела мир таким, каким он был. Судороги не сотрясали ее тело, и ей захотелось жить.

Караван не мог ждать человека, случайно присоединившегося к нему в пути. Он снялся и ушел своей дорогой.

Отец девочки, счастливый, что беда миновала его юрту, уговорил Тамдама остаться и погостить в ауле еще три дня, обещая после дать коней и провожатых, чтобы они догнали караван. Тамдам с Акбереном остались.

Три дня провел Акберен рядом с маленькой Сакип-Жамал. Она еще не поднималась с постели, и он рассказывал ей сказки и веселые истории. Старейшина аула поклялся тогда, что, как только дети подрастут, он соединит их, потому что в счастливом исходе видел волю аллаха.

Тогда-то и запомнил Акберен взгляд Сакип-Жамал. Он не забывал, что у него где-то есть нареченная, но прошедшие годы отдалили девушку, и события двадцатилетней давности порой казались ему сном.

И вот сегодня... Прошлое словно вернулось и напомнило о себе растерянным взглядом Сакип-Жамал. Значит, и она помнит то, что было в детстве. Но что можно изменить, как поправить, если его суженая стала женой эмира Кутлук Темира, правителя Хорезма? Кто откажет хану, кто станет на его пути и не исполнит его воли?

Волна ненависти к эмиру захлестнула Акберена. По телу прошла дрожь. Душа требовала отмщения.

День угасал, солнце село за край земли, когда улем подошел к Ургенчу. Этой же ночью он встретился с предводителями рабов, и они проговорили до рассвета...

Не смогла сомкнуть глаз этой ночью и Сакип-Жамал. Она лежала с Кутлук Темиром, а мысли ее были далеко. Она вспоминала прошлое, и сердце ее учащенно билось. Рядом не спал, ворочался Кутлук Темир, тяжело вздыхал, иногда постанывал сквозь зубы от боли.

Зная его подозрительность, Сакип-Жамал лежала тихо, притворялась спящей, а в голове одна за другой сменялись картины далекого прошлого. Она смутно помнила детство, почти забыла лицо того мальчика, который должен был стать ее мужем, потому что он после той встречи не появлялся в их ауле. Отец и мать рассказывали ей о нем, и все же она не могла его представить себе. Хорошо помнила Сакип-Жамал только его имя — Акберен.

Тот ли был Акберен или случайно совпало имя, женщина не знала. Но встреча всколыхнула прошлое, заставила думать. Впрочем, все в руках аллаха. Ни один волос не упадет с головы человека без его воли. Значит, так и должно было произойти, как произошло.

Сакип-Жамал повзрослела, когда беда пришла в их дом— от холеры, что, подобно свирепому ветру, прокатилась в тот год по городам и степям Хорезма, умерли отец и мать. Аллах пощадил ее. А потом девушка попала на глаза Кутлук Темира, проезжавшего через их края с отрядом телохранителей, и пожелал взять ее в жены.

Кто бы воспротивился желаниям эмира?! Да и надо ли? Сакип-Жамал о желании и согласии никто не спрашивал, а для простого народа то, что случилось, казалось великим счастьем, выпавшим на долю сироты.

Но для самой Сакип-Жамал все, что произошло, показалось дурным сном. Она боялась и ненавидела Кутлук Темира — огромного, заплывшего жиром и старого. Но мужская сила еще не оставила эмира, и незаметно для себя Сакип-Жамал стала получать наслаждение от проведенных с ним ночей. Он больше не казался ей страшным, потому что она знала, каким он бывает в минуты страсти.

Женщина даже не делала попыток что-либо изменить в своей жизни. Она была покорна прихотям и желаниям мужа.

Кутлук Темир отличил ее от других своих жен и привязался к ней сердцем. Он одел ее в шелк, украсил золотом и почти каждую ночь, проводил в ее шатре.

Сакип-Жамал не родила ему ребенка, но эмир не очень тужил. Детей у него хватало от других жен, и Кутлук Темиру даже нравилось, что младшая жена не беременеет, сохраняя красивую фигуру и нежный цвет лица.

Все шло хорошо до тех пор, пока эмир не начал болеть. Ему перевалило за шестьдесят, и время, и болезнь сделали его раздражительным, отняли силы. Он не предавался с прежней страстью любовным утехам, и Сакип-Жамал, здоровая и красивая, переполненная желанием, с телом, жаждущим любви и ласки, ощутила пустоту.

Супружеская постель стала холодна. Больше не совпадали их желания, и даже в мыслях они отдалились друг от друга. Кутлук Темир чаще думал о том, кто станет править Хорезмом после его смерти, думал о детях, которых он оставит после себя в этом беспощадном, полном звериной ненависти мире. Сакип-Жамал тоже поняла, что лучшее из того, что у нее было, осталось позади. Уйдет Кутлук Темир, и некому будет ласкать ее тело, а у нее даже нет ребенка, ради которого стоило бы переносить одиночество. Сакип-Жамал поняла, что счастье ее призрачно. Ни золото, ни дорогие одежды не дадут ей того, что она имела бы, сложись жизнь по-иному. Так, как у ее подруг из родного аула. То, что было между ней и Кутлук Темиром, вовсе не любовь. Страсть затуманила, закрыла от нее главное, ради чего стоило и надо было жить.

Вот почему услышанное ею имя Акберена заставило сердце стучать сильно и громко. Это было похоже на голос из прошлого, на напоминание, что есть в мире иная жизнь.

Раньше, в молодости, Кутлук Темиру часто приходилось страдать от ран, полученных в битвах, и боль, казалось бы, была сильнее, чем сейчас, но почему тогда хотелось скорее выздороветь и жить, а нынче он к жизни равнодушен? Он отвернулся от жены и молил аллаха, чтобы тот послал ему покой и глубокий сон...

Утром, оставшись одна, Сакип-Жамал позвала в свой шатер Адильшу. Юноша был внебрачным сыном Узбек-хана, рожденным от кипчачки Бубеш. По приказу хана Кутлук Темир взял в ставку сына и мать.

Сакип-Жамал знала Бубеш с юности. Когда-то каждый год их аулы встречались на летних джайляу, и поэтому к сыну подруги она относилась как к младшему брату.

— Айналайын! Милый! Ты стал взрослым и должен уметь хранить тайны. Тебе исполнилось пятнадцать лет...— сказала Сакип-Жамал.

Юноша преданно смотрел ей в глаза, не перебивал, ждал, что скажет дальше его покровительница. Сакип-Жамал помедлила. Ею вдруг овладели сомнения: стоит ли доверять кому-то свою тайну? Но иного выхода не было — женщина знала, что лучше Адильши никто не справится с ее поручением.

Сакип-Жамал понизила голос до шепота, хотя они были одни и никто не мог их услышать:

— Ты видел вчера в ставке человека в голубой чалме?

Адильша кивнул:

— Да. Я видел его еще раньше, на базаре в Ургенче. Говорят, он приехал к нам из какого-то далекого города. Он улем — ученый человек...

— Правильно...— женщина кивнула.— Завтра вы едете с нукерами в Ургенч. Постарайся встретить этого человека снова... Я передам для него письмо... Но запомни: о нем никто не должен знать... Если о письме кто-нибудь узнает, нам с тобой не сносить головы...

Юноша, стараясь сохранить серьезный вид, как это и полагается взрослому воину, кивнул:

— Я все сделаю так, как вы велели...

Сакип-Жамал облегченно вздохнула. Пусть все будет так, как будет. У нее не было выбора. Только доверившись кому-то, могла она отыскать Акберена в шумной и пестрой сутолоке Ургенча.

Адильша чувствовал себя на базаре свободно и просто — он видел то, что хотел видеть, а уши его улавливали только то, что он хотел слышать. Незаметно отстав от нукеров, он направился к лавкам ремесленников, где уже однажды встречал улема. Предчувствие не обмануло его. Вскоре Адильша увидел того, кого искал.

Улем сидел в лавке мастера-чеканщика и пил с ее хозяином зеленый чай. В руке его на растопыренных пальцах ловко уместилась белая, в мелких от старости трещинках пиала. Крупные капли пота блестели на его высоком смуглом лбу.

— Ассалам агалейкум! — приветствовал его Адильша, не отрывая взволнованных глаз от глаз улема.

Тот удивленно посмотрел на незнакомого юношу и только собрался ответить на его приветствие, как в ладонь скользнул клочок бумаги. Ни о чем не спрашивая, Акберен повернулся спиной к текущему мимо лавки людскому потоку и пробежал письмо глазами:

«Был мальчик по имени Акберен, который с детства был наречен мне в мужья. А кто же вы?»

Подписи не было, но догадка обожгла улема — письмо от Сакип-Жамал, и написать это могла только она одна. Лицо Акберена побелело. Он посмотрел на чеканщика, и тот, видимо догадавшись, что нужно улему, кивнул ему на маленькую низкую дверь в глубине лавки.

— Подожди меня, славный юноша...— сказал улем.— Я сейчас вернусь...— Акберен скрылся за дверью.

На низеньком столе в крохотной комнатке, где могло поместиться не более двух человек, он увидел чернильницу и калам — тростниковую ручку. Два слова написал Акберен на письме, принесенном Адильшой: «Это я!»

Вернувшись в лавку, улем незаметно вложил письмо в руку юноши.

— Передай его той, которая послала тебя...— сказал он, и голос его прерывался от волнения.— Если она снова захочет дать о себе знать, приходи сюда. Не будет меня, письмо возьмет этот человек,— указал Акберен на бритоголового, с раскосыми глазами хозяина лавки.— Ему можешь верить так же, как и мне.

— Хорошо, агай...— почтительно прошептал Адильша и, спрятав письмо на груди, за отвороты халата, нырнул в толпу.

Нукеры встретили Адильшу недовольно.

— Где тебя носило, парень? — сердито сказал темнолицый, словно прокопченный в дыму костра, воин.

— Я потерял вас,— виновато оправдывался Адильша. Лицо его еще горело от возбуждения.— Здесь столько народа...

— Базар не место, где разевают рот...— проворчал нукер.— В следующий раз мы уедем без тебя...

Когда Адильша, вернувшись в ставку, отдал письмо Сакип-Жамал и она прочла ту фразу, что написал улем, силы оставили молодую женщину. Она опустилась на ковер и закрыла лицо руками. Сакип-Жамал не знала, радоваться ей или плакать. Она ждала такого ответа, и все же он показался ей неожиданным.

— Иди сюда...— позвала она Адильшу. А когда он несмело приблизился к ней, обняла юношу и совсем как маленького погладила по голове, по непокорным жестким волосам.— Спасибо тебе, братик! Ты принес мне радость.

Адильша опустил глаза:

— Я готов выполнить любой ваш приказ...

С этого дня Сакип-Жамал стала чаще находить причины, чтобы послать юношу в Ургенч, а ему — все труднее объяснять нукерам, почему он постоянно отстает от них на базаре. Особенно подозрительным был темнолицый воин — старший среди нукеров.

— С тобой однажды случится беда,— с угрозой сказал он Адильше,— гнев эмира страшен...

От зорких глаз нукера не ускользнуло то, что каждый раз, вернувшись их Ургенча, юноша спешит к шатру младшей жены Кутлук Темира.

А Сакип-Жамал уже не могла остановиться. Вспыхнувшее к Акберену чувство все глубже затягивало ее, все труднее ей было дождаться очередного письма от любимого.

И никто не подозревал, что близкая беда бродит рядом. Темнолицый нукер уже знал, кого ищет на базаре Адильша и что делает это по велению младшей жены эмира. Но, для того чтобы прийти к Кутлук Темиру с доносом, надо узнать еще больше, потому что словам эмир не поверит, и тогда вместо награды можно потерять голову.

Все имеет конец. Наступило время, когда письма уже не могли удовлетворить влюбленных, и они, презрев страх перед жестокой расплатой, встретились на окраине Ургенча в бедной глинобитной мазанке.

Акберен смотрел и не верил тому, что видит. Сквозь крохотное оконце заглядывала в комнату луна, и в ее серебристом призрачном свете он видел прекрасное обнаженное тело Сакип-Жамал. Женщина лежала на полу, на простой серой кошме, и груди ее, маленькие и крепкие, были похожи на белые бутоны нераспустившихся роз.

Улем смотрел, как шевелились от неутоленной страсти широкие бедра Сакип-Жамал, и думал, что за свои тридцать с лишним лет ему еще не доводилось испытывать такого наслаждения и страсти. Он знал женщин. Но то были просто женщины, случайно встретившиеся ему на пути. Эта же околдовала его, и порой ему начинало казаться, что на свете больше не существует ничего, кроме бедняцкой хижины и огромного счастья, наполняющего его душу.

Акберен приблизил свое лицо к ее лицу и увидел темные огромные глаза, в которых отражались лунные блики. Она протянула руки, и он почувствовал, как обвились они вокруг его шеи. Стало трудно дышать, и снова, в который раз он видел только ее безумные от страсти глаза и чувствовал, как билось, вздрагивало тело Сакип-Жамал.

— Как я могла жить без тебя?..— сказала через некоторое время Сакип-Жамал, и голос ее ломался, и дыхание прерывалось.

— Я и себя спрашивал об этом,— помедлив, ответил Акберен.— Спрашивал и не нашел ответа... Я не верил, что два человека могут сделать друг друга такими счастливыми...

— Если бы это счастье было вечным!..

— А что может нам сберечь его? Кутлук Темир властен над судьбою, но ведь сердце твое не принадлежит ему...

Сакип-Жамал вздохнула:

— Если бы ты позвал меня за собою, я бросила бы все, я не испугалась бы самой длинной и трудной дороги...

Акберен устало провел рукой по лицу.

— Я верю тебе. Но ты ведь знаешь, что сделать мне это не просто. От рук хана погибли отец и мать. Его меч прервал жизнь моей приемной матери Кундуз; на чужбине, вдали от родной земли, умер Тамдам... Разве можно это забыть? Тысячи несчастных людей ждут, когда я укажу путь, который поможет им вновь почувствовать себя свободными. Только тогда, когда мои мечты исполнятся, я буду счастлив.

Сакип-Жамал прижалась к Акберену, и он ощутил на своей груди ее жаркое дыхание и услышал сбивчивый, молящий шепот:

— Разве нам недостаточно нашего счастья? Давай убежим!.. Нас не сможет отыскать ни Кутлук Темир, ни кто другой!.. У меня все готов для дальней дороги!..

Стараясь не встречаться с глазами женщины, Акберен отрицательно покачал головой:

— Меня ждут рабы... Я дал слово... Отступать поздно...

Сакип-Жамал рывком отстранилась от Акберена, и в низкой комнате наступила тишина. Луна больше не заглядывала в оконце, и сделалось очень темно. Где-то очень близко стоял рассвет...

Темнолицый нукер, едва наступили сумерки, затаился под развесистым урюковым деревом. Отсюда ему хорошо был виден дворец эмира и подходы к нему. От зорких глаз степняка не ускользнет никто из идущих во дворец или уходящих оттуда. Накануне он приказал страже под страхом смерти никого не пропускать во дворец.

Три дня назад приехал темнолицый нукер в Ургенч из ставки. Кутлук Темир приказал ему сопровождать свою младшую жену, которой захотелось побывать во дворце, в котором эмир и его приближенные обычно проводили зиму.

Сакип-Жамал объяснила свое желание Кутлук Темиру тем, что надо проверить, как рабы следят за сохранностью ковров и зимней теплой одежды. Быть может, в другое время эмир что-нибудь и заподозрил бы, но теперь им овладело равнодушие ко всему на свете, и потому он легко согласился. Как и положено, жене эмира был придан отряд для охраны и старшим Кутлук Темир назначил темнолицего нукера. Сменив находившуюся при дворце стражу, нукер приказал своим воинам без его разрешения никого не впускать во дворец.

Наступил вечер, и вокруг стояла тишина. Жители Ургенча обходили дворец стороной, с опаской косясь на застывшую у ворот стражу. Темнолицый нукер не забыл таинственные поездки Адильши на базар, и что-то подсказывало ему, что именно в эти дни, здесь, в Ургенче, он наконец узнает до конца тайну младшей жены эмира. Если между нею и человеком в голубой чалме существует какая-то связь, то он постарается проникнуть во дворец. Слившись с темным стволом урючины, нукер терпеливо ждал. Он слышал, как за стенами дворца смеются женщины и девушки, прибывшие вместе с Сакип-Жамал, как кто-то громко играет на дутаре. Спокойно и привычно.

Нукеру вспомнилось, как недавно, когда село солнце, вышел из дворца стройный джигит и, миновав площадь, скрылся в узких городских улицах. И, глядя

ему вслед, нукер подумал, что он из тех, кто оставлен эмиром на лето во дворце, чтобы следить за порядком. Надо бы предупредить воинов, чтобы они не только никого не пускали во дворец без разрешения, но и не выпускали.

Так и не заметив ничего подозрительного, в полночь нукер пошел проверить караулы. Воины, привыкшие к порядку, были на местах. У дверей, ведущих в покои Сакип-Жамал, нукер остановился. За ними стояла тишина.

— Госпожа спит? — спросил нукер у воина, охраняющего покой жены эмира.

Тот пожал плечами.

— Ханум еще не возвращалась...

Нукер вздрогнул. Глаза его сузились, в них отразился страх.

— Куда она ушла?!

— Откуда мне знать? Разве ханские жены станут докладывать о своих делах простому воину? Она переоделась в мужское платье и ушла из дворца, когда было еще светло.

Нукер в бешенстве подскочил к воину:

— Почему ты ничего не сказал мне?

Тот попятился, прикрывая лицо рукой:

— Я думал, вы знаете... Когда ханум уходила, вы смотрели ей вслед... И я подумал...

Нукер ударил воина ногой в живот.

— Ты паршивая собака!.. Ты подумал!.. Я велю содрать с тебя шкуру!.. Ты ответишь мне!..

Воин, переломившись пополам, держась за живот, тихо стонал.

— С ней кто-нибудь был?

— Нет... Она одна...

Нукер хотел поднять тревогу, но понял, что искать жену эмира в ночном Ургенче все равно что пытаться найти в степи меченого зайца. Кроме того, если во дворце узнают о происшествии, слух дойдет и до Кутлук Темира, а эмир не простит ему оплошности. Хорошо, если все закончится только тем, что его снова сделают простым воином, но вероятнее, Кутлук Темир велит отрубить ему голову или забить до смерти палками.

Подтвердились самые страшные подозрения нукера. Сакип-Жамал, конечно, ушла к мужчине в голубой чалме. Но ведь не могла же она уйти совсем. Госпожа непременно вернется во дворец. И уж тогда...

— Слушай меня внимательно, вонючий шакал...— хрипло сказал нукер стонущему воину.— Если кто-нибудь во дворце узнает о случившемся, я сам убью тебя.

— Пусть отсохнет мой язык...

И без того смуглое лицо нукера стало черным. Придерживая на боку саблю, он побежал к наружным воротам дворца.

Сакип-Жамал пришла на рассвете. Срывающимся от ярости, от пережитого голосом, стараясь не смотреть ей в лицо, нукер спросил:

— Куда вы ходили, моя госпожа?.. Мы обыскали весь дворец...

Сакип-Жамал гордо вскинула голову. Лицо ее было бледным, а под глазами залегли синие тени.

— Какое тебе дело?! Как ты смеешь спрашивать меня?

Нукеру было страшно. Да, он должен был охранять жену эмира, следить за ней, и все-таки она была госпожой. Коварству женщин нет предела, и кто знает, как все может обернуться. Сколько раз видел он в жизни, что женщина заставляла поверить мужа в то, что черное — это белое, а белое — это черное. А что, если и с ним произойдет то же самое?

— Я не хотел вас обидеть... Но сам эмир поручил мне охранять вас, а если бы что-то случилось...

Сакип-Жамал вдруг подумала, что произойдет, если этот темнолицый донесет Кутлук Темиру... Ужас изморозью прошел по спине. Слишком хорошо знала она эмира, его характер, его нрав. Он не успокоится, пока не добьется правды. Для этого он пойдет на все.

Решение пришло неожиданно.

— Я сама скажу эмиру, где была,— сказала Сакип-Жамал.— Иди и вели седлать лошадей. Мы поедем в ставку.

— Слушаюсь и повинуюсь...— темнолицый нагнул голову и торопливо побежал к дворцовым конюшням, где наготове стояли лошади.

Сакип-Жамал задумчиво смотрела вслед нукеру. И, едва он скрылся с глаз, решительно повернулась и исчезла в узких и пыльных улочках города.

Целый день воины дворцовой охраны метались по улицам Ургенча, врывались в дома купцов и ремесленников, но Сакип-Жамал не находилась. Никто ее не видел, и никто о ней ничего не слышал.

Вечером, поняв, что поиски бесполезны, нукер на взмыленной лошади прискакал в ставку эмира. Валяясь в ногах Кутлук Темира, он торопливо и сбивчиво рассказал о том, что произошло, что он знал о связи Сакип-Жамал с человеком в голубой чалме.

Эмир слушал нукера, не перебивая. Желтая кожа на его исхудалом лице натянулась, а неподвижные глаза смотрели в упор, в них ничего нельзя было прочесть. Даже тогда, когда нукер закончил свой рассказ, Кутлук Темир не пошевелился. Молчание становилось жутким. Нукер, не отрываясь, следил за рукой эмира. Ему казалось, что тот схватится за саблю... и произойдет самое страшное. Но Кутлук Темир молчал. Дрожь начала сотрясать тело нукера, глаза помутнели, рот перекосила судорога.

Эмир вдруг заговорил. Голос его был ровным и тихим:

— Значит, ты не только проморгал мою жену, но и не знаешь, где ее искать?

Нукер во что бы то ни стало хотел сохранить жизнь. Стуча от ужаса зубами, он с трудом выговорил:

— О том, где находится госпожа, может знать только один человек...

Кутлук Темир подался вперед:

— Говори — кто.

— Ваш любимец Адильша.

— Откуда он может знать это?

— Он был посредником между госпожой и человеком в голубой чалме...

— Почему ты молчал об этом?

— Я хотел узнать, к чему приведет эта связь... Я хотел прийти к вам не с пустыми руками...

Желваки заиграли на скулах Кутлук Темира.

— Я не хочу тебя больше видеть...— он хлопнул в ладоши. В шатер вошли два воина.— Возьмите его. Пусть дадут ему пятьсот ударов плетью. Это моя награда...

Нукер закричал пронзительно и страшно.

— Уведите,— брезгливо сказал эмир.— Не умеющий ставить капкан сам попадается в него.

Едва утихли крики темнолицего нукера, Кутлук Темир велел привести Адильшу.

На все вопросы юноша отвечал: «Не знаю». Ни доброе слово, ни угрозы не смогли заставить его говорить.

— Хорошо,— устало сказал эмир.— Ты думаешь, что нет такой силы, которая бы развязала твой язык? Сейчас мои нукеры сорвут с тебя одежду и опустят в самый глубокий колодец с самой холодной водой. Быть может, это поможет тебе вспомнить то, что ты забыл. Я хочу знать совсем немного: какая связь

была между Сакип-Жамал и человеком в голубой чалме. А самое главное — где их можно найти сейчас?

Адильша плакал, но молчал. И Кутлук-Темир велел исполнить свою угрозу.

Юношу недолго продержали в колодце. Эмир не забывал, что Адильша — сын Узбек-хана, но, когда его вытащили на поверхность, было уже поздно. Юноша заболел и через несколько дней, не приходя в сознание, так ничего и не сказав, умер. Его мать, Бубеш, от горя лишилась рассудка, и, чтобы она не натворила беды в ставке, ее посадили на цепь, приковав к вбитому в землю железному колу.

Кутлук Темир велел похоронить Адильшу с почестями, так, как было принято поступать с людьми из знатного рода, если их настигала смерть. Но скрыть правду о случившемся не удалось. На базарах Ургенча, в больших и малых городах Хорезма люди заговорили о жестокости эмира. Над глинобитными домами ремесленников и купцов, подобно ночной птице, неведомо откуда появившаяся закружилась песня-плач «Смерть сокола».

Это ее начал пересказывать в Крыму хану Узбеку купец Жакуп, но вовремя остановился, опасаясь ханского гнева. Всегда лучше, если твой повелитель узнает дурные вести от кого-нибудь другого. Зачем быть первым в худом деле? Всю песню, до конца, знал кипчак Жакуп, но только начало осмелился довести до ушей Узбек-хана. А дальше в ней пела-плакала несчастная мать:

Скажи ты мне, единственный ты мой,
Зачем всевышний разлучил нас рано?
Быть может, в рай решил тебя он взять.
Ведь справедлив он, говорят, без меры?

Сын отвечал:

Не бог небесный, мать, нас разлучил.
Эмир земной велел убить меня.
Мулла сказал: на небе рай. Так почему
Туда не поторопится эмир?

Песня-плач от имени Адильши рассказывала, как он был убит и как хотел жить, как радовался земным радостям и любил солнце.

Услышав песню, Кутлук Темир впал в ярость. Большую награду обещал он тому, кто приведет к нему улема в голубой чалме, который сложил эту песню. Но не нашлось в Ургенче человека, который предал бы Акберена, указал, где он скрывается.

Восстание рабов в Ургенче было подобно вспышке молнии на безоблачном небе. Кутлук Темир, занятый своей болезнью, не хотел верить соглядатаям, что среди рабов растет, набирает силу недовольство. Много лет правил он Хорезмом, и никто не смел поднять голову и дерзко посмотреть в глаза, никто не отваживался сказать неугодное ему слово. Что из того, что чернь недовольна? Не эмир создан для них, а они для него. Черни положено повиноваться, исполнять то, что пожелает ее повелитель, милостиво разрешающий ей жить на земле, дышать воздухом, видеть солнце.

Так думал Кутлук Темир. Поэтому он был твердо уверен, что бояться ему нечего. Достаточно одного слова, и невольники в один день будут усмирены. Их кровь потушит любой огонь, не дав ему разгореться. Жители Хорезма содрогнутся от жестокости и втянут головы в плечи, а взор их обратится к земле, и каждый поймет, что жизнь его подобна пыли на бесконечной караванной дороге.

Уверенный в себе, Кутлук Темир вооружил свое войско и отправил его на помощь Узбек-хану, решившему выступить против Ирана. В городе оставалось воинов ровно столько, чтобы следить за порядком и охранять ставку. Этого момента словно ждали рабы.

На рассвете, едва небо на востоке сделалось серым и на улицах Ургенча не появились даже водоносы, привыкшие просыпаться раньше других горожан, под напором толпы затрещали крепкие ворота хизара.

Ревущий, яростный людской поток вырвался сквозь пролом на узкие улицы города. Те, кому не хватало терпения, взбирались на глинобитные стены дувала, отгораживающего хизар, и прямо оттуда падали в остывшую за ночь дорожную пыль.

Стража пыталась встать на пути невольников, но сотни рук потянулись к сидящим на конях воинам, и те, даже не успев обнажить сабель, захлебываясь в крике, исчезали в людском бурлящем потоке, словно в водовороте вышедшей из берегов реки.

Истощенные, босые, в грязных лохмотьях, рабы не знали пощады. Долго ждали они своего часа. Люди Акберена принесли им накануне напильники, кузнечные клещи, ножи. Освободившись от цепей и колодок, невольники снова почувствовали себя людьми. В измученных голодом и болезнями телах горячо заструилась кровь, и им вновь захотелось жить и быть свободными. Что могло остановить, преградить путь тем, кто после долгой ночи увидел перед собой свет?

Удушливая желтая пыль поднялась над городом от топота тысяч ног. Ревущая, вопящая толпа, вооруженная палками с заостренными концами, обрывками цепей, катилась к площади перед зимним дворцом эмира.

Люди, которые еще вчера мечтали о смерти как об избавлении от мук и страданий, вновь обрели свободу. Они не знали, что будет с ними в скором времени и удастся ли им встретить взглядом восход солнца, но радость переполняла сердце каждого, и рабы ради свободы готовы были пожертвовать жизнью. Многие вспомнили, что совсем недавно, до своего пленения, они были воинами и ремесленниками и у них, как у каждого, рожденного свободным, когда-то были семьи, любимые и близкие.

Разбуженные шумом, спешили на площадь горожане. Никто толком не знал, что произошло. Кроваво-красная заря зажглась над Ургенчем. Толпа на площади росла. Откуда-то из переулка появилась группа всадников, и люди расступались, давая им дорогу. Один из них, в голубой чалме ученого — улема, опоясанный поясом воина с кривой саблей на боку, поднял руку.

По толпе пронеслось:

— Это он!..

— Акберен!..

— Он и его друзья помогли невольникам!..

— Кутлук Темир велит содрать с него кожу!..

— Еще неизвестно, кто с кого сдерет шкуру!..

— У эмира нет войска!..

Шум стихал. Взоры были обращены на Акберена.

— Люди! — он обвел глазами площадь.— Друзья! Каждый из нас только однажды приходит в эту жизнь! Разве не аллах, создавший все живое, отделил человека от скота и дал ему разум? Почему же хан и эмир превратили вас в бессловесный скот? Почему, разрушив ваш дом, отняв то немногое, что вы имели, они приравняли каждого из вас к паршивой овце и пригнали на базар, чтобы продать в рабство? Вы, еще недавно свободные люди, стоите сегодня на этой площади полуживые от голода, а на плечах ваших жалкие лохмотья. Может ли подобное вынести человек? Такую ли судьбу определил каждому из вас аллах?

Вопль ярости прокатился над площадью:

— Ты говоришь правильно, улем!..

— Жизнь раба невыносима!..

— Скажи нам, что делать дальше, как поступить!..

— Веди нас на Кутлук Темира!..

Акберен выждал, пока утихли крики:

— Я ходил к эмиру. Я просил спасти вас от голода и подарить свободу. Кутлук Темир выгнал меня из своей белой юрты и пригрозил, что, если я осмелюсь еще однажды нарушить его покой, он велит отрубить мне голову. Все мы люди! Все мы братья! Но по милости нашего эмира каждый завтра может превратиться в раба! Можно ли это стерпеть?! Можно ли жить в постоянном страхе?! Для того чтобы ничего не бояться, чтобы напомнить Кутлук Темиру и хану Золотой Орды Узбеку, что мы люди, нам надо быть вместе, подобно пальцам одной руки, подобно детям одного отца и одной матери. Но голоса нашего никто не услышит, если в руках наших не будет длинных копий, острых сабель и тугих луков...

Глаза Акберена блестели, прерывистое дыхание вздымало его грудь. И снова всколыхнулась площадь:

— Веди!

— Скажи, где взять саблю!..

— Мы хотим быть свободными!..

Акберен поднял руку:

— Я укажу вам, где взять оружие. И после этого мы станем говорить с эмиром... Я уверен, что теперь он захочет говорить с нами, потому что нас много... и мы сильны!.. Идите за мной!

Акберен соскочил с лошади. Высокий, стройный, он, казалось, возвышался над толпой, и каждый из рабов видел голубую чалму.

Могучий людской поток устремился по улицам Ургенча. Улем шел быстро, и вскоре рабы бежали за ним, боясь отстать, потерять того, кто принес им избавление.

Акберен вел восставших туда, где хранились оружие и продукты, предназначенные для туменов Кутлук Темира.

В страхе разбегалась стража, даже не пытаясь встать на пути разъяренных людей. Да и кто мог противостоять тем, перед кем после долгой ночи отчаяния и страдания засветилась пока еще робкая заря свободы?

Непонятно, загадочно, странно устроена жизнь. О аллах, если ты действительно ее творец, то зачем все так перепутал? Почему любовь и измена встречаются порой на одной тропе, почему радость и горе не ходят друг без друга? Не дал ты человеку столько ума, чтобы смог он сам распутать этот клубок, оттого, быть может, и мечется он в своей короткой жизни от одного края к другому, ищет то, что не потерял, и находит то, чего не искал.

Убежав от темнолицего нукера, Сакип-Жамал вернулась к Акберену. Друзья улема надежно укрыли ее от преследователей. Огромное счастье и бесконечная тревога овладели с этого дня молодой женщиной. Акберен часто исчезал по ночам, уходя на тайные встречи с рабами и поддерживающими его горожанами. Иногда на несколько дней он уезжал из Ургенча.

Сакип-Жамал переживала за него, боялась несчастья, но постепенно страх сменился раздражением. Почему любимый должен был принадлежать еще кому-то, кроме нее? Почему судьба рабов для него дороже их собственной судьбы? Женское сердце чувствовало близкую беду. Сакип-Жамал не верила в то, что хотел совершить Акберен. Исподволь пыталась она ему это внушить, сманить на ту тропу, которую выбрал, веря в то, что, только идя по ней, они будут счастливы. Изворотлив женский ум. Желая добиться своего, Сакип-Жамал была щедра на ласку. Душными короткими ночами, прижимаясь к Акберену, она шептала ему об их будущей жизни, настойчиво уговаривала бежать из Хорезма.

Сакип-Жамал рассказывала, что в укромном приметном месте она зарыла золото, которого им хватит до конца жизни, и оно позволит жить им без невзгод и лишений.

Акберен слушал ее, а мысли были далеки, и глаза видели совсем иное, чем видела Сакип-Жамал. Он пытался объяснить ей, почему не может уйти, бросив начатое дело. Но Сакип-Жамал, ослепленная тревогой за себя и за него, упорно твердила одно и то же. Желание по-прежнему влекло их друг к другу, но где-то за угарной дымкой любовного тумана виднелась развилка, у которой разойдутся их пути. Чем ярче краски, тем быстрее они тускнеют. Неожиданно родилась любовь Сакип-Жамал к Акберену и, подобно кусту курая, ярко вспыхнув в огне любви, сгорела, оставив пригоршню серого легкого пепла.

Все чаще задумывалась Сакип-Жамал о своей судьбе, о будущем. Вначале пыталась заглушить темные мысли, но они, тяжелые и холодные, находили крошечные трещины и, помимо ее желания, проникали в душу, отнимали покой и радость.

Однажды она поняла, что жалеет о прошлом, о том, чем заплатила за свою любовь. Вчерашняя жизнь казалась похожей на имран — райский сад. Там было весело и легко, звучала музыка и радугой переливались дорогие одежды. Здесь убогая мазанка с глиняным полом, застланным серой кошмой, закопченный очаг...

Сакип-Жамал знала, что Акберен любит ее. Но что из этого? Она представила себе их будущее и с ужасом поняла, что ее ждет одиночество. Да и могло ли быть иначе? Путь, на который встал Акберен, рано или поздно приведет его к пропасти. А что станет с ней? Кому она будет нужна и где найдет пристанище?

Все в Сакип-Жамал противилось такому концу. Она хотела любви, счастья, а дорога, на которую она ступила, вела к страданиям и мраку. Женщина лихорадочно искала выход и не видела его. И тогда она, отчаявшись, решилась на последний разговор с Акбереном.

Он произошел ночью, накануне восстания рабов. Тихо было в глинобитной мазанке. Потрескивал фитиль в светильнике, и глубокие тревожные тени затаились в углах.

Сакип-Жамал знала, что задуманное Акбереном свершится на рассвете. Она вздрагивала от каждого шороха.

Она приблизила свое лицо к лицу Акберена, в глазах стояли слезы.

— Ты любишь меня?

— Да.

Акберен обнял Сакип-Жамал за плечи и прижал к груди. Она почувствовала холод металла и догадалась, что под его одеждой кольчуга.

— Я заклинаю тебя нашей любовью! — всхлипывая, сказал Сакип-Жамал.— В последний раз прошу — не ходи туда! Сердце говорит мне, что ты погибнешь! Я хорошо знаю Кутлук Темира и его воинов...

— Поздно...— Акберен покачал головой.— Назад пути нет...

— Ради меня! Ради нашего счастья!..— голос Сакип-Жамал то взлетал до крика, то падал до шепота.

Акберен отстранил ее от себя, поднялся на ноги. Комната была тесной и невысокой, он почти коснулся головой потолка. Акберен подошел к укрепленному на стене глиняному светильнику и всмотрелся в огонек. Язычок пламени, потревоженный его движением, закачался. Тонкая черная нитка копоти повисла в воздухе. По лицу заметались неясные тревожные тени.

— Там тысячи людей...— глухо сказал он.— Я не могу их предать... Разве после предательства можно жить?!

Сакип-Жамал видела, что Акберен тверд в своем решении, и ее охватило отчаяние.

— Ты сделал меня несчастной!..— крикнула она.— Я ради тебя отказалась от дворца эмира, золота и серебра, от жизни, полной, как чаша!.. Я люблю тебя! Но сегодня ты уходишь, чтобы умереть. Ты отбираешь у меня последнее...

Акберен опустил голову. В комнате наступила тишина.

— Если бы у меня был дворец и золото, я бы тоже, не задумываясь, отдал их за твою любовь...

— Ты лжешь!..

— Нет... Мне пора идти...

Акберен прошел в дальний угол комнаты, поднял край кошмы и достал из тайника широкий кожаный пояс с пристегнутой к нему кривой монгольской саблей. Затем приблизился к Сакип-Жамал, наклонился над ней и погладил по голове:

— Ты жди меня... Я вернусь...

Она резко подняла голову, и он увидел ее запрокинутое бледное лицо с глазами, полными ненависти.

— Я знала, что ты уйдешь... Пусть аллах покарает тебя за то, что ты сделал со мной...

Оставшись одна, Сакип-Жамал упала на кошму и долго в ярости колотила по ней кулаками. Потом пришло спокойствие. Ей вдруг вспомнился Кутлук Темир, его огромное тело, большие, сильные руки. Она совсем забыла, что еще недавно ненавидела эмира и один его вид вызывал в ней отвращение. Снова горячая волна ненависти к Акберену захлестнула Скип-Жамал, у нее помутился разум. Она торопливо оделась и вышла на улицу.

Куда и зачем она идет, Сакип-Жамал не знала. Черное небо в блестках звезд выгнулось над нею, словно днище огромного казана. Ноги по щиколотку утопали в пыли, а от нагретых за день глинобитных дувалов тянуло сухим жаром. Она не услышала, как нагнал ее конный караул. И только когда всадники окружили Сакип-Жамал и один из них наклонился к самому лицу, она поняла, что перед нею воины Кутлук Темира.

— Ой-бой!..— сказал воин не то удивленно, не то обрадованно.— Это же беглянка, младшая жена нашего эмира...

Он грубо схватил ее, оторвал от земли и бросил поперек седла.

— Вперед, джигиты! — крикнул воин.— Дорогой подарок привезем эмиру! Наш повелитель щедр и не забудет об обещанной награде!..

Поднимая облако удушливой пыли, всадники помчались по спящим улицам Ургенча.

Вскоре прохладный ветерок дохнул в лицо Сакип-Жамал, и она поняла, что узкие городские улицы остались позади. Воины мчали ее в ставку эмира.

Кутлук Темир не спал, когда воины бросили к его ногам Сакип-Жамал. Она лежала, уткнувшись лицом в пушистый ковер, не в силах пошевелиться от охватившего ее ужаса. Кому лучше, чем Сакип-Жамал, был известен нрав эмира. Кутлук Темир не знал пощады, и ей казалось, что сейчас, вскочив с возвышения, он выхватит из ножен меч — и все будет кончено.

Но молчал эмир, рассматривая лежащую у его ног беглянку, молчали нойоны и нукеры, оказавшиеся в юрте Кутлук Темира.

— Вернулась...— голос эмира звучал ровно, бесстрастно.

Сакип-Жамал задрожала всем телом.

— Заблудшей кобыле не ставят в вину, если она найдет свой косяк. Здорова ли ты?

Дрожь все сильнее колотила тело женщины.

— Встань, подойди ко мне...— Кутлук Темир протянул руки.— Не бойся...

Присутствующие в юрте были поражены. Женщину, которая опозорила эмира своим бегством, он принимал так, словно ничего не произошло. Никто не хотел верить глазам своим и отказывался верить тому, что слышали уши.

— Ну, встань же...— с ноткой нетерпения повторил Кутлук Темир.

Сакип-Жамал поднялась на непослушные ноги и несмело шагнула к эмиру... Он обнял ее своими большими ладонями, прижал к груди и, по кипчакскому обычаю, обнюхал лоб.

— А вы идите...— подняв глаза на толпившихся в растерянности нойонов, спокойно сказал Кутлук Темир.— Когда вы будете нужны, вас позовут...

Нойоны уходили, перешептываясь, удивленно пожимая плечами. Беглянка заслуживала смерти — так было всегда. В лучшем случае Кутлук Темир должен исполосовать ее плетью. Что-то странное, загадочное было в поведении эмира.

Когда за резными дверями исчез последний из находившихся в шатре, Кутлук Темир легко поднял Сакип-Жамал на руки и, даже не потушив светильников, отнес в постель.

Она не верила в то, что обошлось, не верила в свое счастье. И только тогда, когда эмир стал делать с ней то, что было ей знакомо по тем временам, когда он еще не был болен и силы не покинули его, Сакип-Жамал решила, что произошло чудо. Задыхаясь от счастья, что осталась жива, она отвечала на ласки Кутлук Темира, и ей казалось, что она никогда не покидала эту юрту, а все, что случилось, было дурным сном.

И все-таки эмир был слаб и болен. Он скоро устал, и Сакип-Жамал услышала его хриплое, прерывистое дыхание.

Потом они долго лежали молча. И Сакип-Жамал опять начал охватывать страх. Кутлук Темир прижал ее к себе и начал гладить по плечам, по телу.

— Теперь расскажи, где ты была. Я скучал по тебе...

Эти простые слова, сказанные тихим голосом, растревожили женщину. Она до конца поверила, что эмир простил ее. О аллах, кто затмил ей разум, когда она решилась на побег?! От мысли, что отныне все будет по-прежнему: и спокойная жизнь, и веселье, и блеск золота, и могучий Кутлук Темир рядом, слезы жалости к самой себе навернулись у Сакип-Жамал на глаза. Ничего не тая, она рассказала мужу об Акберене, о готовящемся восстании рабов.

Эмир слушал, не перебивая, сочувственно цокал языком, и Сакип-Жамал прониклась к нему доверием. Откуда ей было знать, что в тот миг, когда Кутлук Темир увидел ее лежащей у своих ног, он решил лишить ее жизни. Не таким человеком был эмир, чтобы прощать даже в сто раз менее виновных, чем Сакип-Жамал. Он знал, что если попытается что-либо у нее узнать, а она не захочет сказать, упрямая кипчачка даже под ударами плетей промолчит. Эмир обманул ее лаской.

Предательство Сакип-Жамал ножом ударило в спину восставших рабов. И когда утром, разгромив склады, где хранились продукты и оружие, они пришли к ставке эмира, здесь их уже ждали.

Ставка была окружена двойным рядом телег, а за ними укрылось войско, которое оставалось у Кутлук Темира. Тучи стрел встретили нападающих. Теряя убитых, они вынуждены были отойти.

А в это время по дорогам Хорезма, загоняя лошадей, мчались в аймаки гонцы эмира с приказом нойонам срочно слать в Ургенч войска.

Акберен понял, что осаждать ставку нет смысла. Скоро к Кутлук Темиру подойдет помощь, и тогда рабы будут обречены на гибель. Он приказал восставшим возвращаться в Ургенч. Надо было дать людям отдохнуть, разделить их на сотни и тысячи, чтобы утром они могли выступить в разные города Хорезма и Мавераннахра. Акберен знал, что повсюду найдутся сочувствующие, те, кто без колебания присоединится к восставшим рабам. Ремесленникам и дехканам невмоготу власть жестоких правителей. Измученные разорительными поборами, бесконечной борьбой за власть между чингизидами, они поддержат рабов.

Но Кутлук Темир многое узнал от Сакип-Жамал. Если отряды восставших разбредутся по городам, они со временем превратятся в грозную силу, подобно снежной лавине наберут мощь, и тогда кто знает, чем все кончится для Золотой Орды.

Долгую жизнь прожил эмир, не раз смотрел опасности в лицо, потому умел не терять голову ни при каких обстоятельствах. Ум его был жесток и коварен. Кутлук Темир вспомнил о слонах, которых держал в Ургенче для различных торжеств и празднеств. Шесть громадных животных находились под присмотром индусов-погонщиков. Эмир велел срочно доставить в ставку старшего над погонщиками.

Еще не старый, крепко сложенный перс, выслушав Кутлук Темира, не выказал удивления. Выпуклые темные глаза его были спокойны и непроницаемы.

— Я сделаю то, что ты хочешь, мой повелитель. Мне нужны будут только шесть ведер теплой воды, настой из трав я приготовлю сам...

— Я щедро вознагражу твое усердие,— сказал эмир.

Перс низко наклонился.

После полуночи перс и его люди привели слонов к хизару, где укрылись рабы. Воины Кутлук Темира молча несли вслед за ними нагретую воду. Прежде чем дать ее животным, перс плеснул в каждое ведро из кожаного бурдюка известный только ему настой.

Тихо в хизаре. Уставшие за день люди крепко спали, и только стража у ворот, вооруженная длинными копьями, прислушивалась к звукам, долетавшим сюда из города. Через некоторое время слоны начали проявлять беспокойство, и тогда перс, отступив в сторону, приказал воинам гнать животных прямо к воротам хизара.

Словно призраки ночи, похожие на иблисов — порождений ада, возникли громадные туши слонов перед рабами, несущими караул. Кто-то, пронзительно и тонко вскрикнув, всадил копье в бок надвигающегося чудовища. Вожак вскинул хобот, громко затрубил. В хриплом реве его была боль и ярость. Десятки стрел с тонким свистом вырвались из мрака ночи и впились в тела животных. Это сделали воины Кутлук Темира.

Слоны обезумели. Беспрестанно трубя от боли, от настоя, которым напоил их коварный перс, они бросились вперед.

Затрещали и рухнули ворота хизара. Шесть гигантов, круша все на своем пути, топча сидящих на земле рабов, метались по пространству, огороженному высоким глинобитным дувалом.

Крики ужаса, стоны умирающих, хруст ломаемых костей слились с ревом животных. Запах крови опьянил слонов. Лежащих они топтали, тех же, которые, придя в себя, пытались убежать, животные хватали хоботами и с силой швыряли на землю.

Кто-то догадался открыть запасные ворота, и толпа рабов ринулась из хизара. Но и здесь их ждала смерть. Отряды воинов Кутлук Темира, до поры скрывавшиеся в узких улочках Ургенча, осыпали их тучами стрел, рубили кривыми саблями. Но обезумевших людей остановить было нельзя. Уходя от смерти, они без страха шли на обнаженные сабли, сбрасывали воинов эмира с коней, уходили за город.

Страшен был рассвет нового дня над Ургенчем. Здесь еще помнили грабежи и убийства монголов, но такой жестокости видеть не приходилось. Огромная площадка хизара была устлана раздавленными человеческими телами, а мелкая желтая пыль, смешанная с кровью, превратилась в черную грязь. Среди трупов серыми мягкими глыбами лежали мертвые слоны с отсеченными хоботами, с животами, развороченными копьями, утыканные, словно ежи, стрелами.

Из десяти тысяч рабов, укрывшихся этой ночью в хизаре, после кровавого побоища в живых едва ли осталась половина.

Собравшись за городом, отбиваясь от отрядов Кутлук Темира, преследующих их, восставшие двинулись в сторону Мавераннахра.

После того как Кутлук-Темир ушел и Сакип-Жамал осталась одна, она попыталась выйти на улицу, но стоявшие у входа нукеры преградили ей путь древками копий.

— Эмир не велел госпоже отлучаться из юрты,— хмуро сказал один из них.

Сакип-Жамал хотела рассердиться, настоять на своем, как бывало в прежние времена, но слишком сильным было потрясение от случившегося, и она промолчала. Она не могла поверить в чудо. Всего ожидала она от мужа, но только не той странной доброты, непонятной и оттого пугающей, которую он проявил к ней.

Хотелось знать, что произошло в ставке, пока она отсутствовала. Быть может, тогда удалось бы многое понять и решить, как вести себя дальше.

— Скажи...— обратилась Сакип-Жамал к нукеру,— жива ли Бубеш — мать несчастного Адильши?

— Что сделается этой ведьме? — кривя рот в злой усмешке, отозвался он.— Видимо, аллах смилостивился над ней и вернул ей разум. Правда, она теперь другая... Вроде ее долго тащили на аркане за лошадью, а потом живой бросили...

— Позови ее сюда,— властно приказала Сакип-Жамал.

Нукер растерялся:

— Я не знаю... Эмир не приказывал...

— Тебе приказываю я! — голос Сакип-Жамал зазвенел от напряжения. Она поняла, что только так сможет заставить стражу подчиниться ее приказу.— Я повинуюсь твоему господину и не покидаю ставку. Ты же обязан повиноваться мне, потому что я жена эмира. Или, быть может, это не так? — голос женщины сделался зловеще вкрадчивым.

— Все так, моя повелительница...

Нукер растерянно топтался на месте. Оттого, что он никак не мог решить, слушаться ему или нет приказаний беглой жены эмира, на лбу выступили крупные капли пота. Наконец он решился и, повернувшись к своему товарищу, сказал:

— Пойди... приведи безумную Бубеш...

— Лишит нас голов наш повелитель...

— Исполняй что тебе приказано! — сердито крикнул нукер. Он, верно, и сам думал об этом, но как было отказать жене эмира? Она хотя и убегала от мужа, но пока он не лишил ее жизни, и кто знает, чем у них все закончится.— Какой вред может быть от безумной?..

Бубеш не узнать. Из цветущей женщины она превратилась в старуху — седые космы выбивались из-под платка, падали на желтые, ввалившиеся щеки, глаза смотрели тускло и отрешенно.

Она узнала Сакип-Жамал. Женщины обнялись.

Сидя на ковре, медленно раскачиваясь телом, Бубеш рассказывала, что произошло с ней, с ее сыном. Глаза женщины сухо блестели, и Сакип-Жамал поняла, что ее горе не стало меньше оттого, что минуло много дней после смерти Адильши. Кутлук Темиру следовало бы удалить ее из ставки, потому что кто знает, какие помыслы зреют в обугленной душе безумной женщины. Но, видимо, эмир боялся Узбек-хана.

Сна не было. Серебряный ковш в небе обернулся вокруг Железного кола, скоро должен был наступить рассвет, а глаз она не сомкнула.

Сакип-Жамал насторожилась. Ей послышались странные, непонятные звуки. Она распахнула деревянные, в позолоте, створки дверей. Порывистый и слитный гул человеческих голосов. Гул похож на тяжкий стон. Потом она уловила шум битвы — лязг железа, пронзительный свист сигнальных стрел.

Лицо Сакип-Жамал сделалось белым. Она не знала, что происходило в Ургенче, но догадаться было нетрудно. В памяти встал Акберен — не такой, каким он запомнился ей перед уходом, а тот, ради которого она решилась на побег. Неужели все то, что творится в городе,— ее вина? Так вот почему и зачем, лаская ее тело, расспрашивал так подробно о рабах и их предводителе Кутлук Темир!

Сакип-Жамал была уверена, что Акберен непременно погибнет, а значит, в смерти будет повинна она. Но, видит аллах, она не хотела его смерти! Она только поняла, что им никогда не быть вместе, и поэтому покинула его! Захотелось плакать, горько и надрывно. Сакип-Жамал закрыла лицо руками, но глаза и щеки были сухими. Слезы словно высохли, как высыхает родник в опаленной зноем степи. Дрожь сотрясла ее тело.

— Ты видишь, кровь... снова кровь!.. Она течет рекой!

Сакип-Жамал отняла ладони от лица и в страхе оглянулась вокруг. В юрте, кроме нее и Бубеш, никого не было. Значит, голос принадлежал безумной женщине.

— Зачем ты говоришь про кровь? — в отчаянии спросила Сакип-Жамал.— Не надо...

— Я вижу кровь! — Маленькая рука Бубеш теребила висящий на шее, на тонком ремешке, крошечный замшевый мешочек.— И ты скоро увидишь ее...

На рассвете в шатер вернулся Кутлук Темир. Лицо его горело от возбуждения, глубоко запавшие глаза сверкали, шелковый халат обрызган кровью. Эмир словно забыл, что он болен.

Кутлук Темир сбросил с себя окровавленную одежду, нукер стянул с него сапоги, и эмир прошел на почетное место. Сел на мягкие белые войлоки.

— Что молчишь, почему не встречаешь меня как положено — улыбкой и чашей кумыса? — спросил он вкрадчиво, глядя на Сакип-Жамал. В холодных и внимательных глазах Кутлук Темира отражались красноватые язычки пламени светильников.

— Что я наделала!.. Что наделала!..— Сакип-Жамал нетвердой походкой подошла к мужу, в отчаянии протянула к нему руки.

Кутлук Темир больно толкнул ее в грудь кулаком:

— Подай кумыс!

Сакип-Жамал зарыдала.

С низким поклоном выступила из-за ее плеча Бубеш и протянула эмиру серебряную чашу.

— Что ты здесь делаешь? Кто пустил тебя сюда? — свирепо спросил он.

Бубеш ничего не успела ответить. Кутлук Темир вырвал из ее рук чашу и запрокинул голову, жадно выпил напиток.

— Меня позвала ваша жена...

— Пойди прочь и больше никогда не попадайся мне на глаза!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель...

Что-то заставляло Бубеш медлить. Она нерешительно топталась на месте.

Глаза Кутлук Темира вдруг полезли из орбит, и он тихо повалился с мягких войлоков.

Губы Бубеш что-то шептали.

— Ты что, ты что говоришь?..— закричала Сакип-Жамал.

— Я читаю молитву. Прошу у аллаха прощения...— тихо, с угрозой в голосе сказала женщина и, повернувшись, прямая и строгая, вышла из шатра.

Сакип-Жамал беспомощно оглянулась. На низком столике, где стоял серебряный кумган с кумысом, она увидела тот самый крошечный замшевый мешочек, что висел на груди Бубеш. Красная шелковая нитка на его горловине была развязана...

Через несколько дней, узнав о смерти верного эмира, Узбек-хан повесив на шею в знак траура пояс, повелел своим туменам повернуть коней головой к землям Золотой Орды и в очередной раз, так и не победив Ирана, вернулся в Сарай-Берке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

III

В год свиньи (1335), когда ушел из жизни последний ильхан Ирана Абусеит, прямой потомок отважного Кулагу, в государстве начались великие смуты и раздоры. Эмиры и нойоны, подобно диким камышовым котам — манулам, схватились между собой в яростной драке за трон. И как бывало не раз во владениях, принадлежащих потомкам Потрясателя вселенной, не вода, а кровь поила землю, и оттого пустели поля и вместо хлебного колоса буйно и привольно разрастались горькая полынь да колючий чертополох.

Опустели караванные тропы и все реже слышался звон колокольчиков на Великом Шелковом пути — купцы не отваживались идти через земли, где не было мира и не было одного хозяина, который защитил бы их от набега разбойничьих шаек. Люди боялись встречаться друг с другом в степи или в горах, а ложась спать, каждый мужчина клал у изголовья обнаженную саблю. Дороже хлеба и скота ценились тугие луки и острые стрелы.

Прекратилась торговля с западными странами. Генуэзцы и венецианцы, видя, что междоусобица в Иране затянется на долгие годы, начали искать обходные пути.

В Китай и Индию караваны шли теперь через земли Золотой Орды, Джагатаев улус, перевалы Памира и Гиндукуша. Нелегкой была эта дорога. И в землях Мавераннахра сделалось неспокойно. Никто из купцов не был более уверен, что, пройдя беспрепятственно в одну сторону, он на обратном пути не будет ограблен или убит.

Лишь Золотая Орда оставалась могучей и единой. Но разве могла она с мехами, медом и воском, с холстами, доставляемыми из земель орусутов и булгар, из Ибир — Сибири, восполнить торговцам яркие шелка Китая, дорогие изделия из Индии?

Все реже приходили в Дешт-и-Кипчак христианские миссионеры, все реже папские посольства посещали ставку Узбек-хана.

Тревожно стало в Крыму. Набирали силу, становились дерзкими османские тюрки. После похода на Византию в их руках оказались проливы Босфор и Дарданеллы. Тюрки брали с купцов большую пошлину и грозились закрыть проливы для купеческих кораблей неугодных им государств.

И снова в который раз, возвращался Узбек-хан мыслями к Ирану. Запустение на Шелковом пути ударило по ордынской казне. Золотая река превратилась в крохотный ручеек, и звон монет делался все тише, а глаза хана все реже услаждались видом дорогих товаров из заморских стран. С каждым годом труднее становилось поддерживать связь с мамлюками Египта, а их помощь и поддержка были так нужны Узбек-хану.

Он с нетерпением и надеждой смотрел в сторону Ирана. Эмиры рвали ильханство, созданное Кулагу, на куски, словно голодные псы шкуру барана. Уз-

бек-хан понимал: наступает такое время, когда он сможет наконец осуществить свою давнюю мечту и захватить Арран и Ширван.

Пришла пора вмешаться в борьбу и вновь сделать Шелковый путь главной дорогой торговли. Если ему удастся осуществить свой замысел, с османскими тюрками можно договориться. И опять побегут корабли чужестранцев по морям, бесконечные караваны потянутся в Сарай-Берке, который теперь, при Узбек-хане, стал называться Сарай-ад Джадид (Новый Сарай).

Кутлук Темира предали земле с почестями. На похороны собрался народ со всего Хорезма, желая удостовериться в смерти ненавистного палача. И вдруг невесть откуда пронесся слух, что Кутлук Темир отравлен Сакип-Жамал и Бубеш.

Слух дошел до детей Кутлук Темира, и по их велению обе женщины оказались в зиндане. Вскоре они должны были предстать перед биями, и, если те докажут преднамеренность отравления эмира, Сакип-Жамал и Бубеш ожидала страшная казнь.

Народ роптал, жалея женщин. Узнав о ропоте, Узбек-хан послал срочно в Ургенч гонца с приказом освободить Сакип-Жамал и Бубеш. Имамы и муллы громко заговорили о великой справедливости хана.

Но не в справедливости было дело. Даже если действительно эти женщины виновны в смерти эмира, то чем они могут быть опасны Золотой Орде, оказавшись на свободе? Народ ненавидел Кутлук Темира, считая его бичом аллаха, поэтому для него великой радостью будет освобождение женщин самим ханом Золотой Орды.

По законам шариата ни Сакип-Жамал, ни Бубеш не имели права жить. Женщина, поднявшая руку на мужа или даже замыслившая что-то недоброе против него, должна быть предана смерти. Так завещал пророк Мухаммед своим последователям. Но кто может доказать вину Сакип-Жамал и Бубеш? Пусть решит аллах, виновны они или нет, а он, хан Золотой Орды, дарует им свободу, и народ, уверовав в его справедливость, станет благославлять его имя.

Тот, кому аллах предначертал великий путь и возвел его на трон, чтобы он повелевал людьми, должен обладать тремя качествами: умом, волей и знаниями. Первые два качества были дарованы Узбек-хану богом, знания он приобрел сам. Еще в детстве овладел хан арабской письменностью, изучил иранский и тюркский языки. В молодости, когда жил в Ургенче и не был ханом, он прочитал многие книги и узнал все, что тогда было известно на Востоке о строении Земли и Неба. Улемы, побывавшие во многих государствах, рассказывали ему об их устройстве, о том, где и как правят народом. Среди потомков Чингиз-хана Узбек был, пожалуй, самым образованным человеком.

В отличие от других ханов, повелитель Золотой Орды уделял много внимания устройству своего государства, приказывал возводить медресе и мечети, приглашал ученых людей в Сарай-ад Джадид. Нередко он собирал на таганак — большой ханский совет — подвластных ему эмиров и нойонов, особенно когда предстояло решить какой-нибудь важный для Орды вопрос.

Так было и на этот раз.

На летовку в этом году Узбек откочевал в низовья Итиля, не удаляясь далеко от своей столицы. Его ставка из шести белых юрт расположилась на берегу реки. На расстоянии, которое легко мог преодолеть и не сбить дыхания жеребенок-стригунок, он велел поставить юрты своих жен, еще дальше жили его сыновья Таныбек и Джанибек, а за ними раскинулись аулы эмиров и нойонов.

Непривычно выглядело в эту весну низовье Итиля. Насколько охватывал взор, под голубым небом стояли юрты и паслись бесчисленные стада. Травы поднялись до седла всадника.

Спокойно и размеренно шла жизнь на летовке. В вечерние часы, когда солнце касалось вершин далеких курганов, а волны Итиля становились розовыми, можно было видеть, как возвращались из степи группы всадников с ловчими птицами или со сворами борзых — тазы — длинноногих, поджарых, с узкими мордами. После вечернего водопоя, схватывая на ходу сочные клочки травы, поднимались от Итиля косяки коней с блестящими от сытости крупами.

Далеко в стороне от юрт хана и знати стояли аулы тех, кто пасет скот, готовит казы, чужук и жая [1], сквашивает молоко для курта [2], доит кобылиц, чтобы эмиры, спокойно беседуя, могли пить белый как снег и ароматный, как настой степных трав, кумыс.

Из серого войлока юрты тех, кто заботится о благополучии хана, его эмиров и нойонов, но и здесь идет своя жизнь, и здесь по-своему радуются. Поднимаются к потемневшему вечернему небу сизые дымки от разведенных перед юртами кизячных костров, хлопочут над черными, закопченными казанами женщины, где-то слышен звонкий девичий смех.

Уходит за край земли солнце, густеют сумерки, и невидимками становятся серые юрты бедняков. Но зато долго светятся во тьме белые ханские шатры, похожие на чаек, опустившихся на темно-зеленые волны безбрежного травяного моря по имени Дешт-и-Кипчак.

В юрте Узбек-хана самые близкие ему люди. Завтра потянутся к его ставке отряды и караваны со всех концов Золотой Орды — приедут эмиры, нойоны, бии, батыры на большой ханский таганак. Еще многолюднее сделается в степи, больше станет работы у черного люда. Всех надо накормить и напоить, потому что ханская щедрость должна быть такой же необъятной, как сам великий Итиль.

Но это будет завтра...

Узбек сидит на мягких войлоках, застеленных голубым шелковым покрывалом. Отражая пламя светильников, золотыми искорками вспыхивают в его руках янтарные бусинки четок. На плечи хана наброшен легкий зеленый чапан, расшитый серебряными узорами. Справа от Узбек-хана сидит темнолицый кареглазый человек с большими вислыми усами — это старший сын Таныбек. Ему под сорок, и грузным, большим телом он похож на кипчакского бая. Одет Таныбек богато — на нем шуба из хорькового меха, широкий, отделанный серебром пояс, на ногах зимние сапоги.

Рядом с ним младший сын хана — Джанибек. Ему за тридцать, но одет он так, как одеваются молодые джигиты,— в легкий бешмет, стянутый в талии узким шелковым поясом, в бархатные, расшитые крупными накладными узорами штаны, на ногах легкие сапоги — гутулы, на голове красный борик. Одежда выдает в Джанибеке человека легкого, веселого нрава.

Облокотившись на его колено, похожий на маленького хорька, пристроился старший сын Джанибека — Бердибек. Ему лет шесть-семь. Он рыж, как его великий предок Чингиз-хан, лицо беспокойное, нервное, глаза, словно две зеленые льдинки, смотрят на людей пристально, не мигая.

Слева от Узбек-хана хорезмский купец Жакуп. Он поджар и сух, а в сравнении с сидящими в шатре кипчакскими баями — огромными и сытыми — кажется изможденным.

Пожилая рабыня, примостившись у входа в шатер, разливает в серебряные чаши кумыс, а красивый и стройный юноша-слуга подает их гостям хана.

---

[1] Казы, чужук и жая — по-особому приготовленное конское мясо.

[2] Курт — сухой кислый творог.

Говорит Жакуп. Речь его плавна и нетороплива. Он рассказывает, что повидал и услышал за свою долгую жизнь, бывая в заморских странах и о тех новостях, что привез недавно его доверенный человек, плавающий с товарами в Египет и к османским тюркам.

— Рассказывают знающие люди: страшные события произошли в королевстве рациев [1]. В годы давние король решил воевать с болгарским царем. Два огромных войска сошлись на берегах реки Искер, что впадает с полуденной стороны в большую реку Тунадарью [2]. И, увидев, что силы их равны и никому не одержать победы, уговорились они покончить дело миром. В знак верности слову каждый из них построил на своем берегу по церкви и увел воинов в свои страны. Прошло время, и сын того короля Стефан Душан, занявший престол своего отца, напал на болгар и разбил их. Воины его пленили болгарского царя. Очень огорчился отец и велел привести пленника в свой дворец. Он усадил его на почетное место, говоря, что царю не пристало сидеть где попало.

Сын рассердился на отца и пришел к нему во дворец...— Жакуп замолчал, отхлебнул из чаши кумыса, прикрыл глаза, словно отдыхая.

— И что же было дальше?..— спросил Узбек-хан. Четки его лежали на коленях — слушая купца, он забыл про них.

— Дальше, мой повелитель... Дальше... сын крикнул отцу, что поверженному врагу нельзя оказывать почести, и ударом палицы разбил болгарскому царю голову...

В шатре сделалось тихо. Каждый обдумывал услышанное.

Джанибек-султан случайно глянул на Бердибека. Глаза сына возбужденно и радостно блестели.

— Что было потом? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Король велел похоронить убитого царя в соборе святого Георгия. А сын, боясь мести отца, уехал в другой город. Старый король не хотел ему мстить, но сын подумал, что отец замышляет против него дурное, и, тайно вернувшись во дворец, задушил его ночью в постели.

Сидящие в шатре удивленно зацокали языками.

И вдруг послышался звенящий голос Бердибека:

— Отец, зачем ему надо было душить? Лучше убить вот так...— мальчик быстро вытянул правую руку вперед,— кинжалом...

Глаза Джанибека потемнели. Он хлестнул сына ладонью по щеке:

— Ты плохой мальчишка! Разве может сын убивать отца?!

Бердибек не заплакал, только нагнул упрямо голову, словно изготовился к драке.

— Зачем бьешь?! Если бы он не убил отца, то как бы занял его трон?!

— Вы послушайте, что болтает этот щенок!

— Не трогай его...— сказал Тюре-бий, задумчиво рассматривая взъерошенного мальчика.— Откуда знать ребенку, что убийство ближнего — это грех?

Кто-то из кипчакских баев тяжело вздохнул:

— Времена сейчас такие... Многие не знают, что хорошо, что плохо...

Вмешался Узбек-хан:

— Время, говоришь? Это мы должны объяснить молодым, что отцу грех убивать сына, а сыну — отца...

Хану показалось, что в глазах Тюре мелькнула усмешка. Не о нем ли подумал бий, не о Елбасмыше ли вспомнил? Давно это было, а никто не забыл. Прогоняя нахлынувшие воспоминания и стараясь перевести разговор на другое,

---

[1] Рации — сербы.

[2] Туна-дарья — Дунай (тюркское название).

Узбек повернулся к Жакупу:

— Рассказывай дальше. Покарал ли убийцу бог, или он смог выпросить у всевышнего прощение?..

Снова померещился Елбасмыщ, опять привиделась катящаяся по ковру отрубленная голова двоюродного брата. По спине пополз противный холод. Сколько молился богу, упрашивая простить его, помочь забыть прошлое, скольким виновным даровал жизнь, надеясь, что небо заметит его деяния. В конце концов, случилась эта история в далекие молодые годы, и если бы люди знали, как часто тень убитого приходит во сне и наяву, они бы давно его простили и никто даже в мыслях своих не упрекнул Узбека.

Жакуп был купцом. И, если бы аллах не дал ему хитрости, он бы давно держал в руках не золотые дирхемы, а конский навоз. Жакуп знал, кому и что рассказывать.

— Дело, наверно, даже не в том, убил король отца или кого-то другого. Всякое бывает в этой суетной жизни... Я не улем, мне недоступны высокие истины. Я говорю про то, что видел и что знаю. Сев на трон, король не смог крепко натянуть вожжи и направить повозку своей государственности по нужной дороге. Она то грохотала по камням, то увязала в болоте. И народ понял, что бог наказывает короля за содеянное, понял и стал роптать. Король почувствовал, что бог гневается и оттого все, что он делал, обречено на неудачу. Уверовав в свои мысли, приказал во всех церквах и монастырях молиться за него и просить всевышнего отпустить его грех. Король пожертвовал священникам много золота, дал во владение новые земли и начал строить церкви. Он часто ездил молиться на могилу отца...

— Значит, не простил его бог? — перебил Жакупа кто-то из кипчакский баев.

— Я думаю, что простил,— глядя на Узбек-хана, твердо сказал купец.— История эта случилась давно, но король до сих пор жив. Не раз ходил он после этого в походы на греков и албанцев и всегда возвращался с победой.

Хан облегченно вздохнул. В истории, рассказанной Жакупом, он словно нашел ответ на то, что эти годы мучило его. Всю свою жизнь Узбек оставался правоверным мусульманином, свято выполнял заветы пророка, значит, и его должен простить аллах.

— Расскажи нам об османских тюрках,— попросил хан.— В чем их сила и откуда родилось их могущество?

Купец погладил широкой ладонью клинышек жидкой, тронутой сединой бородки.

— Знающие люди многое объяснили мне... Сила их — в повиновении своему повелителю. Каждый, кто живет на их земле — мусульманин он или нет,— подчиняется одним законам. И покоренные народы они заставляют жить так, как живут сами.

— Расскажи обо всем подробно,— повелел Узбек-хан.— Кто знает, быть может, нам когда-нибудь придется скрестить с ними мечи.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой хан. Я постараюсь ничего не пропустить... У османских тюрков много воинов, и самое удивительное, что, сколько бы они ни ходили в походы, тумены их не редеют. Всякому известно: даже удачные походы уносят жизни людей, а тюрки воюют уже много лет беспрерывно, и земля их давно должна была бы обезлюдеть. Зная это, они научились поступать мудро. Захватив чужие земли, они думают не только о скоте, золоте, серебре и дорогих тканях, но и о том, как пополнить свое войско. Пленников они не убивают, а заставляют их принять мусульманство. И я видел, что нередко чужеземцы становятся более ревностными последователями учения пророка, чем некоторые тюрки. И так происходит с большинством народов. Только грузинам и

армянам удается пока отстаивать свою веру. Они вынуждены подчиняться кызылбасовцам [1], но даже и те не могут повернуть их лицом к истинной вере нашего светлоликого пророка. По законам тюрков, если один из них погибает в битве, оставшиеся в живых обращают в мусульманство двух пленников.

— Ты рассказываешь очень интересно,— сказал Узбек-хан.— Но как же тюрки управляют подвластными им землями?

Слуга, неслышно ступая по ковру, подошел к Жакупу и протянул ему чашу с кумысом. Купец сделал несколько глотков и продолжал:

— Когда Осман, вождь племени огузов, одолел в битве сельджуков, он все завоеванные земли оставил за собой. Наиболее отличившимся бекам он выделял большие наделы и разрешал без всякой платы пользоваться водой и пастбищами, лесами и охотничьими угодьями. Но стоило беку в чем-то провиниться перед султаном, он отбирал владение и отдавал его другому. Земля не переходит по наследству от отца к сыну и не является собственностью рода, который когда-то там кочевал. Попавший в немилость бек обязан жить при дворе султана, и тот дает ему денежное жалованье, достаточное для безбедного существования. В любой час, доказав своей верной службой преданность повелителю, бек может получить свой или другой надел. Султан никогда не гасит искру надежды в сердцах своих подданных. До двухсот беков и другой знати обитает при его дворце, надеясь на милость султана. Этих людей называют мазулами. Так делают и те, кто садится на трон после султана Османа. И от этого окрепло государство тюрков. До сих пор их войско не знает поражений, потому что всегда придерживается мудрых заветов Османа. И еще султан Осман сделал то, чего до него никто не делал. Захваченных в походах мальчиков он не раздавал своим воинам. Муллы совершали над ними обряд обрезания, и дети народов-иноверцев становились мусульманами. Затем султан отдавал их под начало опытных воинов, которые в специально построенных хизарах обучали мальчиков военному искусству. Через некоторое время султан получал преданное бесстрашное войско [2], где каждый не знал ни своего рода, ни своего племени, а чтил за отца одного султана Османа. Одежда оружие и еда выдавались воинам из султанской казны. Во главе отрядов, охраняющих крепость, стояли знатные люди, носившие звание дизаров. Их помощники именовались чиханами. Во главе каждый из десяти воинов стоял булну-паша. Все, кто служил в войске, получали деньги. Дизар — одну золотую монету в день, чихан — по истечении четырех дней, булну-паша — каждый восемь дней, простой воин — через десять дней. Получалось, что благополучие каждого — будь он богат или беден — зависело от султана Османа, поэтому войско у тюрков едино, похоже на руку, где пальцы сжаты в крепкий кулак. Кто может противостоять такой силе?

— Хорошо рассказываешь,— задумчиво заметил Узбек-хан,— но так было при султане Османе, как живут тюрки сегодня?

— Мало что изменилось с того времени, когда на троне сидел Осман. Сейчас на троне его сын Орхан. Сын никогда не бывает во всем похож на отца. Орхан начал раздавать уделы отдельным бекам, не на время, а навсегда, но все равно государство его по-прежнему сильно, и соседи опасаются дерзко говорить о новом султане.

— Тюрки должны быть очень богаты, чтобы так устроить свое войско,— сказал Джанибек.

---

[1] Кызылбас — букв.: красноголовый (слово тюркское). Шииты — последователи учения одного из наместников пророка и зятя Мухаммеда — Хазрета Али. Они носили красную чалму. Фанатичные приверженцы ислама, они потратили много сил, чтобы обратить грузин и армян в мусульманство.

[2] Впоследствии воинов, воспитанных подобным образом, стали называть янычарами (новыми воинами).

Жакуп мечтательно прикрыл глаза. Ему представились горы золотых дирхемов. Он лизнул языком губы, отпил кумыс из чашки.

— Когда я был в тех краях, один купец, часто бывающий во дворце и слову которого можно верить, сказал, что в казне султана столько золота, что его хватит для того, чтобы содержать войско в триста тысяч человек в течении пяти лет.

— Золото подобно черной змее... Чтобы воинам было чем платить за службу, надо постоянно ходить в походы, надо находить и побеждать врага,— сказл Тюре.

Узбек-хан словно не услышал слов бия. Лоб его был нахмурен, брови сошлись на переносице.

— Скажи нам, купец, что объединяет османских тюрков еще кроме золота? Ведь известно, что золото нужно человеку, пока ему не грозит опасность, но стоит занести над его головой меч, и он бросит все, чтобы спасти свою жизнь. Скажи, что предпочел бы ты: умереть на мешке золота или, отдав его врагам, уберечь свою голову?

Жакуп вздохнул. Изворотливый ум купца не соглашался с подобными крайностями. Он искал решение среднее, чтобы и золото не потерять, и жизнь сохранить. Наконец решился, покачал головой:

— Наверное, отдал бы, великий хан...

— Вот видишь... ты говоришь, что золото, которое дает султан своим воинам, делает их непобедимыми...

— Я не закончил свой рассказ...

— Продолжай, мы слушаем тебя.

— Есть и еще одна сила, которая объединяет тюрков,— учение пророка Мухаммеда. Для них все люди на земле делятся на правоверных мусульман и гяуров — неверных. Османские тюрки ходят в походы не только для завоевания чужих земель и захвата добычи, но и для уничтожения гяуров. Они смелы и отчаянны в сражениях, потому что верят: чем больше убьют неверных, тем угоднее будут аллаху, а когда придет время, перед каждым из них распахнутся ворота рая.

Смерти тюрки не боятся. Недаром их конные тумены называются акндивагус — буйный поток. Неведом страх и пешим воинам — сарахаракам. Любого, кто нарушит порядок во время битвы или покажет спину врагу, ждет смерть от своих товарищей.

— Но не может же быть такого, чтобы в землях тюрков не осталось ни одного иноверца? — недоверчиво глядя на купца, сказал Тюре-бий.— Наш хан— опора ислама, но и он дозволяет жить в Золотой Орде тем, кто поклоняется духам или верит в Христа.

Жакуп согласно закивал головой:

— Разве я сказал вам, что там нет иноверцев? Они есть, потому что простой народ часто бывает крепок в своих заблуждениях и духи зла не дают ему увидеть свет истины, который идет от учения пророка. Всякого, кто молится иному богу, султан обложил большим налогом. Если такой человек занимается ремеслом или торговлей, он и за это платит в казну. Султан Осман старался быть справедливым и проявлял большое терпение к заблудшим. Того же он требовал и от своих беков. Если идущее в поход войско топтало копытами своих коней посевы гяуров, живущих на земле султана, то им выплачивалось все, что полагалось за потраву. И многие иноверцы, вкусив плод справедливости, прозревали и с чистым сердцем вступали на дорогу, ведущую к истинной вере. И султан Орхан поступает по законам отца. Рассказывают такой случай. Однажды женщина-гяурка обратилась к нему с жалобой, что его воин выпил у нее молоко, а заплатить отказался. Тогда, чтобы установить истину, султан приказал вспороть воину живот и посмотреть, есть ли там молоко. Женщина оказалась права, и ее

отпустили с миром. Кто осмелится после подобного свернуть с пути справедливости, по которому идет сам султан? Кто откажется ему повиноваться? Так, во всем следуя учению пророка Мухаммеда, Осман и Орхан добились того, что и народ, и войско по первому слову султана готовы пойти на смерть...

Узбек-хан нахмурился:

— Ты слишком много рассказываешь нам поучительных историй, но до сих пор не сказал ни одного слова о том, что может произойти дальше.

— Великий хан, мне ли, слезинке на реснице аллаха, судить об этом? — Жакуп опустил глаза, стараясь не встретиться со взглядом хана.

— Тогда расскажи нам, что говорят об османских тюрках знающие люди в заморских странах.

Купец оживился. Теперь, что бы он ни сказал, никто не сочтет его слова за дерзость и за попытку поучать хана. Жакуп для важности помолчал, собираясь с мыслями, потом сказал:

— Всякое говорят знающие люди, но все сходятся на том, что если аллах не перемешает тот порядок, который установился на землях тюрков, и не отвернет от них своего лица, то рано или поздно султан Орхан двинет войско на Иран, а потом пошлет корабли к берегам Крыма.

Узбек-хан обвел присутствующих суровым взглядом. Он словно спрашивал их: понимают они, чем грозит Золотой Орде усиление османских тюрков? Если все произойдет так, как говорит купец, то Великий Шелковый путь никогда не будет великим — ветер засыплет глубокие колеи от тяжелых повозок, а степная полынь скроет следы караванов. Откладывать поход на Иран нельзя. Надо упредить тюрков.

Утром состоялся большой ханский совет — таганак, на котором эмиры, нойоны, бии, батыры и другая знать, приехавшая со всей Золотой Орды, единогласно решили начать поход в земли Ирана.

Сакип-Жамал и Бубеш, счастливо избежавшие смерти, скитались по дорогам Мавераннахра в поисках Акберена. Людская молва утверждала, что предводитель восставших рабов с отрядом в тысячу человек, спасшийся от преследования воинов Кутлук Темира, скрывался где-то в предгорных долинах.

Сакип-Жамал, разыскивая Акберена, не хотела думать о том, как встретит он ее. Ведь это она, только она виновата в том, что произошло с рабами. Сакип-Жамал, зная характер Акберена, не могла надеяться на прощение, но неведомая сила вела ее к нему, и она, подобно мотыльку, искала тот огонь, в котором должна была сгореть. Инстинкт женщины, которой в скором времени предстояло стать матерью, заставил ее брести по пыльным дорогам Мавераннахра.

В Джизакской степи они наткнулись на аулы кипчаков и мангитов. Здесь женщины узнали печальную весть о том, что отряд Акберена уничтожен, а те, кому удалось спастись, разбежались кто куда. Жив ли предводитель восставших, не знал никто.

Целых два года прожили Сакип-Жамал и Бубеш в ауле кипчаков. Здесь увидел впервые солнце мальчик, рожденный Сакип-Жамал. Здесь и сделал он первые шаги.

Степные народы дорожат родством и при встрече всегда подолгу выясняют родословную друг друга до седьмого колена. И порой появляется тонкая ниточка, связывающая людей, живущих друг от друга за два-три месяца пути. Так случилось и здесь.

Через странников, останавливающихся в ауле на ночлег или недолгий отдых, Бубеш узнала, что у нее есть родственники по линии матери в роде уйсунь, кочующем близ Алмалыка.

Дождавшись каравана, идущего в ту сторону, женщины упросили караванбаши взять их с собой. Нелегок был путь, и казалось, не будет ему конца, а каждая ночь, когда караван останавливался на отдых, могла стать последней для людей, отправившихся в опасный путь,— повсюду бродили шайки разбойников, выискивая добычу. Но аллах хранил караван. И караванбаши был добр — он дал женщинам верблюда, и они по очереди ехали на нем, укачивая между горбами двухлетнего сына Сакип-Жамал.

Однажды, когда до Алмалыка осталось три дня пути, на рассвете на лагерь налетел отряд конников. Они потоптали и порубили походные палатки караванщиков, убили тех, кто пытался сопротивляться. Сакип-Жамал с сыном и Бубеш удалось спастись. Целый день просидели они в камышах небольшого озерца, а когда в степи наступила тишина и рассеялась пыль, поднятая конями разбойников, отправились искать жилье.

И снова, в который раз, приютил женщин бедняцкий аул. Люди, сами живущие в страхе перед возможным нападением разбойников, дали им кров и поделились тем, что у них было.

Худой, с впалой грудью старик, пустивший их на ночевку в свою юрту, протягивая узловатые темные руки к огню костра рассказывал:

— Страшно жить на земле. Ни ханам, ни аллаху не стали нужны люди, иначе зачем они позволяют им убивать друг друга? Расположение звезд на небе было благосклонно к вам, и только поэтому вы спаслись. Те же, кого захватили в караване лихие люди, будут проданы на базарах Хорезма, Бухары и Самарканда. Так может случиться с любым из нас...— бескровные губы старика тронула горькая усмешка.— Правда, меня они не станут захватывать и продавать. Я стар... Меня просто зарубят саблей или проткнут пикой. Если бы я был молод...— старик надолго замолчал. Беззвучно вспыхивали в очаге крохотные язычки огня, и на темных войлочных стенах юрты двигались беспокойные, тревожные тени.— Если бы я был молод...— повторил вдруг старик.— Я ушел бы к людям, которые промывают пески Алтын-Эмеля и реки Или и добывают для нашего правителя золотые зерна...

— А разве там легче жить? — тихо спросила Сакип-Жамал.

Старик поднял на нее усталые за долгий век глаза:

— Там не легче, но дошел слух, что они перебили всех, кого приставил к ним правитель, и теперь свободны. Я хотел бы пожить свободным, без страха за свою жизнь...

— Кто возглавляет этих людей? — волнуясь, спросила Сакип-Жамал.

— Я не видел этого человека, дочка, ни разу. Но, говорят, он умный и смелый джигит. Это он несколько лет назад повел за собой рабов Ургенча.

Сакип-Жамал и Бубеш переглянулись.

Утром они засобирались в путь, и старик ни о чем не стал их спрашивать. Не имеющий своей юрты волен идти туда, куда ему вздумается. Он дал женщинам в дорогу немного сушеного творога — курта и пожелал, чтобы аллах хранил их в дороге.

На исходе лета, когда пожухли, выгорели степные травы, а стебли синей полыни стали ломкими и жаворонки уже не пели своих песен, не поднимались к самому солнцу, Сакип-Жамал и Бубеш оказались невдалеке от тех мест, куда они так упорно стремились.

Много воды утекло в желтой реке Или за это время. Есен-Темир успел зарезать Жекинши-хана, сойти с ума и умереть от удушья в сундуке, куда его запрятал Али-Султан. Сюда, в Семиречье, доходили невеселые новости о расправах над неугодными в Мавераннахре. Знающие люди рассказывали, что по приказу Али-Султана мусульмане разрушали в Алмалыке христианские церкви, забивали на базарных площадях и на улицах тех, кто не следовал учению пророка

Мухаммеда, а дома их и имущество брали себе. В городе были вырезаны миссионеры, прибывшие из Авиньона.

Совсем близко была заветная цель, но ноги уже не слушались женщин: истомленные, высушенные ветром и зноем тела требовали хотя бы небольшого отдыха. И снова Сакип-Жамал и Бубеш приютил случайно встреченный на пути аул.

Хозяин юрты, где они остановились, еще не старый горбатый мужчина, велел жене сварить для гостей мяса. Это была неслыханная щедрость. За долгую дорогу, за многие дни пути, привыкшие к сухому творогу — курту да к кислому молоку — айрану, которыми угощали их сердобольные пастухи, женщины впервые увидели мясо.

— Ешьте, дорогие гости,— сказал горбун.— У меня три овцы, и сегодня я зарезал одну из них. Последнее время в степи появляется слишком много воинов Али-Султана, и сердце мое чует, что это не к добру. Однажды они заберут все, а если я попытаюсь им помешать, меня объявят врагом нашего повелителя и зарубят на том месте, где я буду стоять. Так не лучше ли съесть этих овец самому и поделиться их мясом с гостями, которых прислал мне аллах?

Сакип-Жамал и Бубеш не знали, радоваться им такому щедрому угощению или печалиться вместе с хозяином. Они ели мясо, стараясь не показать своего голода. Хотелось расспросить, что делается сейчас в Алтын-Эмеле, но осторожность, которой они научились за долгие месяцы пути, заставляла выжидать удобного момента.

Хозяйка юрты налила им в деревянные чаши — кисе жирного, наваристого бульона — сорпы. Сакип-Жамал увидела в глазах женщины печаль и жалость человека, который сам много испытал в жизни невзгод и лишений.

— Пейте, милые...

Мужчина вдруг поднял голову и прислушался. Лицо его сделалось напряженным и встревоженным. И тут все уловили далекий и неясный топот копыт — неведомые всадники промчались по степи в стороне от аула. Некоторое время стояла тишина, потом до слуха донесся едва уловимый слитный гул, словно за краем земли заворочался ленивый и медленный гром.

Хозяин юрты схватил висящий у входа соил — тяжелую, с утолщением на конце дубину — и выскочил на улицу. Кочевнику, привыкшему к постоянным опасностям, слишком о многом говорили звуки, доносящиеся сейчас из степи,— в сторону аула двигался враг.

Женщины, бледные от сраха, бросились из юрты вслед за мужчиной. Но это было не нападение. Скоро они различили блеяние баранов, ржание лошадей, гортанные, злые стоны верблюдов. И над всем этим, словно разбуженные среди ночи птицы, носились тревожные и надрывные человеческие голоса — кричали женщины, плакали дети, ругались невидимые во тьме мужчины. Неведомое кочевье словно разделилось на два рукава и начало обтекать аул. Вдруг прямо из тьмы надвинулся на стоящих у юрты огромный черный всадник.

— Добрые люди,— попросил он хрипло.— Дайте напиться. Внутри все горит от пыли и криков...

Женщина-хозяйка метнулась в юрту и сейчас же появилась с большим деревянным ковшом в руках.

Человек наклонился с седла, бережно взял ковш и жадно, словно одним глотком, выпил воду.

— Спасибо, добрые люди...

— Почтенный,— подал голос горбун, сжимая в руке соил,— скажи, как это случилось? Откуда и куда бежите, словно спасаясь от врагов?

— Да вы что, ничего не знаете, что ли? — в голосе незнакомца звучало неподдельное удивление.— Разве нукеры Али-Султана не приезжали сегодня днем

в ваш аул и не говорили, что в Алтын-Эмеле среди тех, кто добывает золото, появилась чума? Нукеры уже подняли людей во всех близлежащих аулах и под страхом смерти велели идти в сторону Кегеня и Нарынкола. Тех, кто не подчиняется, рубят на месте. Еще они предупредили, что если к нашему кочевью прибьется хотя бы один человек из Алтын-Эмеля, мы погибнем от этой страшной болезни. Любого чужака велено убивать. Сегодня ночью загорятся алтын-эмельские аулы, чтобы огнем очистилась земля от кары аллаха.

— Так что же ты нам сразу об этом не сказал?!

Вокруг юрты горбуна собрались все немногочисленные обитатели аула.

— Откуда я мог знать, что вам неизвестно об этом? — растерянно сказал всадник.— Разве я нукер Али-Султана, чтобы возить людям дурные вести... Скоро нукеры будут здесь. Они идут вслед за нашим кошем. Они и скажут...

И, в подтверждение его слов, к юрте приблизилось сразу несколько всадников. Один из них поднял над головой плеть и со всего размаха хлестнул горбуна.

— Вы почему до сих пор не сняли юрты?! — закричал он.— Или для вас слово нашего Али-Султана подобно лаю собаки?! В Алтын-Эмель пришла чума, и, если вы немедленно не уберетесь отсюда, завтра вас некому будет хоронить и оплакивать! Эй! — всадник обернулся к сопровождающим его воинам.— Помогите этим ленивым волам, свалите их грязные юрты! Быть может, после этого они станут проворнее!

Не дожидаясь повторного приказа своего предводителя, нукеры помчались по аулу, рубя юрты саблями, протыкая их копьями. Слышно было, как с сухим хрустом ломались остовы бедняцких жилищ.

Сакип-Жамал и Бубеш помогали хозяину и его жене связывать в узлы нехитрые пожитки, выючить их на верблюда. Зажгли большой костер, и в ауле стало светло. Шум сделался тише. Аул готовился к кочевке.

Кто-то тронул Сакип-Жамал за плечо, и она выпрямилась, испуганно оглянулась. Рядом стоял спешившийся молодой нукер и пристально всматривался в ее лицо.

— Сакип-Жамал-апай, я узнал вас,— негромко сказал он,— помните...

И она вспомнила. Ставка Кутлук Темира.

Мать джигита прислуживала в ставке, а она, Сакип-Жамал, часто угощала мальчишку сушеным урюком и сливами, дарила ему бараньи асыки... Потом его мать умерла, и ребенка увезли к родственникам в Бухару.

— Я тоже узнала тебя,— с грустью сказала Сакип-Жамал.

— Вы так исхудали... С вами случилась беда? — в голосе нукера послышались тревога и искреннее сочувствие.

— Долго обо всем рассказывать... Скажи лучше мне, что произошло в Алтын-Эмеле? Мы ведь шли туда, а теперь люди говорят, что там чума.

Джигит взял ее за руку и отвел в сторону от юрты, за черту, где встречались ночь и отблески багрового костра.

— Не надо бояться... В Алтын-Эмеле нет никакой чумы... Но то, что ожидает живущих там, хуже всякой чумы. Люди, которые мыли золотой песок, восстали и сегодня ночью должны погибнуть. Таков приказ Али-Султана. Будут убиты те, кто помогал им пищей из ближайших аулов. Вас прогоняют отсюда, чтобы никто не увидел того, что произойдет, и не вздумал помочь несчастным...

— О создатель, за что ты обрушиваешь на людей свой гнев?!

— В Алтын-Эмеле не знают о грозящей беде,— торопливо сказал нукер.— На рассвете воины окружат их и предадут их жилища огню, а тех, кто попытается бежать...

— Почему же ты не предупредил людей?! Разве у тебя нет сердца?

Джигит опустил голову:

— Я не мог этого сделать... Сотник следит за каждым нашим шагом...

Лицо Сакип-Жамал побледнело и заострилось.

— Я сделаю это сама,— сказала она.— Ты сможешь достать мне лошадь?

Джигит обрадовался:

— Конечно! Только придется взять еще один грех на душу. Я отберу ее у кого-нибудь из ваших аульных и привяжу в кустах, в двухстах шагах от родника...

— Иди,— сказала Сакип-Жамал,— да благословит тебя аллах за твое доброе сердце...

Вернувшись к костру, она позвала Бубеш и пересказала ей разговор со знакомым джигитом.

— Сестренка,— тихо сказала Сакип-Жамал,— одна горькая судьба связывала нас и долго вела одной дорогой. Я хочу помочь людям в Алтын-Эмеле... Там Акберен... Будь матерью моему сыну... Уходи вместе с аулом. Если аллах поможет мне, я найду вас, где бы вы ни были.

Женщины обнялись. Бубеш тихо заплакала.

Рассвет был серым и долгим. Тяжелое красное солнце, похожее на воспаленный огромный глаз, с трудом поднялось из-за края земли и неподвижно замерло среди глыб черных, как камни, туч. Черную, обожженную землю видело солнце и, быть может, поэтому не решалось начать свой обычный путь по небу. Еще видело оно две крошечные человеческие фигурки, бредущие по обугленной, словно проклятой самим богом земле. Один человек был большой, другой — маленький. От каждого их шага поднималось крошечное облачко серого легкого пепла от сгоревших трав, и скучный тихий ветер уносил его в сторону.

Бубеш не имела представления, куда она идет. Сынишка Сакип-Жамал, вцепившись в подол ее платья, медленно брел рядом. Ночью, когда коши разных аулов, согнанных со своих мест нукерами Али-Султана, начали сталкиваться в широкой степи на узкой караванной тропе, когда все смешалось и перепуталось, Бубеш с ребенком потеряла аул, который накануне дал им приют. Другие же коши не захотели принять их к себе, опасаясь, что женщина и ребенок могли оказаться из проклятого Алтын-Эмеля.

И вот перед рассветом женщина и ребенок оказались совсем одни. Еще ночью видели они, как полыхала от края до края степь, как поднимались над нею огненные смерчи. Потом пожар ушел, гонимый ветром, в неведомую даль, и только кисловатый синий дым тянулся из логов и низинок, где когда-то были густые заросли кустов, и умирающий огонь еще прятался в их корнях, чадил, словно надеясь, что кто-то подбросит ему пищи и он снова радостно запляшет под ветром, размахивая своими красными полотнищами. Но вокруг была голая, раздетая теперь уже до будущей весны земля. За все время мальчик ни разу не закапризничал, не заплакал, не попросил хлеба. Он молча шел рядом с Бубеш, терпеливо переставлял свои маленькие ноги и, совсем как взрослый, о чем-то думал.

Бубеш подумала о Сакип-Жамал. Где сложила она голову? Удалось ли ей пробраться через заграждения, выставленные воинами Али-Султана; предупредила ли она восставших, или бездыханного тела ее коснулись жаркие языки пламени ночного пожара? Ни небо, ни ветер не могли об этом рассказать.

А в это время Акберен уводил восставших и их семьи в сторону Восточного Туркестана. Сакип-Жамал успела предупредить алтынэмельцев, и потому воинам Али-Султана достались только брошенные, пустые юрты. Долго бродил еще после слух между людьми о страшной болезни — чуме, что появилась в долине реки Или, но, странное дело, никто не видел ни одного мертвого. На всякий случай кипчаки много лет не пригоняли сюда стада, а воины Али-Султана,

которые должны были уничтожить восставших в Алтын-Эмеле, никому не рассказывали, что сожгли пустые юрты.

Едва земли Золотой Орды покрылись крохотными зелеными копьями-ростками молодой травы, как поднялись в небо, полетели в сторону Ирана вороны и стервятники, грифы и орлы-могильщики, а за ними, извиваясь по увалам и долинам, растянувшись от одного края земли до другого, поползла небывало огромная змея, поблескивая на солнце, словно чешуйками, остриями отточенных копий.

Длиннохвостые, короткогривые кони, привыкшие к дальним походам, шли неутомимой рысью, а сидящие на них всадники были веселы и беззаботны — впереди их ждали победы, богатая добыча и красавицы иранки. Никто не сомневался в успехе, потому что вел своих бесстрашных воинов сам Узбек-хан — опора ислама, и было под его началом четырехсоттысячное войско. Хан ехал впереди войска на гнедом длинношеем скакуне, и ветер играл над его головой белым знаменем.

Справа у пояса хана висел меч дамасской стали в ножнах, украшенных золотой арабской вязью, слева — длинный нож с рукоятью из желтоватой слоновой кости. Седло — в золотых драконах и серебряных бляхах. Слева к нему был приторочен железный щит, а за спиной хана висел садак, полный красных стрел с оперением, сделанным из орлиных перьев. Грузное тело облегала кольчужная рубашка с короткими рукавами, голову украшал черный железный шлем с золотыми насечками.

Хан был одет и снаряжен подобно своим воинам, в любой момент готовый вступить в битву. Он даже отказался от хурши — оруженосца. Все оружие находилось при нем. Что из того, что Бату-хан и Берке не делали этого? Он, нынешний повелитель Золотой Орды, поступает так, как находит нужным. Прежние ханы никогда не шли во главе своего войска, предпочитая двигаться в стороне, чтобы любоваться его силой и мощью. Он повел воинов за собой, и пусть все видят в этом особый смысл и знают, что опора ислама с ними.

У каждого воина, отправившегося в поход, хорошее оружие, выданное из ханской казны, кольчужные нагрудники поверх одежды, заводной конь. Что может остановить таких воинов — бесстрашных и быстрых, готовых повиноваться каждому жесту, каждому слову любимого хана?

Вьется по равнинам и увалам войско-змея, все ближе оно к предгорьям Кавказа, и горе всему, что встанет на его пути. Обовьет оно всякого кольцами своего сильного тела, задушит, раздавит. Позади Узбек-хана, с двух сторон, едут два его сына — Таныбек и Джанибек на белоногих скакунах, за ними — самые преданные Орде эмиры, нойоны, батыры. В год змеи (1341) ползет на Иран войско-змея. Во все времена, еще от монгольских ханов, считался этот год недобрым и тяжелым для кочевников. Но решимость Узбек-хана была так сильна, что он ничего не боялся. Пусть тяжким станет этот год для его врагов.

И действительно, будто сам аллах покровительствовал хану. Соглядатаи, верные люди, донесли ему, что с самой ранней весны не пролилось над Ираном ни капли дождя, а месяц науруз — март — был похож на месяц шильде — июль, и травы погибли от зноя, не успев отцвести и родить семена.

И еще произошло небывалое — в апреле на высоких Кавказских горах растаяли, исчезли вечные снега, отчего на плодородные земли Ширвана и Аррана обрушились сели — грязекаменные потоки, потом реки обмелели, открыв человеческому взору белое, сухое дно. Неоткуда было брать воду для садов и полей, листва на деревьях скрутилась и осыпалась, а хлебный колос увял и лег на землю.

С тайным страхом и надеждой, ни с кем не делясь своими мыслями, Узбек готовился к первому сражению. Быть может, теперь навсегда земли Северного Ирана станут владениями Золотой Орды. Сколько раз ходил в походы! Были поражения и были победы! Но и тогда, когда побеждал, не мог удержать того, что попадало в его руки. Наступал срок, и приходилось отдавать приказ туменам возвращаться в степи Дешт-и-Кипчак. Сейчас же не только Ширван и Арран хотел покорить Узбек. Для того чтобы снова из медленно текущего ручейка превратить Великий Шелковый путь в полноводную и широкую реку, нужно было покорить себе города и крепости по южному берегу Хазарского моря.

Иран слабел с каждым днем. Когда-то молодое и сильное ильханство могло постоять за себя и не боялось выйти навстречу любому врагу. Теперь же эмиры, нойоны и беки, подобно неразумным детям, растащили владения, разорвали на лоскутья то, что в войнах и сражениях собирал под свою руку великий Кулагу.

Все чаще без должного уважения смотрели в сторону Ирана египетские мамлюки, и жадным волчьим блеском вспыхивали глаза османских тюрок. Чтобы добиться своего, Узбек-хану следовало спешить. Его конница без труда переправлялась через еще недавно бурные горные реки и за десять дней бросила к ногам хана Ширван и Арран. Огромное войско остановилось на берегу Куры, и Узбек велел в честь удачного похода возблагодарить аллаха. Были зарезаны тысячи баранов и устроен для воинов праздник.

Но всевышний, наверно, не принял жертвоприношения и не услышал слов благодарности, обращенных к нему. От теплой и мутной воды из Куры воины начали болеть желудком, и многих из них аллах стал забирать к себе. Кипчакские кони, привыкшие к густому травостою в родных степях, с каждым днем тощали, не находя себе пропитания на сожженных солнцем равнинах. Не помогало даже зерно, которое воины Узбека отбирали у местных жителей и пытались скармливать животным.

Узбек-хан велел повернуть свои тумены в сторону грузинских горных долин, надеясь найти там прохладу, но и здесь солнце было горячим, как раскаленный золотой слиток, и вместо травы воины увидели под копытами коней горячие серые камни.

Даже ночи не приносили прохлады, и полнотелый Узбек хан исходил липким потом. Недобрые предчувствия не покидали теперь его, и однажды сердце хана не выдержало — на рассвете, когда он беспокойно метался на постели из мягких белых войлоков, сердце остановилось.

Разбился остов великой Золотой Орды — умер грозный хан, правивший ею целых тридцать лет.

Нового хана ждала Орда. И он появился. Вместо погибшего орла в небо взлетел кобчик — на трон Золотой Орды сел старший сын Узбека — Таныбек.

Непрост был путь Таныбека к трону. Так уж повелось среди Чингизова потомства, что за, казалось бы, обычным событием стояла долгая кровавая борьба. Накануне назначения нового хана вся знать, от которой хотя бы в какой-то мере зависело, кому быть в Орде первым, разделилась на два непримиримых лагеря.

Внешне легко достался в свое время трон Узбеку, но, прежде чем решиться на убийство Елбасмыша, он позаботился о поддержке. Обычного убийцу, за которым никто не стоял, ждала бы сразу суровая и жестокая кара. Но у Узбека были люди, которые умели заставлять противников молчать, и потому он решился совершить то, что задумал. В ту пору на его стороне оказались эмиры со своими воинами, батыры, предводители кипчакских родов, мусульманские купцы.

Таныбек сел на трон Золотой Орды без кровопролития, но и за ним были те, кто определял законы, по которым жила степь Дешт-и-Кипчак.

Минули времена, канула в Лету та пора, когда для избрания хана, по заветам Чингиз-хана, собирался курултай. Отныне из установленного им правопорядка бралось лишь то, что нужно было в данный момент, что помогало более сильной стороне придать назначению нового хана видимость законности. Так было и на этот раз. Таныбек, старший сын Узбека, имел перед всеми другими родственниками преимущественное право на трон. Кроме того, верные ему люди пустили слух среди воинов, что Узбек, умирая, высказал свою волю совершавшему в этот момент над ним молитву кадию — хан повелел, чтобы его преемником стал именно Таныбек. Воля хана священна, да и кто посмел бы не поверить клятве, которую принародно дал кадий, сообщая правоверным последние слова хана?

Таныбека поддерживали в основном выходцы из Ирана. В последние годы вокруг него постоянно вились сладкоголосые хитрые персы, богатые купцы, фактически правившие Крымом генуэзцы, князья аланов, черкесов, знать болгар и гузов. Разные причины собрали их вокруг старшего сына Узбек-хана, но все вместе они представляли внушительную силу.

В год овцы (1331) Узбек женил старшего сына на Ануширван-хатун — дочери эмира Шейали, сына иранского эмира Хусейна. Недолог был мир между новыми родственниками. Поход Узбека на Иран сделал их врагами. По мусульманским обычаям, если воюют между собой близкие люди мужа и жены, то муж обязан отправить жену к ее отцу или же она должна во всем принять сторону новой родни. Ануширван-хатун не хотелось изгонять из своего окружения иранских ученых — музалимов, купцов, которые не давали скучать ей по далекой родине. Таныбек не пожелал терять красавицу жену и рожденного ею сына. Этим не преминули воспользоваться те, кто стоял на стороне Джанибека и желал ослабления его брата.

И тогда в начавшиеся распри вмешались генуэзские купцы. Им было невыгодно, чтобы совсем нарушились связи между Золотой Ордой и Ираном,— попрежнему через эти государства вел путь, по которому на невольничьи рынки Востока поставляли рабов. И не только генуэзцев беспокоило это — полный разрыв с Ираном был не по душе булгарам и черкесам.

Близкие к Узбек-хану люди довели до его ушей, сколь пагубным будет для Золотой Орды полное прекращение торговли через Иран с восточными странами. И он, до глубины души ненавидя персов, приказал никому не вмешиваться в дела сына и невестки. С этой поры еще больше окрепли связи Таныбека с Ираном, с генуэзцами из Крыма.

Между сторонниками ханских сыновей установился, казалось бы, мир, но это только казалось. Они знали, что Узбек не вечен и близкая смерть уже стоит за его сутулыми от старости плечами, а значит, скоро придет время, когда на трон Золотой Орды сядет новый повелитель. Кто им станет: Таныбек или Джанибек?

Неожиданная смерть Узбека все смешала, и, воспользовавшись этим, мусульмане Дешт-и-Кипчак и Хорезма первыми успели объявить ханом Таныбека. Спокойный и выдержанный Джанибек не подал вида, что потерпел поражение, и не уронил ни одного худого слова о брате, хотя отчаяние толкало его на ссору. Он знал, что никто не поверил в то, что он смирился со случившимся. Какой степняк ради власти не пожертвует самым дорогим, даже жизнью близкого человека? Джанибек был чингизид, а потомки Потрясателя вселенной никогда добровольно не отказывались от трона. Но обстоятельства заставляли выжидать своего часа терпеливо, казаться на людях спокойным и делать вид, что ничего не произошло.

Мысль о троне, глубоко спрятанная от посторонних, не покидала Джанибека, и только любовь к младшей жене, которую он взял в прошлом году, помогала ему справляться с собой. Черкешенку Жанбике-ханум привезли с Кавказских гор. Юная и горячая, она сразу же влюбилась в самого младшего сына Узбек-хана — Хизырбека. Трудно ей было сладить со своим сердцем: младший брат ее мужа был красивым и веселым джигитом, и Хизырбек ответил юной горлянке взаимностью.

Грех со стороны обоих был страшным, но любовь взяла свое. С этой поры Хизырбек, сжигаемый ревностью, начал сторониться брата, и постепенно ощущение вины перед ним переросло в ненависть.

Ничего не знал об этом Джанибек, не знал, что оба брата всегда недолюбливали его за то, что он превосходил их умом, умел владеть своими чувствами.

О тайных встречах Хизырбека и Жанбике-ханум было известно только одному человеку — нукеру из личной охрану Хизырбека. Он в свое время помог им сойтись, а теперь задумал рассказать обо всем Джанибеку. Слишком малой показалась ему цена, которую платил Хизырбек за услугу.

В этот год Джанибек выбрал для летовки место на берегу светлого Яика. Зимой выпало много снега, и река стала полноводной и быстрой. Не пожелал далеко откочевывать и поставил свой аул поблизости и Хизырбек. В прежние годы он обычно следовал за Таныбеком.

Степь огромна, да и разве могут помешать друг другу братья? Под голубым, как китайский шелк, небом Дешт-и-Кипчак всем хватит места. Аулы братьев разделяло пространство, достаточное для того, чтобы устраивать конские скачки. Поодаль от них, в дрожащем степном мареве, виднелось еще несколько аулов, принадлежащих влиятельному бию Тюре. Это он пригласил в этом году на берега Яика Джанибека.

Едва весенние воды скатились в русло реки и открылась низкая пойма, как за одну ночь поднялись на ней густые зеленые травы, и степь сделалась похожей на яркий ворсистый ковер. Тальники отцвели и сбросили свои коричневые сережки в быстрые, еще мутные волны реки, а на березах лопнули клейкие, тугие почки и развернули навстречу солнцу крошечные блестящие листочки. Когда аул Джанибека пришел к месту летовки, сквозь зелень трав пробились первые тюльпаны. С каждым днем их становилось все больше и больше, и вскоре степь была охвачена невиданным пожаром — под ласковым ветром перекатывались низкие волны пламени и убегали за край земли.

В пойме реки лежали бесчисленные озера, похожие на осколки разбитого стекла. На них гомонили прилетевшие со всего света птицы, и стаи гусей проносились над аулами, почти касаясь крыльями верхушек юрт. Тучные стада бродили по безбрежному простору — скот жирел на глазах, шерсть делалась гладкой и блестящей, а в спокойных глазах отражались белые высокие облака. Жизнь была добра и ласкова к людям, и никто даже не мог подумать, что совсем скоро в этом безмятежном мире и покое снова будет литься кровь.

Каждое утро, раньше чем успевал проснуться аул, Джанибек в сопровождении кусбеги — воспитателей ловчих птиц — отправлялся на озера. Мир еще был объят тишиной, и только жаворонки, поднявшись в высокое небо, видели, как просыпается золотое солнце и собирается отправиться в свой долгий путь по синему морю неба.

Словно по зеленой воде брели неторопливо лошади, и их ноги сразу же становились темными и блестящими по самую бабку от холодной крупной росы. На луке седла, отделанного серебром и слоновой костью, привезенной заморскими купцами из далекой Индии, нахохлившись и зябко взъерошив перья, сидел светлый сокол с кожаным колпачком на голове.

И в этот день в сопровождении двух кусбеги Джанибек отправился к озеру на охоту. Телохранителей он не взял и радовался тому, что топот коней его стражи не нарушал рассветную тишину. Солнце еще не взошло. Чистая алая заря, подобно цветку, все шире разбрасывала по небу свои лепестки и обещала хороший день.

Озеро уже проснулось и встретило его разноголосым гомоном: крякали утки, гоготали возвращающиеся с ночной кормежки в степи серые гуси-казарки, трубили в серебряные трубы белоснежные лебеди-кликуны, со свистом проносились над головой стаи стремительных уток-чирков.

Оставив на берегу сопровождающих, Джанибек направил своего коня в заросли камыша. Скоро руки его и лицо ощутили прохладу, и он услышал, как тяжело и гулко плещется совсем близко большая рыба. Джанибек знал: сейчас камыши кончатся, конь вынесет его на серую песчаную косу и перед ним откроется тихая гладь озера.

Что-то вдруг заставило его насторожиться. Он не мог понять сразу, почудилось ему или он действительно услышал, как совсем рядом тихо, словно раздвинутый осторожной рукой, зашуршал камыш.

Джанибек натянул повод, и конь сейчас же остановился.

— Туре, не пугайтесь...— негромко произнес кто-то вздрагивающим голосом.

Рука непроизвольно метнулась к рукоятке сабли.

— Я хочу поговорить с вами...

Настороженно вглядываясь в густые заросли, Джанибек велел:

— Выйди и покажись мне, тогда я стану с тобой разговаривать...

— Я повинуюсь вашему приказу, туре...

Из камышей выдвинулся высокий джигит с темным от загара лицом. Глаза его, упрятанные под выступающими тяжелыми надбровными дугами, беспокойно бегали. Джанибеку показалось, что он видел этого джигита в свите Хизырбека.

— Ну говори же! — повелел он.

— Я не враг вам, а друг...— голос джигита ломался и вздрагивал.— Я ждал вас здесь, мирза, чтобы открыть одну страшную тайну...

Джанибек настороженно следил за джигитом.

— Язык мой не поворачивается... Но я должен это сделать... Ваша младшая жена обманывает вас... Она...

Кровь прилила к лицу Джанибека.

— Кто этот человек?!

Джигит замялся. Было похоже, что он уже жалеет о том, решился на эту встречу.

— Я не могу сказать... Пусть лучше ваши глаза все увидят сами... Сегодня ночью в аул приедет всадник в одежде табунщика... Он войдет в юрту вашей младшей жены... Ночи сейчас лунные, и вы легко узнаете его... Прощайте, мирза...— джигит низко поклонился Джанибеку.

— Подожди! — овладев собой, нетерпеливо сказал тот.— Кто знает об этом, кроме тебя, кто может подтвердить, что слова твои не лживы?

— Никто, мирза. Ни одна живая душа... Я не рассказывал об этом никому и из уважения к вам никому и никогда не скажу. Мой язык не привык болтать попусту.

Лицо Джанибека сделалось задумчивым.

— Вот, значит, как...

— Я знаю,— сказал джигит,— что новость, которую я вам рассказал, не оплачивается суюнши — подарком, и все-таки, быть может, вы когда-нибудь вспомните обо мне, не забудете мою услугу, сделанную ради спасения вашей чести...

— Если ты говоришь правду, я достойно отблагодарю тебя...— не отрывая от лица джигита взгляда, сказал Джанибек.— Иди...

Тот низко поклонился и попятился в камыши.

Тускло сверкнул кривой клинок, и голова джигита скатилась под ноги коня, а большое тело грузно рухнуло на землю.

Медленно вложил в ножны саблю Джанибек. Лицо его было спокойно, глаза с сожалением смотрели на поверженное тело.

Испуганные шумом, поднялись за камышами на крыло утиные стаи. Джанибек сорвал с головы сокола колпачок и подкинул его вверх:

— Вперед! Ну!

Птица черной молнией метнулась в небо. Джанибек пришпорил коня, и тот, сминая высокие стебли камыша, вынес его на песчаную косу.

Глаза Джанибека сузились, и в них вспыхнули искры азарта. Как зачарованный следил он за полетом сокола. Джанибек словно забыл о том, что он услышал только что от джигита. Забыл о том, что еще не остыла кровь убитого им человека.

Когда солнце поднялось над землей на высоту копья, довольный удачной охотой Джанибек и сопровождающие его кусбеги вернулись в аул. Никто бы не догадался по его поведению о том, что на душе мирзы неспокойно. Как обычно, он поел мяса, которое подал ему на серебряном блюде молчаливый слуга, выпил несколько пиал чая. Надо было собираться и ехать в аул Тюре. Бий ждал его сегодня. Но ехать расхотелось, и он велел послать гонца, чтобы тот передал бию, что встреча из-за его нездоровья откладывается.

Оставшись в юрте, Джанибек обдумал слова джигита. Верить не хотелось. Но если он сказал правду? Хорошо, если никто больше не знает об измене Жанбике. Тайна потомка великого Чингиз-хана должна быть священной.

Выход один: по существующему обычаю, следовало отправить Жанбике к родителям и тем самым показать всем, что как жена она ему больше не нужна. И, если никто не знает об ее измене, никто не посмеет сказать или подумать о Жанбике плохо. Сын Узбек-хана волен поступать так, как считает нужным. Ну а что, если джигит все-таки оговорил любимую жену?

Целый день не выходил мирза из юрты, и только к вечеру пришло четкое и ясное решение. Что толку мучить себя бесконечными сомнениями. Джигит сказал, что все случится этой ночью. Так не лучше ли один раз увидеть собственными глазами, чем слушать сплетни от других?

Когда на землю опустились густые сумерки и остывший ветер принес из степи запах полыни, Джанибек велел оседлать коня и, не взяв никого из своих телохранителей, стараясь остаться незамеченным, выехал из аула.

Крупные звезды перемигивались в бездонной черноте неба, потом ночь посветлела и из-за далеких увалов выкатился багровый шар луны.

В низине, близ аула своих жен, Джанибек остановился, стреножил коня, ослабил подпруги и пустил его пастись. Сам же, прихватив притороченный к седлу садак с луком и колчан со стрелами, начал взбираться на увал, у подножья которого раскинулся аул. На вершине в невысоких кустах таволги Джанибек лег на землю. Достал лук, проверил, хорошо ли натянута тетива, выбрал из колчана стрелу с четырехгранным булатным наконечником, пробивающим железную кольчугу.

Юрта Жанбике, похожая на белый курган, хорошо видная в лунном свете, находилась на расстоянии полета стрелы. Ни одна живая душа не могла бы подойти к ней незамеченной.

Оставалось терпеливо ждать. Медленно текла ночь. Ветер пригнал со стороны Хазарского моря стайку темных пушистых тучек, и они то наплывали на золотой диск луны, то разбегались во все стороны. Тихо было у подножья увала — аул спал.

Вдруг Джанибек насторожился. Чуткий слух его уловил далекий топот копыт. Он приложил ухо к земле. Ошибиться было нельзя — всадник приближался к аулу, и конь его спешил. Губы Джанибека тронула мстительная усмешка, а рука потянулась к луку. Он был отличным стрелком, и если это ехал тот, кого Джанибек ждал, то он спешил навстречу своей смерти.

Всадник появился неожиданно и совсем близко от того места, где затаился мирза. На фоне опускающейся к земле луны он показался Джанибеку огромным и тяжелым, словно высеченным из черного камня.

Всадник несколько мгновений смотрел на аул, потом соскочил с седла, легонько хлопнул коня ладонью по крупу, отпуская на волю, и, осторожно ступая по мелким камням, начал спускаться к аулу.

Джанибек хорошо видел широкую спину человека. Ни одна собака в ауле не подала голоса, и мирза понял, что пришелец не чужой. Но кто же он и действительно ли путь его лежит к юрте Жанбике?

Сердце Джанибека бешено колотилось. Даже сейчас не хотелось верить в измену жены. Мало ли в ауле девушек и молодых женщин, к одной из которых вот так, украдкой, ночью мог пробраться какой-нибудь отчаянный джигит? И когда сомнений не осталось, Джанибек успокоился и, привстав на колено, наложил стрелу на тетиву.

Человек остановился у юрты младшей жены и оглянулся вокруг. Мирза хорошо видел, что на нем простой чапан и островерхая шапка. Сомнений не оставалось: это был пастух. Так неужели Жанбике променяла его, сына могущественного Узбек-хана, на какого-то нищего?! Ярость душила мирзу. Джанибек начал медленно натягивать тетиву. Где-то еще теплилась надежда, что, как только незнакомец откинет полог, чтобы войти в юрту, раздастся испуганный, гневный крик Жанбике. Кто-то действительно нетерпеливо откинул полог, и мирза увидел жену. Протянув руки, с распущенными косами, она шагнула навстречу пастуху. Серебристый свет делал женщину удивительно красивой, неземной, похожей на райскую пери.

Пастух и женщина не успели обняться. Тонко свистнула стрела — и не то приглушенный крик боли, не то предсмертный стон услышал Джанибек. Человек покачнулся и рухнул лицом в истоптанную траву. Женский пронзительный вопль, полный ужаса, разнесся над предрассветной степью. Залаяли яростно собаки, послышался топот ног и бряцание оружия — это спешила на крик стража. Неодетыми выскакивали из юрт люди.

Джанибек, хищно сощурившись, еще несколько мгновений смотрел на растревоженный, похожий на муравейник аул, и на скулах его под туго натянутой серой кожей играли желваки.

Он неторопливо спустился в низину, снял путы с коня, взнуздал его, подтянул подпруги и, тяжело взобравшись в седло, поехал в сторону своей Орды.

Луна светила ему в глаза, потом она упала за гребень далекого увала, и наступила густая предрассветная тьма.

Долгим было правление Узбек-хана, и многое переменилось за эти годы в Золотой Орде. Если раньше всякие тяжбы между родами, дела о грабежах и насилиях, о драках и убийствах разбирали лица духовные — шейхи, кади, ишаны и кази,— то теперь это стали делать назначенные ханом судьи-бии.

Медлительна жизнь в степи, трудно поддается она переменам, хорошее и плохое часто прокатывается по степи, словно перекати-поле, не задерживаясь надолго, не останавливаясь, но и великая Дешт-и-Кипчак подвластная времени, и не в силах противиться ему ни древний уклад, ни человеческая душа.

К голосу биев стали прислушиваться эмиры и ханы, каждый старался перетянуть их на свою сторону, потому что за биями стоял род и, пусть небольшое, войско.

Бий Тюре имел большое тело и тихий голос. Никто и никогда не слышал, чтобы он закричал или оскорбил пришедшего к нему за справедливостью человека худым словом, но в решениях своих он был тверд и даже жесток. Тюре-бий любил смеяться, и в такие моменты лицо его становилось простецким и добрым, и незнающий человек никогда бы не подумал, что перед ним суровый и безжалостный судья. Никто еще не сумел прочитать его мысли, угадать, о чем он думает, глядя на собеседника. И если Тюре задумывал отомстить кому-нибудь, не было преград для властолюбивого бия. Разбирая тяжбу или оповещая народ о своем решении, он прежде всего думал о своей выгоде, о том, что это даст его роду и племени. Аллах не обидел его красноречием, и ему всегда удавалось убедить хана в правильности своего поступка.

Тюре-бий знал жизнь и умел поступать всегда так, как требовали того обстоятельства. Перед грозным Узбек-ханом он бывал мягче пуховой подушки, преданнее сторожевого пса, и никто лучше его не мог угодить желаниям повелителя Золотой Орды. Незаметно, подобно ужу, пробрался он в сердце хана и сделался его любимцем. В последние годы жизни Узбек нуждался в людях, говоривших ему угодливые слова, беспрестанно повторявших о его величии. Тюре-бий знал об этом и умел к месту сказать нужное слово.

Незадолго до своей скоропостижной кончины хан назначил его на должность субе-бия. Это было большое возвышение. Отныне Тюре становился вторым судьей — бием Золотой Орды. Выше него теперь был только Мангили, носивший звание тюбе-бия — первого судьи. Одной из причин назначения Тюре на эту должность явилось и то, что живущие в Дешт-и-Кипчак роды и племена стали в известной степени одной из прочных опор Узбек-хана.

Но ничто в этом мире не вечно. Стоило умереть Узбек-хану, и судьба отвернула свое лицо от Тюре. Он это почувствовал сразу. Но не таким человеком был бий, чтобы покориться обстоятельствам. На трон Золотой Орды сел новый хан, и надо было искать свой путь к его сердцу. Тюре отправил в ставку целый караван подарков, пообещал выдать за сына хана самую красивую девушку племени. Таныбек принял подарки, благосклонно отнесся к предложению женить своего сына на красавице, но своего отношения к Тюре не изменил.

Бий понял: с Таныбеком ему едва ли найти общий язык, едва ли тот станет прислушиваться к его советам. А что такое бий, которому не покровительствует повелитель Золотой Орды? Пройдет немного времени, и даже собственное племя, почувствовав, как ослабла узда, выйдет из повиновения, а это грозит потерей привычного уклада жизни.

Именно поэтому, спасая себя, и пригласил бий нынешней весной в свои владения среднего сына Узбек-хана — Джанибека. Длинно степное лето, и кто знает, как откроется при встречах мирза,— Тюре не знал ни одного чингизида, который бы легко смирился с потерей трона. Едва ли исключением в этом был и Джанибек. А если Джанибеку помочь, если он станет ханом?.. Мысль была дерзкой, заманчивой и страшной. Узнай о ней Таныбек — не сносить бию головы. Но трусливый никогда не добивается своего.

Утром того же дня, когда Джанибек совершил месть над пастухом, решившим опозорить его перед людьми, Тюре и мирза встретились. Чтобы никто не смог их подслушать, бий велел расстелить гостевой дастархан на вершине зеленой сопки в стороне от аула.

Не нарушая законов степного гостеприимства, Тюре не спешил с разговором. Он угощал мирзу сочным и жирным мясом яловой кобылы, заботливо подливал в его пиалу пахнущий степными травами кумыс, рассказывал новости, которые приносил в его аул степной узункулак.

Незаметно разговор перешел на дела Орды. Тюре умел задеть в человеке те струнки, которые сам же и выбирал. Недаром говорят, что если открытой раны

касаться даже мягким шелком, все равно будет больно. Бий говорил о троне, о Таныбеке, и в голосе его слышалось то сожаление, то осуждение. И слова его достигли сердца Джанибека. Слушая Тюре, он поверил, что трон должен принадлежать только ему одному, и никому больше из сыновей Узбека. Править Золотой Ордой может только человек, который не боится переступить узы родства и который не останавливается ни перед какими препятствиями, появляющимися на его пути.

Прощаясь с мирзой, Тюре-бий многозначительно сказал:

— Если кто-то задумает тебя обидеть, то смелые мои джигиты будут на твоей стороне.

Это был уже не намек, а твердое обещание поддержки, если Джанибек решится выступить против брата.

Джанибек вернулся в Орду вечером. Еще издали увидел он, что перед каждой юртой воткнут шест с черным конским хвостом. Это была верная примета, что умер кто-то из уважаемых людей, принадлежащих к ханскому роду.

По обычаю, первым встретил его у юрты старик аксакал, чтобы сообщить печальную весть.

— Горе нам! — сказал аксакал.— Сегодня ночью кто-то убил стрелой твоего младшего брата Хизырбека близ юрты твоей токал Жанбике!..

Кровь отлила от лица Джанибека. Он вскинул голову и сквозь зубы спросил:

— Что делал среди ночи мой брат у юрты Жанбике-хатун?

Аксакал прикрыл глаза тяжелыми морщинистыми веками. Он понял намек, который прозвучал в словах мирзы: действительно, что делать человеку ночью возле юрты жены брата?

Старик вздохнул.

— Хизырбек, говорят, ехал из табуна... Может быть, его мучила жажда, и к кому как не к жене брата заехать, чтобы выпить чашу кумыса, если юрта ее на пути твоего коня?

Джанибек понял, что аксакал обо всем догадывается, но стоит согласиться с ним, и тогда убийство Хизырбека будет выглядеть не как месть, а как заранее задуманное преступление.

— Виновного поймали?

— Нет.

Выцветшие, как осеннее небо, глаза старика с немым укором смотрели в лицо Джанибека. Даже старейшинам не дозволено вмешиваться в дела чингизидов. Неужели мирза не понимает, что люди сразу же опознали его стрелу, и близкие Хизырбека уже отправили к хану Таныбеку гонца и велели ему назвать имя убийцы?

— Когда будут хоронить Хизырбека?

— Завтра утром.

Движением руки Джанибек отпустил аксакала и под пристальным взглядом десятков людей, прямой, с окаменевшим лицом, пошел он в свою юрту. И только здесь, оставшись один, мирза дал волю чувствам. Джанибек любил младшего брата. И, быть может, никогда бы не поднял на него руку.

Утром следующего дня, в окружении верных нукеров, мирза отправился на похороны в аул брата. Никто из встреченных не посмел посмотреть ему в лицо, никто не уронил упрека.

И, пока завершался обряд погребения, лицо мирзы оставалось спокойным и хмурым, а глаза ни разу не увлажнили слезы.

Вернувшись в свою Орду, так и ни разу не встретившись с Жанбике, он повелел с большим почетом отправить свою младшую жену к родителям.

Потянулись тревожные дни. Джанибек знал, что старший брат не простит ему убийства Хизырбека. Он обязательно воспользуется случаем, чтобы свести счеты, но как это сделает — оставалось только гадать. Быть может, хан подошлет убийцу, а быть может, отправит отряд, чтобы стереть с лица земли аул мирзы, а самому ему переломить позвоночник.

После семидневного поминания Хизырбека все прояснилось. Верный человек, прискакавший из ханской ставки, сказал:

— Таныбек страшно гневается. Он поклялся кровью смыть кровь. Хан разослал гонцов по кочевьям и велел собрать войско. Готовься к битве, мирза.

Джанибек понял: путь к отступлению отрезан. Оставалось или до конца идти вперед, или умереть. Не за брата мстил Таныбек, а просто представилась возможность оправдать в глазах народа желание избавиться от возможного соперника. Кто заступится за убийцу? Зато на стороне мстителя все.

И тогда Джанибек послал своего гонца к Тюре-бию со словами:

— Ты обещал мне своих отважных воинов. Они понадобились мне...

Узункулак уже разнес по Дешт-и-Кипчак весть о ссоре братьев, и Тюре-бий знал, зачем понадобились воины Джанибеку.

Не успела еще родиться новая луна, а в междуречье Итиля и Яика на пологих холмах сошлись в яростной битве воины Таныбек-хана и Джанибека-мирзы.

Аллах покровительствовал Джанибеку, и, прежде чем умер день, он одержал победу. Раненый, истекающий кровью Таныбек попал в руки воинов мирзы. Он просил пощады, но серая змея зависти уже подняла голову в душе Джанибека, плюнула в глаза ядом, и он приказал нукерам прикончить брата.

Так в год лошади (1342) на трон Золотой Орды сел новый хан, и никого не удивило в Дешт-и-Кипчак, что занял он его, пролив кровь братьев. Людская молва потом нарекла нового хана азь-Джанибеком — Мудрым Джанибеком.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

IV

Став ханом Золотой Орды, Джанибек не смог сделаться полновластным хозяином трона и не добавил к его славе новых деяний.

Если раньше всеми делами в Орде вершили потомки великого Чингиз-хана да знать из кочевников, то в последнее десятилетие все большее влияние на все дела стали оказывать города. Подобно степным племенам, каждый город теперь имел свое войско. Горожане не только снабжали степняков всем необходимым, но все чаще подсказывали им, как поступить в том или ином случае. Решения, принятые по подсказке городской знати, как правило, приносили Орде пользы больше, чем прежние походы, рассчитанные только на захват военной добычи. Выгоды от торговли сделались большими, чем от войн.

При Джанибеке словно заново расцвела столица Золотой орды город Сарай-Берке — Сарай-ад Джадид. Он повелел построить здесь множество мастерских, мечетей, медресе, дворцов. В народе говорили: «Наш азь-Джанибек из камня город высек». Повсюду на землях Золотой Орды победил ислам. Отныне его исповедовали мангиты и кипчаки, булгаро-татары и мордва с берегов Итиля, башкиры с верховьев Яика и кавказские племена черкесов, аваров, лезгин, осетинов, чеченцев, аланов, а также гузы из Хорезма. Мусульманами стали роды коныpат и канглы, кочующие в низовьях Сейхун-дарьи, роды аргынов, кереев и найманов с берегов Ишима, Тобола, уйсуны, дулаты, жалаиры из северного Семиречья.

В городах были низвергнуты идолы — тобыты, молельни — гибратхананы, церкви и монастыри. Отныне народы Золотой Орды шли по пути, указанному пророком Мухаммедом, и на развалинах храмов иных религий возводили мечети. А из стран Востока, от арабов и персов вместе с учением пророка приходили в кипчакскую степь прекрасные легенды, сказания и сказки. Недавние кочевники, превратившиеся в горожан, учились в медресе не только грамоте и читали не только священные книги, но и труды ученых по астрономии, медицине и географии.

Нередко во времена Джанибек-хана на караванных тропах Дешт-и-Кипчак можно было встретить ходжу, муллу или ученого из далеких стран и городов Египта, Шама, Жезиры, Диярбакри, Рума, Персии и Багдада.

Белое знамя Золотой Орды с золотым полумесяцем стояло прямо и высоко. Никто не смел даже в мыслях дерзнуть причинить ей какой-либо вред. Знать склоняла головы перед Джанибеком, говоря: «Ты мудр! Нет хана сильнее тебя!» А когда так говорят все, трудно поверить в то, что они лгут. Хан любил купаться в лучах славы, и слова, возвышающие и восхваляющие его, были ему приятны.

Но так уж устроен мир, что, если начнет важничать простой человек, пострадает лишь он один; если же то же самое станет делать хан, беда грозит всему народу. Нося голову гордо и высоко, Джанибек не заметил, что для него уже вырыта яма и есть недруги, которые только и ждут момента, когда он оступится и упадет в нее на торчащие острые копья.

Тюре-бий, помогший в свое время Джанибеку стать ханом, приготовил для него коварную западню. На многое рассчитывал он, давая тогда тому воинов, но не многое осуществилось из того, о чем думалось.

И после победы над Таныбеком главным судьей Орды остался Мангили, назначенный на должность тюбе-бия еще Узбек-ханом. Оставил при себе Джанибек и главного визиря отца Махмуда. Тюре как будто бы вновь приобрел влияние при новом хане, тот всегда охотно прислушивался к его словам и вроде бы ценил больше других, но это не устраивало бия. Не за тем он в свое время рискнул головой, чтобы по-прежнему оставаться только третьим в благословенной аллахом Золотой Орде.

Что только ни делал Тюре, чтобы показать Джанибеку, что он один достоин занимать должность тюбе-бия, но хан как будто не замечал его стараний. Подобно щенку, выросшему у ног хозяина, крутил он хвостом, стлался под ноги хана обрывком серой кошмы, но все оказывалось напрасным. И тогда обида на хана смешалась в душе со злобой. Он по-прежнему был угодлив. Никто не догадывался, что черные мысли завладели Тюре. Незаметно, исподволь он претянул на свою сторону влиятельных биев Жагалтая и Тайши. По подсказке Тюре хан назначил начальником тысячи одного из кипчакских батыров, преданного бию.

Ткалась невидимая паутина вокруг Джанибека, и Тюре уже начал прикидывать, кто бы мог со временем занять ханский трон. Взгляд его все чаще останавливался на сыне Джанибека — Бердибеке. Бий легко нашел путь к сердцу этого человека. Бердибек был пуглив, как гиена, но жаден к славе. И Тюре, подогревая в нем честолюбие, учил, что добиваться своего необязательно в открытую, куда лучше, если все делается в ночной тьме, и нет ничего позорного в том, если враг будет устранен ударом в спину.

Мудрый Джанибек слушал сладкие речи окружающих и все больше пьянел от них. Все чаще отодвигал он от себя дела, связанные с жизнью Золотой Орды, и поручал решать их совету эмиров. Совет в большинстве своем уже давно состоял из людей Тюре. Разбирая ссоры между родами, эмиры поступали так, как хотел он. Постаревший тюбе-бий Мангили не мог противостоять людям Тюре и часто уступал в спорах. Тихо и незаметно забирал власть в свои руки субе-бий.

Однажды Джанибек собрал совет эмиров. Смуглый, горбоносый, в парчовом чапане, похожий на перса, сидел он на золотом троне. У подножья трона, на цветастом мягком ковре, подогнув под себя ноги, устроились те, кого он считал своей надежной опорой: белый как лунь тюбе-бий Мангили, широколицый, жирный Тюре, худой и поджарый, как гончая собака — тазы, Жагалтай, коренастый, плотно сложенный визирь Махмуд, бледнолицый, всегда настороженный эмир Кутлук Бука. Одеты они богато, ярко, и на лицах застыло величие и высокомерие.

Джанибек давно отвык советоваться со своими приближенными, поэтому и на сей раз он собрал их для того, чтобы сказать, что настало время приступить к выполнению условий договора, заключенного с венецианскими и генуэзскими купцами из Крыма. В год свиньи (1347) Золотая Орда пообещала им не пропускать идущие из Китая и Руси караваны через Мангышлак в земли Ирана.

Не прекращались смуты в Иране, и из-за страха быть ограбленными, а то и убитыми купцы все чаще поворачивали свои караваны в сторону Азак-Тана или

Крыма. Все это устраивало генуэзцев, и теперь они уговорили золотоордынского хана сделать этот путь главным для всех. Отныне шелк и чай, соболь и лисьи меха, мед и воск грузились в Азак-Тана и Судаке на корабли, которые через проливы, минуя османских тюрок, отправлялись в страны Средиземноморья. Немалую прибыль получали от этого генуэзские купцы, не оставалась в убытке и Золотая Орда.

С почтением выслушали собравшиеся Джанибека и едва начали говорить слова восхищения и одобрения его мудростью, как в зал проскользнул слуга и, преклонив колено, нагнув голову, негромко сказал хану:

— Тахсир, в Орду приехал великий жирау Асанкайгы...

Собравшиеся зашевелились, начали переглядываться. Во всей Дешт-и-Кипчак не нашлось бы человека, который не знал бы Асанкайгы — Асана Печального. Прославленный сказитель, он был совестью степняков и жил всегда их радостями и горестями, мечтами и желаниями. Сказания, сложенные им, и крылатые слова его передавались из уст в уста, и, услышав их, джигиты насмерть загоняли самых быстрых скакунов, торопясь донести до других мудрые мысли великого жирау.

Пожалуй, из всех, кто присутствовал в этот раз на совете, один Тюре-бий был не рад приезду Асанкайгы. Великий старец умел видеть людей насквозь, легко угадывал их мысли и желания, и суеверный страх охватил бия. А что, если жирау разгадает его замыслы и расскажет о них хану?

— Где он сейчас? — спросил Джанибек.

— Он здесь, у дворца. Только что сошел со своего верблюда Желмая.

Лицо хана расплылось в улыбке.

— Жив мудрец... Проводите его в покои для гостей. Я сейчас приду... Властным жестом руки Джанибек дал понять, что совет закончен и все свободны.

Давно не видел он великого жирау. С той самой поры, когда начал заново отстраивать Сарай-Берке. Асанкайгы сказал тогда:

— Зачем ты строишь свой город рядом с орусутскими княжествами? Горе ждет тебя...

Хан в ответ на его слова рассмеялся:

— Что могут сделать орусуты, платящие Орде дань?

Жирау покачал головой:

— Не мне, странствующему сказителю, поучать ханов, но ты сидишь на золотом троне и должен видеть дальше. Ты стал самонадеян и горд. А рядом с этими птицами вьет всегда гнездо птица несчастья...

Джанибек тогда не прислушался к словам жирау, и тот уехал обиженный. При всем уважении к сказителю хан не мог представить себе такого, что орусуты когда-нибудь смогут собрать силу, способную угрожать могуществу Орды.

И сейчас, готовясь встретиться с Асанкайгы, он вспомнил песню-обращение, которую тот спел на тое, прежде чем уехать в глубь степей Дешт-и-Кипчак:

Эй, хан, если не скажу тебе я,
То откуда узнаешь ты...
Ты не хочешь принять мой совет.
Раскрасневшись, пьешь кумыс
И потеешь, разгорячившись телом.
Будь спокоен и послушай.
Меж китайцами и орусутами
Беззаботно строишь ты свой город.
Разве этого ты не видишь?
Послушайся моего совета —
Выбери землю другую.

На своем быстроногом Желмае
Найду ее я тебе.
И пусть откочует туда народ.
Если же словам моим не внемлешь
И не поступишь так,
Орусуты захватят город твой.
Горько заплачут жены и дети.
И это будет не сон, а правда.
Я вижу, хан, не веришь ты мне...
Помни, всякое случается в жизни.
Были времена, когда щука выходила из воды,
Чтобы построить свое гнездо на сосне.
Так говорят старые люди...
Послушай меня и поверь,
Если же уши твои закрыты для моих слов —
Я позабуду дорогу к тебе...

Из уважения к великому жирау Джанибек не стал спорить с ним. Даже мудрая старость может ошибиться, и именно пожилым людям чаще всего снятся плохие и страшные сны.

Тогда он сказал с плохо скрытым лукавством:

— Пусть будет по-твоему, Асанкайгы. Если ты найдешь реку прекрасней Итиля и землю лучше Сакистана [1], я прикажу народу пойти туда, куда ты укажешь.

И вот теперь великий жирау вернулся. На этот раз он приехал не один — его сопровождал известный в степи острослов Жиренше шешен. Ему за пятьдесят, но по сравнению с белым как лунь Асанкайгы он выглядел молодым ястребом.

С великим почтением встретил Джанибек уважаемых в степи людей. Он первым поклонился им и спросил о здоровье. И уже после, когда был съеден бесбармак, приготовленный из мяса молодой кобылицы, специально зарезанной для почтенных гостей, и младшая жена хана Тайдолла-ханум разлила в серебряные кисе ароматный кумыс, Джанибек сказал:

— Аксакал, вы вернулись в Сарай-Берке. Значит, то, ради чего отправлялись вы в далекое странствие, достигнуто? Вы нашли землю, в которой бы я смог построить новый город? Значит, есть на свете реки прекраснее Итиля и земли привольнее, чем Сакистан?

Великий жирау опустил глаза, лицо его было задумчивым и печальным.

— Не спеши, о хан, с расспросами. Я сам расскажу, что я видел и где побывал.— Асанкайгы помолчал. Бледные старческие губы его шевелились. Казалось, он что-то шептал или произносил молитву.— Прямо из твоего прекрасного города я отправился навстречу солнцу. И через много дней пути увидел реку, похожую на широкую ленту из голубого шелка. Имя этой реки Иртыш. Люди, которые живут по ее берегам, никогда не слышали слова «голод», потому что земля там родит высокие, сочные травы и скот плодится так же быстро, как в мокрое лето размножаются комары. Прекрасна эта земля, но недалеко от нее живут китайцы, а это наши враги с той поры, когда твой великий предок Чингиз-хан поднял над миром свое девятихвостое знамя.

Жирау отпил глоток кумыса и продолжал:

— И тогда я повернул своего коня в сторону, где в ночной небосвод вбит Железный кол [2], вокруг которого беспрестанно ходят семь светлых кобылиц. И там я увидел прекрасную реку Есир [3]. Там за шесть дней можно откормить

[1] Сакистан — древнее название дельты Волги.

[2] Железный кол — Полярная звезда *(каз.)*.

[3] Есир — древнее название реки Ишим *(каз.)*.

отощавшего коня, а травы такие высокие, что овцы кажутся букашками, ползающими по шкуре медведя. Но и здесь нельзя строить город, потому что вокруг него нет ни гор, ни лесов и земля открыта любому врагу. Поворачивая коня в полуденную сторону, в последний раз посмотрев на Есир — Пьянящую реку, я назвал ее Есиль — река Сожаления. Такой показалась она мне.

Хан и все, кто присутствовал на тое, с интересом слушали Асанкайгы. Каждый из них бывал в тех краях, о которых рассказывал жирау: и на голубом Иртыше, и на берегах Есира, но старик говорил о знакомых местах так, словно пел песню или рассказывал сказку.

— В полуденной стороне твоих владений я увидел еще одну реку — Сейхун-дарью... Стремителен и страшен ее бег, а желтые волны похожи на табуны бешено мчащихся коней. И увидел я, что жить здесь можно, если на летовку уходить в Черные горы... Но строить здесь город нельзя.

— Почему? — спросил Джанибек.— Откуда здесь могут появиться грозные враги?

Жирау покачал белой головой.

— Туда всегда приходили враги. Это словно заколдованная земля. Предания говорят, что в далекие времена там были могущественные гунны. Не миновал Сейхун-дарьи великий завоеватель Искандер Двурогий...— Асанкайгы помолчал.— Да и твой предок Чингиз-хан именно оттуда двинул свои тумены в Дешт-и-Кипчак.

Собравшиеся согласно закивали.

— Выходит, что ни на востоке, ни на севере, ни на юге нет такой земли, где бы я мог построить новый город и сделать его славным городом Золотой Орды? — улыбнулся хан.— Придется остаться в Сарай-Берке...

— Если есть на свете такая прекрасная земля, которую омывают воды великого Итиля и светлого Яика, зачем хану искать что-то лучше? — хмурясь, сказал Тюре-бий.

Жирау пристально посмотрел на него.

— Не спеши... Я задам тебе загадку, и, если ты сумеешь ее отгадать, я поверю, что ты мудр, и стану слушать твои слова.

Бий презрительно усмехнулся. Но Асанкайгы словно не заметил этого. Он тяжело поднялся на ноги и вышел на середину комнаты, застланную огромным ярким ковром. Оглянувшись вокруг, жирау поставил на ковер у своих ног серебряную кисе, из которой пил кумыс, а затем неторопливо вернулся на место. Все с нетерпением ждали, что же будет дальше.

— Смотри, бий. Ворсистый ковер — это владения Золотой Орды, а серебряная кисе — Сарай-Берке, из которого мудрый Джанибек-хан правит подвластным народом. Так вот, сможешь ли ты сделать так, чтобы, не наступив на ковер, достать кисе? Думай, бий. И если ты скажешь мне, как это сделать, я стану тебя слушать.

Собравшиеся выжидательно смотрели на Тюре-бия. В глазах одних была тревога за своего покровителя, в других — можно было увидеть злорадство.

Низкий лоб покрылся испариной, маленькие глаза беспокойно забегали. Молчание затягивалось. Выждав еще немного, жирау вздохнул и сказал:

— Нет, тебе никогда не отгадать этой загадки...— Он обвел всех взглядом.— Может быть, кто-нибудь из вас сможет это сделать?

Молчание было ему ответом. Бии и эмиры прятали глаза.

— Я жду,— сказал Асанкайгы и посмотрел на хана.

Джанибек вдруг решительно поднялся со своего места.

— Я достану кисе...

Хан быстро подошел к стене и, завернув край ковра, начал его скатывать. Вскоре серебряное кисе оказалось в его руках, и, подойдя к великому жирау, он протянул его ему.

Лицо Асанкайгы утратило суровость.

— Теперь ты понял, почему я советовал тебе не строить свой главный город на краю государства?

— Да.

Джанибек сел на свое место, а жирау повернулся в сторону Тюре-бия. Тот был мрачный и злой, и красные пятна горели на его щеках. Никогда еще бию не приходилось переживать такого позора.

— Город, из которого хан правит своим народом, не должен находиться на краю подвластной ему земли, какой бы прекрасной она ни была, потому что рано или поздно найдется такой враг, который, дождавшись удобного момента, может неожиданно напасть, и кто, кроме аллаха, может знать, что тогда произойдет. Оставшись без предводителя, народ погибнет. Если же центр Орды построить в середине Дешт-и-Кипчак, враг не сможет остаться незамеченным, и, прежде чем овладеть городом, ему придется покорить земли, лежащие на его пути, а хан успеет собрать войско и выступить навстречу...

— Выходит, что великий Бату-хан,— перебил Тюре старца,— не думал о будущем созданной им Золотой Орды, когда поднял свое знамя на берегу Итиля и начал строить свой город Сарай-Бату?

— Отчего же? — Жирау прощающе улыбнулся, словно выслушал не бия, а несмышленого ребенка.— Он знал. Но Бату надеялся, что пройдет совсем немного времени, и построенный им город Сарай-Бату окажется в центре нового царства. Ему не удалось свершить все задуманное, но не забывай, куда доходили монгольские тумены под предводительством его славных нойонов. Так уж случилось, что сегодня и Сарай-Бату, и Сарай-Берке стоят на самом краю огромного блюда и напоминают два зернышка, готовые в любое время упасть.— Асанкайгы замолчал, и лицо его сделалось суровым, глубже стали морщины.— Совсем рядом, упрятавшись в лесах, лежат орусутские земли. Приходит время, и из беспомощного птенца вырастает беркут. Кто знает, не захотят ли орусуты когда-нибудь сделать с нами то, что сделали в свое время мы с ними.—И, повернувшись к Джанибеку, жирау сказал уже ему: — Еще есть время, великий хан, подумай над тем, что я сказал...

— Но ты ведь сам сказал, что не нашел такого места, где город мой был бы надежно защищен от врагов.

— Я не говорил этого, великий хан. Я просто рассказал тебе о реках, которые поят земли Золотой Орды на востоке и западе, севере и юге. Я нашел то, что искал. Подними свое знамя у подножья гор Улытау, там, где когда-то была ставка твоего предка Джучи. Эти горы лежат прямо в сердце Дешт-и-Кипчак, среди степей Сарыарка, похожих на благодатную сказочную землю Жеруюк. Там есть горы, в которых ты остановишь врага, есть реки и озера, из которых напоишь свои несметные стада скота.

Джанибек задумался. Как объяснишь старому Жирау, что нельзя золотоордынскому хану, подобно степному волку, забиваться в глушь и искать тихой жизни? Не только на берегу могучего Итиля стоит его столица — Сарай-Берке, есть еще вторая река, от берегов которой уйти невозможно,— Великий Шелковый путь. Что станет с Золотой Ордой, если ее хан перенесет свою ставку в далекую Сарыарку? Да, здесь, рядом, враг, но благодаря Шелковому пути, по которому везут не только дорогие товары, но и новости, Джанибек знает, что делается в Китае и Крыму, что замышляет Иран, куда направили своих коней османские тюрки.

Жирау пугает орусутами. Но сейчас они рядом, и можно в любое время укротить их огнем и мечом. А если уйти отсюда, они сразу же почувствуют, как ослабнет ханская рука, держащая поводья. Пущенная издалека стрела теряет силу, а часто и вообще летит мимо цели.

Нет. Если послушаться совета Асанкайгы, то орусутские князья действительно могут объединиться. Иран, перестав бояться, захватит земли Северного Кавказа, а османские тюрки отберут Крым. Конь, выходя пастись в степь, не опасается змеи, потому что у него сильные и крепкие, словно из кремня, копыта. Золотая Орда — могучая и сильная, так стоит ли ей кого-то бояться? Ее тумены растопчут всякого, кто посмеет встать на пути.

Да разве можно спрятаться от жизни? Приходит пора, и умирают одни государства, а на развалинах поднимаются новые. Сильные становятся слабыми, слабые — сильными. Наивен старый жирау. Кто может задержать время и кто осмелится противиться воле аллаха? Время не конь, на которого можно накинуть узду, аллах — не человек, которого можно уговорить или затоптать туменами. Все будет так, как будет.

Молчание затягивалось, и надо было ответить Асанкайгы. И тогда Джанибек сказал:

— Спасибо за добрый совет, ата. Он коснулся моего сердца, и я обязательно подумаю о том, что вы сказали...

Видно было, что старого жирау обидел уклончивый ответ хана, лицо его помрачнело. Он любил Джанибека и хотел ему добра.

Постоянно кочуя по просторам Дешт-и-Кипчак, Асанкайгы бывал в самых дальних уголках Золотой Орды, и ему доводилось видеть и слышать многое из того, чего не знал хан. Невеселые мысли посещали жирау, а тревога вселилась в душу. Все чаще мелькало в разговорах людей имя Тюре-бия, а слово его приравнивалось к ханскому. Старый жирау хорошо знал этого человека, знал его алчность и шакалью хитрость. Вот и сейчас тот сидит, важный и надменный, рядом с тюбе-бием Мангили, хотя делать ему этого не положено. Мангили — глубокий старик. Едва ли он может смотреть по-прежнему зорко вокруг и предостерегать Джанибека от коварства и несчастий. Не потому ли делами вершит Тюре?

Асанкайгы глубоко вздохнул, прикрыл устало тяжелыми веками глаза и вдруг негромко заговорил:

— Если бить по камню, станет он песком,
Из года в год труднее и злее время.
Коль хан не видит, где добро, где зло,
Людьми коварными окружит он свой трон.

Мангили-бий пожевал дряблыми старческими губами, и лицо его, иссеченное глубокими коричневыми морщинами, осталось бесстрастным, словно он не услышал слова жирау. Зато Тюре беспокойно заерзал на своем месте.

— Асан-ата,— вкрадчиво, стараясь казаться добродушным, сказал он.— Нам непонятно то, что вы сказали. Разве умный хан позволит приблизиться к себе людям коварным? Белый лебедь не дружит с вороньем, черного ворона нельзя представить рядом с лебедем...

Джанибек пристально смотрел на жирау. Лицо его улыбалось, но глаза оставались холодными и настороженными. Если Асанкайгы говорит такие слова, значит, он что-то знает.

Жирау встретился взглядом с ханом, и в глазах его мелькнула дерзость. Голос его окреп, сделался хриплым, как клекот старого орла.

— Ворон не птица,
Родня с мышами он.

Лебедь же без страха.
Плывет по гребням волн,
А врагов так много,
Все ему грозят.
Перебить бы воронов,
Придавить мышат.
Ножи точат слуги —
Скоро быть беде,
Про то не знает лебедь,
Качаясь на волне.

Джанибек увидел, как побледнел Тюре-бий, как ненависть вспыхнула в его взгляде и тут же погасла, уступив место учтивой натянутой улыбке.

Хан досадливо поморщился. Ему не хотелось думать о плохом. Золотая Орда сильна, он сам чувствует себя уверенно, крепко сидит на троне. Кто и что может сделать ему плохого? В нынешний приезд великий жирау не нравился ему. Слишком он много хочет такого, чтобы хан сделал по его советам. Это раздражало. Асанкайгы нынче каркает как ворон. А может, в этом виновата старость?

Джанибек решил повернуть разговор в другое русло.

— Асан-ата, я часто думаю о смысле жизни... Пусть ваш светлый разум поможет мне... В свое время мой великий предок Чингиз-хан покорил полмира. Но ведь если придет другой и сделает то же самое, то слава Чингиз-хана померкнет, подобно луне при ярком солнце, а имя его сотрется из памяти потомков... Если смертна даже слава, то что говорить о богатстве? Есть ли смысл собирать его, коли оно подобно грязи на руках,— стоит их вымыть, и все уйдет без следа. Что же тогда вечно в мире?

Асанкайгы оглядел собравшихся:

— Что ответите хану вы, верные слуги своего повелителя?

Мангили-бий, молчавший во время всего разговора, встрепенулся и повернулся к жирау:

— На свете, коль хочешь знать,
Не умирают воды вешние,
Горы многоступенчатые.
На небе — луна и солнце,
Земля, что всему основа...

Тюре-бий, радуясь, что неприятный для него разговор затух, как костер, в который никто не захотел подбрасывать кизяка, похвалил:

— Как верно сказал наш тюбе-бий...

Все согласно закивали, одобрительно загудели.

Асанкайгы улыбнулся:

— Что скажешь ты, Жиренше, человек, чье слово остро, как хорошо наточенный нож?

— Красиво сказал Мангили-бий, но я бы сказал по-другому:

— Коль льдом покроется вода —
Она погибла.
Закроют горы темные тучи —
Погибли горы.
Луна и солнце гибнут,
Уйдя за край земли.
Даже земля умирает,
Укрывшись белым снегом.
Все умирает в жизни.
Остается только имя человека,
Сотворившего добро.

И, словно продолжая мысль Жиренше, распрямив сутулую от старости спину, заговорил Асанкайгы:

— Хан, если у биев твоих
Ум будет глубоким, как море,
А взгляд острым, как у парящего орла,
И они сумеют дать тебе добрый совет,
А народ твой забудет о нужде,
То стоять Золотой Орде вечно
И имя ее будет бессмертным
Во веки веков...

Поздно ночью отпустил Джанибек гостей из своего дворца.

Прошли годы с той поры, когда покинул этот мир Узбек-хан, и ему, Джанибеку, удалось сохранить в неприкосновенности и славу, и богатство, и мощь Золотой Орды. Но где-то подспудно хан чувствовал, что надвигается на Орду невидимая постороннему глазу опасность. Все меньше настоящих, чистокровных монголов оставалось в его окружении, все меньше придерживались люди законов, оставленных великим Чингиз-ханом. К трону незаметно подползала, окружала его знать из местных, когда-то покоренных родов. Теперь при дворе можно было встретить кипчаков и алшинцев, кереев и найманов. Не было больше улуса Джучи, где единственными правителями и хозяевами жизни были монголы-чингизиды. За местной знатью стояла большая сила — племена и народы, населяющие Дешт-и-Кипчак. Оттого она все чаще стала вмешиваться в дела хана, безболезненно подавать советы.

Да, Мангили стар, он давно не справляется со своими обязанностями, но до последнего времени хан не спешил заменить его, потому что знал: совет эмиров поддерживает Тюре и наверняка потребует, чтобы тюбе-бием был назначен именно он, и никто другой. Джанибек чувствовал, как незаметно внушают ему эту мысль и старшая жена Токай-Токты-хатун, и сын Бердибек.

«Коль хан не видит, где добро, где зло, людьми коварными окружит он свой трон...» Это про Тюре сказал сегодня Асанкайгы. Давно плетет свою паутину бий вокруг Бердибека и друзьями его сделал батыров и баев из своего племени. Для чего это нужно Тюре? Конечно, он думает о будущем. Сам Джанибек не вечен, и если с ним что-нибудь случится, то, скорее всего, именно Бердибек сядет на золотоордынский трон. Все это так, но не хотелось думать о собственной смерти.

Хану вспомнилось далекое, почти забытое. Три года назад местом летовки он выбрал среднее течение Итиля. Рядом кочевал и Тюре-бий. Пока люди хана ставили юрты, Джанибек вместе со свитой отправился на ближайшее озеро, чтобы поохотиться со своим любимым соколом на гусей. Поездка затянулась, и он вернулся в ставку глубокой ночью. Подъезжая к аулу, в небольшой низине он наткнулся на двух стреноженных коней и юношу, охраняющего их. Без труда узнал хан быстроногого скакуна Тюре. Он спросил у джигита:

— Где бий?

Тот, вздрагивая от страха, ответил:

— Я не знаю, великий хан. Он ушел пешком в сторону вашего аула...

Остановившись в юрте младшей жены Тайдоллы, Джанибек велел джигитам обыскать весь аул, но найти Тюре. Но поиски ничего не дали. Бий словно провалился сквозь землю. Только после узнал хан, что джигиты, обойдя весь аул, не решились заглянуть в юрту его старшей жены. Именно там и был Тюре.

Джанибек не придал значения этому событию: трудно было поверить, что бий воспылал любовью к немолодой уже женщине, но что-то же нужно было там Тюре.

Потом произошел другой случай. Токай-Токты-хатун, побывав в ауле бия на праздничном тое, устроенном по случаю рождения у него сына, привезла оттуда подарок — слиток золота величиной с гусиное яйцо и самородок серебра, похожий на детский кулачок. Все это вспомнилось сегодня Джанибеку, все соединилось вместе. Долго же уговаривал, перетягивал на свою сторону Тюре-бий старшую жену хана и его сына.

Значит, прав Асанкайгы. Тюре-бия следует опасаться, и не надо торопиться с его назначением на новую должность. Нельзя допускать, чтобы у могучего тела Золотой Орды появилось несколько голов; нельзя, потому что иначе случится то, что случилось после Чингиз-хана, когда дети и внуки его растащили, разодрали на куски, словно шкуру барана, Великое Монгольское ханство. Стоит проявить слабость, и местная знать, возглавляемая такими людьми, как Тюре, захочет уйти из-под руки хана. Спокойствие и мир царят сейчас в Золотой Орде, но чем продолжительнее они, тем пристальнее следует смотреть вокруг, тем неожиданнее может быть беда.

Неспокойно вокруг Орды. На остров среди бушующего моря похожа она. Истекает кровью от междоусобиц Иран, османские тюрки легко расправляются со своими соседями, в Мавераннахре правят уже не чингизиды, а эмиры, выходцы из местных родов мангитов, барласов, канглы. Нельзя допустить, чтобы Золотая Орда превратилась в сгнившую шкуру, от которой всякий, у кого есть хотя бы немного силы, мог оторвать кусок.

Хан воздел руки к небу:

— О аллах, будь справедлив и милосерден! В твоей воле продлить дни Золотой Орды...

Асанкайгы, сощурившись, внимательно рассматривал мазар. Высокий голубой купол блестел под лучами утреннего солнца, и дивные узоры на белых стенах казались чудесными и таинственными письменами.

Джанибек пристально, с любопытством всматривался в лицо жирау. Он нарочно привел его сюда, на закатную сторону Сарай-Берке, чтобы показать мазар. Пусть разнесет Асанкайгы по степи весть о том, что он, Джанибек, выстроил для себя удивительную усыпальницу, равной по красоте которой не знает Дешт-и-Кипчак. Хан и в жизни, и в смерти должен быть велик.

— Асан-ата, вам нравится мазар? — не выдержав, спросил Джанибек.

Старик не ответил и, сутулясь, шаркая ногами, обутыми в мягкие сапоги, пошел к мазару. Он медленно спустился по каменным ступеням в подземелье. За ним шли Джанибек и сопровождавшие его эмиры. Воины несли горящие факелы.

Подземелье оказалось просторным и высоким, как ханская юрта. На его стенах, отделанных красным камнем, играли отблески огня, метались темные, тревожные тени.

— Для кого построен этот мазар? — тихо спросил жирау.

— Нет на земле человека, вечно живущего,— сказал Джанибек. Голос его звучал глухо.— Я построил его для себя.

— Напрасно ты это сделал,— печально сказал Асанкайгы.— Сшитая одежда требует, чтобы ее носили, расцветшая девушка хочет любви, построенный мазар...

Хан вздрогнул. Великий жирау как будто угадал его беспокойство, которое порой охватывало Джанибека после того, как был построен мазар,— хану иногда начинало казаться, что усыпальница зовет его.

Джанибек знал, что, по мусульманскому обычаю, нельзя готовить для живущего заранее могилу.

— Я хотел еще при жизни видеть, где придется лежать моему телу,— устало сказал хан. Он уже пожалел, что привел сюда Асанкайгы.

— Напрасно. Суета сует. Или ты подумал, что после твоей смерти потомки не смогут насыпать над могилой груду камней?

— Потомки...— с горечью возразил Джанибек.— Всегда ли они знают, где покоятся кости их предков? Им не остается времени, чтобы запомнить это. Они начинают делить власть и богатство. Знаете ли вы сами, где находится могила вашего отца Сабита?

— Я не ханский потомок. Я знаю. Его прах лежит в Кызылкумах, а могилу занесли пески. Что ж, на то воля аллаха. Человек не умеет останавливать вечно текущие барханы.

Джанибек словно не слышал слов жирау.

— Где могила Бату, Сартака, Берке, Кутлук Темира? Потомки не поставили над местом их погребения даже глиняного мазара. Волны Итиля давно размыли их могилы, а кости унесли в Хазарское море.

— Мудрые люди выбирают для своих умерших сухое место,— возразил Асанкайгы.— Мазар Джучи-хана до сих пор стоит в Карахенгире...— Он помолчал.— Мы, кочевники, не всегда ставим над могилами предков памятники и хороним их там, где застанет их смерть, но мы умеем хранить имена тех, кто при жизни творил добро. Не в могилах, а в сердцах, сказаниях и песнях...

Жирау повернулся и пошел из подземелья.

Яркий свет солнечного дня ослепил людей. Из-за Итиля набежал ветерок, теплый и мягкий, как ладошка ребенка. После мрачного подземелья жизнь показалась особенно прекрасной.

Движением руки хан остановил сопровождающих его эмиров и нукеров и прошел немного вперед с великим жирау. Ему хотелось побыть вдвоем с Асанкайгы, чтобы чужие уши не слышали то, о чем будет говорить.

Жирау вдруг резко повернулся к Джанибеку. Глаза его смотрели в упор, жестко, без страха перед повелителем Золотой Орды.

— Мне кажется, ты хочешь спросить, сохранит ли народ в своей памяти твое имя? Я отвечу тебе. Ты не был таким кровожадным, как другие ханы, и старался, чтобы в Дешт-и-Кипчак всегда был мир. Народ прозвал тебя в свое время азь — мудрым ханом. Но все это было давно...

— Разве я сейчас поступаю иначе? — хмурясь, перебил Джанибек.

Асанкайгы не отвел своего взгляда:

— Да.

— Что же я совершил такого, что достойно осуждения? Я — прежний Джанибек.

— Нет. Прежний стремился быть справедливым...

Великий жирау говорил дерзко, но недаром народ дал ему имя великий. Он своей честностью заслужил право не бояться говорить то, что думал. И еще никто в Дешт-и-Кипчак не посмел поднять на него руку или оскорбить.

— Разве я сейчас несправедлив?

— Сейчас — не всегда.

— Тогда скажи мне, Асанкайгы, в чем я ошибся.

— Я не всевышний, чтобы вести счет твоим ошибкам, но об одной, быть может самой главной, я скажу. Почему эмиром нижнего улуса ты поставил Кошкарбая?

— Но прежний, Абыз, не смог управлять улусом.

Жирау покачал головой.

— Ты уверен в том, чего твердо не знаешь... Абаз был хорошим эмиром. Но у него есть враг, которого ты садишь у подножья своего трона...

— Кто он?

— Имя его Тюре-бий. У них давние счеты. Ты выслушал одного — человека-лису и сделал так, как хотел он. А ведь ты, хан, сам воспитывал Абыза и учил его быть честным и преданным. И если сегодня глаза его от обиды не хотят смотреть в твое лицо, значит, виноват ты...

Джанибек что-то хотел возразить, но Асанкайгы не дал ему этого сделать. Повысив голос, он продолжал:

— Есть во всем случившемся и еще один твой просчет. Вместо Абыза, которого уважал народ, ты поставил своего родственника Кошкарбая. Он не превзошел предшественника ни умом, ни другими достоинствами, а потому в твоем проступке все усмотрели несправедливость. Одно худое дело стирает в памяти людей тысячу добрых поступков. Хан не имеет права совершать ошибки. Конечно, Абыз не умрет от того, что он больше не эмир, его уважает народ, у него есть богатство.

Джанибека охватило раздражение:

— Разве я не имею права как хан отдать в управление любой свой улус тому, кому захочу? Тем более что Кошкарбай мой родственник...

— Именно потому, что он твой родственник, и не надо было этого делать. Он родственник, да еще и глуп... Кто же посчитает такое назначение правильным и справедливым?

Они замолчали. Говорить было не о чем.

Пять раз теплые ветры с низовья Итиля растапливали снежное одеяло, которым укрывала Дешт-и-Кипчак белая зима, пять раз вырастали в степи высокие травы, чтобы несчитанные ханские стада могли дать потомство и нагулять ко времени увядания желтый мягкий жир. По-прежнему далеко от границ Золотой Орды были османские тюрки, дрались между собой эмиры в Иране, спокойно было в орусутских княжествах.

В год обезьяны (1356) в аул единственного сына Джанибек-хана — Бердибека на большой той съехались чингизиды, живущие на землях Золотой Орды, и степная знать.

Бердибек выдавал замуж свою младшую дочь Иннар-Сюбе-бегим за тринадцатилетнего Мамая, сына известного ногайского бия Хасана.

На свадебный той с дорогими подарками прибыли гости из Крыма, Азака, Булгара. Но самой большой радостью для Джанибека было то, что приехала его родная Кунжак — вдова московского князя Юрия Даниловича.

Двадцать лет минуло с той поры, когда последний раз ставила она к ханской коновязи своего иноходца. Кунжак было за шестьдесят, и хотя выглядела она еще хорошо, была крепкой и подвижной, но кто знает, праздник ли привел ее на родную землю или желание проститься в предчувствии близкой смерти?

Необычной была дорога Кунжак в орусутские земли. В год улитки, когда Золотой Ордой правил хан Токтай, за право сесть на княжение во Владимире схлестнулись два самых сильных князя: тверской — Михаил Ярославич и московский — Юрий Данилович. Каждый из них искал поддержки, а куда было за ней ехать, как не в Орду? Так встретились они однажды в Сарай-Берке.

Более ловким оказался Михаил Ярославич. Его речам внял хан, и Юрию Даниловичу пришлось смириться. Здесь, в Орде, и повстречал он юную Кунжак — сестру Узбека. Было ей в то время пятнадцать лет.

Сорокалетний князь, полюбив девушку и стремясь укрепить связь с Ордой, набрался смелости и обратился к Узбеку с просьбой отдать ему Кунжак ему в жены. Узбек, пристально следивший за событиями в орусутских землях, зная со слов верных людей, что среди княжеств Московское становится все более влиятельным, согласился на просьбу Юрия Даниловича.

Минуло пятнадцать лет. И снова начались раздоры между князьями. Московский князь сумел доказать, что Михаил Ярославич не до конца честен с Ордой, и Узбек, будучи уже ханом, принял сторону родственника. Михаил Ярославич был зарублен за измену, и ярлык на Владимирское княжество получил Юрий Данилович.

Только не успел московский князь воспользоваться своей победой. На обратном пути из Орды его убил сын Михаила Ярославича. Московским князем, после смерти Юрия Даниловича, стал его брат, прозванный впоследствии Калитой. Кунжак, овдовев, не захотела вернуться в Орду. Вместе с двумя сыновьями она осталась в Москве, лишь изредка приезжая погостить к родственникам на берега Итиля.

Иван Калита хорошо относился к сестре Узбек-хана. При нем Московское княжество окрепло, расширило границы, с помощью золотоордынского воинства он заставил подчиниться себе непокорных и строптивых князей.

Нелегким оказался путь, избранный Иваном Калитой. Своевольные бояре и мелкие князья не желали находиться под его рукой, но он был тверд и безжалостен. До самой смерти не смог Иван Калита сломить упрямство своих врагов. И когда княжить на Москве стал его сын Семен, бояре под предводительством Алексея Хвоста подняли бунт. Подобно отцу своему, Семен жестоко расправлялся с непокорными. Уцелевшие враги бежали в чужие земли. Князь Семен повелел собрать на могиле отца приближенных к нему людей и родственников и взял с них клятву в верности и единомыслии. За дела свои он получил прозвище Гордый.

Князь слыл Гордым, но с Ордой ладить умел, не забывал наезжать в Сарай-Берке с богатыми дарами, и, когда Литва, обеспокоенная усилением Московского княжества, попыталась натравить Джанибека на Семена, тот сумел убедить хана, что главными его врагами могут стать именно литовцы, а не орусуты.

В год змеи (1353) Семен неожиданно умер от чумы, и его место занял младший брат Иван. Новый князь не спешил выразить покорность Орде. Это обеспокоило Джанибека. Приезд Кунжак был кстати. От нее надеялся хан узнать, что задумал Иван и чего можно ожидать в дальнейшем. Но Кунжак успокоила Джанибека, сказав, что князь Иван ничего худого не замышляет против Орды.

С тревогой смотрел теперь хан в сторону османских тюрок, что все чаще останавливали купеческие суда в черноморских проливах, и невдомек ему было, что главная опасность рядом. В Мавераннахре набирали силу эмиры из местных тюркских родов, и семнадцатилетний Хромой Тимур уже пробовал крепость своей сабли в разбоях и барымте...

И к северо-востоку от Золотой Орды было неспокойно. Потомки хана Орду — основателя Синей Орды — ждали удобного момента, чтобы выказать неповиновение Джанибеку. Особенно усердствовал в этом эмир Урус.

Никому не дано заглянуть вперед, человеческий взор бессилен увидеть день завтрашний. Празднуя свадьбу своей внучки с сыном бия Хасана — Мамаем, даже подумать не мог хан, что именно этот худощавый, горбоносый, косоглазый юноша через десять лет нанесет сокрушительный удар Золотой Орде, разломив ее пополам, словно хлебную лепешку. Откуда было знать Джанибеку, что сопровождающие Мамая джигиты со временем станут его верными сподвижниками и помогут ему в исполнении коварного замысла.

Хан, сидя на тое, равнодушно смотрел на широкоплечего, с только что пробившимися усами Хазвина, на стремительного, сурового на вид Кара Бакауыла, начинающего жирау — юношу Азу. Все они были молоды, и каждый жаждал славы, богатства, а для этого готов был на любой отчаянный поступок. Во главе каравана из девяноста верблюдов, нагруженных дорогими подарками, на свадьбу прибыл отец Мамая — бий Хасан.

Уважительно встретил бия и Бердибек, и сам хан. Если остальные народы, населяющие Золотую Орду, были кто головой, кто хвостом ее, то кипчаки и ногайцы представляли два могучих крыла, и, случись беда, сломайся одно из них, не парить тогда больше Орде, не быть сильной: любой хищник, бегающий или ползающий, сделает ее своей легкой добычей.

Семь дней длился той — пылали огни под казанами, полными свежей, жирной баранины, рекой лился белопенный, пьянящий кумыс. Не было конца песням. Два будущих великих жирау Азу и Махмуд славили Дешт-и-Кипчак и отважных золотоордынских воинов.

Все было так, как принято в великой степи: и скачки, и борьба между самыми сильными воинами. А когда наступил срок, ушел в сторону Азака караван юного Мамая. И, согласно обычаю, было в нем девяносто верблюдов, и все они были навьючены бесчисленными подарками, которыми одарил зятя ханский сын Бердибек. Юная жена Мамая сидела в седле, украшенном золотыми пластинами, и белый иноходец, легко ступая, нес ее по безбрежной степи.

Через несколько дней двинулась в орусутские земли со своим караваном и Кунжак. Щедро одарил ее Джанибек, но самым большим подарком было то, что хан разрешил ей взять с собой двух своих малолетних сыновей, рожденных его наложницей.

В мечети было сумрачно и прохладно. Стоявший на возвышении шейх Мухиддин Бердай ровным, красивым голосом читал молитву — хутбу в честь хана.

Джанибек слушал шейха, казалось бы, внимательно, но, странное дело, часть слов проходила мимо его сознания. Может быть, он уже привык к молитвам, которые произносили в его честь, а быть может, мешало другое. Высокий, голубоглазый, с черной бородой и серебристыми нитями седины в ней, в шелковом зеленом чапане, в голубой чалме, шейх был красив. Хан смотрел на него и думал о судьбе Мухиддина Бердая. Воистину один аллах властен над государствами и людьми.

После смерти ильхана Абусеита, последнего из потомков Кулагу, вся северная половина Ирана оказалась под властью эмира Чопана. Ныне там правил его внук Мелик Ашраф. Народ привык к жестокости эмиров, но нынешний легко и не задумываясь расправлялся не только с людьми простыми. Стоило появиться у него подозрению в измене — и на землю катились головы знати, а нередко и мусульманского духовенства. Веря в аллаха, но больше надеясь на себя, побежали из Ирана улемы и шейхи. Известный ходжа-шейх Ганджи бежал в Сирию, ходжа Садреддин Ардабили укрылся в Гиляне, а один из столпов ислама в Иране — Мухиддин Бердай — нашел приют в Золотой Орде у Джанибека.

Трудные времена наступили в Иране. Хан об этом знал от купцов, приезжающих в Сарай-Берке из Табриза, Сердахса, Балейкена, Берды, Нахичевани. Все они просили его пойти на Мелик Ашрафа войною и взять под свою руку хотя бы Арран и Ширван. Об этом же постоянно говорила Джанибеку его третья жена Ануширван-хатун — дочь ширванского эмира Шейхамедина. Они прожили пятнадцать лет, и, хотя ни сына, ни дочери Ануширван хану не родила, он любил бывать в ее юрте...

Раздумья Джанибека прервала вдруг наступившая тишина. Шейх кончил молитву и теперь стоял, прикрыв глаза, и руки его с длинными и тонкими пальцами перебирали четки.

— Люди,— негромко уронил шейх,— сегодня я хочу сказать вам не обычное напутствие, какое полагается говорить после молитвы. Я хочу выразить боль и отчаяние. Пусть услышит и повелитель Золотой Орды, славный Джанибек-хан...— Теперь глаза Мухиддина Бердая были широко открыты и быстро перебегали по лицам собравшихся в мечети.— Наши братья по вере со слезами и молитвами

обращаются к тебе, пресветлый хан! Спаси их! Спаси их от неправедного меча Мелик Ашрафа.

В мечети стало тихо, так тихо, словно все ушли отсюда.

— Говори, я слушаю тебя, шейх.

Мухиддин Бердай воздел к небу руки:

— О великий хан, прислушайся и услышь, как кричит ребенок, мать которого Мелик Ашраф продал в рабство, прислушайся — и ты услышишь, как рыдает девушка, любимого которой эмир велел засечь плетьми до смерти. Над Ширваном, с которым ты породнился, навис мрак. Дьявол тьмы Мелик Ашраф утопил в крови Арран. Над всем Ираном стоят черные тучи насилия, и солнце, именуемое справедливостью, исчезло за ними. Опустели некогда благодатные земли — засохли сады и заросли поля сорными травами, потому что те, кто давал им воду и ухаживал за посевами, спасая свою жизнь, убежали прочь, сами не ведая куда. Не может душа мусульманина смотреть на все это без содрогания! Девушки, красоте которых ты поражался, когда ездил туда за своей любимой женой Ануширван-хатун, стали от насилия похожи на столетних старух — лица их иссекли морщины, глаза потухли, а души налиты горем.

Кто-то из присутствующих тихо заплакал. На глазах шейха тоже выступили слезы. Он теперь не отрывал своего взгляда от лица Джанибека.

— При виде черных туч и людей, потерявших кров, не может остаться спокойным даже каменное сердце. О мой Иран, несчастная моя земля!

Джанибек закусил губу. Умел шейх говорить красиво, умел растревожить душу.

— Твой отец, Узбек-хан, был мудрым человеком,— сказал он, обращаясь к Джанибеку.— До сих пор я помню то, что произошло в дни моей молодости. Во время одного из походов в Иран его воины заняли крепость Бердан. Хан велел привести к нему трех самых знаменитых улемов и спросил их: «Что является самым главным на свете?» И один из улемов сказал: «Самое главное — богатство. Будешь богатым — поднимешься над всеми людьми. Они исполнят любое твое желание. Захочешь золотой дворец — его построят по твоему приказанию; пошлешь на дно морское за сокровищами — люди добудут их». И другой сказал: «Самым главным на свете являются твои дети. Кому оставишь ты свое богатство, если нет у тебя сына или дочери?» И третий улем сказал: «И богатство, и наследники ничего не стоят, если нет счастья. И богатство пойдет прахом, и дети не принесут радости, если аллах не дал тебе счастья».

Я помню, что сказал мудрым улемам тогда твой отец. Он сказал: «Богатство — кусочек льда в твоей руке. Наследники — это всего лишь след, оставленный тобою в жизни. Счастье же похоже на девушку на выданье: смотри во все глаза, иначе ее кто-нибудь уведет. Самое главное на свете — это мы, наши дела, которые останутся после нас на земле». Узбек-хана давно нет в живых, но каждый помнит, сколько свершил он славных дел, чтобы поднять высоко честь и славу Золотой Орды.— Голос шейха вновь окреп.— Ты, Джанибек-хан, унаследовал его трон и делами своими не запятнал имени отца. Ты справедлив, но ничто не интересует и не тревожит тебя, кроме того, что происходит в Золотой Орде. А ведь есть еще Арран и Ширван, где страдают и ждут твоей помощи братья по вере. Они молят аллаха и тебя, прося избавить их от Мелик Ашрафа. Аллах на небе, а ты на земле. Вспомни слова отца: «Самое главное на свете — это мы, наши дела, которые останутся после нас...» Выступи же со своим доблестным войском и покарай исчадие тьмы Мелик Ашрафа... Поступка твоего не забудут все мусульмане...

В мечети стояла тишина. Все ждали ответного слова хана. Но Джанибек молчал. В глазах шейха мелькнула растерянность. Он так рассчитывал, что

тщеславный повелитель Золотой Орды, желая показаться справедливым и верным последователем пророка, сразу же откликнется на его горячие слова.

— Я знаю, многие боятся Мелик Ашрафа,— стараясь задеть самолюбие хана, сказал Мухиддин Бердай.— Но эмир просто шакал, привыкший питаться падалью... Хан Золотой Орды — это лев, чей грозный рык приводит в трепет и страх полмира...

И снова ничего не ответил Джанибек. Теперь все взоры были обращены на него. Высокая фигура шейха, продолжавшего все еще стоять на возвышении, ссутулилась, съежилась.

Джанибек вдруг поднял голову и обвел всех пристальным, изучающим взглядом:

— Я исполню свой долг и стану карающим мечом аллаха... Мои доблестные тумены пройдут по землям Аррана и Ширвана...

Хан повернулся и быстро пошел из мечети. За ним потянулась его свита. Тюре-бий, задержавшись, шепнул Бердибеку:

— Близок твой час, Бердибек-оглан. Чем бы ни закончился этот поход...— бий многозначительно замолчал, пряча глаза от горящего взгляда Бердибека.

Наконец тот отвернулся, словно не слышал, что сказал Тюре, а губы чуть слышно прошептали:

— Пусть будет то, что будет...

Джанибек понимал, что не так-то просто будет быстро собрать войско, раскиданное по улусам огромной Золотой Орды, и потому он поручил это дело своему сыну Бердибеку. За месяц предстояло тому привести под стены Сарай-Берке тумены, готовые к дальнему и нелегкому походу.

Загудела, как растревоженный улей, Золотая Орда. Джанибек, не любивший военные походы, не знающий опьяняющей радости битв, старался не вмешиваться в приготовления.

Миновав Дербентские ворота, войско Золотой Орды черным, бушующим потоком хлынуло на просторы Ширвана. Но, прежде чем начать военные действия, Джанибек послал своего человека к Мелик Ашрафу, повелев передать тому такие слова: «Ильханство хулагу принадлежит по праву потомкам Чингиз-хана. Покинь пределы Ирана, и ты останешься жить».

Но эмир гордо ответил: «Здесь один хозяин, и им являюсь я».

В это время на земли Ширвана и Аррана пришла непогода. С просторов Хазарского моря ветер пригнал туман, и он серой мглой закрыл долины и горы. Джанибек воспользовался этим и двинул свое войско через Бишкинский перевал на Берзент, Ардабиль и Серох. Возле городов Айве и Шерабьян хан велел туменам остановиться.

Посланные вперед отряды донесли, что войско Мелик Ашрафа, под предводительством эмиров Мухаммед-Кули и Шераф-Дербана, собралось близ крепости Уджан.

Все было готово к началу битвы, но на землю хлынули потоки дождя, а крупный град в клочья стал рвать походные шатры.

Только перед рассветом ветер из горных ущелий разметал по небу тучи, и красное усталое солнце посмотрело на землю. Повсюду малые ручьи и речки превратились в ревущие потоки, и случилось так, что войску Мелик Ашрафа оказалось некуда отступать.

Золотоордынские воины бросились на стан врага. Отчаянно дрались иранцы, но на второй день, окруженные со всех сторон, начали искать пути к спасению. Спасения не было.

Узнав об этом, Мелик Ашраф, отсиживавшийся в крепости Шенб-Базаны и ожидавший исхода сражения, велел погрузить свою казну на тысячу пятьсот

верблюдов и четыреста пятьдесят ослов, двинулся в сторону Сандабада. Но случилось то, что часто случается с теми, кто вдруг лишается силы. Приближенные к эмиру музалимы схватили неудачника, поделили между собой его золото, а самого вместе с семьей выдали Джанибеку.

Хан велел казнить Мелик Ашрафа. Тогда местная знать и духовенство обратились к нему, чтобы он отдал завоеванные земли Ширвана и Аррана под управление Бердибека. Эта просьба устраивала Джанибека. Что могло быть лучше, чем удаление сына из своей ставки? Пусть сидит себе на самом краю Золотой Орды, пусть правит как хочет. Вспомнился страшный сон. Уверенный, что он теперь не сбудется, хан с облегчением подумал, что правы кипчаки, когда говорят о дурном сне, что он всего лишь помет лисицы.

С огромной добычей и дочерью Мелик Ашрафа прекрасной Султанбакыт вернулся Джанибек в Сарай-Берке. На душе его было легко и свободно, и хан даже несколько раз пожалел, что велел разрушить построенный для него мазар, увидев как-то дурной сон.

Напрасно сожалел о мазаре Джанибек. Совсем не пометом лисицы оказался его сон. Если судьба закидывает свои сети, она рано или поздно поймает в них человека, которого избрала своей жертвой. Пред судьбой равны все — и хан, и простой воин.

Через шесть месяцев после возвращения из похода, простудившись на охоте, хан тяжело заболел. Какие только травы не использовали табибы и знахари, но Джанибеку становилось все хуже и хуже, и он все чаще терял сознание. Вся власть в Орде перешла в руки Тюре-бия. Уверенный, что хан больше никогда не пройдет по земле и не сядет в седло, бий отправил гонца к Бердибеку со словами: «Твое время пришло».

Как и положено правоверному мусульманину, заботясь о теле и душе своего господина, Тюре приказал на месте разрушенного по приказу хана мазара строить новый.

Никто в Орде не сомневался, что Джанибек доживает последние дни. А вскоре глубокой ночью в ворота бия постучал Бердибек, тайно приехавший из Ширвана с десятью самыми преданными воинами.

Но всевышний как будто был против замыслов ханского сына. В это утро Джанибек впервые за долгие дни болезни пришел в себя и поднял голову от подушки.

— Пусть завтра соберутся ко мне на совет эмиры,— сказал он.

О чем хотел говорить хан, никому не суждено было узнать. Слуга шепнул ему о том, что в Сарай-Берке прибыл Бердибек.

Плохое предчувствие охватило Джанибека. Хан был уверен, что сын приехал не с добрыми намерениями, иначе зачем ему было прятаться.

Джанибек велел позвать старшую жену, мать Бердибека,— Токай-Токты-хатун. Глядя на нее исподлобья, с трудом шевеля бескровными от болезни губами, он спросил:

— Где твой сын? Почему ты не сказала, что он приехал в Орду?

Оплывшая от старости, некрасивая женщина стояла перед ханом, и он вдруг не поверил, что когда-то любил и ласкал ее тело. Глаза женщины были пусты, и Джанибек понял, что и он для нее давно уже не существует, и потому Токай-Токты-хатун ничего не скажет, даже если и знает правду о приезде сына.

— Уходи,— велел хан.

Женщина молча, неслышно вышла.

— Пусть войдет Тюре-бий,— приказал он.

Бий, как обычно, был рядом и вошел тотчас же.

— Быть может, ты скажешь мне, для чего приехал в Сарай-Берке Бердибек? — Губы Джанибека тронула недобрая усмешка.— Ну, говори...

Лицо Тюре залила смертельная бледность. Бердибек скрывался в его доме, и если бы хан узнал об этом, то бию наверняка не сносить головы.

— Ничего не знаю, мой повелитель, но если...

Джанибек вяло махнул рукой:

— Неверный пес! Иди и узнай все...

Тюре проворно выскочил из комнаты, где лежал больной хан. Петля аркана затянулась. Надо было действовать, иначе быть поздно. Бий хорошо знал, что будет с ним, если он промедлит. Крупные капли пота выступили на его лоснящемся от жира лице. Вскарабкавшись в седло, он, нахлестывая камчой коня, помчался к своему дому.

Очень скоро в сопровождении Бердибека и десяти нукеров Тюре вернулся во дворец. Стража почтительно расступилась перед ними, освобождая дорогу во внутренние покои. Бий пинком распахнул двери в комнату Джанибека. Лицо его было бледным и решительным.

— Великий хан, я привел вашего сына...— Злорадная усмешка тронула его полные губы.

Джанибек приподнялся на ложе, нахмурил брови. Глаза его испытывающе глядели на Бердибека:

— Почему ты вернулся в Орду, не предупредив меня?

Бердибек наклонился над отцом, словно собираясь просить прощения, и вдруг, вытянув вперед руки, схватил его за горло.

«Совсем как во сне»,— мелькнуло в сознании Джанибека. Он попытался вырваться, освободиться от цепких пальцев сына — и не смог.

Последнее, что он увидел,— это размытое, словно в тумане, лицо великого жирау Асана Печального...

Когда Бердибек поднялся на ноги и попятился от неподвижного тела отца, Тюре-бий спокойный и тихий, занял его место. Он обмотал шею Джанибека белым платком, чтобы скрыть кровоподтеки, указательным пальцем правой руки натянул веки на вылезшие из орбит глаза хана.

— Шестнадцать лет справедливо правил Ордой наш хан... Пусть же земля ему будет пухом,— пробормотал Тюре, не глядя на Бердибека, потом решительно вышел из комнаты.

У двери стояли визири, эмиры, беки.

— Великий хан Золотой Орды славный Джанибек скончался,— сказал бий.— Он умер от удушья, его больным легким не хватило воздуха.

Собравшиеся опустили головы.

— Уходя из жизни, наш хан завещал трон своему сыну Бердибеку. Слышал это от хана и свидетельствую это я, новый тюбе-бий Золотой Орды — Тюре.

— Да здравствует хан Бердибек! Да будут долгими его дни! — закричал кто-то из эмиров.

ГЛАВА ПЯТАЯ

V

Не напрасно последние дни правления Джанибек-хана были омрачены тревогой. Во всех частях когда-то громадного, а ныне распавшегося на части, подобно расколотому зеркалу, Великого Монгольского ханства крепли, набирали силу тюркские роды. Еще недавно покорные, растоптанные туменами Чингиз-хана, они все чаще выдвигали из своей среды эмиров, готовых взять бразды правления в свои руки.

Османские тюрки крепко оседлали земли, прилегающие к Средиземному и Черному морям. Тюркские племена все настойчивее диктовали свою волю ханам Золотой Орды.

Первым из повиновения потомкам Чингиз-хана вышел Джагатаев улус — на землях Восточного Туркестана, Мавераннахра и Семиречья правили эмиры тюрки. Особенно чувствовалось их влияние в Мавераннахре.

В свое время, как и все потомки Чингиз-хана, Джагатай получил от отца четыре тысячи монгольских воинов вместе с семьями. Воины были представителями родов жалаир, барлас, каучин и арлат.

Аулы рода жалаир стали кочевать вдоль побережья Сейхун-дарьи, не удаляясь далеко от города Ходжента. Только много лет спустя часть рода ушла в Семиречье — в долину реки Аксу и к озеру Алаколь. Барласы избрали местом своей кочевки степи близ Шахрисабза, по Кашкадарье вплоть до селения Джизак. Арлаты и каучины расселились по берегам Джейхун-дарьи.

Шли годы, и обстоятельства заставили эти роды объединиться. Так появились каучин-жалаиры и арлат-барласы. Эмиры этих родов, ссылаясь на то, что их предки наравне с чингизидами в свое время покоряли эти земли, стали чаще претендовать на власть. Раздоры между знатью привели к разорению земель по восточному берегу Сейхун-дарьи, городов Семиречья и Восточного Туркестана.

Когда бывшим Джагатаевым улусом стал править дервиш Халел, принадлежащий к одной из ветвей Чингизова древа, влияние мусульман усилилось, а на кочевые монгольские роды обрушились немилость и гнев.

Монголы не захотели мириться с таким положением. Отступив из Мавераннахра, на востоке когда-то подвластных Джагатаю земель они образовали свое ханство Манглай-субе [1], названное впоследствии Моголистаном. В его состав вошли южная часть Семиречья, земли от Иссык-Куля до городов Кашгар и Куча в Восточном Туркестане.

[1] Манглай-субе — край, граничащий с улусами тюркских эмиров, или аймак, расположенный на переднем крае.

После смерти Казан-хана монгольский бек Болатши из города Кульджи привез в Аксу семнадцатилетнего юношу Тулук-Темира, сына одного из монгольских эмиров. Но Болатши объявил людям, что юноша рожден от сына Тубы — Эмель-ходжи, а следовательно, является прямым потомком Чингиз-хана. Причину того, что до этого никто не слышал это имя, бек объяснил тем, что Тулук-Темир родился через несколько месяцев после смерти своего отца Эмель-ходжи.

Поверили ли монгольские эмиры рассказу Болатши или нет, но появление потомка Чингиз-хана устраивало их, и они подняли Тулук-Темира на белой кошме, объявив его ханом Манглай-субе.

Тулук-Темир оправдал ожидания. Он оказался грозным ханом. Воспользовавшись распрями между тюркскими эмирами, он вновь подчинил себе Мавераннахр.

Неведомы пути, которые уготовила судьба каждому, и ни один из живущих на земле никогда не может знать, где и с кем пересекутся его дороги. Судьба иль случай, обстоятельства или время свели в эти годы в Мавераннахре людей, непохожих и разных по своим устремлениям: Асыгата — сына бунтаря Акберена, улема Ардака и Хромого Тимура.

Асыгату было три года, когда умерла его приемная мать Бубеш. Следы отца и матери после их бегства из Семиречья затерялись где-то в горах и долинах Восточного Туркестана. Шайка бродяг-разбойников, которых в те годы было много на дорогах Золотой Орды, подобрала сироту и продала его на невольничьем базаре Хорезма бездетному караванбаши.

Так начиналась новая жизнь Асыгата. Когда мальчик подрос, караванбаши стал брать его с собою, и он увидел Кашгарию и Кульджу, столицу Золотой Орды — Сарай-Берке и множество других чужеземных городов. Уже в двадцать пять лет Асыгат самостоятельно водил караван по Великому Шелковому пути в Иран и Ирак.

Однажды среди невольников, которых гнали в Багдад, он увидел светловолосого, голубоглазого мальчика лет десяти. Тот был истощен, едва брел за караваном, и ясно было, что ему не осилить пути. Асыгат не был богатым человеком, но он сумел уговорить хозяина, чтобы тот продал ребенка ему. Мальчик оказался орусутом, и звали его Арсением.

В Багдаде за умеренную плату, договорившись с муллой, выходцем из Дешти-Кипчак, Асыгат устроил Арсения на учебу в медресе. Чтобы скрыть, кто он и откуда, мальчику дали новое имя, созвучное с прежним,— Ардак.

Потянулись годы. Ардак оказался сообразительным — ум его был быстр и цепок, легко усваивал книжные премудрости. Бывая с очередным караваном в Багдаде, Асыгат навещал Ардака. Мальчик давно превратился в юношу. Он свободно владел арабскими и кипчакскими языками, знал на память многие священные мусульманские книги, читал книги по астрономии и математике.

Кипчаки говорят: «У беды сорок лиц». Случилась беда с Асыгатом. На караван, который он вел, напали разбойники. Разграбив товары, убив купца, оставшихся в живых погонщиков и самого караванбаши они продали на невольничьем базаре.

Можно было считать, что Асыгату повезло: его купил один из жителей Багдада. Не было предела горю Ардака, когда он узнал об этом. У молодого улема было много знаний, но, как это часто бывает в жизни у таких людей, совсем не было денег. Рассчитывать на выкуп не приходилось, и тогда они решили бежать.

Только благодаря Асыгату, который знал дороги и тропы, ведущие в Дешти-Кипчак, им удалось уйти от погони.

Безрадостную картину увидел юный улем в Ферганской долине. Города лежали в запустенье, ремесленники разбрелись, бросив свои мастерские, обезлюдели

базары. Дехкане, возделывающие поля, были изгнаны с насиженных мест тюрками-скотоводами, и там, где еще недавно зеленели хлеба и раскрывали свои белые коробочки кусты хлопчатника, паслись стада баранов. Кочевникам требовался простор, а поскольку на их стороне была сила, они уничтожали каждого, кто вставал на их пути.

И тогда Ардак направился в Самарканд. Но и здесь было неспокойно. Весь Мавераннахр напоминал большой котел, в котором начинает закипать вода,— между потомками Джагатая и тюркскими эмирами завязывалась жестокая и яростная борьба. Все чаще произносили люди имя Хромого Тимура.

В Золотой Орде не сходили с языка три имени: Урус, Тохтамыш и Едигебатыр. Все они были равными, и еще ни один из них не проявил себя настолько, чтобы стать первым среди равных, но каждый был отмечен перстом судьбы и каждому было предначертано то, ради чего появился он на земле.

Урус принадлежал к чингизидам, ему недавно исполнилось двадцать семь лет. Высокий, быстрый в движениях, скорый на поступки, он был в полном расцвете сил.

Тохтамыш по происхождению тоже чингизид. Он на десять лет моложе Уруса и пока еще напоминал молодого сокола, только что оперившегося и готового подняться в небо. Но первые самостоятельные дела его и поступки говорили за то, что сокол будет смел и добычлив.

Едиге-батыр был моложе Уруса на целых одиннадцать лет и происходил он из рода ак-мангит, предки которого преданно служили ханам Золотой Орды. Несмотря на молодость, имя его уже было хорошо известно в Дешт-и-Кипчак. Коренастый, широкогрудый, он прославил себя в борцовских поединках. Но не только на богатырскую силу юного Едиге обращали внимание, но и на светлый ум.

В год смерти Джанибека Урус стал правителем золотоордынского улуса Белая Орда. Еще задолго до этого эмиры Белой Орды все чаще стали оставаться на зимовку в окрестностях городов Отрар, Сауран, Женди, Барчкент. Местные жители постепенно привыкли к ним, и когда правителем улуса сделался Урус, он без всяких осложнений превратил город Сыганак в свою ставку, объединив вокруг себя кипчакские роды, кочевавшие от гор Улытау до Аральского моря. Укрепившись, Урус все реже оглядывался на Сарай-Берке.

Бердибек, сев на трон Золотой Орды, старался не замечать своеволия Уруса. На севере зашевелились булгары, башкиры, мордва, да и из орусутских земель приходили новости неясные, противоречивые, но чудилась хану в них скрытая угроза. Поэтому, когда на Москве умер князь Иван, Бердибек, боясь дальнейшего усиления этого княжества, дал ярлык на княжение во Владимире суздальскому князю Дмитрию Константиновичу. В Москве это вызвало недовольство, но выразить его вслух пока никто не решился. Все, казалось, оставалось по-прежнему. Крепкой и могучей выглядела Золотая Орда, но изнутри ее ядро грыз червь по имени смута, и все чаще скрещивали свои сабли соперники, стараясь или приблизиться к трону, или, наоборот, уйти от него подальше, чтобы не чувствовать на своем затылке ханского подозрительного взгляда.

Иноходец с черной блестящей шерстью неслышно скользил средь высоких трав. Всадник, рыжий, с загоревшим до красноты угрюмым лицом, беспрестанно подхлестывал его камчой, торопил. Порой он беспокойно оглядывался по сторонам, объезжал кусты и подозрительно прислушивался к топоту коней его личной стражи, которая мчалась вслед за ним, отстав на расстояние, равное половине полета стрелы. Человек верил своим нукерам и не верил. Последнее время подозрения все чаще овладевали им, и потому глаза человека всегда оставались настороженными, а поступки делались странными, непонятными для близких ему людей.

Кто этот человек, бегущий от своей тени? Куда и зачем спешит он? Разве может спасти от смерти стремительная скачка? Разве не на земле рожден он и разве ему не известно, что предначертанное судьбой происходит быстрее, чем мчится лучший в степи тулпар, и стремительнее, чем летит стрела?

Знает все это хан Золотой Орды Бердибек, только не хочет верить. Разум его словно охвачен огнем, а в сердце поселился страх, который не покидает его ни днем ни ночью.

Вот и сейчас спешит он с верными своими нукерами в низовья Итиля, туда, куда совсем недавно откочевала со своим аулом младшая жена его отца Джанибека — Тайдолла с восьмимесячным сыном. У Бердибека и у мальчика матери разные, но отец один, а значит, в жилах их течет одинаковая кровь — кровь великих чингизидов. Не на смотрины торопится хан. Страшный замысел гонит его вперед. Чудится ему, что восьмимесячный брат его растет не по дням, а по часам и скоро наступит время, когда он захочет сесть на золотой трон. А разве может отдать его Бердибек кому-нибудь, если сам он заплатил за него смертью отца — мудрого Джанибека?

Мальчик совсем маленький. Ну и что из этого? Хан хорошо знает, что бедняк может разбогатеть, а ребенок вырасти. И тогда... Нет, во всем следует слушаться тюбе-бия Тюре. Этот хитрый человек умеет видеть сквозь землю и напрасно не бросит слова на ветер.

Сразу же после того, как Бердибек задушил отца и сел на трон Золотой Орды, Тюре сказал Бердибеку:

— Крепость или слабость трона зависит от хана, который на нем сидит. Смерть же хана в руках его родственников и потомков. Коль хочешь спокойно сидеть на троне, уничтожь всех, кто ведет свою родословную от Узбек-хана. Только тогда сон твой будет спокоен.

Долго думал Бердибек над словами бия. И выходило так, что Тюре прав. Разве не доказывало правоту его слов то, что он сам ради трона не остановился перед тем, чтобы убить родного отца? Страх черной змеей вполз в душу хана и больше не покидал ее.

Вскоре он пригласил на праздничный той во дворец двенадцать двоюродных братьев — отпрысков пятерых сыновей Узбек-хана от младших жен: Тынышбека, Ырынбека, Туктыбека, Тайтибека, Даулетбека. Ни одному не суждено было уйти с тоя. На рассвете их вынесли из дворца с отрубленными головами.

Замыслив недоброе, Бердибек был последователен. Каждый, кто доводился ему хотя бы дальним родственником, один за другим уходили в потусторонний мир. Смерть у каждого была разной. Один ломал позвоночник, упав с коня на охоте, другому доставалась чаша кумыса с ядом, третий исчезал вообще неведомо куда. Наконец наступило время, когда уже некого было убивать, и тогда снова появился Тюре-бий. Он-то и напомнил, что у младшей жены Джанибека есть восьмимесячный сын. Отступать было некуда. Оставалось убить и младенца.

Сквозь угарный кровавый туман, который застилал разум Бердибека, пробивалась иногда мысль: для чего так упорен в своих советах Тюре? Ему-то какая корысть от того, что хан уничтожит всех своих родичей? Бий уже немолод, он получил то, что хотел, и ему пора было успокоиться. Бердибек гнал от себя сомнения. Тюре всегда был предан ему, и разве не он научил, как стать ханом?

Откуда было знать Бердибеку, опьяненному пролитой кровью, что замыслы Тюре черны как ночь и простираются они так далеко, что даже страшно подумать? Бий один знал о всех делах хана, и не беспокойство о его благополучии толкало Тюре давать ему советы. Бердибек и не заметил, что давно похож на быка, которого ведут на волосяном аркане, привязанном за железное кольцо, продетое в нос. От бия невозможно было уйти, скрыться. Советуя, он давно повелевал.

Однажды, мучимый кошмарами, Бердибек решил убить всех, кто хотя бы что-то знает о его расправах с родственниками. На Тюре-бия обратил он свой взор. Но, когда решил исполнить задуманное, вдруг почувствовал, что сила и ярость покидают его, а на место них приходит страх перед этим человеком.

Вот и на этот раз, незадолго до нынешней поездки в низовья Итиля, все решил за Бердибека бий. Он без приглашения явился во дворец, без доклада, открыв дверь огромным животом, вошел в ханские покои. Крохотные глазки на заплывшем жиром лице настороженно глянули на Бердибека. Но едва Тюре успел сделать шаг, как черный щенок впился зубами в его ногу. От неожиданности бий взвизгнул, попятился к двери, едва не упал. Хан зло захохотал. Страх Тюре обрадовал его. Толстый, большой, хитрый бий испугался маленького щенка.

Раздосадованный Тюре, стараясь скрыть растерянность, выхватил из-за пояса камчу и замахнулся на щенка. Стоящий у дверей на страже туленгит прикрыл собаку своим телом, подставив спину под удар. Щенок принадлежал хану. Схватив его на руки, туленгит выскочил за дверь.

Бердибек продолжал хохотать. Бию сделалось не по себе. Он не любил и боялся, когда смеялся хан, особенно так, как сейчас,— лицо все в морщинках, а глаза холодные и пустые.

— Оказывается, и всесильный бий может испугаться? — сказал Бердибек.

— Еще бы...— Тюре уже овладел собой и пытался происшедшее свести к шутке.— Испугаешься, если в твою ногу вцепится ханский волкодав.

Но не за тем пришел к Бердибеку бий. Последнее время его тревожили поведение и поступки хана. Нутром, привыкший изворачиваться и лгать, Тюре почувствовал грозящую ему опасность. Надо было запутать следы, заставить Бердибека думать о другом, и поэтому, присев на почетное место, рядом с ханом, бий вкрадчиво сказал:

— Щенок — это щенок... Каким он будет, когда станет большой собакой? Сегодня он кусает за ноги, а завтра вцепится в горло...

Бердибек насторожился.

Тюре заметил это и не подал вида. Он продолжал:

— Все зависит от того, чему учат щенка, пока он маленький... Младшая жена твоего отца Тайдолла-хатун... Каким молоком станет кормить она своего сына? Не вырастет ли из него волчонок? Не наступит ли такое время, когда начнет он подстерегать тебя, чтобы вцепиться в горло? Тайдолла-хатун, наверное, думает о мести, ведь она любила Джанибека, а ты...

— Замолчи! — крикнул хан. Глаза его потускнели, он облизнул пересохшие губы. Перед мысленным взором встало давнее, но не забытое.

Это случилось в год, когда он стал правителем Ширвана и Аррана. Бердибек хорошо помнил это время. Он велел тогда привязать голову Мелик Ашрафа на высокий шест и воткнуть его возле главной мечети Тебриза. Знать приходила к новому правителю, чтобы сказать слова почтения, преподнести богатые подарки. Должен был состояться большой той по случаю удачного похода, но Джанибек, сославшись на нездоровье, не остался в Тебризе, а повернул своих коней в сторону Дешт-и-Кипчак. Вместо себя хан оставил свою младшую жену Тайдоллу-ханум — дочь черкесского князя.

После того как закончилось празднество, Бердибек решил уйти из Тебриза в богатые травами степи Деркамазума, так как близ города не оставалось кормов для кипчакской конницы. Обычай велел попрощаться с младшей женой отца. Тайдолла-ханум готовилась к возвращению в Сарай-Берке, но Бердибека встретила приветливо. Он и раньше обращал на нее внимание, но сейчас, в полумраке комнаты, молодая женщина показалась ему прекрасной. Не в силах скрыть проснувшееся в нем желание, Бердибек шагнул к Тайдолле-ханум, протянул

руки, чтобы обнять ее, но она, стройная и гибкая, отступила в сторону, сорвала висящую на стене камчу и хлестнула ею по ковру у ног ханского сына.

Тайдолла-ханум не хотела ссоры, но побледневшее ее лицо было гневным и непреклонным и большие темные глаза сделались совсем черными. Пересилив себя, женщина с трудом улыбнулась:

— Я хотя и моложе вас, но по мусульманским законам являюсь одной из ваших матерей.

Бердибек опомнился. Ему, трусливому по натуре, сделалось очень страшно. Что, если о том, что хотел он сейчас сделать, узнает отец?

— Простите, ханум,— сказал он просительно.— Я зашел к вам только для того, чтобы попрощаться. Пути наши расходятся, и, быть может, надолго. Велики владения Золотой Орды, длинны степные дороги...

Они еще поговорили немного, и ни один из них ни словом не напомнил другому о том, что произошло.

Нет, не забыл Бердибек те минуты позора, тот страх, который он пережил тогда в присутствии Тайдоллы. Сейчас память услужливо напомнила ему все детали того события. Ярость тугим комом подступила к горлу. Как смела она, дочь черкесского князька, хлестнуть камчой ковер у его ног?! У ног будущего хана Золотой Орды! Как смела она не допустить его к себе?!

Тюре-бий, наблюдая за Бердибеком, понял, что стрела его попала точно в цель и теперь хан будет думать только об этом. Он мысленно возблагодарил аллаха и старую Токай-хатун за то, что она напомнила о Тайдолле. Бий понимал, что мать хана сделала это не из-за того, что действительно верила, что восьмимесячный сын Тайдоллы когда-нибудь станет угрожать Бердибеку. В это мог поверить только сам обезумевший хан, а потому она и мстила сопернице.

Джанибек взял Токай-хатун в жены, когда ей было пятнадцать лет. Тогда она была чиста лицом, светла и красива. Сорок лет прожили они вместе. Хан брал молодых жен, но по-прежнему любил ее и за советом шел к ней. Так было до тех пор, пока не появилась юная Тайдолла. С этого времени сердце Джанибека больше не принадлежало ей. Очень хорошо поняла это Токай-хатун, когда Джанибек метался в бреду во время болезни. Только имя соперницы повторял он сухими губами, словно напрочь забыл, что у него есть жена, которая подарила ему наследника. И после, когда все-таки пришел в себя, все спрашивал, не приехала ли Тайдолла.

Трудно было не полюбить прекрасную горянку. Юная, стройная, с огромными черными глазами, где бы ни появлялась она, повсюду слышался звонкий и веселый смех. Как мог не полюбить ее хан, в жилах которого уже начала остывать кровь, и желания все реже нарушали его долгий, похожий на осень сон.

Но то, что нравилось мужчине в Тайдолле, не могло нравиться женщине-сопернице, тем более что Токай-хатун видела, что горянка искренне любит Джанибека. Страшная смерть хана потрясла его младшую жену.

Нет давно Джанибека. Забыть бы старое, потушить в душе ненависть, но не может сделать этого Токай-хатун: ведь недаром она из рода чингизидов, где не знают пощады и не умеют прощать. Задумала она подослать убийцу к молодой женщине, но узнала, что та сама хотела наложить на себя руки, когда погиб хан, и отказалась от этой мысли: разве можно унизить человека смертью, если он сам ее ищет?

После смерти Джанибека аул Тайдоллы откочевал в низовья Жаика. И только через год встретились женщины на берегах Итиля. Неприятной новостью стало для старой ханши известие о том, что за это время Тайдолла родила сына. Жизнь вернулась к горянке, и она снова обрела радость.

Токай-хатун не хотела верить, что ребенок рожден от Джанибека. Она высчитывала сроки, но все было верно. И тогда с новой силой вспыхнуло желание мстить. Теперь Тайдолла была уязвима. Надо было или убить ее сына или разлучить ее с ним.

Вот тогда-то и позвала к себе старая ханша Тюре-бия:

— Слышал ли ты, достопочтимый бий, что у нашего сына хана Бердибека появился брат?

Тюре кивнул, но ни радости, ни печали по этому поводу не выразил, ожидая, что скажет дальше Токай-хатун. Старуха никогда не звала его для праздных пустых разговоров.

— В тринадцать лет мужчина, бывает, создает семью,— вздохнув, сказала ханша.— Не успеешь оглянуться, как сын Тайдоллы станет взрослым джигитом. Родственники его по матери — коварные и смелые черкесы... Не захотят ли они увидеть его на троне Золотой Орды? Что тогда станет с Бердибеком? — глаза Токай-хатун, мутные от старости, не мигая смотрели на Тюре.

— Все так, моя госпожа, все так...— поддакнул бий.

— И быть может, поэтому не выходит Тайдолла замуж...— продолжала ханша.— Если сын станет ханом... Разве радость замужества сравнится с такой радостью?

Тюре-бий хорошо понимал, что Токай-хатун недоговаривает многого. Едва ли ее так пугает восьмимесячный ребенок. Пока мальчик вырастет и захочет стать ханом, хвост козла, как говорят кипчаки, дорастет до неба, а хвост верблюда упрется в землю. Да и будут ли они сами и хан Бердибек к тому времени еще живы? Нет. Не страх за завтрашний день заставил старуху говорить, а месть, которая подобно горячим углям от уже погасшего костра, все еще жжет ее душу. И все же Тюре-бий был рад тому, что сегодня услышал. Совершенно случайно мать хана подсказала ему, куда теперь следует направить Бердибека и тем самым обезопасить себя.

Сейчас, сказав все это хану, Тюре ликовал в душе, видя, что брошенное им зерно упало на благодатную почву.

Глаза Бердибека помутнели, и казалось, что он видит что-то такое, чего не видит бий.

Мысль об убийстве сына Тайдоллы завладела им без остатка. Тюре знал эту особенность хана. Сейчас его можно было просить о чем угодно, и он, не в состоянии вникнуть в суть, легко поддастся уговорам и согласится на все, о чем ни попросишь его. Давно уже пугали бия события, происходящие в крымском улусе. Там крепли, набирали силу люди, которые со временем могли стать помехой его честолюбивым замыслам.

— Великий хан, дошел слух, что мангытский бий Муса выдал свою внучку Суюмбике за одного из сыновей тверского князя Александра, которого в свое время твой дед Узбек велел обезглавить.

— Ну и что? — Глаза хана блуждали. Он был весь во власти своих мыслей.— Я дал на это свое согласие...

Тюре вздохнул:

— А в прошлом году ты, великий хан, отдал Крым в управление Гиассидин-оглану. А ведь дочь его сына Хаджи-Керея взял себе в младшие жены муж твоей дочери Мамай...

Хан досадливо махнул рукой. Откуда ему было знать, что Тюре-бий давно с вожделением посматривал на Крым, мечтая прибрать этот улус к своим рукам. Бий только никогда не говорил об этом вслух, ожидая благоприятного момента. Заводить об этом разговор было рано, так как Гиассидин-оглан сидел в Крыму крепко, да и был он из рода чингизидов.

— Выходит, потомкам рода Мусы стоит еще породниться с литовскими князьями, и тогда...

— Что будет тогда?! — досадливо перебил Бердибек.

— Тогда... Тогда могут объединиться княжества Литовское, Тверское, Крым и Саксин. А это большая сила...

— А разве мне следует их бояться? Разве Золотая Орда обессилела и не может справиться с непокорными родами?

— Кто возьмется сказать, как все может произойти, великий хан? Сила ломает силу... В Крыму окреп Мамай. Эмиры слушаются и охотно выполняют его приказы. Ну, а если их поддержат османские тюрки, тогда...

— Разве мы заняты ловлей мышей и глаза наши смотрят в землю? — раздраженно перебил Бердибек.— Мы всегда вовремя видим тучу, если она осмелится подняться над Золотой Ордой.

— Все правильно, великий хан,— с сомнением в голосе сказал Тюре.— Но Муса — твой сват, а Мамай — муж твоей дочери...

— Разве я не расправился даже с самыми близкими, когда они осмелились замыслить против меня недоброе? В любой день готов я обнажить свой меч против того, кто посягнет на величие Золотой Орды.

— Великий хан, разве ты не чувствуешь, что опасность уже не за горами?

Бердибек зло отмахнулся от слов бия:

— По-твоему, куда ни повернешь голову, повсюду ждут меня враги?

Тюре понял, что разговор пора заканчивать. Бердибек не забудет того, что сегодня услышал. Нужно только ждать и в нужный момент подбросить огонек в сухой хворост.

— Я не говорю так... Крым, конечно, далеко от Сарай-Берке, а мощь твоя велика и сила не знает равных... Сын Тайдоллы — главный твой враг сегодня...

Зеленые глаза хана сузились.

— Вели готовить коней,— приказал он, и вздрагивающая ладонь его легла на рукоять сабли...

Летит, словно птица, стелется своим длинным телом в высоких травах иноходец Бердибека. Уже и ночная роса пала на травы, и бока коня сделались черными и блестящими от ее крупных капель. Близок аул Тайдоллы. Чуткий слух воинов улавливает, как лают собаки, а ноздри слышат запах кизячного дыма.

Не останавливаясь, не прячась, проскакал хан к самому большому шатру аула, без труда угадав, что именно Тайдолле принадлежит он. Спрыгнув с коня, бросив повод подскакавшему следом за ним нукеру, он рывком откинул расшитую узорами занавеску, закрывавшую вход в шатер...

Неярко горел светильник, и молодая женщина, сидя на подстилке из белых войлоков, кормила грудью ребенка. При виде Бердибека кровь отлила от ее лица: материнское сердце подсказало ей, что не напрасно приехал в ее аул хан — быть беде. Тайдолла крепко прижала к себе ребенка, закрыла его хрупкое тельце руками.

Бердибек медленно подошел к ней. В безумных, расширенных глазах его играли отсветы пламени светильника.

Он протянул вперед руку с камчой и брезгливо спросил:

— Это и есть твой сын?

— Он твой младший брат...— губы женщины вздрагивали, лицо кривилось.

— Где твоя камча? — вкрадчиво спросил Бердибек.

Тайдолла не поняла вопроса:

— Какая камча?

— Та, которой ты угрожала мне?

Женщина опустила голову:

— Прости меня, великий хан...

— А если не прощу?

Тайдолла молчала.

— Ты станешь моей рабыней...

— Да...

— Дай мне ребенка.

Женщина еще крепче прижала сына к себе.

— Зачем он вам, великий хан? — взмолилась женщина. Она знала: рассчитывать ей на чью-то помощь не приходилось.

Бердибек засмеялся:

— Я убью его.

Тайдолла увидела глаза хана — расширенные, безумные — и поняла, что пощады не будет.

— Ради аллаха!.. Не трогайте моего сына!.. У вас один отец, одна кровь течет в ваших жилах!.. Лучше убейте меня!..

— Ты мне нужна живая.

Бердибек шагнул к женщине и рванул из ее рук ребенка. Малыш громко заплакал. Хан поднял крошечное тельце над головой и со всей силы бросил его себе под ноги.

Казалось, Бердибек не слышал дикого крика Тайдоллы. Он стоял бледный, крупные капли пота стекали по его вискам, а бескровные губы шептали:

— Это тебе за то, что ты хотел стать ханом, это тебе за то...

Потом, словно очнувшись, Бердибек сказал:

— После того как справишь сорокадневные поминки, я заберу тебя к себе.

Хан повернулся и, нетвердо ступая, пошатываясь, пошел из шатра.

Прижав к себе безжизненное тельце сына, Тайдолла до рассвета просидела в юрте. Слез уже не было, только сухо и страшно блестели большие глубоко запавшие от горя глаза.

После семидневных поминок молодая женщина, бросив свой аул, тайно бежала с преданными ей людьми в низовья Жаика в улус Науруза Мухаммеда. Эмир, потомок Джучи, когда-то был близок к Джанибеку.

Будут ли деяния человека добрыми или злыми, порой не зависит от него самого. Трудно бывает человеку, держащему в своих руках повод власти. Все стремятся приблизиться к подножью его трона и, поскольку нелегко отличиться в ратных делах, стараются стать заметными, говоря громкие и льстивые слова. Горе правителю, если в душе его поселилась черная змея тщеславия и он не может отличить, где правда, а где грубая лесть. Постоянно думая о своем величии, правитель жадно ловит сплетни и слухи, и сердце его начинает изнывать от подозрений, а решения становятся случайными и несправедливыми.

Таким был Хан Бердибек, и потому самыми близкими для него сделались самые лукавые.

«Отца убивший не бывает ханом. Коль будет им, не проживет и года...» Бердибек, задушивший отца своего, правил уже два года. И чем дольше сидел он на троне, тем меньше мысли его были заняты делами Золотой Орды. Помня о своем преступлении, он постоянно был объят страхом за свою жизнь, оттого по малейшему подозрению, без раздумий и жалости, рубил голову каждому, кто казался ему подозрительным.

Льстецы, окружившие трон, славили справедливость и мудрость хана, не забывая при этом прибирать к рукам пастбища и множить свои стада. Но незаметно копили силы те, кто видел неразумность правления Бердибека, кто боял-

ся, что в один день может рухнуть могучая Золотая Орда, развалившись на части, подобно дереву, у которого сгнили корни.

Но пока Бердибек крепко сидел на троне, потому что с одной стороны его подпирал Тюре-бий — глава совета эмиров, а с другой — муж его дочери Мамай с сильным войском ногайских татар. Какой волкодав осмелится в одиночку напасть на стаю волков? Вот почему до времени было тихо в орде, вот почему никто не решался столкнуть хана. Каждый пока был сам по себе и пристально следил за делами, происходящими в Сарай-Берке.

А дела, происходившие там, были суетливы и мелочны, и всякий разумный человек сказал бы, что заниматься ими недостойно хана Золотой Орды.

...Хмур и суров лицом Бердибек. Велев позвать к себе Тюре-бия, Мамая и Урак-батыра, он заговорил о новом походе на Иран. Не интересы Орды заставили его решиться на это, а старая обида на Ахиджук-эмира.

Еще тогда, когда Джанибек, завоевав Арран и Ширван, отдал их в управление Бердибеку, он, прослышав, что убитый Мелик Ашраф спрятал в городе Маранду свой знаменитый халат, обшитый драгоценными камнями удивительной красоты, послал туда эмира Ахиджука. Эмир должен был найти халат и привезти Бердибеку.

Ахиджук уехал. Но в это время стало известно о болезни Джанибека, и Бердибек, бросив подаренные ему земли, помчался в Сарай-Берке, чтобы не потерять трон.

Эмир нашел то, что ему было поручено найти, но отправлять драгоценный халат хану не спешил. Приехав в Тебриз, он собрал вокруг себя преданных людей и объявил себя султаном Аррана и Ширвана.

И вот сейчас, вспомнив о событиях трехлетней давности, Бердибек разволновался. Не ради возвращения завоеванных отцом земель Орде собирался двинуть он свои тумены — перед глазами стоял знаменитый халат Мелик Ашрафа в дорогих камнях.

Хан не спрашивал тех, кого пригласил к себе, готово ли к походу войско и согласны ли они с тем, что он им говорит. Помимо дорогого халата, хочется Бердибеку получить и выкуп с Ахиджука за убитого тем сына Мелик Ашрафа —Темиртаса.

В свое время привез Бердибек в Сарай-Берке заложниками Темиртаса и его сестру Султанбахит, но в прошлом году им удалось бежать. Брат и сестра с трудом добрались до города Ахлата и попросили убежища у Хизыршаха.

Темиртас, стремясь вернуть себе власть над Арраном и Ширваном, начал собирать вокруг себя тех, кто когда-то служил его отцу эмиру Мелик Ашрафу.

Ахиджук, узнав про это, собрал войско и двинулся к городу Ахлату. Недаром говорят, что своя шкура дороже. Хизыршах, боясь мести султана, велел схватить Темиртаса и выдать его Ахиджуку. Голову сына Мелик Ашрафа привезли в Тебриз на острие копья.

Лихорадочно, горящими глазами смотрел хан на сидящих перед ним Тюре, Мамая и Урака.

— Темиртас был заложником Золотой Орды. Ахиджук, зная об этом, убил его, вместо того, чтобы вернуть мне. Пусть теперь заплатит за беглеца — вернет его сестру Султанбахит и халат Мелик Ашрафа. Если же он не сделает этого, вы двинете тумены Орды на Иран.

Присутствовавшие молчали. Что можно было сказать безумному хану? Разве поймет он, что не о перечисленных им мелочах необходимо думать, а о том, что Иран нужен Золотой Орде, чтобы не прерывался Великий Шелковый путь. Иной, чем при Узбек-хане и Джанибеке, стала Орда. Это видел всякий, кроме Бердибека. Не просто было собрать войско, способное противостоять красноголовым

иранцам, потому что эмиры улусов, чувствуя близкие новые смуты, станут искать разные причины, чтобы не посылать к хану своих джигитов.

— Стоит ли, великий хан, из-за мелочей начинать поход в Иран? Быть может, следует подождать удобного случая...— неуверенно сказал Урак.

Руки Бердибека беспокойно задвигались, худые длинные пальцы словно искали потерянную нить.

Мамай, желая смягчить ярость хана, спросил:

— Если Ахиджук заплатит за Темиртаса, вернет Султанбахит и расшитый дорогими камнями халат, то станем ли мы воевать с Ираном или нет?

— К чему нам тогда Иран?

Мамай нахмурился. Снова мелькнула давняя, затаенная от всех мысль, что хан не в своем уме и пора всерьез подумать о том, чтобы покинуть его. Для этого надо отделить Крым и Сакистан и объявить себя ханом нового государства, а там, если удастся собрать сильное войско, без труда сесть на золотоордынский трон. Чем быть одной из ног огромного вола, не лучше ли жить самостоятельным теленком? Пройдет время, и теленок может превратиться в быка.

Бесстрастным, красивым было лицо Мамая, и никто бы не догадался в этот миг, о чем он только что подумал.

— Надо скорее посылать человека к Ахиджуку,— серьезно сказал он.

— Ты сказал правильные слова,— согласился хан.

Когда наконец ушли Урак и Мамай, Тюре-бий вкрадчиво сказал:

— Эти два ногайских батыра готовы и в слове, и в деле идти в одной упряжке...

— Они родственники,— возразил Бердибек.— Чему здесь удивляться?

— Чтобы без опасений править Ордой, нельзя допускать этого. Два эмира, имеющие войско и думающие одинаково, в любой миг могут стать твоими врагами.

Бердибек и без Тюре-бия хорошо знал это, но упрямо тряхнул головой, давая понять собеседнику, что право решать принадлежит только ему.

Тюре-бий приблизился к хану и, не отводя взгляда от его лица, сказал:

— Если объединятся между собой ногайские батыры, то смерть твоя, хан, придет от них.

Многое мог предвидеть хитрый и коварный бий, но на этот раз он ошибся. Смерть уже шла к Бердибеку, но нес ее другой человек.

Кельдибек — сын Ырынбека — был светел лицом, кареглаз и как две капли воды походил на покойного хана Золотой Орды Джанибека. Всякое бывает в жизни, и все-таки его отец являлся средним сыном Узбек-хана, и люди знали случаи, когда внук или правнук рождался похожим даже на своего далекого предка. Но здесь говорили о другом. Людская молва называла Кельдибека сыном Джанибек-хана. Трава не колышется без ветра. Наверное, все так и было, потому что давным-давно, когда Ырынбек был в далеком походе вместе с Кутлук Темиром, частым гостем в ауле его жены Ай-Кортки бывал Джанибек. Ырынбек не вернулся из похода, но это не помешало молодой женщине родить сына. Недолго вдовствовала молодая, красивая Ай-Кортка. Не прошло и года, как эмир Тайкожа с Мангышлака взял ее в жены и увез на берега Хазарского моря.

И вот теперь, через двадцать пять лет, Кельдибек вернулся в Золотую Орду. В Сарай-Берке на троне сидел Бердибек и уничтожал всякого, кто являлся прямым потомком Узбек-хана. Юноша, не желая оказаться в числе несчастных, скрылся в низовьях Жаика, где жила его дальняя родня.

Родственники хорошо приняли Кельдибека. Они выделили ему земли под пастбище, дали скот, юрты и разрешили жить отдельным аулом. Не только внеш-

не был похож Кельдибек на своего отца. Он унаследовал его ум, обаяние, и вскоре к юноше потянулись те, кто был недоволен жестоким правлением Бердибека.

Однажды на тое, устроенном Наурузом Мухаммедом, Кельдибек встретился с Тайдоллой. Произошло это неожиданно, потому что юноша не знал, что она находится в этих краях.

Гости давно были в сборе, давно подали на низенькие круглые столики бесбармак, сваренный из мяса молодой яловой кобылицы, и ароматный кумыс лился рекой. Что и говорить, эмир Науруз Мухаммед любил увеселения, а жены его были одна красивее другой. Кельдибек залюбовался ими. Но когда в юрту вошла молодая женщина и произнесла традиционное приветствие: «Мир вам!» — юноша потерял дар речи.

Много видел он красавиц, но подобная встретилась ему впервые. Тайдолла, несмотря на то, что совсем недавно пережила страшное горе, была прекрасна. Молодость брала свое, и тело ее было стройным, гибким, а губы снова налились алым соком жизни.

Сразу померкла в глазах Кельдибека красота жен эмира. Подобно редкой жемчужине, излучала сияющий матовый свет Тайдолла. И, когда глаза их встретились, юноша больше не мог ни о чем думать, кроме как о ней. Ему хотелось остаться наедине с молодой женщиной, но до конца тоя этого не удалось сделать.

И только тогда, когда гости стали садиться на коней, чтобы разъехаться по своим аулам, Тайдолла сама подошла к Кельдибеку. Она, видимо, не знала, что он сын Джанибека, а считала его двоюродным братом погибшего хана.

— Кайным [1],— сказала Тайдолла,— я не смогла сегодня поговорить с тобою.

От звука ее голоса сердце Кельдибека задрожало и сладко обмерло.

— Страшные наступили времена. Даже близкие люди стали бояться друг друга, и никто не уверен, доживет ли он до завтра. Возьми вот это кольцо,— Тайдолла сняла с пальца серебряное колечко.— Пусть оно напоминает тебе, что есть на свете несчастная женщина, жена твоего старшего брата, сына которой убил кровавый хан Бердибек.

Кельдибек видел, что те, кто еще не уехал, внимательно прислушиваются к их разговору. И, как полагается настоящему мужчине и воину, он не позволил себе сказать лишнего слова. Когда женщина дарит кольцо со своей руки мужчине — это значит, что она верит в него и сердце ее расположено к нему.

— Я буду помнить,— твердо сказал Кельдибек и неторопливо тронул своего коня.

Никто не догадывался, что творилось в душе юноши, никто не знал, что самым сильным желанием его в этот миг было повернуть коня и снова увидеть прекрасное и печальное лицо Тайдоллы. Но он пересилил себя и, хлестнув камчой коня, помчался в степь.

Четыре желания движут поступками человека, четыре желания, подобно вечно не гаснущим кострам, согревают его. Приходя в жизнь, человеку хочется быть счастливым, богатым и любимым. И о славе Кельдибек мечтал. Счастье представлялось ему в виде золотого трона, на который он рано или поздно сядет, одолев Бердибека. И если до нынешнего дня все помыслы были связаны только с этим, то отныне в его жизнь властно вошла любовь к Тайдолле. Он искал встречи с молодой женщиной, а тот, кто ищет, найдет непременно.

Снова, совершенно случайно, увиделись они в ауле Науруза Мухаммеда. По обычаю степняков, Кельдибек не стал откладывать разговора и сразу же сказал Тайдолле о своих чувствах.

---

[1] Кайным — обращение к младшему брату мужа.

Женщина словно ждала этого разговора. На щеках ее вспыхнул легкий румянец, она открыто и прямо посмотрела в лицо Кельдибека.

— И я полюбила тебя с первого взгляда,— сказала Тайдолла.— Но я не могу выйти за тебя замуж, потому что дала клятву...

— Кому ты дала клятву и о чем она?

Женщина помолчала.

— Я поклялась себе. Замуж отныне я могу выйти только за того, кто убьет ненавистного Бердибека.

— А если его убьет другой?

— Его должен убить ты.

— А вдруг аллах не захочет, чтобы это совершил я?

— Значит, он против нашей любви...— упрямо сказала Тайдолла.

— Но ведь ты сказала, что любишь меня!

— Да. Но ради того, чтобы увидеть Бердибека мертвым, я пожертвую и собой, и своей любовью!

Кельдибек понял, что убеждать, спорить с упрямой горянкой бесполезно, тем более что их желания видеть хана Золотой Орды мертвым совпадали.

— Хорошо,— сказал он.— Я сделаю все, чтобы ты была довольна.

Ох как трудно осуществить задуманное! И все-таки пора было начинать. Вокруг достаточно людей, готовых поддержать Кельдибека в его борьбе против хана. Промедление могло обернуться поражением, потому что в степи очень часто люди меняют своих хозяев и не гнушаются совершить донос, если кто-то заплатит больше.

Можно было попытаться напасть на ставку Бердибека ночью и совершить убийство тайно, но не случится ли так, что смертью хана воспользуется кто-нибудь из чингизидов другой ветви и не займет золотоордынский трон раньше.

Нет. Убить Бердибека надо днем, так, чтобы все знали, кто это сделал и на чьей стороне сила. Тогда, увидев в Кельдибеке человека смелого и решительного, его поддержат многие эмиры, беки и бии.

Решив для себя, как ему надо действовать, Кельдибек с этого дня начал подстерегать хана. Его отряд из отборных воинов теперь постоянно кружил близ ставки хана, надеясь встретить того, когда он будет возвращаться с охоты или из какой-нибудь поездки.

Бердибек словно почувствовал надвигающуюся на него опасность. Он почти не выезжал из своего аула, а если и делал это, то его сопровождали многочисленные воины. Кельдибеку приходилось откладывать месть.

Но, видимо, так устроено: от того, что предначертано судьбой, нельзя убежать, нельзя укрыться в высоких горах, спрятаться на дне глубокого моря.

Бердибеку стало известно, что Тайдолла-ханум скрывается в ауле Науруза Мухаммеда. Снова встала перед глазами хана красавица горянка, и в больном его мозгу смешались два желания — овладеть ею и мстить. Неведомая сила заставила Бердибека торопиться, и он велел седлать коней.

Новость в степи летит быстрее, чем самая быстрая птица. Скоро Наурузу Мухаммеду было известно, что к его аулу идет отряд во главе с ханом.

Эмир хорошо знал, приютив в свое время Тайдоллу, чем это ему грозило. Но ненависть к Бердибеку победила благоразумие. И вот теперь выбора не оставалось. Хан заберет женщину и в отместку разорит аул, а самого эмира предаст смерти.

Науруз Мухаммед срочно послал гонца к Кельдибеку, велев передать ему: «Встреть хана в степи и убей. Второго такого случая не будет». Сам же, не надеясь на благоприятный исход, вместе с женами и детьми укрылся в камышовых зарослях Жаика, велев приближенным, если Бердибек придет в аул, сказать тому, что он уехал на охоту.

Неожиданной, но желанной оказалась для Кельдибека весть, которую принес гонец. Решили встретить хана в глубокой низине, заросшей кустами таволги. Здесь можно было спрятаться и до поры до времени оставаться незамеченными.

Нападение было внезапным. Многие воины из отряда хана даже не успели схватиться за оружие, как на головы их обрушились тяжелые дубинки и кривые сабли. Недолгой была битва. Обезумевшие кони, волоча за собой застрявших в стременах мертвых воинов с пронзительным ржанием уносились в степь.

Нахлестывая своего иноходца Тулпаркока, мчался прочь от поля битвы Бердибек. Не было в степи коня, равного Тулпаркоку, и не страшна была ему любая погоня, но на быстроногом коне сидел человек, участь которого была предопределена судьбой. Угодив передней ногой в сурочью нору, ударился о землю Тулпаркок, и хан, вылетев из седла, долго катился среди кустов, обдирая в кровь руки и оставляя клочья одежды на острых колючках. И едва он вскочил на ноги, налетел на него широкогрудый конь Кельдибека, и снова Бердибек оказался на земле. Он поднял руки, пытаясь закрыть лицо, но Кельдибек, привстав на стременах, с силой опустил на его голову сверкнувшую на солнце саблю. Рыжая голова Бердибека глухо стукнулась о землю и откатилась в сторону. Большие льдисто-зеленые глаза хана подернулись мутной дымкой...

Подскакал воин, проворно спрыгнул с коня, поднял за волосы голову с земли и, прежде чем положить ее в хуржун, потер большим пальцем веки хана и умело закрыл ему глаза.

Во все ближние и дальние аулы были посланы гонцы, чтобы объявить народу о смерти хана Золотой Орды Бердибека. После короткого отдыха отряд Кельдибека двинулся в сторону Сарай-Берке, и отовсюду спешили к нему навстречу, просили взять с собой: и простые воины, и эмиры, и бии, и батыры. Все выражали почтение и готовность служить верой и правдой.

— Голову хана вправе снять только хан. Кельдибек достоин быть ханом! — говорили они.

Встречать нового хана вышли из города в степь бии Тюре и Мангили. Еще вчера верой и правдой служили они Бердибеку, сегодня же кричали надоедливо и визгливо о том, сколько притеснений они от него выдержали и как рады, что будут отныне служить справедливому хану.

Самые знатные и уважаемые эмиры, взяв Кельдибека под руки, как велел обычай, усадили его на золотоордынский трон.

Нет на свете большего горя для народа, чем то, когда счастье вдруг улыбнется недостойному человеку и возвысит его над ним. Нет того числа несчастьям и невзгодам и никто не может помочь людям, потому что их правитель думает только о своей славе и благополучии.

Неузнаваемо вдруг переменился Кельдибек. Не было больше прежнего веселого, умного, отчаянного джигита. Сев на трон Золотой Орды, он сделался похожим на стервятника, подозрительно оглядывающегося вокруг. И, так же как и убитый им Бердибек, новый хан тоже стал питаться падалью — повсюду ему мерещились враги и заговоры, и он без устали рубил головы тем, кто казался ему подозрительным.

Отныне Кельдибек был глух к словам эмиров, которые помогли ему возвыситься. Ему казалось, что все они только и думают о том, чтобы убить его. Далекой и совсем ненужной казалась теперь ему Тайдолла, которой он еще недавно говорил о своей любви.

Неожиданно и, казалось бы, без особой причины закачалась Золотая Орда, затрещал ее остов. Если при Бердибеке только отдельные эмиры делали попытки выйти из ханского повиновения, то сейчас вдруг в разных концах Орды на-

чались смуты. Кельдибек попытался подавить недовольство, взнуздать непокорных — и ничего не мог сделать. Вместо того чтобы собрать вокруг себя эмиров и с их помощью держать народ в кулаке, он продолжал натравливать их друг на друга.

Тот, кто поднял тяжелый меч и не смог удержать его, непременно ранит себя.

Первым почувствовал слабость хана эмир Мамай. Джанибек отдал в свое время Крым в управление потомству Токай-Темира, одного из отпрысков Джучи, но, когда на золотоордынский трон сел Бердибек, Мамай сумел выпросить этот улус себе. Он перевел свою главную ставку из Азак-Тана в Крым и стал осторожно и неторопливо прибирать к своим рукам земли в низовьях Итиля. Когда же ханом стал Кельдибек, Мамай окреп настолько, что почти вышел из подчинения Орды.

В Золотой Орде еще во многом придерживались законов, установленных великим Чингиз-ханом, и потому, не являясь потомком Потрясателя вселенной, Мамай не мог объявить себя ханом. Поэтому, по его желанию, ханом стал Абдолла — внук одного из потомков Джучи. Государством правит тот, кому подчиняется войско, а оно было в руках Мамая.

Полный желания добиться своего и зная, что, кто бы ни правил Золотой Ордой, любой хан станет противиться отделению Крыма и Сакистана, Мамай начал искать себе сильных сторонников. Взор его сразу обратился в сторону Литвы, где князем сидел Ольгерд, женатый на его дочери. Желая укрепить связь с орусутскими князьями, Мамай помог нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу получить в управление великое княжество Владимирское, отобранное у малолетнего московского князя Дмитрия Ивановича. Исподволь, незаметно стал Мамай готовиться к походу на Сарай-Берке.

Распри в Орде ширились. Булат-Темир, сына Тугана, из потомства Джучи, объединился с булгаро-татарами и захватил верховья Итиля. Тогайбек, из потомства Сибана, подчинил себе мордву и даже осмелился чеканить собственные деньги. Он отправился походом на город Рязань, плативший дань Золотой Орде, но был разбит орусутскими воинами.

Неспокойно было и в Хорезме. Когда шкуру барана тянут со всех сторон, она начинает трещать, и никто не может заранее знать, какая ее часть оторвется. Неспокойно было у лезгин Северного Кавказа, что-то затевало обиженное Московское княжество.

Словно черная пелена закрыла глаза хана Кельдибека — он не желал ничего видеть. Даже у подножья его трона было неспокойно. Эмиры, окружавшие его и постоянно пребывавшие в страхе быть убитыми своим повелителем, разделились. Во главе одной группы оказался Тюре-бий, в другой находились эмиры Хаджи-Тархан, Хаджи-Черкес и Науруз Мухаммед.

Тюре-бий, как и при прежнем хане, был любим и уважаем Кельдибеком. Он научил его стравливать между собой эмиров, но бий забыл, что могилы для всех одинаковы.

Однажды хан позвал Тюре к себе и сказал ему:

— Вчера в моем шатре был Мангили. Он сказал, что это ты учил Бердибека убивать преданнейших эмиров и что если я не избавлюсь от тебя, то скоро стану похожим на прежнего хана.

Этой же ночью Мангили, вышедший по нужде из своей юрты, исчез. Только через несколько дней его случайно нашли далеко от аула в глубоком овраге. У старого бия был сломан позвоночник. Кельдибек велел похоронить Мангили с подобающим ему почетом и над могилой поставить мазар.

Хан был молод, но постоянный страх потерять золотой трон сделал его ум изощренным. Ему нравилось, когда неугодного для него человека убивал кто-

нибудь другой, а не он сам. Через несколько дней Кельдибек пригласил в свою ставку горячего и своенравного Софы — сына Жарака, брата Мангили-бия, а затем велел позвать Тюре.

Ничего не подозревавший бий спокойно вошел в ханскую юрту, но когда увидел сидящего здесь Софы, темное лицо его, похожее от старости на днище закопченного казана, покрылось смертельной бледностью, а глаза, как две испуганные мыши, заметались в орбитах. Ответив на приветствия Тюре, хан сказал:

— Софы, я недоволен тобой. Пусть свидетелем нашего разговора будет почтенный аксакал Тюре-бий...

Софы вздрогнул, тело его напряглось. Он хорошо знал, что бывает с тем, кем недоволен Кельдибек.

— Великий хан, я не знаю за собой никакой вины. Ни словом, ни делом я не обидел вас...

Хан медленно покачал головой, пошевелил губами:

— Не мне нанес ты обиду, а своему благодетелю покойному — Мангили-бию. Говорят, ты долго жил подле него, и почтенный старец учил тебя мудрости...

— Я ничего не сделал ему плохого...

Кельдибек вздохнул, на лице его появилось выражение досады.

— Ты его родственник и уже хотя бы поэтому должен уважать дух покойного. Почему ты до сих пор не отомстил за его смерть?

— Я не знаю, кто убил его.

— Убийца сидит напротив тебя,— скучающе сказал хан.— Мангили убил Тюре.

— Великий хан! — в отчаянии крикнул бий, но Кельдибек не дал ему говорить.

— Убийца Тюре,— жестко повторил он.— Это говорю я, хан Золотой Орды. Мангили открыл мне тайну, а я поделился ею с бием, потому что всегда считал его верным и преданным человеком. Он же, думая о своих интересах, приказал джигитам убить достойнейшего человека, почтенного Мангили.— Хан повернулся к Тюре.

— Быть может, я говорю неправду? — высокомерно спросил он.

Бий стоял на коленях, протягивал к Кельдибеку руки, моля о пощаде. Он не мог сказать, что хан лжет, потому что это было бы еще большее преступление, чем убийство Мангили.

— Прости меня, великий хан!..

Но Кельдибек словно не слышал Тюре. Он, не отрываясь, смотрел на Софы:

— Я разрешаю тебе отомстить.

Софы метнулся к бию, рывком схватил его за седую бороду и запрокинул голову. Тускло сверкнул нож...

Хан неподвижно сидел на троне, спокойно наблюдая за происходящим. Софы стоял перед ним в одежде, залитой кровью.

— Ты посмотри, Софы,— брезгливо сказал Кельдибек,— какая черная, грязная кровь текла в жилах Тюре-бия. Вели своим джигитам, пусть тело этого кабана они завернут в кошму и ночью увезут подальше в степь.

Хан был в хорошем настроении. Легко и просто убирал он со своего пути врагов, убирал чужими руками. С каждым днем крепло убеждение, что никого подолгу нельзя держать у подножья трона, потому что обязательно наступит такое время, когда смотрящий снизу захочет сам стать ханом. Люди должны приходить и уходить. Всегда найдутся такие, кто мечтает стать подстилкой под ногами повелителя Золотой Орды, кто готов служить за жирную кость и с подобострастием заглядывать в глаза.

После того как Софы убил Тюре-бия, прошло не более месяца. Кельдибеку вдруг пришла мысль, поразившая его своей простотой. Не могло ведь так быть, чтобы Тюре оказался последним врагом. Непременно где-то должны были быть другие. Надо только хорошо подумать, перебрать в памяти слова и поступки близких к нему эмиров. Что-то уж очень тихо сидят в своих улусах Науруз и Хаджи-Черкес. Когда тихо — это тоже плохо. Тихие принимают неожиданные решения.

Чем больше думал хан о своих эмирах, тем больше сомневался в их преданности. Больное воображение его рисовало картины одну страшней другой, и вскоре он твердо верил, что жизни его грозит опасность.

Надо было свести вместе Науруза Мухаммеда и Хаджи-Черкеса и заставить их вцепиться друг другу в горло. Особенно страшным и ненавистным казался Кельдибеку Науруз Мухаммед. Эмир помог ему в свое время сесть на трон. Значит, он чувствует за собой силу, и кто знает, не захочет ли он завтра сделать ханом другого.

Кельдибеку вдруг вспомнилась Тайдолла. Все это время он не думал о ней и сейчас бы, наверное, не вспомнил, если бы Науруз Мухаммед не взял ее себе четвертой женой. Как посмел эмир это сделать, если в свое время ей говорил о любви сам хан? Почему он не спросил разрешения у него, Кельдибека?

Хан был недалек от истины. Видя несправедливость и жестокость по отношению к близким и преданным ему людям, Науруз Мухаммед все чаще думал о том, что он совершил ошибку, когда помог Кельдибеку.

Пользуясь тем, что в Орде постоянно лилась кровь и ханское окружение было занято распрями и ссорами, эмир начал исподволь копить силы, потому что был уверен: наступит такой день и час, когда жестокая рука хана дотянется и до него. Науруз Мухаммед искал себе опору среди других эмиров, так же, как он, недовольных правлением Кельдибека. Их был в Орде немало. И первым откликнулся Хаджи-Черкес.

И когда эмир услышал, что хан вызывает их обоих в Сарай-Берке, и, зная, как умеет Кельдибек расправляться с неугодными, натравив их друг на друга, он послал своего человека к Хаджи-Черкесу со словами предостережения. Еще он предлагал не откладывать устранение хана. Хаджи-Черкес во всем согласился с Наурузом Мухаммедом и даже брался сам убить Кельдибека. В согласии эмиров на союз уже крылась будущая вражда. Каждый из них хотел стать ханом и стремился обогнать соперника, прийти к трону первым.

Хаджи-Черкес приехал в Орду раньше, чем добрался сюда Науруз Мухаммед. Хан встретил его приветливо и, оставшись один на один, сказал:

— Меня беспокоит то, что Науруз Мухаммед самовольно присоединил к своему улусу земли, которые я ему не давал. Есть слухи, что он собрался сделать то же самое и с твоими землями. Этим слухам можно поверить, потому что эмир коварен и жесток.

Хаджи-Черкес знал, что такое вполне может случиться: эмиры никогда не отказывались взять то, что можно было взять у ослабевшего соседа, но сейчас Наурузу Мухаммеду, как и всем остальным, было не до этого. Каждый с тайным вожделением смотрел на золотоордынский трон.

Хаджи-Черкес сделал вид, что поверил словам Кельдибека.

— Если Науруз действительно задумал такое,— сказал он,— я лишу его жизни.

Кельдибек обрадовался. Враги легко втягивались в привычную для него игру.

— Я скажу об этом Наурузу Мухаммеду, как только он приедет, в лицо. Ты сможешь сам убедиться в правдивости моих слов.

— Я утоплю его в крови! — свирепо сказал Хаджи-Черкес.— Если, конечно, будет на это ваше разрешение, великий хан.

Не отводя от эмира возбужденно горящих глаз, Кельдибек шепотом произнес:

— Разрешаю. Коварный должен быть наказан.— Он провел по лицу ладонями.

Сердце хана ликовало. Он забыл обо всем на свете. Мысленно он видел обоих эмиров мертвыми.

С нетерпением ждал Кельдибек приезда в Орду Науруза Мухаммеда, и, когда тот наконец появился во дворце, он встретил его, сидя на троне, весь напряженный, словно тетива лука.

Кроме Хаджи-Черкеса и двух сопровождающих его батыров, в зале, где хан обычно принимал гостей, никого не было. Даже личной страже он велел выйти за дверь.

Науруза Мухаммеда сопровождал только один воин — высокий, темнолицый, с глубоко упрятанными под нависающими бровями глазами.

Гости переступили порог и остановились в глубоком поклоне.

— Я рад гостям,— хрипло сказал Кельдибек.— Приблизьтесь.

Науруз Мухаммед и воин подошли к подножью трона.

— Ассалам агалейкум,— произнес эмир, по степному обычаю протягивая к хану руки.

Кельдибек с холодной усмешкой ответил на рукопожатие. Науруз Мухаммед отступил в сторону, уступая место сопровождающему его воину.

Необъяснимое беспокойство охватило хана, но руки уже были протянуты, и он не успел их отдернуть. Железные пальцы стиснули его запястья. Кельдибек рванулся, хотел крикнуть, но в это время Науруз Мухаммед бросился на него и, схватив за горло, прижал хана к спинке трона.

Через некоторое время, когда все было кончено и тело хана обмякло, эмир отступил в сторону.

— Все,— сказал он шепотом и оглянулся вокруг.

Хаджи-Черкес и сопровождающие его воины по-прежнему спокойно сидели на своих местах.

— Аминь,— сказал Хаджи-Черкес.

— Аминь,— повторили, как эхо, воины.

Наступила гнетущая тишина, и первым ее нарушил Хаджи-Черкес:

— Приподнимите Кельдибека. Усадите его ровнее на троне...

Воины бросились исполнять приказ, сам же эмир неторопливо подошел к двери, широко распахнул ее и громко сказал:

— Пусть войдут все, кто пришел к хану...

За дверями, видимо, ждали этих слов. Торопливо входили эмиры и беки, бая и бии. Коротко взглянув на трон, они без труда понимали, что произошло, а потому, не задавая лишних вопросов, усаживались на ковер у его подножья. Собравшиеся были одеты празднично: в дорогие халаты, подпоясанные золотыми и серебряными поясами, головы их украшали бархатные шапки-борики, отороченные мехом выдры и соболя...

Хаджи-Черкес пристальным взглядом обвел присутствующих:

— Ушел из жизни Кельдибек — хан, проливавший кровь дорогих нам людей... Тих и спокоен сидит он теперь в последний раз на троне...— голос эмира окреп, и в нем зазвучала властность.— Снимите богом проклятого с трона, положите его в угол и накройте чем-нибудь...

Воины торопливо бросились исполнять приказ. Ухватив мертвого хана под руки, они волоком утащили его в дальний конец зала и прикрыли парчовым халатом.

— Я думаю,— сказал Хаджи-Черкес,— что самым достойным, кто бы теперь мог занять трон, является Науруз Мухаммед. Есть среди вас такие, кто захотел бы возразить мне?

Таких не нашлось. Собравшиеся дружно закивали головами, заговорили.

Торопливо, спотыкаясь, словно боясь, что кто-нибудь задумает раньше него сесть на золотоордынский трон, бросился вперед Науруз Мухаммед.

Собравшиеся торопливо вставали со своих мест и, склонившись в низком поклоне, мелкими шажками приближались к помосту, на котором стоял трон. Вперед вышли самые старые и почтенные из эмиров.

— Пусть будет благословенным ваше правление, великий хан! — сказали они в один голос.

Науруз Мухаммед благодушно улыбался в усы и милостиво кивал головой.

Хаджи-Черкес поклонился Наурузу Мухаммеду.

— Разреши, великий хан, оповестить народ о твоем избрании...

— Да будет так! — важно согласился новый хан.

Эмиры благословили его на золотоордынский трон, но, видимо, проклятие тяготело над самим троном, и всякий, кто становился его владельцем, был обречен. Не прошло и года, как Хаджи-Черкес, велев схватить Науруза Мухаммеда, передал его вместе с Тайдоллой в руки Хизыра — сына хана Саси-Буги, двинувшего свои тумены на Золотую Орду. Саси-Буги велел умертвить пленников. С его помощью на трон сел сам Хаджи-Черкес. Но не прошло и года, как его зарезал Хизыр. Через такой же срок Хизыра убил его собственный сын Темир-Ходжа. Но ему повезло еще меньше, чем его предшественникам. Пять недель правил Темир-Ходжа, потому что именно в это время, в год барса (1362), Мамай сделал ханом Крыма Абдоллу и с большим войском начал поход против Золотой Орды. Темир-Ходжа бежал в итильские степи, и здесь, на пыльной степной дороге, чья-то рука прервала нить его жизни.

За прошедшие пять лет после смерти Джанибека восемь ханов садились на золотоордынский трон, и каждый последующий убивал предыдущего. В междоусобной борьбе погибли многие эмиры, беки и бии. Народ обнищал от постоянных грабежей, и кровь обильно полила степи Дешт-и-Кипчак. Мамай, подобно стервятнику, напал на столицу Золотой Орды, сжег и разграбил.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

VI

Бий Шахрисабза — Тарагай, глава рода барлас, увидел сон, будто стоит он на вершине горы, а вокруг глухая ночь — ни звезд, ни огонька на земле. Холодно и страшно ему. И вдруг почувствовал, как кто-то вложил в его руку меч. Тарагай поднял меч над головой и что было силы ударил им тьму. И случилось чудо — от удара разлетелись в стороны огненные молнии и вокруг сделалось светлым-светло. Откуда-то появился человек на белом коне, в белых одеждах и белой чалме. Он сказал: «Бий Тарагай, твоя жена беременна. Она скоро родит тебе сына. Сын, когда вырастет, будет править вселенной».

Всадник в белом был святым Хизыр-Гали-Ассалямом.

Утром о вещем сне бия узнал грозный Казаган-хан. Боясь за свою жизнь и власть, он приказал нукерам, когда Тарагай куда-то отлучился из аула, схватить жену бия и давить камнями ее живот. Но мальчик, о котором говорил святой, родился вовремя и был здоровым. Только небольшая хромота говорила о тех мучениях, которые перенес он во чреве матери.

Так рассказывает легенда о появлении на свет сына Тарагай-бия — Хромого Тимура, которому было суждено своей кровожадностью затмить Потрясателя вселенной Чингиз-хана.

И никто в те страшные годы не осмелился усомниться в правдивости того, что рассказывали ишаны и муллы, хотя многие знали, что Тимур от рождения не был хром, а, разбойничая на дорогах Мавераннахра, в одной из стычек получил несколько ранений, после которых одна его нога начала усыхать и на правой руке не хватало нескольких пальцев.

Тимур родился в год мыши (1336), девятого числа весеннего месяца кокек (апрель), в кишлаке Ходжа-Ильчар, что в полутора фарсахах западнее города Шахрисабза. И никто не придал значения этому событию, потому что в семьях знатных мусульман, согласно шариату, четыре жены и множество наложниц, дети рождались часто. Никого не беспокоило, есть ли вообще сын у бия Тарагая или его нет. Но Тимур сам обратил внимание на себя и заставил повторять свое имя.

Когда умер Казаган-хан и в Мавераннахре началась смута, Тимуру было около двадцати лет. Смелый и решительный, он собрал вокруг себя людей, которые не знали дома, предпочитая ночевать по глубоким оврагам вблизи больших дорог, и начал совершать набеги на соседние туркменские аулы.

Тимур грабил юрты, воровал женщин, угонял косяки лошадей. Имя его уже тогда произносили со страхом. Но однажды судьба отвернула от него свое лицо. С небольшим отрядом отчаянных джигитов он решил угнать лошадей у туркменского рода текежаумыт. Но кто-то предал его, и туркмены устроили засаду. Видя, что набег не удался, Тимур приказал своим людям отходить. Подобно

горсти пшеницы, рассыпались они по степи, надеясь, что туркмены растеряются, не зная, кого преследовать. Но те были предупреждены о готовящемся нападении, и потому их оказалось больше. За каждым барымтачом погналось по два-три джигита. Над степью то и дело взлетали тяжелые дубинки — соилы, и очередной грабитель вываливался из седла.

Везло пока только одному Тимуру. Известный на весь Мавераннахр тулпар Актангер уносил его от погони. Давно отстали преследователи, и только один всадник упорно продолжал идти по следу, но, наконец, отстал и он. Тимур придержал коня и облегченно вздохнул. Но радость его была преждевременной. Из-за ближнего увала вновь появился всадник, и погоня возобновилась.

Оглядываясь на преследователя, Тимур видел его черного коня, черный халат и белую мохнатую шапку на голове. Туркменский батыр то отставал, то снова приближался. И Тимур понял, что встречи с ним не избежать.

В глубокой лощине, заросшей высокими кустами чия, он развернул своего коня и, подняв над головой соил, бросился на туркмена. Тяжелые дубинки встретились в воздухе, не причинив всадникам вреда. И снова помчались навстречу друг другу взмыленные от долгой скачки кони. На этот раз туркмен оказался проворнее. Привстав на стременах, он со всей силой опустил свой соил на противника. Тело Тимура обмякло, и он вывалился из седла. Конь, потерявший всадника, умчался в степь.

Невольными свидетелями поединка оказались Асыгат и Ардак. Укрывшись в тени высокого чия, они отдыхали у колодца. Совсем недавно расстались бывший караванбаши и улем с караваном, вместе с которым шли из Багдада, и, когда два неведомых им джигита скрестили свои тяжелые соилы, предпочли не обнаруживать своего присутствия.

Туркмен спрыгнул с коня, набросил поводья на луку седла и подошел к неподвижно лежащему врагу. Лицо его, разгоряченное поединком, было влажным, из-под лохматой белой папахи катились по скулам крупные капли пота. Туркмен ногой перевернул лежащего на спину, неторопливо вытащил из ножен кинжал.

Ардак не выдержал первым. Он выскочил из кустов и, подняв над головой руки, закричал:

— Прощения! Прощения!

Джигит вздрогнул, но сейчас же овладел собой, увидя, что перед ним два совершенно безоружных человека.

— Кто вы и откуда? — спросил он, исподлобья рассматривая незнакомцев.

— Будь великодушным, батыр. Выслушай нас, прежде чем совершить то, что задумал,— сказал Асыгат.— Мы улемы. Возвращаемся из Багдада. Зачем добивать того, чья жизнь и так висит на волоске? Быть может, он не настолько грешен....

Туркмен громко и зло засмеялся:

— Да знаете ли вы, кто это такой? Это сын бия Тарагая — разбойник Тимур. Сколько бед принес он туркменским аулам! Разве такой человек должен жить? — джигит вновь наклонился над неподвижным Тимуром.

— Не убивайте его,— попросил Ардак.— В шариате сказано, что там, где нет необходимости проливать кровь, не надо этого делать. Месть совершилась... Оставь его, и пусть аллах решит его участь.

— Напрасно вы просите за него, улемы. Разве грех убить коварного и бессердечного человека, который отбирает у бедняков последнюю лошадь или барана? Это святое дело, и аллах простит меня...

— Нет прощения за напрасно пролитую кровь,— упорно повторил Ардак.

Видно было, что джигит заколебался.

— Вы люди ученые. Знаете коран и шариат. Но разве может отыскать путь истины тот, кто от рождения слеп? Я могу послушать вас и отдать жизнь этого разбойника в руки аллаха... Но разве вы забыли, что змея первым кусает того, кто, замерзающую, согрел ее на своей груди...

— Нет на свете ничего дороже добра и снисхождения. И пока люди будут творить добро, мир останется стоять нерушимо. Соверши же доброе дело и ты. Коль твоему врагу посчастливится остаться в живых, быть может, свет истины откроется ему и сердце его смягчится.

— Не знаю. Змея остается змеей, даже если ее разрубить пополам... Я уступаю вашей просьбе и вручаю его жизнь воле аллаха. Прощайте.

Туркмен птицей взлетел в седло, и конь его скоро скрылся за гребнем увала. Асыгат и Ардак молча проводили его глазами.

Асыгат подошел к лежащему на земле Тимуру. Тот был без сознания.

— Ты знаешь, Ардак, у него лицо жестокого человека. Быть может, мы действительно напрасно вступились за него?

Улем отрицательно покачал головой:

— В любом случае зачем напрасно проливать кровь? А туркмен настоящий батыр. Он послушался совета. Если бы на земле люди только и делали, что мстили, мир бы давно насквозь пропитался и пропах кровью.

— Да жив ли тот, о ком мы столько говорим?

Асыгат наклонился над Тимуром и приложил ладонь к его губам:

— Кажется, дышит.

Подхватив Тимура под руки, Асыгат и Ардак перенесли его к колодцу. Кровоточащую рану на голове раненого Ардак промыл холодной водой, приложил к ней известные только ему листья, крепко перевязал лоскутом мягкой ткани.

Два дня прожили они у колодца, выхаживая Тимура, а он то приходил в себя, то снова терял сознание. Тело его пылало нездоровым, лихорадочным жаром. Но крепкий молодой организм справился с болезнью — опала опухоль, и он наконец стал разговаривать. Пора было трогаться в путь.

Ардак решил идти в Ургенч, а Асыгату было с Тимуром по пути, и потому, отыскав в степи лошадь Тимура, они решили добираться до Шахрисабза вместе.

Перед отъездом, хмуря густые брови, Тимур сказал Ардаку:

— Спасибо тебе, улем. Ты вернул мне жизнь, и ты много говорил о том, как следует человеку жить на земле. Я кое-что возьму из твоих советов. А если наши дороги когда-нибудь вновь пересекутся, можешь быть уверенным, что я не останусь перед тобой в долгу и сумею отблагодарить тебя.

После всего, что с ним произошло, Тимур сильно изменился. Проболев почти месяц, он однажды пришел в мечеть и долго слушал, как читал молитвы и говорил проповеди знаменитый шейх Шарафатдин. С этого дня он больше не занимался разбоем, другие, еще не ведомые никому мысли бродили в его голове. Много лет спустя он любил повторять: «Путь истины указали мне два человека — случайно встреченный улем и шейх».

Странно все преломилось в сознании Тимура — совсем иной, ведущий в обратную сторону выбрал он путь. О человеколюбии и кротости говорили ему Ардак и Шарафатдин, он же пошел путем насилия и кровопролития. Отныне за Тимуром шли не воры и разбойники, а воины. Он все чаще стал возглавлять отряды различных эмиров и принимать участие в междоусобных войнах.

В год барса (1362) вместе с внуком скончавшегося Казаган-хана Хусаином он пошел в поход на туркмен. Поход оказался неудачным. На берегу Мургаба туркмены наголову разбили их войско, а самих пленили. Два месяца Хусаин и Тимур просидели в зиндане кишлака Махан, пока местный эмир Алибек, когда-то водивший дружбу с Казаган-ханом, не освободил их. Едва живые от голода

и жажды, добрались они до Мавераннахра и долго скрывались в окрестностях Шахрисабза, боясь гнева эмира. Старшая сестра Тимура — Кутлук-Турган-хатун отыскала их и увезла к себе в аул. Но Тимур не хотел мириться с положением беглеца и вскоре оказался в Самарканде.

Никто не знает, каким образом он отыскал путь к сердцу самаркандского эмира, но вскоре оказался во главе отряда в тысячу воинов. Вместе с Хусаином он совершил набег на соседний улус. Сражение его воины выиграли, но сам он был ранен в ногу и руку и с той поры получил прозвище Хромой Тимур.

Судьбу человека часто определяют обстоятельства. Родись Тимур немного позже или раньше, и звезда его, быть может, никогда не засияла на небосклоне. Незаметной пылинкой прокатился бы он по лику земли и канул в небытие, но в годы, когда ум его достиг зрелости, Мавераннахр раздирали междоусобицы. Бесчисленные эмиры вели нескончаемые войны за землю и воду, за славу и города. Не каждый из них мог похвалиться воинской доблестью, но каждому нужен был удачливый предводитель для войска.

Тимур был женат на сестре Хусаина — внука Казаган-хана — и потому захотел сделать родственника правителем Мавераннахра. Остальные эмиры воспротивились этому, но в руках Хромого Тимура были силы, которые позволили ему не считаться с их желаниями. Жестокий и решительный, он в год дракона (1364) добился своего. Отныне Мавераннахр принадлежал Хусаину, сам Тимур сделался его правой рукой, предводителем войска.

Именно в это время судьба снова свела Тимура и Ардака. На пыльной дороге, ведущей в Самарканд, стражники схватили улема, посчитав его шпионом одного из непокорных эмиров. Каково же было удивление Ардака, когда воины бросили его к ногам человека, сидящего на волчьей шкуре и удивительно похожего на того, которого он вместе с Асыгатом спас от гибели.

Тимур узнал улема. Он поднялся навстречу, сам разрезал ремень, стягивающий руки Ардака, и обнял его.

— Я же говорил, что дороги наши пересекутся,— сказал он.— Видишь, я верен своему слову и не забыл то, что ты сделал для меня.

Перед улемом стоял уверенный в себе, властолюбивый человек, совершенно не похожий на того, которого они подобрали в степи. Это был не предводитель разбойничьей шайки, а хозяин всего войска Мавераннахра.

— А твой товарищ не покинул меня,— сказал Тимур.— Я сделал его своим бакаулом. Кому же еще доверять пищу и питье, как не человеку, который спас мне жизнь,—и, обернувшись к стоящему у дверей нукеру, приказал: — Позвать сюда Асыгата...

До глубокой ночи сидели они — Хромой Тимур, улем Ардак и бывший караванбаши Асыгат. А когда пришло время прощаться, Тимур протянул Ардаку кожаный мешочек с золотыми динарами.

— Это плата за твой добрый поступок,— сказал он.

Улем не протянул навстречу руки, а только пристально посмотрел в глаза Тимура:

— Я не беру денег за совершенное добро. Да и зачем мне столько золота?

Тимур удивился:

— Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь от него отказывался.

— Богатство несет человеку беспокойство и делает душу его суетливой. Я хочу жить тихо, в ладах с собой.

Тимур недоверчиво усмехнулся:

— Может ли в нашем мире быть место, где бы царил покой?

— Наверное, нет,— согласился Ардак.— Но уж если покой терять, то надо знать, ради чего. Только дела людей, их счастье и достойны этого.

— Но ведь без золота, одними благими намерениями никого нельзя сделать счастливым. Возьми то, что я даю тебе, и распорядись динарами так, как ты хочешь.

Ардак колебался. Наконец он взял мешочек с золотом. Ему понравились последние слова Тимура. Быть может, не напрасно спасли они тогда его в безлюдной степи. Человек, в руках которого сейчас находится такая сила, может совершить много доброго, если, конечно, пожелает, если слова, сказанные тогда Тимуру у колодца, упали добрыми зернами на добрую землю.

Прощаясь с улемом, Тимур сказал:

— Ты идешь в Самарканд. Я дам воинов, которые проводят тебя и уберегут от превратностей судьбы. Если же когда-нибудь потребуется моя помощь, я всегда сделаю все, что ты попросишь. Ты подарил мне жизнь, а моя жизнь стоит всех сокровищ мира,— глаза Хромого Тимура загадочно блеснули.— Иди. И пусть дорога твоя будет легкой...

Выйдя из шатра Тимура, Ардак и Асыгат долго молчали. Звездная ночь плыла над землей. Спал воинский лагерь, и только кисловатый дым от почти погасших кизячных костров низко плыл над землей, щекотал ноздри.

— Мне кажется,— сказал Ардак,— что мы совершили дело, угодное богу, когда спасли Тимура.

Асыгат долго молчал:

— Не знаю. Я дольше тебя живу на земле и все равно ничего не могу сказать... Тимур умеет говорить мягко, но мне отчего-то часто стали вспоминаться слова туркменского батыра о том, что только время покажет, какой он человек.

Казаган-хан правил Мавераннахром двадцать лет, и все эти годы, благодаря хитрости и жестокости, удавалось ему удерживать в повиновении эмиров. Он хорошо понимал, что кочевые племена, населявшие подвластные ему земли, не могут жить без грабежа и барымты, и поэтому иногда отправлял свое войско в набеги на Герат и Хорезм. Как правило, оно возвращалось с большой добычей, и в улусах воцарялись спокойствие и тишина.

После смерти Казаган-хана его место занял сын Абдолла. Новый правитель перенес свою ставку в Самарканд. Это вызвало недовольство среди эмиров кочевых тюркских родов, и с этого началась великая смута, закончившаяся гибелью Абдоллы.

Воспользовавшись этим, Кутлук-Темир — хан Моголистана — совершил несколько набегов на города и кишлаки Мавераннахра. Однако в это время уже набрали силу эмир Хусаин и Хромой Тимур. Захватив города Кошом и Карши, они сделали местом своей главной ставки Балх. Большие города Мавераннахра — Бухара и Самарканд — остались в стороне от их непосредственного влияния. Давно вели спор между собой эти два города. И если кто-либо из прежних эмиров или ханов делал своей ставкой один из них, то в другом, как правило, собирались недовольные новым правителем.

Так случилось и теперь. Только ныне и в Бухаре, и в Самарканде одинаково ненавидели нового эмира. Оба города были центрами ислама, а Хусаин не смог привлечь на свою сторону духовенство, и потому муллы, имамы и улемы при каждом удобном случае внушали ремесленникам мысли о непочтении к новому правителю.

Во многом здесь был виноват и сам Хусаин. Жестокий и своенравный, он в своих решениях редко руководствовался благоразумием. Кроме того, жадность и скупость его не имели предела. На Востоке почтение и простому народу, и знати может внушить лишь тот правитель, который умеет ослепить богатством и роскошью. Хусаин же одевался всегда подобно обыкновенному нукеру, и перед-

ко на одежде его можно было увидеть заплаты. Он никогда и никого не одаривал, и, быть может, именно поэтому мусульманское духовенство, привыкшее к щедрым подачкам правителей, так невзлюбило его и сразу же приняло сторону противников Хусаина.

Без радости в сердце приехал Ардак в Самарканд. На душе после встречи с Хромым Тимуром было неспокойно — все время чувствовалось, что тот говорил одно, а думал совсем о другом. И еще сомнения Асыгата... Они настораживали и пугали.

В городе, за высокими глинобитными стенами, было тревожно. На многолюдном, пестром базаре, среди разноязыкого говора без труда можно было услышать злые слова о Хусаине. Народ, измученный поборами, умело подогреваемый муллами и имамами, готов был взяться за ножи и выступить против любого, кто в это время, по его мнению, окажется виновным во всех бедах.

Здесь же, на базаре, в крошечной чайхане под развесистой кроной карагача, Ардак услышал имя Тимура.

Старый человек с редкой седой бородой, отхлебывая крошечными глотками чай из кисе, неторопливо рассказывал не то сказку, не то легенду о том, как появился на свет ближайший сподвижник Хусаина — Хромой Тимур. Лицо старика было неподвижно, бесстрастно, словно он сто раз рассказывал. Ардак насторожился и, стараясь не выдать охватившего его интереса, стал слушать.

— И когда Такине-хатун, средняя жена бия Тарагая, забеременела, пришел к ней во сне святой Хизыр-Гали-Ассалям. Она еще не знала, что беременна, и попросила святого даровать ей сына.

«Хорошо,— сказал Хизыр-Гали-Ассалям,— пусть будет так, как ты просишь». И протянул женщине ребенка с телом твердым и крепким, словно высеченным из камня, и сердцем, сотканным из нежнейших лепестков роз.

С радостью приняла Такине-хатун младенца и приложила его к своей груди, но он долго не мог поймать губами сосок, и она, рассердившись, шлепнула его ладонью по каменному заду — и заплакала от боли. Видя слезы матери, разрыдался и ребенок. Он плакал долго и безутешно, потому что сердце его было из лепестков роз и всегда переполнялось, словно бутон каплями росы, состраданием к тем, кому больно или плохо.

«Ну как, нравится тебе твой сын?» — спросил святой.

«Нет,— сказала Такине-хатун,— мне не нужен ребенок, у которого так близко находятся слезы. Дай мне другого».

Хизыр-Гали-Ассалям тяжело вздохнул и дал ей другого младенца. Сердце этого мальчика было из камня, а тело было обычным, как у всех нас, грешных.

И дала Такине-хатун ему грудь, и он, как и прежний, долго не мог взять сосок. И снова рассерженная женщина наказала младенца. Но этот не заплакал, словно не почувствовал боли.

«Хорошего сына подарил ты мне, святой Хизыр-Гали-Ассалям!» — крикнула Такине-хатун.

Но никто ей не ответил. Святой исчез. И тогда женщина, счастливая тем, что у нее будет сын, не умеющий плакать, громко рассмеялась.

Старик протянул пустую кисе чайханщику и задумался. Казалось, он больше не собирался продолжать свой рассказ.

— Так что же было дальше? — стараясь не испугать старика, спросил Ардак.

— Дальше? — тот вскинул голову, и глаза улема встретились с умными, настороженными глазами старика.— Дальше беспутная женщина спросила наутро ворожею, как истолковать ей сон. И та отвечала: «Плачешь во сне — будешь радоваться, смеешься — будешь плакать наяву».

Старик пожевал блеклыми губами, рассеянно взял из рук чайханщика кисе со свежим кочаем и, помедлив, закончил:

— И еще сказала ворожея, что у сына, которого родит Такине-хатун, будет обычное человеческое тело, уязвимое для стрелы и сабли, зато сердце каменное. Сам он не будет никогда знать слез, зато других заставит стонать от боли и рыдать от горя.

И Ардаку вспомнился разговор с Хромым Тимуром. Он не придал значения его словам, посчитав их пустой болтовней и бахвальством человека, в руках которого неожиданно оказалось огромное войско. Чего не скажет тот, кто опьянел от власти. Придет время, упадет с глаз угарная пелена тумана и победит рассудок.

— Человек создан для радости,— сказал тогда Ардак.

Тимур усмехнулся. Густые брови сошлись на переносице, и между ними залегла глубокая складка.

— Мир не может обойтись без ада. Разве не об этом говорит легенда о святом Борыке? — Тимур обвел всех взглядом.— Помните, как любимец аллаха Борык хотел добиться от него, чтобы тот навсегда уничтожил ад?

Собравшиеся молчали, почтительно внимая словам Тимура.

— Не знаете? Тогда я расскажу... Много дней стоял неподвижно святой Борык, отказываясь от еды и питья и повторяя только, что если аллах не уничтожит ад, он не сойдет с этого места никогда. Аллах хорошо знал упрямство своего любимца и, боясь, что Борык превратится в каменный столп, согласился сделать так, как он просит.

Увидев, что желание его исполнено, святой забыл обо всем и, высоко подняв голову, пошел туда, куда повели его ноги. Но недолгим был его путь, еще короче оказалась радость от содеянного. Чья-то тяжелая палка обрушилась на спину Борыка.

Святой кричал от боли, молил о пощаде, но незнакомый ему большой черный человек продолжал бить его.

«В чем моя вина? За что я страдаю?»

«Вина твоя безмерна,— ответил великан.— Ведь, отдавшись своей радости, ты ногами топчешь самое святое на земле — хлеб. Оглянись вокруг — ведь ты идешь по хлебному полю, и в душе твоей нет страха перед наказанием, перед карой божьей. Подумай, что будет, если каждый станет поступать как ему вздумается, не оглядываясь назад, потому что отныне нет на земле ничего такого, чего бы люди боялись».

Борык посмотрел вокруг себя и действительно увидел, что в гордыне своей он не заметил, как истоптал много колосьев. Святой хорошо знал людей, и ему стало страшно. Он представил, что произойдет на земле, если человек станет совершать свои поступки, не чувствуя страха за содеянное.

«О аллах! — закричал он.— Я ошибся. Человека нельзя оставлять жить на земле без чувства вины! Пусть снова будет ад, которого бы люди боялись!»

Тимур замолчал, наблюдая, какой впечатление на собравшихся произвел его рассказ.

— Теперь вы поняли, что без страха человеку не обойтись? — спросил он с вызовом.

— Я говорил не о потустороннем аде,— уклончиво возразил Ардак.— Речь моя о тяжкой жизни людей на земле...

Ноздри Тимура хищно затрепетали.

— Более всего ад нужен не там, в загробном мире, а здесь, на земле. Если случится такое, что власть над миром когда-нибудь достанется мне, я покажу людям, каким должен быть ад. Если не держать народ в страхе, он не станет

слушаться тебя. Я заставлю каждого трепетать, и каждый преклонит голову передо мной.

Сейчас, вспомнив разговор с Тимуром, Ардак понял, что говорил тот не случайные слова, а то, что было до поры до времени глубоко упрятано в душе. И сегодняшний рассказ старика о рождении Тимура совсем не случаен. Хромого Тимура хорошо знают в Мавераннахре, и если народ складывает такие легенды о нем, значит, предчувствие большой беды витает в воздухе. Выходит, он, Ардак, прочитавший множество мудрых книг, ошибся? Тимур действительно жесток, и большая беда кружит над городами и кишлаками благодатной земли Мавераннахра.

Улем ушел из чайханы и долго без цели бродил по городу. Что могут противопоставить люди злу, как его предотвратить?

В дни своей юности, когда он был рабом, Ардак видел в Иране, как поднялись люди против ненавистных шаха и беков. Страшное было зрелище. Толпы людей заполняли улицы, и улицы становились похожими на разбушевавшуюся реку Джейхун. Человеческая река сметала на своем пути все. Разъяренные люди, вооруженные кетменями и лопатами, крушили дворцы и дома знати. Среди восставших можно было увидеть и священнослужителей: ходжей, мулл, мюридов, улемов, в одной руке которых был Коран, а другая сжимала кривую саблю или тяжелую дубинку. Особенно неистовствовали мюриды в красных чалмах — глаза их горели сумасшедшим огнем, в руках сверкали остро отточенные большие ножи...

Казалось бы, что может остановить такую силу? Но ее остановили и растоптали коварство и хитрость. Значит, не этим путем — путем стихийного бунта — надо идти. Должно быть что-то еще, что бы могло объединить людей и собрать их в могучий кулак...

Ардаку вспомнилась Мекка... Тогда он только что закончил медресе и совершал паломничество по святым местам. И там увидел он несметные толпы людей. Только теперь они были безоружны и пришли, чтобы поклониться священному камню Кааба и духу пророка Мухаммеда, по преданию увидевшего свет именно в этом месте.

Утром, когда из-за края земли упали на широкую площадь первые лучи солнца, с главного минарета мечети раздался протяжный голос муэдзина:

— Аллах акбар! Велик аллах!

Десятки тысяч людей все как один упали на колени и стали творить намаз. А когда закончили его, имам прочитал молитву «Ясын» из тридцать пятой суры Корана, и снова с минарета упало на головы молящихся протяжное и тоскливое:

— Алла-а-а-ах акба-а-а-р!

Люди проводили по лицам сложенными ладонями, поднимались на ноги, и Ардака потрясло увиденное. Все они, словно в едином порыве, качнулись в сторону священного камня и, вытянув вперед правую руку, со слезами на глазах и с воплями двинулись вперед.

Так, быть может, именно в этом надо искать добрую силу, способную сокрушить силу злую? Имя аллха! Оно объединит людей! Надо только суметь направить их, указать врага, и тогда в мир придет справедливость.

С этого дня Ардак начал искать возможность сблизиться с самаркандским духовенством. Ему, улему, знатоку священных книг, удалось это сделать без особого труда. И здесь, как показалось Ардаку, он нашел именно то, что искал: имамы, ишаны, кади, муллы только выжидали удобного случая, чтобы поднять народ против Хусаина и Хромого Тимура. Особенно сблизился Ардак с молодым улемом Хурдеком Бухари. Оба они искренне верили, что под священным знаменем ислама можно повести людей на борьбу с ненавистными правителями, а

затем выбрать ханом справедливого человека, который бы был одинаково добр и к ремесленнику, и к дехканину, и к кочевнику.

И снова в события вмешалась судьба провидения.

Пристально следили за всем, что происходит в Мавераннахре, ханы Моголистана. В год змеи (1365) хан Ильяс-Ходжа приказал своим туменам войти в земли, принадлежащие Хусаину, и разграбить его города.

В месяце мамыр (май) двадцать второго числа на берегу реки Чирчик сошлись два войска. После кровопролитной и долгой битвы, спасая оставшихся воинов, Хромой Тимур велел им отступить. Подобно стае саранчи двинулись в сторону Самарканда, грабя и предавая все на своем пути огню, тумены Ильяса-Ходжи. Еще раз попытался остановить их близ Шахрисабза Тимур, но, потерпев поражение, вместе с Хусаином ушел в Хорасан.

Беззащитными оказались города и кишлаки Мавераннахра. Самаркандцы, хорошо знающие, какие ужасы и беды несут с собой кочевые орды, решили самостоятельно защищать свой город. Из числа жителей они избрали предводителей — Мауляне-заде Самарканди, Мауляне Хурдека Бухари и чистильщика хлопка Наддара Абубакира Келеведи.

В мастерских, в кузницах день и ночь шла работа — стучали о наковальни молоты, жарко пылали горны — горожанам не хватало оружия, и ремесленники ковали сабли и ножи, делали наконечники для стрел.

Когда беда приходит из чужих земель, забываются свои обиды, и даже собственная знать, еще вчера безжалостно притеснявшая и грабившая, не кажется страшной. У горожан были воля и желание защищаться, но оружия мало, и потому на совете предводителей решили послать гонцов к Хусанну с просьбой или прийти на помощь, или дать оружие.

Выбор пал на Ардака. Три дня, без остановки, загоняя лошадей, мчались гонцы по следам отступившего войска, пока не отыскали его на другой стороне Джейхуна.

Эмира Хусаина в ставке не было, и их встретил Хромой Тимур. Настороженно, без особой радости слушал он то, что говорил улем, затем спросил:

— Значит, ты говоришь, что горожане смогут дать отпор врагу, если у них будет оружие?

— Море состоит из капель,— сказал Ардак,— когда поднимутся все — задрожит земля. Народ сейчас похож на громадную волну, способную сокрушить на своем пути любую скалу...

Тимур задумался. Он знал, что самаркандцы ненавидят его и эмира Хусаина. Не приди моголы, сила, которую скопили они, обернулась бы против своих правителей. Хорошо, когда ярость народа можно направить на других. Пусть же дерутся с моголами... А что будет дальше — покажет время.

— Ну что же...— помедлив, заговорил Тимур.— Если вам удастся одолеть врага, об этом не забудет весь Мавераннахр... Мыслями я с вами, но мне одному не дано распоряжаться войском. Эмир Хусаин в отлучке, и никто не знает, где пролегает сейчас его путь. Поиски заняли бы много времени, а потому единственное, чем я могу вам помочь,— это дать оружие. Возьмите его и сокрушайте тумены Ильяса-Ходжи.

Ардак без труда разгадал хитрость Тимура, но иного выхода не было. Он не мог ни приказать, ни потребовать, чтобы тот повел войско на помощь Самарканду. Но и на оружие Тимур оказался скуп. Караван из пятнадцати верблюдов загрузили видавшими виды, зазубренными саблями, собранными давным-давно на поле битвы.

Провожая Ардака, Асыгат хмурился, прятал глаза, вздыхал. Когда пришло время прощаться, он обнял улема и тихо сказал:

— Береги себя... Мы совершили с тобой страшную ошибку, вымолив у туркменского батыра жизнь для Хромого Тимура. У этого человека каменное сердце...

Ардак вздрогнул. Ведь эти слова он слышал от старика в чайхане. Если в разных концах государства о своем правителе люди говорят одинаково, значит, это правда.

Как ни спешил Ардак, караван с оружием не успел добраться до города. Тумены моголов уже осадили Самарканд. Когда-то неприступные, мощные стены защищали его, но, после того как здесь побывали воины Чингиз-хана, самаркандские укрепления лежали в развалинах, в стенах зияли проломы. В ожидании приближающегося врага жители как могли восстановили то, что можно было восстановить. Но главной их силой была решимость защищать себя, спасти женщин и детей от смерти и рабства.

Враг не ожидал серьезного сопротивления. Что могут сделать плохо вооруженные ремесленники и дехкане против туменов, которые победили войско Тимура? Только два дня потратили моголы, готовясь к штурму, но за это время многое успело произойти. На совете правителей города было решено не ждать, когда враг нападет, а выйти и встретить его у городских стен. Не терял времени даром и Ардак.

Видя, что пробраться в город у него нет никакой надежды, улем раздал оружие дехканам, бежавшим из разоренных кишлаков. Теперь под его началом оказался довольно большой отряд. Что из того, что люди были не обучены, плохо владели саблями и луками?

Ярость людей, еще вчера мирно возделывающих землю, не знала предела, когда в разгар битвы горожан с моголами они ударили противнику в спину. Враг не ожидал нападения. Опасаясь, что это передовой отряд спешащего на помощь Самарканду войска Хусаина и Хромого Тимура, тумены Ильяса-Ходжи сняли осаду и начали поспешно отступать. Бегущего в страхе батыра может легко победить даже женщина. Неотступно преследуемые жителями Мавераннахра, моголы спешно отошли в свои пределы. Такого еще не случалось в древнем Самарканде. Без хорошо обученного грозного войска, без мудрых эмиров и военоначальников победил простой народ. Мирная жизнь возвращалась в город. Снова открылись лавки торговцев, мастерские ремесленников, снова разноязыкий громкий говор стоял над базарной площадью.

Но благополучие было только кажущимся. По-прежнему, как и в дни нашествия моголов, Самаркандом правили Мауляне-заде Самарканди, Мауляне Хурдек Бухари и Наддар Абубакир Келеведи. Первые двое были из среды духовенства, и привычка оглядываться на правителей заставили их вновь послать Ардака в стан Хусаина и Тимура со словами: «Враг побежден. Какой совет дадут нам наши эмиры?»

Хромой Тимур вернулся с войском в Балх, Хусаин отсиживался в урочище Шиберту, готовый в случае победы моголов уйти в Индию.

Весть о победе народа в Самарканде и обрадовала, и напугала Тимура. Моголы ушли, но как поведут себя те, кто узнал свою силу и поверил в то, что может многое?

Только через несколько дней, встретившись с Хусаином, Тимур наконец дал ответ Ардаку.

Мауляне-заде Самарканди были посланы в подарок дорогой парчовый халат, меч и копье. На словах велено было передать, что эмиры довольны победой над врагом подвластного им города и разрешают править Самаркандом так, как решит совет, во главе которого обязан стать Мауляне-заде.

И снова, уже в который раз, бросил в душу Ардака зерна сомнения Асыгат.

— Не верь эмирам,— сказал он.— Где ты видел, чтобы два жадных и сильных так легко отказывались от такого богатого города, как Самарканд? Они просто ждут своего часа, чтобы взнуздать скакуна, вырвавшегося на волю. Берегитесь! Наступит время, и они придут под стены города, чтобы набросить на него волосяной аркан и, укротив, вновь вдеть ногу в стремя седла.

Грозные слова говорил Асыгат, но ни Тимур, ни Хусаин не делали ничего такого, что могло бы насторожить и усомниться в их искренности. И Ардак понемногу успокоился. Вернувшись в Самарканд, он передал слова эмиров совету, правившему городом.

С наступлением зимы мир и покой установились в землях Мавераннахра. Тимур с войском ушел к городу Карши, а Хусаин, по давней традиции, откочевал в урочище Салы-Сарай на берег Джейхуна.

Тишина стояла над Мавераннахром... Но все меньше ее оставалось в Самарканде. Казалось бы, народ добился своего и те, кого он поставил над собой, были проверены делами трудных дней. Но, видимо, так уж устроено, что не каждый сохраняет себя, получив в руки власть. Все чаще решения совета становились несправедливыми. Все реже три соправителя думали о нуждах людей, которые возвысили их над собой. Не было согласия и между ними самими. К советам со стороны они оставались глухи.

И вдруг ранней весной новость, страшней и неожиданней первого грома, обрушилась на Самарканд: тумены Хромого Тимура и Хусаина, переправившись через Джейхун, объединились и неторопливо двигаются в сторону города.

Страх перед возможной расплатой за самовольство просветлил разум правителей, забылись распри, и они, посоветовавшись, вновь велели Ардаку ехать к Хромому Тимуру, чтобы выведать, чем вызван поход.

Ардак прибыл в походную ставку эмиров, когда ни Хусаина, ни Хромого Тимура там не было — оба уехали на охоту.

Улема встретил взволнованный Асыгат.

— Я ждал твоего приезда...— сказал он.— Завтра войско двинется вперед и не остановится до самого Самарканда. Так повелел Тимур...

Лицо Ардака побледнело:

— Но зачем он это делает? Город выразил свою покорность. Если он хочет наказать правителей, то для чего такое большое войско?

— Не в правителях дело...— возразил Асыгат.— С ними можно было бы расправиться, подослав убийц... В Самарканде много врагов и у Хусаина, и у Хромого Тимура... Горожане ненавидят их... Победив моголов, они не боятся теперь эмиров. Кто же станет жить спокойно бок о бок с непокорными и своевольными? Как только Тимур вернется, он прикажет задержать тебя здесь, чтобы ты не успел предупредить горожан. Надо бежать... Это единственный выход!..

Не теряя времени, друзья заседлали коней и двинулись в сторону Самарканда.

Велик был гнев Тимура, когда он узнал о бегстве своего бакаула и о том, что Ардак не дождался его. Эмиру стало ясно, что друзья решили предупредить горожан о предстоящей над ними расправе.

Поднимая облако едкой желтой пыли, по дороге, ведущей на Самарканд, помчались самые верные нукеры на самых быстрых конях. На рассвете, когда минула короткая летняя ночь, нукеры приволокли беглецов в шатер Тимура. Руки их были связаны, на шеи накинуты волосяные петли.

Тяжелым, не обещающим ничего доброго взглядом смотрел из-под насупленных бровей Хромой Тимур на Асыгата и Ардака. Впервые так смотрел он на них.

— Быть может, вы объясните мне, почему бежали из ставки? — спросил он.

— Если бы ты не знал, зачем мы это сделали, разве послал за нами следом погоню? — с вызовом сказал Ардак.— Мы спешили в Самарканд...

Едва заметная улыбка тронула губы Тимура, и трудно было понять, осуждает он беглецов или жалеет их.

— Вы сказали правду... Все это так... Но вы совершили предательство и за это должны быть преданы смерти. Но помня то, что вы сделали в свое время для меня, я готов исполнить любое ваше желание. Только после этого я прикажу отрубить вам головы... Так есть у тебя последнее желание? — Тимур посмотрел на Ардака.

— Только одно...

— Говори же...

— Мы когда-то были друзьями, теперь же мне хочется плюнуть тебе в лицо. Будь же навеки проклят! Я не боюсь смерти.

Лицо Тимура было хмурым и задумчивым, и слова Ардака, казалось, не произвели на него никакого впечатления. Он покачал головой:

— Я не обижаюсь на твои неразумные слова. Тяжело отдавать приказ о казни людей, которые когда-то спасли тебе жизнь. Но что поделаешь, если они встали на твоем пути и не понимают, что волею судьбы я пришел на землю, чтобы стать властелином вселенной.

Ардак смотрел на холодное горбоносое лицо Тимура, на его темные глаза, глубоко упрятанные в провалах глазниц, и впервые с ужасом подумал, что Хромой Тимур не просто болтает, не просто грозится, а все им давно взвешено и решено, и поступает он по велению своего разума и жестокого сердца. Сказать бы об этом людям, предупредить, какие беды их ждут, но теперь этого нельзя сделать. Ардак знал, что из рук Тимура не вырваться.

Тимур перевел свой мрачный взгляд на Асыгата:

— Три года ел я то, что подавал ты мне на стол. Мне бы стоило отблагодарить тебя...

Асыгат скорбно улыбнулся:

— Ты не способен благодарить. Ты можешь только заплатить за сделанное для тебя... Чтобы отблагодарить, надо иметь сердце... Я стар и потому ничего не боюсь... Убей меня, ибо я не хочу стать свидетелем твоих черных дел... Ты обязательно совершишь их, а я буду мучиться от мысли, что спас тебя на горе другим.

— Такой благодарности еще никто у меня не просил. Все три года ты знал, каков я. Неужели то, что я говорю сейчас, показалось тебе неожиданным? Меня сейчас занимает одна мысль — почему ты до сих пор не отравил меня?

— Я знал, что ты бессердечен,— сказал Асыгат.— Но бессердечных людей сейчас много, и я считал, что ты лишь один из них. Что могла бы в таком случае дать миру твоя смерть? Но сейчас, когда ты решил разрушить Самарканд и устроить там резню, я понял, что ошибался. Ты порождение ада, принявшее облик человека. Сейчас я жалею, что не отравил тебя...

Тимур задумчиво покачал головой.

— Выбрав свою дорогу, иди по ней до конца...— тихо, словно самому себе, сказал он. Лицо эмира начало бледнеть. Он посмотрел на нукеров, державших в руках концы веревок от накинутых на шеи беглецов петель.— Задушите их...— спокойно, не повышая голоса, сказал Хромой Тимур.

И пока нукеры исполняли то, что он повелел, эмир стоял неподвижно, чуть наклонив голову, и лицо его, спокойное и величественное, похоже было, высечено из камня.

Тумены Тимура и Хусаина ворвались в Самарканд ночью, когда никто этого не ждал. Люди, заранее посланные в город, указали воинам дома, в которых жили те, кто входил в совет по управлению городом. Их схватили, вывели за город в урочище Канигили и порубили саблями. Тимур сохранил жизнь только Мауляне-заде Самарканди за то, что тот был из знатного рода и в свое время, после победы над моголами, посылал к нему гонца с вопросом о том, как теперь поступать и что делать дальше.

Со времен Чингиз-хана не знали жители Самарканда такой дикой резни, какую учинил Хромой Тимур. Улицы города были залиты кровью, пощады не знал никто — ни старик, ни ребенок.

В скором времени неожиданно и загадочно умер эмир Хусаин. В год собаки (1380) Хромой Тимур стал правителем Мавераннахра.

По-разному приходят люди к власти. Одним она достается по наследству, другим помогают сильные друзья, третьи идут к заветной цели через трупы и кровь. Коварство и хитрость — главное оружие таких людей. И меч, и стрелу заменяет им умение льстить и убивать из-за угла ударом ножа в спину.

Таким был и Хромой Тимур. Но владел он и еще одним качеством, которого не было ни у одного эмира города. Если Тимур грабил, то грабил без всякой жалости; если сжигал города, то дотла; если устраивал резню, то ужасы о ней люди передавали из поколения в поколение.

Новый правитель Мавераннахра хотел удивить и напугать мир. Умертвив побежденных, воины по приказу Тимура воздвигали из отрубленных голов курганы.

Тимур был уверен, что слава его достигнет небес тем быстрее, чем больше уничтожит он людей, чем больше городов превратит в руины. Тимур мечтал бросить под ноги своего коня вселенную, а потому часто повторял: «Народы, живущие на земле, не стоят того, чтобы ими управляли двое».

Он проливал кровь, но главные дела ждали его впереди. Заняв место Хусаина, он делал все, чтобы подчинить себе остальных эмиров Мавераннахра.

Ничто так не ценилось у кочевников, как знатное происхождение. Оно нередко заменяло ум, воинскую доблесть, храбрость. Поэтому по приказу Тимура преданные ему люди стали распускать слух в народе о том, что во времена Чингиз-хана его предки за особые заслуги получили от Потрясателя вселенной право на управление аймаками, улусами. Но в это не поверил никто. Положение Тимура оставалось неустойчивым. Власть над Мавераннахром была в его руках, но управлять им он не имел права, пока среди других эмиров были люди, по знатности рода стоящие выше его и действительно ведущие свою родословную от Чингиз-хана. В любой миг, собрав достаточно сил, чтобы вступить в борьбу, они могли пойти против Тимура.

И тогда Тимур решил жениться на вдове эмира Хусаина, дочери Газан-хана — Инкар-бегим. Сближение с потомками Чингиз-хана, родство с ними давало возможность новому правителю Мавераннахра чувствовать себя более уверенно. Муж дочери хана стоял намного выше простого эмира, а имея за собой сильное войско, мог даже объявить себя гурханом. Родственные узы обязывали потомков Джагатая поддерживать Хромого Тимура.

Оставалось только сделать так, чтобы Инкар-бегим согласилась стать его женой. Захочет ли она разделить ложе с человеком, причастным к смерти ее прежнего мужа?

Еще когда Хусаин был жив, Тимур не раз ловил себя на мысли, что Инкар-бегим нравится ему, и желание обладать ею нередко охватывало его. Но тогда эмир со своим войском был нужен Тимуру больше, чем самая красивая женщина мира, и он легко подавлял в себе мысли о ней. Только однажды, когда по

случайности они ненадолго оказались вдвоем, Тимур намекнул Инкар-бегим о своем желании. Женщина в ответ засмеялась.

— Если Хусаин узнает о твоих мыслях,— сказала она,— он прикажет своим нукерам сломать тебе вторую ногу.

Тщеславный Тимур едва поборол гнев, охвативший его. Он сделал вид, что слова Инкар-бегим не тронули его сердца, но в душе затаил на нее злобу и обиду. Он умел помнить и не прощать. Еще он поклялся, что наступит такое время, когда он сомнет дерзкую и его обнаженная грудь прижмется к груди строптивой красавицы.

Добиваясь своей главной цели — власти над Мавераннахром, Тимур на время забыл об Инкар-бегим. Исподволь, незаметно настраивал он тех, от кого могло зависеть будущее, против Хусаина. Тимур хорошо помнил, как возненавидели потомки Джагатая деда Хусаина Абдоллу, когда он решил сделать своею главной ставкой город Бухару. Привыкшие к кочевой жизни, руководствуясь заветами своего великого предка Чингиз-хана, они говорили: «Абдолла задумал спрятать от нас свои богатства, укрыть их за стенами крепости. Достойно ли так поступать степняку?»

Абдоллу убили. Теперь же, когда подобное сделал Хусаин, перенеся свою ставку в Балх, его ждала участь деда. И Тимур сделал все, чтобы это произошло как можно скорее.

Сейчас, когда Мавераннахр принадлежал ему, Тимур вспомнил вновь об Инкар-бегим. Но теперь, помимо мести, им владел и трезвый расчет. Вдова нужна была, чтобы возвеличиться над другими эмирами. Но как заставить ее стать его женой? Упрямая женщина могла и в этот раз посмеяться над ним, но теперь он, держащий в своих руках повод власти, не имел права простить ей этого, потому что, смирившись с отказом, он дал бы повод для насмешек.

Удачливый все находит на дороге. Людская молва донесла до ушей Тимура, что Инкар-бегим, овдовев, тайно встречается с джигитом, с которым она была дружна в детстве. Один раз в неделю на рассвете он приезжает к ее аулу и входит в белую юрту. Только на миг помутила ревность разум Хромого Тимура, тотчас же уступив место коварному замыслу. Теперь ему было понятно, почему так несговорчива была в свое время Инкар-бегим, почему казалась всегда преданной немолодому Хусаину.

Взяв с собой двух нужных ему людей, проверенных еще в ту пору, когда приходилось разбойничать на дорогах, он однажды, накануне среды, тайно выехал в сторону аула Инкар-бегим. Отпустив коней пастись в низине, Хромой Тимур вместе с нукерами поднялся на вершину сопки. Отсюда хорошо был виден аул вдовы — два десятка юрт у чистого родника. Ярко светила полная луна, заливая землю мерцающим колдовским светом. Тихо и безлюдно было вокруг.

После полуночи, когда созвездие Плеяд, похожее на горсть мелких алмазов, обернулось вокруг Темирказык — Полярной звезды и поднялось высоко в небо, из юрты Инкар-бегим выскользнул человек, с головы до ног укутанный в просторный халат, и быстро направился в сторону небольшого оврага. Только по походке можно было догадаться, что идет женщина. За нею неторопливо затрусил огромный волкодав.

Затаившиеся на сопке замерли. Что нужно женщине среди ночи в степи, что ищет она в глубоком овраге, похожем на черную трещину?

Ждать пришлось недолго. Женщина вскоре появилась. Тимур не поверил тому, что увидел. Зоркие глаза не могли его обмануть. В овраг спустился один человек — хрупкий и тонкий, а сейчас из него выбрался — большой и толстый.

Хромой Тимур вдруг тихо засмеялся.

— Смотрите,— сказал он своим спутникам.— Одним халатом укрылись двое. У них это здорово получается — даже ступают они одновременно.

Нукер с толстой короткой шеей и с могучей фигурой борца удивленно цокал языком.

— Нет на свете никого хитрее женщины... Даже дьявол не додумался бы таким образом провести в юрту чужого человека...

— Пора,— сказал второй нукер, разглаживая свои большие вислые усы.

— Нет,— Тимур сделал рукой предостерегающий жест. В глазах его тускло и зловеще мерцали лунные блики.— Пусть войдут в юрту и займутся своими делами... А уж потом...

Луна опускалась к земле, наливалась красным зловещим светом, приближался рассвет.

— Теперь пора,— тихо сказал Тимур, и густые его брови сурово и жестоко сошлись к переносице.

Трое неслышно спустились с сопки и направились к юрте Инкар-бегим. Навстречу им бросился волкодав, загривок его ощетинился, блеснули влажные от слюны белые клыки.

Длинноусый нукер протянул к нему руку, что-то сказал вполголоса, и пес виновато завилял хвостом. Тимур знал, кого брать с собой на это дело: нукер когда-то состоял в личной охране Хусаина и часто бывал в этом ауле.

Никто не помешал Хромому Тимуру приблизиться к юрте Инкар-бегим. После смерти Хусаина аулы его жен охранялись не строго, и те несколько воинов, которые должны были нести караулы, видимо, где-то крепко спали.

Резко отбросив полог, закрывающий вход в юрту, Тимур первым переступил порог. Язычок пламени в светильнике-ночнике резко качнулся, и по выгнутым стенам юрты заметались зловещие тени.

От того, что увидел Тимур, у него на миг перехватило дыхание. На белой перине, разостланной на почетном месте — торе, предавались любви Инкар-бегим и молодой джигит. Тела их были обнажены и блестели от пота.

По каменному лицу Тимура пошли красные пятна, но ни один мускул не дрогнул на нем. Медленно, словно нехотя, сел он на деревянный сундук, стоящий справа от входа.

Джигит испуганно метнулся к разбросанной на полу одежде. Руки его дрожали, безумно расширенные глаза, не отрываясь, смотрели на Тимура.

— Не спеши,— презрительно сказал Тимур.— Одежда тебе больше не понадобится... Возьмите его...— и он повернулся к своим спутникам.— И пусть свершится то, чего он достоин за свой поступок.

Джигит все понял. Он посмотрел на Инкар-бегим. В глазах его были тоска и безысходность.

— Прощай...— едва слышно сказал он.

Нукеры схватили джигиты за руки и выволокли из юрты.

Не отрываясь, смотрел Тимур на Инкар-бегим. Обнаженная, она по-прежнему сидела на измятой постели, и он невольно залюбовался ее телом. Круглые бронзовые плечи, тугие груди с коричневыми, упруго торчащими сосками, длинные ноги...

— Оденься! — властно приказал Тимур.

Инкар-бегим вскинула голову. Глаза ее сухо блестели. Она презрительно посмотрела на него, неторопливо поднялась с постели, не стыдясь наготы, вызывающе покачивая бедрами, прошла по юрте, сняла висящую на крючке одежду.

За стеной юрты послышалась короткая возня, потом что-то большое и тяжелое упало на землю.

Женщина метнулась к выходу. Не меняя позы, Тимур выставил вперед ногу, преграждая дорогу.

— Сядь! — жестко сказал он.— Сейчас сюда принесут то, что тебе нужно...

Инкар-бегим в нерешительности остановилась, напряженно вслушиваясь в доносящиеся с улицы звуки. И вдруг резко повернулась к Тимуру:

— Почему ты приказываешь мне, словно я твоя жена?! Я ханская дочь, и мужем моим был эмир Хусаин...

Злая усмешка растянула его губы.

— Да. Ты пока не жена, но будешь ею.— Он помолчал.— Ты будешь ею... если хочешь жить...

Полог, закрывающий вход в юрту, распахнулся, и в черном проеме появился длинноусый нукер. В вытянутой руке он держал голову джигита.

Инкар-бегим порывисто шагнула вперед и долго всматривалась в лицо джигита, словно навсегда запоминала его черты.

— Я отомщу тебе! — охрипшим голосом сказала она. В глазах женщины была жгучая ненависть.

Тимур снисходительно усмехнулся и, обращаясь к длинноусому, велел:

— Вы мне пока не нужны. Унесите тело и голову этого...— он презрительно шевельнул рукой,— бросьте его в овраге, из которого он вылез. Пусть тело осквернителя станет пищей для волков и хищных птиц.

Длинноусый молча поклонился и исчез за пологом.

Тимур встал с сундука и медленно, припадая на больную ногу, подошел к Инкар-бегим. Рукоятью камчи он приподнял ей подбородок и долгим пристальным взглядом посмотрел в лицо.

— А теперь заново расстели постель и разденься! — негромко и властно сказал Тимур.

Женщина отпрянула от него. Полные ее губы задрожали.

— Как ты можешь после того, что видели твои глаза здесь?!

— Разве ты не слышала, что сердце мое из железа? Делай то, что я приказал. Тимур не говорит дважды...

Инкар-бегим так и не выполнила своей угрозы, не отомстила Хромому Тимуру. И не потому, что не нашла в себе сил, а просто она была из рода великого Чингиз-хана, где женщины признавали за мужчинами быть жестокими и, однажды покоренные, становились им надежной и крепкой опорой.

Через несколько дней после той памятной ночи Тимур велел привезти Инкар-бегим в свою ставку.

— Ты должна стать моей женой,— сказал он.— Пусть мулла совершит положенный обряд.

— Я согласна,— твердо сказала женщина, в знак покорности опуская свою красивую голову.— Я давно ждала от тебя этих слов, высокочтимый гурхан...

Тимур прищурился, провел ладонью по лицу.

— Гурхан...— медленно повторил он.— Гур-хан... Гур-хан...

Через год, заручившись поддержкой потомков Джагатая, он сделал своей ставкой город Самарканд. И в этот же год, в год зайца (1375), прибежал к нему, ища защиты и поддержки, потомок Токай-Темир-хана, правнук Уз-Темира, сын правителя Мынгышлака Той-Ходжи, рожденный от женщины Котан-Кунчак из рода коныpат — Тохтамыш. Будущий хан Золотой Орды спасался от мести Уруса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

VII

Урус-хан, сероглазый, высокий, подавшись всем телом вперед, не мигая смотрел на своего родственника — эмира Мынгышлака Той-Ходжу.

— Итак, ты считаешь, что начинать поход против Золотой Орды не надо?

Круглое лицо Той-Ходжи было мрачным:

— Нам не будет удачи...

— Кто сказал тебе? — презрительно спросил хан.— Или, может быть, ты увидел плохой сон?

— Не сон заставляет меня быть осторожным. Звездочет Кази-заде Руми сказал, что звезда Кейван [1] повисла на самом краю небосклона.

Урус-хан зло засмеялся.

— Мы тоже обращались за советом к Кази-заде Руми. И он сказал нам, что на небе появилась кровавая звезда Баграм [2], а значит, поход наш будет удачным.

Той-Ходжа долго молчал, наконец, все так же не поднимая упрямо склоненной головы, сказал:

— Чего добьешься ты, разрушив остов Орды, созданный ханами Узбеком и Джанибеком?

— Я воздвигну новый остов!

— Выдержат ли твои плечи такую тяжесть? Не случится ли так, что ты станешь добычей молодого льва из Мавераннахра — Хромого Тимура? Твой враг не Золотая Орда, а Тимур. Точи свой меч на него, ибо он точит свой на тебя. Скоро Тимур подчинит себе Хорасан и Хорезм, и тогда взгляд его упадет на твои города, что стоят на желтой реке Сейхун,— эмир замолчал.— Я сказал. После не говори, что ты не слышал. И воинов своих я тебе не дам.

— Почему?! — в голосе Урус-хана клокотала ярость.— Кому станут помогать твои воины? Может быть, Мамаю?

Эмир резко вскинул голову:

— Да. Если Мамай сделается ханом Золотой Орды, он сумеет остановить Хромого Тимура. И разве вы не слышите, как зашевелились в своих лесах орусуты? Близко то время, когда они скажут о том, что не желают платить Орде дань. Только Мамай сможет остановить их и напомнить о покорности.

— Значит, ты хочешь, чтобы Золотой Ордой владел не я, а Мамай? — еще больше подавшись вперед телом, спросил Урус-хан.

— Я хочу...— Той-Ходжа не успел договорить. В руке Урус-хана блеснул нож...

---

[1] Кейван — планета Сатурн (перс.). По древним поверьям, если Сатурн появился у края небосклона, путника постигнет неудача: воин, отправившись в поход, попадает в беду.

[2] Баграм — планета Марс (перс.).

Узнав о смерти отца в ставке хана Белой Орды, сын его, Тохтамыш, не стал дожидаться, пока гнев Уруса обрушится на него. Тайно, глубокой ночью, он бежал в Самарканд к Хромому Тимуру.

В дни, когда Тимур сделал Самарканд своей главной ставкой, никто из живущих на земле даже не мог предположить, каким станет древний город, когда дни великого Тамерлана подойдут к закату. Рабы еще не воздвигли прекрасных мазаров Регистана и не стояла под жарким солнцем, споря яркостью своих синих куполов с весенним небом, усыпальница Тимура — Гур-эмир.

Обычен и прост был облик Самарканда — города, который десятки раз топтали, превращая в прах, кони завоевателей и который всегда, подобно птице Феникс, возрождался из развалин и пепла. На северо-восточной стороне его по-прежнему высились остатки крепостной стены города Афросиаба, некогда стоявшего на месте Самарканда, да мусульмане со всего Востока приходили к мазарам Шохизиндана, чтобы поклониться праху младшего брата пророка Мухаммеда — Кусам ибн-Аббаса. Согласно преданию, пришел он в седьмом веке в Мавераннахр, чтобы принести людям свет ислама. Но коварные гяуры обезглавили проповедника в тот момент, когда он творил намаз. Воистину всесилен аллах. Кусам ибн-Аббас не умер. Он взял в руки свою отрезанную голову и спустился в глубокий колодец, который вел в райские кущи имрама. Муллы во всех мечетях рассказывают, что он и поныне живет там.

Недалеко от мазара Кусам ибн-Аббаса стояла древняя мечеть с высоким минаретом и находился центр Самарканда. Шесть улиц вели к нему.

Тимур хорошо понимал, что величие правителя — в его делах. Чтобы народ был послушен, его надо ослепить блеском богатства, заставить удивляться, а для этого город, где поселился правитель, должен поражать воображение, чтобы всякий, кто увидит его, мог сказать, что он прекрасен.

Всю свою жизнь, против какого бы государства ни поднимал свой меч Тимур, он прежде приказывал собирать ремесленников и строителей и отправлять их в Самарканд. Один за другим вырастали здесь дворцы и мечети, усыпальницы и медресе. И вскоре не было на всем востоке города прекраснее и величественнее Самарканда.

Имя Хромого Тимура стало греметь по всему миру, когда ему едва исполнилось сорок лет. Не было государства, чьи правители не бледнели бы при мысли о Тимуре и бессонными ночами не молились аллаху, чтобы тот отвел хищный взор от их земель.

Много женщин разных племен и народов знал Тимур, но железное сердце его принадлежало одной — Биби-ханум. Он взял ее в жены, когда она увидела только пятнадцатую весну. И никто не мог объяснить, чем покорила жестокого Тимура эта хрупкая женщина. А может быть, все дело было в том, что она смогла полюбить человека, при имени которого трепетал весь мир.

В год, когда Тимур повел свои тумены в Кашгарию, чтобы покорить моголов, посмевших выказать ему свою непокорность, Биби-ханум решила к его возвращению выстроить новую мечеть, равной по красоте которой не было бы в мире. Все она имела для этого: и золото, и искусных мастеров-рабов, но не было только одного человека, который бы придумал, какой быть мечети. И тогда она велела привести к себе известного иранского мастера, привезенного в свое время Тимуром в Самарканд,— Джусупа Ширази.

Это был спокойный медлительный мужчина, возраст которого перевалил за сорок лет. Он носил большую белую чалму, а худое горбоносое лицо его украшала густая, крашенная хной борода.

Выслушав Биби-ханум, Джусуп Ширази задумался.

— Мне не совсем понятно, моя повелительница,— наконец сказал он,— какой вы хотите видеть мечеть? Должна ли она быть похожа на те, что строят в

Бухаре и Самарканде, или, быть может, вам больше нравятся мечети, которые строятся на моей родине, в Иране?

Биби-ханум отрицательно покачала головой:

— Нет. Мечеть не должна быть похожа ни на одну, уже известную людям. Нет на свете человека, равного великому Тимуру, поэтому и мечеть, построенная в его честь, должна превосходить все своим великолепием и красотой.

Мастер почтительно склонил голову.

— Я не смогу построить то, что вы хотите.

— Но почему? — лицо Биби-ханум сделалось недоверчивым.— Разве не о тебе говорят в народе, что ты умеешь творить чудеса?

— Люди склонны преувеличивать, моя повелительница...

Мастер хитрил. Он действительно умел много, но ему хотелось жить. Кто знает, останется ли всесильный, жестокий Тимур доволен тем, что он построит. Одно знал краснобородый иранец точно: что, если он не угодит эмиру, обезглавленное тело его будут терзать шакалы.

— Я не могу сделать то, что вы просите,— повторил мастер.— Но я знаю человека, который превзошел меня в искусстве строителя.

— Кто он и где его можно найти? — нетерпеливо спросила Биби-ханум.

— Он в Самарканде. Зовут его Али. Он тоже иранец...

— Пусть приведут его ко мне.

— Моя повелительница, он раб. Он живет в Хизаре вместе с другими пленниками твоего мужа.

Али вошел в комнату, где его ждала Биби-ханум, и опустился на колени.

Женщина внимательно и недоверчиво рассматривала молодого раба. Даже сейчас, когда он стоял на коленях, было видно, что он высок и строен. Узбекский поношенный халат, был тесен для сильного тела, и Биби-ханум невольно отметила, что грудь раба мускулиста и бронзова от загара.

— Ты действительно умеешь строить мечети? — спросила женщина.

— Да,— не поднимая головы, сказал раб.

— Ты знаешь, зачем я позвала тебя?

— Откуда мне знать мысли великих, тех, кто правит миром?

— Посмотри на меня,— властно приказала Биби-ханум.

Раб поднял голову. Глаза его, глубокие и темные, заблестели, а на смуглом красивом лице появилась улыбка.

— Чему ты смеешься? — недовольно спросила Биби-ханум.

— А разве грешно улыбаться, если видишь перед собой утреннюю звезду?

— Я позвала тебя не для того, чтобы выслушивать твои слова. Слушай то, что хочу сказать тебе я. Ты смог бы построить мечеть, красота котрой затмила бы красоту тех, которые уже видели люди?

— Могу,— не задумываясь, сказал раб.

— Тогда я повелеваю тебе...

— Что получу я за свою работу? — дерзко спросил раб.

— Ты будешь свободным...

Тот тихо, загадочно засмеялся:

— Этого мало, моя повелительница. Я готов до конца дней оставаться рабом...

— Если тебе этого мало, возьми все, что пожелаешь...

Биби-ханум испытывающе смотрела на раба. Скрытый смысл почудился ему в словах, но он заговорил снова, совсем серьезно:

— Я построю мечеть... Нет на свете ничего дороже красоты... О цене договоримся позже...

Тысячу рабов, знающих тайну замеса глины и резьбы по ганчу, изготовлению кирпича и обжигу цветных изразцов, велела предоставить Биби-ханум мастеру Али. Место для будущей мечети иранец выбрал сам. Оно занимало сто шестьдесят семь шагов в длину и сто девять в ширину. По замыслу мастера, в центре площади должна подняться главная мечеть с голубым куполом, а по краям ее — две поменьше. Пройти к главной мечети можно было только через огромные, украшенные цветными изразцами и исписанные сурами из Корана ворота — пештак. По углам высокой стены должны подняться четыре двадцатиметровых минарета, с которых каждый день на рассвете и закате голосистые муэдзины призывали бы правоверных на молитву во имя всемогущего и справедливого аллаха.

Минул год после того дня, когда Биби-ханум повелела мастеру Али начать строительство мечети, прежде чем она впервые приехала посмотреть на то, что уже сделано.

Увиденное поразило ее. Она долго ходила среди стен, украшенных цветными плитками и таинственно переплетающимися, загадочными узорами. Удивительной арабской вязью повсюду начертаны суры из Корана. Работы оставалось немного — полностью был готов пештак и две боковые мечети уже сияли голубыми куполами. Не было купола только над центральной, главной мечетью.

— Ты сделал то, о чем я мечтала,— сказала Биби-ханум мастеру.— Эта мечеть достойна великого Тимура. Поспеши с главным куполом.

Али дерзко глянул на женщину, и в темных глазах его засветился вызов:

— Я не могу выполнить то, о чем ты говоришь, моя повелительница, потому что...

— Чего тебе не хватает?

— Твоей любви.

Биби-ханум растерялась, к смуглым щекам прилила кровь. Никто еще в жизни не решался с ней говорить так откровенно и дерзко.

— Моей любви? — переспросила она.

— Да,— сказал мастер. Плечи его вдруг поникли.— Я полюбил тебя в тот день, когда впервые увидел! Любовь помогла мне сотворить то, что ты сегодня увидела. Она давала моей мечте крылья. Не знаю, поймешь ли ты меня, но сейчас, когда работа подошла к концу, именно любовь и дает мне ее завершить. Мечта моя увяла, как цветок, лишенный влаги в жаркий полдень, а руки бессильны.

— Разве ты забыл, кому я принадлежу?!

— Знаю! Но Тимур не страшнее смерти! Ради тебя я готов умереть в любой миг!

— Ты умрешь, если помутившийся твой разум не озарит свет благоразумия. Я даю тебе неделю, и если ты не станешь продолжать работу...

Биби-ханум резко повернулась и пошла к ожидающим ее нукерам.

Шел пятый год с той поры, как Хромой Тимур подчинил своей воле Мавераннахр. Покорились ему сопредельные земли, имя его было в зените славы, а воинская доблесть сделалась подобной обоюдоострому сверкающему мечу, вознесенному мощной рукой к вечно синему небу.

Никто и никогда не знал тайных мыслей Хромого Тимура, никто не мог сказать, куда направит он завтра своего коня и каие земли содрогнутся от невиданной жестокости его туменов.

Когда звезда удачи зажигается на небосклоне судьбы воителя, он не устает ходить в походы и не дает своему мечу заржаветь в ножнах. Решив навсегда покончить с ханством моголов, он двинул свое войско на Восточный Туркестан и Семиречье.

Весть о том, что в Самарканд, спасаясь от преследования Уруса, прибежал Тохтамыш, застала его в пути. Он оставил управлять войском вместо себя преданных ему доблестных военачальников — Мухаммедбека, Аббас-эмира и Актемир-батыра, сам же, отправив вперед гонца, спешно выехал в Самарканд.

Хромой Тимур был жесток и кровожаден, но это не мешало ему смотреть далеко вперед и предугадывать события. Вот и сейчас он прекрасно понимал, что рано или поздно Орда может стать его врагом. Мавераннахру грозит серьезная опасность. Могучие соседи заставят отказаться от мысли подчинить себе Хорасан и Хорезм и смогут угрожать самому Тимуру, вынуждая его сидеть в своих землях смирно и тихо. Этого правитель Мавераннахра допустить никак не мог. Именно поэтому он заторопился в Самарканд, когда узнал, что там находится Тохтамыш. На сына убитого Урус-ханом мынгышлакского эмира Той-Ходжи Тимур возлагал особые надежды: тщеславный Тохтамыш мог внести большую смуту в Белую Орду, а если ему помочь воинами и оружием, то борьба его против убийцы отца могла затянуться долго и тем самым ослабить предполагаемых врагов.

Биби-ханум радушно приняла Тохтамыша. Она знала тайные замыслы Тимура и, чтобы беглец не скучал до приезда мужа, велела всячески развлекать его. Почти ежедневно устраивались соколиная охота и всякие другие развлечения.

Тохтамыш был джигитом рослым, широкоплечим, из-под высокого лба на мир смотрели карие умные глаза. Он производил впечатление человека спокойного, задумчивого, а порой и скрытного. Но мало кто знал, как честолюбив Тохтамыш. За спокойной внешностью до поры до времени были упрятаны и решительность в поступках, и мстительность, и быстрота, и горячность. Из всех решений он умел выбрать единственно правильное.

Предаваясь развлечениям, устроенным для него Биби-ханум, он внимательно присматривался к тому, что происходило в ставке Тимура. Шло время, и он все больше верил в то, что избрал правильный выход, когда решил бежать в Самарканд.

Судьба, а порой и слепой случай ткут ковер человеческой жизни. Здесь, во дворце Тимура, свел случай Тохтамыша с девушкой по имени Кунайым-Жупар-бегим. Она была красива, стройна, а серые глаза ее доверчиво смотрели на мир. Девушка была из рода бурлас, к которому принадлежал и сам Хромой Тимур.

Тохтамыш встретился с нею на скачках, и души их потянулись друг к другу. Биби-ханум заметила и не стала мешать сближению молодых людей. Однажды на охоте они затерялись в густых зарослях на берегу небольшой речки и, стреножив коней, впервые испили пригоршню радости из родника наслаждения. Здесь же девушка шепнула Тохтамышу, что Хромой Тимур через неделю прибудет в Самарканд.

Возвращение Хромого Тимура в ставку было подобно возвращению огромной сказочной птицы самрук к своему гнезду. Весть о его скором приезде распространилась по базарным площадям и пыльным городским улицам. Беспокойство поселилось в душах людей. Милость или гнев выплеснет жестокий и неожиданный в своих решениях правитель после долгого отсутствия? Этого не мог предсказать ни простолюдин, ни прославленный звездочет. Неуверенность поселилась даже в душах близких к Тимуру людей.

Забеспокоилась и Биби-ханум. Спешно отправилась она к строящейся мечети, и гнев охватил ее от того, что она увидела. Главный купол еще не был готов. Мастер Али сидел в тени, отбрасываемой на пыльную землю величественным пештаком, и не то находился в глубокой задумчивости, не то дремал.

В гневе направила Биби-ханум своего коня прямо на мастера и, когда тот испуганно вскинул голову, закричала:

— Мой повелитель прибывает через неделю, а купол еще не закончен! Или тебе надоело носить свою голову на плечах?!

— Я уже говорил... Купол не будет готов до тех пор, пока ты не исполнишь моего желания,— упрямо сказал мастер.— Разреши мне хотя бы поцеловать тебя, и это даст мне новые силы...

Биби-ханум охватила ярость. Мастер не повиновался ни приказам, ни уговорам. И тогда она изо всех сил хлестнула Али камчой по голове.

Мастер тихо засмеялся:

— Твой удар для меня как ласка.

Биби-ханум обернулась к сопровождавшим ее нукерам:

— Возьмите раба и бросьте его в зиндан. Пусть там дожидается своего часа, когда палач прервет его глупую жизнь!

В этот же день Биби-ханум велела позвать к себе мастера Джусупа Ширази и приказала ему сделать то, от чего отказывался Али.

— Я видел мечеть,— задумчиво сказал Джусуп.— Это поистине великое творение. Но я ничем не могу помочь тебе, моя повелительница. У каждого мастера своя тайна, своя мысль. И если в это вмешивается другой человек, то, как правило, из этого ничего не выходит. Начатое одним и завершенное другим теряет гармонию. Мой совет вам — попытайтесь уговорить Али завершить купол. Быть может, побывав в зиндане, он станет более сговорчивым...

Был вечер, когда Биби-ханум велела привести к себе Али.

— Я велю обезглавить тебя,— тихо сказала она.— Завтра весь народ увидит, как покатится на землю твоя голова.

— Смерть от твоей руки станет мне наградой. Полюбив тебя, я сразу же понял, какая участь ждет меня...— Глаза мастера горели безумным светом, и Биби-ханум поняла, что ни обещанием награды, ни угрозами его не сломить.

Она вдруг без прежней злости посмотрела на Али и, как в первый день, когда увидела его, заметила, что раб красив. У Али были сильные, большие руки, мускулистая бронзовая грудь... Биби-ханум прикрыла глаза и вдруг, поддавшись охватившему ее волнению, тихо сказала:

— Подойди ко мне...

Тимур возвращался в Самарканд в хорошем настроении. Мысли его были заняты предстоящим разговором с Тохтамышем, и он знал, как поступит дальше и что скажет беглецу из Белой Орды.

За несколько дней пути от Самарканда Тимура встретил Саидахмед-ата — любимый ученик известного во всей Средней Азии шейха Ахмеда Яссави.

— Какие новости ты привез мне? — спросил Тимур.— Я долго отсутствовал в землях, которые по воле аллаха принадлежат мне, и потому обязан все знать.

— Тихо и спокойно в Самарканде, мой гурхан. Все с нетерпением ждут твоего возвращения, и лица людей, подобно лику луны, сияют от счастья, что скоро смогут вновь увидеть тебя. Ваша жена, пресветлая Биби-ханум, приказала в вашу честь построить прекрасную мечеть.

Саидахмед-ата владел красноречием в совершенстве и потому рассказал о мечети.

Довольная улыбка тронула губы Тимура.

— Мечеть строил Джусуп Ширази? — спросил он.

— Нет. Ее построил раб из Ирана Али.

— Откуда он взялся и кто отыскал его?

— Он был среди плененных тобой мастеров, а нашла его сама Биби-ханум.

Лицо Тимура стало суровым, и он больше ни о чем не спросил у Саидахмеда-ата.

У городских ворот гурхана встречали тысячные толпы людей, с высоких крепостных стен неслись хриплые вопли сырнаев и карнаев, приветствуя Тимура. Но он не спешил ехать во дворец. Он приказал Саидахмеду-ата проводить его к новой мечети. Хмурый, сидя в седле боком, ехал Тимур по улицам города.

У мечети он слез с коня, бросил повод нукерам и сказал:

— Пришло время вечернего намаза. Так давайте совершим его в новой мечети.

Тимур прошел под сводами величественного пештака и, словно он десятки раз бывал здесь, уверенно пошел туда, где находилась михрабе — площадка — место для совершения намаза.

Глубоко упрятанные под надбровными дугами его глаза внимательно рассматривали мечеть. Обернувшись к Саидахмеду-ата, он спросил:

— Скажи, не будет ли грехом, если мы совершим намаз без омовения? Ведь мы с дороги...

— Нет, мой повелитель,— закивал головой Саидахмед-ата.— Аллах прощает человека, если чисты его помыслы.

Закончив молитву, Тимур долго ходил по мечети, трогал рукой теплые голубые стены, потом задумчиво сказал:

— Только человек влюбленный может создать подобное чудо.— Глаза его сделались жесткими, лицо окаменело. Тимур повернулся к сопровождавшему его визирю: — Вели отрезать голову мастеру Али, а когда наступит ночь, пусть принесут ее во дворец, в покой Биби-ханум.

Прихрамывая больше обычного, он вышел из мечети и взобрался в седло.

Ночью, придя в покои Биби-ханум, Тимур долго всматривался в прекрасное лицо жены. Полураздетая, она сидела на постели, а он не спешил коснуться ее и предаться любви.

Наконец Тимур сказал:

— Ты сделала мне замечательный подарок. Мечеть действительно удивительна. Ничего подобного я еще не видел. Пусть же отныне она называется твоим именем. Так хочу я...— Он помолчал.— Заставить мастера построить такую мечеть не смог даже я — человек, перед которым трепещут люди. Видимо, страх не может родить чуда. Видимо, правильно говорили в старину, что крепость, которую не сможет взять военоначальник с десятью тысячами отважных воинов, легко покорят или осел, груженный золотом, или красивая женщина... Ты сумела заставить мастера Али... В этом твоя тайна... Чтобы она не лежала тяжким грузом на твоей душе, я велел обезглавить мастера...

Глаза Тимура сделались злыми и колючими. Он хлопнул в ладоши. Неслышно отворилась дверь, и в ее проеме возникла фигура стражника. На вытянутых руках он держал большое деревянное блюдо, прикрытое куском ткани.

— Подойди и посмотри! — властно приказал Тимур жене.

Медленно приблизилась Биби-ханум к стражнику, держащему блюдо. Дрожащей рукой откинула ткань и отшатнулась. На блюде лежала голова Али.

Справившись с волнением, Биби-ханум коснулась указательным пальцем белого лба мастера.

— Увидела?!

— Да,— твердо сказала женщина, и на лице ее не дрогнула ни одна черточка.

Тимур махнул рукой, и стражник исчез, почтительно затворив за собой дверь.

— Теперь забудем о нем,— сказал устало Тимур.— Жена гурхана должна быть безгрешной, живя среди греха, честной — среди моря лжи... Тебе понятно? А теперь потуши светильники...

Хромой Тимур не был чингизидом, а потому не мог объявить себя ханом. После женитьбы на вдове эмира Хусаина он велел называть себя гурханом и был доволен этим. Это звание возвышало его над другими эмирами, а сильное войско, стоящее за ним, заставляло их беспрекословно подчиняться новому правителю Мавераннахра. В кипчакской степи тюрки-кочевники называли его не «гурхан», а близким по звучанию словом «гореген», что означало «дальновидный». Персы же добавили к его имени слово «лангу» — «хромой». Чуть измененным дошло имя Тимура до русских и западноевропейцев. Здесь его стали называть Тимурлан — Хромой Тимур.

Нелегким и запутанным бывает возвышение восточного правителя, а путь, по которому ему приходится идти, всегда обильно полит кровью.

Эмира Хусаина Тимур убрал руками его брата Кайгусара, затем позволил близким Хусаина расправиться с Кайгусаром. И сейчас, готовясь встретиться с Тохтамышем, Хромой Тимур задумал подобное. Кто, кроме Тохтамыша, мог сильнее всех желать смерти Урус-хану, убившему его отца Той-Ходжу? Именно поэтому для Тохтамыша готовился самый сердечный прием. Когда он вошел в покои, где дожидался его Тимур, гурхан поднялся навстречу и, коснувшись грудью груди Тохтамыша, усадил его рядом с собой на почетное место.

— Легка ли была твоя дорога до Самарканда, батыр-оглан? — спросил Тимур.

Вопрос был праздный и больше задавался по традиции. Какой может быть дорога у беглеца, спасающего свою жизнь?

Тохтамыш улыбнулся:

— Я жив, значит, все слава аллаху... Видимо, и в том его воля, что пришлось мне подобно вору бежать темной ночью с родной земли...

Они проговорили долго. О чем был разговор, не знал никто, но, когда он закончился, Тимур велел позвать эмиров, беков и всех начальников.

— В нашем доме почетный гость. Прежде чем отпраздновать его приезд, я хочу сказать вам... Воробей, спрятавшийся в гнезде сокола, избежит когтей ястреба. Тохтамыш — не воробей, он — сокол с глазами, налитыми кровью. Он пришел к нам не для того, чтобы, собрав силы, сломать ему крылья. Тохтамыш — наш друг и враг нашим врагам...

— Твои слова полны мудрости, гурхан,— согласились присутствующие.

— Хорошо, что вы поняли меня.— Тимур обвел всех пристальным взглядом, и все опустили перед ним глаза.— Тохтамыш должен почувствовать себя у нас сильным и свободным, как чувствовал он это на родной земле. Для этого мы дадим ему все, что он пожелает.

Сказав это, Тимур набросил на плечи гостя дорогой халат и насыпал в каждый карман по горсти золота и драгоценных камней. Затем протянул Тохтамышу булатный меч.

— Пусть поставят для Тохтамыша отдельный шатер, пусть дадут ему стада скота,— приказал Тимур своему визирю.— Кроме того, мы дадим ему главный город Белой Орды Сыганак и еще города Отрар и Сауран.

Дверь, ведущая в женские покои, растворилась, и нукеры гурхана внесли знамя и барабан — даулпаз.

Тохтамыш слушал Тимура с улыбкой.

— Вы дали мне меч, знамя и даулпаз,— сказал он.— Но Сыганак, Отрар и Сауран принадлежат Урус-хану.

— Сегодня — да, но завтра они станут твоими.

— Каким образом?

— Ты отнимешь их у Урус-хана.

— Со мной два спутника...

— Под твоей рукой будет доблестное войско Мавераннахра. Завтра у тебя будут воины из рода жалаир.

Тимур хорошо знал, что делал. С первых дней своего правления в Мавераннахре он сумел привлечь на свою сторону потомков Джагатая, его поддерживал и род барлас, выходцем из которого он был, и только жалаирцы смотрели на гурхана косо, словно выжидали чего-то. Их-то он теперь и отдавал под начало Тохтамыша, который должен был подвластное ему войско увести в земли Белой Орды.

— Есть ли у тебя еще желания? — спросил Тимур.

— Нет. То, что вы сделали для меня, не имеет цены.

Тимур вдруг нахмурился:

— У тебя есть еще одно желание, но ты почему-то не хочешь мне о нем сказать...

Тохтамыш виновато опустил голову.

— Тогда скажу я. Коня не удержишь на чужбине без привязи, человека — без верной жены. Земля Мавераннахра должна стать для тебя родной. Мне известно, что есть у тебя на примете достойная девушка. Это Кунайым-Жупар-бегим. Если я не ошибся и ты действительно хочешь владеть ею — то возьми.

— Я не решался просить об этом...

Тимур поднялся со своего места.

— Все свободны до вечера. Пусть на той, который мы устроим сегодня в честь нашего гостя, придет священнослужитель, чтобы соединить молодых. Но не забывай,— Тимур повернулся к Тохтамышу,— Кунайым-Жупар-бегим — дочь моего младшего брата...

— Для меня великая честь породниться с вами,— горячо и искренне сказал Тохтамыш.

Никому не дано знать, что хранит в своих переметных сумах для него судьба. Пройдут годы, и в борьбе за власть Хромой Тимур, принимающий с таким почетом своего нового родственника, станет врагом Тохтамыша, а тому будет сниться во сне, как он перерезает горло гурхану.

В год барса (1362), став ханом Белой Орды, Урус сделал местом главной ставки город Сыганак. Едва почувствовав, что власть его укрепилась, он созвал на большой совет эмиров, беков, биев, старейшин родов, известных батыров. Щедр был Урус-хан. Каждого одарил богатым, достойным звания и положения подарком.

На совете Урус повел разговор о походе на Золотую Орду, и все согласились с ним. Было решено, пользуясь слабостью и междоусобицами, охватившими Золотую Орду, поставить ее на колени и, соединив с Белой Ордой, как в прежние времена, избрать нового хана. Им должен стать Урус-хан. Против этого замысла пошел только эмир Мынгышлака, отец Тохтамыша,— Той-Ходжа. Урус-хан убил его.

Урус-хан был умным правителем. Он умел смотреть вперед. Мавераннахр, Хорасан, Хорезм — все это были мелочи по сравнению с бескрайней Дешт-и-Кипчак. Он чувствовал, что пройдет немного времени, и, если не взять Золотую Орду под свое крыло, ее растащат по клочьям соседи, которые станут еще сильнее, и тогда кто знает, чем это обернется для него самого.

Несколько лет ушло у Урус-хана на подготовку сильного войска, способного победить Золотую Орду. Когда приготовления были окончены, он послал своих воинов под предводительством кипчакских батыров Ер Косая, Ер Кокше, Каракесека, Ер Саина, Ер Таргына, Нарик-улы Шори в сторону Жаика. В коротких стычках они разбили золотоордынские отряды, высланные им навстречу. Време-

на для него были благоприятными. В Сарай-Берке скончался хан Золотой Орды — Айбек, и на трон сел его сын Кари-хан.

Еще через год, так же неторопливо, Урус-хан поднялся с войском вверх по Итилю и захватил Сарай-Берке. Некогда могучая Золотая Орда отныне была в его руках, но предстояло еще взнуздать этого степного коня. А для этого должен был подчиниться Мамай, владевший Крымом и частью Саксина, выразить покорность булгары, мордва и башкиры — старые данники Орды.

Мамай в это время находился в зените славы, и удача сопутствовала ему, поэтому Урус-хан не решился вступить с ним в борьбу. И в верховья Итиля и Камы он решил до поры до времени не ходить, подумав, что будет разумнее укрепиться на захваченных землях.

Именно в это время дошли из Самарканда тревожные вести — с войском, которое дал ему Тимур, Тохтамыш двинулся на покорение Сыганака, Отрара, Саурана. Могучая рука Хромого Тимура направляла сына покойного мынгышлакского эмира.

Урус понял, что он недооценил Мавераннахр. Пока он был занят своими делами, там вырос сильный и коварный противник. И вот теперь интересы их столкнулись. И то, что Тимур дал Тохтамышу войско, говорило о том, что гурхан почувствовал свою силу и борьба предстоит не из легких.

Лазутчики приносили тревожные вести — Тохтамыш шел к Сыганаку, и надо торопиться, чтобы защитить земли Белой Орды.

Урус-хан спешно направил гонца к среднему сыну Кутлук-Буги, которого оставил в Орде вместо себя, с приказом постараться в битву с Тохтамышем не вступать, а ждать, когда он сам подойдет с войском.

Урус-хан хотел оттянуть время, Тохтамыш торопил события. И вскоре обстоятельства сложились так, что главные силы Кутлук-Буги и Тохтамыша встали друг против друга в степи южнее Отрара. Битву нельзя было откладывать.

На рассвете загремели барабаны, хриплые и тревожные понеслись над просыпающейся степью звуки карнаев, и слитный гул тысяч коней заставил задрожать землю.

Кутлук-Буги был уверен в победе. С высокого холма хорошо просматривалось поле битвы. И каждый воин мог видеть своего предводителя. Белое знамя билось на ветру над головой Кутлук-Буги, а сам он был одет в тускло поблескивающую кольчугу, для которой не страшны стрелы с самыми крепкими наконечниками.

Лишь напротив сердца в кольчуге оставлена маленькая дырочка, которую называли «судьбой» или «глазком».

«Жизнь и смерть человека в руках всевышнего,— говорил пророк Мухаммед.— Спасаться от смерти, прикрыв свое тело кольчугой, значит, идти против воли аллаха. Поэтому, коль определена тебе смерть, пусть стрела врага или острие его копья отыщет эту дырочку, и свершится божья воля». И если человек оказывался убитым именно через этот «глазок», его считали избранником самого аллаха и, будь это свой или враг, хоронили с почестями.

Кутлук-Буги верил, что еще не наступила пора, когда отпущенный ему срок жизни должен прерваться, и поэтому был спокоен.

На другом холме находился Тохтамыш. Приплясывал под ним темно-серый тулпар, рвался в битву. На Тохтамыше не было кольчуги, только островерхий железный шлем украшал его голову да две стальные пластины прикрывали грудь и спину. Богатырского сложения нукер держал над ним зеленое знамя Тимура.

Две конные лавины сначала легкой рысью, потом галопом, потом неудержимым потоком ринулись навстречу. Желтая пыль закрыла небо, сделалось так темно, что люди видели друг друга не далее, чем на длину древка копья. Слы-

шаля звон сабель, удары тяжелых дубин по окованным железом щитам, крики ярости и боли, отчаянное ржание лошадей.

Трудно было понять, на чью сторону склоняется счастье, и лишь к полудню пыльное облако поредело, распалось, и стало видно, что белоордынские воины теснят тумены Тохтамыша.

Кутлук-Буги, видя, что враг дрогнул, поскакал со своими нукерами ближе к месту битвы, чтобы приблизить миг победы. Вокруг, словно тени, проносились всадники,— одни пытались спастись бегством, другие преследовали их. И вдруг один из отступающих привстал на стременах и, оборотясь назад, натянул тугой лук.

Тонко взвизгнула стрела и впилась в грудь Кутлук-Буги прямо напротив сердца, в «глазок» на кольчуге. На всем скаку вылетел из седла предводитель белоордынского войска и покатился под ноги мчащихся коней.

Вопреки ожиданиям, поражение Тохтамыша не расстроило Хромого Тимура. С почетом встретил его гурхан и вновь дал все, для того чтобы тот смог набрать новое войско,— и золото, и оружие.

Не прошло и года, как вновь сошлись противники. Теперь близ Саурана. Белоордынское войско возглавлял Токтихия — старший сын Урус-хана. И снова бежал Тохтамыш с поля битвы, потеряв большую часть своих воинов.

Выручил быстроногий конь. Домчавшись до берега Сейхуна, Тохтамыш торопливо разделся и, вцепившись в хвост коня, поплыл к противоположному берегу.

Он был уже далеко, когда к месту, где он бросил одежду, подскакали преследователи во главе с Казанши-батыром. Батыр был отличным стрелком. Пущенная им стрела достала Тохтамыша, но, видимо, не настало еще время, когда должна была прерваться нить жизни этого человека. Стрела не попала в торчащую над водой голову Тохтамыша, а впилась в руку, которой он держался за хвост коня. Ослабли, разжались пальцы, и Тохтамыш исчез в мутных волнах Сейхуна.

Казанши-батыр был уверен в зоркости своего глаза, и потому он повернул от реки коня. Но Тохтамыш не утонул. Теряя последние силы, выбрался он на берег и, истекая кровью, упал в заросли колючей джиды. Рану перевязать было нечем, потому что на нем не осталось никакой одежды.

Спасшиеся в битве воины, более удачно переплывшие Сейхун, нашли своего предводителя полумертвым. Они одели его в сухую одежду, напоили отварами целебных трав и вернули к жизни.

И в этот раз было непонятно, о чем думал Хромой Тимур. Он встретил Тохтамыша в Бухаре, и ни тени недовольства не мелькнуло на его каменном лице, когда он узнал о новом поражении. Одарив Тохтамыша богатыми подарками, Тимур велел ему ехать в Самарканд.

— Нельзя, чтобы люди считали тебя воробьем, потрепанным ястребом,— сказал он с усмешкой.— Человек, который объединился с гурханом Тимуром, даже потерпев поражение, должен чувствовать себя победителем.

У Хромого Тимура были основания усмехаться. Урус-хан победил Тохтамыша, но он же собственными руками начал копать себе могилу. Никто пока в Мавераннахре не знал об этом, кроме Тимура. Тайный гонец, посланный беком из окружения Уруса, только что сообщил, что хан расправляется с собственной знатью, подозревая многих в измене. Потеряли свои головы несколько ни в чем не повинных эмиров. Среди казненных и бек города Кумкента — Кутлуккия.

— Печальные вести принес ты,— сказал Тимур гонцу.— Значит, Урус-хан не испугался даже духа — аруаха волосатого Баба-Азиза?

— Нет. Хан после победы над Тохтамышем не боится не только духов святых, но, похоже, и самого аллаха.

— Смелый Урус человек. Очень смелый...— неопределенно сказал Тимур.

Мусульмане знали, что три поколения предков правителя Кумкента — Кутлуккия верно служили Золотой Орде. Далекий предок бека Баба-Туклис из рода белых мангитов, прозванный в народе волосатым Баба-Азизом, был шейхом гибратханы — мечети-усыпальницы в Мекке, и после смерти его причислили к лику святых. Его сын Сеиднакиб был шейхом Золотой Орды во времена Узбека. Он же и обратил хана в мусульманство.

Прав был Хромой Тимур. Высоко замахнулся Урус-хан, и вполне могло случиться, что, казнив Кутлуккия, он тем самым мог уронить топор на свои ноги.

Этой же ночью прибежал в Бухару и попросил защиты у Хромого Тимура сын Кутлуккия-бека двадцатипятилетний Едиге. Имя этого человека было известно в Дешт-и-Кипчак, и потому Тимур принял его, оказав почести, подобающие человеку из знатного рода.

— Что привело тебя ко мне? — спросил гурхан. Он знал, что ответит Едиге, и все-таки ждал его слов.— Если ты хочешь спокойной жизни, я дам тебе скот, юрты, женщин. Если же ты ищешь борьбы, то и здесь я смогу помочь тебе.

Едиге упрямо тряхнул головой:

— Разве можно думать о спокойной жизни, когда кровь отца требует отмщения?! Разве можно простить Урус-хану его поступок с моей сестрой Акмангит-Айым-бике?!

— Что сделал Урус с твоей сестрой?

— Ее, подобно рабыне, связали, бросили поперек седла и увезли в аул его младшего сына Темир-Малика. Тот насильно сделал мою сестру своей младшей женой.

— Обида твоя глубока. Ты имеешь право на месть,— задумчиво сказал Тимур.— Но хватит ли у тебя на это сил, сможешь ли ты до конца идти выбранной дорогой?

— Смогу! — глаза Едиге горели сумасшедшим огнем.— Я клянусь, что если судьба помешает мне убить Урус-хана, я убью его сына. Если и здесь кто-нибудь опередит меня, я убью сына его сына!

И, словно поддразнивая Едиге, Тимур сказал:

— Клятва твоя страшна. Она достойна мужчины и воина... Но время покажет, чья сабля крепче.

— Пока я дышу, я буду мстить! — Едиге помолчал.— Известно ли тебе, гурхан, что Урус готовится напасть на Мавераннахр?

— Нет. Но я думал об этом.

— Скоро к тебе придут люди хана и потребуют выдать Тохтамыша...

— Пусть приходят,— безразличным голосом сказал Тимур,— я давно жду их.

Едиге не обманул Хромого Тимура. Вскоре в Бухару прибыло посольство Урус-хана во главе с Кепек-мангитом и Тулужан-батыром.

Послы держались независимо, вели себя дерзко. Они передавали слова Урус-хана: «Тохтамыш убил моего сына, а ты дал ему приют и убежище. Свяжи Тохтамышу руки и ноги и отдай моего врага мне. Если же не сделаешь этого, быть великой битве».

Тимур ответил коротко и без должного почтения: «Воробей от ястреба прячется в тальнике. Тохтамыш нашел убежище у меня. Я не выдам его тебе. Если же ты хочешь крови, я готов».

Послы не остались ночевать в Бухаре, не отведали еды со стола гурхана — они сразу выехали в обратный путь.

Стало ясно: предстоит жестокая битва, после которой навсегда уйдет в небытие или Урус-хан, или Хромой Тимур. Двоим им сделалось на земле тесно.

В конце месяца казан (октябрь) в год дракона (1376), словно две высокие и неприступные стены, встали друг против друга в степи близ Отрара войска Тимура и Урус-хана.

По ночам, когда во враждующих станах воины разжигали костры, чтобы сварить мясо, звезды на небе меркли, так много было огней. По сто тысяч воинов привели на битву Урус-хан и Хромой Тимур.

Близилось время зимних холодов, и потому спор следовало решить как можно скорее, чтобы те, кто уцелеет в битве, успели вернуться в свои аулы, к теплым жилищам.

Главной ударной силой каждого из войск была конница, но у Тимура были и пешие отряды, состоящие из таджиков и узбеков, отлично владеющих луками и копьями.

Прошло несколько дней во взаимном выжидании, наконец Тимур в священный для мусульман день недели — пятницу — решил двинуть свои тумены на войско Урус-хана.

Совершив вечерний намаз, воины Мавераннахра легли спать, чтобы встретить утро полными сил.

В полночь над степью завыл голодным волком ветер. Он принес с севера тяжелые тучи, полные ледяного дождя и колючего снега. Долго не наступал рассвет, но, когда он пришел, ветер усилился настолько, что валил с ног, а из-за летящего снега вокруг не было ничего видно.

Большинство воинов, одетых по-летнему, дрожали от холода, пытаясь согреться у дымных кизячных костров.

И Тимур, и Урус-хан понимали, что начинать битву нет никакого смысла. Ни конница, ни пешие воины не смогли бы драться на раскисшей, заметенной мокрым снегом земле. Каждый молил аллаха о хорошей погоде, но небо, закрытое тучами, не пропускало их слов, и молитвы не достигали ушей бога.

Почти без перерыва, целый месяц, дул над степью холодный порывистый ветер, а когда он прогнал мокрые тучи и небо сделалось ясным, ударили морозы, и напитанная водой степь, заблестела от сковавшего ее льда. Кони не могли добыть себе корм, не могли даже передвигаться по степи. Их некованые копыта скользили по льду.

О сражении не могло быть и речи. Первым приказал начать отход Урус-хан. То же приказал и Хромой Тимур. Словно две огромные, обессилевшие змеи поползли в разные стороны по степи. Но Тимур не был бы Тимуром, если бы напоследок не попытался укусить врага.

Пятьсот всадников на лошадях, еще сохранивших силы, с обмотанными кусками войлока копытами, ночью ударили по отходящему войску Уруса. Но белоордынский хан был начеку и сумел дать отпор. Потеряв несколько десятков джигитов, отряд вернулся к войску Тимура. В этом ночном бою острие вражеского копья глубоко вспороло ногу сына Урус-хана — Темир-Малика.

Уползли в свои логова две змеи, чтобы, дождавшись теплых дней, вновь встретиться на степных просторах.

Хромой Тимур решил не уходить далеко от места будущей схватки и, достигнув окрестностей города Кеша, остановил свои тумены на зимовку. Здесь было тепло, и лошади могли прокормиться до весны на подножном корме.

Урус-хан был немолод. На обратном пути он почувствовал недомогание и, оставив войско под началом батыра Каракесека, поспешил в Сыганак. Лучшие знахари и колдуны пытались прогнать боль, засевшую в сердце хана, но все было напрасно. На третий день после своего приезда в Сыганак Урус-хан умер.

Велико было горе его жен и десяти сыновей. Во всех аулах, принадлежавших им, слышались стенания и плач. Белая Орда до самой весны была подобна телу без головы — эмиры судили и рядили, кому из сыновей Уруса быть ханом. И едва успели прийти к согласию и подняли на белой кошме самого старшего из них — Токтикия, как Тимур, подобно волку, ждавшему добычу в засаде, стремительно двинул свои тумены от Кеша и наголову разбил неподготовленное к

битве войско Белой Орды. Токтикия еще некоторое время метался по степи, пытаясь собрать новые силы, но неожиданно заболел и умер.

Хромой Тимур, счастливый и довольный скорой и легкой победой, устроил в честь этого события большой той. Именно здесь, в цветущей весенней степи, он велел провозгласить Тохтамыша ханом. Отныне новому хану принадлежала Белая Орда и все земли, покоренные ею; отныне он становился единовластным правителем Дешт-и-Кипчак. На радостях, что осуществилась его давняя мечта, Тимур подарил Тохтамышу замечательного скакуна Каныкуклена, сказав:

— На нем ты легко настигнешь любого врага; если же придется бежать, конь спасет тебе жизнь...

Похоже, аллах дал Тимуру дар провидца. Он словно заранее знал, что должно произойти с Тохтамышем.

Тимур вернулся в Самарканд в начале года змеи (1377). И едва затворились за ним ворота, как вслед примчался гонец из Дешт-и-Кипчак:

— Белоордынские эмиры, выразив на словах Тохтамышу покорность, тайно сговорившись между собой, выбрали нового хана. Им стал младший сын Уруса — Темир-Малик.

Какой бы безбрежной ни была кипчакская степь, двум ханам здесь оказалось тесно. Темир-Малик, собрав войско, неожиданно напал на Тохтамыша и обратил его в бегство. Только быстроногий Каныкуклен выручил своего хозяина, спас от неминуемой смерти.

Снова Тохтамыш оказался в Самарканде. Подавленный бесконечными неудачами, он был жалок и тих. Отношение к нему Хромого Тимура внешне не изменилось, но неудачник всегда ищет виноватого. Ему стало казаться, что оставь Тимур больше воинов, и Темир-Малик никогда бы не отважился напасть на него.

Но каким бы сильным ни было отчаяние Тохтамыша, он не посмел выказать свою обиду гурхану. И с тех пор злоба к нему, подобно углям костра, постоянно тлела в Тохтамыше, укрывая слоем серого пепла. Тимур не отказал Тохтамышу в покровительстве, но и не спешил посылать в земли Орды войско, чтобы покарать эмиров-изменников. Он решил прежде подчинить себе Хорасан, Хорезм и Иран, а уже потом вновь вернуться к делам бывшего Джучиева улуса.

Тохтамыш по-прежнему нужен был Хромому Тимуру. Он считал, что рано или поздно сделает его золотоордынским ханом, и тот навсегда останется его верным и преданным человеком. Одно упустил из вида хитрый и подозрительный гурхан: Тохтамыш был из чингизидов, а потомки Потрясателя вселенной никогда не испытывали благодарности к тем, кто помог им в борьбе за власть, и не отличались верностью.

Ненависть к Тимуру все сильнее охватывала Тохтамыша. И последней каплей, окончательно сделавшей его заклятым врагом гурхана, стал случай, происшедший вскоре после бегства Тохтамыша из белой Орды.

Тимур устраивал большую облавную охоту. И, как повелось еще со времен Чингиз-хана, в ней участвовали тысячи людей. Простые воины в течение нескольких дней, окружив большое пространство, сгоняли все живое в одно место, и, когда в выбранном заранее урочище петля затягивалась, можно было увидеть бегущих рядом волка и оленя. Именно в это время приезжал сюда хан со свитой на прекрасных конях, сбруя которых была украшена серебром и драгоценными камнями. Хану предстояло начать охоту.

И если во времена Чингиз-хана такие облавы служили для того, чтобы воины не обрастали от безделья жиром и привыкали к трудностям походной жизни, а мясо добытых зверей делилось между всеми, кто принимал участие в облаве, то во времена Тимура охота превратилась просто в развлечение, и поэтому ханскую свиту сопровождали женщины и музыканты. Было весело, шумно,

бестолково, а яркие, дорогие одежды делали процессию похожей на караван, отправляющийся весной на джайляу.

Только опытный глаз мог заметить, что охотники не смешиваются между собой, что здесь царит строгий порядок, сложившийся за долгие годы. Ближе к Тимуру держались самые знатные эмиры Мавераннахра: Туман-Темир, Урунги-Темир, Биясаиддин-тархан, Бахти-ходжа и другие. Особняком стояли те, кто принадлежал к Чингизову роду. Так, Тохтамыш ехал рядом с ханом Мавераннахра Мухаммедом. Оба — ханы, но только по названию. У Мухаммеда как будто бы есть своя земля, подвластный ему народ, но на деле за него правит гурхан Хромой Тимур. У Тохтамыша нет ни земли, ни народа, одно звание.

Три дня продолжалась охота, три дня входили в круг, образованный воинами, гурхан и его эмиры и упражнялись в точной стрельбе из лука по мечущимся оленям и лисам, загоняли лошадьми и били тяжелыми соилами степных волков. И только на четвертый день круг разомкнулся, и уцелевшие после побоища звери бросились спасаться по степным оврагам и балкам.

Довольный охотой возвращался Тимур в Самарканд. Хрипло ревели карнаи, выводила свою протяжную мелодию зурна. У самых ног иноходца бежал прирученный гурханом волк Коксемсер. Тимур любил его за великую преданность. Несколько лет назад вот так же, на охоте, воины нашли волчье логово. Пять щенков оказалось там. Одного из них Тимур взял себе, остальных велел убить. Волчонок вырос возле гурхана, привык брать мясо из его рук и повиноваться только ему. Больше чем любому из своих нукеров доверял Тимур волку, и, если гурхану казалось, что ему грозит опасность, он брал с собою Коксемсера. Громадный зверь всегда был настороже и готов в любую минуту прийти на помощь своему хозяину. И на этой охоте Коксемсер отличился. Четыре степных волка нашли смерть от его клыков.

Только внешне могло показаться, что все эти дни Тимур был занят охотой. Незаметно, исподволь наблюдал он за эмирами в своем окружении, за беками и батырами. И в который раз уже его взгляд задерживался на батыре Едиге, прибежавшем к нему в свое время из Белой Орды. Крепость меча узнают по его лезвию, батыра — по его поступкам.

Тимуру вспомнилась охота. Они долго и безуспешно преследовали матерого огромного волка, но тот уходил от погони, уворачивался от ударов соила. Наконец он затаился в густых кустах таволги. Окружив его, охотники начали медленно приближаться к тому месту, где, по их расчетам, залег зверь.

Едиге ехал рядом с Тимуром. Они почти одновременно увидели волка. Зверь, изготовившись к прыжку, ждал момента для нападения. С его оскаленных клыков падала на землю желтая пена, шерсть на загривке стояла дыбом.

Тимур поднял соил для удара. Но зверь опередил его. Сильное, большое тело волка взвилось над землей. Не на Тимура бросился зверь, а на Едиге, который в этот момент был чуть ближе к нему. Прыжок был таким сильным, что грудь зверя ударилась о грудь батыра. Едиге успел схватить волка за горло.

Испуганно храпел под батыром конь, крутился на месте, а Едиге все сильнее сжимал пальцы на горле хищника. Тимур не спешил на помощь батыру, и, даже когда подскакали другие эмиры, он жестом руки остановил их, не разрешая вмешаться в схватку.

Весь подавшись вперед, с горящими глазами, следил Хромой Тимур за схваткой человека и зверя. Наконец тело волка перестало извиваться, язык вывалился на сторону, и Едиге, подняв зверя над головой, отшвырнул его далеко в сторону.

— Ты достоин похвалы,— уронил гурхан. Тимур был скуп на слова одобрения, и то, что он сказал, было самой высокой наградой.

Когда Едиге, собственноручно содрав шкуру с задушенного им волка, перекинул ее через луку седла Тимура, гурхан подумал: «Этот человек смел и щедр. Со временем он мне пригодится».

Дорога до Самарканда была не близкой. По пути предстояло проехать аулы Тохтамыша и Едиге. По давней традиции кочевников, они теплое время года проводили вдали от города, в степи, жили в юртах, как это делали и их предки.

Занятый своими мыслями, Тимур не заметил, как подъехал, поравнялся с ним Тохтамыш.

— Высокочтимый гурхан,— сказал он.— Совсем рядом мой аул. Если бы вы захотели отдохнуть с дороги и выпить пиалу кумыса, это была бы большая честь для меня.

Тимур посмотрел на солнце. Оно стояло еще высоко, день только перевалил на вторую половину, и гурхан согласился. Здесь-то и произошла та история, которая окончательно сделала Тохтамыша смертельным врагом Хромого Тимура.

Едва кони свернули в сторону виднеющегося невдалеке аула, как Коксемсер, спокойно трусивший до этого у ног коня гурхана, насторожился и заволновался.

Людям известно, что волк всегда остается волком, но откуда им было знать о том, что произошло почти четыре года назад. Тогда Коксемсер еще был щенком, а нынешняя жена Тохтамыша Кунайым-Жупар-бегим жила при дворе Тимура. Однажды девушка сидела в покоях Биби-ханум. Никто не заметил, как подкрался к ней волчонок и, играя, сильно дернул ее за длинную косу.

От неожиданности Кунайым-Жупар-бегим вскрикнула, а когда обернулась и увидела того, кто так напугал ее и причинил боль, в сердцах ударила Коксемсера. Волчонок не завизжал, не отпрянул в сторону. Он, совсем как большой волк, изготовился к прыжку и, оскалив клыки, зарычал.

— Какой маленький и такой грозный,— сказала с улыбкой Биби-ханум.— Ты напрасно ударила его. Коксемсер все-таки волк.

Кунайым-Жупар-бегим и сама сожалела о своем поступке. Волчонок нравился ей. Она достала из кармана кусочек иримшика — сладкого сушеного творога — и бросила его зверенышу. Но впервые тот не принял от нее лакомства, а отскочил в сторону, настороженно следя за рукой девушки. С этого дня Коксемсер больше никогда не играл с Кунайым-Жупар-бегим и, завидев ее еще издали, старался избежать встречи, отводил в сторону злые глаза.

Девушка тоже чувствовала неприязнь к себе волчонка, и, по мере того как он рос и превращался в большого зверя, страх все чаще приходил в ее сердце.

С того времени, как Тохтамыш взял Кунайым-Жупар-бегим в жены, она реже стала бывать во дворце гурхана и постепенно забыла о своей ссоре с волчонком. И вот теперь, когда Тимур и его свита повернули своих коней к аулу Тохтамыша, беспокойство, которое вдруг проявил Коксемсер, никого не насторожило. «Наверное, чует чужих собак,— подумал Тимур.— Туго им сейчас придется...» Он хотел приказать своему хурши — псарю, чтобы тот взял волка на привязь, но не успел. Коксемсер вдруг рванулся вперед и, вытянувшись всем своим огромным и длинным телом, стремительно понесся к аулу. Короткие уши его были плотно прижаты к огромной лобастой голове. Сердце подсказывало Тохтамышу, что сейчас случится несчастье. Огрев коня камчой, он помчался вслед за волком, но было поздно. Как в страшном сне увидел он то, от чего кровь в его жилах заледенела...

На краю аула стояли люди, вышедшие встречать гостей, и впереди всех была Кунайым-Жупар-бегим с годовалым сыном на руках. Со всего разлета, взвившись в воздух, волк бросился на женщину и вцепился в ее горло. Ребенок, завернутый в цветное одеяло, выпал из рук матери, отлетел в сторону. Хрипя, давясь слюной, волк продолжал терзать неподвижное окровавленное тело женщины, распростертое на земле. Тохтамыш выхватил саблю, на всем скаку уда

рил ею зверя. Голова Коксемсера откатилась в сторону. Тохтамыш развернул коня, хотел спрыгнуть с седла, чтобы подбежать к жене и сыну, но оказавшийся рядом Тимур властно крикнул:

— Стой! Не подходи к ним!

Подскакал личный лекарь гурхана Акшаш — белобородый старик с глубоко упрятанными под выступающими надбровными дугами умными глазами.

— Объясни мне, что произошло с Коксемсером. Он никогда не смел броситься на человека, не знал вкуса его крови.

Лекарь, не слезая с коня, наклонился над телами женщины и волка. Чуть в стороне тихо и жалостливо плакал ребенок.

— Гурхан,— сказал наконец Акшаш,— вся пасть Коксемсера в кровавой пене, а шерсть на мертвом теле еще стоит дыбом, и судороги все еще дергают ноги волка. Это признак бешенства. Коксемсер мог заразиться им во время охоты, когда дрался со своими дикими братьями.

Тимур покачал головой:

— Я тоже подумал об этом. Волк был послушен... Жива ли женщина и как нам поступить дальше?

— Я не знаю, жива ли женщина. Но поступить надо так, как привыкли поступать наши предки. Место и все, на что могла попасть слюна бешеного животного, должно быть предано огню. Болезнь эта не поддается лечению, быстро находит новые жертвы.

Тохтамыш спешился, готовый броситься к сыну и жене.

— Остановись, безумец! — крикнул Тимур.— Брось в этот проклятый круг саблю, которой ты зарубил волка. На ней его кровь!

Тохтамыш швырнул саблю на землю.

— Высокочтимый гурхан,— сказал он, с трудом сдерживая ярость.— Я хочу забрать сына...

Глаза Тимура превратились в две узкие щелки.

— Ты хочешь, чтобы я навлек беду на весь Мавераннахр?! Садись на коня и уезжай! Глаза твои не должны видеть того, что сейчас произойдет! — И, повернувшись к нукерам, приказал: — Пусть часть из вас займется тем, что соберут в округе все, что может гореть, другие пусть помогут сняться с места аулу. Все это урочище должно быть предано огню! Немедленно!

— Гурхан! — в голосе Тохтамыша звучало отчаяние.— Разреши мне забрать сына.

— Нет,— жестко сказал Тимур.— Ты сделаешь так, как приказал я.— И, увидев на глазах Тохтамыша слезы, недобро, даже зло усмехнулся: — Будь мужчиной, хан! Твой великий предок Чингиз-хан не останавливался даже перед смертью собственных детей, когда этого требовали обстоятельства.

Гурхан повернул коня и медленно поехал к стоящему в стороне кургану.

Тохтамыш безумными глазами смотрел на прямую широкую спину Тимура, и в душе его разгорался пожар ненависти, который уже никогда и ничем нельзя будет потушить. Белые губы Тохтамыша шептали: «Мне нужна власть! Мне нужна власть и... сила! Я стану сильнее тебя! И тогда!..»

Тимур остановил своего коня на вершине кургана. Вокруг него сгрудилась свита. Все молча смотрели вниз. Оставленные там воины волокли со всех сторон срубленные сухие кусты, охапки курая — перекати-поля, разноголосо шумя, уходил в сторону снявшийся с места аул.

Над кучей хвороста закурился легкий сизый дымок, и вдруг белое в солнечном свете пламя взметнулось над тем местом, где произошла страшная трагедия. Тохтамыш закрыл глаза, зажал уши ладонями. Ему слышался жалостный плач сына и чудилось, что тот кричит единственное слово, которое научился произносить: «коке» — отец.

Когда степь, опаленная огнем, сделалась черной до самого края земли, Тимур тронул повод своего коня.

— Жалко Коксемсера,— сказал гурхан.— Он был верным другом...

Взгляды Тимура и Тохтамыша встретились. Глаза Тохтамыша были сухими и безжизненными.

Еще не минула короткая зима Мавераннахра, когда к Хромому Тимуру прибыл тайный гонец из Белой Орды. Он поведал, что хан Темир-Малик ведет беззаботную жизнь и, нарушив мусульманские заповеди, предается пьянству. «Если ты хочешь завладеть Белой Ордой,— сказал гонец,— то сейчас самое время двинуть свои тумены в ее земли, потому что войско разбрелось по аймакам, а эмиры, беки и батыры живут каждый сам по себе».

Хромой Тимур ждал этого момента. Войско Мавераннахра всегда было готово к походу, и, не мешкая, гурхан и Тохтамыш выступили в сторону главного города Орды — Сыганака.

Семь дней длилась битва. И когда на восьмой судьба повернулась лицом к Хромому Тимуру, воины Белой Орды бросились спасать свои жизни.

Заняв Сыганак, Тимур вновь объявил Тохтамыша ханом. Теперь он был уверен, что никто не помешает ему на будущий год двинуть свои тумены на Хорезм. Новый хан, благодарный за свое возвышение, станет сидеть тихо, и воля гурхана будет для него высшей волей.

Откуда было знать Тимуру, что тщеславие Тохтамыша не имеет предела и что тот давно мечтает сделать Белую Орду лишь местом, откуда, подобно тигру, собрав силы, он бросится на спину огромного, но уже одряхлевшего быка, имя которому Золотая Орда.

Но и Тохтамышу не все было известно. Уже изготовился к прыжку, чтобы совершить то же самое, что задумал и он, повелитель Крыма — Мамай. Московские князья собирали вокруг себя еще недавно разрозненные княжества, в единый кулак, и поднималась над Золотой Ордой налитая силой карающая десница, чтобы навсегда сокрушить ее могущество.

Ветер больших перемен и великих битв пригибал к земле высокие ковыли на просторах Дешт-и-Кипчак, стонали, без видимых причин рушились в лесных чащах деревья-великаны. И тот, кто имел чуткое сердце, кому дано было заглянуть в будущее, видели по ночам страшные и вещие сны.

В один из последних дней лета великий жирау Асанкайгы — Асан Печальный поднялся на вершину одиноко стоящей среди степи сопки. Когда-то вершину венчали могучие скалы, но время превратило их в прах. Он сел на темную и теплую глыбу и стал смотреть в степь.

Великому старцу давно перевалило за сто лет, он был бел, как земля после долгого снегопада, а глаза его, уставшие смотреть на мир и деяния людей, слезились.

Асанкайгы знал: скоро прервется нить его жизни, потому что никому не дано жить вечно. В последний раз объехал он на своем быстром как птица верблюде Желмае владения Золотой Орды и ее сердце — безбрежную Дешт-и-Кипчак.

Асанкайгы видел родную степь и не узнавал ее. Она стала совсем иной, чем в дни его юности и зрелости.

Те же люди — кипчаки, огузы, карлуки — выходили ему навстречу, приветствовали, он не узнавал их — совсем другим стало обличье людей, обычаи, привычки. Некогда свободно кочевавшие по степи роды ныне жили по законам, принесенным сюда монголами. Вся земля была поделена на улусы, и все повиновались одному человеку — хану.

Но где они сами, те грозные монгольские нойоны и воины, что страшным степным пожаром прошли в свое время по просторам Дешт-и-Кипчак? Подобно

ложке соли в большом озере, растворили их покоренные народы, и только у детей, ныне непохожих на своих предков-кипчаков, можно было часто видеть черты монгольских воинов — скуластые лица и раскосые глаза.

Асанкайгы неотрывно смотрел в степь. У синего края земли рождались неприступные крепости и рушились, превращаясь в безобразные руины. Ветер времени сметал призрачные миражи, и он же создавал новые. Не такая ли судьба ждет и Золотую Орду? На жестокости стояла она. Жестокостью удерживала в повиновении покоренные народы.

Великий жирау вспомнил одну из заповедей Чингиз-хана. Даже к своим воинам был жесток Потрясатель вселенной. Он говорил: «Сытый конь не выдержит долгой скачки. Сытая гончая не поймает лису. Воин, идущий на битву, должен быть голоден. Тогда он делается злым и беспощадно уничтожает своих врагов». Теперь даже Хромой Тимур, не менее жестокий, чем Чингиз-хан, перед битвой досыта кормит своих воинов, а иногда дает им вино. Жестокости как будто бы не убавилось. Но теперь все чаще воин предает своего бека, бек — эмира, эмир — хана. По крови собственных отцов, братьев, детей бредет к золотоордынскому трону каждый новый хан...

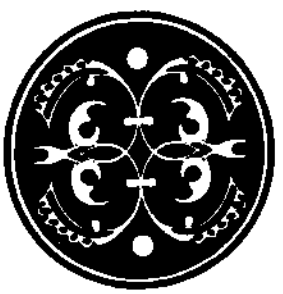
Асанкайгы очнулся от дум. Он прищурил глаза, вглядываясь в даль. Ему почудилось, что он слышит перезвон колокольчиков идущего каравана. Но степь была пустынна и молчалива — Великий Шелковый путь умер, и больше некому было тревожить тишину древней Дешт-и-Кипчак.

Великий жирау вздрогнул. Далекий раскат грома донесся до его слуха. Он поднял лицо к нему, и порыв ветра вздыбил на его непокрытой голове редкие седые волосы.

Асанкайгы медленно поднялся на ноги. Со всех четырех сторон света ползли, клубились черные тучи, и из них, похожие на прямые орусутские мечи, падали на землю Золотой Орды большие слепящие молнии.

Книга третья

Гибель Айдахара



ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

За год до смерти Джучи, деля свой великий улус между сыновьями, отдал степи, лежащие на границе между землями Бату и Орду пятому сыну — Сибану. Начинались его владения от реки Тобол и простирались до рек Иргиз и Жем. И хотя с той поры новый улус управлялся сначала Сибаном, а затем его потомками, он ни разу не вышел из повиновения Золотой Орде, по молчаливому согласию всегда был ее частью.

Тохтамышу, ставшему благодаря Хромому Тимуру ханом Белой Орды, для того чтобы захватить трон Золотой Орды, предстояло пройти через земли Сибана, а он понимал, что сделать это будет нелегко, так как знать этого улуса имеет в Орде большой вес и едва ли захочет поставить над собой ханом пришельца.

Тщеславен и упорен в достижении своей цели был Тохтамыш. Предстоящая борьба не пугала его. Он знал, что проложит себе дорогу лезвием меча и острием копья. И еще он твердо верил в помощь Хромого Тимура. Тимур надеялся, что, когда Тохтамыш достигнет своей цели, он по-прежнему останется преданным и послушным, а это даст возможность больше не оглядываться настороженно на Золотую Орду и заняться наконец своими делами.

В год овцы (1379), когда пожухли в степи травы и все чаще стали прилетать из «страны мрака» холодные ветры, а по ночам начал появляться на лужах тонкий звенящий лед, Тохтамыш начал подтягивать свое войско к границам Золотой Орды.

Он был уверен в успехе. Почувствовав, что за Тохтамышем стоит великая сила, без колебаний выразили ему свою преданность все знатные люди Белой Орды. Под знамена хана стали эмиры Казанши-батыр, Алибек, Мухаммед-оглан и другие. Последовали их примеру и батыры, и бии кипчакской степи, принадлежавшие к разным родам: кудайберды, даулет, нарик, иргиз, кобланды, уак, шуак и монбура.

Так было издавна заведено в степи — знать всегда становилась на сторону того, кто был в это время сильнее. Еще недавно многие из эмиров и батыров склоняли свои головы перед Урус-ханом, сегодня их повелителем стал Тохтамыш, а завтра они легко могли оказаться в стане того, кто окажется более удачливым на поле сражения. Это не считалось предательством, а было законом жизни, велением времени.

Тохтамыш был уверен, что Хромой Тимур не сомневается в его преданности, и все-таки хитрый и коварный правитель Мавераннахра на всякий случай отправил вместе с ним в поход эмира Едиге, дав ему десять тысяч воинов из рода мангыт.

Сложным было отношение Тохтамыша к Едиге. Он доверял и одновременно не доверял ему. Для этого были веские причины. Когда-то Тохтамыш умертвил его отца Кутлуккия за то, что тот поддержал Темир-Малика. Та же участь ждала и племянника Едиге — Темир-Кутлука, рискнувшего плести нити заговора против Тохтамыша. Только своевременное бегство спасло молодого и безрассудного эмира.

Очень хорошо помнил об этом хан Белой Орды, и его постоянно мучили сомнения — не затаил ли злобу, не ждет ли только удачного момента для мести молчаливый и гордый Едиге? Сколько раз уже случалось такое в степи.

Но были и причины доверять эмиру, потому что на их долю выпала одинаковая судьба — оба бежали из Золотой Орды, обоих поддерживал Хромой Тимур, оба жаждали мести и власти. Правда, Едиге никогда не говорил о том, что хотел бы стать ханом, но по всему было видно, что в случае успеха он надеется стать в Золотой Орде одним из самых сильных и влиятельных. Ну что ж, пусть думает об этом. Желание получить при дележе лакомый кусок объединяет в погоне за добычей даже степных волков, заставляет их не думать о нанесенных в прежнее время ранах. Именно из этих соображений хан постоянно держал при себе Едиге и даже подумывал порой о сближении с ним.

Девятнадцать сыновей и семь дочерей родили Тохтамышу его жены и наложницы. Одну из дочерей, Жанике, хан решил отдать Едиге в токалы — младшие жены, чтобы навсегда породниться с ним кровью и тем самым отнять у него право на возможную месть. Однако, пока это было не осуществлено, Тохтамыш не торопился передавать войско Белой Орды под начало своего будущего зятя, хотя среди всех его приближенных не было ни одного, равного Едиге по умению вести сражение, по смелости и отваге. Хан решил, что сделать это будет никогда не поздно, а время подскажет, как поступить.

Медленно, словно нехотя, двигалось войско Тохтамыша вперед, сметая на своем пути редкие и немногочисленные отряды Золотой Орды. У берега светлого Яика, не переправляясь через него, Тохтамыш велел своим туменам остановиться на зимовку. Хан не боялся сражения с главным золотоордынским войском. Он был уверен в победе, но сведения, которые доставляли верные люди из Сарай-Берке, подсказали ему, что самое выгодное в его положении воздержаться от битвы. Он знал, что победит Мамая — нынешнего своего врага, но, думая о будущих сражениях с Хромым Тимуром, надо сохранить свое войско. Мамай готовился к борьбе с русскими княжествами, и в любом случае, победит он или будет разбит, с ним после можно разделаться малыми силами. И удачная, и неудачная битва всегда уносит жизни воинов. Следовало быть терпеливым и научиться ждать...

Заложив за спину руки и нагнув голову, Мамай угрюмо расхаживал по юрте. Тревожные, пугающие вести шли к нему со всех сторон. Копил силы его главный враг Тохтамыш, а самый богатый данник Орды — Русь стала похожа на огромный котел, в котором начинает кипеть вода. Было о чем подумать, было от чего тревожиться.

С тех пор как сел Мамай на коня, не проходило ни одного года, чтобы не принимал он участия в походе или набеге. Он знал жар и холод жизни, знал победы и поражения. И если бы сегодня судьба лишила его всего того, к чему он привык, он бы, наверное, посчитал, что настал его смертный час. Всегда было нелегко управлять народами, всегда было трудно предугадать, с какой стороны подстерегает опасность или измена, но помогали молодость и неуемное желание властвовать. Раньше казалось, что нет ничего непреодолимого. Сегодня же вдруг словно навалилась вся усталость прошлого. Мамай боялся признаться

себе, что причиной этому близкая старость. Он думал: просто виноваты последние трудные годы и неудачи.

Каким прекрасным было начало жизни! Мамай вспомнил себя восемнадцатилетним — горячим и быстрым в делах и поступках, как обоюдоострый меч. Тогда он взял себе первую жену — дочь Бердибека, который был старшим сыном славного и могущественного хана Джанибека. Девушку звали Ханум-бегим...

Именно тогда сам правитель Азова — Хазбин согласился стать его сватом. И чтобы не уронить достоинства ногайлинцев, приказал посадить всех, кто принимал участие в поездке, на одномастных черных иноходцев, вся сбруя которых была украшена белым серебром. Славное было время, и бесконечная, как дорога в Дешт-и-Кипчак, лежала впереди будущая жизнь. Во главе каравана, состоящего из одних бурых наров, тяжело нагруженных вьюками с подарками, ехал сам Хазбин. По правую руку — его внук Карабакаул, слева — знаменитый лучник, не знающий страха Кастурик-мирза, а стремя в стремя с ним — Азу-жирау, чья слава сказителя-песенника уже распростерла над ногайскими степями свои могучие крылья.

О время, подобно тому каравану, прошедшее над степью и растаявшее в голубоватой дымке зноя, где ты!

Мамай зажмурил на миг глаза, и в памяти отчетливо нарисовалось то давнее и как будто бы совсем забытое. Едва у края земли показался Сарай-Берке и стали видны голубые купола мечетей и острые, словно поднятые к небу пики, минареты с золотыми полумесяцами над ними, Азу-жирау остановил своего иноходца и, прижимая к груди домбру, ударил по ее струнам.

— Здравствуй, Золотая Орда.
Ты подобна луне, сияющей в высоком небе.
Крепостью каменной ты всегда нам была,
Дворцом прекрасным для душ наших...

С этой минуты суждено было облететь этой песне всю степь, с этой минуты суждено было проснуться в душе Мамая сладкой и неукротимой мечте — когда-нибудь завладеть Золотой Ордой, сесть на ее трон и, подобно грозному Бату, повелевать ее необъятными просторами, войском и бесчисленным народом.

Десятилетия минули с той поры, и все равно не хотелось верить, что мир настолько переменился. В год собаки (1346) увез Мамай из Сарай-Берке прекрасную, как утренняя заря, дочь будущего хана Золотой Орды Бердибека. И не рабы и рабыни, не богатые подарки, не бесчисленные косяки полудиких коней и отары овец, полученные вместе с Ханум-бегим, веселили тогда сердце Мамая. Самое драгоценное было — родство с чингизидами. Судьба словно открыла свое лицо эмиру Мамаю. С каждым днем начало расти и крепнуть его влияние среди родов, населяющих Золотую Орду.

Проходит время, и иссякает самый бурный поток. Потомки Джучи, боясь за свою жизнь, зарезали Бердибека. И теперь уже сами сплелись в яростный змеиный клубок. Страшная, безжалостная борьба шла у подножья золотоордынского трона. За восемнадцать лет после смерти Бердибека на трон вскарабкивались двенадцать ханов, но никому из них не удалось продержаться более двух лет — кого скинули, кого зарезали, кого отравили. Качался от междоусобиц остов Орды, трещала и рвалась на части могучая Орда. Каждый кто мог старался оторвать от нее хотя бы клочок и объявить себя ханом.

Деятельный, вечно жаждущий власти и славы, не оставался все эти годы в стороне и Мамай. Не являясь чингизидом, он не мог претендовать на звание хана, но перед его глазами вечно стояла картина, увиденная в год, когда он ехал в Орду за Ханум-бегим. И во сне, и наяву видел он красавец-город Сарай-Берке — символ могучей и великой Золотой Орды. Зная, что только счастливая

случайность может помочь ему в осуществлении задуманного, он решил не терять времени даром и объявил Крым самостоятельным ханством. А для того чтобы все выглядело так, как надо, Мамай в год барса (1362) поднял ханом Абдоллу — потомка Джучи. Только слепой мог поверить, что правит ханством Абдолла, потому что вся власть в Крыму принадлежала Мамаю. Повсюду сильные побеждали знатных. В Мавераннахре на троне сидел чингизид Хусаин, а правил землями, распоряжался войском Хромой Тимур.

Почувствовав себя сильным, Мамай двинул свои тумены на Хаджи-Черкеса и отнял все принадлежавшие ему земли вместе с городом Хаджи-Тарханом [1].

Отныне в подвластное ему ханство входили не только степи Крыма, но и низовья рек Дона, Днепра, Итиля. Край этот кочевники называли Сакистаном.

Мамай потребовал, чтобы русские княжества посылали ему дань...

Все это было. Было, кажется, совсем недавно, но сколько всего случилось за это время... Казалось, что заветная цель совсем близко, стоит только сделать последнее усилие — и Золотая Орда будет лежать у ног. До чего же обманчива река времени, и кто может предсказать, что будет после того или иного события?!

Мамай тяжело вздохнул. Он все делал, чтобы стать могущественным, чтобы в нужный момент быть готовым к решающему сражению с Ордой. Вроде бы обдумано и проверено все, намечен каждый дальнейший шаг. Нужен был сильный союзник — Мамай нашел его в лице литовского князя Ольгерда. Выгоден ему был этот союз. Окрепшая в последние годы Литва подчинила себе несколько южнорусских княжеств и смогла бы удержать Русь от выступления против Мамая, пока взор его был обращен на Золотую Орду. Кроме того, войско ее было сильно, и хитрый Мамай втайне надеялся, что, если его вдруг постигнет неудача, он сможет воспользоваться помощью Литвы в борьбе со своими соперниками. Чтобы упрочить выгодный для него союз, Мамай породнился с Ольгердом, отдав ему в жены свою дочь Акбике, рожденную любимой женой Ханумбегим.

Казалось бы, все обещает удачу: Мамай двинул свои тумены на Сарай-Берке, покорил золотоордынскую столицу, убил хана Хаджи-Темира, но удержаться на берегах Итиля не смог. Судьба словно смеялась над ним. Кутлук-Темир, собрав вокруг себя всех недовольных Мамаем, прогнал его в пределы Крымского ханства. И снова был поход, в котором удачи сменялись неудачами.

Золотая Орда превратилась в заколдованную птицу. Она была рядом, но стоило протянуть к ней руки, как птица ускользала, оставив нетерпеливому охотнику лишь несколько ярких перьев. Пока Мамай был занят Ордой, мир не оставался в покое. Всходило над землей солнце, и живущие на ней люди думали о дне завтрашнем. Как гром среди ясного неба была для Мамая весть о том, что русские княжества отказались посылать ему дань. Подобного еще не случалось. Да, он пока не сидел в Сарай-Берке, но до заветной цели оставалось не более чем полшага. И простые воины, и батыры, окружающие Мамая, давно называли его ханом.

Мамай все быстрее и быстрее шагал по юрте. Правая рука его опустилась на рукоять сабли, вздулись на шее жилы. В тот день, когда он узнал, что русские больше не хотят платить дань, Мамая охватила ярость. Еще сильнее она была сегодня, когда он узнал о поражении Бегича.

Хан слушал гонца, стоящего перед ним на коленях, и не слышал его слов. Ясно было одно — войско разбито, сам Бегич погиб. Сквозь бушующую в душе ярость упорным ростком пробивалась тревога, предчувствие беды. Никогда жизнь Мамая не была безоблачна. Не раз он знал поражения от соперничающих с ним

[1] Хаджи-Тархан — древнее название Астрахани.

чингизидов, но это было совсем другое. Неудачи в междоусобной борьбе не пугали. Как говорят в народе: «В рукаве чапана не видно, что рука сломана, под шапкой не увидишь, что голова разбита». Проходило какое-то время, и он, собрав новое войско, сполна рассчитывался со своим обидчиком. С Русью все было сложнее. Мог наступить такой день, когда, объединив все княжества, она поставит крепкий заслон на своих рубежах и Золотая Орда — государство кочевников, неспособное жить иначе, как за чужой счет,— потеряет всякую силу. Она зачахнет, как трава в лето без дождей.

Очень хорошо понимал это Мамай и потому, чтобы не дать народам объединиться, собрать силы, постоянно посылал на русские земли погромные отряды.

Казалось бы, совсем недавно ходил оглан Арапша на Нижегородское княжество, и удача сопутствовала ему. Несмотря на то что противостояло ему объединенное войско, состоящее из полков владимирского, переяславского, юрьевского, муромского, ярославского и нижегородско-суздальских полков, Арапше удалось обмануть противника.

На реке Пьяне, окружив русское войско, золотоордынцы многих порубили, еще больше дружинников утонуло в реке. Арапша взял Нижний Новгород, разграбил и пожег окрестные селения. На следующий год он вернулся, довершил разгром, попутно разорив рязанскую землю.

Мамай знал: за нижегородцами стояла Москва — и был уверен, что напугал князя Дмитрия Ивановича, отбил у него охоту своевольничать и выражать непокорность. На всякий случай еще через год послал хан войско мирзы Бегича, рассчитывая окончательно сломить русских князей. И вот случилось то, чего он никак не ожидал...

— Подожди,— сказал Мамай гонцу.— Расскажи все сначала...

Тот поднял серое от усталости и пыли лицо:

— Я повинуюсь, мой хан...

Сбивчивой и порой бессвязной была речь гонца, но Мамай был опытным воином и потому легко представлял, как все происходило.

Нет, не испугались русские князья. Недавнее поражение, видимо, пошло им на пользу. Не испугался Дмитрий Иванович, а с того самого дня, как понял, что Орда все еще сильна, стал готовиться к новой битве. Верные люди сразу же донесли ему, как только мирза Бегич двинул свои тумены в сторону русских земель. Сам великий московский князь вышел навстречу незваному гостю с сильным войском. Было решено встретить врага на краю Руси, в рязанской земле.

Лето было на исходе, когда сошлись русские полки с золотоордынцами на реке Воже. Рать Дмитрия Ивановича укрепилась на невысоких холмах. Впереди всего русского воинства встал сам князь со своими полками, по левую руку от него ощетинились копьями полки князя Даниила Дмитриевича Пронского, по правую — полки князя полоцкого Андрея Ольгердовича. Ничего не оставалось Бегичу, как довольствоваться левым берегом Вожи — низким, изрезанным оврагами и балками, где не могла в полную силу развернуться его конница. Но мирза был уверен в успехе, тем более что силы противников были примерно равны.

Несколько дней русские и золотоордынцы перебрасывались стрелами через реку, словно испытывая друг друга на твердость, на крепость духа. Наконец 11 августа, незадолго до захода солнца, воины Бегича, ринувшись могучей лавиной через Вожу, обрушили неожиданный удар на центр русского войска. Большой полк не только устоял, но и смял золотоордынскую конницу. На помощь ему пришли остальные князья, и, прежде чем наступила ночь, с войском мирзы было покончено. Сам он погиб в сражении, а немногие уцелевшие ордынцы, вручив свои жизни аллаху и крепким ногам степных скакунов, неслись прочь от поля битвы, бросая обозы, забыв о добыче, о которой еще недавно мечтали.

Неудача похода Бегича бесила Мамая. Случившееся требовало мести. Любой ценой надо было сохранить лицо, показать соперникам, что Русь по-прежнему подвластна ему и поражение на Воже произошло случайно.

Хлопнув в ладоши, Мамай велел своим нукерам из охраны выволочь прочь из шатра гонца и срочно собрать всех военачальников на совет. Приказ хана был суров и тверд — без промедления выступить на русские земли, наказать дерзких. Кто посмеет возразить грозному Мамаю?

Отдавая приказ о новом походе, хан не мог даже предположить, что едва вступит он на самую близкую к нему рязанскую землю и начнет жечь и грабить, как охватят его душу робость и сомнения, исчезнет уверенность в легкой победе и он убоится идти дальше, потому что ему станет известно о твердо стоящих на Оке русских полках...

Мамай хотел думать, что все происшедшее за последние годы лишь следующие друг за другом случайные неудачи, но опыт воина говорил ему о другом. Уже нельзя было, как прежде, держать русских в узде посылкой сильных отрядов. Все чаще оставались от них только жалкие кучки воинов, перепуганных насмерть, потерявших всякое мужество и желание сражаться. Великая империя Чингиз-хана распалась, и, словно так было предопределено судьбой, в каждой ее части происходили события, похожие на те, что ныне творились в Орде. Подвластные народы отказывались повиноваться. От некогда сильного ильханства Кулагу отпал Восточный Иран, отказался признавать власть чингизидов Китай, потом Корея... Теперь же, словно полноводная весенняя река, выплескивалась из берегов Русь.

Выход был один. Надо повторить поход великого Бату-хана, чтобы снова на долгие годы заставить трепетать непокорный народ. Хватит распылять силы! Удар должен быть один — мощный и жесткий. Но для этого необходимо подготовиться, собрать силы. Этой мыслью жил теперь Мамай, а все остальное сделалось для него второстепенным.

Прежде всего хан послал тайных послов к великому литовскому князю Ягайло. Мамаю нужен был сильный и надежный союзник, который бы постоянно нависал над русскими землями, тревожил бы Дмитрия Ивановича, мешал ему сосредоточить все войска против Орды. Русь всегда не ладила с Литвой, и хан быстро получил от Ягайло согласие на совместные действия против Москвы. Легко поддался на уговор и рязанский князь Олег Иванович. Трудно было устоять ему против посулов и угроз Мамая. Тяжко жилось все годы золотоордынского ига рязанской земле. Не ладила она и с Москвой, постоянно боролась за право быть первой среди русских княжеств и первой же встречала грудью любой ордынский поход. С кем бы ни воевала Орда, какое бы княжество ни наказывала за непокорность, всегда шли ее тумены через Рязань, оттого не гасли здесь пожарища, не успевали остывать пепелища и скудела людьми рязанская земля. Соперничало постоянно с Москвой и Тверское княжество. Верные люди доносили Мамаю, что тверичи не желают становиться под знамена Дмитрия Ивановича.

Закончив всякие переговоры, решил хан, что настало время двинуться на Русь «со всеми князьями ордынскими, со всею силой татарскою и половецкою». С ранней весны начало собираться вокруг его ставки разноязыкое войско. Пешими и конными шли мусульмане-бесермены, живущие по берегам Итиля буртасы, черкесы, и осетины-ясы, армяне и итальянцы-фряги из Крыма. Специально назначенные ханом люди считали прибывших, разбивали их на десятки, сотни и тысячи и передавали под начало опытных военачальников. К тому времени, когда настала пора выступать в поход, в войске Мамая было почти сто пятьдесят тысяч всадников и пеших воинов.

Противоречивые, непривычные для него чувства овладели в эти дни Мамаем. То крепла, росла уверенность в быстрой и легкой победе над русскими, то вдруг неведомо откуда приходил страх.

Нет ничего вечного на земле. Не та стала Золотая Орда, иной сделалась Русь. Словно и не одно и то же время прокатило над ними свои клокочущие высокие волны. Мамай знал истоки своего страха перед грядущим: когда ссорятся в юрте родственники, им не хватает времени посмотреть, что делается у соседа. Пока чингизиды рвали Золотую Орду на части, сплетались в клубки, подобно степным гадюкам, русские княжества были заняты своими делами. У них тоже было неспокойно и тоже лилась кровь, но люди помнили, что, помимо распрей, есть у них общий враг — раскосый и жадный, беспрепятственно приходящий из безбрежных степей, владеющий их жизнью и смертью. Только сила ломает силу. И потому надо было искать выход. А дорога к нему была одна — единство.

С той поры, как княжить на Москве стал Иван Данилович Калита, словно подули иные ветры. Осторожно, исподволь, начал он заигрывать с Золотой Ордой — чаще кланяясь, чем показывая гордость, и, не ленясь, оглядываться вокруг. И когда вечный недруг Москвы — княжество Тверское поднялось против притеснений Чол-хана — брата Узбек-хана, Иван Калита, не мешкая, поехал в Сарай-Берке.

Вернулся он оттуда с войском и повелением наказать непокорную Тверь, что и сделал, не мучаясь сомнениями, проявив железную волю и не выказав жалости. Тверской князь Александр Михайлович бежал в Литву. Позже он вернулся, но уже сами тверичи не могли простить ему трусости. Бояре же предпочли служить более сильному князю Ивану, видя в нем надежную защиту и опору. Иван Калита, чтобы навсегда сломить своего давнего врага, велел вывезти из Твери в Москву соборный колокол, голосом которого было принято созывать народ на вече.

Но не сразу удалось стать ему полновластным князем владимирским. Заслуги Ивана Калиты Узбек-хан учел, но, не желая его усиления, отдал ему только Новгород и Кострому. Суздальский князь Александр Васильевич получил Владимир, Нижний Новгород и Городец. Прошло еще немало лет, прежде чем стал Иван Калита единоличным хозяином «над всею Русскою землею».

Мамай еще хорошо помнил то время, когда великий князь приезжал в Орду. И подарком, и словом умел он угодить хану и ханшам, визирям и эмирам. Не было ни одного князя, который бы так исправно вносил в ханскую казну дани и поборы. Великая тишина стояла в его правление на всех подвластных ему землях. Казалось, что нет у Орды более преданного князя. По первому требованию хана отправлялся он туда, где возникало недовольство Ордой, и, жестоко покарав непослушных, доставлял «злато и серебро». Сквозь пальцы смотрели правители Орды на то, что часть собираемой князем дани оседала у него в кремлевских подвалах.

Иван Калита подчинил себе Ростовское княжество и начал расширять свои владения, понемногу прикупая городки и деревеньки у соседей. Так, очень скоро ему стали принадлежать Углич и Галич, Белоозеро с их округами.

Только сейчас понял Мамай, что хитрый, льстивый на слова князь использовал поддержку ордынских ханов для своей пользы. Ханы превращались из хозяев в помощников московского князя, сами не ведая об этом.

В свое время, укрепляя Орду, хан Берке стремился сделать ее центром ислама. Но никто из золотоордынцев не обратил внимания на то, что подобно совершил и Иван Калита, когда лестью и угрозами перевел митрополита из Владимира в Москву и таким образом превратил ее в центр православия.

Странные дела стали твориться на Русской земле. Наступило время «тиши-

ны великой», и татары прекратили «воевать Русскую землю и убивать христиан», которые отдохнули от «великой истомы, многих тягот и насилия татар». И, словно почуяв это, несмотря на то, что правил Иван Калита рукою жесткой, потянулись к нему горожане, и крестьяне, и служилые бояре. Утихли княжеские распри, не горели селения и хлебные нивы, и не слышно было горького плача на Русской земле.

В отца пошли и сыновья его: Семен Иванович Гордый и Иван Иванович Красный. Хан Узбек с честью принял в своей ставке Семена и назначил его великим князем, отдав под его руку всех других русских князей. Преемник Калиты вел себя твердо и властно, и никто не осмелился перечить ему. И Семен, и брат его были постоянными гостями в Орде. Эх, знать бы тогда, чем все это обернется! Мамай бы собственными руками убил змеенышей и заставил бы мудрого Узбек-хана открыть глаза и посмотреть, что творили руки его. Но кто мог знать тогда, что все так обернется?!

Когда князь Семен умер, Орды вручила его брату Ивану Ивановичу не только право главенствовать над всеми остальными князьями, но и творить над ними судебную расправу.

Только внешне казалась легкой жизнь московских князей. Уладились дела с Ордой, а на смену им пришли другие заботы. Несколько раз отбивались от Литвы, от шведов и ливонских рыцарей, давили боярскую крамолу в Новгороде, да и со своею, московской, пришлось расправиться люто. Зато в обмен на Лопасню, захваченную Москвою у Рязани еще до Ивана Калиты, князь Семен получил рязанские владения по реке Протве, города Боровск, Верею и другие. В крепкой узде были у Москвы княжества Владимирское и Костромское.

Когда от чумы скоропостижно скончался князь Иван Ивановчи Красный, казалось, силе московской пришел конец. Да и на что было рассчитывать, если оставил он после себя наследников мал мала меньше. Старшему, Дмитрию, было девять лет, младшему, Ивану, и того меньше. Московских бояр возглавил митрополит Алексий. В Орде в то время шли великие смуты, и потому ярлык на великое княжение довольно легко получил суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович. Выразили неповиновение Москве Тверь и Рязань.

Привыкшие властвовать московские бояре не успокоились. Не прошло и двух лет, как великой казной купили они у Орды ярлык для внука Ивана Калиты Дмитрия Ивановича. Сопротивление князя Дмитрия Константиновича было подавлено. Утвердившись на владимирском великокняжеском престоле и достигнув совершеннолетия, Дмитрий Иванович московский женился на дочери Дмитрия Константиновича Евдокии. Распри тотчас же были забыты.

Молодой князь за короткий срок сумел показать себя деятельным и решительным. Всякие попытки проявить своеволие пресекал он так же беспощадно и скоро, как и его дед Иван Калита. Дважды ходил на Москву литовский князь Ольгерд, объединив свою дружину с тверским князем Михаилом, и дважды вынужден был отступить, признав за Дмитрием Ивановичем право самому утрясать свои дела и разногласия с Тверью. И когда князь Михаил ухитрился получить вдруг в Орде ярлык на великое Владимирское княжение, Дмитрий Иванович во главе большого войска решительно выступил против него. На Тверь вместе с московским князем пошли «со всеми своими силами» князья суздальский, ростовский, ярославский, белозерский, стародубский, брянский, тарусский и другие. Руку Москвы держали князья смоленский, и черниговский, и другие русские князья, подчинявшиеся Литве.

Впервые произошло подобное на Русской земле. До той поры многие годы не знала она такого единения. Вела всех на Тверь обида на ее князя, что он постоянно ищет помощи у Литвы и Орды.

И, увидев, что «вся Русская земля восстала на него», а помощи ни от Литвы, ни от Орды нет, тверской князь признал над собой главенство московского и поклялся, что в случае надобности выступит с ним против татар.

Вскоре Дмитрий Иванович заключил крепкий союз на дни мира и войны с Новгородской республикой и жестоко покарал Рязанское княжество за нежелание признать его первенство. Через некоторое время в руках московского князя оказался весь торговый путь по Итилю, и главенство его над всеми русскими землями признал нижегородский князь.

Не ко времени и не к месту было поражение Бегича на Воже. Кто-кто, а Мамай знал, что воинов окрыляют победы. Сейчас, когда русские поняли, что они сильны, справиться с ними будет нелегко. Хан корил себя за то, что, занятый междоусобной борьбой, он просмотрел, как объединились русские князья. Надо было сразу, еще семь лет назад, когда Дмитрий отказался посылать в Орду дань, двинуться на него всей силой. Сейчас бы, имея за спиной покорные русские княжества, он бы без страха выступил против Тохтамыша и наверняка победил.

Но что было проку корить себя за то, что ушло безвозвратно. Сейчас нужны были уверенность и войско, чтобы повернуть время вспять и повторить деяния великого Бату-хана.

Собрав на совет своих нойонов и мурз, Мамай объявил им, что поход он начнет осенью. И еще было велено сказать воинам: «Ни един от вас не пашите хлеба, да будьте готовы на русские хлеба».

Великому московскому князю Дмитрию Ивановичу о замыслах Мамая стало известно рано. Все говорило о том, что Орда не захочет смириться с поражением Бегича, а потому, догадываясь, что Мамай попытается ударить неожиданно, еще весной отправил князь своих людей на реку Воронеж — приток Дона.

Весть о нашествии пришла в Москву в начале июля. Не мешкая, Дмитрий Иванович послал гонцов в княжества, которые были связаны с ним договорами писаными да устным словом крепким. Москва начала спешно собирать войско. Впервые так широко и всеохватно готовилась Русь отразить татарский набег, впервые почувствовала силушку великую и отчаянную решимость не подставлять покорно под кривые ордынские сабли свою шею. Гудели по всей земле Русской набатные колокола, и шли по лесным да степным дорогам княжеские дружины, пробирались ватагами крестьяне и ремесленники — все держали путь на Москву. И каждый знал, что битва будет кровавой, потому что не как в прежние времена — не отрядом идет на Русь Орда, а всей своей силой.

К тому времени, когда Дмитрий Иванович отдал приказ выступать навстречу Орде, под его княжескими знаменами уже стояли с дружинами его двоюродный брат Владимир Андреевич — князь серпуховско-боровской, князья белозерский и тарусский, кашинский, брянский, новосильский, ростовский, стародубский, ярославский, оболенский, моложский, муромский... Пришли со своими отрядами воеводы: коломенский, владимирский, юрьевский, костромской, переяславский, бояре московские, серпуховские, переяславские, дмитровские, можайские, звенигородские, угличские, владимирские, суздальские, ростовские. Были в войске московском даже паны литовские. Дмитрий Михайлович Боброк — князь брянский и трубчевский — привел с собой хоть и небольшую, но сильную дружину; с князем полоцким Андреем Ольгердовичем пришла Белая Русь.

Не помнила еще Русская земля, чтобы под стяги одного князя собиралось такое огромное воинство. Ранее принято было ходить в походы только с дружинами, состоящими из воинов обученных; ныне же, помимо них, собрался под рукой Дмитрия Ивановича народ незнатный: кузнецы и кожевники, гончары и медники, пахари и бортники, смолокуры и прочий люд. Многие из них никогда не держали в руках меча да и не имели пока его, надеясь на косы, топоры да

рогатины, с которыми привыкли ходить на лесного хозяина — медведя. Словно ложка дегтя в бочке меда было известие, что не прислали своих полков в московское ополчение княжества Тверское, Смоленское да и многие другие. На треть бы могли увеличить они войско Дмитрия Ивановича, добрую могли бы сослужить службу, но князья эти свои обиды ставили все еще выше дела общего, а потому людей своих не пустили и решили ждать, чем дело кончится, надеясь, в случае победы Мамая, свалить Москву и получить от Орды новые милости.

А люди со всех концов земли Русской шли и шли в Москву. Днем и ночью пылали горны, был слышен перезвон молотов и наковален. Из Коломны, Тулы, Устюжны и других городов по тряским лесным дорогам катились возы, нагруженные мечами и саблями, наконечниками для копий и стрел, кольчугами и щитами.

На совете близких к Дмитрию Ивановичу князей и бояр было решено собрать все дружины в Коломне на успенье, к 15 августа.

Пристально следил за приготовлениями московского князя Мамай. В стане русских были его люди, и они не мешкая доносили обо всем, что там делалось.

Подойдя к Дону, золотоордынское войско остановилось. Отсюда Мамай отправил своего посла к князю Дмитрию Ивановичу. Он знал, что о его приближении на Москве уже известно, и, кто знает, быть может, та грозная сила, которую он привел, напугает русских князей и они согласятся вновь покориться. Поэтому Мамай велел требовать, чтобы русские отказались от битвы и дали обет платить Орде дань в прежнем размере.

Князья ответили твердым отказом. Однако в скором времени дорогой ордынского посла заторопился в ставку Мамая верный человек Дмитрия Ивановича — Захарий Тютчев. Вез он для хана богатые дары, «злата и серебра много». Хитер был посол князя. По дороге удалось ему проведать о том, что поступившие на Мосвку сведения о союзе между ханом, Литвой и Рязанью верны. Не мешкая послал он к Дмитрию Ивановичу гонца. Выходит, что не лгал рязанский князь Олег Иванович, сообщая на Москву о том, что склонил его на свою сторону Мамай и что надлежит ему в нужный момент соединить свою дружину с полками великого литовского князя Ягайло и ударить по московскому войску с тыла.

«Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона Великого на берегу, звонят колокола вечевые в Великом Новгороде... Съехались все князья русские к Дмитрию Ивановичу...»

Все, кто собирался в эти дни под стяги московского князя, недобрым словом поминали и рязанцев, и их князя Олега. Вся Русь забыла на время о своих обидах, копя силу, чтобы одолеть наконец ненавистную Орду. И великим позором виделась и боярину, и рядовому ратнику Олегова измена, его тайное решение соединиться с Мамаем. Негоже было так поступать. Не худородным князьком был Олег. Знатностью рода мог потягаться он с московскими князьями, потому что родоначальником рязанских князей был Ярослав Святославович, внук Ярослава Мудрого.

Конечно, всякому своя рубаха ближе к телу. Но ведь хорошо знали на Руси, чем заканчивались такие рассуждения. Косоглазая, жадная Орда раздевала княжества поодиночке. И уже не о рубахе приходилось тогда думать, а о том, чтобы хоть как-то сохранить животы свои и своих близких.

Так неужели гордый и строптивый Олег Иванович решил, что он умнее других и сможет обмануть Мамая и, предав людей русских, тем самым отведет беду от своего княжества? А может быть, заиграли дрожжи старой обиды? Ведь когда в 1237 году двинул свои силы на Русь Батый, он прежде всего обрушился на приграничное Рязанское княжество и ни один из русских князей не откликнулся, не поспешил на помощь. Сама Рязань встала грудью на жестокого врага,

и тысячи ратников сложили в неравной битве свои головы. Долгие годы потом вздымал ветел к небу пепел и золу с обезлюдевшей, залитой кровью рязанской земли.

Крепок русский человек памятью. На Рязани хорошо помнили те черные дни, помнили мученическую смерть своего князя Юрия Игоревича. И та память заставляла все время коситься на северные русские княжества и стараться решать свои дела обособленно, надеяться только на себя, на свою хитрость да на чудо.

Когда еще ордынская рука дотянется до других, а у рязанцев проклятая степь была под боком, и не только сам хан мог прийти, но и даже всякий темник позволял себе творить что ему вздумается. С такими княжеская дружина могла справиться легко, да всегда жила опаска, что подумает и что станет делать ордынский хан, если посечь его воинство. Ничего не скажешь, тяжка доля Рязанского княжества.

Обо всем этом судили и рядили в эти дни и простые ратники и князья, и бояре, собравшиеся со своими дружинами под руку великого московского князя. Только Дмитрий Иванович хранил молчание, не порицая и не оправдывая князя рязанского, словно насовсем отринул его из своего сердца.

Дивно и непонятно все это было. Ведь кому-кому, а Рязани первой надо было бы стать под руку Москвы, чтобы навсегда избавить себя от ордынского произвола. Вся Русь ненавидела Орду, а у рязанских людей та ненависть должна была быть во сто крат большею.

Конечно, были у Рязани и свои тяжбы с Москвою. Много лет делили и не могли поделить Лопасню. Но дела эти были внутренними и не вели к разорению обоих княжеств.

И сам Олег Иванович люто ненавидел Орду и как ни хитрил, как ни изворачивался, а, бывало кончалось его терпение, и своим мечом рубил он им же сплетенную паутину. Так было, когда в 1365 году ордынский князец Тогай стремительным набегом захватил и пожег Рязань. Олег Иванович позвал тогда на помощь дружины пронские и козельские. Догнал Тогая у Шишевского леса и жестоко порубил его воинство.

Как ни смотри, что ни думай, а сама Рязань, в одиночку, никогда бы не справилась с Ордой, не отучила бы от набегов в ее земли, от грабежей и насилия. Большой силой становились княжества только тогда, когда объединяли свои дружины. И это видел всякий, кто хотел видеть. Разве бы испугался, разве бы запросил мира литовский князь Ольгерд, когда вместе с ордынскими туменами в 1370 году он решил идти на Русь, да увидел перед собой в едином строю полки московские и рязанские?

Но полного единения никогда не было между князьями. И Дмитрий, и Олег были молоды. За спиной у каждого стояли свои советчики — бояре, и никто не хотел признать старшинство одного княжества над другим. Споры из-за Лопасни и Коломны то затихали, то снова разгорались.

В эти дни, рассуждая об измене Олега, вспоминал кое-кто в Кремле, что было время, когда рязанцы, свирепые и гордые люди, до того вознеслись умом, что в безумии своем начали говорить друг другу: «Не берите с собою доспехи и оружие, а возьмите только ремни и веревки, чем было бы вязать робких и слабых москвичей».

И вспоминали еще про то, чем все это кончилось, когда сошлись московская и рязанская дружины на поле брани при Скорпищеве: «Тщетно махали рязанцы веревочными и ременными петлями, они падали как снопы и были убиваемы, как свиньи. И так Господь помог Великому князю Дмитрию Ивановичу, и его воинам: одолели рязанцев, а князь их, Олег Иванович, едва уехал с малою дружиною».

Но вспоминали люди не только плохое, но и доброе. Вспоминали, как в одном строю бились и москвичи, и рязанцы на реке Пьяне против мурзы Арапши и чашу горькую испили там вместе, как потом посекли степняков темника Бегича на реке Воже и погнали его прочь с Русской земли.

Те же, кто был горазд умом и подалее смотрел, не сорили словами, а больше слушали да приглядывались к тому, как поступит, что велит сделать Дмитрий Иванович. Шептались кое-где, что схитрил князь рязанский. И вовсе не Мамаеву сторону он держит, а не пошел с дружиною в Москву, чтобы не оставить беззащитной рязанскую землю. Будет Олег разводить турусы да убаюкивать лисий ханский ум словами сладкими до той поры, пока подойдет со своим войском Дмитрий Иванович к месту битвы, и тогда рязанцы придут и вместе со всеми встанут под его державную руку, под боевые стяги.

Хранил упорное молчание великий князь московский Дмитрий Иванович. И даже не подумал что-нибудь сделать, чтобы помешать Олегу рязанскому сноситься с Ордою. А ведь мог помешать.

Кто может знать, кто может сказать, о чем думают князья? Все смешалось, все перепуталось на Русской земле...

В ясный тихий день вывел свои полки из Кремля московский князь. Через Никольские, Фроловские и Константино-Еленинские ворота могучей рекой вылились они на запруженные народом московские улицы. По обычаю, жены прощались с мужьями «конечным целованием», потому что не каждому суждено было вернуться после страшной сечи, а что будет она такой, в войске князя знали. Не на малую брань шли — все, что у Орды было, двинула она на землю Русскую, всю силушку свою великую, и потому встали против нее впервые так заедино многие русские люди. Каждому было ведомо: не будет победы, не будет и жизни.

Едва миновав городские посады, войско Дмитрия Ивановича разделилось на три части. Великий князь повел свои полки к Коломне по серпуховской дороге, белозерские князья пошли по болвановской, остальное войско двинулось по брашевской.

В Коломне, на Девичьем поле, князь провел своим полкам смотр и в каждый назначил князей и воевод. Все имеющееся в наличии воинство было разбито на десятки, сотни и тысячи.

Не мешкая выступила русская рать в поход. Полки шли берегом Оки на запад, туда, где впадала в нее река Лопасня. По пути к Дмитрию Ивановичу постепенно присоединялись другие князья и бояре, и среди них был окольничий Тимофей Васильевич Вельяминов.

Далеко вперед, в безбрежную, открывшуюся вдруг степь уходили сторожи — конные разведывательные отряды, состоящие из воинов опытных, отважных и сметливых. Им надлежало вызнавать, где находится и что замышляет хан Мамай.

25 августа, совершив переправу через Оку, на южную ее сторону, московский князь двинул свое войско к Дону. У переправы остался с малой дружиной только Вельяминов, для встречи и указания пути продолжавшим подходить с разных сторон отрядам пеших и конных воинов.

Непонятно для многих вел себя Дмитрий Иванович. Путь, начертанный им для войска, огибал рязанские земли, хотя безопаснее было бы с такими огромными силами подмять под себя Олега Ивановича, вступившего в сговор с Ордой, и тем обезопасить свой тыл. Однако, кроме непонятного, виделся в действиях князя и глубокий смысл. Теперь, если бы и захотели, не просто было объединиться дружинам рязанским и литовским.

Хотя и с большой осторожностью, но стремительно шло русское войско.

Передовые отряды, высланные в глубь степи, приносили добрые вести — Мамай не ожидал скорого подхода русских полков. Все чаще вспыхивали между московскими и ордынскими разведчиками яростные короткие схватки, предвещая скорую битву.

6 сентября Дмитрий Иванович остановил свое войско на берегу Дона.

Только много дней спустя узнает Мамай, как нелегко было решиться московскому князю перейти Великий Дон, какие горячие споры, какие страсти кипели вокруг этого решения. И сказал тогда Дмитрий Иванович тем, кто стал под его стяги:

— Лутче было не идти противу безбожных сил, нежели, пришед и ничто не сотворив, возвратитися вспять. Пойдем ныне, убо в сей день за Дон и тамо полодим головы стоя за братию нашу.

После совета за одну ночь через Великий Дон были наведены мосты и отысканы броды. 7 сентября все русское войско перешло на южный берег Дона, близ впадения в него речки Непрядвы. И тотчас же запылали позади русских полков переправы, подожженные по приказу Дмитрия Ивановича: обратного пути, в случае поражения, не будет.

Сощурившись, весь подавшись вперед, смотрел Мамай на лежащую перед ним низменную равнину. Отсюда, с Красного холма, отлично была видна тускло поблескивающая излучина Дона. Высокие черные столбы поднимались над подожженными русскими мостами. Северный ветер ломал столбы, изгибал их, и сизые клубы дыма текли в татарскую сторону.

До самого конца надеялся Мамай, что русские не решатся переступить Дон и в самый последний момент запросят пощады, покорно склоня перед ним головы. Теперь же сомнений не оставалось — битва предстоит жестокая. Русским отступать некуда — позади широкий полноводный Дон, справа — быстрая Непрядва, слева — речка Смолка.

Ну что ж! Тем лучше! Русские князья сами уготовили себе гибель. Раз и навсегда можно будет покончить с ними. Тысячу лет станут восхвалять степные певцы подвиг хана и приравняют его к великому Бату.

Шевельнулась в душе тревога, но сейчас же сменилась раздражением и злобой. До сих пор не привел почему-то свои полки рязанский князь Олег, застрял где-то в пути великий литовский князь Ягайло. Ничего! Когда Мамай покончит с князем московским, он непременно разорит земли рязанские и двинет свои тумены на коварного литовца. Ханы не прощают измены. Пусть, как и прежде, все трепещет перед Золотой Ордой.

С Красного холма было хорошо видно, как строились, готовились к битве русские полки. Вечернее солнце все ниже опускалось к краю земли, и розовый туман стелился над степью.

Опытным глазом воина Мамай без труда определил, что у русских около ста тысяч конных и пеших воинов. Значит, численный перевес был на его стороне.

С жадным любопытством следил хан за тем, как готовилось к битве войско московского князя: в центре встал большой полк, вперед выдвинулись передовой и сторожевой, обычное место которого позади главных сил. Теперь место сторожевого занял запасной. Справа и слева от большого полка встали полки правой и левой руки.

Без суеты выстраивалось русское войско. Мамай прислушался. Слитный, тяжелый гул тысячи голосов был подобен рокоту вздыбленных ветром волн. Он катился грозным валом над степью и разбивался о подножье Красного холма.

Снова мелькнула злая мысль о Ягайло и Олеге рязанском. Что задумали коварные гяуры? С Олегом все понятно. Он боится Орды, но не менее страшны для него и свои, русские, а вот почему медлит литовец? Ему ведь даже во сне

снится гибель русского войска? Что же тогда он не спешит, а ведет все время свою дружину поодаль от московских полков? Разведчики донесли, что теперь он вовсе остановился в однодневном переходе от места предстоящей битвы русских с ордынцами. Не в ворона ли решил играть великий литовский князь? Это было похоже на правду. И Русь ему ненавистна, и Орда. Сила у Ягайло немалая. Быть может, задумал он дождаться того часа, когда увидит на поле брани истекающего кровью победителя и, двинув на него полки, одним махом покончит с обоими своими врагами?

Солнце коснулось края земли, и красные щиты русских воинов, соединенные в одну бесконечную стену, особенно отчетливо стали видны на серой осенней равнине. С тоскливым, пронзительным криком метались в светлом вечернем небе испуганные кулики. Пришло время вечернего намаза. Все мусульмане, что были в войске Мамая, опустились на колени, обратив свои лица в сторону Мекки. Более ста тысяч молитв, торопливых и жарких, полетели одновременно к небу. И наверное, из-за этого аллах не сумел понять, о чем они, потому отвернул свое лицо от правоверных. Но никто в этот последний вечер, накануне битвы, о том не знал — ни хан, ни простой воин...

Ночь наступила рано. Она была по-осеннему холодна, и в темном небе ярко и пронзительно горели бесчисленные звезды. Отпустив после полуночи из своего шатра мурз, беков и темников, Мамай, зябко кутаясь в бараний полушубок, вышел на улицу.

Ночь дышала тревогой. В русской стороне было тихо, и хану вдруг сильно захотелось поверить в чудо, поверить, что войско московского князя неслышно снялось и ушло за Дон, но он знал, что это не так,— высланные вперед разведчики уже давно бы принесли ему эту радостную весть.

Хан обернулся. В его лагере было неспокойно. Даже в темноте угадывал он, как суетились внизу люди, как спешили куда-то всадники и натужно скрипели колеса арб. Редкие огоньки костров слабо мерцали в ночи. Все здесь привычно, все знакомо. Воин-степняк не думает накануне битвы о смерти, он верит, что завтрашний день станет для него днем богатой добычи. Так повелось со времен Чингиз-хана, так будет вовеки, если завтра аллах дарует им победу. О мертвых скоро забудут, и степь пришлет в войско новых джигитов, жадных до добычи и уверенных, что за них думает великий хан.

Завтра, на рассвете, начнется битва, и если победа будет за ним, Мамаем, ему больше не страшен никакой Тохтамыш. Удача смахнет его с лица земли, и вся Золотая Орда отныне будет принадлежать одному властителю — хану Мамаю.

Мамай опять посмотрел в русскую сторону. Неодолимая сила влекла его туда, где лежало поле, на котором сойдутся завтра в смертельной схватке две огромные и яростные силы. Куликовым полем называют его русские. Завтра травы, все живое и даже сама земля превратятся здесь в прах под копытами коней, под ногами людей. Кровь обильно польет поле. И даже через много лет будет всходить на нем лишь чахлая, неживая трава да белеть омытые дождями черепа и кости павших.

Тихо ступая, придерживая на груди полушубок, Мамай начал медленно спускаться с холма. Два великана туленгита из личной стражи молча последовали за ханом.

Мамай поднял лицо к небу. Холодно и колюче глянули в его глаза звезды. Он вдруг подумал, что, если бы сейчас потребовалось всю землю превратить в прах ради завтрашней победы, он не стал бы раздумывать и приказал бы своим воинам сделать это. Ради власти, ради золотоордынского трона, сыновья убивали

отцов. Так имеет ли после этого хотя бы какую-то цену жизнь сотен тысяч воинов — своих и чужих?

Мамай вдруг замер. Ему послышался отдаленный топот коней. Он остановился и стал ждать. Замерли за спиной туленгиты, сжимая в руках копья. Где-то в вышине, между звезд, тоскливо и протяжно закричала совка. Мамаю показалось, что в темноте мелькнули неясные тени, потом почудились приглушенные человеческие голоса. Не оборачиваясь он протянул в сторону туленгитов руку, и один из них, угадав желание хана, вложил в нее лук и длинную оперенную стрелу.

Мамай привычно и сильно натянул тетиву. С тонким свистом улетела во тьму стрела, в ту сторону, где ему почудились человеческие голоса. Хан ждал крика, стона, топота копыт, но вокруг по-прежнему было тихо. Он облегченно вздохнул. Выходит, что все ему померещилось. И, хотя опасности никакой небыло, сделалось вдруг неуютно и одиноко в ночном поле. Мамай вдруг спросил себя: зачем пришел сюда? — и не нашел ответа. Он повернулся спиной к невидимому во тьме русскому войску и торопливо стал взбираться на холм к своему шатру.

Не знал Мамай, что через два года, перед самой смертью, вспомнит он эту ночь на Куликовом поле, и неясные тени во тьме, и выпущенную наугад, в русскую сторону, бесполезную стрелу. И вспомнит рассказ русского купца, похожий на правду и на полуправду одновременно, как накануне битвы выезжали на поле великий князь московский Дмитрий Иванович и Дмитрий Боброк-Волынец, чтобы послушать, о чем поведает им родная земля. Приложив ухо к земле, услышат они крик и плач русских и татарских жен и поймут, что немногие вернутся с битвы. И еще будет дано им знамение свыше о близкой победе...

Ссутулившись над крошечным костром, разведенным прямо посреди шатра, просидит всю долгую осеннюю ночь в одиночестве Мамай, терпеливо ожидая наступления утра.

Он не заметил, как задремал. А когда открыл глаза, увидел, что наступает рассвет. Зыбкий, тусклый свет просачивался в шатер. Мамай торопливо вышел на улицу.

Непроглядный, чадный туман закрывал весь мир, и не было видно ни земли, ни неба. Голова у хана закружилась, и он вытянул вперед руки, боясь упасть.

Где-то внизу, у подножья холма, уже проснулся и гомонил разноязыкий стан. Сквозь влажную, непроницаемую завесу тумана долетал едва уловимый запах гари — воины готовили еду.

Мамай с тревогой посмотрел в русскую сторону. Там по-пержнему стояла тишина, но он понял, что тишина эта обманчивая — просто густая черная пелена тумана глушила всякие звуки.

Хлопнув в ладоши, Мамай приказал посыльным собрать к нему в шатер мурз, беков, темников и батыров.

Ожидание близкой битвы возбуждало. Движения Мамая сделались резкими, глаза сузились и смотрели теперь холодно и остро. Ушли сомнения и тревоги, мучившие его всю ночь.

Совет на этот раз был коротким, потому что каждый хорошо знал, что и как ему надлежит делать.

И в русском стане давно не спали. Полки занимали отведенные им с вечера места, строились, выравнивали ряды. Глухо перекликались в мокром, холодном тумане голоса, бряцало железо, храпели и ржали кони.

С русской стороны, из-за Дона Великого, налетел ветер, и пелена тумана начала отступать в татарскую сторону, открывая Куликово поле. Глянуло с неба наконец осеннее солнце, и в его холодных, негреющих лучах тускло заблестели мокрые от росы остроконечные русские шлемы.

Звонко запели трубы, протяжно заиграли зурны, рассыпали свою частую и тревожную дробь барабаны.

Туман уходил все дальше от русских полков, и, наконец, открылось подножье Красного холма.

По склонам его медленно и грозно скатывались основные силы Мамая — конница. Воины, одетые в черные доспехи из буйволовой кожи, сидели на черных конях. В центре ордынского войска плотным, литым строем шла генуэзская пехота. Положив длинные копья на плечи идущих впереди, сомкнутыми рядами двигались они в русскую сторону.

Еще раз обвел глазами свое войско великий московский князь Дмитрий Иванович. Все полки были готовы к битве, и над каждым, указывая место, где находится поставленный во главе его удельный князь или воевода, ветер развевал знамя.

На виду у всего войска Дмитрий Иванович снял с себя великокняжеское платье и доспехи и передал их юному боярину Михаилу Бренку, сам же надел платье простого воина.

— Становись, боярин, под княжеское знамя и береги его. Мне же не годится быть позади своих воинов.

Подчиняясь воле Дмитрия Ивановича, Михаил надел золоченые княжеские доспехи и встал под черный, расшитый золотом стяг.

Кто-то из воевод попытался отговорить князя от его задумки.

— Не становись впереди биться, но стань сзади, или на крыле, или где-нибудь в другом месте!

Лицо князя было бледным и строгим. Он оглянулся вокруг и увидел тысячи устремленных на него глаз. Голос его зазвенел:

— Да как же я скажу кому-нибудь: «Братья, встанем крепко на врага!» — а сам встану сзади и лицо свое скрою? Не могу я так сделать, чтобы таиться и скрывать себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочие, видя мое дерзновение, так же сотворили с многим усердием!

Дмитрий Иванович тронул своего коня, и воины вокруг расступились, открывая ему дорогу туда, где стоял передовой полк.

Два огромных войска остановились друг против друга на расстоянии полета стрелы. С вершины холма, сидя на гнедом коне, облокотившись на луку седла, Мамай наблюдал за тем, что происходило на Куликовом поле. Обветренное, коричневое лицо его было непроницаемо, и никто в этот миг не мог бы угадать, что делается в его душе.

А хану вдруг стало страшно. Недобрые предчувствия стиснули сердце. И он с суеверным страхом подумал, что это не к добру. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Отвага и дерзость руководили всегда его поступками. Сейчас, казалось бы, бояться было нечего — воинов у него было больше, чем у московского князя, да и русские сами устроили себе ловушку, оставив за спиной широкий Дон. Мамай верил, что нет такой силы, которая смогла бы противостоять его стремительной коннице, а конные полки русских сумеют остановиться своими копьями смелые генуэзцы, ведь недаром привел он их из Крыма сюда, где встречаются лес и степь. Хан знал силу русских пеших полков и потому решил противопоставить им достойную силу.

До рези в сощуренных глазах вглядывался Мамай во все происходящее на Куликовом поле. Сейчас, по давней традиции, должен был начаться поединок между самыми сильными и ловкими воинами русского и золотоордынского войска.

Ожидание тяготило. Хан знал воина, который выйдет с его стороны. Много поединков было в жизни батыра Челубея, и ни разу он не изведал горечи пора-

жения. И сегодня во что бы то ни стало он должен был победить. Что лучше победы Челубея вдохновит воинов? Каждый увидит в ней перст судьбы и волю аллаха.

Из рядов золотоордынцев с визгом вырвался вдруг на открытое пространство всадник и, осадив коня, подняв его на дыбы, крикнул:

— Эй, внук Калтали Имана [1], я до сих пор не вижу твоего богатыря, который бы осмелился вступить в поединок с моим! Чего ты ждешь?! Или тебе стало страшно?!

Мамай узнал во всаднике батыра из кипчакского рода кенегес Кенжанбая, отчаянного воина и задиру.

Мамай не слышал, что ответили русские Кенжанбаю. Батыр резко крутанул своего коня на месте и помчался к золотоордынскому войску.

Словно порыв ветра прошел по русским полкам. Стоящие впереди пешие воины раздвинули ярко-красные щиты, и вперед неторопливо выехал всадник, одетый в монашескую мантию. Был он огромен, широкоплеч, русобород. Простой темный шлем был надет на его большую тяжелую голову, в руке он держал копье с коротким древком.

Кто-то из мурз, бывавших ранее на Москве, негромко сказал:

— Это Пересвет. Он человек главного русского муллы Сергия Радонежского...

Мамаю вдруг показались знакомыми эти имена. Он вспомнил — о них сообщал живущий на Москве преданный ему человек, булгарский купец. Этот Сергий Радонежский из Троице-Сергиева монастыря благословлял князя Дмитрия Ивановича и его войско на битву с золотоордынскими войском, он же и дал князю двух своих иноков-богатырей Пересвета и Ослябю, разрешив им при нужде нарушить монашеский обет и взять в руки оружие.

Хан хищно ощерился. Теперь он видел, как и от его войска отделился огромный всадник на черном коне.

— Челубей! Челубей! Че-лу-б-е-е-ей! — эхом долетели до него голоса с поля.

Грудь золотоордынского воина закрывала крепкая сетчатая кольчуга, надетая поверх стеганного из войлока жилета, на голове был низкий черный шлем с пучком птичьих перьев.

Какое-то время выехавшие для поединка воины горячили коней, то поднимая их на дыбы, то заставляя крутиться на одном месте. Великая тишина нависла над полем, и показалось Мамаю, что на миг даже остановилось в небе нежаркое осеннее солнце.

И вдруг, словно повинуясь неведомому приказу, воины бросили своих коней навстречу друг другу. Припав к гривам скакунов, выставив перед собой острые жала копий, плотно прижав к бокам локти, они, казалось, неслись по полю быстрее ветра.

Ударились кони, встали на дыбы, пытаясь укусить один другого или ударить крепким как железо копытом, вылетели из седел всадники, глубоко вогнав в грудь друг друга копья. Конь Пересвета, потеряв седока, умчался в сторону русских полков, конь же Челубея с пронзительным ржанием заметался по ничейной земле.

Тысячеголосый крик, похожий одновременно на стон и на рычание смертельно раненного зверя, метнулся к синему небу и, отразившись от него, как от каменной тверди, рассыпался над землей. Золотоордынская конница черной лавиной покатилась на передовой полк.

Удар был страшен. Русские пешие воины не отступили, только вмиг, словно от ураганного ветра, поредел их строй. Острыми наконечниками копий вспарывали они животы татарским коням, а там, где нельзя было повернуться с копь-

[1] Калтали Иман — так в Орде называли московского князя Ивана Калиту.

ем, рубились саблями, сбивали всадников тяжелыми палицами. С лицом, залитым кровью, в измятых ударами доспехах, вместе со всеми дрался великий московский князь Дмитрий Иванович. И каждый воин мог его видеть...

«И была брань крепкая и сеча злая, и лилась кровь, как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих сторон, от татарской и русской. Не только оружеим убивали, но и под конскими ногами умирали, от тесноты великой задыхались, потому что не могло вместиться на поле Куликовом, между Доном и Мечей, такое множество сошедшихся сил» — так напишет потом летописец, свидетель той сечи.

А битва набирала силу, и от туч пыли, вставшей до неба, стало гаснуть солнце.

Несмотря на отчаянное сопротивление русских полков, татары все ближе подходили к тому месту, где под черным, вышитым горящим золотом стягом стоял в богатом великокняжеском одеянии Михаил Бренко. Вот уже и ему пришлось обнажить свой меч и шагнуть навстречу врагу. Подрубленное чьей-то саблей упало на миг княжеское знамя, исчез, словно утонул в бурлящей реке, всадник, которого золотоордынцы принимали за князя.

На помощь большому полку, состоящему в основном из ополченцев, пришли владимирские и суздальские дружины воеводы Тимофея Васильевича Вельяминова. И сейчас же над головами сражающихся вновь взвилось великокняжеское знамя.

Отлично видел Мамай с вершины Красного холма, что, несмотря на то что воины его продвинулись далеко вперед, центр русского войска не сломлен. И тогда, все так же сохраняя на лице бесстрастное выражение, он приказал ударить по русским полкам, стоящим от центра по правую сторону. Но и здесь его конница, подобно валу, обрушившемуся на скалистый берег, оставляя на поле убитых и раненых, откатилась к подножью Красного холма.

Битва шла уже несколько часов, но никто бы не смог с уверенностью сказать, чье войско более близко к победе. Мамай понимал, что долго так продолжаться не будет. Воины устали, они изнемогают от жажды, и, если сейчас хотя бы на небольшом участке битвы обозначится успех русских, может произойти самое худшее... Велик соблазн у золотоордынского воина, сидящего на коне, повернуть его вспять и умчаться в степь, русским же отступать некуда — позади Дон. У русских нет иного выхода, кроме как победить или погибнуть.

И, уже не скрывая волнения, охваченный непреодолимым желанием переломить ход битвы, Мамай повернул лицо к стоящему позади Кенжанбаю.

— Повелеваю тебе ударить по левому крылу русского войска. Да поможет тебе аллах! Ты должен или принести мне победу, или умереть!

— Слушаюсь и повинуюсь! — Батыр поднял своего коня на дыбы и помчался вниз с холма, туда, где стояли, дожидаясь своего часа, самые умелые воины, принадлежавшие к личной гвардии хана.

С воем, с криками, призывающими на помощь дух предков, взметнув над головами кривые сабли, помчались один за одним отряды всадников. Свежие кони летели подобно птицам, и всякий видевший это понимал, что русским не устоять.

Вот он, долгожданный миг. Пройдет совсем немного времени, и побегут полки московского князя, а бегущего с битвы не может остановить никакая сила, и тогда устроит кровавый пир Мамай и прикажет не оставлять в живых ни одного русского воина. Доблестные его тумены промчатся по княжествам, сметая на своем пути города, вытаптывая посевы, и снова, слабая и послушная, будет лежать у подножья золотоордынского трона Русь.

Сквозь редкие разрывы в гигантском облаке пыли Мамай увидел, как дрогнуло левое крыло русского войска и начало медленно отступать к Непрядве.

Русские еще не бежали, но это уже было предрешено. Таял на глазах и запасной полк московского князя. Русских воинов почти не было видно. Их словно поглотила золотоордынская конница.

Мамай воздел руки к небу. Его тумены заходили в тыл главным силам князя Дмитрия. Теперь ничто не могло изменить исхода битвы. Мамай обернулся назад, чтобы посмотреть в глаза тех, кто стоял в эти минуты вместе с ним на вершине Красного холма. Но странное дело — он не увидел на их лицах радости.

— Возблагодарим аллаха! — крикнул хан.— Я заставлю князя Дмитрия...

Мамай не успел договорить. Один из его нукеров вдруг протянул руку с зажатой в ней камчой в сторону Куликова поля. Губы его дрожали.

Мамай резко обернулся. То, что он увидел, помутило его разум, а глаза закрыл черный туман. Когда же зрение вернулось к нему, Мамай увидел, как от Зеленой дубравы, разворачиваясь на ходу и полумесяцем охватывая его конницу, мчалась русская конница.

Удар был столь неожиданным и мощным, что золотоордынцы не выдержали его. Отряд, еще недавно теснивший русские полки, распался на две части. Одна из них, даже не вступая в битву, повернула коней к Непрядве, ища спасение и находя вместо этого свою гибель в быстрых водах реки. Другая, почти не оказывая сопротивления, помчалась в сторону Красного холма, сминая на пути генуэзскую пехоту.

Безумными, расширившимися от страха глазами смотрел теперь Мамай на происходящее. Случилось то, чего он так боялся. Бегство золотоордынской конницы словно дало новые силы русским, и уже не только на левом крыле, но и по центру, и справа московские полки повернули ордынцев вспять. Всадники в лисьих малахаях, спасая свои жизни, прорубались саблями сквозь бегущую генуэзскую пехоту. Свои убивали своих.

Выдержка изменила Мамаю. Задыхаясь, с перекошенным ртом, он кричал, требовал ответа от своих приближенных: откуда взялось у русских свежее войско, почему никто не предупредил его о том, что князь Дмитрий спрятал в лесу десять тысяч всадников?

Московские полки гнали ордынцев по всему Куликову полю. На вершине Красного холма уже отчетливее слышался звон железа, стоны раненых и крики затаптываемых конями, мольбы о помощи.

И уже не желание победить, а хотя бы спастись, сохранить свою жизнь овладело Мамаем.

Он ударил изо всей силы камчой коня и помчался прочь с поля битвы, бросив на произвол судьбы свои тумены.

...«И побежали полки татарские, а русские полки за ними погнались, били и секли. Побежал Мамай с князьями своими в малой дружине. И гнали их до реки Мечи, а конные полки гнались до станов их и захватили имения и богатства много»,— напишет потом русский летописец.

И весь срок жизни, который даст ему судьба, будет Мамай возвращаться мыслями к Куликовой битве, искать ответа: почему удача отвернула от него свое лицо?

Бродя по сумеречным комнатам своего дворца в Кафе, со страхом прислушиваясь к шагам охраняющих его туленгитом, он будет вспоминать битву и из увиденного им самим, и из услышанного от лазутчика булгарского купца сложится яркая и зримая картина всего, что произошло...

Нет, не отчаяние двигало великим московским князем Дмитрием, когда решился он выступить против Орды, не легкомысленная уверенность, что победить Мамая будет легко. Все продумал русский князь, до всего дошел мыслью. Оттого и поле для битвы выбрал такое, что нельзя было отступить в случае пораже-

ния. И засадный полк создал князь не случайно. Знал он, что сеча будет лютой, потому что золотоордынским воинам не откажешь в храбрости. Хорошо, когда сила равна силе, но у князя было намного меньше воинов, и потому призвал он на помощь воинскую хитрость. И момент выбрал удачный, терпеливо удерживаясь от соблазна, чтобы раньше времени не раскрыть засадный полк. И людей во главе его поставил опытных, мудрых: серпуховского князя Владимира Андреевича и князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынца.

Долгие часы ждали они, оставаясь глухими к мольбам воинов выйти и помочь сражающимся и гибнущим собратьям. Зато когда пришел урочный час, когда едва видное в облаке пыли солнце перешло на вторую половину дня, крикнул князь Боброк:

— Час прииде и время приближеся! Дерзайте, братья и други!

Вспоминая, как вырвалась из леса русская конница, как прямо из рук ушла победа, в которую он уже успел поверить, Мамай скрипел зубами от бессильной ярости. Купец рассказывал, что на Руси люди говорят о том, что Зеленая дубрава близ Куликова поля выросла за одну ночь, чтобы укрыть русское воинство. Все врет чернь, все придумывает! Сколько раз останавливались глаза хана на этом лесу, когда смотрел он на поле битвы, но ни разу не пришла мысль о том, что там может быть спрятан засадный полк. Если бы все можно было начать заново! Но никому не дано повернуть время вспять. И не поднять павших в битве воинов, чтобы снова двинуть их на Русь. Мамай силился понять: откуда берется отвага у русских ратников? И не мог. Кочевник, отправляясь в поход, смел и неутомим потому, что надеется взять богатую добычу, русский же воин умирал нынче только за то, чтобы не отдать свое. Откуда было знать ему, степняку, привыкшему с презрением смотреть на все народы, которые не пасут скот, что уже нарождалось в людях понятие Родная Земля? Сам Мамай вырос в седле, и ему было хорошо везде, где была степь. Только в битвах да за едой потел кочевник, и потому в его речи не было слов «земля, политая потом». Он никогда не облагораживал землю сохою и не оплодотворял ее хлебным зерном. Изгнанный из одних мест, он легко находил себе родину в любом другом месте, где вдоволь было травы для его скота.

О многом думал Мамай и, не находя ответа, все больше распалял в себе ненависть к русским и клял судьбу.

Но все это было потом. А сейчас еще слышался за спиной топот погони и над головой с пронзительным тонким свистом проносились русские стрелы. Только за рекой Воронежем отстали преследователи. Медленно, словно слабые ручейки, стекались к Мамаю небольшие отряды и группы уцелевших в битве воинов. Торопливо уходил Мамай в сторону Крыма, туда, где стояли аулы кочевников.

Однажды вынырнул из степного марева отряд воинов, ведомых Кенжанбаем. Но Мамай словно забыл, что требовал от батыра победы или смерти. Он подарил Кенжанбаю жизнь.

Мамай ехал во главе своего войска и не замечал дороги. Умирали от ран, полученных в битве, воины, но это мало беспокоило его. Осунувшийся, с серым лицом, опустив плечи, сидел он в седле и не чувствовал, казалось, ни холодного осеннего ветра, ни частых обложных дождей, медленно и подолгу сеющих с хмурого низкого неба.

Бесконечным показался путь к родному аулу, что стоял в низовьях Днепра. И здесь, велев справить поминки по погибшим, Мамай распустил свое войско.

Уединившись в юрте, закрыв тундык — отверстие для выхода дыма в своде юрты,— Мамай несколько дней пролежал на кошмах, не притрагиваясь к еде. Когда же он наконец показался своим близким, лицо его все еще было хмурым, но в глазах снова появилось властное выражение, а это значит, что к нему возвращалась жизнь.

Первое, что он сделал,— это послал гонца в Старый Крым, где находился посаженный им в свое время ханом Гияссидин Мухаммед. Гонцу было велено рассказать хану о том, как проходила битва, сколько пало в ней воинов и сколько ранено.

Этим поступком Мамай хотел показать Гияссидину Мухаммеду, что, несмотря на поражение, он по-прежнему силен и по-прежнему не считает себя обязанным повиноваться ему. Если хан хочет знать подробности, пусть сам приедет в ставку.

И еще приказал Мамай собрать на совет нойонов и старейшин подвластных ему родов. Очень хорошо знал он обычай степи, где малейшее проявление слабости могло обернуться непоправимой бедой. Увидев, что у повелителя сломаны крылья, его сразу же покинут даже те, кто еще вчера считался самым преданным и верным. Какой близкой была заветная цель стать единственным правителем Золотой Орды, вновь собрать под свою руку все растащенные чингизидами на улусы и ханства земли. Если бы не поражение от русских!..

Верные люди уже сообщили Мамаю, что Тохтамыш, узнав о том, что произошло на Куликовом поле, вошел со своим войском в земли, лежащие по берегам Итиля и еще недавно подчинявшиеся ему. Без битв и сражений стал он владеть тем, за что всю жизнь боролся Мамай. Он старался об этом не думать. Он верил, что все можно изменить, лишь бы не растерять то, что осталось, и собрать новые силы. А для этого нельзя было никому показывать свою слабость. Одно дело — потерпеть поражение, но заставить всех думать, что это случайность, и совсем другое — отказаться от борьбы, вызывая к себе жалость и презрение окружающих. По-прежнему рука должна быть твердой, речь властной, а поступки решительными.

Сейчас для пользы дела следовало забыть о Тохтамыше. Ничто так не возвышает в глазах людей, как победа над тем, от кого еще недавно пришлось бежать. Значит, снова следовало обратить свой взор в сторону русских княжеств. Русские показали, что вместе они сильны, но всегда ли они будут едины? Только теперь обязательно нужна победа, потому что второй раз подняться уже не удастся.

Еще не до конца придя в себя от поражения, Мамай думал о новой битве с русскими. Для этого он и велел собрать в ставку эмиров и старейшин родов.

Власть подобна соколу на твоей рукавице. Если умеешь им управлять, будешь разумен, то добычей твоей станет и свирепый волк, и красная лисица. Неумелое же обращение с птицей превращает ее железные когти в ничтожное украшение, и вместо добычи она начинает терзать падаль.

Мамай не был глупым правителем. Он умел подчинять себе людей, потому что умел побеждать врагов.

Одновременно с эмирами и старейшинами в ставку приехал Гияссидин-хан. Он был младшим сыном Бастемир-султана, ведущего свой род от пятого сына Джучи — Сибана. Широкоплечий, высокий, внешне сильный, Гияссидин был слаб душой и всегда робел перед Мамаем, сделавшим его ханом.

В двух соединенных между собой юртах собрались самые знатные люди кочевых родов, подчиняющихся Мамаю. Эмиры, батыры, бии в богатых одеждах сидели на разостланных кошмах, ожидая появления Гияссидина и Мамая. И когда те наконец вошли в юрту, собравшиеся поднялись и склонились в низком поклоне, приветствуя хана и правителя, которого давно между собой уже тоже величали ханом.

Гияссидин и Мамай сели на почетное место.

Муфтий Крыма красивым, бархатным голосом прочел молитву в память о погибших на Куликовом поле золотоордынских воинах.

Склонив головы, в напряженном молчании слушали собравшиеся слова, обращенные к богу, а когда муфтий умолк, провели в знак печали по лицу раскрытыми ладонями.

— Пусть услышат нас доблестные воины...

— Пусть земля им будет пухом...

— Пусть аллах откроет им врата рая...

Неслышно вошел в юрту темнолицый Кастурик-эмир и остановился у входа. Глаза его встретились с глазами Мамая.

— Ты сделал то, что я велел?

Кастурик наклонил в знак согласия голову.

— Введите его.

Четверо нукеров втолкнули в юрту закованного в цепи могучего сложения человека. Густая окладистая борода ниспадала ему на грудь, лицо было исклевано крупными оспинами, а один глаз закрывало синеватое бельмо. Многие из присутствующих здесь знали косого Ивана. Он был русским купцом, торговавшим с Золотой Ордой. Не знали только эмиры, батыры и бии, что уже давно был этот человек глазами и ушами Мамая, не знали и того, что правитель Орды, несколько раз проверив его сообщения из Москвы и Рязани, во многом доверял ему. Именно Ивана спрашивал перед битвой Мамай о количестве воинов у московского князя, и тот твердо заверил его, что «у Дмитрия Ивановича более нет ни одного воина, кроме тех, что стоят на Куликовом поле». В суматохе битвы никто не заметил, куда делся косой Иван. Только случайно, при отступлении, наткнулся в степи золотоордынский отряд на купца и повязал его.

Молчание затягивалось. Мамай пристально смотрел на человека, которому еще недавно верил. Ему на миг показалось, что именно этот русский виноват в его поражении. Скажи он правду — и все могло быть иначе. Мамай бы совсем по-иному распорядился войском. С трудом справившись с охватившей его яростью, Мамай сказал:

— Ну, косой Иван, разве ты не знал, что у золотой Орды длинный курук? Этой петлей мы ловим даже диких коней. Неужели ты думал, что она не настигнет тебя, куда бы ты ни спрятался? Теперь ты, наверное, расскажешь нам все.

Пленник поднял опухшее от побоев лицо:

— Очем ты хочешь услышать?

— Тебе бы уже следовало догадаться, что нас интересует...— Мамай говорил медленно. Его все еще душила ярость.— Почему ты обманул меня и не сказал о том, что московский князь спрятал воинов в Зеленой дубраве?

Запекшиеся губы Ивана тронула едва заметная улыбка:

— Не захотел.

Мамай всем телом подался вперед. Он ожидал чего угодно: лжи, мольбы о пощаде, но не такого ответа.

— Ты не захотел!.. Быть может, и рязанский князь Олег тоже не захотел и потому предал меня?

Косой Иван был причастен к сговору Олега и Мамая. Не раз ездил он между ставкой Орды и Рязанью с тайными поручениями. И потому неспроста задал ему этот вопрос Мамай.

Пленник отрицательно покачал головой:

— Нет. Князь Олег предал не тебя, а землю Русскую. И его я обманул... Тому, кто предает, всегда страшно... Я сказал князю, что часть своего войска Дмитрий Иванович оставил в тылу и, если он пойдет на соединение с тобой, быть Рязани сожженной. Оттого Олег и не бросился к тебе на помощь. Своя рубашка ближе к телу... Зачем ему спасать твой горящий дворец, когда, того и жди, запылает собственная изба? Не будь так, не упустил бы он случая расквитаться с московским князем. Спор у них давний, смертный... Князь Олег что

пес... Увидев, что обманулся, он по-мелкому, но мстил Дмитрию Ивановичу. Его люди разобрали построенные на Дону мосты, когда собралось московское войско в обратный путь с Куликова поля, его люди грабили по лесам московских ратников и глумились над ними...

— Чего хотел добиться этим Олег?

— Не знаю. Быть может, думал, что, оправившись после битвы, ты погонишься за Дмитрием Ивановичем... Всякое можно было думать... У московского князя едва половина воинов после битвы осталась... Ты же не оправдал надежд Олега, а как побитый пес, поджав хвост...

— Укороти язык!..— крикнул нукер, стоявший рядом с пленником, и ударил его по голове рукоятью камчи.

Лицо Мамая потемнело. Мелькнула сумасшедшая мысль, что, быть может, действительно следовало, собрав рассыпавшееся по степи войско, ударить в спину московскому князю. Тот явно не ожидал нападения.

Косой Иван словно не заметил удара, а может быть, избитое его тело действительно не чувствовало уже боли.

— Обманулся в своих надеждах Олег... Орлом тебя посчитал...

Не отрываясь, Мамай смотрел на пленника. Давно бродила в душе мысль — небольшим войском напасть на рязанские земли, чтобы наказать Олега за измену. Но к чему косой Иван говорит так упорно про то, как мстил московскому войску рязанский князь? Не плетет ли он новую сеть обмана, чтобы увлечь в нее Мамая и тем самым спасти Рязань от набега? Все это предстояло обдумать, прежде чем принять какое-то решение. Сейчас даже такого неверного союзника, как Олег, не стоило терять.

— Только напрасно творит худые дела рязанский князь... Дни его сочтены... Дмитрий Иванович ничего не забудет... Не сегодня, так завтра найдет Олег свою гибель...

И снова была какая-то загадка в словах косого Ивана. Если все так, то почему, возвращаясь с битвы, Дмитрий Иванович сразу же не разделался с Рязанью, а распустил свое войско и закрыл глаза на бесчинства, которые творил Олег?

— Подожди,— нетерпеливо и властно сказал Мамай.— Я сам разберусь с твоими князьями... Ответь мне: почему предал меня ты?! Или я мало давал тебе золота?

— Плата твоя была щедрой...— Пленник переступил с ноги на ногу, и в тишине негромко звякнули цепи.— Но ты не знал двух вещей...

— Каких?

— Первое. За золото можно купить золотой трон и даже счастье, но не человеческое сердце... Нельзя купить его любовь к близким, к отчей земле...

— Ты думаешь, что я полностью доверял тебе? — презрительно спросил Мамай.

— Я так не думал... Ты не мог верить мне, русскому, потому что не веришь даже своим друзьям по стремени: Бегичу, Карабакаулу, Кастурику и даже сидящему рядом с тобой Гияссидину Мухаммеду, поднятому тобой ханом... И второе... Я очень удивился, когда узнал, что ты не велел удалять меня из твоего войска, отправляющегося в поход. Я уже тогда понял, что ты не доверяешь мне. Ты решил напугать меня, чтобы я напугал московского князя... Мне действительно было страшно, когда я смотрел на проходящие мимо твои тумены... Пыль, поднятая копытами их коней, делала небо низким и серым... Я рассказал об этом Дмитрию Ивановичу. Но ни он, ни те, кто его окружал, не испугались. В русском войске каждый ратник знал, что пришел он на Куликово поле не для того, чтобы отнять у вас косяки лошадей и ваших баранов, не для того, чтобы снять с мертвых одежду и доспехи... Каждый хотел жить и ради жизни готов был умереть... Смертью смерть поправ...— Пленник ненадолго замолчал. Полуприкрыв глаза, он собирался с силами.— Быть может, ты хочешь знать, для чего я все это говорю? Ты уверен, что делаю это, чтобы спасти жизнь... Нет.

Знаю: по вашим обычаям такого врага, как я, не щадят. Мне больше не придется говорить, но твои люди все равно проговорятся кому-нибудь об услышанном, и на Руси узнают, что не предал я родную землю...

Мамай словно пропустил мимо ушей сказанное косым Иваном.

— И все-таки, прежде чем я решу твою участь, я хотел бы еще раз спросить... Кроме тебя, мне служили и другие русские, но никто не предупредил о замыслах князя. Неужели среди них действительно нет ни одного человека, которого бы не соблазнило золото?

Пленник тихо и хрипло рассмеялся:

— Таких найти всегда можно. Только Дмитрий Иванович поступил мудрее... Никто, кроме князя Владимира Андреевича Серпуховского да Дмитрия Михайловича Боброка-Волынца, не ведал о его задумке. Накануне битвы, в ночь, ушли их дружины в Зеленую дубраву. Ни остальные князья, ни простые ратники про то не знали. И потому русские воины, выйдя против твоих, бились до последнего, не надеясь на помощь, а полагаясь только на себя. Оттого и не оглядывались они по сторонам, не сломились под натиском твоих туменов.

— Выходит, и ты не знал о засадном полке?

— Я не ведун, чтобы читать княжеские мысли...

— А если бы знал?

— Не сказал бы,— твердо произнес пленник.

Мамай зло расхохотался:

— Выходит, князь Дмитрий не доверял тебе?

— Не знаю... Быть может, он правильно поступал... А если бы стал пытать меня? Человек сам не ведает, что может он и какие муки ему под силу. Уж коль я ничего не знаю, так жги меня хоть огнем — сказать мне нечего... Быть может, утаивая, князь Дмитрий сберегал мою душу от греха смертного — предательства.

Мамай задумался. Все, о чем говорил косой Иван, было в прошлом. Его не вернешь, как убежавшую в реке воду и плывущие по небу облака. Сейчас хана больше интересовал рязанский князь Олег. В борьбе с Москвой ему очень нужна была сильная рязанская дружина. Может быть, все и так, как говорит пленник, а быть может, и на этот раз он обманывает, хотя слова его очень похожи на правду. Если Олег враг Москве, то почему не растопчет его князь Дмитрий? Если же друг, то почему при случае поносят его худым словом «предатель»? Может, и здесь скрыта известная только двум князьям тайна, потому что каждый из них знает, что Орда не успокоится после поражения, а обязательно станет мстить и устраивать набеги. И такое могло быть.

Мамай вспомнил князя Олега. Высокий, русобородый, он умел подчинять себе людей, а главное — был тщеславен и честолюбив. Сколько приходилось встречаться с ним, всегда казалось, что нет человека, более люто и яростно ненавидящего своего соперника — московского князя... Кто, кроме Орды, смог бы помочь Олегу в борьбе с Москвой? Никто. Так почему же он предал и не пришел на Куликово поле?

Мамай опустил голову и задумался. Ясно вспомнил он то, с чего все началось.

Олег первым прислал к нему своего человека, и тот от имени князя предложил Мамаю в обмен на обещание не разорять более рязанскую землю платить ему дань в том размере, в котором давала ее Рязань Орде при хане Узбеке.

Тогда Мамай хотел с презрением ответить, что без всякого уговора он может взять у Рязани все, что пожелает, но пришла вдруг хитрая мысль использовать князя Олега против Москвы.

Если бы тогда знать, что Олег затеял двойную игру. А что это именно так, теперь хан не сомневался. Иначе почему, возвращаясь с поля Куликова победителем, московский князь Дмитрий не бросил свои полки, опьяненные успехом, на дружину Олега и не раздавил своего старого врага и изменника? Более того,

как сообщали лазутчики, идя через рязанские земли, запретил настрого московский князь утеснять рязанцев и чинить им зло.

Изменил Олег. В душе всколыхнулась, поползла к горлу тугим комком ярость. Он с трудом овладел собой. Непонятно было одно — отчего не объявил народу московский князь о том, что Олег не предатель, а действовал с ним заодно? По всей Руси клянут люди рязанского князя, а Дмитрий молчит...

Откуда было знать бывшему повелителю Орды хану Мамаю, что произойдет совсем скоро, после того как перережут ему в Кафе горло генуэзцы.

А случится для многих непонятное. Великий московский князь Дмитрий Иванович заключит с Олегом договор о вечном союзе, а гордый рязанский князь признает его старшим братом. И еще Дмитрий Иванович приравняет Олега к Владимиру Серпуховскому, получившему после Куликовской битвы прозвище Храброго. Воистину есть чему дивиться, если Владимир Серпуховской, покрывший себя вечною славою, не взропщет на то, что к нему приравняли предателя. Значит, ведомо ему было то, чего не ведали другие, и не врагом считал он Олега, а единомышленником в борьбе с Ордой.

В году 1381-м признает рязанский князь твердые границы меж московскими и его землями, установленные Дмитрием Ивановичем, поклянется быть против Орды и вероломной Литвы. Чудное творилось на Руси, где не принято было прощать предателей, а тем более заключать с ними союзы как с равными.

И еще не дано было знать Мамаю, что вновь в скором времени пересекутся дороги Орды и рязанского князя. Наступят тот день и час, когда новый властитель Золотой Орды — Тохтамыш решит осуществить замысел своих предшественников и двинется на Русь, чтобы привести ее к прежней покорности. Первым об этом узнает князь Олег и пошлет своих верных людей к Дмитрию Ивановичу предупредить его о нашествии, сам же поспешит к Тохтамышу с изъявлениями покорности и предложением служить тому верой и правдой. И хан поверит Олегу рязанскому, потому что по всей Руси идет о нем худая слава как о предателе и лютом враге московского князя. И не нижегородских князей Василия и Семена послушается Тохтамыш, когда будет решать, куда двинуть свое войско — вслед за Дмитрием Ивановичем, умчавшимся в Переславль-Залесский собирать войско, или на Москву. Сам Олег вызовется указать хану короткий путь на стольный град Московского княжества, тем самым приумножая свою худую славу. Прокляли его на Руси, назвав дважды предателем. И невдомек было ордынцам, что отводил их рязанец от того места, где собирал Дмитрий Иванович войско. Москва же с крепкими кремлевскими стенами и пушками была неприступна для степной конницы. И никогда бы не одолел ее Тохтамыш, если бы не нижегородские князья Василий и Семен, которые уговорили горожан открыть ворота и вступить в переговоры с ханом.

Слишком поздно понял коварство Олега Мамай, понял, когда уже не мог отомстить. Тохтамыш догадался раньше и, пятясь от приближавшегося войска Владимира Серпуховского, уходя в степи, разграбил и пожег рязанскую землю.

Тяжко было князю Олегу. Не предатель земли Русской, а ее лазутчик во вражеском стане, он должен был молчать и сносить хулу. Требовал народ жестокой кары, но ни Дмитрий Иванович, ни близкие к нему воеводы не подняли на Олега меча, тем самым без слов свидетельствуя, что ведомо им то, что неведомо и не должно быть ведомо другим.

И когда под нажимом своих бояр, в отчаянии, не ведая, что творит, пошел рязанский князь воевать Москву, не ответил ему дерзостью на дерзость Дмитрий Иванович, а прислал к Олегу мудрого Сергия Радонежского, игумена Троицкого монастыря. О чем говорили эти два человека, никто не знает. Только унялись вдруг рязанские бояре, и установился меж княжествами вечный мир.

И снова случилось чудное. В 1387 году — вопреки людской молве поступил великий московский князь — отдал дочь свою Софью за сына Олега Федора. Но

опять же ни единым словом не обмолвился, чтобы снять с рязанского князя тяжкий навет о предательстве. О чем говорили князья, породнившись, после свадебного пира? Наверное, опять об Орде, которая все еще была сильна, и кочевала близ русских рубежей, и смотрела на Русь раскосыми жадными глазами, ожидая удобного момента для новых набегов.

Не дано было знать об этом Мамаю. Сидя в шатре, он не ведал о своей скорой гибели. Он думал сейчас о рязанском князе Олеге и знал точно, что предал тот не Москву, а Орду, и все могло бы быть иначе, если бы... Сейчас же всем существом хана владели бессильная ярость и желание мстить.

Размышления Мамая прервал хриплый голос пленника:

— У меня есть к тебе просьба, правитель Мамай...

Тот поднял глаза.

— Я устал жить... Прикажи своим людям не мучить меня... Пусть кто-нибудь оборвет нить моей жизни ударом ножа в сердце...

На миг ярость стиснула горло, но Мамай справился с ней. Губы его дрогнули в злой усмешке.

— Пусть будет так, как ты просишь... Ведь сегодня ты впервые сказал мне правду...

Нукеры, повинуясь его жесту, схватили пленника под руки и выволокли из юрты.

Мамай пристальным, долгим взглядом всматривался в лица собравшихся, словно пытаясь угадать, о чем они думают и можно ли рассчитывать на их верность. Грузное его тело подалось вперед.

— Мы снова пойдем на Русь! — властно сказал он.— Для этого я собрал вас сюда. Золотая Орда не должна забывать свои обиды, и со времен Бату-хана всякого, кто поднимал на нее меч, она бросала под ноги своих коней.

Голосом, не терпящим возражения, Мамай, называя каждого эмира, бия и батыра по имени, указывал им, сколько и куда каждый из них был обязан привести воинов.

— Где батыр Кенжанбай? — спросил он наконец.

Темнолицый Сакип-Тура, ведавший всеми делами Орды, поднялся с места и склонился в низком поклоне:

— Сегодня утром вернулся гонец, которого мы посылали к батыру, чтобы пригласить его на совет. Кенжанбай и батыр из рода аргын Караходжа сняли свои аулы с насиженных мест и еще неделю назад ушли к Тохтамышу.

Мамай притушил вспыхнувший в глазах злой огонек. Новость была неприятной. Если уж самые близкие начали покидать его, то что ожидать от тех, кто подчинялся ему только из страха? Начало положено. Словно клочья гнилой кошмы под ударами ветра, попытаются завтра покинуть его другие роды. Неужели чуткий нос степняков уже почуял, что от него идет запах тления? Тохтамыш! Будь он проклят, да падет на него карающий меч аллаха! Ни на минуту не даст он забыть о себе. Бегство батыров — грозное предостережение.

Не желая показывать собравшимся своей растерянности и тревоги, Мамай сказал:

— Пусть будет так... Не стоит устраивать траур из-за того, что ничтожные Кенжанбай и Караходжа совершили предательство. Пусть воины седлают коней и точат сабли. Подобно орлам, набросимся мы на русские княжества. Сегодня они беспечны, потому что упиваются своей победой на Куликовом поле... Мы более не повторим своей ошибки и вернем себе славу непобедимых воинов...

Многого не знал в этот миг Мамай. Судьба не послала ему предостерегающего знака и не просветлила его ум, закрыв будущее плотной завесой тумана. Готовясь к походу на Русь, он видел не далее, чем летит выпущенная из тугого лука стрела.

ГЛАВА ВТОРАЯ

II

Резко повернувшись, Едиге быстрым шагом вышел из ханского дворца. Тохтамышу стало ясно, что его давний товарищ по стремени, гордый Едиге, ушел в ярости. Хан не видел лица батыра, но по тому, как высоко держал тот голову, как выпрямилась и окаменела его спина, без труда можно было догадаться, что обиделся он не на шутку.

Тохтамыш усмехнулся. Что ж, раз так случилось, стоит ли расстраиваться. Тем более он предполагал, что сегодняшнее дело именно так и закончится, потому что шел на этот шаг продуманно.

С той поры, как при поддержке Хромого Тимура объявил он себя ханом Белой Орды, каленым железом жгла душу мечта завладеть всей Золотой Ордой. Чувствуя его силу и угадывая далеко идущие намерения, льнули к Тохтамышу эмиры, мурзы, бии и батыры из родов, кочевавшим по просторам подвластных ему степей. Но хан не торопился ввязываться в борьбу с Мамаем. Тот был грозен и обладал достаточно большим войском, чтобы без страха выступить навстречу.

И теперь, когда весть о поражении Мамая, разнесенная по степи словно сказочным крылатым тулпаром, достигла его ушей, Тохтамыш не мешкая двинул свои тумены в сторону Сарай-Берке и, не встретив сопротивления, занял его. Тот, кому принадлежала древняя столица Золотой Орды, по неписаному закону становился и ее ханом. Но Тохтамыш хорошо понимал, что называться ханом — это еще не значит быть им. Мамай потерпел от русских поражение, но он по-прежнему владел большей частью земель, некогда принадлежавших Золотой Орде. В его руках оставался Крым, Северный Кавказ, низовья рек Днепра и Дона. На его землях стояли богатые торговые города Хаджи-Тархан, Азак, Кафа. Через них текло золото в казну Мамая, а это значит, что пройдет совсем немного времени, и он вновь обретет силы, чтобы продолжить борьбу и с русскими княжествами, и с ним, Тохтамышем. Чтобы окончательно сделать Золотую Орду своей и объединить роды под одной рукой, как это было при Берке и других прославленных в степи ханах, следовало, не откладывая надолго, покончить с Мамаем.

Хорошо знал Тохтамыш сильные и слабые стороны своего врага, а потому тщательно стал готовиться к встрече с ним.

У него было большое преимущество перед Мамаем — не он потерпел поражение на Куликовом поле, а потому ему не приходилось все начинать заново. Но следом пришла ясная и пугающая мысль, что битву-то проиграл не Мамай, а Золотая Орда. Именно против нее поднялись русские, и совсем неважно, какой хан стоял во главе золотоордынского войска. Значит, даже уничтожив Мамая, Тохтамышу предстояло, рано или поздно, столкнуться с Русью, чтобы снова бросить ее под копыта своих туменов. Получая земли, которыми сейчас владел Мамай, Тохтамыш получал и его заботы.

Услышав о бегстве от Мамая батыров Кенжанбая и Караходжи, Тохтамыш сразу же велел привести их в свой дворец.

Он знал, что Кенжанбай принадлежал к роду кенегес, который когда-то кочевал в степях близ Кумкента и лишь лет пятнадцать назад ушел в земли, ныне подвластные Мамаю. Знал он и о том, что батыр дружен с Едиге, потому что в детстве они знали друг друга.

После обычных приветствий, положенных по степным обычаям, хан отпустил всех приближенных, оставив при себе только Едиге.

— Славные батыры,— сказал он,— я хочу услышать рассказ о Куликовской битве от вас, видевших все своими глазами.

Рассказывать начал Кенжанбай. Тохтамыш слушал его, не перебивая, внимательно, стараясь все представить зримо, чтобы понять, в чем была главная ошибка Мамая. И когда наконец батыр умолк, хан спросил:

— Так что же стало главной причиной поражения?

Кенжанбай нерешительно посмотрел на Тохтамыша, словно раздумывая, стоит ли открываться перед ним до конца. Потом медленно сказал:

— Мне кажется, что с русскими княжествами не стоило начинать войну.

Хан нахмурился. Ему явно не понравился ответ:

— Почему?

Батыр замолчал, словно собираясь с мыслями. Тохтамыш не выдержал первым:

— Не хочешь ли ты сказать, что русские княжества сделались настолько сильными, что Золотая Орда уже не страшна им?

— Даже сильный человек может стать на какое-то время слабым, если его одолел недуг...— уклончиво ответил Кенжанбай.

Тохтамыш понял, что имел в виду батыр, говоря эти слова. Золотую Орду раздирали междоусобицы.

— У Мамая было войско, численностью превосходящее русское. И, кроме того, конница, не знающая себе равных. В умелых руках она способна сокрушить на своем пути все...— нетерпеливо сказал хан.

— Все это так, но князь Дмитрий имел засадный полк, о котором ничего не знал Мамай...

Едиге покачал головой:

— Мне кажется, это была его главная ошибка. Воин, когда у него меньше сил, чем у врага, придумывает хитрость. Зная, что у русских воинов не столько, сколько у него, Мамай должен был подумать об этой истине и побеспокоиться, чтобы князь Дмитрий не постарался именно хитростью уравняться в силах. Врага всегда надо считать сильнее себя и никогда не верить глазам. И воинам нельзя говорить, что враг слаб, потому что это делает их беспечными, отнимает мужество. Времена меняются. Сейчас нельзя бросать в битву сразу все войско. Предводитель должен думать о неожиданностях и превратностях судьбы. Если бы так поступил Мамай и оставил в запасе достаточное количество воинов, десятитысячный русский полк не смог бы повлиять на исход битвы.

Тохтамыш задумчиво посмотрел на Едиге. Все очень правильно говорил батыр... Воины не напрасно уважают его и всегда охотно выполняют его приказы... Захочет ли такой человек долго ходить в эмирах, которому подчиняется только левое крыло золотоордынского войска? Не замахнется ли он однажды на все? По уму он достоин стать лашкаркаши — командующим всем подчиненным Тохтамышу войском. Но такой человек опасен. В нем надо быть уверенным, как в себе самом, а потому Едиге следует испытать.

— Мамай поступил иначе,— сказал Кенжанбай.— Он сделал так, как привык делать,— бросил в битву все силы, какие у него были, желая сразу же смять и уничтожить русских...

— Если бы они все были перед ним, быть может, так бы и следовало поступить...— возразил хан.

Никто не стал оспаривать сказанное Тохтамышем.

— И еще была одна ошибка, которая стоила Мамаю победы,— сказал Кенжанбай.— Заключив союз с литовским князем Ягайло и рязанским Олегом, он не проявил должной твердости, и они, почувствовав это, не пришли в назначенный час на поле битвы. А ведь войско каждого из них — это сильное войско.

— Гяуры! — проворчал Едиге.— Чего другого можно было от них ожидать...

— Меня интересует другое... Разве не знал Мамай, что невозможно опрокинуть вражеский строй конницей, если воины стоят плечом к плечу, ощетинившись копьями?

— Знал. И на этот раз он не бросил ее сплошным потоком на русских. Он построил свое войско в форме журавлиного клина, на острие которого находился отборный отряд из пятисот всадников, защищенных кольчугами. Даже кони имели железные нагрудники. Отряд должен был пробить брешь в рядах русского войска. Хотя бы небольшую и ненадолго. Стремительно развернувшиеся крылья клина охватили бы тогда распавшиеся полки и легко уничтожили их... Но русские устояли... Многие воины потеряли коней, а пеший степняк уже не воин. В рукопашной битве нет русским равных... Быть может, все закончилось бы и раньше, но нас было все-таки больше. Мамай велел попробовать заманить русских отступлением, но они не бросились в погоню и не нарушили свой строй. Было похоже, что князь Дмитрий угадывал все, что задумал Мамай, и не мы, а он определял, как должна идти битва. В один миг, когда Мамай послал на русские полки левой руки воинов из своей личной охраны, казалось, что наконец счастье улыбнулось нам. Это я видел сам, потому что был там. Но именно в это время появился засадный полк, и уже ничто не могло изменить исхода битвы...

— Неужели Мамай и вправду поверил, что московский князь поставил на поле битвы все свое войско? — спросил Едиге.

— Мне трудно отвечать за его поступки...

— Где же тогда был славный батыр Кенжанбай? — в голосе Едиге послышалась чуть заметная насмешка.

Тот вскинул голову. Он действительно считался одним из самых смелых батыров по всей Дешт-и-Кипчак, а в стрельбе из лука ему вообще не было равных.

— Мы верили Мамаю.

Тохтамыш исподлобья посмотрел на Кенжанбая:

— Вы, наверное, и покинули его сейчас за то, что он не оправдал ваших надежд?

Вмешался молчавший до сих пор батыр Караходжа:

— Высокочтимый хан, что плохого в том, что мы со своими родами вернулись на землю предков?

Кенжанбай, скрывая обиду, сказал:

— Мы решили больше не оставаться среди ногайлинцев. Нас волнует судьба народа, который идет за нами. Хан, которого преследует неудача, непременно ввергнет подвластные ему народы в пучину бед и несчастий. Он мечтает о мести русским. Я видел битву своими глазами и потому знаю, что и на этот раз удача покинет его. Следует выждать время. Но сказать ему об этом мы не могли...

— Выходит, что Мамай снова готовит поход на Русь? Откуда он возьмет для этого силы?

Это был главный вопрос Тохтамыша. Именно для того, чтобы задать его, он и велел привести батыров во дворец. Прошедшая битва интересовала его постольку поскольку. Важнее было знать, что замышляет Мамай, сколько он мо-

жет собрать воинов и как относятся к нему люди подвластных родов. Золотая Орда никогда не станет прежней, если не вернет себе те земли, которыми владеет сейчас Мамай.

Многолюдны земли Сакистана и Крыма, генуэзцы дадут в казну золота столько, сколько Тохтамыш потребует, они же обеспечат его воинов доспехами и оружием, которое прекрасно умеют изготовлять их ремесленники. И вот когда Орда вновь станет такой же сильной, как при Джанибеке, тогда придет черед русских. А в том, что он одержит над ним победу, Тохтамыш был уверен. Затем наступит черед Хромого Тимура. Ненависть к нему переполняла сердце хана и, подобно углям, укрытым мягким пеплом, постоянно жгла душу. Пусть Тимур помог сесть на золотоордынский трон, пусть помогал много раз, когда было трудно, но чингизид никогда не станет подчиняться простому эмиру, а Золотая Орда не мелкое ханство, чтобы оставаться за пазухой у Мавераннахра. Никто не смеет повелевать ею со стороны. Нужно совсем немного времени, чтобы, излечившись от междоусобиц, Золотая Орда снова стала сильной и острозубой, как матерая степная волчица. Тогда она легко разбросает в стороны и заставит поджать хвосты всех своих врагов.

Не показывая этого внешне, Тохтамыш был доволен, что в его земли вернулись два батыра, которые хорошо знают сильные и слабые стороны Мамая. Он выведает у них все, что ему нужно, чтобы победить соперника.

Внимательно прислушиваясь к разговору, Едиге все больше мрачнел. Он тоже ненавидел Мамая и жаждал его поражения, не собираясь оставаться в стороне от той борьбы, которая начиналась. Горький осадок в душе вызывала мысль, что снова предстоят битвы, где будет пролита с обеих сторон кровь одного и того же народа. Борьба за власть всегда жестока и безжалостна — хорошо знал об этом Едиге. Но сейчас, сидя во дворце Тохтамыша, он даже предположить не мог, что через годы его потомки не станут думать о том, о чем думает он. Во главе ногайлинских полков они прогонят родственных им по крови кипчаков с просторов Итиля и успокоятся лишь тогда, когда те уйдут в степи за Светлый Яик.

Едва сдерживая раздражение и глядя прямо в глаза Кенжанбаю, Едиге сказал:

— Куда вы побежите, если на этот раз потерпит поражение хан Тохтамыш?

Лицо батыра побледнело.

— Я пришел со своим родом на родную землю! Она здесь, в Орде! Ты лучше бы подумал о себе!..

Последние слова были брошены не случайно. Кенжанбай намекал на бегство в свое время Едиге из Золотой Орды к Хромому Тимуру.

Едиге не понравилась строптивость батыра. В детстве они росли вместе, но поскольку Едиге был сыном эмира, то в играх и драках он всегда оставался главным. Ему повиновались все, в том числе и Кенжанбай. А там, где есть повиновение, дружба всегда живет рядом с ненавистью и враждой. Все это скрыто лишь до поры до времени... Сейчас Кенжанбай был и сам знаменит в Дешт-и-Кипчак как батыр, а потому больше не чувствовал своей зависимости от Едиге. Но не зря еще в детстве за находчивость и ум называли Едиге бием. Сделав вид, что ничего не произошло, он, стараясь быть мягким, сказал:

— Да, ты пришел не один, а со своим народом...

Но мягкость слов не произвела впечатления на Кенжанбая, не смягчила обиды. Глаза его были налиты кровью, а напряженное тело говорило о том, что в нем бушуют ярость и гнев. Почти двадцать лет не видел батыра Едиге, но и тогда, в детстве, Кенжанбай иногда походил на волчонка. Под внешней покорностью легко можно было угадать сильный характер, обидчивость и стремление идти к своей цели, какое бы препятствие ни встало на его пути.

Едиге непроизвольно улыбнулся. Ему вспомнилось давнее, почти забытое...

Тогда они уже были подростками, и совсем скоро им предстояло стать джигитами. Все чаще не сиделось дома, и они, оседлав коней, отправлялись на охоту. И так уж случилось, что однажды, отдыхая на берегу неширокой быстрой реки, Кенжанбай и юноша из его же рода Кокжалди увидели бегущую лисицу. Лука у Кенжанбая в этот момент не оказалось, и, пока он бегал за ним, лисицу подстрелил товарищ. Вот тогда-то впервые увидел Едиге глаза Кенжанбая — налитые кровью, гневные.

— Лиса должна принадлежать мне, потому что первым увидел ее я! — твердил он.

Кокжалди не захотел отдавать добычу. И тогда все обратились к Едиге, чтобы он рассудил их спор.

— Пусть будет так...— сказал Едиге.— Пусть лисицу возьмет в руки один из мальчиков, что сопровождают нас, и поднимет ее над головой. Стоять он должен там, где была лисица в тот момент, когда ее увидел Кенжанбай. Если он попадет в голову зверя, добыча будет его, если же нет, то она по праву принадлежит Кокжалди... Но есть и еще одно условие...— Едиге помолчал.— Если от стрелы погибнет мальчик, ты, Кенжанбай, заплатишь его родителям выкуп...

— Я согласен!

Едиге прищурился:

— Смотри... Подумай хорошо, прежде чем на это решиться. Что будет, если родители мальчика захотят получить кровь за кровь? Ты можешь потерять голову.

— Я согласен на все! — глаза Кенжанбая были безумны.

Он не промахнулся. Лиса досталась ему. И сейчас, вспомнив этот случай, Едиге подумал, что Кенжанбай может решиться на все, чтобы добиться своего.

От Тохтамыша не ускользнуло, что между Едиге и Кенжанбаем уже протянулась нить неприязни. Более удобного момента, чтобы унизить Едиге, пожалуй, трудно было бы и придумать. Хану вспомнились слова жены, красавицы Садат-бегим, которая уже давно при каждом удобном случае говорила ему: «Ты должен освободиться от Едиге. Во взоре его, когда он смотрит на тебя, я читаю недобрые мысли. Ты задумал отдать ему в жены дочь покойной старшей жены, но едва ли это спасет тебя, если на уме его черные мысли. Быть может, он хочет стать ханом...» На все воля аллаха. Видимо, неспроста свела сегодня судьба всех этих людей в дворцовых покоях. Задумав ударить — бей.

Тохтамыш ласково посмотрел на Кенжанбая и Караходжу.

— Вы не сердитесь на слова Едиге,— сказал он.— Придет время, и вы поймете, почему он говорит так... Я доволен, что вы вместе со своим народом вернулись на землю своих предков, и потому разрешаю вам выбрать для кочевок любое урочище, а поскольку путь ваш был неблизок и люди натерпелись лишений, я на два года освобождаю ваши роды от уплаты всяких налогов в мою казну. И еще...— Тохтамыш сделал вид, что глубоко задумался.— Я повелеваю тебе, Кенжанбай, и тебе, Караходжа, всегда находиться при мне. Отныне вы будете главенствовать над семью батырами: двумя Даулетами, Кудайберды, Кобланды, Шуаком, Уаком и Шори. Они — главная моя опора, на них держится остов Орды.

Услышав слова Тохтамыша, Едиге побледнел. Он-то хорошо знал, что скрывалось за пышными словами хана. Каждый из названных батыров возглавлял полк, набранный из подвластных им родов. Все вместе они составляли войско левого крыла Орды. Значит, отныне Кенжанбай становился их лашкаркаши, отныне войско будет подчиняться во всем ему одному, не считая, конечно, хана. Но ведь по тому, что Едиге совершил за все годы для Золотой Орды, это право принадлежало только ему. Более жестокую месть для самолюбивого нойона трудно было придумать.

Тохтамыш заметил, как помрачнел Едиге, и понял, что удар он нанес жестокий и рассчитал все верно. И, чтобы еще больше насладиться местью, чтобы еще больше унизить нойона, повернув к нему лицо спросил:

— Как ты считаешь, Едиге, верно ли мое решение?

Мертвенная бледность заливала лицо нойона, но он справился с собой и твердым голосом, холодно ответил:

— Высокочтимый хан оказывает мне огромную милость, спрашивая у меня совета... Мудрость его велика. Кенжанбай достоин даже большего, чем то, чем вы его пожаловали...

Едиге медленно поднялся с ковра и, не поклонившись, как это было принято при расставании с ханом, а лишь слегка наклонив голову, пошел к двери.

Мстительная улыбка тронула губы Тохтамыша. В комнате наступила томительная, гнетущая тишина, словно из нее только что вынесли покойника. Недоброе предчувствие, мимолетное сомнение в правильности своего поступка вдруг шевельнулись в душе хана, но он легко прогнал их прочь. Ведь не только он жаждал унижения Едиге, этого же хотела и Садат-бегим. Не могут они ошибаться одновременно. Голос судьбы, не иначе, ведет их этим путем. Откуда было знать Тохтамышу о том, что случилось десять лет назад? Об этом стоило бы спросить Едиге и Садат-бегим, но они никогда и никому об этом не расскажут, потому что, если даже единомышленники со временем становятся врагами, они за семью печатями хранят то, что может стоит им головы.

Если бы Тохтамыш умел заглядывать в прошлое, он бы увидел...

...На исходе ночи, когда луна торопится за край земли, чтобы не показывать свое бледное, усталое лицо розовощекой заре, по берегам бурной Джейхун ехал всадник в сопровождении самых преданных ему нукеров.

Рассвет был уже близок, и путники спешили. От реки тянуло зябким студеным ветерком, и слышно было, как рушились в воду подмытые глыбы берега.

Едиге — зрелый тридцатилетний мужчина. Горбоносое лицо его красиво, острые глаза пристально вглядываются вперед. Сидит он на коне уверенно, чуть боком, как обычно ездят степняки, когда предстоит неблизкий путь. Порой никому не видная во тьме улыбка трогает его губы, и он начинает поторапливать коня несильными ударами камчи.

Едиге очень хорошо знает, кто ждет его впереди. В условленном месте, в густых зарослях прибрежных тугаев, встретится он с красавицей Садат-бегим, девушкой из рода мангит, дочерью Сидак-бия — даргуши из небольшого города. Пять месяцев назад на большом степном тое увидел впервые ее Едиге. Любовь может все. Они сумели отыскать друг друга и договориться о встрече. Но такова уж судьба воина. Едиге в то время находился на службе у Хромого Тимура, и спешные дела помешали ему выполнить свое обещание. Садат-бегим была красива и находилась в том возрасте, когда девушка напоминает спелое яблоко, готовое от первого прикосновения сорваться с ветки и упасть под ноги. Медлить со втречей было нельзя. Едва он вернулся в ставку эмира, как ушей его достигла новость о том, что Сидак-бий собирается выдавать свою дочь за Тохтамыша. Через верных людей он дал девушке знать, что хочет с ней встретиться, и она, как и в первый раз, согласилась. Вот куда держал теперь путь Едиге, вот на какую встречу торопился.

Недалеко от условленного места Едиге отдал коня нукерам, а сам пробрался сквозь заросли к реке. Садат-бегим не обманула его. Она ждала. Земля еще была окутана предрассветными сумерками, но Едиге увидел девушку издалека. В мягком полумраке, одетая во все белое, Садат-бегим показалась ему цветком, омытым утренней росой. Руки их встретились, и в тот же миг они почувствовали тела друг друга, горячие, истомленные желанием.

Едиге что было сил стиснул хрупкие плечи девушки, и она не сказала ему, что ей больно, и воин понял: Садат-бегим его...

Они поднялись с земли лишь тогда, когда край неба запылал от раскалившего его близкого солнца, а лесная чаша наполнилась пением проснувшихся птиц. Лицо Садат-бегим было бледно, губы искусаны, а глаза, как тихие озера, были до краев налиты покоем.

Едиге вдруг холодно и хмуро посмотрел на красавицу. Слова его были тяжелы и отрывисты:

— С кем ты встречалась до меня?

В глазах Садат-бегим мелькнула тревога, но она быстро потушила ее и тихо рассмеялась. Заглядывая в лицо батыра, сказала:

— Разве я была не хороша?

— Я не сказал этого...

— Тогда зачем спрашиваешь? Если желанна я тебе, посади на коня и увези в свою юрту...

Едиге угрюмо молчал.

Садат-бегим вдруг резко вскинула голову. Золотые и серебряные монеты, вплетенные в ее длинные косы, негромко зазвенели.

— Хорошо!.. Если ты хочешь знать!.. До тебя я была близка только с Тохтамышем!..

— Как это случилось? — голос батыра сделался хриплым.

— Это случилось четыре месяца назад...

— Ты хочешь, чтобы надо мною стали смеяться люди, когда мне придется нянчить чужого сына?

— Но я не беременна!..

Едиге отвернулся и, продираясь сквозь заросли, не выбирая дороги, пошел прочь.

Полными горя глазами смотрела вслед ему Садат-бегим. Это был конец. Она прекрасно понимала, что отныне ей не быть женой батыра. Он слишком горд, чтобы забыть измену.

Только не суждено было оборваться до конца этой связи. Уже став женой Тохтамыша, многие годы, когда выпадал счастливый случай, они встречались ночною порой. Нет на свете такой преграды, которая бы остановила влюбленную женщину, мечтающую о жарких объятиях любимого человека. И чем труднее препятствие, тем смелее и отчаяннее становится она, стремясь к своей цели.

И если Едиге подолгу не было рядом, Садат-бегим начинала терять разум. Каждый день становился для нее бесконечным, тяжелым и серым, похожим на камень, который надо вкатить на вершину горы.

Другие мужчины были для нее безразличны, ничьи ласки не могли успокоить горящую душу и жаждущее тело Садат-бегим.

Именно в это время умерла старшая жена Тохтамыша, и, по степным обычаям, ее место отныне стало принадлежать Садат-бегим.

Или прошедшие годы, или новое положение главной хозяйки ханского дома сделали отныне Садат-бегим более спокойной и осмотрительной. Она по-прежнему тосковала об Едиге, но теперь ее любовь стала похожей на огонь очага, в который дрова подбрасываются спокойной и умной рукой.

Но когда до Садат-бегим дошел слух, что Едиге тайно встречается с Жанике — дочерью Тохтамыша, рожденной от его первой и ныне покойной жены, благоразумие вновь оставило ее. Сильнее прежнего возжелала она батыра.

Однажды, когда в летнюю пору аулы Садат-бегим и Едиге оказались вблизи друг друга, она не выдержала и сама послала к нему верного человека, прося о встрече.

Они встретились на закате солнца, на дне глубокого сухого оврага. Никогда не видела Садат-бегим таким угрюмым и хмурым своего любимого. Она бросилась навстречу ему, раскинула руки, чтобы обнять, прижаться к его могучей груди жарким телом, но Едиге отстранил ее.

— Подожди! — с плохо скрытым раздражением сказал он.— Нам больше не надо встречаться! Тебе пора остепениться, потому что ты уже не настолько юна, чтобы бегать в степь на свидания.

Овраг был до самого края налит вечерней мглой, и Садат-бегим показалось, что не слова падают из уст Едиге, а холодные, страшные змеи. И змеи эти обвивают ее, подбираются к груди, к горлу и давят, мешая дышать. Мертвенная бледность залила ее лицо.

— Как ты можешь говорить такое?..— голос женщины вздрагивал и ломался.— Ты просто променял меня на Жанике! Ты предал!..

— А что в этом плохого? — с вызовом, грубо спросил Едиге.— Разве игривая Жанике хуже тебя? — И, словно мстя за прошлое, добавил жестко: — Ты мне надоела!..

Садат-бегим схватила себя за горло, пытаясь унять рвущийся из груди стон.

Батыр, не взглянув на женщину, повернулся и пошел прочь. Она долго смотрела, как взбирался он по тропе на крутой склон оврага, как придерживал бьющую по бедру кривую саблю, как катились из-под ног сухие комья бурой земли... В ушах гулко и часто звучала последняя фраза, сказанная Едиге: «Ты мне надоела!»

Не знал, не ведал батыр, какой ценой заплатит он за свои слова, не знал, что нет страшнее врага, чем покинутая женщина. Подобно змее, вылезет она из своей кожи, лишь бы отомстить за измену. Ей, старшей и любимой жене хана, было доступно многое.

Высоко, на кромке оврага, мелькнуло в последний раз сильное тело Едиге, а белые, вздрагивающие губы Садат-бегим прошептали ему вслед:

— Подожди, Едиге-мирза, за свои слова ты еще ответишь мне!..

Откуда обо всем этом было знать Тохтамышу — новому хану Золотой Орды?.. Кто бы осмелился даже среди тех немногих, знавших правду, рассказать ему о Садат-бегим — любимой жене и Едиге — верном и храбром эмире?

Невелика речка Калка. Далеко ей до своих братьев Великого Дона и могучего Итиля, но так уж уготовлено ей судьбой, что дважды видели ее берега то, что не дано другой, более знатной реке увидеть даже однажды. В 1223 году (году овцы) в месяц июнь, одиннадцатого числа, встретились на берегу Калки монгольские тумены, ведомые батырами Джебе и Субедэем, с объединенным войском русских и кипчаков. Здесь одержали они первую победу в незнакомом краю, проложив тем самым путь на Русь кровожадным туменам Бату — основателя Золотой Орды.

И вот, когда минуло полтора столетия после той яростной битвы, судьбе было угодно, чтобы именно здесь встретились войска золотоордынского хана Тохтамыша и правителя Крыма — Мамая. Теперь им, потерявшим ставшую сильной и крепкой Русь, предстояло решить давний спор, кому владеть тем, что все еще именовалось Золотой Ордой.

Десятки тысяч воинов на низкорослых гривастых конях неспешно тянулись с двух сторон к берегам реки. Заканчивался апрель. Сквозь рано подсохшую землю уже пробивалась густая щетина молодой травы, и первые цветы, еще бледные и неяркие, тянули свои головки к сверкающему щедрому солнцу. Ничто, казалось, не предвещало грозных событий.

Угрюмо осматривал Мамай окрестности. На душе его было тревожно и неспокойно. Словно ураганный ветер унес ту решительность и уверенность, которые он обычно испытывал перед сражениями. Во всем были виноваты проклятые русские — картины битвы на Куликовом поле преследовали его днем и ночью. И еще тревожило Мамая то, что без азарта шли в поход его воины, видимо, и они хорошо помнили ярость русских воинов, и еще не забыли дыхание близкой смерти, и знали, что второй раз чуда может и не случиться, а значит, не выручат даже быстрые кони.

Без охоты ехал на новую битву и сам Мамай. Он чувствовал, что пришло время сразиться Тохтамышем еще не пришло. Он был уверен, что если будет тихо сидеть в своих владениях, то новый золотоордынский хан, лишивший его власти, еще долго не решится напасть. Нужен был хотя бы еще один спокойный год, чтобы воины, уцелевшие в битве с русскими, забыли страх, надо было набрать новых и научить их правилам боя. О встрече с Тохтамышем Мамай даже боялся думать. Прежде надо было расплатиться за пережитый позор с русскими, вновь заставить признать его власть. Вот тогда-то... Но Тохтамыш не собирался ждать. Его воины устали от безделья, им хотелось добычи, они жаждали крови врага, и потому им снились лихие скачки, звон сабель и храп взметнувшихся на дыбы коней. Этого хотели воины... Но дальше всех смотрел их хан. Он боялся, что время снова сделает Мамая сильным, а тогда трудно будет предсказать исход борьбы. Именно поэтому двинул Тохтамыш свои тумены во владения правителя Крыма, и тому ничего не оставалось другого, как выступить навстречу приближающемуся врагу. И снова на монгольском и кипчакском наречии, как и много лет назад, зазвучало слово Калка.

Где-то в глубине души, сквозь все чаще охватывающее Мамая отчаяние, пробивалась робкая надежда, что битва не состоится. Нередко бывало в степи, что в самый канун сражения два войска, не сговариваясь, расходились в разные стороны. Каждый предводитель обычно легко находил после объяснение своему поступку, и никто не решался усомниться в его правильности.

Человека, которого однажды укусила змея, страшит даже полосатая веревка: воина, недавно испытавшего поражение, перед новым сражением всегда мучат сомнения. Едва войско Мамая достигло берегов Калки, Мамай послал гонца к Тохтамышу с такими словами:

— У нас у обоих почти сто тысяч воинов. Завтра нить жизни многих из них оборвется. Причиной тому будем мы. Не лучше ли нам, чтобы решить давний спор, если, конечно ты не боишься, выйти завтра на поединок? Пусть аллах и судьба, которую он держит в своих руках, решит, кому должна принадлежать победа и Золотая Орда. Победителю же обязаны будут подчиниться оба войска. Тот, кто станет его предводителем, пусть велит воинам повернуть свои копья в сторону внешних врагов Орды, и прежде всего против неверных гяуров — русских.

Не в обычаях степных владык было так говорить. Их долг был повелевать и не думать о судьбах воинов. Поэтому непонятен и дик был поступок Мамая. Чем руководствовался он, посылая своего гонца к Тохтамышу, никто не знал. Быть может, он не верил в свою победу, а быть может, чувствуя близкий конец решил лучше с честью пасть в поединке, чем умереть где-нибудь в овраге во время бегства, прирезанным собственным нукером-изменником, решившим купить свою жизнь за его голову.

Когда люди Мамая прибыли в стан Тохтамыша, хан только что вернулся с осмотра своего войска, готовящегося к завтрашнему сражению. Рядом с ним были батыры Едиге, Кенжанбай, Урусходжа.

Тохтамыш не пригласил послов в походный шатер, а велел им говорить слова, посланные ему Мамаем, прямо на улице, перед всеми.

Кастурик, бледный, как будто из него выпустили всю кровь, слово в слово, передал послание правителя Крыма. Те, кто окружал Тохтамыша, затаили дыхание. Едиге из-под нахмуренных бровей с интересом наблюдал за ханом, ожидая его ответа. Глаза Тохтамыша вдруг встретились с глазами батыра, и он угадал, о чем думал Едиге. Дикая злоба вспыхнула в нем, и он едва справился с ней. «Ты думаешь обиженный батыр, что я откажусь от поединка?! Жизнь сладка!.. Ты ошибаешься во мне!» На миг показалось, что, пожалуй, стоит принять предложение Мамая, потому что сила еще есть в руках, а сидит он в седле

по-прежнему крепко и уверенно, как это было в молодости, но Тохтамыш сейчас же подавил в себе это желание.

Переводя взгляд на Кастурика, он сказал властно:

— Разве не знает Мамай закона степи, что хан никогда не выходит на поединок с простолюдином? Разве Мамай забыл, что я чингизид, а он низкого происхождения? Голову простого человека снимет простой, а голову хана — хан. Если же он хочет узнать, как я владею мечом и точна ли моя стрела, пусть вышлет на поединок чингизида, равного мне по крови, Гияссидина Мухаммеда — хана Крыма.

Подобие улыбки тронуло губы Едиге. Он знал, что Тохтамыш поступит именно так и не рискнет подставить свою голову под меч Мамая. И Гияссидин Мухаммед никогда не решится на этот поединок, потому что он труслив и умрет раньше, чем обнажит свой меч.

Коротко глянув на Едиге, Тохтамыш сказал:

— Если Мамай не знает куда деть свои силы, то пусть он выйдет на поединок с моим эмиром Едиге. Они равны по происхождению. Каждый должен помнить, кем были его предки.

Это были слова, сказанные уже не только для послов, но и для Едиге, слова, в которых сквозило желание еще раз унизить перед всеми батыра.

Тохтамыш ожидал, что самолюбивый Едиге сорвется, ответит дерзостью, но тот лишь наклонил голову и, чуть выдвинув меч из ножен, снова вогнал его на место, тем самым показав, что готов выполнить волю своего повелителя.

— Передайте Мамаю,— жестко сказал Тохтамыш,— Завтра, с восходом солнца я двину свои тумены. И каждому, кто встанет на моем пути, не будет пощады!

Кастурик не проронил ни слова. Едва заметно наклонив голову, он повернулся и начал спускаться с холма. Сопровождающие его батыры простились с ханом низким поклоном и тоже заспешили вниз.

Хищно сощурив глаза, Тохтамыш молча смотрел им вслед, потом негромко отдал приказ нукерам:

— За непочтение ко мне повелеваю догнать Кастурика и отрезать ему голову. Наши слова передадут Мамаю эти два батыра.

Нукеры торопливо бросились выполнять приказ хана, но Кастурик, словно почуяв нависшую над ним опасность, вскочил на коня и ударил его камчой.

И, видя, что нукерам уже не взять мамаевского посла, Тохтамыш крикнул Кенжанбаю:

— Пусть догонит его твоя стрела! Он не должен уйти!

Кенжанбай натянул лук. Взвизгнула тонкая стрела с острым жалом, умчалась вслед Кастурику. Собравшиеся увидели, как слетел с головы скачущего батыра борик, а он, невредимый, уходил все дальше и дальше.

— Оказывается, и знаменитый стрелок Кенжанбай может промахнуться,— с презрением сказал Тохтамыш.

Откуда ему было знать, что Кенжанбай не попал в Кастурика только потому, что не поднялась рука убить батыра, с которым еще вчера приходилось ходить на битву?

Красный глаз солнца с натугой открылся над краем земли и залил степь тревожным, мерцающим светом, вселяя в души воинов тревогу и страх перед близкой смертью. Остановил свой ровный полет утренний ветер и упал на землю, стараясь спрятаться в невысокой весенней траве. Пройдет совсем немного времени, и тысячи коней растопчут его, а воины, наконец скрестив свои кривые сабли, забудут о мучившем их страхе, потому что владеть ими будет отныне только одно желание — выжить. Ради этого станут они лишать жизни других, и ни у кого не мель-

кнет мысль, что можно жить без битв и походов. Так повелось на земле с тех далеких времен, которые никто уже не помнит, что воины должны сражаться. За что — это знает их повелитель, кто враг — тоже укажет он. Еще недавно, отправляясь в чужие земли, хан говорил: «Станем убивать чужеземцев, потому что иначе они придут в степь и отнимут наши пастбища и водопои, уведут наших жен и детей». Сегодня на берегах Калки сошлись, как враги, воины, давно говорящие на одном языке и верящие в одного бога, но повинующиеся разным ханам и принадлежащие к разным родам. За спиной Тохтамыша кипчаки и принявшие их обычаи монголы, за спиной Мамая те же степняки, но получившие имя ногайлинцев.

Нельзя выпущенную из лука стрелу заставить вернуться в колчан, нельзя остановить два войска, уже ринувшихся друг на друга.

Тохтамыш, одетый в блестящие доспехи и островерхий позолоченный шлем, внимательно следил за передвижением своих отрядов. Когда же все изготовились к битве, он поднял к небу руку, и сейчас же над его головой взметнулось вверх белое знамя с изображенной на нем черной головой быка. Хрипло зарычали карнаи, запели зурны, забили барабаны, заставляя коней храпеть и беспокойно прядать ушами.

Над войском Мамая взметнулось желтое знамя с золотой бахромой — накануне битвы Мамай все еще считал себя властителем Золотой Орды.

Оставались мгновения до того момента, когда ринутся друг на друга люди с одинаковыми скуластыми лицами, одинаковыми раскосыми глазами.

Все у них одинаково: и оружие, и мысли. Каждый воин имеет по кривой сабле, по копью, по луку и колчану, полному острых стрел. На левой руке, у локтя, щит согнутый из толстой лозы и обтянутый воловьей или верблюжьей кожей, за поясом тяжелая дубинка с окованным железом набалдашником.

Наконец Тохтамыш воздел к небу руки, провел сложенными ладонями по лицу, словно творя неслышную молитву, и, вдруг напрягшись всем телом, гортанно и громко закричал:

— Воины! С нами аллах! Вперед!

Тумены двинулись сначала неторопливой рысью, а когда ряды выровнялись, кони сами ускорили бег, и через минуту темный, рычащий вал уже мчался по степи, и казалось, что никакая преграда неспособна остановить его. Но уже показался из-за края степи другой вал, готовый грудью встретить грозный накат конницы Тохтамыша. Как и на Куликовском поле, впереди своего войска Мамай поставил генуэзскую пехоту, разместив конных воинов по его краям.

Вздрогнула, застонала земля, и лязг железа возвестил, что битва началась. Ржали кони, и, словно обезумевшие, кричали воины:

— Аруах! Аруах! Дух предков!

— Караходжа!

— Кенжанбай!

— Мамай!

— Тохтамыш!

Охваченные яростью и страхом, люди рубили и кололи друг друга, призывая на помощь дух предков, бога и повторяя как заклинание от смерти имена своих предводителей и ханов.

В облаке пыли утонуло поле битвы, и не нашлось бы сейчас такого человека, который бы смог предсказать, чья сторона возьмет верх. Уже большинство воинов потеряло коней, и сражение идет врукопашную. Катятся на землю окровавленные головы, падают отрубленные руки с намертво зажатыми в них иззубренными от ударов саблями, сцепившись в крепких объятиях, борются под ногами лошадей люди, и скрюченные пальцы их ищут горло друг друга.

Лишь к полудню, когда ветер немного рассеял пыльное облако, стало видно, что войско Тохтамыша начало теснить войско Мамая. Судьба словно смеялась

над ним. На этот раз, желая победить Тохтамыша, он решил повторить то, что сделал на Куликовом поле московский князь Дмитрий Иванович: в степных балках Мамай спрятал несколько тысяч всадников, но, когда они пришли на помощь бегущему войску, было уже поздно. Воин-кочевник если побежал, его уже невозможно ничем остановить. Мамай не понял, что было главным в битве с московским князем. Русские воины шли не на грабеж и не добывали для своего князя золотой трон. Они собрались, чтобы защитить родную землю, свой дом, детей и жен от полона и поругания, а потому бежать им было некуда. Выполнить задуманное могла помочь только победа, спасти от бесчестия только смерть. Самого главного не понял Мамай! Тохтамыш же ударил по его туменам всей своей мощью, так, как привык делать, когда служил еще Хромому Тимуру.

Обезумевший, с расширенными глазами метался Мамай среди бегущих воинов, пытаясь остановить их. Но отныне страх перед смертью был сильнее, чем страх перед повелителем. Нахлестывая коней, бросая все, что можно бросить перед смертью, уносились в степь всадники. Но не для того пришел Тохтамыш на битву с Мамаем, чтобы дать ему когда-нибудь снова собрать разбежавшееся войско. Победители, согласно приказу своего хана, догоняли бегущих, окружали отступающие отряды и группы и рубили их кривыми саблями, кололи копьями. Вся степь была покрыта телами убитых, и даже кони вскоре не смогли скакать — они спотыкались о трупы и скользили в лужах крови.

Никто из сражающихся на берегах реки Калки не заметил, как солнце прошло свой путь. Снова красное и зловещее, стояло оно низко над землей, только теперь на западном краю небесного свода. Новый хан одержал победу, и казалось, ничто не помешает ему снова сделать Золотую Орду сильной и великой, такой, какой она была при Бату. Но солнце уходило, и над землей ночь уже опускала свое черное, траурное покрывало.

Тохтамыш, глядя с холма на поле битвы, где его воины приканчивали поверженных, вспомнил неправдоподобный, но пугающий рассказ Кенжанбая о том, что тот якобы видел во время битвы с русскими на Куликовом поле, как на миг погасло стоящее над золотоордынскими туменами солнце. Хан недоверчиво усмехнулся. И что только не пригрезится батыру, смертельно уставшему в яростной схватке...

Забыв о павших, бросив раненых, уходили в пределы своей Орды воины крымского правителя Мамая.

Укрывшись в глубокой степной балке, заросшей мелким березняком и осинником, он и сам дожидался лишь темноты, чтобы повернуть голову своего коня в сторону Крыма и уйти незамеченным от рыщущих повсюду воинов Тохтамыша. Вместе с Мамаем были только нукеры из его охраны да несколько нойонов, не потерявших своего повелителя в суматохе бегства.

Отчаяние владело всем существом Мамая, спазмой стискивало горло, не давало говорить, а сказать что-то надо было, чтобы ободрить тех, кто не покинул его в этот страшный час. Наконец он справился с собой. Черные, запекшиеся губы его разжались.

— Еще раз удача отвернула от нас свое лицо,— глухо сказал Мамай.— Но пусть дух наш останется крепким. В будущем году мы снова скрестим свои мечи с Тохтамышем.

Слова его упали в пустоту. Никто не ответил ему: ни Карабакаул, ни Кастурик, ни другие нойоны. Мамай не услышал вздохов облегчения и понял, что все устали и никто больше не верит победу. А это означало, что скоро его покинут даже те, кто пока остается рядом с ним.

Ночь уже накрыла землю черным бархатным покрывалом, и в высоком небе зажглись неяркие звезды. Они мерцали тревожно и зябко, словно костры далекого аула.

Мамай молча тронул коня и выехал в степь. Вокруг было тихо. Только изредка всхрапывали кони, шарахались в сторону от лежащих на земле человеческих тел. Этим воинам удалось бежать с поля битвы, но они умирали от ран, так и не увидев родных аулов.

Ссутулившись в седле, похожий на большую черную птицу, Мамай медленно ехал по степи. И только когда над горизонтом поднялась огромная желтая луна, и конь убыстрил свой шаг, он оглянулся назад. Теперь с ним не было никого, кроме нукеров из личной охраны. Нойоны словно провалились сквозь землю.

Он ожидал этого, и все-таки где-то в глубине души тлела слабая искорка надежды, что те, с кем он долгие годы ходил в походы, не покинут его. Выходит, что надежде не суждено было сбыться.

Ударив изо всей силы коня, Мамай помчался в ночь. Ярость, отчаяние душили его, а на глазах наворачивались слезы. И никак не мог понять бывший золотоордынский хан — плачет ли он, или в том, что глаза его мокры, виноват бьющий в лицо жесткий холодный ветер.

Сначала Мамай слышал за спиной конский топот, потом сделалось тихо, и только храпел загнанный конь да бешено стучало собственное сердце. Наконец он оглянулся. Залитая мерцающим дымным светом луны степь была пуста. Он остановился, бросил повод, слез с седла и лег на землю лицом вниз.

Через несколько дней, отдохнув после битвы, Тохтамыш вошел со своим войском в земли, принадлежащие Крымской Орде.

Мамай знал, что так произойдет, но сделать ничего не мог. Слабого покидают. Больше никто не повиновался ему, и никто не хотел преграждать путь золотоордынскому хану. Воины разбрелись по своим аулам.

Еще недавно громадное, стотысячное войско повиновалось одному движению его руки, сегодня же у Мамая оставалось не более ста воинов личной охраны и несколько нойонов, почему-то до сих пор не покинувших его. Неожиданно вернулся в ставку бросивший Мамая по пути в Орду Кастурик, и тот не знал теперь — радоваться его возвращению или ждать измены.

Мамаю уже было известно, что нойоны, отступившиеся от него, собирались на совет. И Карабакаул сказал: «Какая нам польза теперь от Мамая? От всякого, кто пойдет за ним отвернутся люди. Не лучше ли преклонить свои головы перед Тохтамышем?» И все согласились с ним, потому что не видели ничего плохого в перемене своего повелителя. Были такие, кто предлагал зарезать Мамая и откупиться от золотоордынского хана его головой. После долгих споров нойоны не решились на этот поступок.

Воистину говорят в народе, что если кулан упадет в колодец, то на его ушах устраивают пир даже муравьи. В степи уважают только тогда, когда боятся. Мамай это хорошо знал и потому, не надеясь ни на кого и уже не мечтая о могуществе и славе, думал только о спасении своей жизни.

Он не хотел умирать. Больше не было могущества и славы, но были золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, красные заморские кораллы и дорогое оружие. О них знал только сам Мамай. Он знал еще и то, что если сумеет разумно распорядиться своими сокровищами, то они сохранят ему жизнь. Пройдут годы, и кто знает, какой стороной повернется еще к нему судьба. Тайная, слабая, но все-таки жила надежда, что когда-нибудь все станет по-другому. Вкусивший власть однажды, даже брошенный на землю, до последней минуты верит, что его время еще наступит, и он вновь обретет потерянное. Именно поэтому и послал Мамай в Кафу, к генуэзким купцам, Кастурика, прося у них убежища и защиты. Правители торгового города разрешили своему бывшему повелителю укрыться за крепостными стенами.

Купцы думали, что оказывают покровительство нищему, но когда в город вошел караван, навьюченный тяжелыми тюками с драгоценностями, и им стало про то известно, глаза у купцов загорелись алчным огнем. Жители Кафы кричали: «Почему один человек, да еще потерявший власть, смеет владеть таким богатством! Следует убить его и все разделить между собой!».

За дорогую цену купил Мамай каменный дом на берегу моря. Здесь было все: и большой двор, обнесенный высокой стеной, помещения для слуг и для стражи, подвалы для хранения продовольствия. Вскоре ремесленники, нанятые Мамаем, подняли стену еще выше, а у ворот, окованных железом, встали в караул угрюмые и свирепые нукеры в блестящих латах и крепких островерхих шлемах. Дом превратился в крепость.

Отныне здесь жили все шесть жен Мамая, его дети, нойоны и нукеры, не покинувшие бывшего правителя Крыма в это жестокое для него время. Никто не имел права без разрешения Мамая войти в ворота или выйти из них. Только Кастурик и старый битикши — управитель — тибетец Сурай могли беспрепятственно общаться с горожанами, которые жили по ту сторону каменной стены. Не доверявший всем, Мамай тем не менее верил Сураю. Тибетец все эти годы был главным хранителем его казны, глазами и ушами в Орде. Слухи и правду приносил он своему повелителю и всегда помогал разобраться в том, чему стоило верить, а чему — нет.

Привыкшему к степному раздолью, Мамаю теперь постоянно казалось, что толстые стены дома давят на него, мешают думать Соколу, привыкшему парить в высоком небе, было душно и тесно в клетке, которую он сам себе выбрал. Непривычность обстановки угнетала бывшего правителя Крыма, и все чаще на смену надеждам приходили тоска и отчаяние. Когда же тибетец принес ему известие, что покинувшие его нойоны решили сделать все, чтобы живым или мертвым отдать его в руки Тохтамыша, Мамаем овладел животный страх. Однажды поселившийся в его душе, он теперь не покидал его ни на миг. Бывший правитель Крыма боялся теперь даже собственной тени.

Во всем чудились Мамаю предательство и измена. Он перестал верить даже тем, кому верил еще вчера. В нойоне и простом нукере, в собственных женах он видел своих убийц. Он заперся в отдельной комнате, велел поставить на окнах железные кованые решетки. Днем и ночью стерегли запертую дверь нукеры с обнаженными саблями.

Говорят, что сердце — вещун. И быть может, не слухи о готовящемся убийстве напугали Мамая, а собственное сердце подсказало, что конец его близок. Порой ему казалось, что он видит руку, занесшую над его головой кривую блестящую саблю. Все еще сильный, не сломленный до конца, Мамай старался не выдавать своего страха, и оттого окружающим казалось, что железные решетки на окнах, и круглосуточная стража у дверей всего лишь необходимая предосторожность.

Но степняки умеют преследовать и окружать свою жертву. Им известны приемы и способы самой страшной в мире охоты — охоты на человека.

Однажды Сурай сказал Мамаю:

— Мой повелитель, Кастурик слишком часто ходит в город. Почему?

Тот насторожился:

— Ты что-то знаешь?

Тибетец пожал плечами:

— Мир полон коварства... Кастурик встречался с богатыми генуэзскими купцами...

Глаза Мамая блеснули. Многое было ему непонятно в поведении батыра. Все, кто не покинул его, привезли свои семьи в Кафу, и только Кастурик не

сделал этого. Его близкие по-прежнему оставались в ауле. Очень не хотелось Мамаю верить в то, что батыр замышляет против него недоброе. С детства росли они вместе, вместе ходили в походы. И сейчас, после поражения, Кастурик служит ему. И все-таки слова Сурая вселили тревогу.

— Узнай о нем подробно,— сказал Мамай.— У нас еще есть время...

Но времени у него оставалось мало. Уставший от постоянного страха, Мамай все чаще думал о смысле жизни и все чаще спрашивал себя: зачем он живет так, как он живет? Время шло, а чуда не происходило — степь словно забыла о нем, и Мамай начал понимать, что возврата к прошлому не будет. На смену надеждам пришло безразличие и к тому, что происходило вокруг, и к своей судьбе.

Тибетец доносил Мамаю о каждом шаге Кастурика, и вскоре стало ясно, что подозрения Сурая были не напрасны — вместе с генуэзскими купцами тот замышлял против своего повелителя недоброе. Но воли к жизни у бывшего хана уже не было. Удивляясь себе самому, Мамай все тянул, откладывая расправу над коварным батыром.

Неожиданно, кем-то отравленный, умер в мучениях Сурай, и Мамай понял, что остался на всем свете один. Но и теперь что-то удерживало его, мешало отдать приказание о казни Кастурика. Подавленный и угрюмый, сидел он в одиночестве, и ожидание близкого конца уже не пугало его, а скорее, казалось ему, несло освобождение от всего.

Однажды ночью дверь комнаты, где спал бывший претендент на трон Золотой Орды, приоткрылась, и в нее проскользнул высокий худой человек. Мамай услышал шорох и сел на постели.

— Это ты, Кастурик?— спросил он спокойно и негромко. Некоторое время он молчал, потом устало и спокойно сказал: — Я знаю... Поздновато только пришли, ведь скоро рассвет...

Пораженный батыр молчал. Он ожидал сопротивления, крика, мольбы о пощаде, но не этого равнодушия. Кастурик вдруг понял, что, потеряв славу и власть, Мамай больше не дорожил жизнью.

Несколько теней прошмыгнули мимо Кастурика, и там, откуда только что доносился голос Мамая, послышался приглушенный тяжкий стон.

Батыр подошел к распростертому на полу телу Мамая и наклонился над ним. Впервые с того дня, когда русские разбили золотоордынское войско на Куликовом поле, на лице бывшего повелителя Крыма больше не было ни беспокойства, ни страха. Тронутое смертью оно сделалось просто худым и желтым.

Кастурик опустился на колени, неторопливо вынул из ножен широкий клинок и, схватив Мамая за жидкую, побитую сединой бороду, отрезал голову. Когда же взошло солнце, он приторочил к седлу хуржун со своей добычей и, нахлестывая коня, помчался в степь.

Ворон не выклюет глаз ворону. Завладев Крымом, Тохтамыш не стал проливать ничьей крови. Он не тронул даже Гияссидина Мухаммеда — бывшего хана Крымской Орды. Всех нойонов, покинувших Мамая, не попрекнув прошлым, Тохтамыш взял под свою руку. Победитель был щедр и великодушен.

Нукеры из личной охраны ввели Кастурика в ханский шатер. Упав на колени и волоча за собой хуржун, батыр пополз к почетному месту, где сидел Тохтамыш. Когда же до хана осталось не более шага, Кастурик поднял голову и, сев на пятки, протянул Тохтамышу хуржун.

— Высокочтимый тахсир! Великий хан Золотой Орды! Я пришел к тебе просить прощения и милости,— сказал батыр.— Но пришел я не с пустыми руками. Я принес голову твоего врага, жизнь которого я прервал.

Тохтамыш принял подарок, развязал хуржун и вытащил из него голову Мамая. Подняв ее вверх, показал всем, кто сидел в юрте. Лицо хана было непроницаемым, и никто не увидел на нем ни радости, ни печали.

— Ай-я-яй! — сказал негромко Тохтамыш.— Ты, батыр, оказывается даже забыл закрыть убитому глаза... Покойный Мамай не был личным моим врагом. Он враг великой Золотой Орды. Ты поступил верно, что убил его,— хан повернулся в сторону Кастурика и заглянул ему в лицо.— Когда-то мы были с тобой враги, но за то, что ты совершил, я прощаю тебе... Но вы, как я знаю, ровесники с Мамаем и почти сорок лет стремя в стремя сражались со своими врагами и думали обо всем одинаково... Вы в одно время пришли в этот бренный мир, значит, будет совершенно справедливо, если одновременно покинете его. Зачем тебе жить, если ты убил друга? — Тохтамыш перевел тяжелые глаза на застывших у входа нукеров и, не повышая голоса, как о чем-то обычном, сказал: — Убейте Кастурика, а его голову вместе с головой Мамая похороните с подобающими почестями. Раз бог не соединил их голов, соединим мы...

Нукеры схватили батыра и поволокли из юрты.

— У заблудшего впереди непроходимые горы, а позади — глубокие овраги...— со вздохом сказал Тохтамыш.

После смерти Мамая во всей Золотой Орде не осталось ни одного человека, который мог бы отныне противостоять Тохтамышу. Казалось бы, былое могущество вернулось к детищу Бату-хана. Снова в одних руках оказались все ранее принадлежавшие Орде земли, кроме Хорезма, где свою власть вершил Хромой Тимур. У Тохтамыша было сильное войско, а сейчас, когда он стал единовластным правителем Орды, появилась возможность при необходимости поставить под свое знамя еще двести тысяч воинов.

Новый хан решил поступить мудро и показать народу свою щедрость. Всю захваченную в походе против Мамая добычу он поделил на две равные части. Первая пошла на создание новых туменов, вторую же он отдал тем, кто помог ему в его борьбе. О Тохтамыше заговорили в степи уважительно, как о справедливом и добром хане. Его деяния сравнивали с деяниями Джанибека и Бердибека и радовались, что появился наконец хан, который не даст упасть пошатнувшемуся было остову Золотой Орды.

С новой силой вспыхнула в Тохтамыше ненависть к своему покровителю — Хромому Тимуру. Да, тот помог стать ханом Белой Орды, но Золотую он подчинил себе сам. Без помощи Тимура разбит Мамай, без него наказано за дерзость Московское княжество. Уже есть силы, которые способны противостоять войску Тимура. Да и будет ли это справедливо, если огромная и могучая Орда станет по-прежнему слушать то, что скажет ей правитель Джагатаева улуса? Пора дать понять ему, что Хорезм должен снова стать частью Золотой Орды. Тимур в это время вел войну в Иране, и обстановка складывалась для Тохтамыша благоприятно. Еще находясь в пути из русских земель, он отправил в Хорезм своих людей с повелением начать чеканить там монеты со своим именем. Это был недвусмысленный намек эмиру, что Орда не собирается уступать своих прав на Хорезм.

Замыслы уверенного в себе человека подобны полету птицы. Они обретают крылья и стремятся вдаль. Возвращаясь в Сарай, думал Тохтамыш и о том, что пора вернуть Орде Северный Кавказ и Азербайджан. Последний раз там утвердил свою власть хан Джанибек, но после его смерти вот уже более двадцати лет эти земли не принадлежали никому. Следовало и их взять под свою руку, пока этого не сделал Тимур.

Замыслы даже самому Тохтамышу казались дерзкими, потому что он хорошо знал, кто такой Хромой Тимур, и все-таки хан верил в свою удачу и гнал

от себя опасения прочь. Кто посмеет сейчас усомниться в его могуществе, когда он владеет всей Золотой Ордой?

Посланный впереди главного войска отряд уже достиг Сарая, и там готовились к встрече победителей. Тохтамыш решил щедро отпраздновать победу над русскими и тем самым укрепить веру в друзьях и показать врагам свою силу.

Не раз за долгую дорогу возвращался мыслями хан к Едиге. Батыр хорошо проявил себя при осаде Москвы. Казалось бы, следовало забыть все обиды, отбросить подозрения, но, однажды усомнившись в чем-то, Тохтамыш уже не мог остановиться. Видимо, не зря два сильных зверя не могут жить с одной стае. Кто-то из них должен уступить первенство — или уйти, или погибнуть. Третьего не дано.

Не зная, как расправиться с Едиге, хан выискивал новое унижение для батыра. Он, уверенный в себе, совсем забыл старую истину: врага надо бить один раз, и так чтобы он уже не мог поднятся, иначе если ты только дашь ему пощечину, он может ответить тем же.

Той, которым Тохтамыш решил отметить свои военные удачи, состоялся в конце сентября на берегу Итиля. Погода была солнечная, теплая. В этом году, казалось, даже холодные ветры из страны мрака не спешили в подвластные хану степи, чтобы не омрачать ему праздник.

На серой, уже переставшей пить земные соки траве за несколько дней поднялись сотни юрт, были натянуты между крепко вбитыми кольями волосяные арканы — жели, чтобы гостям было к чему привязать своих лошадей. На специально сделанных очагах стояли огромные котлы для варки мяса и высились горы хвороста и сухого кизяка.

Эмиры, бии, батыры — вся степная знать съезжалась на той, ведя за собой надменных и равнодушных к человеческой суете верблюдов, завьюченных тюками с подарками для хана-победителя.

Вся степь превратилась в веселый базар. Перекликались оживленные голоса, ржали лошади, взлаивали на незнакомых людей собаки.

С нетерпением ждала приезда Едиге старшая жена Тохтамыша — Садат-Бегим. В темных ее глазах тревога и беспокойство. Не может она забыть ласк батыра, его крепкого сильного тела. Что из того, что обидел он Садат-бегим при последней встрече? Все готова забыть женщина, лишь бы вернуть свою любовь.

Откинув полог, закрывающий вход в юрту, беспрестанно поглядывала в степь ханша, ожидая караван батыра. И когда он наконец появился, она без труда угадала, что караван принадлежит любимому.

Едиге приехал в сопровождении родственников и друзей. Девять верблюдов везли подарки для хана и его жен. Но странно, он не повел свой караван туда, где стояли ханские юрты, а свернул к шатру, в котором жила байбиче Котан-Кунчек — мать Тохтамыша, выражая тем самым почтение самой старшей женщине Орды.

Все это видела Садат-бегим. Она знала, по степным обычаям батыр имел право так сделать, но этим самым он давал понять, что старшая жена хана достойна меньшего уважения чем его мать.

Несмотря на уязвленное самолюбие, Садат-бегим все-таки нашла возможность встретиться с Едиге вечером. Встреча была короткой. Всего лишь несколько слов сказали они друг другу, но их оказалось достаточно, чтобы высечь в душе женщины искры, от которых с новой силой вспыхнул пожар смертельной обиды и ненависти к батыру.

— Неужели мы расстались с тобой навсегда? — с надеждой и мольбой спросила Садат-бегим.

Едиге не захотел даже взглянуть на ее лицо.

— Да,— сказал он.— Я ничего не повторяю дважды.

Та жестокость и твердость, с которой прозвучали слова батыра, были как удар. Садат-бегим поняла, что возврата к прошлому не будет. Погибла последняя надежда, и вместо нее родилась жажда мести.

Еще до похода Тохтамыша в русские княжества начала плести Садат-бегим сети против Едиге. Словно паук, спрятавшись в темном углу, растягивала она в юрте хана тонкие и липкие нити неприязни против батыра. Жгли слова, сказанные Едиге во время встречи в овраге. И однажды Садат-бегим словно походя сказала Тохтамышу:

— Мне порой кажется, что ты боишься Едиге...

Тохтамыш нахмурился. Ему, хану Золотой Орды, подобное было неприятно слышать, даже если это говорила собственная жена.

— Почему ты так говоришь?

— Не только я...— Садат-бегим опустила глаза.— Когда батыр входит к тебе в шатер, ты вздрагиваешь...

— Твой язык несет вздор...

Женщина погрустнела:

— Запомни, что я сказала, и проверь сам...

— Как?

Когда тебе доложат, что идет Едиге, посмотри, не дрогнет ли в твоих руках чаша с кумысом... И если этого не случится, считай меня лживой...

Далеко умеет смотреть женщина слепая от ненависти. Все произошло так как она предсказывала, и в душу Тохтамыша упало еще одно зерно недоверия к батыру. Оно прорастало на благодатной почве страха. И уже мерещился хану в Едиге соперник, и зрела мысль убрать его со своего пути.

Тохтамыш никому не говорил об этом, но разве можно скрыть мысли от любимой женщины? Садат-бегим без труда читала их и упорно шла к своей цели. Так же, как и в первый раз, словно случайно сказала она однажды утром хану:

— Сегодня приснился мне дурной сон, будто ханом Золотой Орды уже не ты, а Едиге... И будто тащит он в черную юрту твоих дочерей Ханике и Жанике, чтобы совершить над ними насилие. И приснится же такое...

Тохтамыш ничего не ответил жене, но это не значило, что он ничего не услышал. Просто хан умел сохранять непроницаемое лицо, когда приходилось выслушивать дурные вести.

Потом, когда в сердце Садат-бегим вновь вспыхнула надежда на то, что их отношения с Едиге быть может еще наладится, она словно забыла о батыре и больше не напоминала о нем Тохтамышу.

И вот сегодня, усладив перед сном хана своею любовью, Садат-бегим вновь напомнила мужу о Едиге:

— Едиге становится заносчивым. Он еще утром прибыл в Орду, но не пришел к тебе, чтобы выразить свое почтение, словно уже не повинуется тебе. Только твоей матери сказал он слова привета и уважения. И прибыл он в сопровождении большого отряда... Слишком большого...— Женщина взохнула и, помедлив, добавила: — Не случилось бы чего плохого...

Сон в эту ночь у Тохтамыша был беспокойным. Утром он велел позвать к себе Кенжанбая. Хмуро глядя перед собой, хан сказал:

Вчера в Орду приехал Едиге. Мне стало известно, что он недоволен, тем что я сделал тебя предводителем девяти батыров. Боюсь, что отныне трудно рассчитывать на его дружбу и верность...— И, взглянув прямо в глаза Кенжанбая, сказал властно и холодно: — Надо, чтобы Едиге навек замолчал!

— Я не в обиде на него... Кроме того, Едиге непросто убить. За ним стоит могущественный и сильный род. Разве он промолчит, если непонятно за какую вину будет убит его предводитель? Вспыхнет вражда, и много крови прольется в степи.

— Вину мы найдем. Разве будет недостаточно того, если он станет проклинать Золотую Орду?

Кенжанбай молчал, обдумывая сказанное ханом. А тот продолжал:

— Да и зачем убивать его в Орде? На тое убить человека — великий грех. Едиге можно встретить в степи...

Тохтамыш не пугал, а словно просил Кенжанбая, но батыр знал, что все о чем говорит хан, есть приказ. И знал, что ждет того, кто ослушается этого приказа, сказанного тихим голосом. Но, приговаривая Едиге к смерти, Тохтамыш тем самым обрекал на эту участь и самого Кенжанбая. Ханы не любят, когда кто-нибудь знает их тайну. После того как приказ будет выполнен, Тохтамыш всегда найдет причину, чтобы обезглавить и самого исполнителя его воли.

Желая выиграть время на обдумывание, Кенжанбай почтительно склонил голову.

— Я выполню твою волю, хан. Но разреши мне взять с собой тех джигитов, которых выберу для этого дела я сам.

— Пусть будет по-твоему.

Кенжанбай был воин, и его сердце не отличалось мягкостью. Он умел выполнять приказы и умел убивать. Но в этот раз что-то удерживало его от того, чтобы бездумно сделать то, чего хотел от него Тохтамыш. И поэтому он послал к Едиге своего джигита, велев передать ему такие слова: «Наступивший день опасен для тебя. В то время, когда ты зайдешь в юрту хана, пусть твои люди подрежут подпруги на седлах коней, что будут привязаны к жели, где поставишь ты своих». И пожилой раб, поливавший воду на руки батыра, собиравшегося позавтракать, тоже шепнул: «Смелый Едиге. Я одного с тобой рода. Не спрашивай меня, где я узнал о том, что сейчас скажу... Если жена хана станет наливать вам кумыс из золотой чаши, стоящей по правую сторону от нее, не пейте!»

Едиге, стараясь не подать виду, что слова раба встревожили его, насмешливо спросил:

— Ты хочешь сказать, что кумыс отравлен?

— Нет. Это пострашнее яда... Жена хана хочет опозорить вас. В чаше будет моча.

Лицо Едиге побледнело. Так бывало с ним всегда, когда охватывала его ярость. Откуда было знать батыру, что если Кенжанбай сообщил ему о готовящемся убийстве для того, чтобы самому избежать неприятностей, то раб выполнял поручение Садат-бегим? Она хотела, чтобы о задуманном ею Едиге знал заранее, и хотела видеть его лицо и его мучения, когда ему или придется выпить кумыс, или, выплеснув его, тем самым выразить, непочтение к хозяину юрты, самому хану Золотой Орды — Тохтамышу. Какую более коварную месть можно было придумать? Или, Едиге опозорит себя покорностью, или же вспыхнет ссора. Садат-бегим знала, что именно о ссоре мечтает Тохтамыш. Это был бы повод расправиться со строптивым батыром.

Прежде чем отправиться в юрту хана, Едиге решил посоветоваться со своими друзьями Темир-Кутлуком и Кунчек-огланом. Оба происходили из рода Чингиз-хана, и давняя дружба связывала их с батыром. На коротком совете было решено не отступать, а принять вызов Тохтамыша.

Едва солнце поднялось к середине неба, все трое отправились к хану, чтобы, как полагалось по степным обычаям, выразить ему почтение. Когда они вошли в просторную юрту Тохтамыша, здесь уже были знатные люди Орды, приехавшие на той. Сам хан восседал на торе. Справа от него находились эмиры, принадлежавшие к Чингизову роду, слева сидел столетний сказитель Сыпыра-жырау. Ниже располагались знатные люди подвластных Тохтамышу родов — бии и батыры.

На этот раз, когда Едиге вошел в юрту, вздрогнул не только сам хан, но и многие из присутствующих, потому что им было известно, что задумала Садат-бегим. Неведомыми путями дошла до них весть, что сегодня произойдет ссора между Тохтамышем и Едиге. С замиранием сердца ждали все, чем она закончится.

Лицо батыра было суровым. Вяло, словно нехотя, ответил хан на приветствие вошедших и кивком головы указал место, где они должны сесть. Неласков был к гостям хозяин. Двум чингизидам и прославленному батыру предстояло сидеть там, гда обычно сидят незнатные, принимаемые из милости,— рядом с выходом.

Затаив дыхание все ждали вспышки ярости Едиге. Но вошедшие словно не заметили издевки и сели туда, куда указал им хан. Старец Сыпыра-жирау, щуря свои подслеповатые глаза, неодобрительно покачал головой. Но в этот миг никто не заметил его жеста, потому что глаза собравшихся неотрывно следили за лицами гостей и хозяина.

Тохтамыш же сделал вид, что не придал никакого значения вновь прибывшим, и продолжал прерванную было речь:

— И случилось так, что Хромой Тимур овладел Хорезмом...

Едиге, казалось, как и все, внимательно слушал хана, а глаза из под тяжелых век пристально следили за Садат-Бегим. Лицо женщины оставалось спокойным, только, пожалуй, на этот раз было более бледным. Согласно обычаю, не мешая говорить хану, она разливала в чаши кумыс, и красивый юноша в чапане, подпоясанном тонким, отделанным серебром ремешком, неслышно ступая по устилающему землю ковру, разносил их гостям.

Все случилось так, как и говорил раб: Садат-бегим зачерпнула для Едиге кумыс из другого — золотого — сосуда. Руки ее вздрагивали от внутреннего волнения, и, может быть, поэтому напиток перелился через край чаши.

— О-о-о! — негромко сказала женщина.— Видно, Едиге мучит жажда... — И, обращаясь к юноше, приказала:— пусть эта полная до краев чаша утолит жажду батыра.

Лицо Едиге сделалось серым. Не отрывая горящего взгляда от Садат-бегим, он принял от юноши чашу. Затем медленно, словно нехотя вытащил из ножен узкий клинок и полоснул им по напитку крест-накрест. Помешав кумыс лезвием, он презрительно выплеснул его к порогу юрты.

Бросив чашу к ногам, Едиге неторопливо поднялся и, не поклонившись, вышел на улицу. Следом за ним выскочили Темир-Кутлук и Кунчек-оглан.

Никто не успел ни вымолвить слово, ни попытаться остановить их. Лицо Тохтамыша залила смертельная бледность. И прежде чем сидящие в юрте пришли в себя, за тонкой войлочной стеной послышался дробный топот коней.

Кенжанбай поспешно бросился к выходу. С гортанными криками умчалась в степь погоня, и до той поры, пока не вернулся, не переступил порог юрты Кенжанбай, в ней царила недобрая, зловещая тишина.

Прижимая к груди камчу, Кенжанбай опустился перед Тохтамышем на одно колено, низко склонил голову:

— Великий хан, мы хотели поймать дерзкого Едиге, чтобы он сполна мог ответить за нанесенное всем оскорбление... — Батыр еще ниже нагнул голову.— Но кто-то надрезал подпруги у наших седел...

Глаза Тохтамыша превратились в узкие щелки.

— Догнать!..— хрипло сказал он.— Все равно догнать!.. У ног моих должен лежать или сам Едиге, или его голова!..

Слабый дребезжащий голос Сыпыра-жирау перебил хана:

— Остановитесь! Великий хан, или ты не знаешь кто такой Едиге? Он потомок святого Баба Туктышаш Азиза... В пятнадцать лет народ назвал его своим бием и доверил ему вершить справедливость... Разве нет твоей вины в поступке Едиге?

Тохтамыш резко повернулся к сказителю:

— В чем моя вина?

Сыпыра-жирау не испугался грозного взгляда хана:

— Породистая лошадь не пьет мутную воду. Загляни на дно чаши, из которой угощали в твоей юрте батыра. Как бы поступил ты, если бы... Недоброе дело свершилось. Поступок Едиге дерзок. Выплеснув кумыс к порогу, он тем самым сказал, что наступит день и он придет, чтобы разрушить твой очаг. Пусть не осуществится это, но когда врагом становится вчерашний друг, проливается много крови. Теперь у него нет другого выхода, как уйти к Хромому Тимуру, потому что обида уже высекла из него искру мести. Я хочу спросить, великий хан, какая тебе от этого польза? — Сыпыра-жирау надолго замолчал, словно собираясь с силами, чтобы продолжить свою речь. Никто не посмел нарушить тишину, сказитель вновь стал говорить, чуть растягивая слова. В голосе его была боль: — И начнется теперь вражда. Трудно станет жить народу. Ты, Великий хан, укрепил покачнувшийся остов Золотой Орды! Неужели снова на ее земли придут междоусобицы?! А это случится, если ты станешь драться с Едиге. Будь мудр хан, не желай себе беды, не позволь батыру стать одним из могучих крыльев у твоего врага — Хромого Тимура. Пусть твои люди пойдут по следу Едиге и уговорят его вернуться назад. Ты должен простить батыра, а сердца ваши должны открыться друг другу.

Тохтамыш долго молчал, потом поднял глаза и посмотрел на собравшихся:

— Пусть будет так. Я уважаю мудрость и прислушиваюсь к ее голосу. О крылатый мой Кенжанбай, родом из Кенегеса, тебе поручаю я важное дело — скачи вслед за Едиге и уговори его вернуться. Я обещаю, что ни один волос не упадет с его головы.

Девять самых знаменитых батыров из самых больших родов ногайлинцев и кипчаков отправились выполнять поручение хана.

Они увидели Едиге и его товарищей уже на другой стороне Итиля.

И тогда Кенжанбай, понимая, что им не догнать батыра, пропел свое знаменитое обращение к Едиге:

— Эй, Едиге, поверни ты назад.
Вновь переплыви Итиль
И вновь склони свою голову
Перед светлой Ордой.
Из дорогой чаши
Утоли ты жажду.
В блесках парчи
С драгоценными пуговицами
Преподнесут тебе в дар
Дорогой халат,
Дорогое оружие дадут тебе,
Иноходца пегого,
Стоящего у золотой коновязи.
Сокола получишь ты в придачу.
Живи, охоться.

Но Едиге уже не мог простить Тохтамыша. И потому ответил коротко:

— Путь мой один, и не сам я его выбрал. Отныне ведет он меня к Хромому Тимуру.

Ни с чем вернулись в Орду прославленные батыры. На следующий день Тохтамыш узнал, что, уходя, Едиге похитил его дочь — красавицу Жанике.

И, понимая, что ничего уже не поправить, не изменить, пуще прежнего возненавидел хан беглого батыра и дал себе клятву навечно остаться его врагом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

III

Чем сильнее гнев охватывал хромого Тимура, тем внешне спокойнее выглядел он. Жизнь научила его простой истине, и он помнил о ней всегда: «Если человеком овладевает гнев, то его ум уподобляется деревянному посоху, который становится час от часу короче, сгорая в пламени злобы».

В такие дни правитель Мавераннахра становился угрюмым и молчаливым. Слово, сорвавшееся с языка, подобно выпущенной стреле, назад не воротишь.

И сегодня Тимур был мрачнее тучи. Казалось бы для этого нет оснований — он совсем недавно вернулся из похода в Северный Иран и Азербайджан, легко одолел всех своих врагов и взял большую добычу. И обратная дорога была нетрудной, потому что все время он думал о предстоящей встрече со своей младшей женой Шолпан-Малик-ака. Именно поэтому, вместо того чтобы направить своего коня в Самарканд, он повернул его в долину реки Яссы, где кочевал аул любимой жены.

Жизнь полна превратностей. Когда заветная цель была совсем близка, вмешался вдруг случай и, подобно смерчу в раскаленной степи, смешал все и расстроил. А началось это четыре года назад, когда Хромой Тимур еще только готовился к походу в Иран.

На совете эмиров Хусаин и Аббас, люди осторожные, сказали Тимуру:

— Поход твой будет долгим. Не случится ли так, что, пока тебя не будет, кочевники Белой и Золотой Орд придут в наши земли? Им нельзя верить. Сможем ли мы без тебя защититься?

Хромой Тимур усмехнулся:

— Да, им нельзя верить... Но я сделаю так, что они не посмеют прийти сюда. Вам не придется выходить навстречу кочевникам со своим поредевшим войском. Земли Мавераннахра защитит вера. Прежде чем отправиться в поход, я прикажу построить над могилой святого ходжи Ахмеда Яссави мавзолей. Он поднимется как раз там, где разделяются наши земли от земель кочевников. Люди всегда верили в святость ходжи Ахмеда Яссави и поклонялись его праху. У какого мусульманина хватит смелости и дерзости прийти с недобрыми мыслями на землю, в которой тело святого нашло свое успокоение?

Самому эмиру никогда не доводилось видеть святого. Он умер еще до того, как люди узнали имя Тимура. Ходжа Ахмед Яссави был потомком известного на всем Востоке святого Саида-ата. Он поселился в долине реки Яссы, недалеко от ее впадения в Сейхун-дарью. Тимур помнил, что слышал от улемов и имамов, будто когда ходже Ахмеду Яссави исполнилось шестьдесят три года, он сказал: «Чем я лучше нашего пророка Мухаммеда? Он умер в шестьдесят три года, если же аллах не посылает смерти мне, то я сам стану жить в земле».

Святой вырыл землянку и навсегда поселился в ней. Он не отказывал приходящим к нему людям в совете, умел врачевать и предсказывать будущее. Все

больше паломников из ближних и дальных земель приходили к нему, чтобы облегчить свою душу и послушать его проповеди, потому что не было в то время человека, который бы лучше знал священную книгу Коран и другие книги, в которых описывалось движение звезд и устройство Земли. Когда же Ахмед Яссави умер его последователи предали его тело земле в том самом месте, где он провел часть своей жизни.

Ходже Ахмеду Яссави и решил соорудить мечеть и гробницу Хромой Тимур. Едва ли он сам верил в то, что она сможет и вправду остановить кочевников, если они решатся напасть на Мавераннахр. Но слава об эмире, который так высоко чтит святых, а значит, является защитой и опорой ислама, наверняка распространится до самых дальних пределов и пробудит в душах мусульман трепет и уважение. Строить мавзолей Тимур поручил привести привезенному из Багдада еще молодому, но уже известному во всем Ираке мастеру.

По обычаю эмир собственными руками заложил в основание гробницы первый кирпич. По этому же обычаю он должен был положить и последний, когда строительство подойдет к концу. Но зная, что его поход будет долгим, Хромой Тимур повелел своей младшей жене Шолпан-Малик-ака, чтобы, если случится задержка, сделать это за него.

Всего год назад, уже готовясь к походу, взял эмир ее в жены, и потому душа его все еще была полна привязанности к ней. Шолпан-Малик-ака тоже любила его. Она упрашивала Тимура, чтобы он взял ее с собою, но тот повелел ей остаться дома и следить за строительством мечети. Впервые эмир отступил от своих правил — обычно его всегда сопровождала или одна из жен, или красавица наложница.

Никто и никогда не знал, о чем думает Хромой Тимур, и на этот раз он никому и ничего не стал объяснять. Простым смертным неведомо было, что всех женщин эмир делил на красавиц, умных и преданных. Тимур считал, что красивая женщина — украшение жизни, умная — украшение дома, преданная — услада в постели.

Всем устраивала эмира новая жена, лишь в одном порою сомневался он. И, желая избавить Шолпан-Малик-ака от тягот похода, а заодно и проверить, умна ли она, поручил ей наблюдать за строительством мечети.

Даже находясь в Иране, не забывал Тимур о своем поручении. Гонцы, прибывающие из Мавераннахра, постоянно сообщали ему, как идет строительство гробницы ходжи Ахмеда Яссави и какие решения принимает юная жена. Так, он мысленно одобрил приказание Шолпан-Малик-ака доставлять кирпич для мечети из Курган-Тюбе [1], что находится в четырех фарсахах от места погребения святого. Кирпич, изготовленный из кургантюбинских глин, отличался прочностью и долговечностью. Для того, чтобы строительство не затягивалось, Шолпан-Малик-ака отказалась от доставки его на арбах и во вьюках. По ее повелению собранные со всей округи жители образовали живую цепь от места, где изготовлялся кирпич, до места будущей мечети и передавали его из рук в руки. Так было много дней подряд, и Тимур остался доволен поступком жены, увидев в нем умение разумно властвовать и повелевать людьми.

Возвращаясь из похода, эмир уже знал, что мечеть и усыпальница построены, был наслышан об их удивительной красоте и величии.

По обычаю, установленному Хромым Тимуром, ни одна жена не смела выйти встречать его, если он возвращался из похода.

Подъезжая к аулу Шолпан-Малик-ака, эмир еще издали увидел голубые купола мавзолея и не удержался от соблазна осмотреть его, прежде чем ехать к жене.

---

[1] Курган-Тюбе — ныне железнодорожная станция Жанакурган.

Внешне спокойный и величественный, в душе он был поражен увиденным. Тимур понимал, что если бы даже сам наблюдал за сооружением мечети, едва ли она получилась бы лучше. Яркие краски приковывали к себе взгляд, орнаменты и арабская вязь переплетались в чудесные, сказочные узоры. Подобного еще не приходилось видеть эмиру.

Отведав святой воды из колодца, вырытого в одном из залов мавзолея, Тимур в сопровождении имама мечети Сеида-ходжи по крутой внутренней лестнице поднялся на крышу мечети к удивительным, ярким куполам. Поглаживая ладонью цветные изразцы, эмир вдруг нахмурился. С западной стороны купола он увидел небольшую нишу, куда свободно могли поместиться два кирпича.

Имам, внимательно следивший за выражением лица Тимура, весь съежился.

— Почему не положены завершающие кирпичи? — резко спросил эмир.— Или, заканчивая строительство мавзолея, вы забыли позвать Шолпан-Малик-ака? Разве тем, кто должен помнить все мои наказы, неизвестно, что я поручил ей сделать то, что положено мне?

Имам, казалось сделался еще меньше.

— Она была здесь...— забормотал он.— Но...

— Говори,— глаза Тимура смотрели холодно и жестко.

— Не хватило кирпичей...

Ярость, подобно двум язычкам пламени, вспыхнула в зрачках эмира.

— Ты говоришь глупость! Такого не может быть!

Имам склонился в низком поклоне, прижал руки к груди:

— Я сказал правду. Шолпан-Малик-ака была здесь вместе со своими подругами и прислугой... Она стояла на том же месте, где стоите сейчас вы... Но мастер Мушидан, строящий усыпальницу, уронил кирпичи, предназначенные для завершения, вниз. Шолпан-Малик-ака не стала дожидаться, пока принесут снова...

— Что произошло с мастером?

Имам нагнулся еще ниже, и спина его стала похожа на согнутый ветром ствол дерева.

— Мастер влюблен в вашу жену... Она ушла... Ушла не сказав ни слова...

Хромой Тимур усмехнулся одними губами. Глаза его по-прежнему были холодными и настороженными.

— Вечно мастера, которые воздвигают мечети и дворцы, влюбляются в жен своих повелителей...— холодно сказал он.— Но разве Шолпан-Малик-ака не могла прийти сюда еще раз?

— Не знаю... Мне не подобает спрашивать повелительницу, что она намерена делать...

Глаза Тимура и имама встретились, и тот догадался, чего ждет от него эмир.

— Через три дня после этого,— сказал имам,— Шолпан-Малик-ака пригласила в свою юрту дерзкого мастера. О чем они говорили, я не знаю. Только больше никто не видел этого человека, словно его поглотила земля. И о мавзолее Шолпан-Малик-ака больше не вспоминала...

Молча, прихрамывая больше обычного, Тимур спустился вниз. Он еще долго стоял у стен мавзолея и, казалось, пристально и внимательно рассматривал его купола, но на самом деле ярость давно закрыла глаза эмиру и думал он о совсем другом.

Тимур то начинал верить, что Шолпан-Малик-ака изменила ему, то вдруг отбрасывал сомнения. И все-таки почему она заставила мастера убежать? Если она не виновата, то для чего это надо было делать?

На миг эмир закрыл глаза, такой невыносимой сделалась ярость. Если бы сейчас ему в руки попался мастер! Он бы приказал с него, живого, содрать

кожу. Но как могла решиться на измену Шолпан-Малик-ака? Разве она не знала, что великий Тимур никогда не простит ей этого?

Тяжело взобравшись в седло, эмир медленно поехал в сторону аула своей жены. И уже на полпути, словно вспомнив о своих спутниках, сказал им:

— Вы свободны. Идите отдыхать. Завтра наш путь будет лежать в Самарканд.

У белой юрты Шолпан-Малик-ака Тимур бросил повод коня подбежавшему нукеру и, приподняв полог, закрывающий вход переступил порог.

Шолпан-Малик-ака ждала своего повелителя. Щеки ее раскраснелись, глаза лучились радостью. Но эмир даже не взглянул на нее. Молча разулся у входа, прошел на почетное место, медленно, очень медленно снял с головы голубую чалму и только после этого поднял глаза на жену. Мелькнула мысль: «Какая же она красивая», но Тимур тотчас же справился со своей слабостью.

— Где мастер, который строил усыпальницу? — негромко спросил он.

— Не знаю...— Кровь отливала от лица женщины. Ей хорошо было известно, что такое гнев повелителя.

— Кого же мне спросить об этом?

— Я не видела его с той поры, как он был у меня в гостях...

Лицо Тимура помрачнело еще больше. Он, не отрываясь, смотрел на Шолпан-Малик-ака, и глаза его приказывали: «Говори!».

Женщина вдруг догадалась, в чем причина гнева повелителя. Она смело подошла к нему и опустилась рядом с ним на ковер. Страха больше не было, и она начала говорить:

— Когда закончилось строительство мавзолея, мастер пригласил меня, чтобы я положила последние кирпичи, согласно твоей воле. Я знала и раньше, что мастер влюблен в меня, но на этот раз он настолько растерялся...— Женщина негромко и ласково засмеялась.— Я не стала ждать, когда принесут уроненные им кирпичи, и, чтобы не смущать мастера, ушла... Я решила, что смогу сделать это и позже. Хорошую усыпальницу для святого построил мастер, и мне захотелось отблагодарить его и постараться излечить от безнадежной любви ко мне. Только поэтому я и решила позвать его в гости.— Шолпан-Малик-ака коснулась руки Тимура.— Я была не одна. Вместе со мной в юрте находились мои подруги и рабыни. Мы пили кумыс, девушки танцевали и пели песни, прославляя мастера...

— Дальше — нетерпеливо сказал эмир.

— Потом я отпустила всех, кто принимал участие в празднике, и велела принести два вареных яйца, покрашенных одно в красный, а другое в синий цвет. Я велела мастеру съесть их, и он повиновался. Затем я спросила: «Какое из них самое сладкое?» — «Вкус у них одинаковый. Я не почувствовал разницы»,— сказал джигит. И тогда сказала я: «И женщины подобны этим яйцам. Отличаются они друг от друга только внешним видом. Суть же их и достоинства одинаковы. Ты влюбился в меня, потому что тебя поразила моя внешность, но во всем остальном я обычная женщина. Так не сжигай себя в безжалостном и коварном огне, имя которому любовь. Я жена эмира, и мы неравны с тобой. Иди по свету и ищи себе пару, которая бы была достойна тебя и соответствовала твоему положению». Мастер понял меня. Он не сказал ни слова и тотчас же ушел. Больше я его не видела. Ну, а потом, когда я узнала, что ты возвращаешься из похода, я позабыла и о мастере, и о кирпичах, которые должна была положить в построенном мавзолее.

Глаза Тимура потеплели. Он вдруг подумал, что напрасно сомневался в Шолпан-Малик-ака — она действительно умна, и, наверное, ее следовало взять с собою в поход. Он расстегнул пояс и вместе с саблей отдал его жене.

— Прикажи воинам, чтобы они отошли подальше от юрты,— велел Тимур.— Да налей мне чашу вина...

В эту ночь эмир позабыл обо всем, забыл и о мастере, и о построенном мавзолее, забыл настолько крепко, что до сих пор в куполе усыпальницы святого ходжи Ахмеда Яссави осталось место для так и неположенных туда завершающих кирпичей.

Жизнь продолжалась, и бродили по неведомым, запутанным ее дорогам события, словно случайно встречаясь друг с другом. Но не случайность сводила их, а судьба. Ничто не совершалось на земле без воли аллаха. Так считал Хромой Тимур — великий воитель Востока.

Он привык вести войны и не верил, что можно жить по-другому. Поэтому, когда ему стало тесно в границах покорного Мавераннахра, Тимур в год овцы (1379) двинул свои тумены на Хорезм. Без борьбы без крови уступил ему власть Хусейн Суфи Хорезмшах, и, довольный этим, подобно ястребу, парящему высоко в небе, Тимур пристально посмотрел в сторону Ирана.

За все годы своего могущества эмир ни разу, уходя в походы, никого не оставлял вместо себя править подвластными ему землями. По установленному Тимуром порядку, где бы ни находился он, еженедельно прибывал к нему гонец, который докладывал, что произошло или что делается в Мавераннахре. Эмир указывал, как следует поступить в том или ином случае. В его отсутствие городами управляли назначенные им даруги, а если случалось что-то требующее немедленного решения, то собираясь вместе эмиры, которые не принимали участия в походе, и их слово было последним.

Однажды Эмир Аббас сказал Тимуру:

— Твой путь далек, и никто не знает, сколько потребуется времени, чтобы осуществить задуманное... Мавераннахр напоминает сейчас неотвердевший кирпич. Еще не связались между собой, не превратились в камень глина, песок и вода. Людской меч может разрушить то, что создал ты. Уходя, быть может, следует кого-то оставлять вместо себя...

— Кого ты предлагаешь? — вкрадчиво спросил Тимур.

— Самыми близкими для человека являются его дети. Вместо тебя временно могли бы править или Мираншах, или Омаршейх...

— Ты ошибся,— вкрадчиво сказал Тимур.— Отцу дороги дети, но детям дороже власть. Ребенок, хотя бы однажды испытав силу и сладость власти, всегда будет мечтать о ней. Разве мало мы знаем примеров, когда за власть дрались между собой родной по крови люди?

— Тогда, быть может, это дело надо поручить кому-нибудь из друзей?

— Друга легко сделать врагом. Не ищи соратника в человеке, привыкшем повелевать от твоего имени. В нем легко проявляются зависть и соперничество.

Выслушав поучения Хромого Тимура, больше никто не осмеливался давать ему совета.

И когда в начале 1385 года эмир с огромным войском двинулся в Иран, как и обычно, никому не было дано право управлять Мавераннахром его именем.

Отправляясь в поход, Хромой Тимур, подобно Чингиз-хану, узнавал заранее все, что можно было узнать о землях, в которые он шел, о народе и о правителях.

Ему было хорошо известно, что после того, как Бердибек, бросив в подаренном ему Северном Иране и Азербайджане золотоордынское войско, поспешил к постели умирающего отца хана Джанибека, боясь потерять власть над Ордой, править этими землями стал Уале из кочевого рода жалаир.

Кочевник никогда не поймет ни ремесленника, ни земледельца и не пожалеет его ради собственной корысти. Жалаирские ханы не отличались в своем прав-

лении от пришельцев — золотоордынцев. Непосильные налоги, жестокость были теми вожжами, с помощью которых они управляли подвластным ему народом.

К тому времени, когда глаза Хромого Тимура посмотрели в сторону этих земель, правил ими хан Ахмед-Султан. Положение его было непрочным, а в народе откуда-то ждали перемен, надеясь, что другой правитель, быть может, будет справедливым.

Легко справился Хромой Тимур с войском жалаирского хана, но не стал захватывать столицу — город Тавриз. Тревожные вести доставляли ему гонцы из Мавераннахра. Правитель Хорезма готов был перейти на сторону Золотой Орды, а сам Тохтамыш собирал войско, чтобы двинуть его на Иран. Волчонок, вскормленный с рук Тимура, готовился показать своему хозяину зубы, и если удастся вцепиться в его горло мертвой хваткой.

Опасения Тимура оправдались. В середине зимы года мыши (1385) Тохтамыш во главе десяти туменов, пройдя беспрепятственно через Железные Ворота, вторгся в Ширван. Движение его войска было стремительным, и совсем скоро он оказалось под стенами Тавриза. Город не собирался сдаваться на милость победителя. Началась осада.

Видя, что легко взять Тавриз не удастся, Тохтамыш пошел на хитрость. Он предложил жителям откупиться. После этого, уверял хан, как только отдохнут его воины, он уйдет в степь.

Такова, видимо сущность человека. Обманутый десять раз, он продолжает верить, когда ему трудно. Тавриз открыл свои ворота, надеясь на то, что Тохтамыш сдержит свое слово. Великую резню учинил степной владыка, и не было по жестокости ей равной со времен Потрясателя вселенной Чингиз-хана.

Разграбив город, гоня толпы рабов, Тохтамыш неторопливо двинулся в степи Дешт-и-Кипчак. Едва ушел он, как в Тавриз вступили тумены Хромого Тимура. Два волка терзали одну жертву.

Перезимовав в урочище Карбанты, эмир с наступлением весны собирался двинуться по следам Тохтамыша, но тот опередил его. Золотоордынские тумены появились на берегах реки Самур, в землях Дагестана. Здесь и состоялась битва. Войско Хромого Тимура вел сын эмира Мираншах. Золотая Орда потерпела поражение, и Тохтамыш бежал в степи.

Тимур не стал преследовать своего врага, решив до поры, до времени отложить расправу над ним. Он продолжал покорять земли Ирана.

Поражение не выбило из седла Тохтамыша. Пользуясь отсутствием в Мавераннахре Тимура, он решил начать действовать с другой стороны. Хан уже не мог остановиться. Отважившись, наконец выступить против своего бывшего благодетеля, Тохтамыш понимал, что обратной дороги для него нет. Слишком хорошо знал он коварство и кровожадность Хромого Тимура. Тот никогда не оставлял неотмщенными обиды и со страшной жестокостью расправлялся с тем, кто поднимал на него меч.

Оправившись после поражения, собрав новое войско, Тохтамыш приказал ему двинуться в пределы Джагатаева улуса. Самый короткий путь к нему лежал через город Яссы. Но произошло то, что в свое время предсказывал Хромой Тимур. Золотоордынское войско остановилось близ усыпальницы Ходжи Ахмеда Яссави, и ведущие его нойоны отказались идти дальше, боясь гнева святого. Тогда Тохтамыш приказал двинуться на Мавераннахр в обход — через Сыганак на Сауран.

В урочище Шукулускай, близ Отрара, сошлись золотоордынские тумены и набранное в Мавераннахре сыном Тимура Омаршейхом войско. Силы были явно неравны. Тохтамыш отпраздновал победу и двинулся к самым большим городам подвластных Тимуру земель — к Самарканду и Бухаре. Но, видя, что ему не одолеть хорошо защищенные крепости, грабя и разрушая на своем пути небольшие города и селения, Тохтамыш ушел в Дешт-и-Кипчак.

Весть о коварстве золотоордынского хана застала Хромого Тимура в Ширазе. Подобного эмир простить не мог. Сначала его охватила ярость, но потом на смену ей пришли беспокойство и озабоченность. Тохтамыш начинал тревожить его. Силы у хана были большими, и недооценивать вновь окрепшую Золотую Орду было нельзя.

Первое, что сделал Хромой Тимур, — это отправил в Самарканд отряд отборной конницы под предводительством Османи Аббаса, а через некоторое время во главе своего войска двинулся в Мавераннахр и сам.

Переправившись через Багдаден — приток Джейхун-дарьи, эмир вдруг повернул в сторону Хорезма. Огнем и мечом прошел по землям Хорезма Хромой Тимур. Он велел сровнять с землею город Ургенч, а уцелевших после резни его жителей переселить в Самарканд.

Это было первое грозное предупреждение Золотой Орде.

Во все времена быть ханом Золотой Орды было трудно. Внутренние междоусобицы, подобно искрам от разворошенного костра, постоянно вспыхивали и гасли на ее огромных просторах. Но не это было главным. С двух сторон, подобно двум большим и сильным ладоням, сжимали Орду Русь и Джагатаев улус, поэтому все время надо было быть готовым к яростным схваткам и уметь почувствовать на своей шее крепкий чужой аркан.

Казалось, что Орда после Мамая вновь обрела прежнюю силу, вновь могла повелевать народами соседних государств, но это было далеко не так. Не прежней была Русь. Москва, несмотря на недавнее разорение, не испытывала больше страха: князь Дмитрий Иванович, с гордостью носящий отныне титул Донского, слал дань мизерную, а иной год забывал сделать и это.

Странные, непонятные для Тохтамыша дела творились на Руси. Вместо того, чтобы бороться с будто бы ослабевшей Москвою, признала перед нею «старейшинство» рязанская земля, а князь Олег поклялся сноситься отныне с иноземцами только с разрешения Дмитрия Ивановича. Зимою 1386-1387 годов московское войско в ответ на разорение Нижнего Новгорода и Костромы новгородскими ушкуйниками осадило Великий Новгород и получило с него большой откуп. Год от года крепло Московское княжество, раздвигало свои границы. Вошли в его состав новые земли и города: Стародуб-на-Клязьме, Галич и Дмитров, Медынь, Калуга и Мещера.

Отлично видел Тохтамыш, что его поход на русские княжества не принес ему того, что он хотел, и все-таки даже в мыслях не мог допустить хан, что больше не быть Орде тем, чем она была раньше на Руси. И для этого ему надо было утвердиться в единоборстве с Тимуром.

Хан верил в успех. Огромная Орда повиновалась ему, и не нашлось бы сейчас человека, который бы осмелился возразить или не подчиниться.

Спор с Хромым Тимуром могла бы решить только битва, и поэтому в начале года дракона (1388) Тохтамыш двинул свое огромное войско в сторону Джагатаева улуса. Летопись утверждает, что воинов у него было больше, чем листьев на деревьях, и больше, чем капель в летнем дожде. Буртасы и кипчаки, ногайлинцы и аланы, башкиры и жители Крыма встали под его знамена.

До начала зимних буранов стремительно двинул свои тумены хан к границам Джагатаева улуса, в Туркестан.

Здесь Тохтамыш разделил свое войско. Несколько полков пошло к Саурану, чтобы овладеть этим городом, основная же часть, под предводительством Калдаута и Елжегиш-оглана, двинулись в земли Хромого Тимура.

Эмир в это время находился в Самарканде. Сколь ни стремительным было движение золотоордынского войска, но Хромого Тимура вторжение не застало врасплох. Почти не потратив времени на сборы, он двинул то войско, какое

оказалось у него под рукой, навстречу хану. Быстрые же гонцы помчались к сыновьям: в Андижан — к Омаршейху и в Герат — к Мираншаху.

Обстоятельства складывались так, что битва должна была произойти на берегах Сейхун-дарьи, а самым удобным местом было урочище Уржикзернук. Хромой Тимур не ошибся. Войско Тохтамыша шло именно туда. И тогда эмир приказал отрядам, ведомым Шейхали-батыром и недавно перебежавшими к нему Кунчеком и Темир-Кутлуком, выйти золотоордынцам в тыл.

Стремительными, смелыми были действия Хромого Тимура. Несмотря на уговоры своих военачальников, он не стал ждать, когда подойдет подмога из Андижана и Герата, а ударил по подходящим туменам врага. Жестокой, но недолгой была битва. Золотоордынское войско оказалось разбитым. Немногим удалось спастись. Появившиеся за спиной отряды Кунчека и Темир-Кутлука довершили разгром.

Но и в этот раз судьба словно хранила Тохтамыша. Необычно суровой выдалась в этом году зима, ударили свирепые морозы, задули северные ветры, и Тимур не решился преследовать хана, боясь потерять свое войско, не привыкшее к холоду.

Эмир повернул свои полки к Самарканду. Здесь его уже ждало огромное войско, собранное из подвластных ему городов: Балха, Баклана, Кундуза, Бадахшана, Джизака, Герата, Хутляна и Хисара.

Хромой Тимур не велел распускать воинов по домам, а приказал начать учения. Все было, как и во времена Чингиз-хана. Войско эмира делилось на десятки, сотни, тысячи, тумены. Каждая единица знала свое место в общем строю, и каждый воин знал, что он должен делать. Как и при Чингиз-хане, в войско бралась только часть населения, пригодная для ратного труда. Отбором людей занимались специально назначенные воины — табаши. В их задачу входила проверка снаряжений, пригодность коней для похода. Тот, кто становился воином, обязан был иметь при себе лук с тридцатью стрелами, щит, саблю и копье. Каждые два всадника должны были привести одну запасную лошадь. На десять воинов приходился один походный шатер, лопата, серп, пила, топор, веревка-аркан, шкура быка или лошади, пригодная для переправ через реки, казан для приготовления пищи, шило и сто иголок.

Табаши, которые набирали воинов, обязаны были проверить все. Хромой Тимур ценил их работу и хорошо одаривал за верную службу, но, если же табаши оказывался недобросовестным, кара для него была жестокой. Чтобы заслужить доверие своего эмира, а порой просто сохранить жизнь, табаши старались изо всех сил, и потому войско Тимура состояло из сильных и здоровых людей.

Большое значение эмир придавал разведке. Выступая в поход, он всегда высылал вперед хорошо вооруженный, на быстрых конях, отряд во главе с предводителем — мангили. Тот, в свою очередь отправлял вперед группу всадников, называемых «глазом». Обо всем увиденном они докладывали мангили, и, если сообщение заслуживало внимания, прямо к Хромому Тимуру мчался ертоли — вестовой.

Не забывал эмир, отправляясь в чужие земли, и о кылаузе — проводнике. Он должен был обладать великой честностью, быть проверенным и хорошо знать те места, куда предстояло идти.

Переняв многое от Чингиз-хана в устройстве войска, Тимур не отказывался учиться у других народов. Так, во время похода, если были основания для осторожности, вокруг лагеря копались рвы, ставились шапары — плетенная из тальника ограда, закапывались на подступах к лагерю тури — заряды, сделанные из китайского пороха. И в построении войска перед битвой он ввел много новшеств, на которые, в силу традиций, не решались предводители кочевых народов. Он делил все свои силы на семь частей, каждую из которых от различных

неожиданностей охранял специальный сторожевой отряд, имевший своих разведчиков. Центр войска, без ущерба для крыльев, был значительно усилен. Двадцать тысяч воинов всегда находились в резерве. Их задача была завершать битву и, преследуя убегающего противника на свежих конях, приносить своему повелителю победу.

Не напрасно не распустил войско Хромой Тимур. Степной сосед стал не на шутку тревожить его. Золотая Орда мешала исполнению задуманного. Эмир рассчитывал, закончив завоевание Ирана, повернуть свои тумены в сторону сказочной Индии. Вот поэтому-то крепло с каждым днем намерение раздавить врага, сделать так, чтобы уходя в далекий поход, быть спокойным за подвластные земли.

На этот раз в Дешт-и-Кипчак войско Хромого Тимура должны были вести Едиге, Темир-Кутлук и Кунчек-оглан. Кому, как не им, знавшим земли Золотой Орды, стать проводниками!

Закончив подготовку войска, эмир, в конце года змеи (1390) переправившись через Сейхун-дарью, остановил свои тумены близ Ташкента. Сам же поехал на поклонение в Ходжели, в мечеть Маслахата. Тысячи золотых динаров раздал он мюридам, ишанам и кари, велев им просить аллаха о даровании ему победы в предстоящей битве.

С детства Хромой Тимур страдал припадками. И едва он вернулся к своему войску, как болезнь долго его не беспокоившая, свалила его в постель. Выступление было отложено.

Только в начале февраля почувствовал себя эмир снова способным стать во главе войска. Отдав последние приказы и отправив детей и всех жен, кроме Шолпан-Малик-ака, в Самарканд, Хромой Тимур перебрался в эмирский дворец в Ташкенте.

Первое, что он сделал, это велел пригласить к себе Едиге, Темир-Кутлука и Кунчек-оглана.

Правитель Мавераннахра был всегда щедрым к нужным ему людям. Золото и серебро, шелк и парчу давал он им, чтобы накрепко привязать к себе. И когда трое батыров, убежав от Тохтамыша, пришли к нему, он велел дать им шатры для жилья и наложниц для наслаждений. Подарил им эмир табуны лошадей, рабов и рабынь.

Пусть достойные люди ни в чем не знают нужды и чувствуют себя в моих владениях как дома,— сказал Тимур.

Темир-Кутлук и Кунчек-оглан, получив приглашение прибыть во дворец, не стали дожидаться Едиге, который был где-то в войске, а сразу же отправились к эмиру.

Хромой Тимур, считавший себя породненным с чингизидами, с большим почетом встретил батыров. Он посадил их рядом с собой на торе, слуги положили подушки, набитые мягким лебяжьим пухом, чтобы гостям было на что опереться.

— Я рад видеть вас сильными и здоровыми,— сказал Тимур.— Пусть сегодня я буду для других эмиром, а для вас жезде — зятем.

Эмир при всей своей свирепости, умел, когда это нужно казаться открытым и душевным человеком. Он придвинул к себе пиалы из тонкого китайского фарфора и стал наливать в них из чайника, разрисованного крылатыми драконами, душистый кок-чай.

Все знали: когда Тимур разливает чай сам, значит, предстоит разговор с глазу на глаз, и в этом случае рядом неуместен даже самый преданный слуга. Осторожность эмир ценил превыше всего.

Открылась дверь, и через порог переступил невысокий плотного телосложения человек.

— Ассалам агалейкум! — он склонился в низком поклоне.

— Проходи, Едиге, — сказал эмир.— Мы ждем тебя.

Лицо батыра было как всегда угрюмым, а брови насупленными. Эмир неплохо относился к Едиге, но эта постоянная угрюмость, недовольство непонятно чем настораживали эмира.

Тимур умел увидеть в человеке те черты, которые могут со временем сделать его врагом. Ошибка с Тохтамышем не казалась ему ошибкой, потому что в измене своего бывшего ставленника он хорошо видел ее причины. Ради власти можно пойти на все. Разве не сам он устранил Хусейна, который в свое время помог ему возвыситься? Разве есть что-то удивительное в том, если подобным образом поступает другой?

Не измена, а вероломство Тохтамыша заставило Тимура думать о его уничтожении. Кто будет ханом Золотой Орды — эмиру было безразлично. Главное заключалось в том, чтобы тот, кто правит этими огромными землями, не смел помышлять о борьбе с ним, Тимуром, не мешал бы ему осуществлять великие замыслы. Орду можно бить много раз, но она снова будет оживать, если править ею станет дальновидный и властолюбивый хан. В степях можно набрать новое войско, потому что там всегда есть люди, жадные до чужого богатства, мечтающие о грабежах и насилии. Голодными глазами смотрят они из своих дымных и нищих юрт на соседние народы. Именно поэтому следует посадить ханом Золотой Орды человека, готового повиноваться слову из Самарканда. Кого выбрать? Кто оправдает надежды? Темир-Кутлук или Кунчек-оглан? Нет. Ни один из них не сможет повести за собой народ, потому что в прошлом у них нет никаких заслуг — они не побеждали врагов и не показали мудрости. Их, пожалуй, не стоит поддерживать. А если Едиге? Хромой Тимур сразу же отказался от этой мысли. Батыр был похож на тигра, ожидающего только удобного случая для прыжка. Если в руки такого человека дать повод коня-великана, имя которому Золотая Орда, то еще неизвестно, куда он его повернет, и чей позвоночник хрустнет под его могучими копытами.

Обжегшись на Тохтамыше, эмир решил быть осторожным. Время покажет, как следует поступить. Главное сейчас уничтожить хана, а когда Золотая Орда окажется в руках, покорная и обессиленная, можно будет без особого труда подыскать человека, который сядет на ее трон.

Едиге догадывался о замыслах Тимура, но обстоятельства складывались так, что он не мог позволить себе показать это, потому что сейчас для него главным врагом был Тохтамыш.

— Проходи,— сказал Тимур,— за чаем хорошо говорить о делах.— Голос эмира прозвучал приветливо, и Едиге в который раз удивился тому, как может на глазах меняться этот человек. Будто и не было жестокого воина, без трепета посылающего тысячи людей на верную гибель или приказывающего складывать курганы из отрезанных голов побежденных.

— Я позвал вас затем, чтобы сказать о близком походе. Пора напомнить Тохтамышу о том месте, которое определено ему судьбой. Я хочу, чтобы вы стали теми людьми, которые укажут моим туменам самые короткие пути к цели. Дорога предстоит неблизкая, и никто сейчас не сможет сказать, где, в каком конце Дешт-и-Кипчак встретим мы войско хана...

Эмир выжидательно замолчал. Молчали и Темир-Кутлук, и Кунчек-оглан. Они с нетерпением ждали, кого же Тимур назовет властителем Золотой Орды взамен поверженного Тохтамыша? И один только Едиге понял, что эмир сегодня не скажет об этом, потому взглядом попросил у эмира слова:

— Высокочтимый эмир, мудрость твоя велика, а глаз зорок. Мы горды твоим поручением. Не каждому выпадает счастье сослужить такую службу. Мы сделаем все! И все-таки... У меня есть просьба...

Тимур допил чай и поставил пиалу на ковер.

— Говори, — разрешил он.

— Никто не знает просторы Дешт-и-Кипчак так хорошо, как Темир-Кутлук и Кунчек-оглан. Они достойны указывать путь твоему войску. У меня же с Тохтамышем кровная вражда. Он велел убить в свое время моего отца. Я не успокоюсь, пока меч не обагрится его кровью. Поэтому мое место среди воинов.— Едиге промолчал, а когда заговорил снова, в голосе его были мольба и страсть: — Великий эмир, дай под мое начало тумен! Я должен встретиться со своим врагом в битве, лицом к лицу! Клянусь хлебом, что оправдаю доверие! — Едиге взял с дастархана и поднял над головой ломоть хлеба.

Хромой Тимур долго молчал и, казалось, взвешивал просьбу батыра. На самом деле он находился на распутье и не знал, как ему поступить. Можно было уступить Едиге, сделать то, что он просит, потому что эмир верил — ненависть его к Тохтамышу действительно велика, и батыр действительно будет сражаться с ним, не жалея жизни. Понуканием не заставишь пса броситься на волка. Многие предводители страшатся битвы и потому, конечно, будут уступать в ярости, и в смелости Едиге. Но не слишком ли рано доверять батыру? Десять тысяч всадников — большая сила. Если они попадут в руки смелого, хитрого, умеющего увлечь за собой Едиге, кто знает, станут ли они со временем так же беспрекословно выполнять волю эмира? Не получится ли так, что, расправившись с Тохтамышем, батыр откажется идти дальше и покорять Орду? Недаром ведь люди говорят, что зов крови предков в человеке сильнее всего. Кто знает, быть может, в час испытаний он, этот зов, как раз и проснется в Едиге? Нет, спешить не стоило.

Хромой Тимур заговорил медленно, словно взвешивая каждое слово на ладони:

— Не руби саблей, предназначенной для врага, камень. Быть может ты и разрубишь его, но, когда на твоем пути встанет враг, сабля твоя уже не будет годна, чтобы сразиться с ним... Ты своей храбростью подобен булатному мечу, и потому тебя было бы неразумно держать в ножнах... Я уже думал о том, чтобы сделать тебя предводителем тумена, а быть может и целого войска, но на этот раз у кылауызов-проводников особая задача. Темир-Кутлук и Кунчек-оглан поведут два войска, ты же станешь во главе третьего, которым командует Султан-Мухаммед. Это моя главная ударная сила. Не дать войску заблудиться, помочь ему вовремя прийти туда, куда потребуется,— это уже половина успеха. Кроме того я мечтаю отомстить Тохтамышу... Быть может я поставлю тебя во главе тумена, когда мы придем в земли Дешт-и-Кипчак.

Едиге понял, что Тимур не доверяет ему. Вспыхнувшие было в его душе отчаяние и злоба тотчас же погасли, и он неохотно согласился.

— Хорошо, высокочтимый тахсир. Я повинуюсь приказу.

От эмира не ускользнуло выражение лица батыра, угадал он и внутреннее его состояние, но вида не подал.

— Есть ли у вас еще какие-нибудь ко мне просьбы? — Тимур обвел собравшихся взглядом.

— Есть,— сказал Едиге.—И опять у меня...

— Говори, мирза.

— Вчера ваши нукеры увели из моего отряда джигита. Если можно, прикажите освободить его.

— Кто он, и что сделал?

— За ним нет вины. В моем отряде несут службу три брата. Они кипчаки из Джизака. И вот младшего забрали, сказав, что позавчера его весь день не было в отряде, а кто-то видел его среди тех, кто грабил дехкан, возвращающихся в свои кишлаки с ташкентского базара. Братья боятся за его судьбу...

Тело Хромого Тимура напряглось.

— А разве они не знают, что ограбление считается большим преступлением,

и я отдал приказ карать смертью каждого, кто решится на это? Воин, идущий в поход, обязан строго соблюдать дисциплину и не предпринимать никаких действий без разрешения своего предводителя.

— В твоем войске все знают о строгом порядке, но дело в том, что джигит никого не грабил. Весь тот день он был рядом со мной.

— Почему же ты не сказал об этом моим нукерам?

—Я только сегодня узнал об этом... Меня не было в ставке...

Тимур поцокал языком:

— Ты опоздал со своею просьбой, Едиге. Джигита больше нет в живых. В последнее время на дорогах стало появляться много грабителей. Я повелел ловить их и казнить при народе. Вчера пятерым таким отрубили головы. Выходит, нукеры мои ошиблись и вместо виноватого казнили невиновного.

— Разве так можно, высокочтимый тахсир? — с горечью сказал Едиге.

— Можно,— лицо эмира было спокойным.— Если мы хотим отучить чернь грабить и заставить ее уважать наши приказы, что значит жизнь пяти человек по сравнению с этим? Если ты можешь вылечить тело, пораженное страшной болезнью, заплатив за это одним пальцем, то отруби его. Кто в этом случае упрекнет тебя в неразумности?

Едиге, который и сам легко предавал других смерти и привык быть жестоким, не выдержал:

— Это несправедливо, когда за вину одних будут платить жизнью другие.

Тимур в задумчивости покачал головой.

— Да, это несправедливо... Но если ты решил достичь своей цели, ничто не должно быть для тебя преградой.

— Что я скажу братьям убитого?

— Скажи, что произошла ошибка.

— Разве это может быть для них утешением?

— Еще скажи, что виновные будут обезглавлены.

В разговор вмешался Темир-Кутлук:

— Напрасно погибнут еще несколько воинов...

— Ты не прав, батыр,— глаза Хромого Тимура сузились.— Я добился своей цели. Казнь пятерых послужила хорошим уроком грабителям. Конечно, убивать еще несколько человек не хотелось бы. Особенно накануне больших битв. Но и не убить их нельзя, потому что иначе я потеряю уважение перед народом, и он усомнится в моей справедливости.

Да, эмир хорошо знал что делает. И впервые с той минуты, как он попросил у Хромого Тимура покровительства, Едиге пожалел об этом.

Снова он оставался один на один со своими заботами и мыслями, и, как в орде Тохтамыша, не на кого было опереться и не на кого было рассчитывать.

Двадцать второго января года лошади (1391) Хромой Тимур поднял свои тумены и, покинув пределы Ташкента, двинулся в Дешт-и-Кипчак. Подобно тому, как в свое время Джучи переправился через Сейхун-дарью, эмир приказал настелить мост на надутых и связанных между собою бычьих шкурах и благополучно перевел свое войско на другую сторону реки.

Не задерживаясь, тумены двинулись в сторону Отрара. Не прошло и нескольких дней, как отряд, ведомый Осман-батыром, наткнулся на отряд из войска Тохтамыша. Золотоордынцы были беспечны, не ожидали нападения, и потому Осман-батыр легко расправился с ними. Много воинов было порублено, остальные бежали в степь. Они-то и сообщили Тохтамышу о том, что в сторону Отрара идет войско Тимура.

Хан в это время осаждал Сауран, Шингирши, Куш. Города держались стойко, и ему никак не удавалось сломить сопротивление их жителей.

Узнав о приближении войска Тимура, Тохтамыш заколебался. Он хорошо знал эмира, силу его туменов. Поэтому сразу же приказал снять осаду городов и быстро уходить в просторы Итиля, где можно было пополнить войско и приготовиться к битве. А чтобы как-то выиграть время послал к Хромому Тимуру послов.

Хан знал: переговоры ни к чему не приведут, потому что он слишком долго испытывал терпение своего бывшего покровителя. Хромой Тимур никогда не отступает от задуманного, и уж если он решился выступить с двухсоттысячным войском, решающей битвы уже надолго отсрочить нельзя.

Ханских послов во главе с Султанбек-бием в ставке Тимура встретили с подобающим почетом — поставили для них белую юрту, Приготовили угощение. Однако же на второй день, когда пригласили к эмиру, тот не выказал уважения, полагающегося послам дружественного государства. Хмуро кивнул им Тимур, приглашая сесть.

Султан-бий, едва опустившись на пушистый яркий ковер, заговорил быстро, напористо:

— Мы родственники по крови. Наши предки жили в мире и дружбе, делили радость и горе, ходили в одни походы, против одного врага. Мы отдавали в жены вам наших девушек, и наши джигиты брали ваших красавиц. Не годится вытаптывать друг у друга пастбища. Ссора умаляет достоинство батыров. Хотя мой повелитель хан Тохтамыш высок по положению, но он шлет свой поклон тебе, эмир Тимур, и дарит девять прекрасных коней, быстрых словно ветер, а также сокола с золотым колокольчиком на лапе.

Эмир сделал движение рукой, и высокий нукер с красивыми пышными усами, стоящий у входа, быстро направился к послам и принял из рук одного из них ловчую птицу. Неслышно ступая по ковру, подошел к Тимуру и посадил сокола ему на плечо.

Эмир не нарушил этикета, не отказался от подарка, но и хвалить его не стал, словно он был ему безразличен.

А Султанбек-бий продолжал свою речь:

— Одинаково желты цветом медь и золото, но не одинаковы их цена и свойства. Кто в этой жизни не ошибается... Мой повелитель хан Тохтамыш понял, что поступил не по-братски, и потому просит не гневаться на него. Отправляя меня к тебе, он говорил: «Я всегда был эмиру Тимуру правой рукой. С его помощью я стал ханом. Так пусть же он простит меня. Отныне я клятву свою не нарушу, и между нами всегда будет прочный мир. Сколько бы не прошло дней и годов...»

Тимур гордо и зло вскинул голову:

— Прощения моего не будет хану Тохтамышу... Если бы он вызвал меня на честную битву, я, быть может, и простил его, потому что знал бы, что движет им желание властвовать. Это желание бывает в людях иной раз сильнее желания жить. Если бы все обстояло так, и он вызвал меня на битву ради этого, я бы не осудил его. Но Тохтамыш, забыв о моей доброте, когда я находился в далеком походе, напал на подвластные мне земли и народы, и действия его подобны удару кинжалом в спину. Коварства я не прощаю!

Речь Тимура становилась все более отрывистой, гневной. Он словно позабыл о том, сколько раз он сам совершал коварство. Отставив в сторону растопыренную ладонь, он начал загибать пальцы, перечисляя все прегрешения Тохтамыша перед ним, грозным Тимуром. В уголках его губ появилась пена. Безжалостные прозрачные глаза его вылезли из орбит и налились кровью.

Находящиеся в шатре в испуге попятились от своего повелителя, решив, что у него снова начинается приступ падучей болезни. В такие минуты Хромой Тимур терял рассудок и трудно было предсказать его поступки.

Ослепление прошло так же внезапно, как и возникло. Эмир потряс головой, словно прогоняя наваждение. В юрте сделалось тихо. Тимур с удивлением посмотрел на сидящего на его плече сокола и, брезгливо дернувшись, сбросил его на ковер, под ноги.

— Все! — хрипло сказал эмир.— Пусть Тохтамыш просит прощения у аллаха. А наш спор решит битва!

Послы поднялись и, склонившись в низком поклоне, попятились к выходу. И уже у самого порога Султанбек-бий сказал:

— Высокочтимый эмир, мы передадим слово в слово то, что вы сказали нашему повелителю, хану Золотой Орды Тохтамышу.

Усмехнувшись одними губами, Тимур негромко сказал:

— Вы уже не можете передать моих слов...

Послы замерли на месте. Лицо Султанбек-бия покрылось мертвенной бледностью.

— Ни один хан, ни один эмир не совершал насилия над послами, пришедшими для того, чтобы помирить два враждующих народа...— неуверенно сказал он.

— Так не делали раньше. Так вынужден поступить я. Вы второй день в моей ставке, и глаза ваши не были закрыты. А раз так, то вы видели то, что не позволено видеть врагам.— Тимур помолчал, наслаждаясь страхом послов.— Но я не убью вас. Вы останетесь здесь и, когда мы двинемся на Дешт-и-Кипчак, станете нашими проводниками. У вас есть возможность сохранить свои жизни, если вы будете хорошо выполнять то, что вам поручил я.

Жизнь возвращалась на бледные лица послов.

— Но кто же тогда передаст Тохтамышу твои слова?— спросил Султан-бий.

— Никто! На рассвете мои тумены пойдут вперед. Они и дадут достойный ответ вашему хану на его слова.

Но Тохтамыш не ждал ответа от Хромого Тимура. Бросив все, что могло обременить его войско и помешать отступлению, он, не позволяя надолго останавливаться коннице, поспешно уходил в свои степи. По пути золотоордынцы грабили кочевья, аулы и небольшие городки. На этот раз опустошению подвергся и город Яссы. Мусульмане словно забыли, что на этой земле находилась усыпальница ходжи Ахмеда Яссави.

Все больше и больше отрываясь от преследователей, Тохтамыш обдумывал свои действия на ближайшее будущее. Во что бы то ни стало следовало собрать войско, по численности превосходящее войско Тимура. Только в этом случае можно было рассчитывать на победу. Хан был уверен, что ему удастся выполнить намеченное. Многолюдье Орды позволяло это сделать. И еще Тохтамыш верил, что Хромой Тимур, удовлетворенный поспешным бегством врага, в нынешнем году не вступит на подвластные ему земли. Пройдет полгода, а быть может и год, прежде чем он продолжит свой поход. А за это время можно будет собрать и вооружить огромное войско.

Но Хромой Тимур не думал надолго откладывать месть. Он послал в погоню за ханом срок отважных джигитов во главе с опытными и хитрыми предводителями Каракан-батыром и Даулетхах-мергеном. Они настигли заслон Тохтамыша и после короткой схватки пленили несколько золотоордынских воинов. Близкая смерть и страх развязывают языки. Вскоре Тимур знал все, о чем ему хотелось знать.

Эмир после недолгих раздумий собрал совет из эмиров войска, чингизидов и приближенных к нему батыров. Решение было единогласным — идти вслед за ханом.

Отправив в Самарканд всех, кто мог оказаться лишним в походе, Тимур через Яссы, Карачук, Сауран вывел свое войско в центр Дешт-и-Кипчак. Более месяца длился этот поход. В начале апреля, когда в степь уже пришла весна, огром-

ное войско остановилось на отдых в урочище Сарыузен, на берегах реки Сарысу. Но едва подсохла земля, и степные реки стали возвращаться в берега, Тимур велел своим туменам переправиться через Сарысу и идти к горам Улытау. Здесь эмир вновь сделал недолгую остановку.

Земля преображалась. Теплое, ласковое дыхание весны вернуло землю к жизни, и оттого мир сделался праздничным и просторным. Поднявшись однажды на вершину горы, Тимур залюбовался открывшимися перед ним безбрежными далями. Зеленая степь, подернутая дрожащей сизой дымкой, казалось, не имела предела. Тысячные стаи птиц летели над нею в бездонном голубом небе, в загадочные края вечного мрака. Мир звенел от пения жаворонков, и казалось, что это звенит само огромное небо, сотворенное из необычайно красивого синего камня.

На миг душу Тимура охватила тревога. Где-то в этих безбрежных просторах находилось сейчас войско Тохтамыша. Как его отыскать, если он станет уклоняться от битвы, как догнать? Здесь в кипчакской степи, охваченной великим покоем, безбрежной как море, можно утонуть, исчезнуть бесследно, и некому будет рассказать о мужестве воинов, сошедшихся в смертельной схватке. Все засыплет прах времени, затянут степные травы.

В глубокой задумчивости вернулся Хромой Тимур в свой походный шатер. А на следующий день к подножью Алтынчокы велел своим воинам натаскать груду камней. На вершине установили плоскую плиту, и мастер, владеющий искусством резьбы по камню, найденный среди пеших воинов эмира, вырезал на ней слова, которые сказал ему Хромой Тимур. В три строки легла арабская вязь, и начиналась она так: «Во имя аллаха милосердного и милостивого...». Далее, чтобы надпись могли прочитать и другие народы, не знающие арабских букв, уйгурским письмом на чагатайском языке, на котором говорили узбеки, Тимур повелел написать, что был он здесь, султан Турана, двадцать третьего числа месяца джумади 1 (28 апреля 1391 г.). И что шел он двухсоттысячным войском против Тохтамыш-хана. Всего восемь строк потребовалось великому завое-вателю, чтобы рассказать о своей великой задумке, о своем великом походе в глубь Дешт-и-Кипчак.

Кто знает, что заставило поступить так Хромого Тимура? Быть может, ему была ведома истина, что нет на земле ничего, что могло бы сравниться с долговечностью камня? Бесследно проходят по земле люди, стираются в памяти самые смелые и великие их деяния, и только камень да слово вечны. Кто знает, о чем думал эмир?

Понимая, что обратной дороги для него нет, Хромой Тимур повел свои туменны дальше. Вокруг лежала цветущая земля, и ни сам эмир, ни один из его воинов не думал сейчас о смерти. Мир был настолько прекрасен, что люди забывали о своем прошлом и не хотели думать о будущем.

Переправившись через нешрокую степную реку Иланчук (ныне Джиланчик), всего за восемь дней дошел он до урочища Анакаркуюн и здесь велел поставить свой походный шатер. На огромном пространстве было разбросано теперь его двухсоттысячное войско — передовой отряд подошел к берегам реки Иргиз, те же, кому было определено прикрывать спину войска, разожгли свои костры на берегу реки Тургай.

Пустынной была степь, и незнающий человек решил бы, что так здесь было всегда. Откуда знать пришлому, что в обычные годы в междуречье кочевали десятки и сотни кипчакских больших и малых аулов. Но кто осмелится остаться на пути туменов, идущих на битву, какой безумец уверует, что все для него обойдется хорошо? Поэтому поднялись с насиженных мест аулы и, подобно напуганным птицам, гоня перед собою стада скота, разлетелись в разные стороны — кто в долины рек Нуры и Есиля, а кто в пески Улыкум и Балакум.

Прошло почти четыре месяца, как войско Хромого Тимура находилось в походе. И здесь в урочище Анакаркуюн, выяснилось, что продовольствие, взятое из Мавераннахра, на исходе. Кончилось вяленое мясо, почти не осталось муки, от наступившего тепла портилось залитое в кожаные бурдюки масло. Следовавшие за войском мусульманские купцы, рассчитывавшие на богатую добычу и быстрое завершение похода, продавали воинам продовольствие по баснословно высоким ценам. Над двухсоттысячным войском нависла угроза голода. Тимур хорошо знал, чем это может кончиться: еще немного и среди воинов начнется воровство, вспыхнет вражда. Голодные люди плохо подчиняются своему господину, если тот не может их накормить.

И тогда Хромой Тимур велел собрать к себе всех эмиров войска. По издавна существующему обычаю он потребовал, чтобы с этого дня никто не делал из муки ни хлеба, ни лепешек, ни лапши, ни других кушаний. Отныне воины могли готовить только болтушку из ячменной муки, причем каждый из них получал в день всего одну чашку этой похлебки. Разрешалось добавлять в нее только мутр — смесь из съедобных сушеных трав, которой еще оставалось в запасе довольно много.

Передовые отряды ничего не знали о войске Тохтамыша. Следовательно, конца походу видно не было, и надо было думать о том, как насытить голодающих воинов, чтобы они не потеряли силы и сохранили дисциплину.

И тогда Хромой Тимур объявил о том, что скоро будет устроена облавная охота.

К эмирам туменов, двигавшимся по степи каждый своим путем, чтобы для коней хватало корма и не создавалась сутолока, были отправлены табаши, которые должны были указать предводителям их место и порядок предстоящей охоты. Обезлюдевшая в этом году степь была полна разным зверьем: бесчисленные стада сайгаков, джейранов, диких коз — еликов, куланов бродили по безбрежным просторам.

В начале мая Тимур приказал окружить огромный участок степи, и десятки тысяч воинов вышли на отведенные им места, образовав кольцо, через которое отныне не мог бы проскочить незамеченным даже самый хитрый и маленький зверек.

На рассвете, в урочный час, заревели хриплоголосые карнаи, запели зурны, рассыпали громкую дробь барабаны. Медленно тронулись вперед цепи конных воинов, касаясь стременами друг друга. Два дня и две ночи, то шагом, то рысью двигались они, сжимая кольцо, выставив перед собой копья с тускло поблескивающими наконечниками. Никто не имел права убить хотя бы одного зверя. Задача воинов была не дать ни одному из них уйти сквозь цепь. Обезумевшие стада сайгаков, джейранов и куланов носились из края в край степи, ища спасения, но повсюду они натыкались на живую стену и, страшась человеческого духа, бросались в противоположную сторону. Все короче становились их пробежки, все теснее делался круг. И уже можно было видеть как, забыв об извечной вражде, бежали рядом волк и заяц, и глаза их налитые страхом были слепы — они не видели друг друга. Жалобно, пронзительно кричали брошенные звериные детеныши. Их топтали, сбивали, давили мечущиеся в панике тысячные стада. И, когда живая петля затянулась настолько, что в круг могли войти только те, кому предстояло завершить облавную охоту, Тимур во главе тысячи отборных воинов сделал это. С обнаженными саблями, с копьями наперевес они ворвались в середину круга.

Пройдут сотни лет, но в великой Дешт-и-Кипчак по-прежнему будут помнить об этой страшной охоте, устроенной Хромым Тимуром. С упоением, пьяные от крови, воины, которым выпала честь вместе со своим эмиром войти в круг, приподнявшись на стременах, опускали свои блестящие, быстрые как мол-

нии клинки на головы животных. Уверенно и без промаха кололи копьями сайгаков те, кто предпочитал это оружие, да и трудно было им промахнуться, потому что животным не было числа. Злые жеребцы куланов бросались на ограждение, но стоящие здесь воины гасили их ярость ударами копий. Только волков, поднятых с их логова на дне сухих оврагов, рысей, выгнанных из березовых колков, да кабанов, обычно скрывающихся в приозерных густых камышах, пропускали сквозь свой строй воины, стоящие в оцеплении. Таков был приказ Хромого Тимура. Что толку от этих зверей, если мясо их несъедобно...

Вместе с эмиром участвовала в этой охоте его любимая жена Шолпан-Малик-ака. Одетая в одежды воина, она старалась не отстать от своего повелителя. Лицо ее полыхало от волнения румянцем, глаза сияли, но рука была тверда, как это полагается жене Железного Тимура, повелителя многих земель и народов. Без жалости, с азартом разила она беззащитных животных, и эмир, изредка бросавший на нее взгляд, любовался ее посадкой в седле и ловкостью.

Тимур вдруг увидел, как из гущи мечущихся животных выскочил совсем крошечный детеныш джейрана на тонких, дрожащих ножках. Огромные темные глаза его, похожие на глаза ребенка, были полны боли и страха. Ища защиты, он бросился под брюхо лошади, на которой сидела Шолпан-Малик-ака. Тимуру вдруг захотелось, чтобы жена нагнулась с седла, подхватила детеныша на руки, не дала ему умереть. Не знавшему ни жалости, ни сострадания ни к чему живому на свете, эмиру вдруг захотелось, чтобы в этот раз все произошло именно так, но Шолпан-Малик-ака, подняв свою лошадь на дыбы, заставила отпрянуть ее в сторону и, красиво изогнув свой стан, опустила саблю на голову детеныша джейрана. Тимур отвернулся. Брезгливая гримаса тронула его губы.

Только после полудня закончилось избиение животных. Степь пахла кровью. Заваленная трупами сайгаков, куланов, джейранов, еликов, земля была черна от крови, а в небе, еще несмело, на большой высоте, парили стаи грифов, стервятников, орлов-могильщиков.

Вдоволь насытившись полусырым мясом, поджаренным на кострах, воины принялись свежевать туши. Счастливые, забывшие о недавнем голоде, они готовили мясо впрок — одни мочили его в воде горько-соленного озера, другие привозили в кожаных мешках белую землю с солончаков и ею пересыпали туши. Вскоре, нагрузив вьюки с мясом, воины повели длинные караваны к своим временным стоянкам.

Тимур стоял на невысокой сопке и, сощурившись, смотрел на место недавней бойни. Медленно, не торопя своего коня, на вершину поднялся Едиге. Ему предстояло сообщить эмиру неприятную новость о том, что всего несколько часов из его тысячи сбежали к Тохтамышу два воина — братья того невинного джигита, которого казнил Хромой Тимур за грабежи дехкан. Но, взглянув на лицо эмира, не решился ни о чем говорить.

—Если бы мне удалось вот так же расправиться с войском Тохтамыша...— ни к кому не обращаясь, сказал вдруг Тимур.

— У вас доблестное войско, и никто не сомневается, что все произойдет именно так, как вы думали...— негромко отозвался Едиге.

Тимур не взглянул на батыра.

— Да поможет мне в этом аллах!..

Солнце садилось. Длинные вечерние тени стелились по земле, и уходили группами в степь, в расположение своих туменов последние воины. Тимур тронул коня и начал спускаться с сопки. В тот же миг, словно дождавшись отъезда грозного эмира, с неба на поле недавнего побоища упала черная туча. Это, несмотря на наступающую ночь, прилетели на поживу, на свой пир хищники, казалось, со всей Дешт-и-Кипчак.

Тохтамыш, отправляясь в Мавераннахр, шел по земле. Уходить же оттуда пришлось подобно червю, прячась в землю. Он думал расправиться с Хромым Тимуром, но случилось так, что преследователь превратился в преследуемого. Теперь он сам ведет врага в свои земли.

Глубоко упрятав тревогу и стараясь не думать о возможных страшных последствиях для себя, Тохтамыш разослал во все стороны гонцов, которые должны были говорить во всех аулах и кочевьях: «В Дешт-и-Кипчак идет Хромой Тимур с войском, закованным в железо. Он никого не оставляет в живых. Его воины отбирают скот, забирают жен и детей. Уходите с дороги жестокого эмира, бегите кто куда может. Джигиты же, способные держать оружие, пусть садятся на коней и отправляются к тому месту, какое им укажут старейшины рода».

Золотая Орда готовилась встретить Хромого Тимура. Со всех сторон, напуганные приближением врага, собирались под знамя Тохтамыша мужчины из родов, кочевавших на просторах Дешт-и-Кипчак. Вскоре у Тохтамыша оказалось огромное войско. Прибыли и наемные полки от генуэзцев Крыма и от буртасов Кавказа.

Тохтамышу было хорошо известно, что Хромой Тимур всегда доводит задуманное до конца. Поэтому следовало думать только о борьбе с ним, но невольно взор хана с тревогой постоянно обращался в сторону русских княжеств. Не ударят ли те в спину, пока он будет готовиться к битве с Тимуром? Тохтамыш хорошо понимал, что поход его на Русь не принес желанных результатов — он не покорил и не напугал русских. Этот народ креп день ото дня, хотя полного мира все еще не было между его князьями. Русские напоминали тетиву лука: сколько ни тяни ее, стоит лишь отпустить руку — она вновь со звоном возвращается в прежнее положение.

Чтобы обезопасить себя хотя бы частично, хан срочно отправил на Русь посольство со щедрыми обещаниями тверскому князю Михаилу Александровичу и рязанскому Олегу. Он клялся, что как только победит Хромого Тимура, тотчас же двинется в их земли и поможет князьям разделаться с Москвой. Цель посольства была одна — поссорить князей, не дать им объединиться в трудное для Орды время.

А время приближалось действительно трудное. Уже триста тысяч воинов было под рукой у Тохтамыша, а беспокойство не оставляло хана. Во главе тысяч и туменов поставил хан известных во всей Дешт-и Кипчак батыров: Кенжанбая, Караходжу, Уака, Шуака, родного брата беглого Едиге — Исабека и многих других. Среди них были бывший правитель Хорезма Сулеймен Софы, монголы Урусшик, Ак Буги, Коке Буги, потомки Джучи — Тастемир, Бекболат, Елжимыш, Шинте-оглан.

В войске Тохтамыша преобладала конница. Пехоты было всего десять полков. И поэтому, обдумывая предстоящую битву, хан решил использовать против Тимура, у которого было много пеших воинов, кипчакскую конницу.

Имея превосходство в численности, Тохтамыш все же побаивался сразу же вступать в сражение с эмиром. Непонятная робость, граничащая со страхом, заставила выбрать иной способ. Хан решил нападать на войско Тимура небольшими силами, постоянно беспокоить, не давать ему идти выбранным путем. И только когда от непрерывных засад, волнений и настороженности воины эмира обессилеют, дать Тимуру решающее сражение. Стремительная конница должна была нападать на войско Тимура и с флангов, и с тыла. Хочет того эмир или нет, но ему придется отбиваться от нападающих и жалящих, подобно осам, стремительных кочевников. Находясь далеко от своих владений, Тимур не сможет восполнить потери ни в людях, ни в лошадях.

Так думал и так надеялся поступать Тохтамыш. Хорошо зная о том, каким количеством воинов располагать эмир, хан переправился с двухсоттысячным войс-

ком через Итиль.

Необъяснимое беспокойство теперь не покидало его ни днем, ни ночью. Неуверенный в исходе предстоящих сражений, Тохтамыш оставил в Сарае, под предводительством сыновей Жалелэддина, Кунчека и Жапарберды, десять пеших полков и пятьдесят тысяч всадников. Еще пятьдесят тысяч воинов предстояло им собрать и держать в готовности, пока не потребуются они Тохтамышу.

На второй день после переправы через Итиль к Тохтамышу пришли джигиты Каникей и Тиникей, бежавшие от Хромого Тимура. От них узнал хан о количестве воинов у эмира, о пути, которым они идут. Беглецы сказали, что войску Тимура не хватает продовольствия, и оно вынуждено устраивать охоты, чтобы добыть мяса.

Услышанное от джигитов еще раз убедило Тохтамыша, что он выбрал правильную тактику. Следовало как можно дольше уклоняться от битвы. Время помогало хану.

Тохтамыш, даже ненавидя Тимура, признавал его талант полководца. И потому, подобно эмиру, разделил свое войско на семь частей. Он не подумал о том, что слепое подражание никогда не приносит успеха. Тимур готовил войско более года, и все его семь частей были прочно связаны друг с другом и всегда знали, что надлежит им делать в любой обстановке. Кроме того, эмир совершенно изменил правила ведения боя для пеших полков. Помимо традиционных копьев и луков, пешие воины теперь использовали ограждения — шапары, пороховые заряды. Перед боем с той стороны, с которой ожидался противник, рылся глубокий, недоступный для конницы ров. По замыслу Тимура, пешие полки должны были первыми принимать на себя удар. Ежели же враг поступал иначе, тогда в дело вступала конница и в конце концов все-таки выманивала его и подставляла под удар пеших полков.

После долгих размышлений Тохтамыш решил дать сражение эмиру подальше от Сарая, выбрав для этого ровный участок степи, где бы могла бы развернуться и использовать все свои преимущества конница. Поэтому он решил сразу не искать встречи с Хромым Тимуром, а увести его за собой в глубь Дешт-и-Кипчак и только тогда...

Эмир не располагал точными сведениями, куда повел свои тумены хан, но опыт и чутье помогали ему угадывать направление. Осторожно и неторопливо двигался он вперед. Однажды на рассвете его разведчики, переправившись через Тобол, увидели следы недавно покинутой стоянки — даже угли в кострище были еще теплые. А через некоторое время наткнулись на одинокую юрту, хозяин которой не успел откочевать. Он ничего не смог рассказать о войске Тохтамыша, но, желая спасти свою жизнь, указал на небольшую березовую рощицу в низине, где скрывались десять всадников из войска хана.

Неожиданно напав на золотоордынских воинов, разведчики Тимура троих пленили, скрутили им руки волосяными веревками, остальных же просто перебили, потому что закон войны не позволял им щадить врагов.

Теперь Хромой Тимур знал довольно много о передвижении войска врага. Он переправился через Тобол и повел свои тумены в сторону Яика. Понимая, что его нынешний поход из-за безбрежности просторов кипчакских степей не похож ни на один из прежних, и что здесь промедление может обернуться очень быстро поражением, эмир спешил. И тем не менее в эти дни он был, как никогда, осторожным. Выслушав совет Темир-Кутлука, что полноводный Яик лучше всего преодолеть через броды Айгыржал, Буркитши и Кшисал, Тимур неожиданно приказал своему войску подняться в верховья реки и перейти ее там, где наверняка его никто не мог ожидать.

После бегства воинов Едиге эмиру было ясно, что хан хорошо осведомлен о

количестве его войска, о трудностях с продовольствием, поэтому, переправившись через Яик, ускорил движение своих туменов, насколько это было можно, и уже через шесть дней достиг реки Самары.

Враг был где-то рядом, но по-прежнему оставался недосягаемым. По степи рыскали его сторожевые коршуны, сбивались с караулами Тимура в коротких стычках и снова исчезали, словно тонули в сивом степном мареве. Войско эмира было постоянно в боевой готовности. Конные отряды рассыпались по степи в поисках основных сил врага, но кроме сообщений, что еще вчера они были там-то и там-то, ничего, стоящего внимания, не могли донести Тимуру. Теперь и он хорошо понимал замысел Тохтамыша, рассчитанный на то, что войско Мавераннахра будет измотано бесцельным долгим походом по землям Орды. Лето подходило к концу, и, в случае если эмиру не удастся вынудить хана принять сражение, его войску придется срочно возвращаться назад. Осенние дожди и холода, неудача отнимут у воинов силы и сделают их легкой добычей того, кто станет их преследовать. А Тохтамыш обязательно поступит именно так. Поэтому следовало принять какое-то решение, которое позволило бы взять инициативу в свои руки или же срочно поворачивать свои тумены в обратную сторону, пока это еще не поздно.

После долгих раздумий Хромой Тимур приказал мирзе Омаршейху взять двадцать тысяч воинов и на самых быстрых конях день и ночь гнаться за главными силами Тохтамыша, а настигнув их, завязать бой и постараться не дать им уйти. Омаршейх справился с поручением эмира. Авангард золотоордынского хана был остановлен. Тохтамышу ничего не оставалось, как повернуть лицо к настигшему его Хромому Тимуру. Разбитое на семь кулов — корпусов войско эмира быстро достигло долины речки Кундурчи — притока Черемшана[1] и начало спешно готовиться к решающей — битве.

С наступлением ночи тысячи костров загорелись в лагере Тимура. Под черным безлунным небом от одного края земли до другого, похожие на волчьи глаза, мерцали они тускло и холодно, будя в сердцах золотоордынских воинов недобрые предчувствия...

[1] Река Кундурча находится на территории Куйбышевской области.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

IV

Пылали костры и в стане Хромого Тимура, и в стане Тохтамыша... Для многих воинов это были последние костры в их жизни. Согретые нежным мягким теплом, они не хотели думать об этом. По существующей традиции, накануне битвы повелители одарили своих воинов подарками. И пусть пустячными были они, но каждый воин верил, что завтра он до отказа набьет свои переметные сумы добычей, отнятой у врага. О смерти не думал никто, и никто не выказывал страха, надеясь, что именно к нему судьба будет более благосклонна, чем к другому. Сегодня, накануне битвы, десятники, сотники, тысяцкие и предводитель туменов в войске Тимура примеряли подаренные им эмирам шелковые халаты, отделанные серебром пояса, бархатные тюбетейки и железные кольчуги. Их противники из лагеря Тохтамыша любовались бориками, отороченными мехом выдры, дорогими поясами и кинжалами, выкованными из знаменитой шамской стали.

Битва, еще не начатая, уже шла. Ровно в полночь вдруг потухли в лагере Тимура все до одного костры. И было в этом что-то загадочное, необъяснимое. Ночная тьма скрывала то, что делалось там, и даже высланные вперед разведчики ничего не могли рассмотреть сквозь заградительные щиты — шопары. Эмир знал, что непонятное тревожит, отнимает покой, мешает уверенности. Он не предпринял никаких действий, а просто велел воинам ложиться спать, но, поступив так, Тимур был уверен, что многие в лагере Тохтамыша, обеспокоенные непонятным, уснут не скоро.

Еще далеко было до рассвета, а воины в двух лагерях уже не спали. Наскоро поев холодную, приготовленную еще с вечера пищу, они начали занимать отведенные им места.

И когда над краем земли блеснули первые золотые мечи солнца, войско Тохтамыша и войско Тимура были готовы к битве. С вершины плоской сопки смотрел эмир на пространство, на котором скоро сойдутся сотни тысяч людей, чтобы убивать друг друга. Настал заветный час, когда должно было решиться, кто же является избранником судьбы и аллаха — он, Тимур, или золотоордынский хан Тохтамыш.

Еще раз сощурившись, окинул эмир взглядом свои пешие полки и конные тумены. Военачальники хорошо и точно выполнили все приказы, полученные накануне. В центре войска стоял кул Тимура, над которым сегодня главенствовал мирза Сулейманшах. За ним стоял второй кул эмира, власть над которым он отдал мирзе Мухаммед Султану, а рядом с ним находилось несколько кошунов, которыми мог распорядиться только сам Хромой Тимур. Во главе правого крыла стоял мирза Мираншах. Его прикрывал кул хаджи Сейфаддина. Левое крыло войска эмир поручил мирзе Омаршейху и для прикрытия дал кул под командованием Бердибека. Однако в случае какой-нибудь неожиданности Бердибек должен был прикрыть центр войска.

Все шло так, как этого хотел Хромой Тимур. Хотя воинов у него было на пятьдесят тысяч меньше, чем у Тохтамыша, эмир не испытывал робости: он привык к победам.

Казалось бы, все мысли Тимура должны быть в это утро заняты только предстоящей битвой, но помимо его воли лезли в голову воспоминания, мешали сосредоточиться. Ему вдруг вспомнилось, как привели к нему трех воинов-золотоордынцев, захваченных в короткой схватке между головными отрядами. Двое из них предпочли умереть, но не стали ничего рассказывать о войске Тохтамыша. Эмир приказал своим нукерам исполнить их последнюю волю, а когда головы упрямцев покатились по земле, сказал третьему воину, молодому джигиту:

— Расскажи нам, сколько воинов у Тохтамыша и кому из эмиров доверил он свои тумены и тысячи. Расскажи все, что знаешь... Иначе тебя постигнет участь твоих товарищей.

Воин не испугался. Но не это удивило Хромого Тимура. Непривычным было другое: не испытав страха, тот рассказал обо всем, что интересовало эмира.

— Вчера мы видели холодные кострища, оставшиеся от ночевки целого тумена,— сказал Тимур.— Почему же хан все время приказывает своим туменам отступать? Он боится нас или не верит в свою победу?

Воин отрицательно покачал головой.

— Нет, сказал он.— Тохтамыш смел и решителен...— В голосе зазвучал скрытый вызов.— Неужели вы, являясь эмиром, до сих пор не разгадали его замысла? Хану хорошо известно, что ваши воины давно не наедаются досыта. И чем больше пройдет дней, тем меньше сил останется у них. Разве не лучше дождаться этого часа, чем ввязываться в битву с сильным врагом?

Воин дерзил, но Тимур не спешил с расправой.

— Прежде чем ты умрешь, я хотел бы спросить тебя еще вот о чем... Почему, не испытав страха, ты тем не менее рассказал мне то, что не должен был рассказывать?

Не опуская глаз, воин смотрел прямо в глаза эмиру:

— Вы уверены, что я раскрыл тайну, но я только рассказал правду... И без меня бы это скоро стало бы известно всем. Достойно ли эмиру задавать вопросы, ответы на которые он легко мог бы найти сам...— Снова в голосе его сквозила насмешка, и он вдруг перешел на «ты».— Рассказывая правду, я надеялся, что, быть может ты повернешь свои тумены и тем самым спасешь жизнь тысячам воинов, бездумно следующих за тобой. Но сейчас я вижу, что лицо твое по-прежнему решительно, и ты не остановишься перед кровопролитием ради своей славы. Жалость недоступна великим...

И сейчас, накануне битвы, вспомнив плененного воина, Тимур усмехнулся. Он действительно ни к кому никогда не испытывал жалости и ценил человеческую кровь не дороже простой воды из ручья. Вдруг в памяти отчетливо встало прошлое, такое далекое и, казалось бы, совсем позабытое.

Это было в Тавризе... Утопив город в крови в назидание тем, кто осмелился не покориться ему, Хромой Тимур велел на главной площади города насыпать курган из отрубленных человеческих голов. Слух о его жестокости разлетелся по ближним и дальним землям, леденя человеческую кровь и повергая души в смятение. И тогда подошел к эмиру старик Сейтшейх, известный своей мудростью и ученостью. Он случайно уцелел в резне, устроенной воинами эмира. Старик сказал:

— Пять моих сыновей погибли, поднявшись против тебя... Головы их сейчас там, на площади...

— Ты что, хочешь получить за них выкуп? — спросил Тимур.

— Нет. Мне не нужен твой выкуп. Нет такой цены, которая была бы равна бесценной человеческой жизни... Я пришел для другого... Хочу понять, что ты за человек.

— Попробуй... Я разрешаю, спроси...

Старик поднял свое морщинистое лицо. В выцветших от долгих лет глазах его были боль и печаль.

— Ответь мне... Для чего ты ведешь бесконечные войны?

— Я хочу, чтобы Мавераннахр стал могучим государством.

— Если ты думаешь о Мавераннахре, то зачем ты пришел в Иран?

— Если я не покорю сильного соседа, то наступит такое время, когда он покорит меня.

— Пусть будет так... — согласился старик.— Но какое отношение имеет величие Мавераннахра к кургану человеческих голов на площади?

— Каждого, что выступит против моих замыслов и обнажит меч, чтобы встать на моем пути, постигнет эта участь... Кто может, тот пусть увидит содеянное мною, другим об этом расскажет людская молва...

— Я понял тебя... Но ведь человек — творение бога, и его надлежит жалеть...

— Человека сотворил аллах, но жалости он недостоин... Человек человеку — волк...

— Выходит, что и ты зверь? — старик выжидательно замолчал.

Лицо Хромого Тимура окаменело, зрачки сузились. Он начал говорить тихо, но с каждой секундой голос его набирал силу, становился громче, пронзительнее:

— Ты дерзок, старик! И слишком много хочешь знать! Страх движет людьми. Он толкает людей на отчаянные поступки, он же отнимает последние силы и делает их рабами... Я заставлю людей дрожать при одном упоминании моего имени!.. Человек хорошо запоминает только плохое, а потому мое имя будет жить века!..

Сейтшейх покачал головой:

— Выходит, что сам всевышний несправедлив.

Тимур перебил:

— Ты хочешь обвинить аллаха в несправедливости только за то, что он создал вас слабыми, а меня сильным?

— Нет, эмир, я думаю совсем о другом. Для чего было всевышнему делать человека глупым...

— Что ты знаешь о человеческой глупости?! — презрительно бросил эмир.

— Никому не дано знать все... Но только для чего умному помнить имя злодея? Для чего передавать это имя потомкам? Человек несет в себе жизнь, и запоминать он должен только тех, кто умел созидать, умел быть справедливым. Ни один народ не смеет возвышаться за счет гибели другого народа. Имя жестокосердого правителя должно умирать вместе с ним, чтобы другие не соблазнялись прославиться точно так же. И когда такое случится, ради славы своей люди не станут воздвигать курганы из человеческих голов, а построят новые города и дворцы... Ты можешь казнить меня, эмир, но я не боюсь сказать тебе в глаза, что зверь не вправе носить имя человека.

Нет, не к месту пришли сегодня воспоминания. Хромой Тимур поморщился. Он знал: наступит срок, и он покинет землю, как это происходит со всеми живущими и жившими на ней. Подобно Чингиз-хану, он мечтал создать сильное, могучее государство. Ради этого он разграбил и разорил Иран и Ирак, сровнял с землею Ургенч... а через какой-то миг отдаст приказ, и сотни тысяч воинов ринутся на золотоордынское войско, чтобы превратить когда-то могучую Орду в своего вассала. На земле не должно быть двух правителей, равных по славе и могуществу. Только ему, Тимуру, предначертано это судьбой, и ему покровительствует всевышний. Ради этого стоило жить и не щадить тех, чьими руками он непременно покорит мир.

Странные, необъяснимые вещи происходят в жизни. Все знают, что эмир жесток, и все-таки находятся такие люди, которые не боятся его и даже под страхом смерти говорят всю правду. Отчего это? Тимур искал ответа и не находил. Потом вдруг мелькнула спасительная мысль, и он с радостью ухватился за нее. Все дело, видимо, в том, что он недостаточно жесток. Кровь до этой поры лилась ручьями, теперь она должна литься рекою. На всей земле не должно остаться ни одного человека, который бы не боялся его. И, успокоившись, Тимур вдруг подумал, что не остановится ни перед чем, ради того чтобы осуществить задуманное...

Спешившись и бросив повод коня подбежавшему нукеру, Тимур подошел к своему шатру, где ждал его Саид-Берке — главный ишан войска. Опустившись на разостланный на земле коврик, эмир совершил утренний намаз. Неторопливо поднявшись с колен, он еще раз окинул взглядом свое войско. В отдалении, на равнине, подобно грозовой туче, стояло войско Тохтамыша.

— Пора,— сказал Тимур.— Пусть шейх прочтет нам напутственную молитву.

Саид-Берке склонился в почтительном поклоне. Потом поднял голову, и красивое смуглое лицо его с редкой седой бородой сделалось вдруг торжественным. Он вскинул к небу руки, и находящиеся у шатра военачальники и приближенные эмира опустились на одно колено, повернувшись лицом в сторону Мекки, в сторону священного камня Кааба.

— Слушайте, мусульмане! На небе аллах, на земле эмир Тимур... Коль бог захочет покарать осмелившихся поднять на вас руку, то эмир Тимур, выполняя его волю, уничтожит их своим карающим мечом. О аллах! Помоги сыновьям своим! Пусть и на этот раз победит наш повелитель эмир Тимур! Пусть без меры растет его слава! Аминь!

Шейх провел ладонями по лицу, потом, наклонившись, взял с земли горсть песка и бросил его в сторону золотоордынского войска.

— Великий эмир Тимур, ты можешь начинать битву. Враг твой рассыплется, словно брошенный мною песок, и ты победишь...

— Аминь! — сказал Хромой Тимур, и нестройными голосами повторили за ним это слово все, кто стоял рядом.— Пусть случится так, как ты сказал, шейх.

Отсюда, с вершины холма, эмиру было хорошо видно, что в войске Тохтамыша тоже возносят молитву аллаху и просят у него победы. Губы его тронула злая усмешка. Он взобрался в седло и властным жестом вскинул вверх руку. Тимур знал: за каждым его движением следят сейчас тысячи глаз и те, кому посчастливится уцелеть в нынешнем сражении, запомнят эмира навсегда. Повинуясь немому приказу Тимура, взревели карнаи, застучали барабаны. И тотчас же, словно эхо, донеслись такие же звуки из стана Тохтамыша.

Пришли в движение тумены. Живая река всадников, обтекая холм, пока еще медленно, словно копя силы, двинулась в сторону противника. Тимур хорошо знал, что, чем бы ни закончилась битва, остановить этот поток уже нельзя. Он будет сметать все на своем пути и или поглотит войско Тохтамыша, или же разобьется о него, как о скалу.

Ревели карнаи, и зеленое знамя с белой бахромой развевалось над головой Тимура, шли и шли бесчисленные тумены, посверкивая острыми жалами копий, призывно и тревожно ржали кони, храпели, пытались встать на дыбы, но сильные руки воинов усмиряли их страх. Идущие на битву подбадривали себя гортанными криками.

Пришло в движение и войско Тохтамыша. Насколько хватал глаз во все стороны света, земля шевелилась, как огромный муравейник, и временами казалось, что не вместит она всех, кто пришел сегодня сюда на битву. Почти полмиллиона воинов устремились в долину реки Кундурчи.

Все уже становилось полоска, разделяющая два великих войска. Тимур подал знак, и над степью прокатился страшный гул, блеснули снопы огня, и в небо поднялись белые клубы дыма — это ударили громобросающие орудия, которые эмир захватил в Иране.

Пронзительно заржали кони, но живую лавину уже ничем нельзя было остановить. Задние напирали на передних и толкали вперед, навстречу смерти.

Первыми не выдерживали напряжения золотоордынцы. Отряды Елжегиш-оглана и Кенжанбая с диким воем бросились вперед, взметнув над головами кривые сабли.

Резко остановились пешие полки Тимура. Словно порыв ветра пронесся над ними, и лес копий наклонился в сторону скачущей конницы — полки ощетинились острыми блестящими жалами.

Но Тохтамыш не собирался бросать своих воинов на верную гибель. Его отряды, не соприкоснувшись с пешими полками, вдруг повернув коней, ударили по левому и правому крылу войска Тимура.

С треском, словно сухие ветки, ломались древки копий, звенело железо, и от его ударов сыпались искры. Желтая, удушливая пыль поднялась к небу, закрыв от глаз аллаха сражающиеся тумены. И со стороны Тимура, и со стороны Тохтамыша во главе их шли предводители и прославленные батыры, показывая своим воинам пример мужества и доблести.

Равнина, выбранная для битвы, была огромна. Здесь беспрепятственно могла маневрировать конница, легко уходить от удара и так же легко наносить его в новом месте.

Прошло совсем немного времени, и войско Тохтамыша, потеряв строй, начало сражаться так, как оно привыкло: разбившись на отдельные отряды, воины наносили короткие стремительные удары, но существенного урона туменам и пешим полкам Тимура это не приносило. Приученное к строгой дисциплине, разделенное на семь частей — кулов, войско эмира легко отражало все атаки. Медленно, но упорно продолжало оно теснить войско хана, оставляя за собой пространство, усеянное трупами.

Красный глаз солнца, едва видный в облаках пыли, остановился над головами сражающихся, а ни одна, ни другая сторона еще так и не добилась существенного перевеса. Казалось, что битве не будет конца.

И в это время примчался к Тимуру гонец с вестью, что воинам Тохтамыша удалось зайти в тыл Омаршейху — предводителю левого крыла.

— Пусть стоит насмерть! — коротко сказал эмир.— Я пошлю ему на помощь тумен.

Тимур знал, что после его слов ни мирза, ни один из его воинов не отступят, даже если небо упадет им на голову.

И, желая склонить чашу весов на свою сторону, Хромой Тимур отдал приказ Сулейманшаху ударить свежими конными полками по потерявшему свою монолитность центру войска Тохтамыша.

Эмир не ошибся в расчетах.

Стоило лишь центральной части войска Тохтамыша дрогнуть под ударом воинов Сейфаддина, как попятились, потянулись за ним и левое, и правое крыло.

Счастье на поле битвы изменчиво. У Тохтамыша еще не было достаточно свежих, не уставших в сражении воинов. И потому он приказал эмиру Исабеку, взяв часть из них, ударить по левому крылу войска Тимура. Сошлись две знаменитые конницы — кипчакская и туркменская, но поскольку мужество и ратное умение были у них равными, ни одна из сторон не смогла пересилить другую.

Сражению, казалось не будет конца. Если в одном месте начинало одолевать золотоордынское войско, то на другом теснили противника воины Тимура. Силы у обоих сторон были на исходе. Обезумевшие от усталости, измученные жаж-

дой, с красными, слезящимися от едкой пыли глазами, люди продолжали убивать друг друга, моля судьбу и аллаха послать им хотя бы какое-то избавление. Но судьба не спешила вмешиваться, а аллах, слепой от пыли, затмившей небо, обратил свой взор в иные края и земли.

И в этот миг произошло то, чего никто не ожидал.

— Великий эмир! — крикнул один из нукеров.— В нашу сторону движутся неизвестные всадники!

Тимур некоторое время еще продолжал следить за битвой, потом неохотно обернулся:

— Где?

— Вон! — нукер указал рукой назад.

С вершины холма хорошо было видно облако пыли, поднятое скачущими всадниками. Оно словно катилось по открытой степи в сторону ставки.

Тимур не ждал никого, поэтому сразу понял, что это вражеский отряд.

Лицо эмира заострилось, ноздри носа хищно затрепетали.

— Останови дерзких!

Большое облако приближалось. Уже можно было легко рассмотреть, что в отряде около пятисот всадников и впереди них на темно-сером жеребце скачет воин богатырского сложения.

Тимур увидел, как предводитель обернулся к воинам, и вверх взметнулись, блеснув крошечными молниями, кривые клинки.

Сомнений не было — Тохтамыш перехитрил его. Он заслал в тыл отряд, чтобы тот ударил по ставке эмира и посеял панику и страх в войске Мавераннахра.

Рассыпавшись по степи, густой лавой неслись навстречу нападающим телохранители Тимура. Два отряда сшиблись. Замелькали сабли, словно в водовороте закрутились на одном месте кони. И даже здесь, на вершине холма, стали слышны лязг железа и хриплые, яростные крики воинов.

На миг Тимур забыл о главном сражении. Подавшись всем телом вперед, опершись двумя руками на луку седла, он следил за тем, что делалось внизу.

Опытный глаз эмира вдруг заметил — там что-то произошло. А совсем скоро стало ясно, что его телохранители отступают. Видимо, ярость нападающих была сильнее их ярости.

Тимур скрипнул зубами. И страх, еще далекий, неясный, шершавой ладонью тронул сердце. Пройдет немного времени, и нападающие могут оказаться здесь. Погибнуть или быть плененным, когда победа уже почти в твоих руках, было верхом несправедливости.

Кто-то из стоящих рядом крикнул:

— Нападающих ведет Исабек!

«Исабек... Исабек...» — мелькнуло в сознании эмира. Где-то и когда-то он уже слышал это имя.

Тимур оглянулся. Надо было принимать какое-то решение. У него было еще достаточно войска, но все отряды находились неблизко от ставки, и если нападающие сомнут телохранителей, то никто не успеет прийти на помощь.

На мгновение появилось желание хлестнуть коня и, пока не поздно мчаться в безопасное место, под защиту стоящих в запасе туменов. Но тотчас мелькнула мысль, что бегство его сразу заметят и погаснет мужество его воинов. Как может приказывать повелитель сражаться своему войску до последнего, если он сам при первой опасности бежит с поля битвы?

— Едиге, Едиге!..— выдохнул кто-то за спиной эмира.

Тимур привстал на стременах. Из-за невысоких увалов вырвался большой отряд конников и помчался прямо к месту схватки золотоордынцев и нукеров.

Да, это был Едиге со своими джигитами. Кто успел предупредить его об опасности, нависшей над ставкой, сейчас не время было думать. Главное — он шел на помощь.

Припав к гриве коня, вырвавшись далеко вперед, мчался на врагов Едиге. Золотоордынцы заметили опасность и, повернув коней, перестав преследовать нукеров, устремились навстречу ему. И здесь впереди мчался предводитель — богатырского сложения воин, которого кто-то из приближенных эмира назвал Исабеком.

Тимур вдруг вспомнил, где он слышал имя батыра. Исабек был старшим братом Едиге. Когда тот ушел от Тохтамыша, он не покинул хана.

Расстояние между братьями сокращалось. В руке Едиге поблескивала сабля, а Исабек прижимал к правому бедру древко копья.

Глаза Тимура блестели. Неужели же два брата, вскормленные молоком одной матери, убьют друг друга? Неужели так велика их преданность своим повелителям, что даже узы крови ничего не значат для них? Какую цель надо поставить перед собой, о каком счастье мечтать, чтобы, не дрогнув поднять руку на брата?

Лихорадочные, быстрые мысли мелькали в голове эмира. Выходит, напрасно не доверял он Едиге. Человек, способный убить родного брата, оказавшегося в чужом стане, ради победы своего повелителя, достоин всякого уважения и почестей. Пусть же это свершится, и тогда...

Расстояние между братьями сокращалось. Эмир привстал на стременах, затаил дыхание. Сейчас Едиге взмахнет саблей и обрушит ее на голову Исабека или, быть может, тот окажется более ловким и первым проткнет Едиге острым жалом копья?

То, что увидел Тимур было для него неожиданным: братья промчались мимо друг друга, почти коснувшись стременами. Сабля Едиге обрушилась на головы ханских воинов; Исабек, ловко увертываясь от ударов, разил копьем нукеров Тимура.

Эмир презрительно отвернулся от происходящего и снова стал следить за битвой в долине реки Кундурчи. И по центру, и справа, и слева его кулы одолевали войско Тохтамыша. Теперь он был твердо уверен, что судьба благосклонна к нему. Долгожданная победа, о которой он думал много лет, была близка. Но, странное дело, радость, которая должна была захлестнуть его, почему-то не приходила.

Всплыл в памяти вдруг первый поход в Дешт-и-Кипчак... Давно это было... Услышав о приближении туменов Тимура, аулы рода коныpат, кочевавшие по берегам реки Арысь, поднялись с насиженных мест и ушли на запад. Но случилось так, что никто не предупредил о надвигающейся беде хозяина одинокой юрты, затерянной в степи.

Первой увидела приближающегося врага женщина. Она посадила на коня впереди себя братишку, позади сестренку, поцеловала маленького сына, крикнула спящему мужу, что идет враг, и, нахлестывая коня, умчалась в степь.

Воины поймали женщину и привели ее к Тимуру.

— Почему ты убежала не с мужем и сыном, а с братом и сестрой? — спросил он.

— Потому,— ответила она,— что, если твои воины убьют мужа, я найду другого. Если погибнет сын, я рожу еще одного. Ежели погибнут брат и сестра, то кто будет на свете более одиноким, чем я, ведь отец и мать мои давно умерли?

Сказанное женщиной понравилось Хромому Тимуру. Он велел не трогать ее юрту, не убивать мужа, не отнимать скот.

Не оттого ли Едиге и Исабек не захотели поднять друг на друга руку? Тимур понимал, что родство по крови дорого черному люду, но для чего оно мирзам, биям и батырам? Им оно может только помешать. В свое время хан Джанибек не пощадил на поле брани своего брата Танибека. Для потомков великого Чингиз-хана жажда власти всегда была превыше родственных уз. Верно

говорят в народе, что у камня нет корней, а у туре-чингизида — родственников. Впрочем, Едиге-то как раз из простых... Странно устроен человек. Он сам вспугивает птицу счастья, которая собирается сесть на его плечо. Если бы Едиге расправился с братом и показал, что готов отдать жизнь за него, Тимура, разве бы эмир не осчастливил батыра? Все бы мог дать ему Тимур, разве что не смог бы сделать ханом Золотой Орды, ведь он не потомок Чингиз-хана, как и сам эмир.

За сладкое платят сладким. Для того, чтобы возвысить человека или сделать другом, мало его преданности. Надо еще, чтобы он так же, как и ты ненавидел врага и еще чтобы враг был у вас общим...

Семь кулов Хромого Тимура, несмотря на то что потеряли много воинов и ряды их поредели, железной подковой стискивали золотоордынское войско. Для отступления ему был открыт путь лишь на запад.

И, видя, что битва проиграна, Тохтамыш вновь допустил ошибку, за которую заплатят своими жизнями десятки тысяч воинов. У него была возможность, собрав войско в кулак, ударить по левому крылу Тимура и, прорвавшись сквозь его тумены, уйти в лесистые земли булгар, но он не решался на это, потому что не верил недавно покоренным булгарам и боялся, что они попытаются отомстить, набросившись на остатки его разгромленного войска.

Продолжая сражаться, его тумены, потерявшие порядок и строй, поспешно отступали в сторону Итиля. Это был конец. Когда уже не осталось земли, чтобы продолжать битву, золотоордынские воины начали бросаться в воду Итиля. И позади всех, ухватившись за гриву своего коня, плыл хан Тохтамыш.

Жестокое поражение потерпел хан Золотой Орды. Более ста тысяч воинов потерял он в битве, бросив их тела на съедение хищным зверям и птицам в междуречье Кундурчи и Итиля. Немало золотоордынцев нашло свой конец в водах могучей реки. С туменами, потерявшими почти половину своих воинов, поспешно уходил Тохтамыш подальше от места своего позора.

Приближалась осень. Ветры были еще нестуденые, и дожди оставались теплыми, но следовало спешить, вовремя убраться из Дешт-и-Кипчак в пределы благословенного Мавераннахра, где никогда не бывает суровых зим, и потому Тимур, дав отдых воинам, похоронив павших в битве, повернул голову своего коня в сторону родных мест.

Огромную добычу взял Хромой Тимур. Каждый воин из пеших полков получил по десять — двадцать лошадей, всадники же взяли по сто и более коней. За уходящим в свои пределы войском под охраной специальных отрядов, рабы гнали бесконечные стада баранов.

Особенно велика была добыча самого Тимура и его военачальников. Более пяти тысяч юношей и девушек, сделав их рабами, взял себе эмир.

Войско его, опьяненное победой, грабило по пути аулы кочевников. Никто не знал пощады и не получал снисхождения. Воины Тимура отбирали у степняков их жилища — кутерме, которые, не разбирая, можно было ставить на повозки. Неумолимой судьбой были для побежденных победители.

Разделив свое войско на три части, Тимур каждой из них указал направление движения, и разрешил им брать все, что они пожелают.

Аулы кочевников, ушедшие весной с пути, по которому следовал Тимур, не ожидали, что обратную дорогу он выберет именно здесь, где они считали себя в полной безопасности.

Подобно тому, как еще недавно воины Хромого Тимура устраивали в междуречье Тургая и Иргиза охоту на животных, устраивали они облавы на людей. Ни один встреченный на пути аул, ни один человек не знали пощады. Молодых забирали с собой, старых, за ненадобностью убивали. Тех же, кому удавалось спастись,

укрыться в степных балках, все равно ожидала смерть, потому что приближалась зима, и лишенные скота и крова люди не могли рассчитывать пережить суровую зиму. Кровью и слезами умывалась в эту осень желтая кипчакская степь.

Переправившись вброд через обмелевший Яик, Тимур вывел свое войско к Саурану, а оттуда через Отрар вернулся в Самарканд. Одиннадцать месяцев продолжался его поход, и эмир был теперь уверен, что Тохтамыш никогда не сможет больше стать сильным соперником в борьбе за власть.

На этот раз Тимур не торопился назначать на отнятые у Тохтамыша земли хана. И Едиге, и Темир-Кутлук, и Кунчек-оглан поняли, что эмир не нуждается в них и ни одному из них он не доверяет настолько, чтобы кого-нибудь сделать своим наместником. Поэтому они однажды пришли к Тимуру.

— Высокочтимый эмир Тимур! — от имени всех троих сказал Едиге.— У каждого из нас в землях Золотой Орды остались близкие. Наши роды по-прежнему кочуют там, но поскольку хану Тохтамышу удалось ускользнуть, кто знает не станет ли он мстить тем, кто узами родства связан с нами, вставшими под твое знамя. Разреши нам вернуться и, взяв с собой всех, кто пожелает, прийти под твою защиту...

Хромой Тимур легко разгадал хитрость батыров, но не подал вида. Для него они тоже были не страшны. Едва ли найдется такой народ, который захочет, чтобы его предводителями стали те, кто еще недавно вместе с врагом жег их жилища, насиловал женщин и угонял скот.

— Хорошо сказал эмир.— Но, быть может, вам для этого нужен отряд воинов?

— Нет,— возразил Едиге.— Мы думаем, что люди сами пойдут за нами...

— Пусть будет по-вашему... Идите в свои степи, но я буду ждать вашего скорого возвращения...

В эту же ночь, опасаясь что Тимур может передумать или замыслить коварный поступок, трое батыров исчезли из его ставки, уведя с собой его отряды. Потеряв веру в Тимура и понимая, что рассчитывать на него больше нечего, они больше не вернулись в его ставку. На короткое время появлялся здесь лишь Кунчек-оглан, но и тот очень скоро сбежал в родные степи. Все трое, воссоединившись со своими родами, ушли в места прежних кочевок — в причерноморские степи. Они понимали, что, пока жив Тохтамыш, и пока свежа в памяти людей их измена, начинать борьбу за власть бесполезно.

Тимура не огорчило исчезновение батыров. Земли Дешт-и-Кипчак были ему не нужны. Какой ему был прок от владения огромными просторами, где не было городов и где кочевали племена, единственным богатством которых был скот? Тимуру не нужны были пастбища, потому что, в отличие от великого Чингиз-хана, он правил оседлыми народами. Сейчас, когда Тохтамыш был смят, опасности со стороны степи не было. Она была занята междоусобной борьбой за земли и власть. Так было всегда, когда падал или подгнивал столп, на котором держался шатер Золотой Орды. Скоро такая борьба не кончится, потому что в степи свои законы и порядки, свое течение времени...

Поражение от Хромого Тимура потрясло Тохтамыша, но он не собирался покоряться судьбе. Подвластные земли его были огромны, и множество родов кочевало по их просторам. Вселяло надежду и то, что, Тимур не остался в Дешт-и-Кипчак, не посадил своего хана, а, одержав победу, ушел в свои пределы. Закаленный долгими годами борьбы за власть, знавший немало поражений в начале своего пути, Тохтамыш был полон сил и желания отомстить эмиру за пережитый позор и унижение. Снова стал собирать он войско и не позволил эмирам, биям и батырам разбежаться от подножья своего трона.

Еще недавно, уверенный в слабости своих западных соседей —русских и литовцев, хан теперь с тревогой смотрел в их сторону. Ему нужны были надежный, крепкий тыл и уверенность, что соседи не используют его временную слабость, не ударят в тот момент, когда он будет занят войною с Тимуром.

— Хотя и после поражения Тохтамыш по-прежнему имел большое войско, он знал, что на Руси многие князья попытаются поднять голову, потому что битый враг, если его даже побил другой, уже не кажется таким страшным и грозным, каким был прежде.

Неспроста, видимо, вдруг приехал именно в это время в Орду великий московский князь Василий Дмитриевич. И хотя внешне выглядело это так, что приехал он с поклоном, но на самом деле речи вел он смелые, а порой дерзкие, уговаривая хана не мешать ему взять под свою руку Нижегородско-Суздальское княжество. И, понимая, что тем самым он усиливает Москву, Тохтамыш скрепя сердце согласился с его требованиями. Сейчас мир с Русью был хану очень ему необходим.

Уладив дела с Московским княжеством, Тохтамыш послал своих послов в Краков, к польскому королю Ягелло — брату великого литовского князя Витовта. Уступив Москве, он боялся ее союза с Литвой. Там по-прежнему шли споры из-за пограничных земель. Хан дал Ягелло право на спорные земли, но при условии, что тот признает над собою главенство Орды и станет, как прежде, платить дань. Все складывалось так, как хотел Тохтамыш. Клин между Русью и Литвой был вбит.

Зная, что Тимур враг сильный, хан надеялся заручиться сильным союзником. Как и в прежние времена, когда дела по каким-либо причинам у Орды складывались не очень благоприятно (так было, например, когда боролась она против Кулагу при хане Берке), Тохтамыш отправил своих послов к египетскому султану ал-Малик аз Захиру Беркуку с предложением совместно выступить против Хромого Тимура. Эмир Мавераннахра в это время угрожал не только Орде, но, вступив в Иран, тем самым затрагивал интересы и Египта. Именно поэтому хан рассчитывал на благоприятный исход переговоров.

Проходил страх, накапливались силы, и все труднее становилось Тохтамышу удерживаться от искушения наконец-то выступить против своего главного врага — Хромого Тимура. Услышав, что эмир с войском находится в Северном Азербайджане, в городе Шеки, в год Собаки (1394) Тохтамыш двинул свои тумены к Дербенту и, миновав его, начал грабить города и селения Ширвана.

Тохтамыш верил в свою победу, и дух его был крепок. Не спеша продвигаясь вперед, он ждал, что предпримет Хромой Тимур в ответ на его дерзость.

И в это время произошли события, которые расстроили, взбесили хана. Недобрую весть доставил ему из Орды гонец.

Шли годы и Садат-бегим отвыкла от Едиге. Ее больше не волновали и не тревожили воспоминания о счастливых днях и тайных встречах. Не гасло, не тускнело от времени только желание отомстить батыру за пережитый позор. Только женщина может одинаково сильно любить и ненавидеть. Годы не смогли потушить тлеющий в душе, постоянно жгущий ее уголек. Пепел времени лишь укрыл его от постороннего взгляда.

Садат-бегим все еще чувствовала себя молодой. Да так и должно быть, потому что она была любимой женой хана и не хотела уступать своего первенства никому. Широкобедрая, с тонкой талией, она по-прежнему умела возбудить желания и заставить мужчину потерять разум. И только глаза, еще совсем недавно живые и блестящие, потускнели, и в глубине порой вспыхивали холодные недобрые искорки.

Мужчины, которым приходилось бывать в ауле ханум, как и прежде, с вожделением и сладострастием смотрели на Садат-бегим, но ни один из них не решался на поступок — они боялись гнева и мести Тохтамыша.

Но был в Орде человек, который не боялся ничего, потому что, любовь к Садат-бегим ослепила его и лишила разума. Услышав от нее приказ, он готов был на все, готов был, подобно ночной бабочке, броситься в огонь. Звали этого человека Дулатбек, и выполнял он в ауле ханум обязанности начальника стражи.

Дулатбеку едва перевалило за сорок. Был он высок ростом, смугл, сухощав, прекрасно владел саблей и соилом и считался смелым воином. Тохтамышу он принадлежал и душой и телом, много раз ходил с ним в походы и всегда сражался со своим повелителем стремя в стремя.

Тохтамыш не раз испытывал преданность и честность Дулатбека, а когда убедился в них, назначил начальником стражи, охраняющей аул любимой жены.

Но одного не учел хан — что мало проверить достоинства человека в битве. Совсем другим может оказаться этот человек, когда дело коснется чувств и наслаждений. Крепкий, как булат, в сражении, он может быть мягче шелка, когда к нему придет любовь. И, покоренный ею, он забудет о страхе, который должен испытывать перед своим повелителем, о долге и совести. Желание обладать любимой женщиной придаст ему сил и отчаяния, и батыр, не задумавшись, может броситься на острия копий.

Дулатбек был молчалив и суров на вид, но сердце его оказалось нежным и ранимым. И потому, улучив момент, он сказал о своих чувствах Садат-бегим.

Сощурив глаза, глядя на батыра, женщина спросила:

— Разве ты не боишься хана?

— Что я могу поделать со своим сердцем?!

Садат-бегим покачала головой и ничего не ответила Дулатбеку. Ханум ушла, но батыр видел, что слова, сказанные им, не рассердили ее. И от этого еще жарче, еще сильнее вспыхнула в его груди страсть. Своим молчанием женщина словно дала ему надежду.

Собираясь идти в поход против Тимура, Тохтамыш решил отправить Садат-бегим в Крым, к генуэзским купцам.

Под охраной отряда Дулатбека большой караван, нагруженный тюками с дорогими подарками для знатных людей Кафы, часто останавливаясь на дневки, чтобы не утомлять долгой дорогой Садат-бегим, отправился в Крым.

Правители города, купцы, мореходы с подобающими почестями встретили любимую жену хана. Каждый день в ее честь устраивались приемы. Хитрые генуэзцы умели угодить знатной гостье. Именно здесь, на главной площади Кафы, однажды судьба вновь свела Садат-бегим с Едиге.

Ханша сидела на высоком помосте, устланном цветистыми заморскими коврами, и смотрела, как юноша туркмен в лохматой белой папахе показывал собравшимся охоту дикого кота — каратала на голубей.

Садат-бегим слышала, что подобное развлечение устраивают в далеких восточных странах, но самой ей видеть не приходилось.

Юноше туркмену помогал мальчик в лохмотьях. Посреди площади он расыпал несколько горстей зерна и выпустил из деревянного ящика голубей.

Видимо, птиц давно не кормили, и они с жадностью начали склевывать зерна. И тогда наступила очередь юноши. Он сбросил с клетки прикрывающий ее платок и открыл дверцу. Мягко ступая широкими короткими лапами, из нее вышел песчано-желтый кот с ярко-зелеными пронзительными глазами. Ленивый и медлительный, он словно не замечал собравшихся вокруг людей. И вдруг короткие уши каратала насторожились, вздыбились на них черные кисточки, а зрачки сузились, и он припал к земле.

Зачарованно смотрела Садат-бегим, как еще недавно ленивый и медлительный зверек вдруг напрягся и, прижимаясь всем телом к земле, пополз в сторону клюющих зерно птиц. Толпа замерла. Каратал, казалось, не полз, а скользил по земле, слившись с ней.

Голуби словно почувствовали приближение опасности. Они перестали клевать зерно и тревожно крутили своими точеными головками, пытаясь понять, откуда исходит угроза. Вдруг они дружно сорвались с места и, громко хлопая крыльями, попытались взмыть в небо. Но было поздно. Словно желтая молния метнулась вслед за ними. В неправдоподобно высоком прыжке каратал достал одну из птиц и вместе с ней мягко, на все четыре лапы, упал на землю...

Собравшиеся ревели от восторга. Глаза Садат-бегим горели азартом. Она смотрела, как юноша туркмен, поймав каратала, запихивал его в клетку, а тот в ярости грыз его рукавицы из толстой, грубой кожи, и ей хотелось, чтобы все повторилось снова.

Краем глаза ханум видела, как расступилась, раскололась надвое толпа на площади, пропуская каких-то всадников. Все еще находясь под впечатлением увиденного, она равнодушно скользнула по ним взглядом и... вздрогнула. Во главе отряда воинов, одетых в тускло поблескивающие кольчуги, ехал Едиге.

Садат-бегим знала, что его род кочевал, где-то в этих краях, но о встрече с батыром не думала.

По-прежнему красивым и сильным был Едиге. Мерно ступал под ним могучий конь темной масти, а сам всадник сидел в отделанном серебром седле небрежно, чуть боком и равнодушно смотрел поверх голов расступающихся перед ним горожан.

Откуда было знать ханум, что за эти годы батыр добился многого. Придя сюда только с одним своим родом, он сумел объединить вокруг себя другие, более слабые, и теперь располагал немалыми силами.

Тохтамыш, занятый подготовкой к войне с Хромым Тимуром, словно забыл об изменнике и не пытался преследовать Едиге. Он знал, что батыр тщеславен. Но не боялся ни его, ни Темир-Кутлука, так как был уверен, что они не смогут противостоять ему. Важно было победить Тимура, а потом, когда освободятся руки, с изменниками расправиться не представляло особого труда.

Едиге же не терял времени даром. Где лестью, где подкупом, где силой склонял он на свою сторону предводителей мангытских родов и уже замышлял отделить от Орды причерноморские степи и Крым и стать их единовластным хозяином. Надо было только дождаться удобного момента, а что он наступит скоро, Едиге не сомневался: Тохтамыш снова искал встречи с Тимуром, да и русские княжества могли ударить ему в спину.

И на этот раз он приехал в Кафу с умыслом. У него были добрые отношения с правителями города, и Едиге надеялся договориться с ними о союзе против Тохтамыша.

Батыр знал о том, что в Кафе находится Садат-бегим, и даже хотел приказать, чтобы воины схватили ее и привезли к нему, но в последний момент передумал — не годилось устраивать шум в городе, с которым он искал дружбы, ведь ханская жена была гостем его правителей.

Но в удовольствии унизить Садат-бегим Едиге не смог себе отказать. Именно поэтому и появился он на площади, где было устроено зрелище.

Спокойный и величественный, проехал Едиге мимо помоста, на котором сидела Садат-бегим. И то, что он сделал вид, будто не заметил ее присутствия, было выражением неуважения не только к ней, но и к самому хану Золотой Орды. Все это видели собравшиеся, и именно так расценили они поступок батыра.

Чувство унижения захлестнуло Садат-бегим. На глазах выступили злые слезы. Потребовав коня, она торопливо покинула площадь. Гулко и яростно стучало сердце: «Месть! Месть! Месть!»

В этот же день пригласив к себе Дулатбека, Садат-бегим сказала ему прямо, не скрывая своего замысла:

— Если ты принесешь мне голову Едиге, то я соглашусь на то, чего ты хочешь.

— Хорошо,— не задумываясь ответил Дулатбек.— Если бы у Едиге была не одна, а сто голов, все равно они будут лежать у твоих ног. Я клянусь в этом...

Дулатбек, охваченный страстью, верил в свою силу и хитрость. Кроме того, он знал, что Едиге — враг Тохтамыша, а значит, и хан отблагодарит его за этот поступок.

Ловок и отважен был Дулатбек. Подобно ящерице, оставив своих воинов в степи, бесшумно пробрался в аул. Те, кому положено было охранять юрту Едиге, беспечно спали в стороне, растянувшись на еще не остывшей после дневного зноя земле. Тишина стояла над землей. Даже собаки не подавали голоса. В высоком небе перемигивались неяркие звезды, и луна, похожая на золотой щит, неподвижно висела на черном пологе ночи.

Осторожно отодвинув край кошмы, закрывающей вход, Дулатбек проскользнул в юрту и замер, сжимая в руке нож. Скоро глаза его начали различать предметы. В тусклом лунном свете, проникающем сквозь шанрак — отверстие в своде юрты, он увидел разостланную на полу постель и спящих Едиге и его молодую жену. Черные волосы женщины разметались по подушке, и оттого лицо ее казалось совсем белым. Рядом с ней, откинув с себя одеяло, спал, негромко всхрапывая Едиге.

Бесшумно ступая, Дулатбек прокрался к постели, наклонился, выставив вперед нож,— и тут же вскрикнул от неожиданности и боли. Ударом ноги Едиге выбил из его руки нож. Тонкой змейкой блеснуло другое лезвие, и Дулатбек без стона, пораженный в самое сердце, рухнул на землю.

Едиге вытер об одежду врага клинок и негромко засмеялся.

— Я ждал тебя, Дулатбек,— сказал он.— И ты пришел за своею смертью...

Едиге действительно ждал его. Еще день назад, возвращаясь из Кафы, он задержался на берегу неширокой, но бурной речки, отправив сопровождающих воинов вперед. Когда же стал переезжать реку вброд, конь замешкался на середине потока, и Едиге нечаянно оглянулся назад. Совсем близко, в негустом тальнике, стоял воин и смотрел в его сторону. Батыр легко узнал в воине Дулатбека. Он знал его по прежним походам и знал, что он верно служил Тохтамышу.

Все это было неспроста. Иначе зачем ему красться по следам? Если бы надо было убить Едиге, то лучше всего это можно сделать сейчас, когда он застрял посреди реки и не может ни ускакать, ни оказать сопротивления. Дулатбек хороший стрелок, и это не составило бы для него никакого труда — стрела не пролетела бы мимо цели. Значит, Садат-бегим потребовалась голова батыра, значит убийцу надо ждать ночью.

Едиге не ошибся и потому сделал все, чтобы никто не помешал нежданному гостю проникнуть к нему в юрту. Именно поэтому не лаяли в ауле собаки и стража беспечно спала, вместо того, чтобы беречь жизнь своего господина. Остальное батыр умел делать сам: и подолгу не спать, и быть проворным, и не промахнуться, когда надо отыскать сердце врага.

Утром Едиге нашел хуржун, припасенный Дулатбеком, и, положив туда его голову, приказал одному из джигитов быстро скакать в Кафу, отыскать там Садат-бегим и передать ей зловещий подарок.

Батыр понимал, что ярость женщины дошла до предела и больше нельзя было относиться к этому беззаботно, иначе неизвестно, чем все кончится. Потерпев неудачу, Садат-бегим могла придумать еще более изощренную месть. Поэтому он послал отряд смелых джигитов на тропу, по которой жена Тохтамыша вскоре должна была возвращаться в Орду.

Все случилось так, как хотел Едиге. Его воины перебили охрану, разграбили караван, а Садат-бегим раздели догола, отхлестали гибкой лозой и, привязав к спине коня, погнали его в степь.

Когда случайно путники через несколько дней после этих событий увидели в степи коня с привязанной к нему женщиной, Садат-бегим уже потеряла разум.

Именно эту весть принес Тохтамышу гонец в тот момент, когда хан был полон решимости встретиться с Хромым Тимуром.

Тохтамыш впал в ярость. С пеной у рта он кричал о том, что скоро придет такое время, когда он жестоко отплатит Едиге за нанесенное ему оскорбление, сровняет аул с землей, а всех, кто последовал за ним, превратит в рабов.

Через несколько дней, успокоившись, хан велел своему войску двинуться в пределы Ирана. Усилием воли он заставил себя забыть о случившемся, потому, что злые мысли о Едиге могли помешать ему быть мудрым и расчетливым накануне битвы с Тимуром.

Весть о действиях Тохтамыша не удивила эмира. Он знал, что хан не смирится с поражением так же, как и не смирился бы и он сам. Поэтому уклоняться от встречи с Тохтамышам не имело никакого смысла. Она была неизбежна.

Устроив смотр своему войску, Тимур, по обычаю раздал военачальникам богатые подарки и велел готовиться к походу. Откладывать битву с войском Орды нельзя было по двум причинам. Во-первых, земли Ширвана, которые грабил сейчас Тохтамыш, Тимур считал своими и потому, чтобы не уронить престижа, просто обязан был дать отпор всякому, кто осмелился на такую дерзость. Во-вторых, до той поры, пока не будет покончено с ханом, Тимур не мог в полную силу вести войну в Армении и Иране. Недалеко от Фахрабада Тимур вдруг велел своим туменам остановиться. Близилась зима, и, хотя в этих краях не знали больших холодов, погода стояла неустойчивая. Эмир решил переждать это время года, тем более что рядом были хорошие пастбища, а из Мавераннахра в скором времени должны были подойти новые полки.

Остановился со своим войском и Тохтамыш, ожидая, какие же действия первым предпримет Тимур.

Но едва в феврале месяце зазеленела степь, неожиданно снявшись с места, эмир направился к Дербенту.

Зеленым шелком переливались под ветром весенние травы, и ласковый ветер, теплый и мягкий, гладил лица людей. Но Тохтамыш в эти дни был угрюм. Стал похож на человека, которому приснился дурной сон, а он никак не может забыть его.

Хан то начинал казнить себя за то, что решился выступить против Хромого Тимура, то вдруг его охватывала уверенность, что по-иному нельзя было поступить.

И, чтобы хоть как-то отвлечься от тяжелых дум, сделать короче бессоные ночи, Тохтамыш стал приглашать к себе любимого младшего сына Кадырберди и заставлять его рассказывать старинные легенды и сказания.

В юрте у хана собирались его военачальники, знатные люди кипчакской степи. Зачарованно слушали они бархатистый, глубокий голос Кадырберди, а тот рассказывал им великую поэму о любви «Хосров и Ширин», написанную Низами на языке фарси и переложенную на тюркский степным акыном Кутба.

Вместе со всеми слушал легенду и Тохтамыш. Чудесные слова завораживали, но мысли хана были о другом. Он вдруг начинал задумываться о смысле жизни, о ее превратностях.

Почему свой перевод поэмы Кутба посвятил Таныбек-хану, правившему совсем недолго и убитому двоюродным братом Джанибеком? За что, за какие подвиги и деяния удостоился он этой чести?!

Прервав сына, Тохтамыш обратился к сидящему рядом с ним старому уйгуру — советнику Ниязу.

— Ты наверное, знаешь жизнь Кутба? Скажи нам, кто был он и как умер?..

Нияз разгладил морщины на своем большом выпуклом лбу сухой, маленькой рукой.

— Не много известно об этом достойном человеке,— сказал битекши.—Кутба был родом из Хорезма, когда достиг зрелых лет, долго жил в Сарай-Берке. Таныбек, еще не став ханом покровительствовал ему. Когда же Джанибек убил брата, он велел обезглавить всех, кто был близок к Таныбеку. Так всегда бывает в степи...

Последние слова уйгура не понравились Тохтамышу. Он нахмурился и кивнул сыну:

— Продолжай.

И снова зазвучал в тишине напевный голос Кадырберди. А хан все думал свою думу и не находил ответа на вопросы, что, подобно потревоженному пчелиному рою, кружились в его голове. Несправедливо была устроена жизнь. Проходят годы, исчезают с лица земли города, на месте песков поднялись леса, и сыпучие пески появились там, где еще недавно в человеческий рост стояли высокие травы, а Таныбека помнят, хотя он не совершил ничего такого, чтобы его помнили. Зато многих славных ханов, совершавших подвиги во имя Орды, народ или забыл совсем, или припоминает с большим трудом. Тохтамышу на миг захотелось заглянуть в будущее. Нет! Кого-кого, но его непременно должны будут запомнить потомки, потому что именно он совершил то, чего бы не смог сделать никто другой. Именно он, Тохтамыш, после того как Орда потерпела при Мамае сокрушительный разгром от русских и, казалось, никогда уже не сможет возродиться, вновь поднял и укрепил ее остов. Потомки обязаны приравнять его деяние к деянию самого Бату-хана, создавшего в свое время Золотую Орду. Теперь надо только победить Хромого Тимура, и все вернется на круги своя — он заставит снова русских вновь трепетать только от одного своего имени.

Чья-то рука откинула полог, закрывающий вход в юрту, и через порог переступил начальник ханской стражи:

— Мой повелитель, от Тимура прибыл посол.

Тохтамыш вскинул голову, в глазах его мелькнуло удивление:

— Кто он такой и чего хочет?

— Посла зовут Шемсаддин. Сам он родом из Алмалыка. Посол привез вам письмо от эмира.

На щеках хана появился румянец.

— Хорошо,— сказал он.— Примите его со всеми полагающимися в таких случаях почестями. Утром мы примем от него письмо и станем говорить... А сейчас...— Тохтамыш обвел сидящих в юрте взглядом,— все свободны. Пусть останется со мной только битекши Нияз...

Низко кланяясь, все покинули юрту хана.

Тохтамыш поднялся на ноги и стал расхаживать по юрте. Шаги его глушила разостланная на полу мягкая кошма. Наконец он остановился напротив своего советника.

— С чем приехал посол? — спросил он.

— Я не знаю, мой повелитель, но думаю, что Тимур станет предлагать мир.

— Что следует предпринять...

Битекши Нияз и на этот раз уклонился от прямого совета:

— Тебе виднее, мой повелитель... А потом, у тебя есть эмиры... В делах войны они понимают больше меня... Но если приехал Шемсаддин Алмалыки, то все это неспроста... Человек этот известен своим красноречием и умением плести словесные сети... Будь внимательным...

— Хорошо. Ты можешь идти...

Пятясь, низко кланяясь, битекши Нияз вышел из юрты.

Утром в просторную ханскую юрту собрались его эмиры, бии, огланы. Тохтамыш сидел на торе — почетном месте — в окружении Тастемира, Бекболата, Сулеймена Софы, Хасанбека, Алибека и брата Едиге — Исабека.

Посла приняли по всем правилам, полагающимся по этикету. Когда же с этим было покончено и Шемсаддин наконец передал хану письмо Тимура, тот, не задержав его в руках, передал битекши Ниязу.

— Читай,— приказал он.

Письмо было написано буквами уйгурского алфавита, но на джагатайском языке, на котором говорили в это время большинство тюрков, и потому всем сидящим в юрте смысл его был понятен. Тимур предлагал Тохтамышу решить спор миром и высказывал свое уважение хану. В письме не было ни одного непочтительного слова. Как равный равному писал эмир хану.

Битекши Нияз замолчал, и в юрте воцарилась тишина. Тохтамыш посмотрел на посла, и Шемсаддин понял: пора дать полагающиеся в таких случаях пояснения, передать то, что велено было передать на словах.

— Великий хан, огланы, эмиры и бии, вы собственными глазами видели письмо моего повелителя, вы собственными ушами слышали его слова. Эмир Тимур, по праву старшинства, призывает вас к согласию, потому что если кто-то стучится слишком громко и без почтения в чужую дверь, то может ли он быть уверен, что хозяин дома, которому нанесена обида, не станет бить в его дверь ногами. Об этом просит вас помнить мой повелитель, от необдуманного шага оберегает. Прежде чем вы дадите свой ответ, подумайте о том, что даст каждому битва...— Посол обвел всех глазами. Все молчали, выжидая, что скажет еще он. И Шемсаддин заговорил снова, теперь уже глядя только на Тохтамыша: — Мой повелитель, эмир Тимур был уже могучим орлом, когда ты, хан, еще был птенцом. И, когда буря разрушила твое гнездо, ты нашел защиту у него. Ребенок растет, бедняк становится богатым, при поддержке орла ты стал соколом. Ты, хан, можешь обидеться и возразить, что за эти годы у тебя окрепли крылья и выросли когти. Никто не станет с этим спорить. Твои крылья сильны, но крылья моего повелителя за это время стали железными, и их не перерубить даже булатным мечом. У тебя отросли крепкие когти, но когти эмира Тимура подобны острым кинжалам. И если сегодня он посылает тебе письмо с предложением мира, то делает это совсем не от страха, а потому что не хочет потерять себя совсем. Если ты пожелаешь, великий хан, то я расскажу тебе, как больно переживает эмир то, что сегодня ты не с ним. Это все я видел сам, а сказанные им слова слышали мои уши.

Не меняя выражения лица, бесстрастно глядя перед собой, Тохтамыш сказал:

— Говори, мы послушаем тебя...

— Вы, наверное, слышали, что совсем недавно этот мир оставил святой хазрет Мавераннахра, золотой купол исламской веры во всем Туркестане Береке Саид? Так вот, стоя у его могилы, великий воитель вселенной эмир Тимур сказал с глубокой печально: «На всем белом свете было у меня три самых близких человека. Первый из них — Хусаин-эмир — рано оставил этот бренный мир. Второй — имам Береке — только что навеки закрыл глаза. Третий, самый близкий человек,— хан Тохтамыш. Но он поссорился и ушел от меня».

Исабек, как и остальные, внимательно слушавший посла, шевельнулся и, не скрывая усмешки, негромко сказал:

— Если из трех близких к Хромому Тимуру людей двое уже оставили этот мир, то, быть может, хан Тохтамыш как раз и проявил большую мудрость, вовремя расставшись с ним...

На губах собравшихся мелькнули улыбки. Всем было понятно, на что намекнул Исабек, и всем было интересно, что ответит на это ловкий Шемсаддин, какой найдет выход.

Но посла трудно было сбить с выбранного им пути. Искусный в интригах и словесных сражениях, он умел выходить победителем из любого спора.

Не меняя голоса, продолжая говорить все так же мягко, примиряюще, Шемсаддин повернулся к Исабеку:

— Уа, Исабек. Зачем великому хану терять дружбу с моим повелителем? В дружбе не отнимают друг у друга жизней. Только вражда приносит несчастья. У эмира Тимура острый, никогда не тупящийся меч...

За мягкими словами посла каждый почувствовал тень скрытой угрозы. А Шемсаддин продолжал:

— Разве тебе не известна легенда о лебедях, достопочтенный Исабек? Если нет, то я расскажу.— И, не дожидаясь согласия, начал: — В очень далекие от нас времена жили два неразлучных лебедя. Но однажды острая стрела злого человека поразила одну из птиц. Долго и безутешно плакал над умирающим другом второй лебедь. И тогда умирающая птица спросила:

«Отчего ты так безутешен? Зачем льешь горькие слезы?»

«Как мне не горевать? Ведь тебя скоро не станет...»

«Не плачь, даже умирая, я чувствую себя счастливой...»

Лебедь удивился:

«Разве смерть может принести радость? Что есть на свете страшнее ее?»

«Ты не прав,— возразила умирающая птица.— Смерть не страшна, если рядом с тобой есть друг, который искренне печалится и чувствует твою боль».

Так рассказывает легенда. И я поверил в нее, когда смотрел на печальное лицо моего повелителя, стоящего над могилой близкого ему человека — имама Береке. Это прекрасно, когда у могилы твоей стоит не враг, а друг.

— Ты рассказал поучительную историю,— сказал Тохтамыш.— Сильный друг — это счастье, сильный враг — беда... Как нам поступить, пусть скажут эмиры Орды,— и хан внимательно посмотрел на лица сидящих в юрте.

Первым заговорил Исабек:

— Ты умный человек, Шемсаддин. Звучным словом и мягким языком ты заставил нас с интересом слушать тебя. Слова — твоя истина, и никто не смеет оспаривать этого. Но сколько ни бросай под ноги цветных шелков, ложь, как и грязь, нельзя скрыть. Если Хромой Тимур действительно так заботится, чтобы между нами был мир, то почему он не прислал тебя раньше? Для чего он всю зиму готовил свое войско к битве? Мы знаем, что тумены эмира готовы выступить в любой час и Тимур лишь ждет, когда к нему подойдут новые полки из Мавераннахра под водительством Омар-шейха. Я знаю твоего повелителя давно и могу сказать только одно — что он никогда не станет нашим другом, и еще знаю, что Хромой Тимур никогда не говорил правды. Пусть ему верит кто угодно, но я не смогу этого сделать. Пусть спорят сила наших рук и острия наших копий. Я сказал свое слово.

Глядя прямо перед собой, хмуря густые, тронутые сединой брови, заговорил старый Казы-бий, известный в свое время во всей кипчакской степи как непревзойденный мастер боя на соилах — палицах:

— Немало достойных людей Орды искали помощи и защиты у Хромого Тимура. Искали дружбы... Наш великий хан Тохтамыш, батыр Едиге, Темир-Кутлук и Кунчек-оглан... Я мог бы назвать и другие имена... Но ни один из них не нашел у Хромого Тимура того, что ему надо было. Вы спросите: почему? Да потому, что эмиру никогда нельзя верить, ибо для него свято только то, чего хочет он. Ты, Шемсаддин, говоришь о мире и дружбе. Мне тоже сейчас вспомнилась старая легенда. Очень давно лев тоже предложил всем зверям свою друж-

бу. И ему поверили... Последней пришла лиса. Но, прежде чем войти в пещеру льва, она посмотрела внимательно на следы, оставленные зверями у входа. Все они вошли в жилище льва, но ни один не вышел... Мне кажется, что именно так может произойти и сейчас. Как и Исабек, я не верю Хромому Тимуру. Не стоит обманывать самих себя. Лучше возьмем в руки оружие и испытаем судьбу...

Взглядом попросил слова у хана эмир среднего крыла ордынского войска Тастемир-оглан:

— Тимур сейчас на вершине славы. Если ему нужен мир с Ордою, тогда зачем он ходил в год овцы (1391) в Дешт-и-Кипчак, зачем пролил столько человеческой крови? И на этот раз Хромой Тимур хочет нас обмануть, потому что Орда сейчас подобна копью, которое в любое время может воткнуться ему в бок. Мы мешаем ему стать властителем вселенной. Он не сможет им сделаться до той поры, пока не бросит под ноги своего коня улус Джучи. Сегодня в спину нам дует попутный ветер и сила наша равна силе эмира. Поэтому говорить о примирении нельзя.

Алибек-оглан, умеющий смотреть дальше других, осторожно сказал:

— Великий хан, Шемсаддин приехал к нам не для того, чтобы устраивать пожар. И эмир Тимур не прислал в письме нам своей ярости, не унизил нас и не оскорбил. Так, быть может, мы прежде посоветуемся сами, а уж потом дадим ответ послу?..

Всю ночь в юрте хана просидели эмиры, беки, бии и батыры, раздумывая, что ответить на предложение Хромого Тимура? И только под утро после долгих споров было решено отвергнуть предложение Хромого Тимура о мире.

Соблюдая старинный обычай, Шемсаддину подарили иноходца, накинули на плечи шелковый халат, надели на голову бархатный борик, отороченный блестящим мехом выдры, и привели в ханскую юрту.

— Мы держали долгий совет,— сказал послу Тохтамыш.— Эмиры, бии, батыры, представляющие роды, которые кочуют в пределах Орды, отвергли предложение твоего повелителя. Он опоздал. Кони наши оседланы, сабли наточены. Мы готовы к битве.— Хан на миг замолчал, потом, повернувшись к битекши Ниязу, велел: — Отдай Шемсаддину письмо к Хромому Тимуру. На письмо мы ответили письмом...

Лицо посла помрачнело.

— Великий хан,— сказал он,— разве ты не знаешь слов, сказанных женой бия Жиренчи славному Джанибек-хану? Послушай. Я расскажу тебе эту маленькую притчу.

Женщина спросила у хана:

«Тахсир, что придает вкус еде?»

«Масло»,— ответил Джанибек.

«А что дает ей вкус, если масло испортилось?» — снова спросила женщина.

«Соль».

«А если испортилась соль?»

И хан не нашелся что ответить.

Но жена бия Жиренчи не оставила его в покое и снова задала вопрос:

«Кто наведет порядок, коли народ охвачен смутой?»

«Это должен сделать правитель»,— ответил Джанибек.

«А кто наставит правителя на истинный путь и научит его, как это сделать?»

И хан снова не знал, что ответить женщине... Такая существует притча, великий хан Тохтамыш. И она говорит о том, что если ошибаются твои эмиры, бии и батыры, тебе положено направить их на путь истины...

Шемсаддин, низко поклонившись, вышел из юрты.

Дерзкими были слова посла, и первым движением Тохтамыша было остановить его, велеть отрубить голову и вместо ответа отправить ее Хромому Тимуру, но хан удержал себя от этого поступка. Где-то в глубине души шевельнулось запоздалое сожаление, что он зря не согласился на предложение эмира. Теперь же было поздно. Шемсаддин уходил с дерзкими письмом-ответом. Быть может, все-таки не следовало поддаваться тем, кто жаждал битвы с Хромым Тимуром? Хана охватило щемящее чувство тревоги.

Хромой Тимур знал, что Тохтамыш отвергнет его предложение о мире, и поэтому посольство его было всего лишь данью степным традициям. После того как он поступил подобным образом, никто бы не посмел обвинить его в вероломстве и кровожадности. В глазах всех народов, которые знали о нем, имя эмира должно было отныне связываться с понятием справедливости.

Возвращающийся Шемсаддин нашел ставку Тимура на берегу реки Самур. Все пространство от подножья горы Эльбрус до Кулзумского (Каспийского) моря было занято его войском. Со спокойствием, достойным воина, прочел Тимур оскорбительное послание Тохтамыша и не впал в ярость, как на это рассчитывал хан, а приказал своим туменам занять положенные им боевые порядки и приготовиться к походу.

Через несколько дней огромное войско, сметая все на своем пути, двинулось к Дербентскому проходу и, миновав его, вошло в земли небольшой народности кайтаков, поддерживающих Тохтамыша. Тимур, дабы устрашить всех, кто мог попытаться стать на его пути, повелел всех кайтаков уничтожить, а имущество их разделить между своими воинами.

Известие о расправе над кайтаками напугало Тохтамыша. Он понял, что эмир разгневан и намерения его серьезны. Желая хоть как-то поправить положение и хотя бы ненадолго обмануть Хромого Тимура, хан послал навстречу его войску послов во главе с Ортан-бием. Но тот, увидев несметные тумены мавераннахрского правителя, повернул своего коня обратно и ни с чем вернулся в ставку Тохтамыша.

Четыре дня минуло с той поры, как войско Тимура прошло Железные Ворота. Вместо того чтобы встретить его всей силой, Тохтамыш направил навстречу эмиру тумен отборных всадников под предводительством Казанши с приказом не дать войску Тимура переправиться через речку Койсу.

Разведка вовремя предупредила эмира о готовящейся засаде, и он сам, встав во главе двух туменов, совершил стремительный ночной переход. Переправившись через Койсу в верховьях, Тимур неожиданно напал с тыла на тумен Казанши и без особого труда почти полностью уничтожил его.

Это была первая, пусть и небольшая, неудача Тохтамыша в нынешнем походе. Теперь он понимал, что дальше ему отступать некуда, иначе могло повториться то, что уже однажды случилось с ним на берегах реки Кундурчи.

К середине апреля два громадных войска вышли к берегам Терека. Первое, что сделал Хромой Тимур,— это велел выбрать место для укрепленного лагеря и расположил там большое войско. Эмир приказал вырыть вокруг лагеря глубокий ров и огородиться окопными щитами — шапарами. Когда же оказалось, что времени еще достаточно и золотоордынское войско не мешает укреплять лагерь, Тимур повелел вырыть еще один, наружный ров.

В наступившей ночи, словно в безбрежном черном океане, исчезли, растворились два стотысячных войска,— с обеих сторон было запрещено разводить костры и производить какой-либо шум, чтобы невозможно было догадаться, как расположились перед битвой тумены.

На рассвете следующего дня, пятнадцатого апреля 1395 года, началось сражение, на которое в одинаковой мере возлагали все свои надежды и хан Тохтамыш, и эмир Тимур.

Тимур, уверенный в победе, построил свое войско точно так же, как сделал это четыре года назад в долине реки Кундурчи. Разделив его на семь кулов, эмир особое место отвел пехоте, зная ее силу и стойкость в момент, когда проявляется необходимость занять оборону, пока перестроятся конные полки.

Едва началась битва, Тохтамыш бросил огромные силы на левое крыло войска Тимура, стараясь смять его и тем самым сразу же изменить положение в свою пользу. Но эмир разгадал его замысел. Почти все двадцать семь кошунов — полков, которые находились в непосредственном его подчинении и до поры не принимали участия в битве, поспешили на помощь левому крылу.

Золотоордынцы, оставляя убитых и раненых, начали поспешно отступать. Наиболее отчаянные воины бросились вслед за ними. Но так продолжалось недолго. Подгоняемые своими предводителями, воины из туменов Тохтамыша повернули коней и окружили смельчаков. С обеих сторон начали стекаться к этому месту всадники. По всей линии соприкосновения войск шла битва, но здесь она, пожалуй, была жарче всего. Словно из бездонного хуржуна подбрасывали сюда свежие силы и Тимур, и Тохтамыш. Но на стороне войска Мавераннахра было одно преимущество, непривычное для степняков-ордынцев: кошуны Тимура подходили к месту сражения с тяжелыми двухколесными арбами, а каждый воин имел окопный щит. Спешившись, они ставили арбы в круг, огораживались щитами и, опустившись на одно колено, пускали во врага тучи стрел.

Трудно было предсказать исход этой схватки, потому что воины с обеих сторон смешались и уже не было единого строя.

В это время к Тохтамышу, наблюдавшему за сражением, подскакали Исабек и Шора-батыр.

— Высокочтимый хан! — крикнул Исабек.— Хромой Тимур остался под защитой только одного полка! Разреши нам с нашими отрядами попытаться зайти к нему в тыл, и мы клянемся, что привезем тебе голову эмира!

Тохтамыш оторвал свой взгляд от поля битвы и с раздражением сказал:

— Мне не нужна голова Хромого Тимура! Мне нужна победа над его войском! Если же вы уведете свои отряды с того места, где им определено биться с врагами, то не получится ли так, что, погнавшись за головой Тимура, мы потерпим поражение?! Скачите к своим воинам и вместе с ними покажите удаль и отвагу!..

Исабек и Шора-батыр повиновались.

Тохтамыш сжал ладони в кулаки. На помощь левому крылу войска Тимура мчались стремительно кошуны во главе с мирзой Мухаммед Султаном, золотоордынцы дрогнули и в беспорядке отступили с поля битвы.

Казалось, что перелом в сражении наступил, но в это время заградительные полки левого крыла Тохтамыша зашли в тыл кошунам правого крыла Тимурова войска и смяли их. Тогда командовавший этим крылом Ходжа Сейфаддин, один из лучших полководцев Мавераннахра, приказал своему тумену спешиться и занять круговую оборону. Тучей стрел встретили они нападающих, и ни одна атака золотоордынцев не принесла им успеха. Словно живые волны, с воем и визгом накатывались они на ощетинившийся копьями тумен и, разбившись об него, откатывались на исходные позиции, оставляя на поле сотни трупов.

На помощь Ходже Сейфаддину уже спешил конный тумен Дженанщах-бахадура. А вскоре подоспел со своими всадниками мирза Рустем и Омаршейх. В короткое время все левое крыло войска Тохтамыша было уничтожено.

Ужас охватил хана. В короткий миг он пожалел и о напрасно погубленных двух полках на берегах речки Койсу, и о том, что не разрешил Исабеку и Шора-батыру напасть на ставку Хромого Тимура. Словно сама судьба преследовала Тохтамыша и застилала его глаза мглой. И, сделав последнюю отчаянную попытку переломить ход битвы, он велел Кунчек-оглану и Даут Софы повести свои полки прямо к тому месту, где находился Хромой Тимур.

Сейчас не только хан, но и простые воины понимали, что еще совсем немного — и сражение будет проиграно. Каждый знал, что за этим последует: ни один из них не сможет рассчитывать на пощаду. И потому в последнем, отчаянном приказе своего повелителя они видели единственный путь к спасению. Если, конечно, удача не отвернет от них свое лицо и произойдет чудо...

Первым заметил опасность, угрожающую Тимуру, эмир Шейх-Нуритдин. Он приказал своим воинам спешиться и окружить Тимура кольцом. Тысячи воинов Мавераннахра последовали их примеру. Живой вал из человеческих тел встал на пути золотоордынских полков, и тысячи стрел устремились навстречу им. Попытка совершить чудо не удалось. Тохтамыш в ярости метался у своего шатра.

И в это время из рядов войска хана вдруг вырвался вперед воин могучего телосложения. И сам он, и его конь с ниспадающей почти до земли густой гривой были защищены кольчугой. Стрелы не причиняли им вреда.

Размахивая огромной палицей, воин помчался на живую неприступную стену, а за ним, припав к гривам коней, в едином порыве рванулись, презрев смерть, сотни всадников.

Произошло все это так неожиданно, таким устрашающим был вид всадника, что воины Тимура расступились. И в эту узкую щель, словно расширая ее своими могучими плечами, круша все на пути, ворвался таинственный воин.

— Кобланды! Кобланды! Батыр Кобланды! — кричали как безумные золотоордынские воины, следуя за ним.

Всей кипчакской степи было известно имя этого человека. Батыром, не знающим себе равных, называли его в народе. Кобланды был уже немолод, редко ходил в походы, но желание отомстить за родичей, которых в свое время приказал убить Хромой Тимур, привело его в стан Тохтамыша. Только вчера, узнав о предстоящей битве, прибыл он с берегов Тургая. Желание мстить придает воину силы. И сейчас, расчищая себе путь в Хромому Тимуру, воин словно забыл о старости. Стремительно взлетала над его головой палица, окованная железом. И падали, словно поваленные ветром, воины эмира, пытавшиеся заступить ему дорогу.

Близка желанная цель. Конь батыра почти поравнялся с конем Хромого Тимура. Обеими руками поднял над собой палицу Кобланды, собираясь обрушить ее на голову эмира. Но, видимо, и на этот раз судьба хранила Тимура. Ловко уклонившись, он скатился под ноги коня, и страшный удар батыра пришелся по отделанному серебром седлу.

Кобланды развернул коня, чтобы нанести удар по упавшему на землю эмиру, но чья-то дубинка раньше, чем он успел это сделать, проломила череп его скакуну. Животное рухнуло, подминая под себя всадника. И сейчас же десятки острых пик вонзились в тело батыра. Остальных золотоордынцев, прорвавшихся к Тимуру вместе с ним, без труда изрубили саблями воины Мавераннахра.

Только слепой мог бы не увидеть, что битва проиграна и никаких надежд больше не осталось. Низкое предвечернее солнце озарило тучи пыли, и красный, зловещий свет разлился над всей землей. Теперь уже воины Тимура приближались к тому месту, где находилась ставка Тохтамыша, натиск их был дерзок и стремителен.

Ненависть к Хромому Тимуру, отчаяние, близкое к безумно, охватили хана. Надо было спасать свою жизнь, вместо того чтобы праздновать победу, на которую он так рассчитывал и надеялся.

Припав к луке седла, словно вражеская стрела ударила его в грудь, Тохтамыш еле слышно прошептал:

— В Дешт-и-Кипчак... Скорее...

Стоящие рядом, быть может, не услышали, а скорее догадались, о чем говорил хан, потому что каждый уже почувствовал, что спасение отныне только в отступлении.

Поднятое на древке копья, заплескалось на ветру траурное знамя, подавая воинам знак к отходу.

Последний раз глянул на поле битвы Тохтамыш. Повсюду, насколько хватал глаз, мчались его воины, препоручив свои жизни быстроте конских ног, а за ними с поднятыми над головой саблями неслись воины Мавераннахра и без пощады и жалости рубили каждого, кого могли настигнуть.

Тохтамыш изо всех сил хлестнул камчою своего коня. Он мчался в окружении своих верных нукеров, а в голове, отчаянная и тревожная, билась мысль о том, что неведомое проклятие тяготеет над землями Золотой Орды с той поры, как русские разбили на Куликовом поле войско Мамая. Как будто еще были силы, способные подмять под себя, покорить любой народ, но, куда бы ни бросали свой взгляд Орда, нигде ее уже больше не боялись, никто не хотел быть покорным. Творилось непривычное и невероятное. После Куликовской битвы народы словно прозрели.

Садилось солнце, и сам Тохтамыш, и отступающие воины молили сейчас аллаха, чтобы скорее наступила ночь и спасла их от преследователей, коням которых удача словно бы дала крылья.

Небывало богатой была в этот раз добыча Хромого Тимура. Тохтамыш бежал так поспешно, что вынужден был бросить всю свою казну, все свои сокровища. Эмир подарил Шейху-Нуритдину своего знаменитого коня Коянсана, дорогой халат, вышитый золотом, пояс, украшенный золотыми бляшками, и кинжал с золотой рукоятью. Тимур умел быть щедрым к тем, кто, не щадя своей жизни, бросался защищать его жизнь. Богатые подарки получили мирзы, и батыры, и даже простые воины. Нагрузив караван, состоящий из бесчисленного количества арб и верблюдов, добычей, эмир под большой охраной отправил его в Самарканд, сам же, оставив при обозе сломавшего в битве руку Мираншаха, с отборными кошунами бросился в погоню за Тохтамышем. Тимур хотел пленить самого хана и добить остатки его войска, чтобы уже навсегда покончить с угрозой, которую бы могла представлять для него Орда.

Днем и ночью, почти не слезая с коней, не зная усталости, мчались вперед кошуны эмира, но степь словно поглотила и войско, и самого хана Тохтамыша. Страх придавал им силы, а коням резвости. Тимур не знал, что Тохтамыш, потеряв почти всех близких ему людей, забыв о войске, поспешно уходил в землю булгар.

Воспользовавшись Туратурским бродом, эмир переправился на левый берег Итиля, но и здесь не нашел золотоордынского хана. Дав отдых своему войску, Тимур призвал к себе Куйричак-оглана, сына Урус-хана, которого все это время возил с собой, и, одарив его золотым поясом и шитым золотом халатом, провозгласил ханом Золотой Орды. Дав ему сильный и многочисленный отряд воинов, эмир велел Куйричак-оглану набрать войско из живущих на левобережье народов и править совсем недавно еще принадлежавшими Тохтамышу землями.

После этого, посчитав, что он сделал все как надо, Тимур пошел к золотоордынскому городу Укеку и разграбил его, а вскоре к главным силам присоединился и Мираншах, который не хотел отставать от отца.

Не зная, что Тохтамыш совсем покинул пределы Орды, Тимур тревожился, что враг его сможет вновь набрать войско, так как земли, подвластные ему, обширны и многолюдны. И потому он повернул свои кошуны в западные улусы

Орды. Именно там, по мнению эмира, могла таиться для него опасность, потому что улусы эти принадлежали близким к Тохтамышу людям: Бек-Ярык-оглану, эмиру Актау и Тимур-оглану. Но те не приняли боя и отступили.

Не встретив сопротивления, Тимур неожиданно повернул свои кошуны к реке Тан и двинул их на русские земли. Вторгнувшись в пределы Рязанского княжества, он захватил город Елец, сжег его, разграбил окрестности. Узнав о нашествии, великий князь Василий Дмитриевич быстро собрал полки и двинулся с ними к городу Коломне, занял все переправы на реке Оке. Видимо, наслышанный в свое время о поражении Мамая, Хромой Тимур не решился на битву с русскими. Грабя рязанские земли, захватывая пленников, он через низовья Тана направился к Итилю. Захватив на пути город Азак, эмир разграбил его, а из попавших в плен горожан даровал жизнь только мусульманам, велев всех остальных предать «мечу джихада».

Подобно сытому волку, с отвисшим от обильной добычи животом, бродил с огромным войском Тимур по бескрайним землям Орды, не встречая нигде сопротивления и отпора. Да и кто бы посмел стать ему на пути в степи, где после исчезновения Тохтамыша каждый род стал кочевать сам по себе, как это было много веков назад?

Отдохнув после грабежа Азака, эмир приказал своему войску отправиться в земли, которые поила своей водой река Кубань. Но живущие здесь черкесы не пожелали добровольно подставить свои головы под меч Тимура. Подожженная со всех сторон, запылала вдруг степь, и перед эмиром предстала черная равнина, по которой сизыми змеями ползли пряди дыма — это дотлевали заросли кустарников и небольшие рощи, спрятавшиеся в низинах.

Восемь дней, задыхаясь от черного праха, поднятого копытами коней, шло по выжженной степи войско Хромого Тимура. От бескормицы начали гибнуть лошади.

Гнев охватил эмира. После тех побед, что одержал он над Тохтамышем, никто не смел заступать ему дороги. И потому он приказал убивать каждого встречного и забирать в селениях все, что можно забрать, а что нельзя было приторочить к седлу, следовало предавать огню.

Вместо того чтобы идти в низовья Итиля, Тимур повернул свои кошуны в Дагестан и осадил горные крепости Кулы и Таус. Надо было обладать большой дерзостью, чтобы решиться на подобное, потому что крепости эти были действительно неприступны и напоминали орлиные гнезда, устроенные на взметнувшихся к небу скалах. Разум отказывался верить, что их когда-нибудь можно покорить. Но Хромой Тимур верил в свою звезду и потому приказал начать штурм.

Перекидывая длинные лестницы со скалы на скалу, срываясь в пропасть, воины Мавераннахра бесстрашно шли на приступ. И горные твердыни пали...

Надвигалась осень. Печальную весть принес гонец Хромому Тимуру с берегов Итиля. От простуды скоропостижно скончался объявленный по воле эмира новым ханом Золотой Орды Куйричак, сын Урус-хана. Весть действительно была печальной, но Хромого Тимура она не расстроила. По опыту он хорошо знал, чем заканчивается усиление того или иного чингизида, даже если он посажен на трон Орды твоей волей,— пройдет какое-то время, и новый правитель возомнит себя могучим и всесильным и попытается перегрызть горло тому, кто взрастил и вспоил его. Разве не так же было с Тохтамышем? Поэтому, быть может, Золотой Орде больше вообще не нужно хана? Пусть рвут ее на части, делят на улусы и грызутся между собой, подобно волкам в холодную зимнюю ночь, потомки Чингиз-хана — бии и батыры родов? Пока найдется — да и найдется ли? — среди них такой, кто сумеет силой оружия, коварством или лисьей хитростью объединить вокруг себя жадных и корыстных степных владык, Орда не будет опасна ни землям, подвластным Тимуру, ни его замыслам.

ГЛАВА ПЯТАЯ

V

Земли в среднем течении Итиля и по Каме-реке, ограниченные с севера рекой Казанкой, а с юга — горами Жигули, с юго-запада — речками Мокша и Вада, с северо-востока — долиной реки Белой, издавна назывались землями булгар. Люди, жившие здесь, говорили на тюркском языке. Задолго до монгольского нашествия возводили они города, пахали землю, изготовляли глиняную посуду. Делали они кольца, браслеты и ожерелья и украшали их изображениями водоплавающих птиц. Изделия булгарских ремесленников охотно покупали живущие в низовьях Итиля кипчаки, лесные люди — башкурты и мордва. И на русских молодухах можно было увидеть булгарские украшения. Главным городом этих земель был Великий Булгар.

Летописи рассказывают, что булгары не без успеха воевали с хазарами и печенегами, и ни тем, ни другим не удалось их покорить. Когда же, пройдя земли Ирана и Ширвана, промчавшись через Железные Ворота у Дербентской крепости, на просторы Восточной Европы хлынули монгольские тумены под предводительством Субедэя и Джебе и в битве при Калке сумели разбить объединенное русско-кипчакское войско, булгары смогли устоять. Они не приняли вызова выйти на битву, а стали изматывать врагов неожиданными нападениями и устройством засад. С подобным монголы еще не встречались и, увидев, как редеют их тумены, повернули коней в родные степи. Только в год курицы (1237) Бату-хан одержал победу над булгарами.

С года барса (1242) земли булгар окончательно вошли в состав Золотой Орды. Но, даже оказавшись в неволе, булгары сумели сохранить относительную независимость — ими управляли собственные эмиры. Постепенно все реже стали называть их соседние народы булгарами. Таинственное, не совсем понятное, принесенное из глубин монгольских степей, все чаще стало звучать слово «татары». Итильские татары...

В год дракона (1388), когда Тохтамыш предпринял поход в Мавераннахр, итильские татары дали ему в помощь значительное войско...

И сейчас, когда золотоордынский хан потерпел сокрушительное поражение от Хромого Тимура, он прибежал к своим бывшим союзникам. Еще недавно земли булгар были разделены на два ханства: Казанское и Великих Булгар. Но пока Тохтамыш был занят борьбой с Тимуром, ханства объединились в единое — Казанское. Его правитель Янтак встретил хана Золотой Орды с подобающими почестями, словно и не знал о поражении на Тереке. На то были свои причины. Янтак хорошо знал, как быстро приходят в себя после поражения степные ханы, как быстро обрастают новым войском. Тохтамыш нужен был Казанскому ханству, так как мог помочь ему в борьбе с московским князем Василием Дмитриевичем, который совсем недавно отнял у него города Джуйкетау и Есик Казанка, что стояли на реке Каме.

Тохтамыш действительно очень быстро набрал новое войско. Правда, по сравнению с прежним это была капля в море, и тем не менее хан с этого дня почувствовал себя в большей безопасности, чем прежде, потому что, пока он был слаб, он мог стать легкой добычей любого соперника или завистника.

Верные люди донесли Хромому Тимуру, где скрывается его враг. Но на этот раз эмир решил сам не гоняться за Тохтамышем, а послал в земли булгар отряды во главе с Сулейманшахом.

Объединенное войско Янтака и Тохтамыша встретило конницу эмира в урочище реки Кундурчи, где несколько лет назад золотоордынский хан потерпел свое первое сокрушительное поражение от Тимура.

На этот раз битва закончилась безрезультатно. Победить не смогла ни одна из сторон, и Сулейманшах, видя, как обескровели ряды его воинов, поступил благоразумно — повернул свои отряды в обратный путь.

Неудачный поход не огорчил Тимура. Надвигалась осень, и он не рискнул сам отправиться в земли булгар, потому что побаивался этих мест, незнакомых ему, покрытых густыми лесами, лежащих на краю страны мрака.

Желание Тохтамыша вернуть себе прежнюю власть было огромным. Случилось событие, необычное для степи: несмотря на второе поражение от Хромого Тимура, хана не покинули самые влиятельные эмиры, беки и батыры. По-прежнему рядом с ним все еще находились: и Тастемир, и Бекболат, и Исабек, и Ак Буги.

Узнав, что Тимур двинулся в низовья Итиля, хан рискнул вступить в свои прежние владения и в пятидневных переходах от Сарай-Берке на берегу небольшого озера Куракты поставил ставку.

Золотая Орда как единое целое больше не существовала. У булгар был свой хан, генуэзцы Кафы подчинили себе Крым, русские княжества словно забыли о существовании Орды — никто не приезжал на поклон к Тохтамышу и не думал привозить даже символической дани, которую изредка посылали они в прежние годы.

О скором отмщении Хромому Тимуру нечего было и думать, но вернуть Крым было необходимо, потому что именно через него шли товары, доставляемые караванами из далекого Китая по Великому Шелковому пути. Отсюда в казну Золотой Орды сыпался щедрый золотой дождь. Степь не потерпит хана, у которого нет золота, не потерпит того, кому нечего дать своему воину. Здесь привыкли идти за щедрым и отворачиваться от нищего.

Начав готовиться к походу на Крым, Тохтамыш решил напомнить о себе русским княжествам. По его наущению булгарский хан напал на Нижний Новгород, но великий московский князь Василий Дмитриевич дал войско своему младшему брату Юрию, и тот не только прогнал булгар, но и разорил их города Казань, Жукотин и Керемяншик.

Собираясь потревожить генуэзцев, Тохтамыш с тревогой прислушивался к новостям, которые приносили ему купцы об Едиге и Темир-Кутлуке. По всему было видно, что вчерашние друзья не теряли напрасно времени. Оказавшись в стороне от борьбы Тимура с Тохтамышем, Едиге собирал в причерноморских степях силы, и замыслы его шли далеко. Вместе с Темир-Кутлуком он объединил вокруг себя роды, входившие в свое время в орду Мамая. На стороне Едиге оказались самые сильные из них: барын, шырын и мангыт. Они были верной опорой Мамаю и оказывали влияние на другие, более мелкие роды.

Тохтамышу было известно, что Едиге упорно склонял их к тому, чтобы отделиться от Золотой Орды и создать самостоятельное ханство. Сейчас для этого было самое подходящее время. Но Едиге, видимо, догадывался о замыслах Тохтамыша против генуэзцев. Он ждал этого момента, чтобы потом разделаться с победителем и в один раз уничтожить двух своих врагов.

Сам Едиге, не являясь потомком Чингиз-хана, стать ханом не мог, поэтому постоянно держал возле себя Темир-Кутлука, который принадлежал к одной из ветвей чингизидов.

Тохтамыш хотел верить, что Хромой Тимур оставил его в покое и скоро покинет пределы Золотой Орды. Но правитель Мавераннахра думал по-другому. Он знал, что победа над Тохтамышем даст ему только временную передышку. Пройдет всего несколько лет, и если не Тохтамыш, то другой пришедший на его место хан вновь двинет свои тумены на Мавераннахр. Войско в огромной степи можно было набрать быстро.

Единственный выход оставался в том, чтобы навсегда подорвать силы Орды — лишить ее тех корней, которые многие годы удерживали это могучее ветвистое дерево и питали его живительными соками. Для этого надо было разорвать Великий Шелковый путь, сделать так, чтобы навсегда заросли дороги и тропы, по которым шли бесчисленные караваны купцов через золотоордынские степи. И Хромой Тимур решил уничтожить, сровнять с землей главные торговые города: Кафу, Азан, Сарай-Берке и Хаджи-Тархан. Русские княжества больше не платили дани Орде, булгары отделились. Теперь же, оставшись без тех налогов, что взимались с купцов, Золотая Орда зачахнет, хан и войско ее, привыкшие жить за чужой счет, обнищают. Что лучше нищеты может сломить могущество любого государства?

По своему обыкновению, Хромой Тимур схитрил, объявив, что собирается в поход на османских тюрок, сам же стал готовиться к нападению на Хаджи-Тархан.

Зима в этот год выдалась студеной. Итиль на всем своем протяжении покрылся толстым крепким льдом, и потому город можно было легко взять со стороны реки.

Хаджи-Тархан был хорошо укрепленным городом. Высокая каменная стена с башнями ограждала его с суши, со стороны реки он был открыт — сам Итиль мешал врагу.

В случае необходимости Хаджи-Тархан с реки прикрывали купеческие суда, на которые всегда можно было посадить отряды лучников.

Услышав о приближении войска Хромого Тимура, жители начали возводить ледяную стену. Глыбы, политые водой и схваченные крепким морозом, были надежной защитой.

Тимур хорошо был осведомлен обо всем, что делалось в городе. Еще летом, преследуя Тохтамыша, он направил в Хаджи-Тархан управителем своего эмира Омари-и-Табан. Без великой радости встретили горожане ставленника Хромого Тимура, но ослушаться не посмели, потому что их хан, находящийся в бегах после поражения, ничем помочь им не мог. В Хаджи-Тархане теперь было как бы два хозяина: Омари-и-Табан и калантар — старшина Мухаммади.

Расправиться с городом Тимур решил сам и потому лично возглавил выступившее в поход войско. Калантар Мухаммади, преодолев свою ненависть к эмиру и понимая, что городу долго не продержаться против воинов Мавераннахра, вышел навстречу Тимуру, чтобы попросить его не разрушать город и пощадить жителей. Эмир в переговоры вступать не стал, а просто велел перебить тех, кто сопровождал Мухаммади, самого же отдал Пир-Мухаммеду, Дженаншаху и другим своим военачальникам, которые двигались в сторону Сарай-Берке, приказав при переправе через Итиль утопить калантара в проруби. Приказ Тимура был выполнен без промедления.

Горожане, узнав о расправе над их старшиной, пали духом и без боя открыли ворота перед Тимуром. Вначале эмир проявил великодушие и велел жителям уплатить дань за то, что он не отнял у них жизни. Когда же они выполнили все, что потребовал Хромой Тимур, он приказал разграбить город, выгнать из

него всех жителей и так же, как в Азаке, отделив мусульман, всех остальных предать смерти. После этого Хаджи-Тархан был подожжен. Отблески пожара два дня и две ночи делали заметенную глубокими снегами степь красной, и черные клочья праха, поднятые горячим потоком воздуха, подобно зловещим птицам, долго кружили в дымном небе.

Столица Золотой Орды — Сарай-Берке — даже не сделала попытки защитить себя. И здесь повторилось то, что уже было в Хаджи-Тархане: и грабеж, и резня, и пожар. Груды развалин оставлял за собой Хромой Тимур, приводя в исполнение свой замысел. Погибли не только эти два самых крупных города Золотой Орды. Разрушению подверглись все поселения, которые встречались на пути воинов эмира. Никогда войско Мавераннахра еще не захватывало столько добычи, как в этот год.

Расчет Хромого Тимура оказался правильным. С этой поры уже больше никогда не возрождался Великий Шелковый путь. Нить, соединяющая Европу и Китай, тянувшаяся через Хорезм, низовья Итиля к Азаку и Крыму, была порвана, и не было сил, способных вновь связать ее и дать древней дороге новую жизнь.

Но люди не могут жить, не общаясь между собой, и потому они стали искать и нашли другие дороги. Отныне товары из Европы на Дальний Восток потекли через Сирию, а потом самые отчаянные и предприимчивые вывели свои каравеллы в полуденные моря.

Тохтамыш остановил коня и долго смотрел перед собой неподвижным взглядом. Сарай-Берке больше не существовал. Столица Золотой Орды была превращена в груду развалин. Поверженные, разоренные города никогда не вызывали у хана чувства жалости, но то были чужие города, и разрушал он их сам. Здесь все виделось по-иному.

Тохтамыша вдруг поразила внезапно пришедшая мысль. Развалины Сарай-Берке напомнили ему, что ведь то же самое произошло и с его замыслами. Столько лет хан собирал рухнувшую после поражения Мамая от русских князей Орду, мечтал вновь сделать ее сильной и могучей, как при Бату-хане, а в результате одни развалины и прах от неосуществленных надежд развевает во все стороны света резкий степной ветер.

Несправедливо устроена жизнь. Она дала многое и еще больше отняла. Уже нет прежнего здоровья, прежней веры в удачу, а будущее укрыто зловещим черным туманом. Было время — и он был сильным. Никакая неудача не могла выбить Тохтамыша из седла, а веру его не мог поколебать самый свирепый ураган. Он и сейчас не собирался склонять головы, но с каждым днем жить становилось все труднее, и все чаще тело и ум охватывали усталость и тревога. Зачем прожита жизнь? Устал он сам, и устал народ, который он вел за собой. Войны без побед — страшная ноша для каждого, кто в них участвует.

Мелькнула сумасшедшая мысль — бросить все, забыть о прошлом, отказаться от борьбы за власть, но сейчас же Тохтамыш понял, что никогда не сможет этого сделать, потому что обратной и иной дороги для него нет. Он привык повелевать, привык быть ханом, и сделаться кем-нибудь другим уже просто нельзя. Упавшего коня добивают, потому любой ценой, до последних мгновений жизни надо крепко держаться за луку седла и не выпускать повод, с помощью которого он управляет народом.

Хромой Тимур ушел в свои пределы. Ему не нужны были пастбища Дешт-и-Кипчак, потому что он привык жить на землях, где стояло множество больших и богатых городов, где подвластный ему народ занимался ремеслом и земледелием, а не скотоводством. Теперь главным врагом Тохтамыша сделался Едиге. Он хочет править Золотой Ордой, и желание его сильно и серьезно, а поступки

продуманны и целенаправленны. Не спеша, но неуклонно идет Едиге к своей цели. Год от года растет его известность в народе, и на деле, и на словах пытается он показать себя мудрым, чтобы все поняли: ему под силу повести за собой роды, кочующие в землях, лежащих к западу от Итиля до самого Крыма.

Всякий, кто становился ханом Золотой Орды, давал народу свои законы, а порой и просто слова, сказанные повелителем, принимались как закон и становились обязательными для всех.

Цель жизни Тохтамыша была война. Потому он часто говорил о ней, старался возвысить в глазах простого народа воина, готового идти на смерть по первому слову своего повелителя.

«Воин не должен первым здороваться с безоружным, даже если тот старше его по возрасту». «Если воин останется без коня, то простолюдин должен отдать ему своего». «Когда воин идет в поход, о нем обязан заботиться весь народ».

Все эти слова нравились тем, кто следовал за ханом. Но не забывал Тохтамыш и о законах для тех, кто пас скот, кто отдавал в ханское войско сыновей.

«За кровь следует платить кровью, за душу — душой». «За убитого мужчину следует давать сто верблюдов или сто лошадей. Если же их нет, то тысяча баранов — достаточная цена за его жизнь. Жизнь женщины стоит ровно половину того, что следует давать за мужчину». «За сивого коня и постоянно ревущего верблюда надо отдавать полцены».

Глядя на развалины Сарай-Берке, Тохтамыш с горечью подумал, что все реже люди повторяют то, что говорит он, и все чаще можно услышать слова, сказанные Едиге.

«Правитель обязан думать о нуждах народа, и справедливый закон должен быть ему опорой». «Бию пристало судить справедливо, а суд его должен быть честным и строгим». «Пусть земля, на которой мы живем, всегда будет цветущей и просторной». «Пусть будет смелым муж, вступивший на защиту своего народа, а отважный народ станет его опорой». «Пусть всегда будет много скота на нашей земле, а народ наш пусть имеет щедрую душу». «Пусть не будет среди нас нечестных, а если появится предатель, то пусть его поразит первая же стрела...»

Эти слова приписывают Едиге. Так неужели они справедливее тех, что говорил он, Тохтамыш? Если нет, то почему все чаще посматривают в сторону Крыма эмиры, бии и батыры? Тохтамыш хорошо знал, как устроена жизнь в степи. Его, лишенного власти и сильного войска, обязательно должны были покинуть те, на кого еще вчера он опирался без сомнения. Но его не предали тогда, когда он терпел поражение от Тимура, почему это время наступило сейчас, когда все можно начать сначала? И хан понял: тогда Едиге был еще никто. Сейчас же он показал себя человеком мудрым, готовым к решительным действиям, и всем хотелось верить, что Едиге будет более удачливым, чем Тохтамыш.

Нет, надо стать сильным, прежде чем из ставки убежит первый эмир. Если это случится, то других уже не остановишь. Именно поэтому двинул свое войско Тохтамыш в сторону Крыма, желая вернуть его снова под власть Орды.

Словно не желая мешать хану в исполнении его замысла, Едиге ушел с дороги и увел далеко в сторону от Крыма подвластные ему роды.

Тохтамыша это и обрадовало, и насторожило. В поведении Едиге крылась какая-то тайна. Но раздумывать не было времени. Лавиной прокатились по Крыму ханские тумены и осадили Кафу.

Семнадцатого марта года зайца (1396) начался штурм города. Несмотря на яростное сопротивление хорошо вооруженных, одетых в железо генуэзцев, Кафа пала.

Разграбив город, полный новых надежд, Тохтамыш не стал долго задерживаться здесь, а, объявив младшего сына Кадырберди ханом Крыма, поспешил в

кипчакские степи. Он снова верил в свою удачу и надеялся, что отныне все пойдет по-иному...

...Тохтамыш тронул коня и медленно поехал к развалинам Сарай-Берке. На пустых узких улочках теплый, прилетающий из степи ветер гонял пыльные вихри, остро пахло дымом недавнего пожарища, и дожди уже обмыли остатки глинобитных стен, сгладили углы, и те стали похожи на бурые верблюжьи горбы.

Люди надеются, а бог вершит. Воистину сказано, что все в его руках: и удача наша, и жизнь. Снова нахлынули воспоминания, и Тохтамыш нахмурился.

Не прошло и трех месяцев, как завоевал он Кафу, а Едиге уже оказался в Крыму и жестоко расправился с теми, кого оставил там Тохтамыш. Кадырберди только чудом спасся, убежав из города с небольшим отрядом преданных ему воинов.

Снова надвигалась война. Снова, вместо того чтобы набирать и обучать войско, надо было выступать против Едиге и сломать ему хребет, прежде чем он окрепнет.

И здесь случилось то, чего больше всего боялся Тохтамыш с того дня, когда потерпел первое поражение от Тимура,— произошло предательство...

...Хан вздрогнул. Отчего-то вдруг остановился конь. Тохтамыш поднял голову и тревожно оглянулся. Вокруг лежали мертвые развалины города. Среди остатков глиняных стен уже успели подняться полынь. Прямо перед собой хан увидел руины своего дворца. Так вот почему остановился конь. По привычке он привез хозяина туда, где обычно заканчивалась его дорога.

С суеверным страхом смотрел Тохтамыш на то, что осталось от некогда великолепного строения. Его поднял в свое время хан Берке — человек, которому долгие годы удавалось удерживать остов великой Золотой Орды. При нем она была могучей и сильной и казалась вечной, как земля, как небо.

И потом, после него, сколько здесь перебывало ханов — удачливых и не очень, правивших подолгу и всего по нескольку дней. Сколько было отдано сил, сколько было пролито крови, чтобы Золотая Орда могла править миром! И вот теперь все кончилось. С того дня, как русские дружины победили Мамая, над Золотой Ордой словно опустился вечер, а вечно сияющее над ней солнце приблизилось к краю земли. Тохтамыш знал, что остановить его уже невозможно, нет на всем свете таких сил, которые бы заставили солнце двинуться вспять.

Он вдруг окончательно понял: Золотой Орды больше нет, как нет дворца, в котором многие годы жили ее владыки — великие и грозные ханы. Мир уже никогда не будет трепетать при виде поднятого к небу монгольского меча.

Ужас охватил Тохтамыша. Неужели это он погубил империю, созданную его великим предком Бату-ханом? Хан искал причины в себе и не находил их. Так же, как и его предшественники, он воевал и думал только о могуществе Орды. Почему же больше нет ее, почему лежит она в развалинах — жалкая, нищая, обессиленная?

Не дано было открыть, разгадать эту тайну Тохтамышу, оттого что смотрел он только в себя.

Надо было бы уехать из мертвого города, но хан медлил. Снова забурлила кровь в жилах, когда он вспомнил о предательстве. Вчера бежали к Едиге Исабек и еще несколько влиятельных эмиров. Они увели свои тумены и народ подвластных им родов.

Кому другому, но Исабеку Тохтамыш верил как себе, потому что даже в самые страшные минуты тот не покидал его, а стойко переносил все тяготы и лишения, выпавшие на долю владыки Золотой Орды.

Теперь он будет в стане врага. Он не просто беглец, но и предатель.

Из развалин выползла большая серая гадюка и без страха, свернувшись в кольцо, устроилась на оплывшем обломке стены, подставив свое блестящее тело лучам солнца.

Тохтамыш с силой сжал рукоять камчи и хлестнул коня. Он не хотел покоряться судьбе и еще верил, что сможет все изменить. Солнце прошло зенит и быстро катилось к закату.

Тот, кто не сгибается под ударами судьбы, будет вознагражден. Многие беки, эмиры, бии, батыры ушли от хана, но Тохтамыш не пал духом. И словно в награду за это провидение послало ему надежду. Из лагеря Едиге тайно прибыл человек. Послала его дочь Тохтамыша, ныне любимая жена Едиге — Жанике.

Несколько лет назад, когда батыр бежал от хана, вместе с ним убежала и она. Жанике подарила Едиге сына, и оттого любовь его к ней стала еще более сильной.

Но верно говорят в народе, что от семян горькой полыни может вырасти только полынь. Жанике была тщеславна, как и ее отец, вспыльчива и настойчива в достижении своей цели. Она умела замечать то, что происходит вокруг, и вскоре поняла, что рано или поздно ее муж и отец сойдутся в смертельном поединке, чтобы пролить кровь друг друга. От полыни рождается полынь... Оттого и послала она к Тохтамышу своего человека, велев ему сказать хану на словах: «Пусть мой отец не боится Едиге. Я сделаю все, чтобы он успокоился и послал послов с просьбой о мире. Если же он не сделает этого, то пусть винит себя. Мой острый кинжал оборвет его жизнь».

Сердце Тохтамыша от этих слов наполнилось гордостью за дочь. В ее поступке был выход, была надежда. Если Жанике обезглавит дракона, то что сможет сделать его туловище? Нет сейчас в степи такого человека, который бы смог заменить Едиге или сравняться с ним в уме. Снова разбредутся роды, снова начнут ссориться между собой эмиры, бии, беки и батыры за право быть первым.

И, раздумывая обо всем этом, Тохтамыш уже по-настоящему поверил в то, что все именно так и произойдет. Потом пришли тревожные мысли. По всем законам степи, жена, поднявшая руку на мужа, будет проклята, и люди с презрением станут произносить ее имя. Дать согласие Жанике на убийство Едиге — это значит обагрить руки дочери кровью. На миг Тохтамышу захотелось сказать: «Нет!» Но когда он представил, что со смертью Едиге исчезнут всякие преграды и ничто не помешает ему снова возвыситься, хан превозмог себя. Ради того, чтобы снова возродить Золотую Орду и снова править ею, можно пойти на любые жертвы. Пусть будет проклята не только Жанике, но и весь род Тохтамыша, лишь бы умер Едиге, лишь бы он не стоял на пути!

Нет, не сразу решилась Жанике на убийство мужа, потому что в свое время по любви, по велению сердца соединила с ним свою жизнь. И оттого сын у нее родился как две капли воды похожий на Едиге. И дали ему имя Султан-Мухаммед. Много раз говорила Жанике с мужем, умоляя его помириться с отцом, заклинала сыном, но Едиге был непреклонен. И тогда она, решительная и дерзкая, как и ее отец, подумала: «Умрет муж — найду другого, не станет ребенка — рожу другого. Если же погибнет отец, то кто заменит его мне? Если отец перестанет быть ханом, это будет равносильно его смерти. Благодаря его силе и могуществу все кланяются мне. На свете много красивых женщин, и если я перестану быть дочерью хана, мои соперницы — другие жены Едиге — станут указывать на меня пальцем и смеяться. Они уговорят Едиге оставить меня. Так не лучше ли мне сохранить отца и пожертвовать мужем?»

И словно нарочно, чтобы укрепить уверенность Жанике в том, что решение ее правильное, Едиге взял себе еще одну жену — дочь знатного эмира. Умом она понимала, что муж поступил так для того, чтобы, породнившись с эмиром, привлечь на свою сторону новые роды, пополнить свое войско новыми силами.

И все-таки это было грозное предостережение. Что произойдет завтра, если отец погибнет, а Едиге разлюбит?

Ревность завладела сердцем Жанике, а от ревности до желания мстить всего один шаг. И она приняла твердое решение.

Жанике позвала к себе преданного ей джигита и сказала:

— Приготовь двух самых быстрых коней. Мы убежим с тобою отсюда.

— Когда это нужно сделать, моя повелительница? — ни о чем не спрашивая, сказал он.

— Я дам знать, когда наступит урочное время...

Джигит поклонился и молча вышел из юрты.

Едиге словно забыл о существовании Жанике и предавался радостям любви с молодой женой. От всего этого всегда горячее сердце женщины словно заледенело. Она теперь твердо знала, что убьет мужа. Все чаще, мысленно, Жанике видела, как сделает это, как проведет с ним последнюю ночь. От предвкушения скорой мести в глазах ее появился таинственный, мерцающий свет. И она дождалась своего часа.

Ночь была теплой. Полог, обычно закрывающий вход, был откинут, и тихий ветер приносил в юрту запах жузгена и полыни, смешанный с солоноватым запахом далекого моря. Лунный свет, падающий через отверстие в своде юрты, казался серебристым и призрачным.

Едиге и Жанике лежали усталые, уже узнавшие любовь, и молчали. Сквозь войлочную стену юрты было слышно, как поют цикады, как изредка где-то совсем рядом пробегает тушканчик и под его лапками тихо позванивают мелкие камешки.

Батыр положил свою сильную руку на грудь жены. Сердце Жанике стучало часто-часто, и ему показалось, что она только что остановилась после долгого бега.

Давно не было Едиге так хорошо с женой. На миг ему показалось, что вернулись те, первые дни, когда они убежали от Тохтамыша. Она ведь знает, что он враг ее отца, и все равно продолжает любить верно и преданно, а ласки ее горячи и желанны.

Жанике тихо подвинулась к мужу, уткнулась лицом в его грудь.

— Я хочу пить...— сказал он.

Жанике быстро поднялась с постели. В дрожащем призрачном свете луны тело ее казалось высеченным из мрамора. Едиге невольно залюбовался женой. Он смотрел, как взбалтывала она кумыс в кожаном мешке — сабе, как наливала в большую серебряную пиалу, и не мог оторвать взгляда от ее крепких грудей, полных бедер и гибкой тонкой талии. Ему даже показалось, что она никогда не рожала, так хороша была ее девичья стать.

Едиге сделалось неловко оттого, что последнее время он совсем забыл о Жанике. Разве может быть кто-нибудь прекраснее, чем она, похожая на сказочную пери из рая?! Это прекрасно, когда вот так можно видеть женщину обнаженной, не стыдящейся своей наготы.

Двумя руками батыр принял из рук жены пиалу с кумысом и, припав к ней губами, не отрываясь, выпил всю до дна.

Утолив жажду, Едиге откинулся на постели. Жанике прилегла рядом и стала гладить грудь мужа.

— Ты давно не была такой...— негромко сказал Едиге.— Что случилось?

Жанике помедлила с ответом, потом сказала:

— Я и сама не узнаю себя. Сегодняшняя ночь мне кажется последней...

— Милая... У нас еще много будет таких ночей...

Жанике крепко обняла мужа и ничего не ответила. Едиге тоже молчал, смотрел на осколок неба, видный в куполе юрты, на тихо мерцающие звезды и вдруг сказал:

— Да чего же ты сладка, жизнь!

— Не надо войны,— горячо сказала вдруг Жанике.— И мир всегда будет таким.

— Это невозможно...

Женщина помедлила, а потом спросила:

— Почему?

Даже в темноте она почувствовала, как нахмурился Едиге, и тогда Жанике наклонилась над ним и поцеловала его в губы.

Ни любовью, ни словом нельзя было остановить этого человека, заставить его отказаться от задуманного. Значит, надо было сделать то, что она решила.

Рука Жанике скользнула под подушку, и ладонь сжала холодную костяную рукоять кинжала.

Едиге вдруг вздрогнул всем телом и приподнялся в постели:

— Мне показалось, что в юрту заползла змея...

Пересохшими от волнения губами Жанике сказала:

— Откуда ей здесь быть? Аул стоит на этом месте давно, и все проверено.

Она еще сильнее прижалась к Едиге и заставила его лечь. Губы ее снова коснулись губ мужа. И это был прощальный поцелуй.

— О аллах! — с тоскою сказала Жанике.— Почему жизнь так коротка и почему в ней так мало радости? Неужели нельзя все изменить и сделать человека бессмертным?

Едиге перевернулся на бок, и пальцы женщины разжались, оставили кинжал. Наносить удар было неудобно.

— Разве ты не слышала о том, что перед святым Коркутом, где бы он ни находился за свою долгую жизнь, всегда стояла могила?

Кто в Дешт-и-Кипчак не слышал эту легенду? Коркут прожил больше сто лет и много хорошего сделал для людей. Он излечивал калек, несчастных делал счастливыми. Но главной мечтой Коркута было победить смерть. И когда пришла старость, всевышний послал к нему ангела смерти Азраила. Святой не захотел безропотно принять волю всевышнего и, сев на свою быструю как ветер верблюдицу Желмая, пустился бежать от смерти. Много дней мчался он на юг и, когда достиг края земли, увидел людей, копавших яму. Коркут спросил их: «Что вы делаете?» — «Копаем могилу Коркуту»,— сказали они. В страхе помчался святой на север, но и здесь повторилось то же самое. И так было всюду, куда бы он ни направлял свою верблюдицу. Но и на этот раз не покорился упрямый Коркут. Он спрятался в непроходимую лесную чащу, где не жили даже звери, но и здесь увидел следы смерти — вокруг лежали поваленные ветром, гниющие стволы деревьев. Выходило, что и здесь нет вечности. Тогда Коркут направился на вершину горы Кап, где останавливались на начлег одни облака, а нога человека ни разу не ступала на ее вершину. Велико было горе святого, когда он увидел, что и здесь повсюду следы тлена — камни от воды и ветра разрушались и превращались в прах. Коркут убедился, что в подлунном мире нет вечности, нет ничего такого, что бы могло противостоять смерти. И тогда он решил ее обмануть. Святой постелил свой волшебный, нетонущий ковер на волну великого океана, сделал из особого дерева никем еще не виданный музыкальный инструмент — овальный кобыз — и стал играть на нем свою знаменитую мелодию «Кюй Коркута» Святой думал, что, пока человек что-то делает, да еще находится в таком уединенном месте, как океан, смерть не настигнет его. Он играл, не переставая, день, второй, месяц, год, но однажды он на миг задремал. И тотчас из глубины океана поднялась водяная змея и укусила его. Так

умер великий Коркут. Люди нашли его тело и похоронили на берегу Сейхундарьи, в трех фарсахах от урочища Карманчи. И сегодня его могила находится там.

— Святого называли Коркутом — пугливым, потому что он боялся смерти? — тихо спросила Жанике.

— Наверное... А кто ее не боится, смерти?

— А разве ты боишься?

— Боюсь. Бессмертна только нечистая сила... Ее невозможно убить.

— Если бы мы были бессмертны, то, наверное, тоже бы превратились в нечистую силу... В ведьм, чертей...

— Я не знаю этого... Мне известно только одно, что человек смертен.

Где-то далеко в степи жалобно заверещал заяц...

Жанике вновь просунула под подушку руку и сжала рукоять кинжала. Едиге, словно желая помочь ей исполнить свое намерение, откинулся на постели, вытянув шею. И вдруг он заговорил вновь:

— Смысл жизни не в том, сколько ты прожил, а в том, как ты прожил отпущенный тебе аллахом срок. Я бы не променял сегодняшнюю ночь еще на полжизни.

«Малая вещь ценится вдвойне...» — повторила она про себя. Так зачем же раньше времени прерывать эту прекрасную ночь, похожую на их первую ночь любви? Времени осталось совсем мало. Летняя ночь коротка, и скоро ей наступит конец. Вот тогда-то, на исходе ее, и можно будет убить Едиге.

Она забыла о кинжале, горячо и страстно обняла мужа. По телу прошла сладостная дрожь. «Пусть будет хотя бы еще один миг, хотя бы еще...» — успела подумать Жанике.

Тело Едиге откликнулось на ласку жены, и мир исчез — потухли звезды, которые только что смотрели в юрту через отверстие в своде, умерли звуки.

Обнимая тело Жанике, рука Едиге вдруг наткнулась на что-то холодное. Рука воина сразу же узнала в предмете кинжал, но, не в силах прервать миг наслаждения, батыр просто отшвырнул его подальше от ложа и продолжал предаваться любви.

И только потом, лежа рядом с женой, опустошенный и усталый, Едиге вдруг понял, почему сегодня случилась необыкновенная ночь. Жанике прощалась с ним. Он сказал:

— И вправду похоже, что сегодня наша последняя ночь...

Что-то пугающее, незнакомое было в голосе мужа, и Жанике поспешно протянула руку к тому месту, где лежал кинжал. Его не было...

И страха не было. Вместо этого проснулась в душе странная, незнакомая прежде дерзость.

— Большую половину жизни ты прожил,— сказала Жанике.— За сегодняшнюю ночь ты готов был отдать другую половину...

Она думала, что Едиге охватит гнев, но он очень спокойно спросил:

— Что помешало тебе осуществить задуманное?

— Разве ты не понял? Любовь...

— А может быть, не любовь, может быть, просто наслаждение заставило тебя забыть об осторожности?

— Нет,— упрямо повторила Жанике.— Проснувшаяся вновь любовь отняла у меня разум...

Едиге долго молчал, и Жанике покорно ждала решения своей участи. Наконец он сказал:

— Я уже не молод... Мне пятьдесят... И сегодняшнюю ночь... Если ты сумеешь простить себе то, что хотела сегодня совершить надо мною, то я прощаю тебя...

Спазма сдавила горло Жанике. Хотелось плакать, но слез не было.

— Спасибо тебе... Ты великодушен, как хан...

Едиге ничего не ответил на эти слова. В юрту тихо вползали размытые рассветные сумерки.

— Приготовь воду для умывания,— сказал он.— Наступает утро...

Степь жила неспокойно. Все, казалось, оставалось по-прежнему — так же кочевали роды, люди ухаживали за скотом, радовались рождению детей, печалились, когда приходила смерть, но где-то подспудно уже бродило в народе недовольство, чаще вспыхивали жаркие споры и срывались с языка злые слова. Это значило, что люди устали от бесконечных междоусобиц, постоянных стычек и убийств.

Степь помогла Едиге победить. Была вера, что новый хан — не чингизид, а значит, будет больше думать о народе, и наконец придет долгожданный мир. И вначале все было именно так. Но, видимо, недаром говорят, что если иноходцу приходится долго бежать, то рано или поздно он перейдет на обычный шаг и его будет трудно отличить от простой лошади.

Едиге был азартным всадником и не любил останавливаться. С каждым годом ему хотелось все большей славы и власти; и чем громче делалось его имя, тем нетерпеливей и безрассудней становился хан.

Славу степняку приносят только войны, и Едиге это хорошо понимал. Тщеславие его было велико. Он возвысил над всеми родами, кочевавшими в Дешт-и-Кипчак, свой род мангыт, и о хане с неодобрением стали говорить, что он больше не вождь всего народа, а только повелитель своего рода.

Возвышение одних и унижение других всегда порождает несправедливость. Так случилось и здесь. Но кто посмел бы сказать об этом вслух, кто решился бы выступить против всесильного хана?! И когда завязывается такой узел, разрубить его может только случай.

И этот случай пришел. Был он, как всегда, неожидан, но степь будто ждала его.

Страшная весть облетела Дешт-и-Кипчак. За неповиновение по приказу Едиге был полностью вырезан один из алчинских аулов. Воины хана не щадили никого. В эту ночь под их кривыми саблями пали почти все жители аула. Не было пощады даже старикам и детям.

Страшная весть черной птицей облетела степь из края в край, но первыми поднялись соседи алчинцев, воины рода кенегес. Словно река в весенний паводок, забурлила Дешт-и-Кипчак. Вырвалась на волю годами копившаяся ненависть. Руки людей потянулись к оружию.

Во главе недовольных встал предводитель племени кенегес бий Актайлак. Он был стар, но мудр, и потому люди услышали его голос. Актайлак-бий говорил:

— Ханская власть — это шестиглавый дракон. Он будет глотать людей до тех пор, пока не найдутся батыры, которые отрубят ему головы. Пять сжатых пальцев — это кулак. Объединившиеся роды и племена — народ. Если мы будем все вместе, то что сможет сделать с нами хан?!

И всколыхнулась степь Дешт-и-Кипчак:

— Правильно говорит мудрый старец!

— Все племена и роды степи должны собираться вместе!

— Главное — начать!

— Пусть скачут гонцы!

Представители всех родов съехались в аул Актайлак-бия на большой совет, и все были едины в своем желании выступить против Едиге.

Слово попросил юный джигит Тоган, сын Алау-батыра.

— Я мангыт,— сказал он,— но моя мать из вашего рода, рода кенегес, и потому я хочу быть с вами.

Собравшиеся одобрительно зашумели:

— Молодец, племянник...

— Сразу видно, что орленок из нашего гнезда...

Актайлак-бий провел ладонью по седой бороде.

— Слушайте наше решение,— негромко, но твердо сказал он.— Пусть все мужчины рода кенегес через три дня соберутся в урочище Кзылшия. Я же выступлю со своими джигитами сегодня ночью.

Но степь есть степь. Здесь невозможно сохранить тайну, как невозможно в дырявом бурдюке сберечь воду. Когда восставшие кенегесцы через двое суток добрались до урочища Кзылшия, они увидели перед собой ханское войско. Во главе его стоял Карасур-батыр.

Не было предела отчаянию кенегесцев. Всякий, имеющий глаза, видел, что им не одолеть золотоордынское войско, потому что главные силы восставших были еще далеко и подойти к месту битвы могли лишь через несколько дней.

Злорадно усмехаясь, выехал навстречу кенегесцам на гнедом жеребце сам Карасур-батыр. Был он огромен и грозен. В степи Карасур-батыра хорошо знали. Он был монголом из рода барын, всего три года назад пришел на службу к Едиге, но рассказы о его жестокости и кровожадности уже успели облететь всю Дешт-и-Кипчак. И еще славился Карасур-батыр страшной, нечеловеческой силой. Его булава с железным, утыканным острыми шипами шаром, разила противника без промаха и наповал.

Горяча своего гнедого жеребца, поднимая его на дыбы, монгол крикнул:

— Эй вы, безмозглый сброд! Пусть выйдет на поединок со мной тот, кто уговорил вас выступить против великого хана Едиге!

Актайлак-бию давно минуло восемьдесят, но сердце его по-прежнему было горячим, и он любил свой народ.

Оглянувшись вокруг, он увидел хмурые, бледные лица своих воинов. Мудрый старец хорошо знал, что ждет их совсем скоро — быстротечная жаркая битва и смерть. И, стараясь, чтобы все услышали его, бий крикнул:

— Люди, я позвал вас за собой и привел сюда! И потому я принимаю вызов!

Из рядов воинов вдруг выехал Тоган на бархатисто-черном горячем скакуне. Он поднял над головой руку со сжатым кулаком.

— Нет, нагаши-ата[1]! — крикнул он.— Разве нет среди нас батыров, чтобы посылать на поединок мудрых старцев?!

И, не дожидаясь согласия Актайлак-бия, Тоган ринулся вперед. Подобно черной молнии, несся он по степи, а навстречу ему уже мчался Карасур. Все произошло так быстро, что никто даже не успел крикнуть Тогану слов одобрения.

Всадники сблизились. Мелькнула в воздухе тяжелая палица монгола. И случилось то, чего никогда не случалось: грозное, неотразимое оружие не задело юного воина. Огромный гнедой жеребец Карасура тяжело промчался мимо. Легко развернул своего скакуна Тоган и понесся вслед за монголом. И, едва тот успел повернуть своего коня, острый наконечник копья юного воина впился в горло Карасура. Монгол тяжело осел и медленно вывалился из седла.

Ликующие крики раздались среди кенегесцев.

— Карасур повержен!

— Бог милостив к нам!

— Вперед!

— Пусть враг знает нашу силу!

---

[1] Нагаши-ата — дед по матери.

От топота копыт задрожала земля. Вдохновленные победой Тогана, лавиной ринулись вперед воины-кенегесцы.

Но недолго кипела битва. Слишком неравными были силы. Золотоордынцев было больше, да и вооружены они были лучше.

Упал с белого верблюда Актайлак-бий, сраженный стрелой, чья-то острая сабля достала юного Тогана. Но самое страшное случилось потом. Не зная о том, что произошло в урочище Кзылшия, сюда подходили из степи все новые и новые отряды. И с каждым из них легко расправлялось золотоордынское войско. Ветер нес над великой Дешт-и-Кипчак запах гари и крови.

Тихо и тревожно стало в степи. Однажды ночью к могиле Тогана пришел воин, слагающий стихи. Он был уже немолод, и первая седина сделала его виски серебряными. И в этот раз судьба подарила ему жизнь. Вместе с воином был маленький сын Тогана...

Высокая ясная луна освещала поле недавней битвы. Лицо воина было суровым, а губы шептали:

— Я вновь увидел народ, у которого на глазах кровавые слезы.
Я вновь увидел стервятников, жаждущих крови.
Не добыл народ мой победы,
Лишь могилы оставил он на просторах родной степи.
Вновь народ мой в великой печали,
Ищет он выхода — и не находит.
И мои глаза застилают горячие слезы.
Стервятником горе терзает мою душу.
Пусть будет проклята эта жизнь!
Пусть будут прокляты земля и небо!
Не пришло еще время справедливости!
Но пусть не заржавеют мечи и не затупятся стрелы!

Едиге, узнав о поражении восставших, сказал с презрением:

— Так будет со всеми, кто осмелится поднять руку на Золотую Орду.

Откуда было знать хану, что день этой битвы стал днем начала его конца. И пройдет совсем немного времени, когда ему потребуется помощь народа, но итильжаикские кипчаки отвернутся от Едиге, и, спасая свою жизнь, погонит он своего усталого коня в северо-восточные пределы Орды, но и там не найдет он сочувствия. И станет похожа его жизнь на сухую траву перекати-поле.

Едиге был далек от мысли ради любви к Жанике отказаться от борьбы с Тохтамышем. Единственное, что пообещал он жене,— это не убивать ее отца, не запятнать свои руки кровью родственника. Судьбу Тохтамыша должна была решить битва и воля аллаха.

Жанике поверила ему. Вот почему на требование отца, переданное с тайным гонцом, поскорее кончать с Едиге ответила: «Он отец моего единственного сына. Свой спор решайте между собой сами».

Тохтамыш, узнав об этом, пришел в ярость. Он так надеялся, что все в самый короткий срок решить в его пользу. Задуманное рухнуло. Впереди — неизвестность и борьба.

Отныне все мысли Тохтамыша были заняты подготовкой к битве с Едиге. И первое, что сделал хан,— это послал своих послов просить помощи у булгар и рязанского князя. Но, словно чувствуя слабость Тохтамыша и его обреченность, бывшие союзники дали уклончивый ответ. Они выжидали.

Войска Тохтамыша и Едиге сошлись в низовьях Тана глубокой осенью года барса (1398). День выдался пасмурный. Над огромным полем, выбранным для битвы, плыли клочья тумана, и временами начинал моросить мелкий холодный дождь.

Пасмурным, сумрачным было и настроение воинов. Не было заметно обычного оживления, которое охватывает людей накануне сражения. Повинуясь воле своих повелителей, они покорно ждали знака к началу битвы. Сражаться никому не хотелось, потому что вновь, как во времена Мамая, надо убивать людей, близких по крови. Совсем иное дело ходить в походы на чужаков, на иноверцев. Еще вчера алшинец брал себе в жены девушку из Крыма, а через мгновение его сабля должна была скреститься с саблей ее отца.

Но что могли поделать воины, если этой битвы хотели эмиры, бии и батыры? Гончая, насильно натравленная на лису, никогда не догонит ее: джигиты, которых насильно гонят на битву, не покажут настоящего мужества и доблести.

Только батыр Кенжанбай с нетерпением ждал начала битвы. Больше всего на свете хотелось ему скрестить свою саблю с саблей Едиге. И причина для этого была. Кенжанбай считал товарища своего детства виновником братоубийственной войны. И, едва войска противников двинулись друг к другу, Кенжанбай вырвался вперед на своем горячем скакуне и крикнул:

— Едиге, я вызываю тебя на поединок! Ты поступаешь подло со своим народом и потому не должен жить!

Две живые стены, ощетинившись копьями, замерли, ожидая, что ответит Едиге. И когда тот наконец выехал и встал впереди своего войска, Кенжанбай, багровый от гнева, обратился к нему:

— Послушай меня, Едиге!
Блистал и умом ты, и мыслью,
Подобно горе возвышался
В просторах безбрежных Итиля и Жаика.
Теперь же, за славой погнавшись,
Коварством своим ты сделал
Врагами близких по крови людей.
Я, Кенжанбай, говорю тебе это в лицо.
Каблуками сапог своих
Ты тело мое изранил.
Стрелою каленой убью я тебя,
Чтоб не погибли невинные люди.
Скорей защищайся! Я к битве готов!
Судьба нас рассудит...

На смуглом лице Едиге проступили красные пятна, зрачки сузились, и тяжелые веки, опустившись на глаза, сделали их похожими на две щелки.

— Твой меч, Кенжанбай, в крови.
Мы вместе с тобою росли.
Ты с детства был тугодум.
И годы не прояснили твой ум.
Много лет правит твоею Ордой Тохтамыш,
Каких он достиг перевалов?
Какое дело совершил?
На великую степь кипчакскую
Нападали враги не раз.
Реки крови текли,
И народ изнывал от ран.
Несчастный ты, Кенжанбай,
Если не видишь, причина в чем.
Чем на меня рычать и бросаться,
Лаял бы на своего любимого хана.
Если голова твоя из железа
И не знаешь, куда ее деть,
Коль не можешь узнать,
Кто твой друг, а кто враг,
Я готов сразиться с тобой...

Встали на дыбы кони под батырами, чуя близкую кровь, и помчались навстречу друг другу, разметав по ветру густые гривы...

Кенжанбай был аргыном из рода кенегес. Несмотря на свою малочисленность, кенегесцы отличались независимостью нрава, прямотой в речах и умели держать слово. Из-за этих качеств они нередко попадали в трудное положение. Недаром в степи говорили про них: где кенегесцы — там ссоры. Но и другое отмечали люди. Человек из этого рода не предавал друга и всегда оставался верным товарищем.

Кенжанбай был настоящим кенегесцем. Смел, решителен, остер на язык, а слава его, как лучшего стрелка из лука, гремела по всей Дешт-и-Кипчак.

Неспокойно жил Кенжанбай. Вражда эмиров, биев, беков и батыров казалась ему противоестественной. Не было от нее пользы Орде, а тяготы падали на плечи простого народа. И оттого вся жизнь его была поиском справедливого правителя, который бы прекратил междоусобицы и думал бы о своем народе. Так он в свое время оказался на стороне Мамая.

Здесь судьба свела его с батыром Акпанбетом из монгольского рода Барын. Вместе ходили они в походы, вместе сражались. И нередко сабля одного отводила беду от другого. Никто не смел в присутствии Кенжанбая сказать неуважительное слово об Акпанбете, и тот, в свою очередь, никогда не позволял говорить плохо о друге. Без выгоды, на взаимной честности, стояла эта дружба.

Но однажды случилось то, что никто и никогда не может предсказать. Не бог и не судьба, а хан Мамай вмешался в дружбу батыров.

После его поражения на Куликовом поле от русских полков, возмущенный тем, как хан управляет народом и распоряжается людскими жизнями, Акпанбет, в сговоре с другими эмирами родов барын и шырын, решил убить его. Кенжанбай в это время находился в низовьях Итиля и ничего не знал о заговоре. Случись по-иному, он непременно оказался бы на стороне друга.

Кто-то донес Мамаю о заговоре, и он приказал схватить виновных и обезглавить их. По степным обычаям, та же участь ожидала и семьи заговорщиков. Преданные хану люди вырезали жен и детей мятежных эмиров, и только семье Акпанбета повезло — жена его накануне отправилась в гости к родственникам в предгорья Кавказа.

Перед смертью Акпанбет шепнул одному из воинов: «Скажи Кенжанбаю: пусть спасет моего сына». В степи всегда боялись мести: сын убитого мог, став джигитом, убить кровного врага.

Весть о смерти друга застала Кенжанбая на пути в Орду. Он хорошо понимал, что в одиночку ему не отомстить хану, да и над его собственной жизнью нависла опасность: Мамай знал о его дружбе с Акпанбетом и мог, опасаясь мести, поступить точно так же, как он поступил со всеми другими заговорщиками. Поэтому Кенжанбай, прежде чем возвращаться в Орду, заехал к аргынскому батыру Караходже, чтобы посоветоваться с ним, как поступить дальше.

Было решено, не производя большого шума, сняться с насиженных мест и уйти в Дешт-и-Кипчак, туда, где аул Кенжанбая не смогла бы достать рука хана.

А люди Мамая уже рыскали по степи, искали семью Акпанбета, и потому с небольшим отрядом поскакал навстречу им Кенжанбай. Стремительно распространяются в степи новости-слухи, и быстрее ветра долетела до батыра весть, что схвачен трехлетний сын Акпанбета — Тастемир.

— Я ничем не могу тебе помочь, батыр,— сказал сотник, возглавлявший карательный отряд.— Хан знает, что у Акпанбета есть сын, и, он велел нам привезти его. Ребенка должны умертвить на его глазах. Хан опасается, что со временем, если кто-нибудь спасет мальчика...

— Я дам тебе много золота, скота...— сказал Кенжанбай.

Сотник отрицательно покачал головой.

— Зачем мне богатство, если я могу расстаться с жизнью, коль не выполню приказ хана?..

Кенжанбай подумал, что проще перебить отряд, отнять ребенка силой, чем вести этот торг, но сейчас же остановил себя, отказался от первой мысли. Степь только кажется пустой. Не пройдет и дня, как Мамай будет знать обо всем, что здесь произойдет. И тогда он прикажет своим воинам вырезать все аулы родов аргын и кенегес, и никому не удастся уйти в Дешт-и-Кипчак. Русские разбили Мамая, но у него остались еще кое-какие силы, их-то для мести вполне хватит.

— Я дам тебе много золота и скота...— вновь сказал Кенжанбай и пристально посмотрел в глаза сотника.— А ты что-нибудь придумай... Неужели твой ум иссох и перестал быть изворотливым?

Сотник не обиделся, а задумался.

— Есть один выход, но...

— Говори.

— Хан не может знать в лицо сына Акпанбета... Если на его месте окажется другой ребенок того же возраста, тогда...

Это была спасительная, но и страшная мысль. У кого можно было отнять или попросить ребенка, чтобы подменить им маленького Тастемира? Кенжанбай не мог пойти на такое. Но если погибнет сын Акпанбета, то навсегда погаснет огонь в его очаге. Батыр вспомнил друга живым, его голос, его жесты, вспомнил, сколько раз тот спасал его от смерти, а на глазах навернулись слезы.

— Торопись батыр. Думай. У тебя совсем мало времени...— вкрадчиво сказал сотник.

— Хорошо. Ты разобьешь здесь походный лагерь и велишь своим людям отдыхать. На рассвете я привезу тебе мальчика, которому будет столько же лет, сколько Тастемиру.

— Смотри, батыр. Сдержи слово... Не забудь и об остальном...

Кенжанбай не ответил. Конь его уже мчался по степи в сторону родного аула.

На страшное решился батыр. В его юрте росли сыновья-близнецы Жанузак и Кунузак. Одного из них решил отдать он на смерть ради сына друга.

В эту ночь осуществил задуманное Кенжанбай. Так в его юрте вместо Жанузака появился Тастемир. На рассвете роды аргын и кенегес ушли в Дешт-и-Кипчак, навсегда покинув Орду Мамая.

Минуло время, и два мальчика выросли у батыра, превратились в стройных и сильных джигитов. Они уже знали страшную правду о прошлом, но все равно называли друг друга словом «брат» и Кенжанбая — отцом.

И сегодня на поле битвы они стояли рядом и, не отрывая глаз, смотрели на Кенжанбая, который вызвал Едиге на поединок. Когда же стало ясно, что тот не струсит и не откажется скрестить свой соил с соилом их отца, названые братья соскочили с коней на землю, навесили на шею пояса, упали на колени и, воздев к небу руки, попросили помощи у всевышнего.

— Аксарбаз! Аксарбаз! — кричали они, давясь слезами.— О аллах, исполни наше желание! Возьми наши жизни, но спаси отца нашего, Кенжанбая! Спаси!

Джигиты знали, что нет в степи лучшего стрелка из лука, чем их отец, но в бою на коне не было лучшего воина, чем Едиге. И все-таки они молили аллаха о чуде, забыв, что чудес не бывает. А может, прости всевышний не услышал их молитвы?

Мчались навстречу кони, и развевались по ветру их густые гривы... Более ловким оказался Едиге. Его соил опустился на бедро Кенжанбая. Дрогнуло тело батыра, но он удержался в седле, хотя перестал чувствовать ногу, по которой пришелся страшный удар.

И вновь, подобно урагану, налетел Едиге, и снова чуть промедлил Кенжанбай. Новый удар пришелся по второму бедру батыра, и он, припав грудью к луке седла, тяжело вывалился из него.

И, уже лежа на земле, Кенжанбай видел, как легко спрыгнул с коня Едиге, как неторопливо подошел к нему. На грудь навалилась тяжесть, и у самого своего лица он сквозь застилающий глаза туман увидел пыльный сапог врага. Сбросить его, оттолкнуть не было сил. И еще слышал Кенжанбай, как терлось друг о друга железо — это Едиге вынимал из ножен саблю, чтобы добить его.

Сразу же пришло облегчение, и не было иной мысли, кроме мысли о том, чтобы скорее все кончилось и чтобы больше не видеть ничьих глаз.

— Батыр! Прощенья! Прощенья! — закричали воины из родов аргын и кенегес.

Едиге занес было саблю над головой Кенжанбая, но вдруг опустил ее.

— Живи пес! — с презрением сказал он.— Мы все-таки когда-то росли вместе.

— Будь ты проклят! — отрывая свое тело от земли, прохрипел Кенжанбай.— Лучше умереть, чем пережить такой позор!

Но Едиге уже не слышал его слов. Нахлестывая коня, он мчался к своему войску.

К поверженному Кенжанбаю подскакали джигиты, перебросили его неподвижное тело через седло и увезли с поля битвы. Не знали они, что делают это напрасно. Воин, переживший такой позор, уже не жилец на свете. Не прошло и года, как Кенжанбай умер от тоски и горя.

Но это будет потом. А сейчас сошлись два войска, и зазвенело злое железо, и первая кровь брызнула на сырую увядшую траву. Низко плыли над землей тяжелые облака, опускались на плечи сражающихся воинов белыми клочьями тумана, словно укрывая их саваном.

И записал в тот год русский летописец со слов знающих людей короткие слова об этой кровавой битве, как напал «некий царь, именем — Темирь-Кутлук, и бысть им бой велик и сеча зла. И одоле царь Темирь-Кутлук царя Тохтамыша и прогна, и сяде сам на царстве Волжском Большиа Орды, а Тохтамыш царь побежа к Литовским странам».

Победив Тохтамыша, Едиге провозгласил новым ханом Золотой Орды своего давнего товарища по походам, ведущего свой род от великого Чингиз-хана, Темир-Кутлука. Сам же он стал при нем эмиром, в подчинении которого находилось все войско.

И Едиге, и Темир-Кутлук, как и все предыдущие правители Золотой Орды, верили, что им предопределено судьбой и богом вновь сделать ее сильной и могучей. И они пошли той же дорогой, которой до них следовали другие,— стали укреплять войско.

Тохтамыш ушел в литовские земли со своим аулом, со всеми многочисленными родственниками и домочадцами. В Киеве как самого близкого друга встретил его сам князь Витовт.

Не дружба и бескорыстие руководили поступками тех, кто повелевает народами, а выгода. О ней же думал и Витовт. В последние годы великое княжество Литовское окрепло, набрало силы. Пользуясь распрями между русскими князьями, Витовт отобрал у них часть земель на востоке, завоевал Курляндию, Польшу, и взор его обратился теперь в сторону Золотой Орды. Пользуясь тем, что после поражения Мамая на Куликовом поле Орда, по сути дела, постоянно пребывала в раздробленности и схватки между претендентами на ее трон не утихали, литовский князь совершил два похода в степь. В год коровы (1397) он доходил до реки Дон, а в следующем году пожег и пограбил аулы кочевников в верховьях Днепра. Серьезного сопротивления Витовт здесь не почувствовал, а потому уве-

ровал, что легко сможет расправиться с Золотой Ордой. Тохтамыш ему нужен был, чтобы осуществить задуманное. Оказав помощь бывшему хану, вернув ему отнятый соперниками трон, князь рассчитывал подчинить себе Орду и использовать ее для борьбы с русскими княжествами.

Темир-Кутлук и Едиге без труда разгадали замысел Витовта и поняли, какую опасность может представлять для них Тохтамыш, если его поддержит литовский князь. Потому тотчас же в Киев были отправлены послы, и велено им было требовать у Витовта выдачи Тохтамыша как злейшего врага нового хана. Послание было суровым, составленным из слов твердых и жестких.

Но это не испугало великого литовского князя, и он, приняв подарки, присланные Темир-Кутлуком, ответил новому хану дерзко и с вызовом. В своем послании он писал, что друга своего Тохтамыша не выдаст, а со всем своим огромным войском пойдет на татарские земли и, победив царя Темир-Кутлука, заберет его богатства. «...И посадим в Орде на царстве его царя Тохтамыша, и на Кафе, и на Азове, и на Крыму, и на Астаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем Приморье, и на Казани; и то будет все наше и царь наш».

Едиге и Темир-Кутлук начали готовиться спешно к войне, с тревогой поглядывали на русские княжества. Как поведут они себя, что предпримут? Но Москва выжидала. Ни Литве, ни Орде не желала она усиления, так как они оставались ее врагами. Русь давно уже никому не кланялась и никого не боялась. Лишь изредка приходилось ей малой кровью отбрасывать со своих пограничных владений бродячие татарские отряды, ищущие добычи.

Измотанная, обескровленная бесконечными внутренними войнами, Орда в это время хотела только одного — чтобы Литва и Русь не объединились, не пошли на нее общими силами.

Едиге в короткое время сумел собрать большое боеспособное войско. Теперь под знаменем нового золотоордынского хана Темир-Кутлука было двести тысяч воинов-всадников. Для прежнего величия Золотой Орды — ничтожно мало, но для того, чтобы начать все сначала,— хватит.

Одно было плохо: занятая распрями Орда по-прежнему была уверена, что для победы над врагом достаточно смелости воинов. Как и двести лет назад, всадник был вооружен саблей, копьем и луком. В Литве же и на Руси уже пользовались пищалями, пушками, самострелками. В телегах, окованных железом, вслед за войском ехали знающие люди, приставленные к новому оружию, которое наносило большой урон неприятелю.

Для содержания войска где-то надо было брать деньги, и новый хан потребовал, чтобы, как и в прежние времена, роды платили в казну подати. Люди, и без того разоренные нескончаемыми войнами, вынуждены были отдавать последний скот, а чтобы хоть как-то прокормиться, шли в войско Едиге.

Великий литовский князь Витовт не заставил себя долго ждать и поспешил исполнить свою угрозу. На следующий год с огромным войском, в составе которого были даже рыцари немецкого ордена, он выступил в поход. Вел литовцев на земли Орды Тохтамыш.

Витовт и Темир-Кутлук встретились на берегу реки Ворскла. Со страхом и тревогой смотрел золотоордынский хан на грозный, ощетинившийся пушками лагерь литовского князя. Едиге еще не прибыл к месту будущей битвы, и некому было укрепить дух робкого Темир-Кутлука.

По ночам он с замиранием сердца смотрел на бесчисленные костры на противоположном берегу. Хану казалось — красноватые огни пылали по всей земле, и приходила мысль, что воинам князя нет числа.

Ужас охватил Темир-Кутлука, когда однажды с литовской стороны вдруг ударили пушки. В золотоордынском лагере началась паника. Степные кони, непривычные к грохоту, вставали на дыбы, рвали путы и уносились во тьму, круша на своем пути походные шатры, затаптывая копытами людей.

Когда в лагере вновь наконец воцарился порядок, хан, чтобы унять вздрагивающее сердце, долго пил вино, но страх был настолько велик, что забвение не приходило.

Утром в золотоордынский лагерь прибыли послы князя Витовта.

«Бог подчинил мне все земли, подчинись и ты. Я стану тебе отцом, а ты мне будешь сыном,— писал литовский князь.— Еще ты должен пообещать мне, что станешь ежегодно платить дань, а на деньгах, коль начнешь их чеканить, обязан отныне изображать мои знаки. Ежели же ты не захочешь исполнить то, что я говорю тебе, сделаю тебя рабом, а Орду твою разграблю».

Темир-Кутлук собрал в свою юрту эмиров и стал держать с ними совет, как поступить и как ответить на послание князя Витовта. Многие старые воины, присматриваясь к литовскому войску, понимали, что предстоящее сражение будет нелегким и предсказать его исход сейчас очень трудно, потому они начали склоняться к мысли принять предложение Витовта. Каждый понимал, что, согласившись на предъявленные требования, Орда тем самым должна признать свою зависимость от Литвы. Никогда еще Золотая Орда не знала подобного унижения, но эмиры смотрели в будущее — сейчас главным было окрепнуть, собраться с силами, выиграть хотя бы год или два. Нарушить данное князю обещание никогда не поздно — правители Орды всегда отличались вероломством.

Так бы, наверное, все и случилось, но, когда уже было решено объявить послам князя, что хан готов подчиниться требованиям Витовта, в лагерь прибыл Едиге во главе пятидесятитысячного войска.

— Что здесь происходит? — спросил Едиге, слезая с коня и увидев, что его встречают все эмиры во главе с Темир-Кутлуком.

Хмуро глядя на хана, он выслушал все, что рассказал ему правитель.

— И что же вы решили? — в голосе Едиге послышалась недобрая усмешка.

— Мы решили, чтобы выиграть время, принять требования князя,— виновато сказал Темир-Кутлук.

Лицо Едиге залила смертельная бледность, брови сошлись у переносицы так плотно, что, казалось, срослись.

— Лучше принять смерть, чем встать на колени, не попытавшись даже защитить себя! — Эмир словно забыл о хане и, повернувшись к военачальникам, смотрел теперь на них в упор.— Если литовский князь хочет битвы, то мы будем сражаться!

— У Витовта большое войско...— робко возразил Темир-Кутлук.— У него есть огненные стрелы, производящие гром и убивающие сразу много воинов...

Едиге словно не услышал сказанного:

— Где послы князя?

Главный визирь, стоящий рядом с ханом, склонился перед эмиром в низком поклоне:

— Они ждут ответа в гостевой юрте...

— Пусть приведут их.

Воины из личной ханской стражи привели двух высоких литовцев, одетых в длинные холщовые одежды. Послы с достоинством поклонились Едиге, сразу признав в нем того человека, от которого зависит исход переговоров.

— Вы пришли с дерзкими требованиями,— сурово сказал эмир.— Разве смеет ничтожный князь Витовт требовать от властелина великой Золотой Орды покорности? За то, что вы осмелились принести нам такие слова, вам следовало бы отрезать уши и нос. Но мы не станем делать этого, ибо посол передает поручение своего господина... Идите к своему князю и скажите, что мы не принимаем его требований. Если же он хочет услышать меня, то пусть подъедет к реке. У меня есть что сказать князю...

Не выразив ни страха, ни удивления, послы с достоинством поклонились Едиге, молча сели на подведенных воинами коней и быстро поехали к реке.

Князь Витовт не отказался от встречи. В сопровождении своих военачальников он приехал на высокий берег Ворсклы. Поблескивали в лучах солнца золоченые княжеские доспехи, белый длинногривый конь под Витовтом перебирал ногами, не хотел стоять на месте.

— Слушай меня, князь! — крикнул Едиге.— Если тебя захотелось сделать своим сыном Темир-Кутлука — хана великой Орды, а самому стать его отцом, то желание твое похвально, ибо ты старше нашего хана. Но я старше тебя, а значит, ты годишься мне в сыновья. А раз так, то не мы, а Литва должна платить нам дань. Если же ты не станешь делать этого, то обижайся на себя. Кони воинов Золотой Орды быстры, сабли наши всегда наточены. Даже если ты спрячешься за краем земли, мои воины найдут тебя и отнимут жизнь. Дочерей ваших мы сделаем рабынями, а сыновей погоним на невольничьи рынки. Подумай хорошо, прежде чем решиться вступать в битву с моим войском, и, если запросишь мира, я прощу тебе твою дерзость...

Смех Витовта был ответом на слова Едиге. На совете, который состоялся в этот же день, было решено с восходом солнца начать битву с войском Золотой Орды.

Рассвет принес неожиданность. Едва стал просматриваться противоположный берег, дозорные сообщили князю что золотоордынское войско ичезло. Там, где еще недавно были тысячи всадников, осталась только земля, разбитая в прах конскими копытами, да холодный пепел костров.

Радость и досада смешались в душе Витовта.

— Не спеши радоваться, князь,— остановил его Тохтамыш.— Не просто все это.— Бывший хан хорошо знал все хитрости и уловки, к которым умели прибегать степняки.— Пусть твои люди хорошо посмотрят вокруг. Может случиться такое, что Едиге переправил свои тумены ночью на нашу сторону и ударит вскоре в спину.

Предположение Тохтамыша походило на правду. Золотоордынцы видели, что все свои пушки, всю пехоту князь поставил на берегу реки, и было бы безумием бросать на них конные тумены.

Прискакавшие вскоре разведчики доложили, что нигде не встретили вражеских отрядов.

— Едиге испугался,— с гордостью сказал князь.— Но мой меч отыщет его даже в безбрежной степи, и я заставлю его преклонить передо мной колени.

Тохтамыш с тревогой вглядывался в даль.

— Слова Едиге не расходятся с делом...— уклончиво сказал он.— Здесь какая-то хитрость...

Витовт с презрением посмотрел на своего союзника.

— Смотри, князь!..— крикнул вдруг бывший хан.— Смотри хорошо!

На юге у самого края земли появилось крохотное облачко пыли.

— Я так и знал! Едиге перешел реку далеко от того места, где стояли твои дозоры!

Лицо Витовта отвердело, глаза сощурились. Не теряя присутствия духа, он приказал выдвинуть пешие полки и пушки на новые позиции.

Пристально вглядывался в горизонт князь. Облако пыли низким валом катилось на литовский лагерь. Вскоре стала видна тонкая черная черта, потом она распалась на маковые зерна, и уже без труда можно было рассмотреть отдельных всадников. Издалека они казались маленькими и не страшными.

— Едиге решил одним ударом смять наше войско...— с усмешкой сказал Витовт.

— Оглянись, князь...— дрогнувшим голосом сказал вдруг Тохтамыш.

Из лесной чащи на другом берегу реки, откуда литовцы уже не ждали врага, выезжали большие отряды всадника и на ходу, рассыпаясь в лаву, мчались к реке.

— Оставить половину пушек на берегу! — приказал Витовт.

— Количество воинов, которые скачут на нас, не превышает ста тысяч,— с беспокойством сказал Тохтамыш.— В войске же у него более двухсот тысяч всадников.

И, не отрывая глаз от наступающего врага, князь презрительно бросил:

— Видимо, Едиге решил уничтожить сначала одну половину своего войска, а затем уж вторую. Начинайте!

Над головой Витовта взметнулось княжеское знамя, и сейчас же, разорвав утреннюю тишину небывалым громом, ударили все тридцать пушек. Ядра врезались в мчащуюся живую лавину и словно вырвали в ней куски. С пронзительным ржанием падали лошади, вылетали из седел всадники. Задние ряды, не в силах удержать своих коней, напуганных грохотом, топтали упавших и продолжали мчаться вперед, уже не желая этого. И снова ударили пушки.

Золотоордынские тумены остановились, смешались и, повернув обратно, устремились прочь. Оказавшись на расстоянии, куда не долетали ядра, они сомкнули ряды и вновь рванулись вперед.

— Едиге безумен,— сказал кто-то из приближенных князя.— Так у него скоро не останется воинов...

На взмыленном коне подскакал к княжескому шатру всадник:

— Князь! С востока идет большое войско! Оно совсем близко!

Витовт посмотрел в ту сторону, где всходило солнце. Слепящие лучи не мешали что-либо увидеть. И вдруг солнце стало тускнеть, сделалось красным. Это поднятая мчащимися всадниками пыль заслоняла его золотой диск.

— Пусть встретят врагов немецкие рыцари и польская конница! — приказал князь.

Ощетинившись копьями, закованные в железо, мерно двинулись вперед на тяжелых конях, укрытых латами, немецкие рыцари. Поблескивая бронзовыми нагрудниками, горячили своих коней нетерпеливые поляки.

Словно вихрь налетела на них золотоордынская конница, и зазвенело железо. В огромном водовороте крутились охваченные яростью люди, разя друг друга мечами, топорами, саблями и тяжелыми соилами.

Время давно перевалило за полдень, а битве не видно было конца, и ни одна из сторон не могла сказать, что побеждает другую. По-прежнему с непонятной яростью бросались поредевшие золотоордынские тумены на пушки и на пешие полки литовцев. Вступил в битву и Тохтамыш со своими воинами. Он сражался на другом берегу реки. Ни у Едиге, ни у Витовта больше не было свежего войска, чтобы, бросив его на помощь своим полкам, переломить ход битвы.

Но не настолько прост и наивен был Едиге. Он не рассчитывал на легкую победу над литовским князем, у которого было такое грозное оружие, как пушки. Не напрасно посылал он своих воинов против железных чудищ, плюющихся огнем. Еще ночью, на подходе к литовскому лагерю, приказал Едиге Шора-батыру затаиться возле реки с пятью тысячами всадников и терпеливо ждать такого момента, когда пушки окажутся не прикрытыми с тыла.

Необъятным было поле битвы. И часто люди падали на землю не от того, что их поразила стрела или острая сабля, а от непомерной усталости. Именно в это время и появился из приречных зарослей отряд Шора-батыра.

Самые смелые джигиты на самых быстрых конях ринулись к тому месту, где стояли пушки. Едиге знал, посылая своих воинов на это дело, что они ничего не смогут поделать с железными чудищами — их нельзя было ни изрубить,

ни сжечь,— и потому отдал приказ убивать тех, кто стрелял из пушек. Короткой и быстрой была схватка, и скоро в живых не осталось ни одного пушкаря.

Исход сражения был предрешен, хотя продолжалось оно еще несколько дней. Литовское войско медленно отходило в свои пределы, бросая обозы и погибших. Большая часть воинов Тохтамыша в первую же ночь перешла на сторону более удачливого Едиге.

Словно черный смерч, прошли по киевским и литовским землям тумены Темир-Кутлука и Едиге, грабя и предавая огню селения и малые города. Золотоордынцы осадили Киев, но, понимая, что им едва ли удастся взять его, ограничились выкупом с горожан в три тысячи золотых рублей, что по тем временам было огромной суммой.

Отягощенные добычей, возвращались в родные степи воины. Над Золотой Ордой вновь засияло солнце удачи. Очень хотелось Едиге верить, что это именно так. Половину принадлежащей ему добычи он отдал воинам, и народ назвал его за это «щедрым и славным». Вторую половину Едиге вручил хану Темир-Кутлуку на содержание и укрепление войска, и за этот поступок людская молва назвала его «истинным мужем, рожденным для народа».

Теперь, после поражения князя Витовта — главного союзника Тохтамыша, бывший хан был не страшен для Едиге. Верные люди сообщили ему, что Тохтамыш ушел из литовских земель вместе со своими близкими в далекую Шангитара [1].

---

[1] Шангитара — Тюмень.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

VI

Кипчакский воин, уронив повод на шею своего коня и подняв над головой черное траурное знамя, срывающимся голосом крикнул:

— Эмир Едиге! Твоя Золотая Орда осталась без хозяина! Сегодня ночью хан Темир-Кутлук покинул этот бренный мир!

Едиге покоробили слова гонца. Он смотрел, как падали с конских боков грязные клочья пены, смотрел на бледное лицо всадника, и ему хотелось ударить его, принесшего эту черную весть. Как он смел сказать, что Орда осталась без хозяина! После победы над литовским князем Витовтом на Ворскле настоящим хозяином Орды был не Темир-Кутлук, а он, эмир Едиге. И все это знали.

Едиге сдержал себя и как можно спокойнее спросил:

— Отчего умер хан?

— Никто не знает этого. Он не проснулся. Жена хотела разбудить его, когда пришло время утреннего намаза, но Темир-Кутлук уже был мертв.

Эмир покачал головой. Он знал то, о чем не знал воин. Хан, как и его отец, Темир Мелик, любил вино. Он пил все: виноградное вино из Крыма, монгольский тарасун, вино, приготовленное из пшеницы, которое привозили ему купцы из русских земель. Хан не следовал завету Чингиз-хана употреблять вино изредка, а пил подолгу и помногу.

Безвольный хан устраивал Едиге, но пьянство Темир-Кутлука переходило всякие границы, и потому он не раз выговаривал ему за это:

— Ты однажды потерпишь поражение не от войска врага, а от вина. Ты уверен, что пьешь для удовольствия, на самом же деле твои враги спаивают тебя, чтобы лишить силы.

Слова мало действовали на хана, и вот теперь наступила расплата...

Заставляя Темир-Кутлука выполнять свою волю, Едиге тем не менее любил его и потому поехал в Орду совершить обряд, завещанный предками.

Бросив повод коня подбежавшему нукеру, Едиге неторопливо вошел в огромную ханскую юрту. Он некоторое время постоял у входа, давая глазам привыкнуть к полумраку.

В правой стороне юрты на красном ковре, укрытый до пояса зеленым шелковым покрывалом, лежал Темир-Кутлук. Лицо его было багровым.

Приглядевшись, Едиге увидел, что в юрте полно народу. Здесь была почти вся золотоордынская знать. Эмиры, беки, бии, батыры сидели каждый там, где кому полагалось, в зависимости от знатности, силы и богатства.

Увидев вошедшего, они беспокойно задвигались, зашевелились, освобождая почетное место — тор.

Окинув собравшихся быстрым, оценивающим взглядом, Едиге заметил, что меньше всего беспокойства проявил смуглолицый высокий джигит с красивыми пышными усами. Это был потомок Токай-Темира — сын Джучи. За высокий рост

его звали Большим Мухаммедом. Он еще молод, но имя его произносили с уважением. Еще Едиге знал, что он является дальним родственником Тохтамыша.

Стараясь меньше шуметь, присутствующие вставали со своих мест, чтобы приветствовать эмира. Подошел и Большой Мухаммед. Едиге почувствовал себя годовалым верблюжонком рядом со старым, могучим наром.

В тихие голоса мужчин вплелся вдруг протяжный, полный тоски и печали голос молодой женщины:

— Высохла водная гладь...
Упал остов юрты...
Льву подобного,
Солнечному лику подобного,
Потерял народ хана!..
Пришло время
Лить слезы кровавые...

Это оплакивала Темир-Кутлука его младшая жена. Совсем недавно взял он ее, чтобы обновить постель. Даже в горе женщина была красивой — черные длинные волосы ее падали на колени, в больших карих глазах дрожали слезы.

Взгляд Едиге встретился со взглядом женщины, и он вдруг ощутил непонятную, идущую от нее притягательную силу. На миг ему показалось, что у женщины даже изменился голос...

Эмир прогнал наваждение и, вспомнив, где он находится, прошел на почетное место. Мелькнула мысль, что до отъезда из Орды с этой женщиной надо было бы встретиться.

И уже более спокойно подумал Едиге, что жизнь устроена очень странно — рядом ходят и горе, и радость. Кто-то умирает, а кто-то рождается... Бывает, что в страдающей душе вдруг просыпается радость, а торжествующую душу неожиданно начинает терзать горе...

Чей-то заунывный, надтреснутый голос начал читать молитву по усопшему, и эмир сразу же забыл о молодой женщине. На смену пришли другие мысли.

Шел год дракона (1400). Прошедшая зима выдалась особенно суровой, и аулы, разбросанные по землям Золотой Орды, едва дождались теплых дней. По всей степи, омываемые дождями и обдуваемые ветрами, валялись белые кости погибшего от бескормицы скота. Но внешне Золотая Орда казалась сильной. У нее было большое, не потерявшее боеспособности войско, готовое всегда встретить врага или, если прикажет Едиге, двинуться в поход на чужие земли.

Но эмир знал, что не все так просто, как кажется.

Уже нельзя было, как прежде, задумав поход, без страха и сомнения двинуться на Русь, или Литву, или в Мавераннахр. Повсюду можно было получить не только отпор, но и потерять все. Другими стали соседние государства, и сила их росла не по дням, а по часам.

Самую большую опасность представляла Русь. С каждым годом все теснее сплачивались вокруг Москвы княжества, росло единство, когда дело касалось общих целей. По всей великой земле Русской строились новые города, возводились храмы, процветали ремесло и торговля. Русские купцы стали хозяевами на Итиле. Налаживалась торговля и с другими далекими и близкими государствами. Русь не предпринимала походов против соседних народов, но при необходимости могла дать отпор любому врагу. Для этого у нее теперь было все — и пушки, и пищали, и самострелы.

Русь незаметно стала опережать восточные государства в культуре. Золотая же Орда, находясь в пограничье между ними, привыкла не перенимать, а отнимать. Но у сильного отнять невозможно. После похода Хромого Тимура хозяйство Орды пришло в запустенье, заглохла торговля и в развалинах лежали когда-то богатые города, ханская казна истощилась. Для того чтобы как-то

поддержать видимость силы, приходилось грабить свой же собственный народ налогами и поборами. Не прекращались и междоусобные смуты.

Часто задумываясь о судьбе Золотой Орды, Едиге видел, что, несмотря на все его усилия, он ничего не может сделать, чтобы вернуть Орде прежнее величие. Словно непреодолимый порог вставал на его пути. И порой Едиге начинало казаться, что нынешнее, внешне благополучное существование Золотой Орды похоже на последнюю вспышку догорающего костра. Но эмир не хотел верить своим предчувствиям. В отчаянии, скрытом от посторонних глаз, он начинал делать все, чтобы вновь поссорить русских князей, чтобы вернуть прежние времена. Но реки не текут вспять.

Едиге знал, что тверской князь Иван Михайлович, как и прежде, не ладит с Москвой и мечтает отнять у нее власть и влияние на другие княжества. С этого, казалось бы, и следовало начинать. Но эмиру вдруг стало страшно. А что, если после того, как поможет он тверичанам в борьбе с Москвой, те, окрепнув, точно также изъявят непокорность? Да и как отнесутся к ссоре остальные русские князья, чью примут сторону?

После долгих раздумий Едиге решил начать с другого конца. Надо было во что бы ни стало рассорить главных врагов Орды — Русь и Литву. Как раз накануне смерти Темир-Кутлука Едиге отправил посланником на Москву его сына Булата и эмира Еркимберди. Те должны были узнать обстановку и найти способ поссорить давних соперников...

Едиге невидящими глазами следил за всем, что происходило в юрте, а сам не мог отделаться от тяжелых мыслей.

Не вовремя умер Темир-Кутлук. Он всегда был покорен и беспрекословно выполнял волю эмира. Теперь же предстояло думать о новом хане. Дело это было не из легких. Надо угадать среди льстецов такого, чтобы не посмел сделавшись повелителем Орды, противиться воле Едиге. Сколько случаев знал эмир, когда даже такие прозорливые люди, как Хромой Тимур, ошибались в выборе. Те, кого они возносили к власти, став ханами, делались самыми яростными врагами своего благодетеля. Взять хотя бы того же Тохтамыша.

Взгляд Едиге остановился на лице эмира Алибека. Он чингизид. Быть может, стоит осчастливить его... Но кто он и знает ли его народ? Нет, на роль хана он не подходит. Новый повелитель Золотой Орды должен сочетать в себе два качества — слушаться во всем его, Едиге, и пользоваться доброй славой в народе.

А может быть, Большой Мухаммед сможет сочетать в себе то, что нужно эмиру? И этот не годится. Он родственник Тохтамыша, и кто знает, как поведет себя, когда получит власть.

Медленно обводил пристальным взглядом Едиге собравшихся. Вот сыновья покойного Темир-Кутлука — Темир, Насыр, Жадигер... Они чингизиды, но ни один из них не имеет достоинств, нужных хану.

Вход в юрту заслонило чье-то большое тело. Едиге узнал в вошедшем родственника Темир-Кутлука — Шадибека.

Только на мгновение замешкался у входа голубоглазый джигит и сейчас же шагнул к Едиге. Первым среди собравшихся он приветствовал эмира. Приложив руку к груди, Шадибек почтительно сказал:

— Хан Золотой Орды был нашим отцом. Он был вашим товарищем, помогавшим вам поднять остов Орды, и всегда был готов отдать жизнь за вашу честь. Весь народ, населяющий земли Золотой Орды, склонялся перед Темир-Кутлуком, он же преклонял свои колени перед великим Едиге. Я знаю, что горе ваше огромно, и потому мы хотели бы облегчить его, взять часть тяжести на свои плечи. Темир-Кутлук умер, но живы мы, его родственники. Пусть же утешится ваша душа, потому что мы всегда будем с вами рядом и разделим выпавшие на вашу долю невзгоды и печали.

В юрте послышались негромкие возгласы одобрения.

«А почему бы ему не стать ханом? — подумал Едиге.— Шадибек единственный из присутствующих нашел самые нужные, западающие в душу слова».

В этот миг, усыпленный колдовством льстивой речи, эмир не знал, что в словах Шадибека был яд. Пройдет совсем немного времени, и этот человек станет самым заклятым его врагом.

Скупо поблагодарив Шадибека, Едиге сделал вид, что потерял к нему интерес. Снова вернулись тяжелые и тревожные мысли.

Не только набирающая силы Русь была опасна Золотой Орде. С тревогой обращал свой взор Едиге в сторону Хромого Тимура. Эмир после своего похода в Дешт-и-Кипчак словно забыл о существовании Орды. Занятый своими походами, он теперь не боялся удара в спину, потому что понимал — ни один хан, находясь в здравом разуме, не осмелится после разгрома Тохтамыша, посягнуть на подвластный ему Мавераннахр. Но долго ли так будет продолжаться? Не придет ли Тимуру однажды мысль вновь повернуть своего коня в сторону золотоордынских земель? Что тогда делать и как поступить? Хромой Тимур, бесспорно, сейчас сильнее. И если он все-таки сделает это, то Золотой Орде больше никогда не возродиться.

До Едиге доходили слухи, что Хромой Тимур собирается воевать с османскими тюрками. Хорошо, если случится так! Лишь бы его не образумил аллах! Только османские тюрки могут сломать ему хребет, потому что во главе их стоит сейчас смелый и умный воитель Ильдирим Баязит [1].

Конечно, может получиться так, что, победив Тимура, тюрки захотят отнять у Орды Крым, но все это вряд ли скоро будет, и не стоит об этом пока думать. Сейчас главную опасность представлял именно Хромой Тимур, под рукой которого находилось шестьсот тысяч пеших воинов и четыреста тысяч конницы.

Купцы рассказывали, что Молниеносный Баязит якобы заявил. «Мир не стоит того, чтобы им правили двое». Ясно, Тимуру не понравятся слова предводителя тюрок, потому что единственным, кто призван править миром, он считает себя. Значит, столкновение произойдет непременно. Главное, чтобы оно случилось скорее.

Молниеносный Баязит стал султаном османских тюрок в год змеи (1389), в тот год, когда Хромой Тимур совершил свой первый поход на Золотую Орду. Путь его к власти был кровав. Он убил родного брата Якупа.

Аллах не наказал его за пролитую кровь, и ему во всех делах стала сопутствовать удача. За короткий срок подчинил себе Баязит большие и малые города и народы, живущие по берегам Черного и Средиземного морей. Действия его были дерзки и стремительны, и никто не мог противостоять его знаменитой коннице. Он взял себе в жены одну из дочерей побежденного им сербского короля Лазаря — красавицу Оливер.

Год от года крепли силы Баязита. За одиннадцать лет своего правления султан не знал ни одного поражения. Полмиллиона всадников было теперь в его войске. Страстно желал Едиге, чтобы скрестили поскорее сабли Хромой Тимур и Баязит. В этом виделось ему счастливое будущее Золотой Орды. Едиге не знал, что желанное случится через два года, но оно не принесет ему того, на что он так рассчитывал,— Баязит потерпит поражение и закончит свою жизнь в железной клетке, отравленный сердобольным тюрком, а Хромой Тимур выйдет из этой борьбы не только не ослабевшим, но еще более сильным, чем прежде.

Так уж устроен мир — то, чего мы желаем более всего, обязательно ускользает от нас.

Думая о будущем, Едиге размышлял и о дне сегодняшнем, о делах близких и не терпящих отлагательства. Он хорошо понимал, что в нынешнем положе-

[1] Ильдирим Баязит — Молниеносный Баязит.

нии, чтобы сделать Орду сильной, надо вновь строить разрушенные города и привлекать купцов.

Шелковый путь больше не существовал. Города Орды в Крыму и по низовьям Итиля ничего не стоили в сравнении даже с одним Хорезмом, которым правил Хромой Тимур. Едиге казалось: овладей он богатым Хорезмом — и Золотая Орда вновь начнет крепнуть, а казна ее расти.

Но время для борьбы с Тимуром еще не пришло. Надо выждать несколько лет.

На второй день после приезда Едиге в ставку покойного Темир-Кутлука состоялись похороны хана. Его положили в белый мазар, увенчанный золотым полумесяцем. Мазар построили за два дня и две ночи рабы на высокой излучине Итиля.

Едиге велел установить рядом с мазаром каменное изваяние человека. Его привезли давно, еще во времена правления Узбек-хана, из Египта. Но поскольку Узбек был мусульманином, а религия эта запрещает изображать людей и животных, изваяние хранилось в подземелье ханского дворца. О каменном человеке со временем забыли, и вот только совсем недавно кто-то отыскал его в развалинах Сарай-Берке. Неведомый великий мастер сотворил каменного чудо-человека. Утром, на восходе солнца, каменное изваяние принимало облик юноши, в полдень, когда золотой диск поднимался высоко в небо, становилось похожим на мужа зрелого, сурового и способного совершать великие дела; вечером же, когда солнце делалось красным и готово было скрыться за краем земли, каменный человек превращался в старца — мудрого и немощного.

Кто-то из приближенных Едиге попытался робко возразить ему, но эмир нахмурился:

— А разве Темир-Кутлук умер смертью, достойной мусульманина? Пусть этот волшебный камень у его могилы напоминает всем, что здесь лежит хан, не похожий ни на одного из тех, которые жили и правили Ордой до него.

И еще одно отступление от обычая совершил Едиге. Когда тело Темир-Кутлука было уже предано земле и муллы закончили читать молитвы, эмир сказал назидательное слово: ничто не должно измениться после смерти хана, по-прежнему Золотая Орда должна оставаться сильной и могучей, эмиры — преданными тому, кто придет завтра на смену Темир-Кутлуку, а народ — послушен своим повелителям. И еще Едиге сказал:

— Если бы жизнь человека никогда не прерывалась, она бы потеряла смысл. Жизнь оценивается не прожитыми годами, а делами, которые успел совершить человек. Хан Темир-Кутлук прожил недолгую, но славную жизнь. Он ушел туда, куда не доехать даже на самом сильном и быстром коне и откуда не возвращаются люди, как бы ни тосковали о них близкие и друзья. Пусть мягкой будет для тебя земля, славный Темир-Кутлук! Прощай!

Недолго пустовал ханский трон. После семидневных поминок Едиге поднял новым ханом Золотой Орды мирзу Шадибека.

Едиге не спешил уезжать из ханской ставки. Подолгу сидел он в юрте Шадибека, беседуя о делах Золотой Орды.

Его тревожили замыслы Хромого Тимура. Как правило, Тимур говорил одно, а делал другое. Могло случиться, что он направит свои полки не на османских тюрок, а совсем в другую сторону, то есть в степи Дешт-и-Кипчак.

Однажды Едиге сказал:

— Надо отправить послов к Хромому Тимуру и выразить ему наши дружеские чувства.

Шадибек согласился.

— Хорошо придумано,— сказал он.— Мы отправим послов от твоего и моего ени. Надо сообщить Тимуру, что ханом Золотой Орды являюсь теперь я...

Едиге от последних слов Шадибека передернуло. Не слишком ли рано по-вствовал этот человек себя ханом? Как и прежде, эмир не собирался выпус-ть власть над Ордой из своих рук, но он решил пока не показывать своего довольства.

— Пусть будет так,— сказал Едиге сухо.

Так! Но чтобы Шадибек все же почувствовал, кто настоящий хозяин, надо нести ему сильный удар.

— Пусть сегодня ночью,— буднично и просто сказал эмир,— в мою постель иведут младшую жену Темир-Кутлука...

Удар был рассчитан точно. По старомонгольским законам, эта женщина при-длежала теперь Шадибеку и после сорокадневных поминок по покойному мир-Кутлуку должна была стать его женой.

Хан побледнел. Это было страшное унижение.

— О ком вы говорите? — хрипло сказал он.

Не отводя от Шадибека холодного, пронзительного взгляда, Едиге повторил:

— Младшую... Самую младшую... Красивую...

Хан опустил глаза:

— Хорошо.

Разговор больше не получался, и Шадибек, поднявшись, вышел юрты.

Едиге с усмешкой посмотрел ему вслед.

— Ох, как трудно быть ханом Золотой Орды...— сказал он вслух.

Когда воин втолкнул к нему в юрту женщину, эмир сначала не узнал ее. ицо женщины было суровым, глаза гневными, брови нахмурены.

— Постели постель,— приказал Едиге.

Женщина прямо и твердо посмотрела ему в лицо:

— Зачем? Разве ты не знаешь, что я шиитка и не могу лечь в одну постель мужчиной, если он мне не муж?

Эмир рассмеялся:

— По-твоему не будет!..

Женщина отступила на шаг.

— Не подходи! — в руке ее сверкнул широкий узбекский нож.

Едиге нахмурился. Он не привык, чтобы ему отказывали, когда он чего-то чет.

— Ты хорошенько подумай.

— Мне не о чем думать! Так велит поступать бог!

Эмир вдруг стремительно бросился к женщине, вывернул ей руку, и нож летел далеко в сторону. Он повалил ее на кошму и прямо у входа взял ее.

Шадибек не находил себе места. Едиге опозорил его своим требованием, но отказать, не подчиниться эмиру не мог. Минуло всего несколько дней, как иге сделал его ханом. Все войско, вся сила в руках Едиге: захочет — другого ставит ханом. Поэтому надо пережить этот позор, сделать вид, что ничего не оизошло.

Шадибек позвал к себе начальника стражи — молчаливого, преданного джи-га.

— С наступлением ночи,— сказал он,— отведешь младшую жену Темир-Кут-ка в юрту эмира...— И, подумав немного, добавил угрюмо: — Дождешься, ког-она выйдет оттуда, и... привяжешь ее к хвосту необъезженного коня. Я не чу, чтобы мои глаза когда-нибудь увидели вновь эту женщину...

Воин поклонился и молча исчез из юрты.

Обида, ярость не покидали Шадибека, не утихали, и оттого не было сна. Он ворочался на своем ложе, старался не думать о происходящем. Только перед рассветом услышал он, как промчался где-то за аулом испуганный конь, выбивая копытами бешеную дробь.

И сразу на душе стало легко. Больше не было свидетельницы его позора.

По усталому виду хана Едиге понял, что тот провел эту ночь без сна. Мелькнула мысль, не слишком ли он быстро и грубо решил подчинить себе Шадибека, смять его волю? Не обернется ли это затаенной злобой, не помещает ли в будущем править Ордой? Но разум подсказывал, что новоиспеченный хан не настолько глуп, чтобы из-за женщины стать врагом ему, своему покровителю.

Весть о том, что новым ханом Золотой Орды по воле Едиге стал Шадибек, вызвала у Хромого Тимура приступ ярости. Правитель Мавераннахра в это время находится в Герате, но и сюда доходили вести, что Орда вновь начинает крепнуть, собирать войско. Тимуру не нужны были пустынные степи Дешт-и-Кипчак, но и не хотел он иметь рядом с собой соседа, который всегда отличался вероломством и только выжидал удачного момента, чтобы вцепиться зубами в полу халата. Эмир решил, что настало время вновь двинуть свои полки на Золотую Орду, чтобы не дать ей возможности превратиться вновь в серьезного соперника и врага. Мысль эта с каждым днем все больше занимала Тимура.

Но в это время в Герат неожиданно прибыли золотоордынские послы. Они привезли эмиру в подарок прекрасных кречетов и ласковые слова от своего нового повелителя хана Шадибека и Едиге.

Тимуру это польстило, но ни одному слову послов он не поверил. Было ясно только одно — что Орда еще слаба, если решилась на такой поступок. Как было заведено по обычаю, эмир одарил гостей ответными щедрыми подарками.

С походом в Дешт-и-Кипчак можно было пока не спешить, тем более что Тимура все больше беспокоили османские тюрки во главе с их султаном Баязитом Молниеносным. Вот кого в первую очередь следовало убрать с дороги.

На этот раз поистине молниеносным оказался не Баязит, а Тимур. Он не дал возможности своему противнику собрать большое войско и потому легко разбил его под Анкарой, пленив самого султана. Так же стремительно, отягощенный большой добычей, эмир вернулся в Самарканд.

И здесь снова ожила давняя мечта Хромого Тимура — покорить Китай. Враг, который мог бы ударить ему в спину, был обескровлен, путь же в Китай лежал через золотоордынские степи и Семиречье. Таким образом, была возможность по пути к большой цели вновь разгромить оживающую Орду.

Ни с кем не делясь, по обыкновению, своими замыслами, Хромой Тимур перебрался в Отрар и велел постепенно подтягивать к берегам Сейхун-дарьи свое огромное и грозное войско. Вскоре долина реки в среднем течении, вплоть до города Туркестана, стала похожа на огромный военный лагерь. Беспрестанно проводились учения, тысячи арб везли продовольствие, из степи пригоняли табуны лошадей.

Здесь и нашел Хромого Тимура посол от Тохтамыша. Бывший хан, спрятавшийся от мести Едиге в окрестностях города Шангитара, прислал к эмиру своего самого верного человека — Караходжу. Эмир знал этого человека лично и потому согласился выслушать то, с чем он приехал.

Караходжа вошел в походную юрту Тимура и, опустившись на одно колено, низко склонив голову, сказал:

— Великий Тимур, я, несчастный, не решаюсь поведать о горечи моего господина и хозяина Тохтамыша. Его слова, его боль в этом послании,— и Караходжа протянул свиток в сторону эмира.

Тимур грозно нахмурил брови, и ноздри его большого орлиного носа затрепетали.

— Я посмотрю, что пишет Тохтамыш.

Опустившись уже на оба колена, держа послание на вытянутых руках, Караходжа пополз к возвышению, на котором сидел эмир.

Тимур небрежно взял свиток и протянул его стоящему рядом визирю в голубой чалме.

— Читай громко,— сказал он.— Послушаем, что пишет человек, потерявший трон, силу и власть.

Догадаться, о чем пишет Тохтамыш, было нетрудно. О чем может писать униженный, ищущий участия и защиты у своего бывшего врага человек?

Визирь глубоким, бархатным голосом, словно стихи, нараспев, стал читать послание бывшего хана. Видно было, что чтение доставляет ему удовольствие, особенно то место, где говорилось о величии, силе и мудрости Тимура.

Эмир рассмеялся:

— Зачем Тохтамыш пишет об этом мне? Разве другие уже не говорили о моем величии? Прочти, чего он хочет.

Визирь кивнул головой.

— «За все хорошее, что сделали мне вы, я отплатил дурным поступком и черной неблагодарностью. Теперь же аллах наказал меня, и я расплачиваюсь за это. Если бы вы, великий эмир Тимур, простили мне ошибки и оказали царскую свою милость, то до самых последних дней моих не было бы у вас более преданного человека, готового выполнить любой приказ, любое желание...»

Усмешка тронула губы Тимура, и он перебил визиря:

— Все это надо понимать так, что Тохтамыш просит, чтобы я вновь посадил его на трон Золотой Орды?

Караходжа еще ниже склонил голову.

— Да,— сказал он.— Самому ему этого не добиться. Младший брат, покорный вашей воле, надеется на вашу щедрость, великий эмир!

Тимур громко захохотал.

— Чему только не научит судьба! — сказал он сквозь смех.— Нукер Караходжа, оказывается, и ты уже научился говорить, как бий,— льстиво и со слезой в голосе?!

— Да, великий эмир! Когда у тебя великое горе, то слеза потечет даже из незрячего ока.

— Хорошо,— сказал эмир.— Ты придешь ко мне вечером. Нам будет о чем поговорить.

Караходжа пришел к Тимуру после вечернего намаза, и они проговорили до глубокой ночи. Эмир расспрашивал старого нукера о том, что делается в Золотой Орде и каким войском может располагать Едиге, если дело дойдет до битвы.

— Я верну трон Тохтамышу...— задумчиво сказал Тимур.— Но он сам должен помочь мне в этом.

— Как? — Караходжа выжидательно смотрел на эмира.

— Очень просто. Главная сила Дешт-и-Кипчак не столько в ее джигитах, сколько в конях. Без них воин-кочевник ничто. Если Тохтамыш хочет приблизить день своего торжества, то пусть лишит подвластные Едиге роды коней. Это можно делать по-всякому: угонять, травить источники и колодцы, наконец, просто убивать...

Хромой Тимур знал, что говорил. В свое время великий Искандер Двурогий, прежде чем отправиться войной на сакские племена, обитавшие тогда в Дешт-и-Кипчак, послал туда своих людей, и те скупили у саков двести тысяч коней. Степные лошади были превосходными. Они могли подолгу обходиться без воды,

одинаково хорошо были приспособлены к степи и горам. Именно на этих коней посадил Александр своих воинов, отправляясь против саков.

Кочевник, лишенный коня, перестает быть воином. Он становится легкой добычей каждого, кто этого пожелает. На коне легко гнаться за врагом, конь же и выручит из беды, если случится такое, что придется спасать свою жизнь.

И сейчас, разговаривая с Караходжой, Хромой Тимур понимал, что если войско Золотой Орды будет чувствовать недостаток в конях, то станет беспомощным, подобно птице, лишенной крыльев.

Тохтамыша обрадовало обещание Тимура помочь ему вновь стать ханом. Он знал, что эмир всегда держит слово. Но его огорчило и расстроило повеление Тимура уничтожить лошадей.

— Ты же знаешь, Караходжа, эмир хочет, чтобы мы сделали невозможное. У кочевника после жены конь является первым другом, и потому табуны охраняют самые смелые и отчаянные джигиты. У нас же слишком мало сил, чтобы совершить задуманное Тимуром.

— Разве трон Золотой Орды не стоит того, чтобы рискнуть?! — упрямо и с вызовом возразил нукер.— Сколько лет ты ждал, пока снова на небосклоне появится твоя звезда. Не начав дело, не сделав попытку, ты выражаешь сомнения и тем самым лишаешь себя силы.

— Хорошо,— сказал Тохтамыш.— Золотая Орда стоит того, чтобы еще раз испытать судьбу.

Тохтамыш не успел выполнить наказ Хромого Тимура. Вьюжной мартовской ночью аула бывшего хана достигла страшная для него весть — неожиданно умер Тимур. Если бы среди зимы ударили раскаты грома и засверкали ослепительные молнии, это бы меньше поразило и напугало Тохтамыша. Потухла, задутая ветром страшного известия, последняя искра надежды вновь возродиться.

Хромой Тимур умер в год курицы (1405), на восемнадцатый день месяца февраля, в городе Отраре. Смерть его была легка — он опустился на колени, чтобы совершить намаз, и вдруг упал лицом вниз, головой в сторону священной Каабы. Подбежавшие к нему визири и нукеры увидели, что их повелитель мертв.

Люди знали, каждый из живущих на земле смертен, и все равно известие о том, что не стало Хромого Тимура, потрясло всех. Человека, перед которым трепетали десятки стран, для которого жизнь другого человека была дешевле жизни овцы, больше не было.

Тимур мечтал, подобно Чингиз-хану, завоевать мир и многое успел сделать, идя к своей цели, но уже на второй день после его смерти сыновья начали борьбу за его трон. Не прошло и года, как покоренные эмиром государства перестали признавать власть Мавераннахра. Подобно лоскутному одеялу, сшитому неумелой рукой, распалось то, что Тимур создавал десятилетиями.

Начав борьбу за власть, потомки эмира тем не менее поступили так, как велел им обычай. Для Хромого Тимура была воздвигнута величественная и прекрасная усыпальница с голубыми куполами — Гур Эмир. Так потомки хотели не только почтить память эмира, но и показать народу, что деяния покойного одобряются ими и во всем служат примером.

Смерть такого человека, как Хромой Тимур, не могла оставить никого равнодушным. Сотни тысяч людей радовались, что всевышний наконец-то прибрал кровожадного и жестокого правителя, но больше всех радовался сын эмира — Шахрух, потому что теперь трон Тимура принадлежал ему. Были и такие, кого печалила кончина эмира, но самым безутешным среди них был Тохтамыш...

Смерть Хромого Тимура, одно имя которого заставляло трепетать правителей, многое изменила на Востоке и породила немало надежд. Больше некого было бояться.

Едва в степях Дешт-и-Кипчак сошел снег и появилась первая трава, Едиге во главе пятидесятитысячного отряда конницы выступил в сторону Хорезма. Пора было осуществлять давнюю мечту — вернуть некогда принадлежавший Орде цветущий и богатый оазис.

Двигался Едиге вперед поспешно, зная, что потомки Тимура, занятые борьбой за власть, не осмелятся ему помешать. По пути эмир пополнял свое войско кочевниками. В начале осени он остановил свои тумены на берегах Джейхундарьи.

Эмиром Ургенча — главного города Хорезма — в это время был Муса из рода карататар. И здесь после смерти Хромого Тимура развернулась борьба за власть. Всего месяц потребовался Едиге, чтобы сломить волю защитников Ургенча. В январе года курицы (1406) Муса бросил свое войско и бежал в Мавераннахр.

До наступления весны Едиге оставался в Хорезме, затем, посадив здесь своего даргуши — правителя, неожиданно повел тумены в сторону Шангитара, в земли, где кочевал со своими людьми Тохтамыш. Сейчас, когда удача смотрела ему в лицо, эмир решил навсегда покончить со своим давним врагом, бывшим ханом Орды.

Казалось, трудно понять, для чего это надо Едиге. Тохтамыш постарел и сам уже не мог угрожать ни эмиру, ни тем ханам, которых он возводил на трон. Но Едиге знал, что делал. Все больше его беспокоили сыновья старого хана. Давно из волчат они превратились в матерых волков, и от них могла идти опасность. Эмир решил, что пора покончить с ними и приторочить их головы к своему седлу.

Тумены Едиге и Тохтамыша сошлись у реки Тара, близ ее впадения в великий Иртыш. Погода не благоприятствовала битве — вся степь была закована в ледяной панцирь, и кони не могли скакать, но многочисленное войско эмира уже к вечеру определило исход сражения: Тохтамышу придется спасаться бегством.

Бывший хан внимательно следил за битвой. Недоброе предчувствие вдруг сжало его сердце — почему-то подумалось, что на этот раз его едва ли выручит даже самый быстрый конь. Не перст ли это судьбы, не предупреждение ли ее, что пришло время расстаться с этим бренным, беспокойным и таким неудачливым для него миром? Тохтамыш подумал вдруг, что если это так, то постарается дорого продать свою жизнь.

В течение всей битвы бывший хан видел, как охотились воины Едиге за его сыновьями Жалелэддином и Кадырберди. И сейчас сыновья были окружены плотным кольцом врагов. Что бы ни случилось, они не должны были погибнуть. Тохтамыш считал, что он виноват перед ними, потому что в свое время потерял Золотую Орду, сделав себя и их скитальцами.

Сильно забилось старое, одряхлевшее сердце, и бывший хан тронул повод своего коня. Спокойный и величественный, выехал он на поле битвы и, остановившись от сражающихся на расстоянии полета стрелы, хриплым, старым голосом крикнул:

— Эй, Едиге, если ты не трусливая баба, то выходи на поединок!

Тохтамыша услышали и увидели.

Неожиданно от группы воинов отделился Едиге. Бывший хан сразу же узнал его по блестящим в заходящем солнце доспехам.

— Ты хорошо подумал, на что решился, старый волк?! — крикнул он.

Тохтамыш не ответил. Он ждал. И тогда Едиге бросил своего коня навстречу бывшему хану. Конь мчался, распластавшись над землей, подобно птице, и Тохтамыш хорошо знал, что будет дальше. Через несколько мгновений Едиге окажется рядом и коротко взмахнет соилом. Удар эмира неотразим. Если человек

не из камня, он обязательно вылетит из седла. Бывший хан знал, что ему не устоять, потому что время его удали и время поединков давно прошло.

Оружием Тохтамыша всегда была хитрость, и теперь, быть может последний раз в жизни, он решил им воспользоваться.

Резко развернув коня, он вдруг погнал его в сторону от поля битвы. Воины с обеих сторон перестали сражаться, и теперь все смотрели, как мчались по открытому пространству два великолепных скакуна.

Конь Тохтамыша оказался быстрее, и вскоре он оторвался от преследователя на значительное расстояние. И тогда кто-то из воинов Едиге, желая помочь своему предводителю, увлек за собой несколько сот всадников и поскакал наперерез Тохтамышу.

Кольцо вокруг Жалелэддина и Кадырберди распалось. Они поняли замысел отца, поняли, что он пошел на эту жертву, только ради них. Сминая на своем пути поредевшие отряды Едиге, они вместе со своими воинами помчались в противоположную сторону, к чернеющему вдали лесу.

А погоня продолжалась. На огромное расстояние растянулись всадники — гололед мешал скакать, и многие начали отставать. Вскоре в степи остались только Тохтамыш и преследующий его Едиге. Теперь и эмиру было понятно, что это бегство старый хан устроил неспроста, но отступать уже было нельзя. Сыновья Тохтамыша наверняка успели уже скрыться, и поэтому надо было разделаться хотя бы с самим старым волком.

Расстояние между всадниками сокращалось, и вскоре Тохтамыш понял, что развязка близка. Он остановил коня, слез с седла и, подняв над головой кривую саблю, стал ждать приближения Едиге.

Эмир налетел подобно буре и, не останавливая коня, на всем скаку ударил боилом по размытой вечерними сумерками фигуре. Тохтамыш упал. В полусознании он слышал, как вернулся к нему Едиге, как, мягко ступая по обледенелой земле, подошел совсем близко и сел ему на грудь. Стало трудно дышать. Эмир долго и молча сидел на теле поверженного врага, потом вдруг выхватил из-за пояса нож и полоснул Тохтамыша по горлу.

О том, что Едиге убил Тохтамыша, утром уже знала вся степь. И когда эта весть дошла до любимой жены эмира, дочери Тохтамыша Жанике, она не заплакала. Только губы стали бледными, и она прошептала:

— Ты нарушил клятву, мирза Едиге, и за это будешь проклят... Тебе недолго осталось ходить по земле...

После смерти Тохтамыша сыновья его Жалелэддин и Керимберди ушли на Русь и попросили покровительства у московского князя. Кунчек-султан, Жапарберди и Кадырберди с остатками своего войска откочевали в сторону Сыганака, в места, где когда-то отец их стал ханом.

Вернув Золотой Орде Хорезм, убив Тохтамыша, довольный Едиге возвращался в междуречье Итиля и Яика. Он был уверен, что именно теперь наступило то время, о котором он мечтал всю жизнь,— Орда набирала силу и возвращала себе былое величие. Впереди были дальние и удачные походы, бесчисленные стада скота и несметная добыча, отнятая у покоренных народов.

Для исполнения желаний необходимо было большое и хорошо вооруженное войско, беспрекословное подчинение эмиров, биев, батыров, старейшин родов. Безжалостной рукой приводил эмир к смирению всех недовольных или несогласных с ним. С всех родов, кочующих в пределах ордынских земель, Едиге повелел взять большие подати, не считаясь с тем, что, разоренные предыдущими междоусобицами, многие из них едва сводили концы с концами. В улусах и аймаках начался ропот. Все меньше оставалось у эмира приверженцев, и все чаще стали слышны голоса, что он забрал в свои руки слишком большую власть

в Орде, что ему пора бы вернуться в свой ногайлинский улус. Особенно недовольны Едиге были те, кто вел свою родословную от великого Чингиз-хана.

Год свиньи (1407) эмир действительно провел в своем улусе. С наступлением весны он собирался заняться подготовкой похода на Русь. Зная, что у него много врагов, Едиге пристально следил за тем, что происходило в Орде, в окружении хана Шадибека. И когда тот, объединив вокруг себя чингизидов, попытался освободиться от влияния эмира, Едиге неожиданно напал на войско хана и разбил его. Шадибек вместе с семьей бежал к эмиру Дербента Шейх-Ибрагиму — своему зятю. Еще некоторое время он продолжал чеканить здесь свои деньги, считая по-прежнему себя властителем Золотой Орды, но Едиге, придя в ханскую ставку, уже посадил здесь нового, угодного ему хана. Им стал Булат — сын покойного Темир-Кутлука.

Казалось бы, мир и покой прочно установились в Орде, но в год зайца (1411) неожиданно умер Булат-хан. Ордынская знать, недовольная Едиге, самовольно объявила новым ханом среднего сына Темир-Кутлука — Тимура.

Едиге был взбешен. Снова надо было готовиться к борьбе, потому что он чувствовал, что новый хан, поднятый не им, а другими, не захочет надеть на себя ярмо беспрекословного подчинения. Бесконечная борьба составляла суть жизни Едиге, и потому он без страха и сомнений выступил с пятидесятитысячным войском против нового хана Тимура. Но на этот раз обстановка сложилась не в его пользу, и, желая избежать осложнений и выиграть время, эмир спешно повернул свое войско в сторону Хорезма, где его положение все еще оставалось прочным.

Но хан, охваченный желанием поскорее избавиться от коварного и хитрого эмира, бросился вслед за Едиге. Битва состоялась в десяти днях пути от Хорезма, и впервые Едиге, уже много лет не знавший поражений, был разбит. С остатками войска, с женами и детьми эмир укрылся за стенами главного города Хорезма — Ургенча.

Полгода держал его в осаде Тимур-хан и, быть может, сумел бы покончить с Едиге, но в это время, пользуясь его отсутствием, власть в Орде неожиданно захватил Жалелэддин.

И, как велось испокон веков в степи, те, кто еще вчера, казалось, верно служили Едиге и Тимуру, сразу же переметнулись на сторону более сильного. Теперь у эмира было два врага. Они находились в состоянии войны друг с другом, но оба страстно желали гибели Едиге.

Сын Тохтамыша — Жалелэддин, переметнувшийся в литовский стан, послал к эмирам Тимур-хана своего человека со словами: «Пока ханом Орды был Тимур, вы сражались на его стороне. Сейчас же ханом стал я, и потому вы должны служить мне. Но прежде поймайте нашего общего врага Едиге».

Три человека продолжали упорно считать себя повелителями Золотой Орды, ее земель и ее народов. Так долго продолжаться не могло. И тогда один из эмиров Тимура — Газан приказал своему нукеру убить не ожидающего измены хана, сам же переметнулся к более сильному Жалелэддину.

Усилившись за счет перешедшего на его сторону войска Тимура, новый хан приказал Каджулай-бахадуру с большим отрядом выступить против Едиге и непременно привезти его голову.

Золото развязывает языки быстрее, чем пытки. Вскоре эмир уже все знал об отряде Каджулай-бахадура. Понимая, что враг превосходит его числом, Едиге решил пойти на хитрость. Выйдя навстречу Каджулай-бахадуру, он разделил свое войско на две части. Первая должна была вступить в битву с врагом, другая же укрылась в засаде. Древний как мир прием использовал эмир. Подобно монголам во времена Чингиз-хана, воины его, начавшие битву, вскоре обрати-

лись в бегство, бросая конские попоны и переметные сумы. Каджулай поверил, что победа близка, и начал преследовать врага, забыв об осторожности. Когда же его войско потеряло боевое построение и рассыпалось по степи, вышли из засады полки Едиге. Это решило исход битвы, Каджулай-бахадур погиб.

Захватив большое количество пленных и богатую добычу, эмир вернулся в Хорезм. Голова незадачливого Каджулая была надета на острие копья и выставлена на главной площади Ургенча.

Это была победа, но она не веселила сердце Едиге, потому что он хорошо понимал — нынешняя выигранная битва ничего не решала. Мысль о том, что враги его сильны, ожесточала эмира с каждым днем все сильнее и сильнее. Он все больше проливал крови, и приказы его перестали быть разумными. Едиге повелел заковать пленников в железо и обязал жителей города охранять их. За каждого убежавшего жизнью своей обязан был отвечать не только стерегущий, но и все, кто жил с ним в одном квартале.

Желая как можно сильнее укрепиться в Хорезме, Едиге назначил эмиром его своего сына Мубарекшаха, правителем Ургенча — Бикешек-бия, судьей — Садыршейха. Измученные поборами и грабежами, пребывая в постоянном страхе за свою жизнь, люди начали роптать.

Закончился спор между сыновьями Хромого Тимура, и в Самарканд въехал его старший сын Шахрух. Он привез с собой своего старшего сына Улугбека и вручил ему власть над Мавераннахром. Когда же к Шахруху прибыли послы из Золотой Орды, зная, что Едиге находится в зените славы, он с подобающими почестями принял гостей. Одарив друг друга подарками, обе стороны остались довольны друг другом. Но сейчас, когда положение Едиге уже не было таким прочным, как раньше, Шахрух решил отобрать у него Хорезм и вернуть его под власть Мавераннахра.

Первый поход не принес успеха. Ургенч устоял. Тогда Шахрух отправил новое войско во главе с Шах-Меликом. Это был воин смелый, умный и хитрый. Он не погнал своих воинов на глинобитные стены Ургенча, а, воспользовавшись недовольством горожан, уговорил знатных людей города открыть ворота.

Хлебом, водою и Кораном встретили Шах-Мелика сейиды, ученые, купцы и простой народ.

Вместе с сыном бежал Едиге из Хорезма, мечтая о скорой мести для предавших его ургенчских жителей. Откуда было ему знать, что больше никогда жадная рука Орды не дотянется до этих благодатных земель и что следы его коня, оставленные на пыльной дороге, будут последними следами кочевника?

Становясь ханом, каждый считал: ему предначертано судьбой возродить былое могущество Орды; но проходило время, и они начинали понимать, что смогли лишь продлить агонию, отодвинуть час гибели государства, созданного Бату-ханом.

Пока Жалелэддин тешил себя надеждами, ханом захотел стать его брат Керимберди. В коротком сражении, удачно пустив стрелу с каленым наконечником, Керимберди убил брата и добился желаемого — объявил себя ханом.

Люди всегда соперничали со временем, и то, что не всегда могло разрушить время, разрушали люди. Чингизиды, эмиры, бии рвали земли Золотой Орды на части с яростью голодных волков, которым досталась баранья шкура, пахнущая свежей кровью.

Надвигалась старость. И вместо неукротимой жажды деятельности Едиге все чаще хотелось просто мстить своим врагам за то, что так бесславно заканчивалась жизнь.

После долгих раздумий Едиге вместе с женами и детьми, в сопровождении большого отряда воинов-ногайлинцев, оставив Крым, который дал убежище пос-

ле Хорезма, двинулся в Дешт-и-Кипчак. Он рассчитывал добраться до ее восточных пределов, до небольшого городка Кумкента, где когда-то впервые увидел солнце, и здесь, в тишине и покое, не ввязываясь ни в какую борьбу, прожить оставшиеся дни, отпущенные ему аллахом. Но едва Едиге достиг берегов Сейхун-дарьи, как кочевавший в окрестностях Сыгнака младший сын Тохтамыша — Кадырберди заступил ему дорогу. Битва была короткой, но жаркой и беспощадной. Весь израненный, с небольшим отрядом самых близких ему людей, эмир с трудом ушел от погони.

Начались дни скитаний. И однажды, лежа на обрывке старой кошмы и глядя на ярко мерцающие в вышине звезды. Едиге понял, что умирает. Не боль и раны были тому причиной, он просто почувствовал, что оставшаяся жизнь не имеет никакого смысла.

Хриплым, слабым голосом он позвал:

— Окас...

Чья-то тень зашевелилась во тьме, и к изголовью эмира подошел его внук, наклонился, стараясь рассмотреть лицо деда.

— Послушай меня, Окас... Хорошая собака никогда не умирает у порога своего дома... Она уходит, чтобы никто не увидел ее трупа... Завтра ты возьмешь десять самых верных воинов и увезешь меня к горам Улутау. Я хочу умереть там...

Окас ничего не ответил.

Долгой была дорога. Едиге везли на носилках, сплетенных из ивовых прутьев и выстланных кусками старой кошмы. В нищете, тайно отправлялся к месту, где он решил умереть, человек, который еще недавно повелевал огромной Золотой Ордой. Возвышал и смещал ханов.

Раны на теле Едиге гноились, и, казалось бы, смерть должна была давно забрать его, но эмир не умирал.

Не ради прихоти или каприза попросил он внука увести его к подножью Улутау. Здесь, в самой середине великой степи Дешт-и-Кипчак, рождалась более двух с половиной веков назад великая Золотая Орда. Здесь поднял свое знамя ее создатель, внук Потрясателя вселенной бесстрашный Бату-хан, здесь собирал он свое доблестное войско, с которым покорил десятки государств и множество народов.

После многих дней пути небольшой отряд достиг цели.

— Я хочу, чтобы вы подняли меня на вершину Улутау,— сказал внуку Едиге.— Это моя последняя просьба.

— Люди устали...— робко возразил Окас.

— Я хочу, я приказываю! — жестко сказал эмир.

Воины подняли носилки и молча двинулись в путь.

Упираясь в синий купол неба, скалистая и неприступная, возвышалась перед ними вершина Улутау — Великая гора. Воины знали, что им, измотанным долгой дорогой, не одолеть ее крутые склоны, и потому, не сговариваясь, повернули к другой, стоящей неподалеку горе. Народ называл ее Кшитау — Маленькая гора.

С трудом, после долгого подъема, поднялись они на ее вершину и опустили носилки на землю.

Жестом руки подозвал к себе Едиге внука:

— Отпусти воинов, пусть они возвращаются в свои аулы. С тобой пусть останутся только двое, чтобы, когда я умру, было кому предать мое тело земле...

В знак согласия Окас наклонил голову:

— Я сделаю так, как ты велишь. Разреши нам, тем, кто остается с тобой, пока еще стоит день, поохотиться на архаров... Запасы еды в наших переметных сумах закончились...

Едиге прикрыл глаза.

Воины ушли. Где-то далеко, у подножья, прозвенели под их ногами на осыпи камни, и наступила тишина.

Собрав последние силы, Едиге приподнялся на носилках и огляделся вокруг. Необъятный простор открывался с вершины. В сизом степном мареве тонула даль, но в этот миг ему показалось, что он видит все, что скрыто за окоемом. На западе катил свои волны могучий Итиль, а за ним синими жилами пересекали землю Дон и Днепр, а еще дальше был Крым с голубым ласковым морем. Мысленным взором увидел Едиге степи у подножья седого Кавказа и богатый Хорезм, весь в цветущих весенних садах. Все это когда-то принадлежало Золотой Орде, задуманной монголом Бату в центре бескрайней степи Дешт-и-Кипчак здесь, у подножья Улутау.

Эмир на миг прикрыл глаза. Тело упрямо тянуло к земле, но, прежде чем снова лечь, он в последний раз посмотрел на восток. Там лежали монгольские степи, Каракорум — родина предков, которую он так ни разу не увидел. Солнце клонилось к закату, и на востоке тяжелело, опускалось к земле небо — там уже рождалась ночь.

Едиге откинулся на носилки. Снова поплыли перед его глазами земли, реки, города, где доводилось ему бывать. Лица людей теснились перед его мысленным взором и вставали картины битв. Но все это было в прошлом и почти не волновало эмира.

Золотая Орда. Еще недавно он был ее повелителем, и не каждый человек осмеливался даже глянуть в его лицо. Почему же так несправедлива судьба?! Он, Едиге, делал все, чтобы она стояла вечно, и, казалось, вернул ей былое величие. А может быть, это действительно только казалось? После того как князь московский Дмитрий разбил на Куликовом поле Мамая, произошло непонятное — Золотая Орда стала спотыкаться и падать, словно конь, которому подрезали жилы. Ни один хан после этого не смог долго усидеть в седле и ни один не умер своей смертью. Будто проклятие за всю пролитую ранее ее воинами кровь тяготело над Ордой. Она еще побеждала, она еще была опасной, а порой и страшной для других народов, но ей уже сопротивлялись, ей не желали покоряться. А потом Тимур! Великий и страшный воитель! Он словно перст судьбы довершил то, что началось на Куликовом поле.

Золотая Орда увиделась вдруг Едиге старым, огромным воином, стоящим на коленях и не имеющим сил подняться. Обнищавший, уставший от междоусобиц народ, разрушенные города, заросшие полынью караванные тропы когда-то Великого Шелкового пути... Вот все, что осталось от прежнего блеска и славы... Разве можно с этим подняться, разве найдется такой человек, которому это под силу? Орда была сильна, пока могла брать, а когда ей это стало недоступно, кончилось и могущество. Другие народы научились защищаться. В развалинах лежат ордынские города, и ремесленники покинули их, став вновь кочевниками и забыв то, что умели.

Едиге, рожденный в степи и выросший в седле, не мог понять и смириться с тем, что имя Золотой Орды больше ни у кого не вызывает трепета и никому не внушает страха. Не знал он в этот миг и того, что был последним правителем, при котором на короткий миг, подобно степному миражу, возродилось и сейчас же истаяло былое величие Орды.

Эмир смотрел в вечернее, наливающееся синевой небо, на белые облака, обрызганные розовым светом закатного солнца, и чувствовал, как уходят, покидают его последние силы. Еще он подумал — с безразличием человека, который устал от жизни,— что лучше бы умереть, как подобает воину, в битве, а не вдали от людей. Но сейчас же эта мысль забылась.

Едиге вдруг послышался тихий шорох. Он с трудом повернул голову, думая, что это возвращается внук Окас, но вместо этого увидел торчащие из-за большого камня острия копий, потом появилось плоское желтое лицо со злыми глазами. Эмир узнал в человеке одного из сыновей Тохтамыша — Жагала, рожденного девушкой, приведенной в свое время из Ирана.

Едиге понял, что в образе Жагала пришла за ним смерть, и не испугался близкого конца.

— Выходит, вы следили за мной? — тихо спросил он.

— Да.

— Ты должен меня убить?

Сын Тохтамыша засмеялся:

— Тот, кто стоит на пути Золотой Орды, должен умереть. Разве не так же поступал ты?

Глаза эмира расширились.

— Да, я поступал именно так, потому что думал так же, как ты...

Жагал сказал хрипло и отрывисто:

— Тебе не придется увидеть, как знамя Орды вновь поднимется над миром и народы десятков государств упадут перед ним на колени!

— Этого не будет...— печально возразил Едиге.

— Почему?

— Потому что уже давно нет Золотой Орды...— голос эмира слабел.— Есть улусы, татары и правители чингизиды, которые правят ими...

— Он слишком много говорит! — крикнул Жагал и посмотрел на пришедших с ним воинов.— Делайте свое дело!

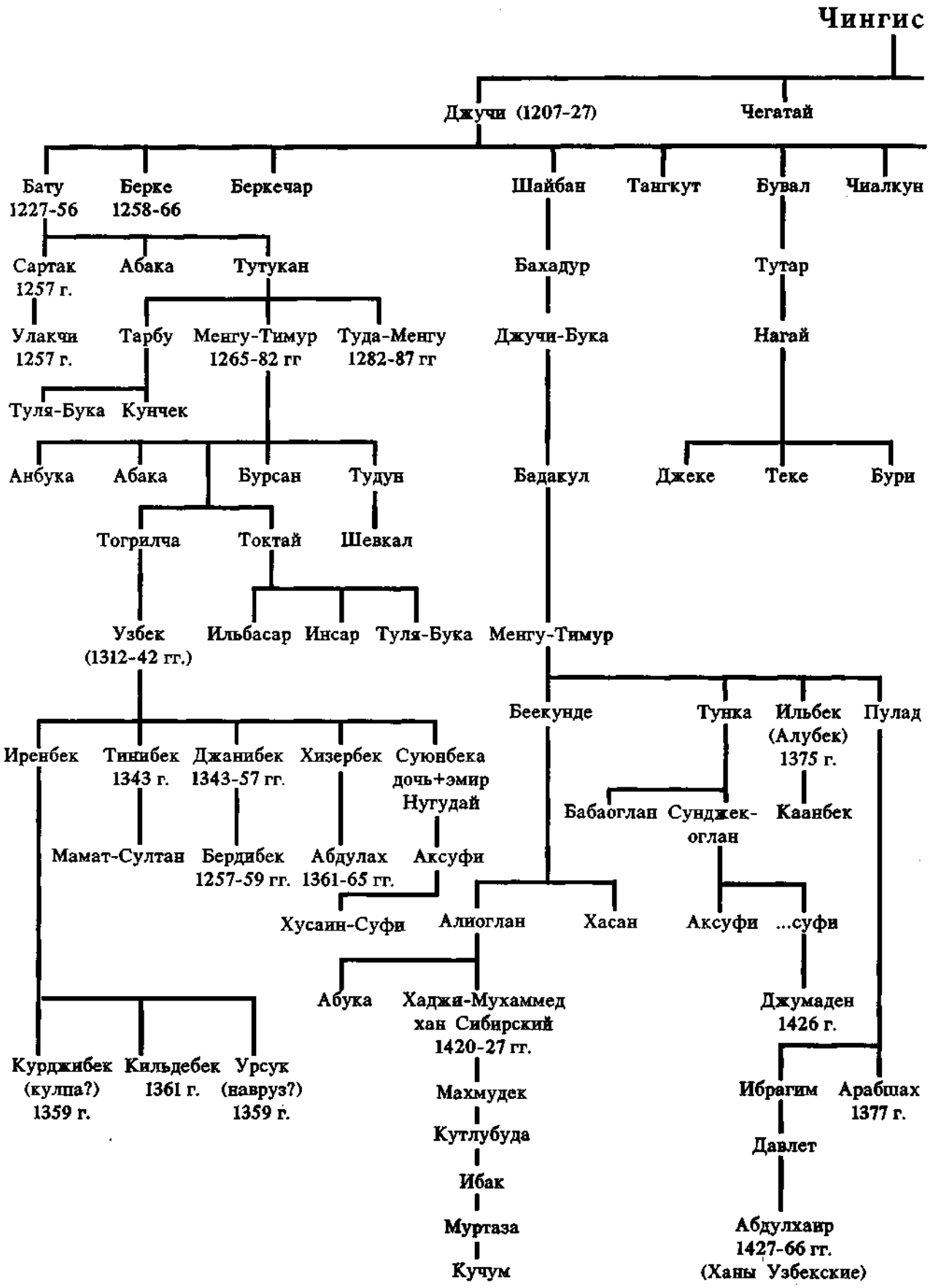
И сразу же несколько копий воткнулись в Едиге. Дружно, легко подняли воины в воздух мертвое тело последнего правителя Золотой Орды и бросили его с вершины горы.

— Быть может, его надо предать земле?..— неуверенно предложил кто-то из воинов.

— Зачем? — презрительно посмотрел Жагал на распростертого среди камней эмира.— Пусть станет он добычей хищных зверей и птиц... Мы сделали свое дело, и нам пора уходить...

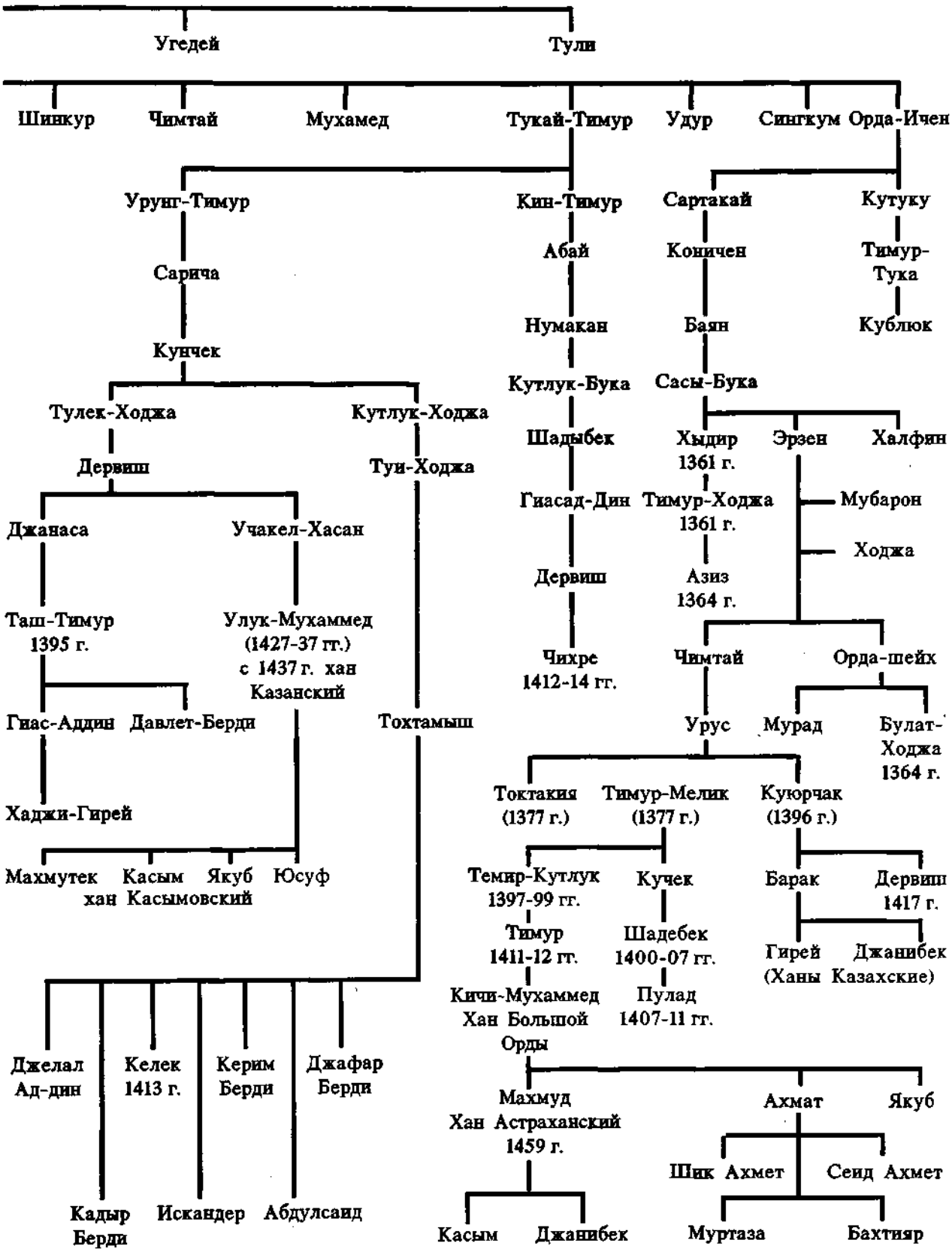
Воины начали поспешно спускаться с горы. У края земли, похожее на большое сердце, висело красное солнце. Оставались мгновения до той поры, когда оно потухнет и на безбрежные земли Золотой Орды опустится ночь.

РОДОСЛОВИЕ ХАНОВ



ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

-хан



ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Книга первая ШЕСТИГЛАВЫЙ АЙДАХАР 7
Глава I 8
Глава II 34
Глава III 53
Глава IV 82
Глава V 131
Глава VI 153
Книга вторая ШЕСТЬ ГОЛОВ АЙДАХАРА 171
Глава I 172
Глава II 196
Глава III 221
Глава IV 243
Глава V 261
Глава VI 280
ГлаваVII 296
Книга третья ГИБЕЛЬ АЙДАХАРА 315
Глава I 316
Глава II 342
Глава III 363
Глава IV 383
Глава V 406
Глава VI 428

Перевод с казахского *В. Мироглов*

Сдано в набор 5.01.99 г. Подписано в печать 26.03.99 г. Формат 60 x $84^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «INTER TIMES» Оъем 56 п. л.
Тираж 10000. Заказ 106.

Министерство культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан.
Республиканское Государственное казенное предприятие
«Типография оперативной печати»,
480016, г. Алматы, ул. Д. Кунаева, 15/1.

145-00

